СКАЗКИ АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Сказки американских писателей

Вашингтон Ирвинг, Натаниел Готорн, Эдгар Аллан По, Фрэнсис Брет Гарт, Марк Твен, Лаймен Фрэнк Баум, Джон Эрнст Стейнбек, Джон Коллиер, Джеймс Гровер Тэрбер, Элвин Брукс Уайт, Джон Чивер, Генри Каттнер, Хелен Юстис, Рэй Брэдбери, Урсула К. Ле Гуин, Джон Эдмунд Гарднер, Ричард Бах

Аннотация
СКАЗКИ АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ВОЛШЕБНЫЕ ФАНТАЗИИ СЕРЬЕЗНЫХ ЛЮДЕЙ
ВАШИНГТОН ИРВИНГ
  РИП ВАН ВИНКЛЬ
  ЛЕГЕНДА ОБ АРАБСКОМ АСТРОЛОГЕ
  ЛЕГЕНДА О ЗАВЕЩАНИИ МАВРА
НАТАНИЕЛ ГОТОРН
  МОЛОДОЙ БРАУН
  СНЕГУРОЧКА
  ХОХОЛОК
  ПИГМЕИ

ЭДГАР АЛЛАН ПО
ЧЕРТ НА КОЛОКОЛЬНЕ
МАСКА КРАСНОЙ СМЕРТИ
ФРЕНСИС БРЕТ ГАРТ
ЧЕРТ И МАКЛЕР
МАРК ТВЕН
ЛЕГЕНДА О ЗАГЕНФЕЛЬДЕ В ГЕРМАНИИ
ЛАЙМЕН ФРЭНК БАУМ
УДИВИТЕЛЬНЫЙ ВОЛШЕБНИК ИЗ СТРАНЫ ОЗ
I. Ураган
II. Встреча с мусоликами
III. Как Дороти спасла Страшилу
IV. Дорога через лес
V. Как спасли Железного Дровосека
VI. Трусливый Лев
VII. Дорога к Великому Озу
VIII. Предательское маковое поле
IX. Королева полевых мышей
X. Привратник
XI. Чудесный Изумрудный город Оза
XII. В поисках Злой Ведьмы
XIII. Спасение
XIV. Летучие мартышки
XV. Разоблачение Оза, Великого и Ужасного
XVI. Волшебство Великого Обманщика
XVII. Как был запущен воздушный шар

XVIII. Вперед, на Юг!
XIX. Нападение драчливых деревьев
XX. Прелестная Фарфоровая страна
XXI. Лев становится Царем зверей
XXII. Страна кубариков
XXIII. Глинда выполняет желание Дороти
XXIV. Снова дома
ДЖОН СТЕЙНБЕК
СВЯТАЯ КЭТИ НЕПОРОЧНАЯ
ДЖОН КОЛЬЕР
ФОКУС С ВЕРЕВКОЙ
ПАДШИЙ АНГЕЛ
НИКАКОГО БИЛЗИ НЕТ!
НЕ ЛЕЗЬ В БУТЫЛКУ!
ДЖЕЙМС ТЭРБЕР
БЕЛАЯ ЛАНЬ
Волшебный лес
Забывчивая принцесса
Опасное задание принца Тага
Опасное задание принца Галло
Опасное задание принца Йорма
Секрет чар
Эпилог
ЭЛВИН УАЙТ
ВРЕМЯ ПЕРЕДЫШКИ
ДЖОН ЧИВЕР

ПЛОВЕЦ
ГЕНРИ КАТТНЕР
ЖИЛИЩНАЯ ПРОБЛЕМА
ХЕЛЕН ЮСТИС
МИСТЕР СМЕРТНЫЙ ЧАС И РЫЖАЯ МОД
ЭППЛГЕЙТ
РЕЙ БРЭДБЕРИ
АПРЕЛЬСКОЕ КОЛДОВСТВО
УРСУЛА ЛЕ ГУИН
ПРАВИЛА ИМЁН
СУНДУЧОК ТЕМНОТЫ
РАССКАЗ ЖЕНЫ
ДЖОН ГАРДНЕР
КОРОЛЕВА ЛУИЗА
КОРОЛЬ ГРЕГОР И ШУТ
МЮРИЭЛ
РИЧАРД БАХ
ДЖОНАТАН ЛИВИНГСТОН ЧАЙКА
Часть первая
Часть вторая
Часть третья

Аннотация

Сборник продолжает серию литературных сказок писателей разных стран. В сборник сказок американских писателей включены произведения, ранее переводившиеся на русский язык, а также новые переводы. Среди авторов — В. Ирвинг, Н. Готорн, Марк Твен, Д. Стейнбек, Л. Баум, Р. Брэдбери и др.

СКАЗКИ АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ВОЛШЕБНЫЕ ФАНТАЗИИ СЕРЬЕЗНЫХ ЛЮДЕЙ

Размышления о сказках американских писателей

1

Литературная сказка, как правило, имеет источником народное творчество. Этот факт установлен и научно доказан. Впрочем, нужны ли доказательства? Творческая история многих выдающихся сочинений отчетливо свидетельствует о наличии генетических связей сказки и фольклора. Временами означенная связь возникает как следствие «жизненного обстоятельства» и носит, так сказать, «домашний» характер. Всякому школьнику, например, известно, что у Пушкина была няня Арина Родионовна, которая пересказывала ему русские народные сказки (про царя Салтана, про попа и Балду и т. п.). В результате этих домашних обстоятельств на свет явились превосходные литературные сказки, не теряющие читательского интереса вот уже полтора столетия. Оговорим, однако, что нали-

чие «нянюшек», «бабушек» и других носителей фольклорной традиции есть элемент биографической стихии, над которой писатель не властен.

В других случаях писатели осознанно занимались собиранием народных сказочных сюжетов и образов, имея в виду придать им литературную форму или как-либо иначе использовать в собственном — творчестве. Так поступали Шарль Перро, братья Гримм, Ханс Андерсен и многие другие, менее прославленные сказочники. Здесь уместно заметить, что литературная сказка далеко не всегда соотносится с фольклорным источником напрямую. Бывает, что литературная судьба народной сказки сама по себе приобретает почти, сказочные очертания, и плавание её в океане мировой словесности оказывается исполнено почти фантастических приключений. Но это особый предмет, которого нам ещё придется коснуться впоследствии. Пока же согласимся с утверждением специалистов, что возникновение и развитие сказочных жанров во всякой литературе предполагает наличие национальной фольклорной традиции, тем более что даже самый общий взгляд на опыт великих «сказочных» держав убеждает нас в состоятельности этого утверждения.

Согласившись принять мысль о генетической связи литературной сказки и фольклора, мы непременно должны указать, что связь эта не может рассматриваться как абсолютно универсальная и прямолинейная. В данном случае оговорка эта, как увидит читатель, имеет принципиальное значение, поскольку речь у нас пойдет о сказках американских писателей, появлявшихся в условиях почти полного отсутствия американского национального фольклора и слабой развитости фольклора регионального. Ситуация несколько необычная, но вполне объяснимая, ибо возникает она как прямое следствие особенностей формирования американской нации и национальной культуры.

Американская культура не есть культура коренного населения страны. Духовная жизнь индейских племен, их обычай, обряды, народно-поэтическое творчество, прикладное искусство составляют до смешного малую часть культурной истории Соединенных Штатов. Время от времени жизнь индейцев Северной Америки привлекала к себе внимание этнографов, историков, писателей, пытавшихся осуществить, в доступных им пределах, научное или художественное исследование «индейского фактора» в жизни страны.

Были даже достигнуты определенные успехи — можно вспомнить труды Скулкрафта, «Песнь о Гайавате» Лонгфелло, куперовские романы о Кожаном Чулке и другие научные и литературные сочинения. Но отношение американцев к истории и культуре индейских племен всегда характеризовалось отчужденностью: то была чужая, недоступная пониманию культура. Так оно повелось изначально, так (или почти так) остается по сей день. Судьба индейцев вызывает сегодня сочувствие и, может быть, сожаление у большинства американцев, но все равно это — чужая судьба. От языка и культуры индейских племен в национальной жизни Америки осталось немногое: географические названия, наименования животных и растений и некоторые элементы прикладного искусства. В языке американцев сохраняется незначительное количество индейских слов, приобретших, по большей части, новый смысл. И это всё. Следовательно, нас не должно удивлять, что фольклор коренного населения Америки не стал питательной средой для национальной американской литературы.

Обсуждая национальные проблемы в их исторической ретроспекции и современном состоянии, американские ученые охотно опери-

руют метафорическим понятием «плавильного котла». В основе этого образного уподобления лежит мысль, в соответствии с которой национальный характер, национальное сознание, психология и социальное поведение американцев являют собой некий сплав, возникающий при взаимодействии разнонациональных групп, населяющих страну.

Согласимся, что история Северо-Американских Штатов дает достаточно оснований для такого уподобления. Процесс активного заселения территории США выходцами из Европы, вынужденными по разным обстоятельствам покинуть родину, начался в XVII деке. Вслед за англичанами через Атлантику двинулись голландцы, французы, немцы, испанцы, итальянцы, греки, шотландцы, скандинавы, прибалты, поляки, русские, евреи… Мощный поток иммиграции не оскудел и поныне, и «плавильный котел» продолжает бурлить с прежней энергией.

Первые переселенцы и ближайшие их потомки не считали себя «американцами», то есть отдельной нацией, но сохраняли самоощущение, язык, культуру, обычаи жителей той страны, откуда прибыли. Этот разнонациональный колорит сохранялся во многих американских

колониях довольно долго, да и сейчас ещё не вполне исчез. «Плавильный котел» разогревался неспешно, к тому же оказалось, что не все поддается переплавке. Прежде всего это относится к культурному наследию и духовным традициям, которые обнаружили удивительную «жаростойкость». Примечательно, что во второй половине нашего столетия традиционное стремление иммигрантов к полной культурной ассимиляции сменилось противоположным стремлением к сохранению (а в некоторых случаях к возрождению) изначальных духовных ценностей, или, как принято их нынче обозначать, «корней».

В свете сказанного нас не должно удивлять, что сказки американских писателей, особенно в раннюю пору становления национальной литературы, изобилуют сюжетами, позаимствованными из европейского фольклора. При этом заимствование шло далеко не всегда напрямую, но часто из вторых и третьих рук. Тем не менее, мы не ошибемся, если скажем, что именно европейский фольклор долгое время был основным источником сюжетов для американской литературной сказки, хотя и не единственным. Другие источники могут быть обнаружены среди античных мифов, арабского фольклора, устного

творчества американских пионеров и моряков, мифологических сюжетов Библии и Корана, «невероятных россказней» (tall tales) лесорубов и ковбоев Среднего Запада, золотоискателей Калифорнии и Аляски. Еще одним поставщиком сюжетов явилась сама реальность американской национальной жизни, которая развивались столь стремительно, что тут же обрастала легендами и преданиями вполне сказочного характера.

Иными словами, сюжетные истоки сказок, сочиненных американскими писателями за сравнительно недолгую историю национальной литературы США, были многочисленны, разнообразны и лишь в малой степени принадлежали к народному творчеству самих американцев. В этом, пожалуй, одно из главных отличий американской литературной сказки.

2

В литературной истории Соединенных Штатов почти нет «сказочников» — то есть писателей, чье творчество развивалось бы исключительно в жанровых рамках сказки. Литераторы, подобные Лаймену Бауму, являют собой редчайшее исключение. Сочинением сказок занимались поэты, рассказчики, романисты, новеллисты,

юмористы, журналисты, филологи и даже люди, не имевшие к литературе никакого отношения, как, например, Ричард Бах — авиатор и философ-любитель. В творческом наследии многих американских писателей сказки составляют сравнительно небольшую часть и не исполняют какой-либо специальной функции. В них, как правило, ставятся и решаются все те же социальнофилософские, нравственные и художественные проблемы, какие мы найдем в других сочинениях, относящихся к иным жанрам, и нет ничего удивительного в том, что американские авторы, сочинявшие сказки, не заботились об их жанровой чистоте.

Во многих случаях трудно и даже невозможно провести четкую грань между сказкой, с одной стороны, и новеллой, притчей, фельетоном, научно-фантастическим рассказом или философской повестью — с другой. В рамках истории американской литературы можно написать ряд частных «жанровых» историй — историю романа, историю новеллы, историю драмы и т. п., но написать историю американской сказки — предприятие безнадежное. Отсюда следует, что охарактеризовать сказки американских писателей — а именно в этом и состоит теперь наша задача — возможно

лишь в контексте творческого наследия каждого из них и, соответственно, в общих рамках историко-литературного процесса.

Первыми американскими писателями, сочинявшими сказки, явились великие романтики Вашингтон Ирвинг, Натаниел Готорн и Эдгар Аллан По. Они были удивительно непохожи друг на друга, хотя, как выяснилось впоследствии, делали одно общее дело — разрабатывали (на практике и в теории) систему кратких повествовательных жанров, занявших затем видное место в американской словесности.

Старший среди них — Ирвинг — был человеком, в сознании и творчестве которого нерасторжимо соединились век Просвещения и эпоха Романтизма. Он был путешественником и дипломатом, журналистом и художником, историком и биографом, очеркистом, эссеистом, новеллистом и, как отмечали современники, светским человеком неотразимого обаяния. Подобно большинству романтиков, Ирвинг питал интерес к истории вообще и к истории родного края в частности. В рамках общего интереса к истории возникли его штудии о завоевании арабами Пиренейского полуострова, жизнеописания Христофора Колумба, Магомета, Вашингтона,

Гольдсмита. Интерес к истории «малой родины» реализовался преимущественно в романтических сочинениях, где описывались нравы, обычаи, образ жизни, поверья и легенды, относящиеся к тем отдаленным временам, когда Манхэттен и долина Гудзона были владениями Голландии, а Нью-Йорк именовался Новым Амстердамом. Возникновение этого интереса относится ещё к раннему (просветительскому) периоду в творчестве Ирвинга, когда он сочинил свою бурлескно-сатирическую «Историю Нью-Йорка от сотворения мира до конца голландской династии».

«Рип ван Винкль» — одно из самых характерных и, бесспорно, самое знаменитое сочинение Ирвинга. Оно обставлено почти всеми аксессуарами, обязательными для романтического повествования: тут и ссылка на принадлежность рукописи мифическому историку Дидриху Никербокеру, в бумагах которого она якобы хранилась много лет, и описание невероятных событий, и эпиграф из позабытого ныне английского драматурга и поэта XVII века, приведенный без особой нужды, просто потому, что такова была традиция, установившаяся в европейской романтической литературе. Да и самый сюжет

«Рипа ван Винкля» не обладает особой оригинальностью. Легенды о человеке, проспавшем несколько лет, бытуют в фольклоре многих европейских народов. Существует предположение, что Ирвинг использовал немецкий вариант, по другой версии — шотландский.

Не приходится сомневаться, однако, что популярность «Рипа ван Винкля» у современников и потомков объясняется вовсе не формальными тривиальностями романтической прозы, но художественными открытиями, которые содержатся в этом сочинении. С «Рипа ван Винкля» начинается эстетическое освоение Америки, её природы, истории, истоков национального самосознания. Не всей Америки, разумеется, а лишь той её части, которую Ирвинг знал, любил и чувствовал, как говорится, всеми фибрами души.

Создавая поэтические описания Каатскильских гор, Ирвинг, в сущности, делал то же, что и хорошо знакомые ему живописцы, принадлежавшие к «Школе Гудзоновой Долины», — творил национальный американский пейзаж, утверждал его как эстетическую ценность, не уступающую традиционным ценностям европейского искусства. Смешно сказать, но в ирвинговские времена американские художники писали Неаполитанский

залив и развалины Колизея, а поэты воспевали закаты (или восходы) в Альпах и живописные развалины старинных замков Шотландии, Англии, Франции, Германии, искренне полагая, что в Америке нет ничего, достойного кисти и пера.

Известно, что Ирвинг обладал живописным талантом и, следовательно, способностью тонко чувствовать соразмерность очертаний, цветовую гамму, оттенки освещения, и способность эта проявилась в полной мере в замечательных пейзажах «Рипа ван Винкля». Но в них есть и нечто большее — пространственная и временная динамика, изменчивость и проистекающая отсюда эмоциональная насыщенность. Ирвинга принято называть отцом американского литературного пейзажа, и «Рип ван Винкль» прекрасное тому подтверждение.

Нетрудно заметить, что в сочинении Ирвинга присутствует множество подробностей, касающихся образа жизни, нравов, обычаев, бытовой атмосферы, характеризующих жизнь маленького голландского поселения второй половины XVIII века и несколько необычных для «сказочного» стиля. В соединении со сказочным сюжетом они позволили писателю показать движение истории не только как чередование политических

событий, но и как изменение народной жизни. В ирвинговской сказке два «акта». Меж ними интервал в двадцать лет, включающих Революцию и Войну за независимость. Он остается за пределами повествования. Герой проспал великие события, но зато он мог контрастно сопоставить жизнь родной деревни «до» и «после» них. Именно это и требовалось Ирвингу, ибо для него понятие народной жизни, как и для других романтиков, было центральным звеном в понимании исторического прогресса. Оценка великих событий зависела от их воздействия на жизнь народа.

Прибавим также, что сказочный сюжет давал Ирвингу широкие возможности романтической поэтизации прошлого, окрашенной не только в идиллические, но и в слегка иронические тона, из чего мы с полным основанием заключаем, что сожаление о минувших временах вовсе не означает в данном случае, будто автор предпочитает прошлое настоящему.

(Тут были иные мотивы, обсуждение которых для нас теперь несущественно.)

Две другие сказки Ирвинга, включенные в этот сборник («Легенда об арабском астрологе» и «Легенда о завещании мавра»), тоже опираются на

фольклорные источники, на сей раз испанские, точнее — арабские. Ирвинг, как столетие спустя Хемингуэй, был влюблен в Испанию, в её природу, людей, культуру, историю. Он прожил в Испании много лет, блестяще владел испанским языком и был, вероятно, лучшим дипломатом, какого США когда-либо имели на Пиренейском полуострове. Аромат испанской истории (в особенности эпоха арабского владычества и последующей Реконкисты) неотразимо привлекал к себе писателя. Перу Ирвинга принадлежит несколько чисто историографических трудов, полу художественных исследований и чисто художественных произведений, посвященных прошлому Испании. Американский дипломат питал страстный интерес к старинным арабским легендам, преданиям, сказкам, которые он находил в испанских источниках. Он собирал их, обрабатывал, перелагал, а иногда просто использовал сюжеты для собственных творений. Так возник со временем знаменитый сборник «Альгамбра», откуда и позаимствованы вышеназванные сказки. «Легенда об арабском астрологе» имеет для русского читателя ещё и дополнительный интерес, поскольку, как установила А. А. Ахматова, именно это сочинение Ирвинга послужило источником пушкинской

«Сказки о Золотом петушке».

Арабские сюжеты, равно как и сюжеты, позаимствованные Ирвингом из литературы и фольклора европейских народов, нисколько не мешают нам видеть в произведениях писателя образцы именно американской словесности. Их национальная окраска выявляется не в самом сюжете, а в его трактовке, в той особой интонации, которую можно назвать «константой Ирвинга». В основе её лежит трезвый, практический взгляд на вещи, события, людей, нравы и обычаи чужих краев, присущий американскому янки и неизбежно придающий самым экзотическим сюжетам юмористическую окраску. Есть, однако, в этой ирвинговской «константе» одна малозаметная, но чрезвычайно важная подробность: насмешливый взгляд прагматика янки не совпадает с позицией автора, и даже более того — становится объектом иронического к себе отношения. Ирвинг заложил традицию, которая впоследствии была развита в более резких

формах Марком Твеном [1]. Натаниел Готорн как человек, мыслитель и художник нисколько не походил на Ирвинга. Он ни в малейшей степени не ощущал себя гражданином мира, и страсть к путешествиям была чужда ему. Готорн родился в штате Массачусетс и прожил тут всю жизнь, исключая относительно короткий промежуток времени, проведенный им на склоне лет в Англии и Италии.

Вероятно, и этого знакомства с Европой не случилось бы, не получи он назначение на должность американского консула в Ливерпуле. У Готорна не было ирвинговской легкости, изящества, юмора, но зато была недоступная Ирвингу глубина, философичность, смелость в постановке нравственных проблем.

---

[1] Примечания: 1

Читатель, возможно, заметит, что сказки Ирвинга представлены в переводах полувековой давности. Они выполнены А. С. Бобовичем, чье имя почти неизвестно в среде профессиональных переводчиков. Память о нем хранят лишь те, кому пришлось быть его учениками. Он был разносторонне образованным человеком, филологом широкого профиля, выдающимся знатоком античной культуры. Он не стремился к степеням и званиям, оставаясь многие годы скромным преподавателем латыни в Ленинградском университете. В жизни его были какие-то трагические обстоятельства, о которых он никогда и никому не рассказывал. Казалось, он смертельно боялся утратить возможность заниматься филологическими штудиями, учить студентов, проводить ночи над древними текстами и потому старался вести жизнь незаметную, не привлекать к себе стороннего внимания. А. С. Бобович как переводчик обладал выдающимся стилистическим чутьем. Переводя Ирвинга, он сумел уловить и передать просветительскую ясность,

фламандскую неспешность и романтическую ироничность текста — комбинация, с которой нелегко справиться самому искушенному переводчику.

Ирвинг был сыном торгового, светского, космополитичного Нью-Йорка, Готорн — порождением Новой Англии, заселенной потомками фанатиков-пуритан, бежавших в Америку от религиозных притеснений на «старой родине», как они именовали Англию. Были они людьми серьезными, глубоко верующими, придавленными кальвинистской доктриной предопределения, мучительно пытавшимися угадать свою судьбу. Они трепетали Господа и сражались с Дьяволом, следы злокозненной деятельности которого постоянно находили в окружающей жизни и даже в самих себе. Готорн был уроженцем Сэйлема — новоанглийского городка, стяжавшего себе дурную славу тем, что в конце XVII века пуритане устроили здесь знаменитую «охоту на ведьм» — судебные процессы по обвинению в колдовстве, трагически завершившиеся многочисленными смертными приговорами. Кстати говоря, один из предков Готорна был судьей на этом процессе.

Вместе с тем жители Новой Англии были людьми деятельными, активными, предприимчивыми. У них была деловая хватка, позволявшая им энергично развивать торговлю, сельское хозяйство, промышленность. Богобоязненность, набожность, религиозная совестливость уди-

вительно совмещались у них с практицизмом, размахом предпринимательства и способностью к тайным нравственным компромиссам. Для полноты картины прибавим, что именно в Новой Англии впервые обнаружился бунтарский дух, стремление к независимости, протест против несправедливости колониального режима, приведшие со временем к великой освободительной битве. В том, что первые сражения Войны за независимость произошли в окрестностях Бостона, имеется определенная историческая логика.

К тому времени, когда Готорн начал приобретать некоторую известность как писатель, Новая Англия сделалась лидером промышленного развития страны, а Бостон — одним из крупнейших центров духовной жизни США, средоточием научной, философской, общественной и литературной деятельности.

Сказки Готорна, так же как и другие его сочинения, являются художественным воплощением идей, рожденных духом Новой Англии, её истории и современным состоянием её интеллектуальной жизни. При этом следует оговорить, что Готорн вовсе не был простым рупором этих идей. Многие из них вызывали у него протест, иные он начисто отметал с порога, третьи развивал так,

что они приобретали совершенно неузнаваемый вид. У Готорна было своё понятие о законах морали, своя концепция нравственной природы человека, которые легко обнаруживаются во всех его сочинениях.

Готорновские сказки, при всем их разнообразии, довольно отчетливо распадаются на три группы. Первую образуют произведения религиозно-философского уклона, такие, как «Молодой Браун». Читатель без труда заметит, что невероятные события, изображенные автором, опираются здесь на пуританские суеверия, протестантскую апокрифику, общехристианскую мифологию и доморощенную теологию, взятые, так сказать, в исторических обстоятельствах жизни Сэйлема конца XVII века. Внешние, бытовые приметы жизни Новой Англии занимают здесь незначительное место. Фантастический сюжет — ночная поездка героя через таинственный лес, встречи с ведьмами, дьяволом, грешниками, огненный шабаш на горе — может рассматриваться как символическое, а в некоторых моментах даже аллегорическое изображение духовной жизни Новой Англии, противоречий пуританского сознания, смятенности религиозной души.

«Молодой Браун» — сказка с моралью, как,

впрочем, и все сказки Готорна. Но мораль здесь непростая. Она имеет не только нравственный, но и философский смысл.

Писатель предлагает нам нетрадиционную картину миропорядка, где Зло есть неотъемлемая часть человеческой души, тщательно скрываемая людьми. Он, правда, оставляет читателю некоторую возможность сомнения (вдруг вся история, приключившаяся с Брауном, всего лишь сон), но возможность эта — не более чем эфемерная надежда на фоне живописной реальности повествования.

Другую группу составляют так называемые «мифологические» сказки, возникшие как результат острой заинтересованности Готорна в проблемах народного образования. Сама эта заинтересованность не была чем-то необычным. Образование и воспитание как средства формирования американского национального сознания и национального характера были предметом оживленных дискуссий и разнообразных педагогических экспериментов, в которых принимали живое участие многие новоанглийские мыслители, писатели, педагоги и журналисты (Р. Эмерсон, Г. Торо, М. Фуллер, Ч. Б. Олкотт, сестры Пибоди и др.). Готорн, близко знакомый с Эмерсоном и Торо

и женатый на одной из сестер Пибоди, увлекся новыми педагогическими и просветительными идеями. Будучи писателем, он, естественно, искал пути литературной реализации этих идей и довольно быстро пришел к сочинению детских сказок, имеющих, впрочем, одно существенное отличие: содержание их преследовало не просто воспитательную цель, но также цель просветительную и образовательную. Готорн не мог бы никогда назвать, подобно Киплингу, сборник сказок «Сказки просто так». Первая книга его сочинений в этом жанре («Дедушкино кресло» — 1841) представляла собой «сказочную историю» штата Массачусетс, написанную специально для детей. Содержание двух других («Книга чудес» — 1852 и «Тэнглвудские истории» — 1853) составили «мифологические сказки».

Готорн видел свою задачу в том, чтобы приобщать маленьких американцев к европейской культуре, обращаясь прежде всего к её истокам, то есть к античной мифологии. Неверно было бы видеть в его сказках простое переложение мифов, как это сделал в своё время Н. Г. Чернышевский, вменивший Готорну в вину искажение смысла и духа античных подлинников. Готорн писал сказки, причем именно американские сказки для

американских детей середины XIX века. Сказка «Пигмеи», включенная в настоящий сборник, позволяет без труда увидеть «конструкцию» такого рода сочинений. Писатель взял широко известный сюжет из серии греческих мифов о подвигах Геракла [2] и подверг его двойной трансформации. С одной стороны, он приблизил его к читателям посредством «одомашнивания» — в повествовании возникают названия, имена, реалии, связанные с жизнью маленького американского поселка (Линокс) [3] в штате Массачусетс, равно как и с детской аудиторией, к которой обращена сказка. Текст пестрит столь немифологическими понятиями, как «беличья клетка», «кукольный дом Барвинка», «конторка», «восковые фигуры», «шпиль собора» и т. п. С другой — Готорн вводит в повествование дополнительные мотивы, сближающие античный миф с широко известными шедеврами англоязычной литературы. Читая эпизоды, касающиеся взаимоотношений Антея с племенем пигмеев, кто не вспомнит свифтовское

[2] Примечания: 2

На пути к саду Гесперид, где он должен совершить свой 12-й подвиг, Геракл встречает Антея, сражается с ним и убивает его.

[3] Примечания: 3

Готорн жил в Линоксе в начале 1850-х годов, т. е. в пору, когда он работал над «мифологическими сказками».

«Путешествие Гулливера в страну лилипутов»! Если учесть, что соотечественники Готорна считали себя законными наследниками английской классической литературы, то станет ясно, что писатель осуществлял своеобразное включение античного мифа в национальную культурную традицию, делал его «своим» и конечно же более близким и доступным детскому читательскому сознанию.

Сказки, входящие в третью группу, не образуют самостоятельного цикла, но разбросаны по различным книгам рассказов Готорна. С точки зрения сюжетного развития, образной системы, стилистики повествования они мало походят друг на друга. Объединяет их лишь то, что в основе каждой лежит идеологический конфликт, взятый в социально-философском или эстетическом аспекте, спор о ценностях бытия. В настоящем сборнике эту группу представляют два сочинения — «Хохолок» и «Снегурочка», содержание которых по сей день вызывает споры среди историков американской литературы.

«Хохолок» относится к числу наиболее интересных сказок Готорна, хотя философская проблема, подвергнутая здесь автором художественному исследованию, не обладала особенной новизной

или оригинальностью. Речь идет о соотношении явления и сущности, внешнего облика и внутреннего содержания, видимости и реальности, то есть о вещах, размышление о которых было непременным атрибутом романтического сознания, будь то в философии, искусстве, эстетике или историографии. Исследователи творчества Готорна указывают на сочинения Людвига Тика, на «философию одежды» Карлейля и даже на некие индейские легенды как на вероятные источники центральной идеи «Хохолка». Можно было бы указать на множество других, не менее вероятных источников. Идея «носилась в воздухе», и Готорн мог почерпнуть её где угодно. Интерес и обаяние сказки не в самой идее, а в способе её художественной реализации. Автор ведет читателя в мир отчасти реальный, отчасти фантастический, где обитают ведьмы Новой Англии, в том числе и матушка Ригби, которой доступно и христианское ведовство, и языческое шаманство. Здесь и происходит превращение огородного пугала в «джентльмена», светского человека, «вхожего в высшие круги», и т. д. Готорн рассказывает эту историю совершенно серьезно, как быль и в то же время как сказку, неоднократно слышанную в детстве. На всё это наслаивается ироническая ин-

тонация человека, знающего, что ничего такого на самом деле быть не могло, а если и могло, то не заслуживает серьезного отношения. Сквозь, эту сложную стилистику повествования отчетливо проступает позиция писателя, которого волнует не столько ошибочное отождествление внешности и сущности, сколько последствия такого отождествления на социальном и личностном уровнях. На первом возникает система ложных ценностей, наносящая обществу непоправимый вред, на втором — личность лишается осмысленного существования.

«Снегурочка» может показаться одной из самых простых сказок Готорна: двое маленьких детей — брат и сестра, — играя в саду, слепили из снега девочку, да так здорово, что она ожила и стала играть с ними; потом пришел взрослый папа и, невзирая на мольбы детей, потребовал, чтобы снегурочку отогрели, поскольку она, без сомненья, замерзла; от снегурочки осталась лужа, дети неутешно горевали, тут и сказке конец. Вывод очевиден: мир детства сложен, богат, поэтичен и далеко не всегда доступен пониманию взрослых. В нем содержится многое такое, что люди, взрослея, теряют и тем самым становятся душевно и духовно беднее. Основы человеческого

характера и сознания закладываются именно в детстве. Как заметил Джеймс Барри — автор знаменитого «Питера Пэна», «все, что происходит с человеком после двенадцати лет, уже не имеет значения». Все великие педагоги призывали людей относиться к миру детского сознания с максимальной серьезностью и не отмахиваться от детских эмоций, фантазии, переживаний как от пустяков, не заслуживающих внимания.

Указанные мотивы, бесспорно, присутствуют в сказке Готорна, но далеко не исчерпывают её смысла, и поэтическая антитеза не сводится к противостоянию мира взрослых миру детей. Среди действующих лиц имеется ещё один персонаж, который в некотором роде является ключевым. Это — мать. С одной стороны, она как будто принадлежит к миру взрослых, но в конфликте отца с детьми держит сторону детей, хоть и не смеет противоречить мужу.

Более того, для неё существование «живой» снегурочки столь же непреложно, как и для детей. Автор как бы предлагает нам союз детей и матери против отца. Чтобы понять смысл такой расстановки сил в сказке, необходимо четко себе представить, какие именно аспекты человеческого сознания они олицетворяют. В

деятельности детей реальность подчинена фантазии и врожденному эстетическому чувству, которые не вытесняют реальность, но управляют ею. Позиция отца определяется прагматической логикой, здравым смыслом, житейским опытом и несколько догматическим пониманием доброты. В сознании матери, при всем том, что она мать и хозяйка дома, рационалистическое, прагматическое начало полностью вытеснено эмоциональной стихией. Значительная часть действия предстает перед читателем как бы увиденная глазами матери, восторженно, умиленно и сентиментально восхищающейся игрой своих детей в саду. И описание этой игры содержит слова и речевые обороты, которые могла бы употребить только она. Пожалуй, во всем творчестве Готорна мы не сыщем других описаний, столь восторженно-сентиментальных и не окрашенных мыслью. Отсюда можно сделать вывод, что главный конфликт в готорновской сказке — это конфликт двух типов сознания. С одной стороны — сознание рационалистическое, прагматическое, утилитарное, воспитанное на франклиновской моральной доктрине, а с другой — сознание романтическое, опирающееся на воображение, фантазию, эмоцию, сознание,

в котором краеугольными понятиями являются любовь, красота, творчество. В сущности говоря, нехитрая сказка Готорна является открытым выражением романтического протеста против буйного и наглого наступления буржуазной идеологии, происходившего в США в середине XIX века. Такого рода протест образует смысл многих выдающихся творений американской литературы этого времени.

Эдгар Аллан По, родившийся на четверть века позже Ирвинга и на пять лет позже Готорна, нисколько не был похож на своих старших современников. Он родился в Бостоне в семье актеров, воспитывался в доме ричмондского купца, сделался со временем профессиональным литератором, отменно знающим все тонкости журнального дела, и весьма преуспел на этом поприще, хотя и не разбогател. Жизнь и личность По изобилуют противоречиями и несообразностями: образование его было незначительным — местная школа в Ричмонде, один курс Виргинского университета и один семестр в военной академии, — а между тем он принадлежал к числу наиболее образованных людей своего времени и создал космологическую теорию, верность которой подтвердилась сто лет спустя; всю жизнь

По мечтал о путешествиях и сочинял легенды о своих мнимых странствиях по Франции, Германии, России, Греции, хотя на самом деле никогда не покидал атлантического побережья Америки [4], да и здесь его перемещения ограничивались Бостоном на севере и Чарльстоном на юге; литературный поденщик, губивший свою жизнь за редакторским столом, он был гениальным поэтом, прозаиком, выдающимся теоретиком литературы. Этот перечень несоответствий и противоречий можно было бы продолжать ещё долго, но в конечном счёте нам пришлось бы завершить его итоговым суждением, никак отсюда не вытекающим и в некотором роде нелогичным: Эдгар По ощущал себя представителем и выразителем духа южной аристократии, а точнее — элитарного духа виргинского ренессанса. Конечно, он не мог претендовать на аристократическое происхождение, не владел плантациями и рабами, но он был аристократом духа, аристократом по убеждению, презиравшим толпу, демократию, республиканские идеи, буржуазные понятия о жизненных ценностях, прагматическую мораль торгашей, демагогию продажных политиканов,

[4] Примечания: 4

Мы не берем в расчет поездку в Англию, которую По совершил в пятилетием возрасте с приемными родителями.

бюргерское благополучие и скудость ума.

Как поэт, художник, мыслитель Эдгар По целиком принадлежал к романтическому движению, хотя странным образом сохранил просветительское преклонение перед разумом и недвусмысленно ставил истину выше красоты. Он был жестоким мастером и не писал для детей. В его творчестве сказочная фантастика и сюжеты играли подчиненную роль и являли собой как бы средство, а не цель повествования. Поэтому сказки его кажутся нам странными, «не сказочными». Он как бы предлагает читателю некие условия игры, согласно которым читатель должен пренебречь сказочными элементами, считать их несущественными. Истинным содержанием сказочных повествований По может явиться что угодно — информация о географических, геологических, этнологических особенностях какой-либо части США, описание новейших достижений в технологии, науке, производстве, ремеслах, изображение необычных физических явлений, футурологические прогнозы в области политики и социологии, научная фантастика, сатирическое осмеяние общепринятых ценностей буржуазного мира, философские размышления и даже исследование психологических состояний человека.

В настоящем сборнике помещены две сказки По — «Черт на колокольне» и «Маска Красной смерти». Первая — очевидная насмешка над ирвинговским увлечением голландской стариной Манхэттена и голландским ароматом истории Нью-Йорка. (Заметим, кстати, что и стилистика первых «историографических» страниц повествования откровенно пародирует ирвинговскую «Историю Нью-Йорка».) Изображенные писателем тупые обыватели, главный смысл жизни которых в том, чтобы курить трубку и объедаться кислой капустой, не вызывают ностальгических эмоций, какие могут возникнуть при знакомстве с героями Ирвинга. Впрочем, литературной полемикой смысл сказки не исчерпывается. Он распространен до сатиры на жизненный уклад и систему ценностей, которые, как представлялось По, деформировали национальную жизнь Америки.

«Маска Красной смерти» особенно характерна для «отрешенной» стилистики Эдгара По. Действие здесь почти лишено примет времени и локальных черт, да и самый мотив пира во время чумы имеет, как известно, международное хождение. Впрочем, все это не столь важно для сказки, действие которой происходит «в

некотором царстве, некотором государстве», где «жил-был принц» и его придворные. Но оказывается, что и «царство-государство», и жизнь принца с придворными — всего лишь способ художественного размышления о неизбежности смерти, психологического исследования поведения людей в состоянии смертельного страха и демонстрации высокой поэтичности трагедии человеческого бытия на грани небытия. Заметим попутно, что в этом сочинении По начал разрабатывать эстетику интерьера, убранства, одежды, которые позднее были развиты до предела Оскаром Уайльдом.

Сделанный нами краткий обзор сказок, сочиненных великими американскими романтиками, необходим для понимания судьбы жанра в последующем развитии литературы США. Выше нам уже приходилось говорить о невозможности построить историю сказки по аналогии с историей других жанров американской словесности. Это, однако, не означает полного отсутствия генетической преемственности. Она есть, но очертания её весьма зыбки и своеобразны. В ней отсутствует диахронная последовательность, равномерность передачи традиции от поколения к поколению. Но нет сомнения в том, что все

американские писатели, сочинявшие сказки в последние полтораста лет, опирались на опыт и завоевания романтиков, использовали их приемы, находки, эстетические принципы, сюжетные конструкции, методы обращения с жизненным материалом. Все американские сказочники, независимо от времени, когда они жили, являются прямыми наследниками Ирвинга, Готорна и По.

Они и сами охотно в этом признаются. Конечно, признание ещё не есть доказательство «вины», но не считаться с ним тоже не след, да и косвенных доказательств предостаточно.

3

Великие американские романтики ушли со сцены в середине XIX столетия. Романтическая традиция исчерпала себя, а запоздалые всплески постромантизма в США были незначительны. Так же как и в европейских литературах, на смену романтизму пришел критический реализм, который, однако, приобрел в Америке своеобразные очертания. Если европейский реализм породил в изобилии таких титанов, как Диккенс, Теккерей, Бальзак, Стендаль, Флобер, Гоголь, Тургенев, Толстой, то Америка выдвинула лишь одну гигантскую фигуру — Марка Твена, в чьем

творчестве специфика американского реализма проявилась особенно отчетливо. Европейские реалисты были наследниками романтиков, и становление реалистического метода было у них процессом внутреннего преодоления романтической эстетики. Твен и его единомышленники изначально были яростными ниспровергателями романтических идей и традиций в литературе. Диккенс мог написать рождественские сказки, исходя из традиции, заложенной Ирвингом, Твен — никогда.

Само собой разумеется, что. «добро», накопленное романтиками, не могло вовсе остаться без употребления. Волшебные сюжеты, сказочные превращения, фантастика и, конечно, особая стилистика, преобразующая все это в литературу, не ушли из творческого обихода американских писателей второй половины века, но стали использоваться, так сказать, «не по назначению», для оснащения иных, преимущественно сатирических, жанров. Характерными примерами возникших таким путем сатирических сказок могут служить помещенные в настоящем сборнике сочинения Брет Гарта («Черт и маклер») и Марка Твена («Легенда о Загенфельде в Германии»). Брет Гарт снабдил свою сказочку подзаголовком

в совершенно романтическом духе — «Средневековая легенда», — но в первых же строчках дал понять, что действие происходит в Сан-Франциско во второй половине XIX века. Рядом с традиционной мистической фигурой вечного Дьявола он поместил вполне земную и современную фигуру биржевого маклера, и вся сказочка тут же превратилась в аллегорическое осмеяние спекулятивной лихорадки, охватившей страну после Гражданской войны. В сущности, мы имеем здесь дело с фельетоном, облеченным в форму сказки, а сама «сказочность» повествования — не более чем условность, и Брет Гарт нисколько этого не скрывает.

Твеновская «Легенда о Загенфельде», действие которой отнесено на «тысячу лет» назад, написана более тонко. Сентиментальный колорит наивной детской сказки про принца и бедную девочку с осликом выдержан здесь с особенным тщанием. Однако финал произведения разрушает иллюзию сказочности, а последний его абзац раскрывает, истинный смысл, который в том и состоит, чтобы напомнить читателю, что «из столетия в столетие в этом королевстве, да и в большинстве других кабинет министров по сей день возглавляет осел». Именно для этой сатири-

ческой сентенции и понадобился Твену несуществующий Загенфельд тысячелетней давности, равно как и трогательная история про ослика. Надо сказать, что Твен вообще был великим мастером использовать старинные предания, легенды (часто вымышленные), сказочную технику для постановки сугубо современных социальных, политических, нравственных проблем, которые неизменно возникали в его произведениях под сатирическим углом зрения. О том свидетельствуют «Принц и нищий», «Янки при дворе короля Артура», «Таинственный незнакомец» и другие его романы, повести и рассказы, вовсе не являющиеся сказками.

С легкой руки Твена и Брет Гарта приемы сказочного повествования начали «расползаться» по другим жанрам, захватывая целые области детской и «взрослой» литературы. Процесс этот развивался весьма энергично, что, впрочем, не означает, будто к началу нашего столетия сказка вовсе исчезла из культурного обихода США. Напротив. Современный исследователь Брайан Аттебери в сравнительно недавней монографии [5] приводит множество данных, убедительно

[5] Примечания: 5

Attebery B. The Fantasu Tradition in American Literature. Bloomington (Indiana), 1980.

свидетельствующих, что никогда ещё в Америке не печаталось столько сказок, как в последние десятилетия прошлого века. Они публиковались в специальных детских журналах, сборниках, антологиях, не говоря уж об отдельных изданиях. Но, как показывает тот же Аттебери, это были преимущественно европейские сказки и слабые подражания им. Спрос на сказку был высок и покрывался за счёт «импорта» европейской продукции.

Вместе с тем именно в это время к американцам начало приходить осознание того факта, что сама американская жизнь — жизнь лесорубов, фермеров, охотников, золотоискателей, батраков на плантациях, мастеровых и подмастерьев — может служить основанием и материалом сказочных фантазий. Многочисленные байки, россказни, небылицы, «истории», возникавшие в народной среде на протяжении десятилетий и существовавшие преимущественно в виде устной традиции, стали проникать на страницы печатных изданий и превратились в могу шественный фактор, влияющий на общее развитие национальной литературы. Без них не могло быть литературы Среднего и Дальнего Запада, без них невозможна была бы «южная традиция»

в американской литературе, без них не было бы Твена, Брет Гарта, Фолкнера, Колдуэлла, Стейнбека… Более того, именно тогда были сделаны первые попытки ввести в культурный обиход нации негритянские народные сказки. В этой связи невозможно обойти молчанием деятельность Джоэла Харриса, познакомившего американских (и не только американских) читателей со знаменитыми «Сказками дядюшки Римуса».

Джоэл Чандлер Харрис (1848–1908) — журналист и писатель, автор романов, рассказов и очерков — родился и вырос в «южной глубинке», в захолустном городке штата Джорджия. Отменное знание американского Юга и интерес к негритянскому фольклору побудили его заняться собиранием и обработкой сказок, возникших в среде рабов на хлопковых плантациях. Он пересказывал их от имени дядюшки Римуса — чудаковатого, симпатичного старика негра, бывшего раба, а ныне «вольного» слуги, облеченного доверием хозяина. Постоянными персонажами этих сказок были Братец Кролик, Братец Лис и Братец Волк, породившие со временем в американской культуре целый выводок животных-героев, включая действующих лиц диснеевских «мультиков». Можно предположить, что и наш «ну,

Заяц!» вкупе с Волком — отдаленные потомки по боковой линии Братца Кролика и Братца Волка. К сожалению, «Сказки дядюшки Римуса» написаны на диалекте американских «южных» негров и не поддаются адекватному переводу. Их можно только пересказывать. Именно в пересказах, деликатно названных «перевод и обработка», они известны и русскому читателю.

Первые годы XX столетия ознаменовались в Америке национальным «сказочным» бумом, начало которому положил Лаймен Фрэнк Баум, напечатавший в 1900 году своего «Удивительного Волшебника из страны Оз». Книга, снабженная прекрасными иллюстрациями Денслоу, имела фантастический успех. Она выдержала множество изданий, породила три кинофильма, несколько музыкальных комедий, инсценировок и бог весть сколько «продолжений». Возникла целая литература, рассказывающая о приключениях девочки Дороти, огородного пугала Страшилы и Оловянного Дровосека в волшебной стране Оз. Вклад самого Баума в эту грандиозную сказочную эпопею составил четырнадцать книг; Рут П. Томпсон превзошла основоположника и опубликовала девятнадцать; Джон Нейл — три; Джек Сноу — две; несколько авторов обраща-

лись к чудесам страны Оз единожды. Кроме того, появились многочисленные подражания, переложения, сочинения, написанные «по мотивам», и, наконец, переработки, к числу которых отнесем и весьма популярную у нас книжку А. Волкова «Волшебник Изумрудного города». Никто ещё не пытался установить точное количество произведений, составляющих «Озиану», но нет сомнения в том, что их никак не меньше полусотни.

В чем причина столь необычайной популярности сказок Баума у американских читателей? По своему художественному уровню, использованию традиционных приемов сказочного повествования они не возвышаются над общим уровнем сказочной продукции того времени, имевшей преимущественно эпигонский характер. В предисловии к первому изданию «Удивительного волшебника» писатель сделал малоудачную попытку разъяснить читателям новизну своего сочинения. «Крылатые феи Гриммов и Андерсена, — говорит он, — доставили детским сердцам больше радости, чем все остальные плоды человеческого творчества. И всё же волшебные сказки, сослужившие службу многим поколениям, сейчас следует рассматривать как явление историческое, потому что пришло время

для новых «волшебных сказок», из которых удалены привычные джинны, гномы и феи, а заодно с ними и все устрашающие, леденящие кровь происшествия, сочинявшиеся авторами, дабы ярче оттенить суровую мораль каждой сказки. В наше время мораль входит в образование, поэтому современные дети ищут в сказках лишь развлечение и с радостью обходятся без неприятных сцен. (…) Сказка об удивительном Волшебнике из страны Оз писалась только и исключительно с намерением доставить детям удовольствие, чтобы это была современная волшебная сказка, в которой огорчения и страхи опущены, а радость и чудеса сохранены».

Читатель, знакомый с текстом «Удивительного Волшебника», легко заметит, что приведенные слова Баума не соответствуют содержанию сказки. Джиннов, гномов и фей здесь действительно нет, но все остальное (включая добрых и злых волшебников, то бишь ведьм, очеловеченных животных и множество других привычных аксессуаров сказки) — на месте, равно как и неизбежная мораль, вытекающая из каждого эпизода и из всего сочинения в целом. Секрет популярности «Удивительного Волшебника» в другом. Баум создал фантастический волшебный

мир, окрашенный в тона американской национальной жизни и привязанный к реалиям штата Канзас. Он исполнил роль Колумба, который открыл неизвестный материк, суливший неисчислимые богатства. Неудивительно, что за ним последовала толпа «конкистадоров», занявшихся освоением «новых территорий». Что это за мир? Некоторые критики трактуют его как «параболу популизма» и предлагают видеть в персонажах сказки олицетворение определенных социальных сил, политических установлений и даже конкретных исторических деятелей США[6]; другие включают «Удивительного Волшебника» в поток социально-утопической литературы, особенно популярной в Америке в конце XIX века; третьи связывают сочинение Баума с многочисленными попытками художественной реализации пресловутой «американской мечты»[7], состоятельность которой уже тогда представлялась сомнительной. Все они понемногу правы в деталях и бесспорно правы в основном: сказочный мир страны Оз — американский мир. Именно в

[6] Примечания: 6

Littlefield H. The Wizard of Oz: Parable on Populism.//American Quarterly, 16 (Sprinq 1964).

[7] Примечания: 7

Attebery B. Op. cit., p. 88.

этом секрет популярности «Удивительного Волшебника» у американских читателей. Нам уже приходилось говорить, что сказки американских писателей во все времена сохраняли прямую генетическую связь с творчеством великих романтиков. «Удивительный Волшебник» Баума не составляет исключения. Сходство общих принципов повествования и конкретных подробностей в сюжете и образной системе столь очевидно, что нередко бросается в глаза. Так, например, Баум, при всем своем «американизме», широко пользуется наследием европейских сказочников, подобно тому как эго делали Ирвинг, По, Готорн, и многие страницы «Волшебника» заставят читателя вспомнить о братьях Гримм, Андерсене, Перро. Своеобразная эстетика цветов (в описаниях Изумрудного города), скульптурной формы и материала (в изображении Фарфоровой страны) вызовет невольную ассоциацию со многими произведениями Эдгара По. Иногда романтическая традиция в сказке Баума приобретает совершенно осязаемые, конкретные очертания и вызывает однозначные, хотя и необязательные, ассоциации. Трудно не увидеть в Страшиле — огородном пугале, набитом соломой, — прямого потомка готорновского Хохолка, в четырех ведьмах — до-

черей четырех ветров из «Песни о Гайавате», в Великом Волшебнике — мошеннике, чревовещателе, художнике, искусителе — наследника мелвилловского Шарлатана. Можно было бы привести ещё множество аналогичных примеров, но ограничимся этими. Их достаточно для подтверждения мысли о том, что Баум, при всей его оригинальности, не оторвался от традиции, заложенной романтиками.

Творчество Баума, его последователей и подражателей содержит ряд особенностей, которые впоследствии вошли в американскую литературу как «баумовская традиция». Но это потом, через десятилетия, через две мировые войны. Что же касается самой «эпохи Баума», то она не вышла за пределы первого десятилетия нашего века и в художественном отношении не породила ничего более интересного и значительного, чем «Удивительный Волшебник из страны Оз».

4

Может показаться, что в ближайшие три десятилетия «после Баума» американские писатели утратили вкус к сочинению сказок. «Сказочное» поле этих лет поражает своей пустынностью. На нем почти нет нормальных растений. Там и

сям высятся уродливые мутанты вроде мрачных мифологических фантасмагорий Д. Б. Кэбела, «тарзанной» эпопеи Э. Берроуза и космических ужасов Г. Лавкрафта, но сказок почти не видать. Трудно сказать с уверенностью, в чём тут дело. Скорее всего сама эпоха, полная катаклизмов, потрясений, переворотов, национальных и общечеловеческих трагедий, способствовала распространению трагедийного, «надрывного» мироощущения.

Американская литература этих десятилетий вполне соответствовала общему умонастроению, хоть и не была однородной. Своеобразие общественно-экономического развития страны вызвало к жизни литературу социального анализа и протеста; конечная бессмысленность первой мировой войны породила «потерянное поколение»; растерянность перед сложностью и непостижимостью жизни стимулировала развитие эскейпизма. Тут, как говорится, было не до сказок, и если они всё же появлялись, то как бы случайно, вопреки всем возможным предположениям. Такими случайностями явились сказки Джона Стейнбека и Джана Кольера.

Что касается Стейнбека, то нет нужды представлять его читателю. Он — классик, и подавляющее

большинство его сочинений переведено на русский язык. «Святая Кэти Непорочная» публикуется у нас впервые. Эта сказка мало похожа на другие произведения Стейнбека. В ней сказочные фантазии смешаны с пародией на жития святых и антиклерикальной сатирой. В традициях, установленных романтиками, действие её происходит в далеком средневековье в одной из европейских стран.

Заметим, однако, что на сей раз романтическая традиция пропущена «через Твена», и французский XIII век у Стейнбека не более реален, чем твеновский Загенфельд тысячелетней давности. Вообще «Святая Кэти» — сочинение, близкое к твеновской манере во многих отношениях. В самом стиле повествования отчетливо звучит простодушно-ироническая интонация твеновского рассказчика — фермера, бродяги, золотоискателя, для которого нет разницы между обыденным и невероятным, естественным и чудовищным и вообще нет ничего святого или невозможного. Его нельзя вывести из себя, обо всем он повествует ровным тоном, будь то рассказ о злобной твари, пожирающей собственных детей, или описание рыдающей свиньи, на которую снизошла благодать. Невзирая на XIII век и

французский антураж, стейнбековский рассказчик конечно же американец, ибо кто ещё может сказать, что монахи зашли на ферму «опрокинуть стаканчик виски»!

По своему сюжету и антикатолической заостренности «Святая Кэти» может быть причислена к старинной традиции осмеяния католических монахов, возникшей в Европе много столетий назад. Такой взгляд, однако, был бы ошибочен. Антикатолицизм Стейнбека имеет чисто калифорнийское происхождение. Известно, что территорию Калифорнии изначально осваивали католические миссионеры. Почти все калифорнийские города возникали вокруг миссий, и в каждом из них имеется «улица Миссии». Более того, почти все они названы по имени католических святых (Сан-Франциско, Сан-Рафаэль, Санта-Барбара, Санта-Моника и т. п.). Стейнбек был уроженцем Калифорнии, здесь прошли его детство и юность, здесь он начал заниматься литературным трудом. Среди всех христианских вероучений католицизм и сегодня ещё занимает доминирующее положение в Калифорнии. Католическое окружение было фактом личной биографии Стейнбека, и появление «Святой Кэти» в его раннем творчестве (1936 г.) вполне

органично.

«Случайность» появления сказок Кольера в американской литературе объясняется не только спецификой дарования автора, но и его человеческой судьбой. Джон Кольер — романист, новеллист, поэт, драматург, историк, лауреат разных национальных и международных премий — родился в Англии и из отпущенных ему на земле восьмидесяти лет прожил здесь ровно половину. На этом основании его часто причисляют к европейским писателям. Однако, «дойдя до середины жизни», он перебрался в Соединенные Штаты, где и опубликовал основную массу своих произведений. По этой причине американские критики резонно считают его именно американским писателем. Авторы биографических справок пользуются компромиссным определением «англо-американец». Оно звучит дико, но в данном случае, пожалуй, уместно, поскольку традиции английской культуры продолжали мощно звучать в его творчестве до конца.

Сказкам Кольера свойственна неповторимая ироничность, проистекающая из того, что он умел видеть материальную и духовную жизнь Америки глазами англичанина. В этом плане его можно было бы счесть наследником Ирвинга,

умевшего видеть Европу глазами американца, если бы не одно обстоятельство: юмористическая стихия сочинений Кольера лишена света и легкости. Она окрашена в тона мрачные и жестокие, от его шуток жить не хочется. То, что мы обозначаем как «взгляд англичанина», есть, в сущности, позиция, опирающаяся на английскую литературную традицию. Нам нетрудно возвести весь индийский антураж (и даже авторскую точку зрения) «Фокуса с Веревкой» к колониальным романам Киплинга и Форстера, а немыслимые чудеса истории с джинном («Не лезь в бутылку!») выдержаны совершенно в духе «восточных мотивов» английской литературы от Бекфорда до Стивенсона.

Даже в сказке о мистере Билзи, где, казалось бы, нет ничего английского, общий замысел оказывается тесно привязан к традициям Льюиса Кэрролла и Джеймса Барри.

С этим связана и художественная структура сказок Кольера, где взаимодействуют два типа действительности (экзотическая и повседневная; фантастическая и реальная), находящиеся в оппозиции друг к другу. Миру сагибов, факиров, райских кущ и прекрасных гурий противостоит захудалый городишка на американском Среднем

Западе, толпа зевак, шериф, полиция («Фокус с Веревкой»); миру роскошных дворцов, яств, нарядов, сладострастия, джиннов и всяких чудес противопоставлено убожество нью-йоркских закоулков, пыльная лавка старьевщика, мелкий чиновник с убогим воображением («Не лезь в бутылку!»); фантастическая вселенная, где обитают прелестные ангелы и очеловеченные бесы, являет собой антитезу мещанской Америке, свихнувшейся на психоанализе («Падший ангел»); запущенный сад с развалившейся беседкой, где обитает невозможный мистер Билзи, явно несовместим с прагматическим, строго логическим, тяжелым и тупым миром дантиста Саймона («Никакого Билзи нет!»). И всякий раз соприкосновение этих несходных типов действительности ведет к комическим ситуациям, порождающим кровавые гротески или безнадежную тоску. Не здесь ли истоки «черного юмора», распространившегося в американской литературе последнего времени?

5

Всякий историк, в том числе и историк литературы, обращаясь к живой современности, испытывает нечто вроде шока. Прошлое видится

ему ясным и определенным, поскольку существенное там выделилось из несущественного, векторы всех процессов установлены и ценностное содержание их очевидно. Современность же представляется ему хаотичной и сумбурной. Однодневки и модные поделки существуют здесь вперемежку с вечным искусством, истинные ценности перепутаны с ложными, фальшивки с шедеврами, а перспективы дальнейшего развития ничуть не яснее, чем пресловутая «вода во облацех».

Даже самый поверхностный взгляд на современную американскую литературную сказку позволяет увидеть чрезвычайное разнообразие её типов и видов. Возникает ощущение, что многочисленные литературные жанры, питавшиеся от «сказочных» корней, использовавшие поэтику сказки, её сюжеты, образы, повествовательные приемы, начали «платить долги». На свет божий явились научно-фантастические сказки, «черно-юмористические» сказки, сказки абсурда, модернистские сказки, «технологические», философские, псевдо фольклорные (в духе магического реализма), пародийные, «синтетические» и т. п. Похоже, что в творчестве представителей разнообразных жанров современной американской

прозы почти неизбежно возникал момент, когда писатель говорил себе: «А напишу-ка я сказку!» Сложилась своеобразная ситуация: сказочников как таковых не стало. Сказки пишут все?

Если бы удалось собрать вместе авторов наиболее интересных сказок, опубликованных в США после второй мировой войны, то получилась бы на редкость пестрая компания. Старейшиной тут был бы, вероятно, Джеймс Тэрбер (1894–1961) — остроумец, юморист, сатирик, блистательный стилист, развивавший твеновскую традицию в современной литературе. Первое приближение Тэрбера к сказочному жанру было ироничным, злым и несколько напоминает нам твеновские «нравоучительные истории». В 1940 году он опубликовал серию коротких сказок, открывавшуюся историей маленькой девочки, которая повстречала в лесу волка и неосторожно поведала ему, где живет бабушка…

Войдя в домик, девочка тотчас поняла, что в постели лежит вовсе не бабушка, а волк, потому что волк, даже в чепчике и очках, не больше похож на бабушку, чем рекламный лев кинокомпании «Метро-Голдвин» на президента Кулиджа. Тогда девочка достала из корзиночки автоматический пистолет и прихлопнула волка на месте. Из этого

следует, что маленькие девочки нынче не те, что прежде, их на мякине не проведешь. Остальные произведения, входившие в серию, были выдержаны примерно в том же духе — то ли сказки, то ли басни, то ли притчи, стилистически пародирующие волшебные сказки и непременно сопровождающиеся прагматической моралью туповатого янки, который знай гнет свое… Впоследствии Тэрбер многократно возвращался к жанру иронических мини-сказок, и общее число их доросло почти до сотни.

В 1945 году Тэрбер, ко всеобщему удивлению, опубликовал большую, поэтичную, почти «серьезную», но вместе с тем ироничную, на грани пародии сказку («Белая лань»), резко отличающуюся от других его сочинений, ранних и поздних. Американские критики поспешили провозгласить Тэрбера наследником «баумовской традиции», что справедливо лишь отчасти. Брайан Аттебери верно заметил, что мир «Белой лани» «ближе к традиционному ландшафту европейской волшебной сказки» и что «замки, очарованные леса, герцоги, волшебники здесь совершенно такие же, как в сочинениях братьев

Гримм и их последователей»[8]. Очевидно также, что опыт американских романтиков не был оставлен Тэрбером без внимания.

Рядом с Тэрбером, вероятно, следует поместить Элвина Уайта (1899–1983). Они были приятелями, вместе начинали печататься в середине 20-х годов в только что открывшемся и ещё не знаменитом журнале «Нью-Йоркер», чья последующая популярность была в большой степени их заслугой. В 1929 году, несколько ошарашенные обилием псевдонаучных «руководств» по вопросам секса, появившихся тогда на книжном рынке, они написали веселое сочинение «А нужен ли секс?» — самую смешную книжку года. Так, во всяком случае, утверждали критики. Потом пути их разошлись, хотя оба они ещё долгие годы продолжали печататься в «Нью-Йоркере».

Творческая жизнь Уайта была продуктивна и разнообразна. Он издал два десятка книг и напечатал в журналах бессчетное количество статей. Последние его прижизненные публикации относятся к 1982 году, когда ему было уже за восемьдесят. Американским читателям он известен как поэт, новеллист, публицист, сатирик и

[8] Примечания: 8
Attebery B. Op. cit., p. 148.

детский писатель. Однако в историю литературы США Уайт вошел как «последний эссеист», пытавшийся вернуть сознание соотечественников, замороченное погоней за успехом и наживой, к истинным ценностям человеческого духа и бытия.

Включенная в этот сборник сказка про электронную машину, выигравшую шахматный турнир, могла бы восприниматься как научная фантастика и даже как прогноз, если учесть, что сегодня уже имеются машины, играющие на уровне чемпиона мира. Однако научно-техническая сторона дела совсем не занимает писателя. Его внимание сосредоточено на «человеческих» реакциях машины, её способности к общению на бытовом уровне, её «поведении». Ему и, соответственно, читателю гораздо интереснее, что уставшая машина пьет виски (чтобы расслабиться), вступает в разговор, поправляет неправильную речь собеседников и даже водит автомобиль. Это одна сторона дела. Другая заключена в том, что Уайт приволок своё чудо электроники в третьеразрядный бар захолустного провинциального городка, и поведение обывателей, вступающих в контакт с машиной, ничуть не менее важно в повествовании, чем поведение самой машины.

Первоначальное соотношение «машина и люди» вытесняется новым — «машина и нравы», а это даёт, в свою очередь, безграничные возможности иронической интерпретации сюжета. Имеет ли все это какое-нибудь отношение к традициям, идущим от отцов-романтиков? Как ни странно, имеет. Еще в 30-е годы прошлого века Эдгар По размышлял о возможностях машинного интеллекта в связи с «шахматным автоматом» фон Кемпелена. Уайт, без сомнения, был знаком со статьей По, и вполне вероятно, что именно это знакомство подсказало ему замысел сказки.

В 40-е и 50-е годы ряды сочинителей сказок в Америке пополнились новыми именами. У нас нет оснований говорить о «новом поколении» или «новой волне». У них не было общей программы или направления. Они представлены в этой книге сочинениями Джона Чивера, Генри Каттнера и Хелен Юстис, и читатель без труда заметит отсутствие в них идеологической или эстетической общности. Объединяет их лишь то, что все они родились во втором десятилетии нашего века, да ещё то, что предметом художественного осмысления у всех троих была современная жизнь Соединенных Штатов. Во всем остальном они были решительно несхожи друг с другом.

Джон Чивер (1912–1982) — классик, и ему уже отведено место в пантеоне великих американцев XX века как выдающемуся новеллисту и романисту. Он написал множество рассказов и несколько романов, но неизменно оставался верен своей генеральной теме: изображению душевной пустоты, людской разобщенности, «утраты корней» как неизбежным спутникам буржуазного прогресса и источникам трагизма благополучного бытия современной Америки.

«Пловец», помещенный в этой книге, — сочинение странное, но в общем характерное для Чивера. В нем рассказана невозможная история путешествия молодого человека по следам своей будущей, ещё не прожитой жизни, и рассказана не как сказка, а как быль, со всеми необходимыми бытовыми и психологическими реалиями. Молодой и счастливый герой, полный радужных надежд, за несколько часов как бы проживает свою грядущую жизнь, которая оказывается неуклонным и трагическим движением вниз, к распаду и деградации. Он не понимает, что судьба его была предрешена пустой бездумностью благополучного существования, символически обозначенного многократно повторенной фразой — «вчера мы выпили лишнего», — и,

стало быть, им заслужена. «Пловец» — сказка философичная, глубокая и в некотором смысле страшная, поскольку наводит читателя на невеселые мысли.

Рядом с Чивером Генри Каттнер (1915–1958) выглядит чуть ли не авантюристом. Он прожил сравнительно короткую, но чрезвычайно активную жизнь. Его перу принадлежит множество романов, рассказов, кино- и телесценариев. Точное количество их удалось установить лишь после смерти Каттнера, когда участники симпозиума, посвященного памяти писателя (Беркли, 1958), составили и опубликовали библиографию его сочинений. Каттнер обожал псевдонимы. Целая армия американских научных фантастов 40-х и 50-х годов — Пол Эдмонс, Ноэль Гарднер, Кит Хэммонд, Хадсон Хейстингс, Питер Хорн, Келвин Кент, Р. О. Кенион, С. Лидделл и ещё с десяток других — это все Генри Каттнер. В американской критике возник специфический «синдром Каттнера»: всякое новое имя в научной фантастике неизменно вызывало предположение, что это очередной псевдоним Каттнера. К сказанному прибавим, что некоторое количество сочинений он написал совместно с женой (Кэтрин Мур) под общим псевдонимом Льюис Пэджет. Высокая про-

дуктивность Каттнера может внушить подозрения относительно художественного достоинства его творений. Однако такие подозрения будут напрасны. Мы имеем дело с художником интересным, оригинальным и тонким, обладающим неисчерпаемой способностью воображения.

Основная масса сочинений Каттнера — научная фантастика. Но, видимо, и он в какие-то моменты испытывал неодолимое желание написать сказку. Этих сказок в его творческом наследии немного. «Жилищная проблема» — одна из лучших. В ней Каттнер использовал старинный прием «миниатюризации», известный в сказочной литературе с незапамятных времен (Дюймовочка, Мальчик с Пальчик, Нильс). Сюжетное движение, опирающееся на этот прием, связывалось обычно со смещением пропорций: крохотный герой оказывался в мире огромных предметов и существ или же, напротив, огромный герой — в мире крохотных людей и вещей (Гулливер у лилипутов, Антей у пигмеев).

Каттнер использовал этот прием по-своему: у него «большой» и «малый» миры не пересекаются, существуют порознь, но по одним и тем же общим законам. Один мир — жизнь обывателей, сдающих комнату человеку с клеткой, другой —

жизнь крохотных людей в «настоящем» домике внутри клетки. Взаимодействие этих миров привязано к эмоциональным и ок культно-психологическим моментам. Обитатели дома и жители домика принадлежат к разным слоям общества, у них несходный образ жизни, различные вкусы, понятия, привычки, интересы. Жители домика реагируют на попытку вторжения в их мир совершенно также, как благополучные обитатели респектабельных районов (зон) любого американского городка реагируют на известие о том, что в их квартале селятся негры, поденщики, работный люд, проститутки и т. п. — они переселяются. В домике водворяются человечки «второго сорта», не умеющие или не желающие ценить порядок, чистоту, тишину, трезвость, вежливость, уважение к другим. И начинается в домике совсем другая жизнь.

Вместе с тем домик вкупе с обитателями исполняет функцию талисмана, оберегающего своего владельца от всякого рода напастей, несчастий и неудач. Чем благороднее жители домика, тем эффективнее действует талисман. При второсортных обитателях талисман действует вполсилы. Если домик вовсе опустеет — человек пропал. Как у всякой сказки, здесь есть мораль. Каттнер

её не формулирует, но она очевидна.

Третья фигура в этой компании ровесников — Хелен Юстис (род. 1916) — писательница, должным образом ещё не оцененная. Её творческое наследие невелико по объему — два детективных романа в духе Агаты Кристи и рассказы, печатавшиеся в журналах и частично собранные в книге «Короли и капитаны отбывают» (1946). Известность Хелен Юстис — даже в литературных кругах — незначительна. Если критики и вспоминают о ней, то лишь как об авторе «Горизонтального человека» (1946) — первого её романа, за который она удостоилась премии имени Эдгара По. Между тем главную художественную ценность в её наследии представляют сочинения, относящиеся к кратким прозаическим жанрам. Критикам ещё предстоит собрать их, изучить и воздать должное таланту автора, который, впрочем, был замечен и отмечен такими мастерами, как Рей Брэдбери и Малькольм Каули.

Сказка про Девушку и Смерть («Мистер Смертный Час и рыжая Мод Эпплгейт»), опубликованная в 1950 году под романтическим названием «Всадник на бледном коне» в популярном журнале «Сатердей ивнинг пост», обращает на себя

внимание стилистической непохожестью на большинство других сочинений Юстис. Трудно предположить в авторе сказки выпускницу престижного колледжа Смита и Колумбийского университета, поклонницу французской литературы (в частности, Сименона, которого она переводила), занятую конструированием хитроумных детективных сюжетов. В диалогах персонажей сказки, в лексике, фразировке и ритмике авторского повествования ощущается вольное дыхание просторов Среднего Запада и особая тональность, восходящая к традициям пионерского фольклора. Где-то здесь, между Кентукки и Великими Озерами, слагались некогда фантастические истории-небылицы про Пола Бэньяна, Майка Финка, Тони Бивера и иных народных героев-великанов, наделенных физической мощью, смекалкой, доброй душой и чувством юмора.

Рыжая Мод Эпплгейт — героиня сказки Юстис — в некотором роде наследница фольклорных героев-богатырей. Она не боится ни бога, ни черта, ни смерти, готова отдать жизнь за своего беспутного Билли Бэнгтри и вообще девица хоть куда, да ещё малость и ведьма. Читатель несомненно обратит внимание на необычную

трактовку Смерти, представленной здесь в облике рыцарственного джентльмена. Мистер Смертный Час — мужчина весьма достойный; добрый, справедливый, способный вызвать уважение, симпатию и даже любовь. Он внушает страх только тем, кто его не видел. А кто увидел — улыбаются. И бабушка у него — симпатичная и достойная старушка, хотя, конечно, колдунья.

Откуда у Хелен Юстис эта неповторимая образность, народная речевая интонация, фольклорные обороты, сюжетная дерзость, присущая сказкам и легендам? Признаемся честно — не знаем. Но можем высказать предположение: писательница родилась и выросла в штате Огайо. Нью-Йорк, колледж, университет и все прочее было потом, и, видно, позднейшие «культурные» наслоения не стерли изначальной основы, заложенной провинциальной духовной жизнью Среднего Запада.

6

Первым среди американских сказочников новейшего времени следует, очевидно, поименовать Рея Брэдбери (р. 1920 г.), чье творчество давно и хорошо известно русским читателям, а такие его сочинения, как «Марсианские хроники», «451°

по Фаренгейту», «Вино из одуванчиков», пользуются устойчивой популярностью и неоднократно переиздавались в русских переводах. В силу причин, не поддающихся объяснению, Брэдбери числится у нас по разряду научных фантастов, и почти ни один сборник научной фантастики не обходится без его рассказов или романов. Это по меньшей мере странно, ибо фантазии Брэдбери имеют преимущественно антинаучный характер, не обладают прогностическими свойствами ни в социологическом, ни в технологическом плане и могут, скорее всего, рассматриваться как метафоры современного бытия. «Научность» в сочинениях Брэдбери исполняет ту же функцию, что и пресловутое «жизнеподобие» у американских романтиков, имевшее целью придать видимость реальности самым невероятным фантазиям. Вообще Брэдбери многому научился у своих великих предшественников. Недаром он называл Эдгара По первым своим учителем.

В своих сказках Брэдбери неизменно выступает как поэт, философ и моралист, а самый тип художественного повествования зависит от того, какая из авторских ипостасей выдвигается в каждом конкретном случае на первый план. При этом писатель широко и вместе с тем

своеобразно использует традиционные приемы волшебной сказки. В этом отношении «Апрельское колдовство» являет собой пример яркий и характерный. Всем известно, что в волшебных сказках действуют персонажи, наделенные сверхъестественными способностями. Это могут быть феи, волшебники, эльфы, великаны, драконы, животные и т. п. Они помогают или препятствуют героям, но сами, как правило, героями не являются. Есть такие персонажи и в «Апрельском колдовстве», но на сей раз к их числу относятся главная героиня и её родители. С виду они — самые что ни на есть обыкновенные люди, проживающие в штате Иллинойс, в поселке Грин-Таун, на улице Тополей, 12. Однако все трое наделены магической способностью покидать по ночам человеческую оболочку и носиться над землей, мгновенно проникая в предметы и живые организмы. Их ощущение жизни богато и многообразно, поскольку они могут воспринимать её как бы изнутри вещей, растений, животных.

Их души «внедряются» во что угодно: в людей, в водяные капли, кузнечиков, листья, деревья, оставаясь в то же время человеческими душами, способными к человеческим эмоциям и оценкам,

в том числе и эстетическим. Полет девочки Сесси апрельской ночью над лугами и полями Иллинойса читается как поэма, как гимн безграничной красоте Природы, её величию и могуществу.

Сесси и её родителям доступно такое видение мира, какое недоступно всем прочим. В этом их преимущество, но в этом же и их трагедия. Видя и ощущая мир, как никто другой, они вынуждены существовать вне его. Они — за пределами великой вселенской гармонии, и чисто человеческие их желания, страсти, стремления не могут быть реализованы. В теплую апрельскую ночь, пропитанную запахом полей и лугов, в душе Сесси начинают томиться её человеческие семнадцать лет, и кажется, что не надо ей никакой магической силы, никаких полетов и перевоплощений, что можно все отдать за то, чтобы полюбить деревенского парня и прожить с ним простую, самую что ни на есть обыкновенную жизнь. Она охотно поменялась бы судьбой с фермерской дочкой Энн Лири, но именно это ей не дано. В сущности, сказка Брэдбери имеет философский смысл. Она — про счастье быть человеком, про счастье, которого мы не осознаем, не понимаем или не помним. Чтобы оценить его, нужно быть… кем же? Этого читатель так и не узнает никогда.

От своих романтических пращуров Брэдбери унаследовал склонность к философическому истолкованию действительности, вольное обращение с образами и мотивами европейской сказки и широкое использование «принципа неопределенности», который Эдгар По предписал поэзии, а Натаниел Готорн распространил на прозу. Именно эти моменты в творческом наследии великих романтиков оказались созвучны современному художественному сознанию и сделались, так сказать, эстетическими доминантами современной американской сказки. Брэдбери нащупал путь, по которому за ним и рядом с ним двинулась значительная группа писателей. Наиболее интересными среди них являются, по-видимому, Урсула Ле Гуин, Джон Гарднер и Ричард Бах. У каждого из них свой творческий почерк, свой характер, своя судьба, и в этом смысле они не похожи друг на друга или на Брэдбери. Разница меж ними бросается в глаза даже при самом поверхностном знакомстве.

Урсула Ле Гуин (р. 1929 г.) — дочь ученого-антрополога, выпускница престижного Рэдклифф-колледжа и Колумбийского университета, преподаватель французского языка и «творческого письма» во многих университетах США,

Англии и Австралии, обладательница редкой и весьма почетной степени доктора литературы, а также множества всяких премий. Творчество её обширно и многообразно. Одно только перечисление её произведений заняло бы непозволительно много места, поэтому ограничимся указанием основных сфер её литературных интересов. Это научная фантастика (восемь романов и рассказы, частично собранные в двух сборниках) и сочинения для детей (семь книг, одна пьеса и стихотворения).

Фермерский сын Джон Гарднер (1933–1982) был выдающимся ученым-филологом, знатоком античной и средневековой культуры, автором ряда оригинальных исследований и не менее выдающимся романистом, рассказчиком и поэтом. Русские читатели уже имели возможность познакомиться с переводами некоторых прозаических сочинений Гарднера («Никелевая гора» — 1979, «Королевский гамбит» — 1979, «Осенний свет» — 1981, «Искусство жить» — 1984), а также с одной из его научных монографий («Жизнь и время Чосера» — 1986). К сожалению, русские переводчики обошли вниманием гарднеровские сказки, составляющие важную часть наследия писателя.

Что касается Ричарда Баха — автора всесветно

знаменитой сказки о чайке по имени Джонатан Ливингстон, — то здесь случай особенный, и само возникновение бестселлера по сей день остается для критиков в некотором роде загадкой. Существует красивая легенда, будто Ричард Бах — отдаленный потомок великого музыканта Иоганна Себастиана Баха. Это — единственная романтическая черта в облике писателя. Все остальное достаточно прозаично: он — профессиональный летчик, не сделавший, однако, карьеры в авиации, автор статей, известных лишь специалистам, сочинитель «авиационных» романов, о которых критика глухо молчит, полагая, видно, что сказать о них нечего. Появление «Чайки» — сочинения философского, пронизанного христианской эсхатологией и символикой, — все ещё остается в ряду событий странных и необъясненных. Сам Бах утверждает, что он не написал «Чайку», а лишь записал то, что подсказал ему то ли «голос свыше», то ли «внутренний голос». Критики сделали вид, что поверили ему, поскольку выбора у них не было. Но скорее всего — это розыгрыш, а Бах, по природе своего дарования, не авиатор и романист, а христианский моралист, философ и сказочник. Впрочем, и это — не более чем домысел.

Сказки Урсулы Ле Гуин и Джона Гарднера представляют интерес со многих точек зрения. В них многосторонне отражен духовный опыт Америки второй половины XX века, в особенности философские и эстетические аспекты деятельности современного сознания — от экзистенциализма, бихевиоризма и плюрализма до эстетики абсурда и черного юмора. Они предлагают читателям картину мира, широко раскинувшегося во времени и пространстве, но не в первозданном его виде, а как бы отраженного в восприятии, пропущенного через сознание современников.

Следуя заветам великих романтиков, Гарднер и Ле Гуин в невиданных доселе масштабах использовали сюжеты, мотивы, приемы, образы европейского и восточного «сказочного» наследия. Тут есть все: волшебники, колдуны, драконы, принцы и принцессы, грифоны, избушки на курьих ножках, превращения людей в животных и животных в людей, сражения и поединки. Нетрудно обнаружить здесь также следы чисто американской твеновской традиции, проявляющейся в повышенном интересе к средневековому рыцарству и феодальному жизненному укладу малых королевств Европы. В особенности это характерно для Гарднера — ученого-медиевиста,

знатока культуры английского средневековья.

Сознанию этих писателей в высшей степени свойственно ощущение нестабильности, изменчивости, «текучести» мира. Причин, порождающих такое ощущение, могло быть сколько угодно — от фантастической динамики бытия людей в XX столетии до недоверия к чувственному познанию материального мира, неизбежно проистекающего из успехов неклассической науки, в частности релятивистской физики. Именно поэтому Гарднер и Ле Гуин не могли удовлетворяться «определенностью» сказочной стилистики, где принцесса, превратившись в лягушку, становилась лягушкой, спящая царевна — спала, Дюймовочка была маленькой, а джинн либо сидел в бутылке, либо вылезал из неё. В их волшебном и безумном мире все неопределенно и неустойчиво. Гарднеровская королева Луиза — красавица и одновременно жаба. Переходы из одного состояния в другое мгновенны и неуловимы, и читатель не всегда может быть уверен, в каком именно обличье находится в данный момент героиня. В таком же процессе непрерывной трансформации предстают перед читателем и многие другие персонажи гарднеровских сказок.

Аналогичную нестабильность «состояний» нетрудно обнаружить и в сказках Урсулы Ле Гуин. В отдельных случаях принцип неопределенности используется ею столь «круто», что читатель испытывает растерянность и некоторое смущение духа. Кто герой сказки «Он был моим мужем» — волк, перерождающийся в человека, или человек, перерождающийся в волка?

Этого мы так и не узнаем. Более того, тут нет альтернативы, нет пресловутого «или — или». Герой — и то и другое одновременно, и в этом есть определенный смысл, поскольку скрытая цель автора — внушить читателю мысль, что противоестественно не только присутствие волчьего духа в людях, но и людского духа в волках.

Сфера приложения принципа неопределенности не ограничивается образной системой, но активно распространяется на сюжетную динамику сказок Гарднера и Ле Гуин, где реализуется прежде всего в виде алогизма поступков и парадоксальности общего действия. Здесь события совершаются и как бы не совершаются. Два дружественных короля (у Гарднера) или два венценосных брата (у Ле Гуин) устраивают кровопролитное сражение, в результате которого не остается ни убитых, ни раненых. В некоторых слу-

чаях действие развивается не только «вперед», но и «назад», и тем самым все, что произошло, как бы отменяется, и, как говорит Ле Гуин, «даже следов на песке не остается». И Гарднер, и Ле Гуин позволяют себе вольное обращение со временем, с пространством, с формальной логикой, благодаря чему перед читателем возникает абсурдный мир, живущий по каким-то парадоксальным законам, где время идет по кругу и все кончается тем, с чего начинается.

Странности этого «безумного» мира реализуются не только через сюжет, образы, авторские описания, но также и через речевую стихию повествования, в которой сталкиваются слова и понятия несовместимых уровней и рядов. Так, например, читая «Королеву Луизу», мы испытываем время от времени легкую встряску, словно прикоснувшись к оголенным проводам, и перечитываем фразу, чтобы убедиться, что все именно так, как нам показалось: что мать королевы Луизы была ирландка, а отец безработный дракон, читающий прошлогодние газеты и арестованный за поджог местной церкви; что беременная камеристка — она же принцесса Мюриэл, она же крестьянка Таня — дочь то ли крестьянина, то ли короля Грегора, то ли огромного пса, который

загулял с фрейлиной; что история с нападением ведьмы и волков на монастырь могла случиться в какой-нибудь гостинице в Филадельфии. Можно, конечно, отнести «безумный» мир в сказках Гарднера и Ле Гуин к продуктам деформированного сознания персонажей, но лишь в малой степени и только в «Королеве Луизе». В целом же он есть четкое отражение «безумия» реального бытия людей подлинного мира, который прикидывается логичным, а в сущности — беспредельно абсурден. И то сказать, разве мысль срубить цветущий розовый куст менее нелепа, чем мысль о принципиальной невозможности это сделать? Хотя, по нынешним нашим понятиям, первая — логична, а вторая — абсурдна.

Сказочный мир Гарднера и Ле Гуин, при всей своей фантасмагорической бессмысленности, алогичности, нестабильности, не вызовет у читателя раздражения или чувства угнетенности. Абсурдность этого мира уравновешивается человечностью и добротой. В нем нет могущественных злодеев. Напротив, все его обитатели — добрые люди: и мудрая в своем безумии королева Луиза, и король Грегор, который предпочел бы все проблемы решать общенародным голосованием, и благородный разбойник Фрокрор — насильник

и анархист, борец за народное дело, и друзья детства крестьянки Тани, борющиеся за справедливость и желающие, все как один, сделаться принцами и принцессами. Зло и антигуманность мира идут не от людей, они — от «скучных и опасных идей»; и всех, кому эти идеи не дают покоя, следует нещадно пороть. Ни Гарднер, ни тем более Ле Гуин не уточняют, о каких именно идеях идет речь. Но если мы примем в соображение, что сказки свои они создавали на рубеже 60-х и 70-х годов нашего столетия, то все будет ясно и без уточнений.

Ричарда Баха, в отличие от Гарднера и Ле Гуин, интересует не столько содержание жизни, сколько её цель и смысл. Он тоже прямой наследник романтиков, но более в плане идеологическом, нежели эстетическом, ибо стоит в непримиримой оппозиции к буржуазным понятиям о назначении человека, сформулированным великим Франклином двести лет тому назад.

«Время — деньги!» — сказал Франклин. В этих двух словах умещалась целая этическая доктрина, утверждавшая, что праздность безнравственна, что материальный успех есть главная цель человеческих усилий, а деньги — абсолютное мерило всех ценностей людского бытия, включая

и столь невосполнимые, как время. Этическая доктрина Франклина жива по сей день. У Баха она представлена в несколько измененном виде в качестве символа веры «племени» чаек («Мы брошены в этот мир, чтобы есть и оставаться в живых… пока хватает сил») и являет собой тезис, подлежащий не только опровержению, но и неопровержению.

Стремлению к сытости как основному жизненному принципу Бах противопоставляет идею «полета», то есть свободного развития и стремления к совершенству. Само понятие «полета» у Баха обладает известной сложностью и вместе с тем поэтичностью. С одной стороны, это чисто физическое перемещение чайки в воздушном пространстве, описанное категориями современной авиационной практики (одиночные и групповые полеты, скоростные режимы, конфигурация крыла, фигуры высшего пилотажа, техника выхода из пике, перегрузки и т. д.), с другой — метафорическое обозначение свободной мысли, способной в своем полете осваивать иные миры, в том числе Прошлое и Будущее.

В обеих своих ипостасях полет имеет единое направление — вверх, в небеса. В физическом смысле это означает приближение к интеллек-

туальному и техническому совершенству, в метафизическом — постижение доброты и любви. Небеса — это место, где открывается новая эра в нравственном бытии человечества, эра сострадания, взаимопомощи, любви, наставничества. Идея Великой Чайки — всеобъемлющая идея внутренней свободы, реализующейся в деятельности на благо людей, и восходит она к романтической концепции «революции сознания» (Р. Эмерсон, Г. Торо) и к «христианскому возрождению» второй половины XX столетия. Иными словами, идея — старая, можно сказать вечная, но не теряющая актуальности по сей день.

В начале этого обзора говорилось о невозможности написать жанровую историю американской литературной сказки. Упоминалось также о прямой генетической связи между творчеством ранних американских романтиков и литературными сказками, возникавшими в США на протяжении последующих полутора веков. Отсюда, однако, не следует, что литературная сказка в Америке вовсе не испытала никакого развития. Напротив, движение от Ирвинга к Гарднеру ощущается именно как движение, отражающее общую методологическую эволюцию всех видов и жанров национальной словесности. Применительно к

сказке эта общая эволюция выразилась в усилении национального элемента и в удивительной динамике сюжетов, изначальная структура которых, основанная на логике волшебства, постепенно смещалась к логике абсурда. Благодаря такому смещению, как это ни парадоксально, возникла тенденция к сближению «сказочного» мира с реальной действительностью. Впрочем, парадоксальность здесь весьма относительна. Нынешние сказочники традиционно взирают на мир с высоты идей гуманных и благородных. Для них реалии современного бытия в соединении с абсурдными понятиями — вполне логичная комбинация.

Ю. КОВАЛЕВ

ВАШИНГТОН ИРВИНГ

РИП ВАН ВИНКЛЬ

Клянусь Вотаном, богом саксов,
Творцом среды (среда — Вотанов день),
Что правда — вещь, которую храню
До рокового дня, когда сползу
В могилу…[9]

Картрайт[10]

Всякий, кому приходилось подниматься вверх по Гудзону, помнит, конечно, Каатскильские горы. Эти дальние отроги великой семьи Аппалачей[11], взнесенные на внушительную высоту и господствующие над окружающей местностью, виднеются к западу от реки. Любое время года, перемена погоды, даже каждый час на протяжении дня вносят изменения в волшебную окраску и очертания этих гор, так что все добрые хозяйки — и ближние и дальние — пользуются ими как безупречным барометром. Когда погода

---

[9] Примечания: 9

Стихотворение в переводе Т. М. Казмичевой.

[10] Примечания: 10

Уильям Картрайт (1611–1643) — английский поэт, богослов. Аппалачи — горный массив в Северной Америке.

[11] Примечания: 11

Аппалачи — горный массив в Северной Америке.

тиха и устойчива, они — одетые в пурпур и бирюзу — вычерчивают свои смелые контуры на прозрачном вечернем небе, но порою (хотя вокруг, куда ни глянь, все безоблачно) у их вершин собирается сизая шапка тумана, и в последних лучах заходящего солнца она горит и сияет, как венец славы.

У подножия этих сказочных гор путнику, вероятно, случалось видеть легкий дымок, вьющийся над деревней, шиферные крыши которой поблескивают между деревьями как раз в том месте, где голубые тона предгорья переходят в яркую зелень ближних лесов и лугов. Это — старинная деревушка, построенная голландцами-колонистами в самую раннюю пору колонизации, в начале правления доброго Питера Стюйвезента[12] (да будет мир праху его!), и ещё совсем недавно тут стояло несколько домиков, сложенных первыми поселенцами из мелкого, вывезенного из Голландии желтого кирпича, с решетчатыми оконцами и флюгерами в виде петушков на гребнях остроконечных крыш. В этой деревушке, как раз в одном из таких домиков (который, сказать по правде, порядком пострадал от времени и

[12] Примечания: 12

Питер Стюйвезент — губернатор штата Новые Нидерланды с 1647 по 1664 г.

от непогоды), много лет тому назад, ещё тогда, когда весь край принадлежал Великобритании, жил простой, добродушный малый по имени Рип ван Винкль. Он был из числа потомков тех ван Винклей, которые с великою славою подвизались в рыцарственные времена Питера Стюйвезента и сопровождали его в походе на форт Христина[13]. Воинственного характера своих предков он, впрочем, не унаследовал. Я заметил уже, что это был простой, добродушный человек; больше того, он был хороший сосед и покорный, забитый супруг. Возможно, что это последнее обстоятельство и воспитало в нем ту кротость духа, которая снискала ему всеобщую любовь и широкую популярность, ибо наиболее услужливыми и покладистыми вне своего дома оказываются мужчины, привыкшие повиноваться сварливым и вечно бранящимся женам. Их нрав, пройдя через горнило домашних невзгод, становится, вне всякого сомнения, весьма гибким и податливым, ибо хорошая супружеская нахлобучка лучше иной проповеди научит человека добродетели терпения и послушания. Вот почему сварливую жену в некоторых отношениях можно

[13] Примечания: 13
Форт Христина — укрепленное поселение на реке Делавер.

считать благословением неба, а раз это так, Рип ван Винкль был трижды благословен.

Как бы там ни было, но он, бесспорно, пользовался горячей симпатией всех деревенских кумушек, которые, согласно обыкновению прекрасного пола, во всех семейных неурядицах Рипа неизменно становились на его сторону и, когда тараторили друг с другом по вечерам, не упускали случая взвалить всю вину на госпожу ван Винкль. Даже деревенские ребятишки встречали его появление шумным и радостным гомоном. Он принимал участие в их забавах, мастерил для них игрушки, учил запускать змея и рассказывал им нескончаемые истории про духов, ведьм и индейцев. Когда бы ни брел он по деревне, его постоянно окружала ватага ребят, цеплявшихся за полы его одежды, забиравшихся к нему на спину и безнаказанно учинявших тысячи шалостей; кстати, не было ни одной собаки в окрестностях, которой пришло бы в голову на него залаять.

Большим недостатком в характере Рипа было непреодолимое отвращение к производительному труду, происходившее, однако, не от недостатка усидчивости или терпения, — ведь сидел же он целыми днями на мокром камне с удочкой,

длинной и тяжелой, как татарская пика, даже если не было клёва. С ружьем на плече он часами бродил по лесам и болотам, по горам и долам, чтобы подстрелить несколько белок или диких голубей.

Никогда не отказывался он пособить соседу в самой трудной работе и был первым, когда вся деревня принималась лущить кукурузу или возводить каменные заборы; так что деревенские женщины привыкли нагружать его различными поручениями и мелкими работами, взяться за которые никогда бы не согласились их менее покладистые мужья. Короче говоря, Рип охотно брался за чужие дела, но отнюдь не за свои собственные; исполнять обязанности отца семейства и содержать ферму в порядке казалось ему не по силам.

Он заявлял, что обрабатывать ферму не стоит: это, мол, самый скверный участок земли во всей округе, где все растет из рук вон плохо и всегда будет расти отвратительно, несмотря на все труды и усилия. Изгороди у него то и дело разваливались; его корова неизменно умудрялась заблудиться или попадала в чужую капусту; сорняки вырастали у него быстрее, чем у кого бы то ни было; дождь всегда начинался как раз в

то время, когда он собирался работать на дворе, и хотя доставшаяся ему по наследству земля, сокращаясь акр за акром, превратилась в конце концов благодаря его хозяйничанию в узкую полоску картофеля и кукурузы, полоска эта была наихудшею в этих местах.

Дети его ходили такими оборванными и одичалыми, словно росли без родителей. Его сын Рип походил на отца, и по всему было видно, что вместе со старым платьем он наследует и отцовский характер. Обычно он трусил рысцой, как жеребенок, у подола своей матери, облаченный в старые, протертые до дыр отцовские штаны, которые он с великим трудом придерживал одною рукой, подобно тому как нарядные дамы в дурную погоду подбирают шлейф своего платья.

Рип ван Винкль, несмотря на это, принадлежал к разряду тех счастливых смертных, обладателей легкомысленного и беспечного нрава, которые живут не задумываясь, едят белый или черный хлеб, в зависимости от того, какой легче добыть без труда и забот, и скорее готовы сидеть сложа руки и голодать, чем работать и жить в довольстве. Если бы Рип был предоставлен самому себе, он посвистывал бы в полное удовольствие всю свою жизнь, но, увы, его супруга прожужжала

ему уши насчёт его лени, беспечности и разорения, до которого он довел собственную семью. Утром, днем и ночью она трещала без умолку: что бы ни сказал и что бы ни сделал её супруг, вызывало неизменный поток домашнего красноречия. У Рипа был лишь один способ отвечать на все проповеди подобного рода (благодаря частому повторению этот способ превратился в привычку): он пожимал плечами, покачивал головой, возводил к небу глаза и не произносил ни единого звука.

Впрочем, это вызывало новые вспышки ярости со стороны его неугомонной супруги, так что в конце концов ему приходилось отступать с поля сражения и уходить из дому — все, что остается делать бедным мужьям, живущим под башмаком у жены.

Единственным другом Рипа среди домашних был пес по имени Волк, которому доставалось ничуть не меньше, чем его хозяину, ибо госпожа ван Винкль, считавшая, что они оба — лентяи, злобно косилась на Волка как на причину частых отлучек её супруга. Волк, по правде говоря, обладал всеми чертами характера, которые полагается иметь порядочному псу, и не уступил бы в отваге ни одному зверю, рыскавшему среди

лесов, но какая храбрость и какая отвага устоят перед неотвязными, безостановочными придирками женщины! Стоило Волку переступить порог своего дома — и облик его сразу преображался: понуро опустив голову, зажав между ног хвост, крался он с видом преступника, то и дело бросая исподтишка взгляды на госпожу ван Винкль, и при малейшем взмахе метлы или половника с воем и визгом кидался к двери.

С годами семейная жизнь Рипа становилась все тягостнее. Дурной характер никогда не смягчается с возрастом, а острый язык единственный из всех режущих инструментов, который не только не притупляется от постоянного употребления, но, наоборот, делается все более острым. Будучи изгнан из дому, Рип мало-помалу привык находить отраду в посещении своеобразного клуба мудрецов, философов и прочих деревенских бездельников, заседавших на скамье перед кабачком, вывеской которому служил намалеванный красною краской портрет его королевского величества Георга III[14]. Здесь просиживали они в холодке долгие летние дни, бесстрастно передавая друг другу деревенские сплетни или сонно

[14] Примечания: 14
Георг III (1760–1820) — английский король.

пережевывая бесконечные и бессмысленные истории. Впрочем, иной государственный деятель выложил бы хорошие денежки, чтобы послушать глубокомысленные споры, возникавшие иной раз, когда к ним в руки попадала старая газета, завезенная сюда каким-нибудь случайным проезжим. С какою торжественностью внимали они Тогда неторопливому, выразительному чтению Деррика ван Буммеля, школьного учителя, живого ученого человечка, который не запнувшись мог произнести самое длинное слово во всем словаре! Сколь глубокомысленно толковали они по поводу событий, происходивших несколько месяцев тому назад!

Общественным мнением этого высокого собрания заправлял Николас Веддер, патриарх деревни и владелец кабачка, у порога которого он восседал с утра до ночи, передвигаясь ровно настолько, сколько требовалось, чтобы укрыться от солнца и остаться в тени огромного дерева, так что соседи, наблюдая его передвижения, могли определять время с такою же точностью, как если бы пред ними были солнечные часы.

Правда, голос патриарха можно было услышать нечасто, зато трубкой своей он дымил беспрерывно. Несмотря на это, приверженцы Веддера (а

у всех великих людей всегда бывают приверженцы) отлично понимали его и умели угадывать его мнения. Было замечено, что если чтение или рассказ были ему неприятны, он начинал яростно попыхивать трубкой, выпуская изо рта частые, короткие и сердитые облачка дыма; испытывая удовольствие, он, напротив, медленно затягивался и спокойно выпускал дым легкими, мирными облачками; время от времени, вынимая изо рта трубку, он степенно кивал головой в знак полного одобрения, и тогда около его носа завивался ароматный дымок.

Впрочем, из этой твердыни бедняга Рип был в конце концов изгнан своею грозной женой, которая внезапно нарушала спокойствие и безмятежность достопочтенного собрания и осыпала его членов насмешками и издевательствами. Даже священную особу Николаса Веддера не пощадил дерзкий язык этой крикливой женщины, обвинявшей патриарха в том, что он потворствует праздным наклонностям её легкомысленного супруга.

В конце концов бедный Рип дошел почти до полного отчаянья; единственное, что ему оставалось, чтобы избавиться от работы на ферме и брани жены, — это взять в руки ружье и от-

правиться бродить по лесам. Здесь он иногда присаживался поближе к дереву и делился с Волком (к которому испытывал сострадание, как к товарищу по несчастью) содержимым своей охотничьей сумки. «Бедный Волк, — говорил он в таких случаях, — твоя хозяйка устраивает тебе собачью жизнь? Ничего, приятель, пока я жив, есть кому за тебя постоять!» Волк помахивал хвостом, грустно смотрел в лицо хозяину, и, если только собаки способны сочувствовать людям, я охотно поверю, что он от всего сердца отвечал Рипу взаимностью.

Однажды в ясный осенний день Рип забрел неприметно для себя на какую-то вершину Каатскильских гор. Он предавался излюбленной им охоте на белок, и безлюдные горы отвечали многократным эхом на его выстрелы. Тяжело дыша от усталости, уже к вечеру, опустился он на склон зеленого, поросшего горной травою бугра, у самого края пропасти.

Оттуда сквозь просветы между деревьями он видел обширную, тянувшуюся на многие мили равнину, покрытую густым лесом. Где-то внизу величаво и безмолвно катил свои воды могучий Гудзон (лишь изредка на его зеркальном лоне можно было заметить отражение багря-

ного облачка или паруса медлительной, как бы застывшей на месте барки), но и самый Гудзон терялся наконец в синеве дальних предгорий.

С противоположной стороны перед ним открывалась глубокая горная лощина — дикая, пустынная, взъерошенная, — дно которой, заваленное обломками нависших сверху утесов, было едва освещено отсветами лучей заходящего солнца. Рип лежал и задумчиво глядел на эту картину: наступал вечер; горы отбрасывали длинные синие тени и закрывали ими долины. Рип понял, что стемнеет гораздо раньше, чем он успеет добраться до деревни, и, тяжко вздохнув, представил себе грозную встречу, уготованную ему госпожою ван Винкль.

Впрочем, когда он собрался было спуститься с горы, он услышал донесшийся издали окрик: «Рип ван Винкль! Рип ван Винкль!» Рип посмотрел во все стороны, но не обнаружил никого, кроме вороны, направлявшей свой одинокий полет через горы. Он решил, что воображение обмануло его, и снова приготовился к спуску, как вдруг опять услыхал тот же голос, отчетливо прозвучавший в вечерней тишине: «Рип ван Винкль! Рип ван Винкль!» В то же мгновение Волк ощетинился, зарычал, прижался к хозяину

и замер, испуганно глядя вниз. Теперь и Рип ощутил какую-то неопределенную тревогу и взглянул в том же направлении. Он увидел наконец странную фигуру, поднимавшуюся вверх по скалам и гнувшуюся под тяжестью ноши. Рип удивился, встретив человеческое существо в столь пустынной и обычно безлюдной местности, но потом решил, что это — кто-нибудь из окрестных жителей, нуждающихся в его помощи, и начал торопливо спускаться в долину.

Приблизившись, он был поражен странной внешностью незнакомца. Перед ним стоял коренастый старик с густой гривой волос и седой бородою. Он был одет по старинной голландской моде: суконная куртка, перетянутая у пояса ремнем, и широкие многослойные штаны, украшенные по бокам пуговицами, а у колен — бантами. Он тащил на плече изрядный бочонок, очевидно наполненный водкой, и знаком попросил Рипа помочь ему. Хотя Рип несколько оробел и не чувствовал доверия к незнакомцу, он всё же со всегдашнею готовностью откликнулся на призыв, — и вот, помогая друг другу, они стали карабкаться вверх по промоине, представлявшей собою, надо полагать, сухое русло ручья.

Во время подъема Рип не раз слышал глухие

раскаты, напоминавшие далекий гром. Они доносились, казалось, из глубокого оврага, или, вернее, из ущелья между высокими скалами; к нему-то и вела та неровная, усыпанная щебнем тропа, по которой они взбирались. Рип на мгновенье остановился и, рассудив, что это, должно быть, отдаленный гул короткого грозового ливня, который часто бывает в горах, тронулся дальше. Пройдя ущелье, они вышли в котловину, похожую на маленький амфитеатр. Котловина была со всех сторон окружена отвесными скалами, с краев которых свешивались ветви деревьев, так что снизу можно было увидеть лишь клочки лазурного неба или — порою — яркое вечернее облачко. За все время ни Рип, ни его спутник не проронили ни слова, и хотя первый недоумевал, зачем тащить бочонок с водкою в дикие пустынные горы, он так и не решился обратиться за разъяснениями к старику, ибо в нем было что-то необыкновенное и непостижимое, внушавшее страх и исключавшее возможность сближения.

Добравшись до котловины, Рип увидел здесь немало достойного удивления. Посредине, на гладкой площадке, компания странных людей резалась в кегли. На них было причудливое иноземное платье: одни — в коротких куртках,

другие — в камзолах, с длинными ножами у пояса, и все, по большей части, — в таких же необъятных штанах, в какие был облачен проводник Рипа. Физиономии их тоже были необычны: у одного — огромный череп, плоское лицо и маленькие свиные глазки; лицо другого (на нем был белый колпак, похожий на сахарную голову, украшенную красным петушиным перышком), казалось, состояло из одного носа. Все они имели бороды различной формы и различного цвета. Один из них выглядел предводителем; этот дюжий пожилой джентльмен с обветренным лицом носил камзол с галунами, широкий пояс и кортик, а также треуголку с перьями, красные чулки и башмаки с пряжками на очень высоких каблуках. Вся группа в целом напомнила Рипу старинную фламандскую картину в гостиной деревенского пастора ван Шейка, привезенную из Голландии ещё в те времена, когда здесь было основано первое поселение.

Но вот что больше всего поразило Рипа: хотя люди эти, судя по всему, развлекались от всего сердца, их лица оставались неподвижными и все они сохраняли таинственное молчание; никогда ещё Рипу не доводилось присутствовать при такой унылой игре. Кроме стука шаров, которые,

едва покатившись, будили в горах громкое эхо, грохотавшее подобно громовым раскатам, ничто не нарушало безмолвия этой сцены.

Когда Рип и его спутник подошли ближе, игроки внезапно прекратили партию и уставились на них неподвижным, мертвенным, как у статуй, взглядом; их лица были такие странные, такие потухшие, что у Рипа екнуло сердце и задрожали поджилки. Между тем его спутник стал разливать содержимое бочонка в большие кубки и знаком показал Рипу, что их следует поднести играющим. Рип повиновался со страхом и дрожью; в глубоком молчании проглотили они напиток и снова возвратились к игре.

Мало-помалу Рип освоился с окружающим. Его страх и тревога прошли. Он осмелился даже (разумеется, только тогда, когда никто на него не смотрел) отведать напитка и нашел, что он имеет вкус отменной голландской водки, Принадлежа по натуре к разряду вечно алчущих, он не выдержал искушения и хлебнул ещё раз, а так как один глоток влечет за собою другой, то он все прикладывался да прикладывался, так что в конце концов сознание его затуманилось, голова отяжелела и опустилась на грудь и сам он погрузился в глубокий сон.

Проснувшись, Рип увидел себя на том же самом зеленом бугре, откуда он впервые заметил вчерашнего старика из долины. Он протер глаза — было яркое солнечное утро. В кустах порхали и щебетали птички; в небе широкими кругами парил орел, рассекая чистый горный воздух. «Неужели, — подумал Рип, — я провел здесь целую ночь?» Он припомнил все, что случилось перед тем, как он задремал. Странный человек с бочонком водки… котловина в горах… дикий уголок среди скал… унылая партия в кегли… кубок… «Ох, этот кубок, — подумал Рип, — этот проклятый кубок! Как мне теперь оправдаться перед госпожою ван Винкль?»

Он принялся за поиски своего ружья, но вместо нового, отлично смазанного дробовика нашел рядом с собою старый кремневый мушкет; ствол был изъеден ржавчиною, замок отвалился, ложе источено червями. Он заподозрил, что вчерашние немые гуляки, которых он встретил в горах, сыграли с ним шутку и, напоив водкой, украли ружье. Волк тоже бесследно исчез; впрочем, он мог погнаться за куропаткой или белкой. Рип свистнул и позвал его по имени — но все было напрасно. На свист и крики ответило только эхо, собаки нигде не было.

Он решил ещё раз наведаться в то место, где вчера происходила игра; если встретится кто-нибудь из игроков, он потребует от него ружье и собаку. Поднявшись на ноги, чтобы выполнить своё намерение, он почувствовал, что с трудом разгибает спину и что ему недостает прежней легкости в движениях.

«Постель в горах, видно, не для меня, — подумал Рип. — Если после прогулки я схвачу ревматизм, попадет мне от моей хозяйки!» С трудом спустился он в долину и отыскал промоину, по которой вчера вечером поднимался со своим спутником в гору. К его изумлению, здесь теперь катился и перескакивал со скалы на скалу, наполняя долину ревом и рокотом, бурный горный поток. Рип тем не менее стал карабкаться вверх, вдоль по берегу, и ему пришлось проложить себе путь сквозь заросли березняка и орешника, путаясь и по временам увязая среди густых лоз дикого винограда, соткавшего своими цепкими завитками и усиками своего рода сеты.

Наконец добрался он до того места в долине, где между утесами должен был открыться проход в амфитеатр, но не обнаружил и следа никакого прохода. Скалы вздымались отвесной непроходимой стеной; сверху легкой полосой летучей пены

низвергался поток, стекавший в просторный водоем, глубокий и черный, как всегда, укутанный тенью растущего вокруг леса. Здесь бедняга Рип вынужден был остановиться. Он ещё раз свистнул и окликнул своего пса, но в ответ донеслось лишь карканье праздных ворон, круживших высоко в воздухе над сухим деревом, свисавшим в озаренную солнцем пропасть; вороны, чувствуя себя в безопасности, — ещё бы на такой-то высоте! — поглядывали вниз и, казалось, издевались над замешательством бедного Рипа. Что ему оставалось делать? Утро проходило, он испытывал голод: он ведь не завтракал! Его огорчила потеря ружья и собаки, он страшился встречи с женой, но не помирать же ему с голода в этих горах! Покачав головою, он взвалил на плечо ржавый мушкет и с сердцем, исполненным забот и тревоги, направился к дому.

Подойдя к деревне, Рип повстречал несколько человек, но среди них не попалось ни одного знакомого; это его до некоторой степени удивило, ибо он считал, что в своей округе знает каждого встречного и поперечного. Одежда их к тому же была совсем другого покроя, чем тот, к которому он привык. Все они следили за ним пристальным взглядом и всякий раз, посмотрев на него, неиз-

менно проводили рукою по подбородку. Видя постоянное повторение этого жеста, Рип невольно сделал то же самое и, к своему изумлению, обнаружил, что борода его отросла по крайней мере на целый фут.

Он вошел наконец в деревню. Ватага незнакомых ребят следовала за ним по пятам; они свистели и указывали пальцами на его бороду. Собаки — но и среди них не было ни одной старой знакомой — при его появлении бросились на него, надрываясь от лая.

Да и деревня тоже переменилась — она стала больше и многолюдней. Перед ним тянулись ряды домов, которых он прежде не знал, а, между тем, хорошо известные ему домики исчезли бесследно. Чужие имена на дверях, чужие лица в окнах — все стало чужое. Было от чего потерять голову. Рип решил, что и сам он, и весь окружающий мир оказались во власти колдовских чар. Конечно, в этом не могло быть сомнений, — пред ним была родная деревня, которую он покинул только вчера. Здесь высятся Каатскильские горы, вдалеке серебрится быстрый Гудзон, а вот — те холмы и долы, которые стояли тут испокон века. Рип был не на шутку озадачен. «Вчерашний кубок, — подумал он, — одурманил мне, видно,

голову».

Не без труда нашел он дорогу к своему дому, к которому, кстати сказать, он стал подходить с немым страхом, ожидая, что вот-вот раздастся пронзительный голос госпожи ван Винкль. Дом оказался в полном упадке: крыша провалилась, стекла выбиты, двери едва держались на оборванных петлях. Вокруг дома бродила тощая, голодная, похожая на Волка, собака. Рип позвал её, но она с ворчанием оскалила зубы и шмыгнула мимо. Это был злой, недоверчивый пес. «Моя собственная собака, — вздохнул Рип, — и та забыла меня».

Он вошел в дом, который госпожа ван Винкль, надо отдать ей справедливость, всегда содержала в чистоте и порядке. Дом был пуст, заброшен и, как видно, покинут. Эта заброшенность победила в нем страх перед женой, и он стал громко звать её и детей; пустые комнаты на мгновенье наполнились звуком его голоса, и затем снова воцарилась мертвая тишина.

Рип торопливо вышел из дому и зашагал к своему старому прибежищу — деревенскому кабачку, но кабачок бесследно исчез! На его месте стояло покосившееся деревянное здание с большими окнами; некоторые из них были разбиты и кое-

как заткнуты старыми шляпами и юбками; над входом в здание красовалась вывеска:

СОЮЗ
Гостиница Джонатана Дулитла

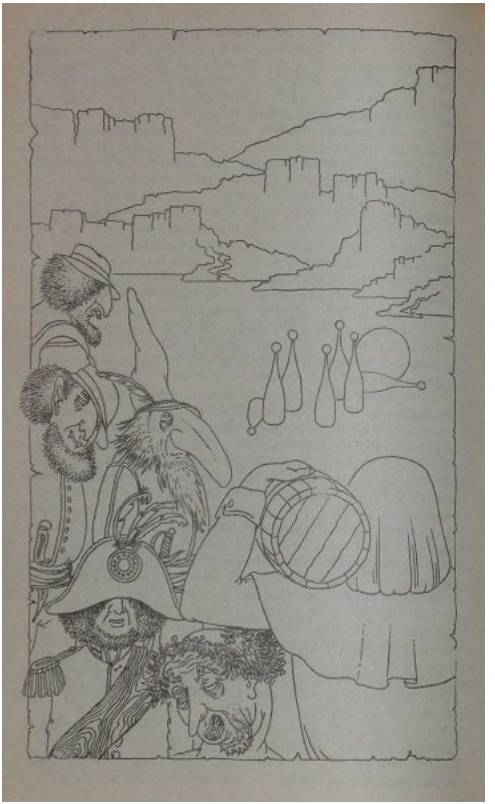
Вместо высокого дерева, под сенью которого ютился когда-то мирный голландский кабачок, торчал длинный голый шест, и на конце его красовалось нечто похожее на красный ночной колпак. На этом шесте развевался также неизвестный ему пестрый флаг с изображением каких-то звезд и полос, — все это было чрезвычайно странно и непонятно. Он разглядел, впрочем, на вывеске, под которой не раз выкуривал свою мирную трубку, румяное лицо короля Георга III, но и портрет тоже изменился самым удивительным образом; красный мундир стал желто-голубым; вместо скипетра в руке оказалась шпага; голову венчала треугольная шляпа, под портретом крупными буквами было выведено: ГЕНЕРАЛ ВАШИНГТОН.

Как и всегда, у дверей толкалось много народа, но в толпе Рип не встретил ни одного знакомого лица. Изменился, казалось, даже самый характер людей. Вместо былой невозмутимости и сонного спокойствия во всем проступали деловитость, напористость, суетливость. Рип тщетно искал

глазами мудрого Николаса Веддера с его широким лицом, двойным подбородком, всегда предпочитавшего пустым речам попыхивание своей славною длинною трубкой, или школьного учителя ван Буммеля, пережевывавшего содержание старой газеты. Но зато какой-то тощий, желчного вида субъект, карманы которого были битком набиты листовками, шумно разглагольствовал о гражданских правах, о выборах, членах Конгресса, свободе, Бенкерс-Хилле[15], героях 1776 года и о многом другом, так что речь его показалась ошеломленному Рипу каким-то вавилонским смешением языков.

[15] Примечания: 15

Бенкерс-Хилл — одна из высот в окрестностях Бостона, где 17 июня 1775 г. произошло сражение между американской армией и англичанами.



Появление Рипа, его длинная седая борода, ржавое кремневое ружье, странное платье и целая армия женщин и детей, следующих за

ним по пятам, немедленно привлекли внимание трактирных политиканов. Они обступили его и с великим любопытством начали разглядывать с головы до пят. В мгновение ока возле Рипа очутился оратор и, отведя его в сторону, спросил, за кого он будет голосовать. Рип недоуменно уставился на него. Не успел он опомниться, как какой-то маленький шустрый человечек дернул его за рукав, поднялся на носки и зашептал в ухо: «Кто же вы — федералист или демократ?»[16] Рип и на этот раз не понял ни слова. Вслед за тем почтенный и важный пожилой джентльмен в остроконечной треуголке протискался к нему сквозь толпу, расталкивая всех локтями, и, очутившись пред Рипом ван Винклем, подбоченился, оперся рукою на набалдашник трости и, проникая как бы в самую его душу пристальным холодным взглядом и острием своей треуголки, строго спросил, на каком основании он явился на выборы с ружьем и с какою целью привел с собою толпу: уж не намерен ли он поднять в деревне мятеж?

— Помилуйте, джентльмены! — воскликнул Рип, окончательно сбитый с толку. — Я бедный

[16] Примечания: 16

Федералисты и демократы — основные политические партии в США на рубеже XVIII–XIX вв.

мирный человек, уроженец этих мест и верный подданный своего короля, да благословит его Бог!

Тут поднялся невообразимый шум: «Тори! Тори! Шпион! Эмигрант! Держи его! Долой!» Человек в треуголке с немалым трудом восстановил порядок, придал себе ещё больше важности и суровости и ещё раз допросил подозрительного пришельца: зачем он сюда явился и что ему нужно? Бедняга Рип стал смиренно доказывать, что он ничего худого не думал и что явился сюда, чтобы повидать кого-нибудь из соседей, обычно собирающихся у кабачка.

— Отлично, но кто же они такие? Назовите их имена! Рип задумался на минуту и сказал:

— Николас Веддер.

Воцарилось молчание, нарушенное наконец каким-то стариком, который тонким, визгливым голосом пропищал: Николас Веддер? Восемнадцать лет назад он скончался. Над его могилой, что на церковном дворе, стоял когда-то деревянный крест, который мог бы о нем рассказать, но крест истлел и теперь от него ничего не осталось.

— А где Бром Детчер?

— Ах этот! Еще в начале войны он отправился в

армию; одни утверждают, что он убит при штурме Стони Пойнт[17], другие говорят, что он утонул во время бури у Антонова Носа[18].

Не знаю, кто из них прав. Он так и не вернулся назад.

— А где ван Буммель, школьный учитель?

— Он тоже ушел на войну, стал важным генералом и теперь заседает в Конгрессе.

Слушая рассказ о переменах, коснувшихся его родной деревни и старых друзей, и рассудив, что он остался теперь один-одинешенек на белом свете, Рип почувствовал, как сердце его сжимается. К тому же каждый ответ порождал в нем недоумение, ибо речь заходила о больших отрезках времени и таких событиях, которые не укладывались в его сознании: война, Конгресс, Стони Пойнт. Он не стал больше расспрашивать про друзей и с отчаяньем в голосе воскликнул:

— Неужели же никто не знает Рипа ван Винкля?

— Ах Рип ван Винкль! — воскликнули два-три человека в толпе. — Ну ещё бы! Вон он, Рип ван Винкль! Возле дерева!

---

[17] Примечания: 17
Стони Пойнт — форт на западном берегу реки Гудзон.

[18] Примечания: 18
Антонов Нос — мыс на реке Гудзон.

Рип взглянул в указанном направлении и увидел точную свою копию, увидел себя таким, каким он ушел когда-то в горы; ну конечно, точь-в-точь такой же ленивец и оборванец! Бедняга Рип окончательно растерялся. Он усомнился в себе самом: кто же он — Рип ван Винкль или кто-нибудь другой? И едва в нем мелькнула эта дикая мысль, как человек в треуголке спросил:

— Кто вы и как вас зовут?

— Бог его знает! — воскликнул Рип, теряя рассудок. — Ведь я вовсе не я… я — кто-то другой… Вон там… нет… это кто-то другой в моей шкуре… Вчера вечером я был настоящий, но я провел эту ночь в горах, чужие люди подменили моё ружье, все переменилось, я переменился, и я не могу сказать, кто я такой.

Тут присутствующие начали переглядываться, перемигиваться, покачивать головой и многозначительно постукивать себя по лбу. В толпе зашептались о том, что следует отнять у старика ружье, а не то он ещё натворит каких-нибудь бед. При упоминании о подобной возможности важный мужчина в треуголке поспешно ретировался. В эту решительную минуту молодая хорошенькая женщина, протолкавшись вперед, подошла взглянуть на седобородого старца. На

руках у неё был толстощекий малыш, который при виде Рипа заорал благим матом.

— Молчи, Рип! — вскричала она. — Молчи, дурачок! Дедушка тебе худого не сделает.

Имя ребенка, внешность матери, её голос —? все это пробудило в душе Рипа вереницу далеких воспоминаний.

— Как тебя зовут, милая? — спросил он.

— Джудит Гарденир.

— А как звали твоего отца?

— Его, беднягу, звали Рип ван Винкль, но вот уже двадцать лет, как он ушел из дому, и с той поры о нем ни слуху ни духу. Собака его вернулась домой, но что сталось с моим отцом: застрелился ли он или был схвачен индейцами, — про это не знает никто. Я была тогда совсем маленькой девочкой.

Рипу не терпелось выяснить ещё одно обстоятельство, и с дрожью в голосе он задал последний вопрос:

— А где твоя мать?

— Она скончалась; это случилось недавно. У неё лопнула жила, — она повздорила с разносчиком из Новой Англии[19]. По крайней мере

---

[19] Примечания: 19

Новая Англия Н северо-восточная часть США. Колонии Новой Англии играли ведущую роль в борьбе за независимость.

хоть это известие заключало в себе крупицу утешения. Бедняга не мог дольше сдерживаться. В одно мгновение и дочь и ребенок оказались в его объятиях.

— Я твой отец! — закричал он взволнованно. — Я Рип ван Винкль, когда-то молодой, а нынче старый Рип ван Винкль! Неужели никто на свете не признает беднягу Рипа ван Винкля?

Все с изумлением смотрели на него. Какая-то ветхая старушка, пошатываясь от слабости, вышла наконец из толпы, прикрыла ладонью глаза и, вглядевшись в его лицо, воскликнула:

— Ну конечно! Это — Рип ван Винкль, он самый! Добро пожаловать! Где же ты пропадал, старина, целых двадцать лет?

История Рипа была очень короткой, ибо целое двадцатилетие пролетело для него, как одна летняя ночь. Окружающие, слушая Рипа, пялили на него глаза и дивились его рассказу; впрочем, находились люди, которые подмигивали друг другу и корчили рожи, а почтенный человек в треуголке, по окончании тревоги снова возвратившийся к месту происшествия, поджал губы, покачал головой, и в ответ на это движение закачались головы всех собравшихся.

Тут же порешили узнать мнение старого Пите-

ра Вандердонка. Как раз в это время он медленно проходил по дороге. Он был потомком историка с тем же именем, который оставил одно из первых исследований по истории здешних мест. Питер был самым старым из числа обитателей деревни и к тому же знал назубок все примечательные события и предания округи. Он тотчас же признал Рипа и заявил, что считает его рассказ вполне достоверным. Он убедил присутствующих, что Каатскильские горы, как это подтверждает его предок-историк, великий Гендрик Гудзон[20], впервые открывший и исследовавший реку и прилегающий край, один раз в двадцать лет собирает в горах экипаж своего «Полумесяца» и устраивает для него смотр. Таким образом он обеспечивает себе возможность навещать область, бывшую ареною его подвигов, и присматривать бдительным оком за рекой и большим городом, названным его именем. Отцу Питера Вандердонка удалось однажды увидеть это собственными глазами: призраки были одеты в старинное голландское платье, они играли в кегли в котловине между горами, да и ему самому один раз, летним вечером, довелось услышать стук их шаров, по-

[20] Примечания: 20

Гудзон Генри (Гендрик) (1550–1611) — известный английский мореплаватель.

хожий на раскаты далекого грома.

Итак, толпа успокоилась и приступила к более важному делу — к выборам.

Дочь Рипа взяла отца к себе. У неё был уютный, хорошо обставленный дом и рослый жизнерадостный муж, в котором Рип узнал одного из сорванцов, забиравшихся во время оно к нему на спину. Что касается сына и наследника Рипа, того, что стоял под деревом, точной копии своего отца-лентяя, то он работал на ферме у сестры и проявлял унаследованную от отца склонность заниматься всем чем угодно, только не собственным делом.

Рип возобновил свои странствования и былые привычки; он разыскал также старых приятелей, но они были уже не те: время не пощадило и их! По этой причине он предпочитал друзей из среды подрастающего поколения, любовь которого вскоре снискал.

Свободный от каких бы то ни было домашних обязанностей, достигнув того счастливого возраста, когда человек безнаказанно предается праздности, Рип занял своё старое место у дверей кабачка и мало-помалу заслужил всеобщее уважение в качестве патриарха деревни и как живая летопись давних, довоенных времен. Про-

шло немало дней, прежде чем он вошел в курс местных сплетен и освоился с небыкновенными событиями, приключившимися во время его многолетнего сна. Тут была и Война за независимость[21], и свержение ига английской тирании, и, наконец, превращение его самого из подданного короля Георга III в свободного гражданина Соединенных Штатов. Сказать по правде, Рип плохо разбирался в политике: перемены в жизни государств и империй мало задевали его; ему был известен только один вид деспотизма, под гнетом которого он столь долго страдал, — правление юбки. По счастью, этому деспотизму тоже пришел конец; сбросив со своей шеи ярмо супружества и не страшась более тирании госпожи ван Винкль, он мог уходить из дому и возвращаться домой когда пожелает. Всякий раз, однако, при упоминании её имени он покачивал головою, пожимал плечами и возводил глаза к небу, что с одинаковым правом можно было рассматривать и как выражение покорности судьбе, и как радость по поводу неожиданного освобождения.

Рип рассказывал свою историю каждому ново-

[21] Примечания: 21

Война за независимость (1775–1783) — освободительная война тринадцати английских колоний, в результате которой возникли Соединенные Штаты Америки.

му постояльцу гостиницы мистера Дулитла. Было замечено, что поначалу он каждый раз вносил в свою историю некоторые поправки, вероятно потому, что ещё совсем недавно пребывал во власти своих сновидений. Под конец его история отлилась в тот самый рассказ, который я только что воспроизвел, и во всей округе нельзя было найти мужчины, женщины или ребенка, которые не знали бы её наизусть. Иногда, впрочем, выражались сомнения в достоверности повествования; люди уверяли, что Рип попросту спятил и что его история и есть, собственно, тот пункт помешательства, который никак не вышибить из его головы. Однако старые голландские поселенцы относятся к ней с полным доверием. И сейчас, услышав летним вечером раскаты далекого грома, доносящиеся со стороны Каатскильских гор, они утверждают, что это Гендрик Гудзон и экипаж его корабля играют партию в кегли. А когда жить становится невмоготу, все здешние мужья, пребывающие под жениным башмаком, мечтают о том, чтобы испить забвения из кубка Рипа ван Винкля.

ЛЕГЕНДА ОБ АРАБСКОМ АСТРОЛОГЕ

Давным-давно, много столетий назад, жил-был мавританский султан по имени Абен Абус, повелитель Гранады[22]. Это был завоеватель в отставке, то есть такой, который, когда-то, в дни своей молодости, проводил жизнь в беспрерывных набегах и грабежах, а теперь, состарившись и одряхлев, хотел только покоя и мечтал лишь о том, чтобы жить в ладу со всем миром, почивать на лаврах и безмятежно править владениями, некогда отнятыми у соседей.

Случилось, однако, что этому в высшей степени благоразумному и миролюбивому престарелому монарху пришлось столкнуться с молодыми соперниками — юными принцами, исполненными его былой страсти к славе и битвам и склонными потребовать от него уплаты по счетам, завещанным их отцами. К тому же некоторые отдаленные области его государства, которыми он в дни своей мощи управлял надменно и гордо, ныне, когда он хотел только покоя, обнаруживали готовность

---

[22] Примечания: 22

Гранада — административный центр провинции Гранада в Андалусии.

восстать, и существовала опасность, что они двинутся на столицу. Таким образом, враги грозили ему отовсюду, а так как Гранада окружена дикими и скалистыми горами, скрывающими приближение неприятеля, бедный Абен Абус, не зная, с какой стороны ожидать враждебных действий, пребывал в состоянии вечной настороженности и тревоги.

Понапрасну строил он в горах великое множество сторожевых башен, понапрасну расположил на перевалах дозоры с приказом — в случае приближения противника жечь по ночам костры, а днем курить дымом. Юркие, увертливые враги, несмотря на его бесчисленные меры предосторожности, пробирались через какое-нибудь неведомое ущелье, под самым его носом разоряли принадлежавшие ему земли и уходили с добычею в горы. Бывал ли когда-нибудь удалившийся в отставку завоеватель в более неприятном, более тягостном положении?

Как раз в то время, когда эти тревоги и неприятности особенно одолевали Абен Абуса, ко двору прибыл старый-престарый арабский врач.

Его седая борода спадала до пояса, и вообще все в нем свидетельствовало о крайней старости, хотя он проделал весь путь из Египта пешком,

не пользуясь никакой иной помощью, кроме посоха, исчерченного иероглифами. Молва предшествовала ему. Его звали Ибрагим ибн Абу Аюб; утверждали, что он жил ещё во времена Магомета и что он сын Абу Аюба, последнего из сподвижников пророка. Будучи ещё ребенком, он попал в Египет вместе с победоносным войском Амру и оставался там многие годы, изучая у египетских жрецов чернокнижие, и в частности магию.

Передавали также, будто он отыскал секрет продления жизни, благодаря чему и живет более двух столетий, но, так как это открытие было сделано им уже в преклонных летах, ему пришлось остаться при седых волосах и морщинах.

Этот необычайный старец был с почетом принят султаном, который, подобно большинству престарелых монархов, с некоторых пор стал питать к врачам особую благосклонность. Он хотел отвести ему помещение во дворце, но астролог предпочел пещеру на той стороне холма, которая подымается над Гранадой и на которой впоследствии была выстроена Альгамбра[23]. Он велел расширить и отделать пещеру так, чтобы получилось нечто вроде просторного и высокого зала

---

[23] Примечания: 23
Альгамбра — крепость мавританских властителей в Гранаде.

с круглым отверстием в потолке, сквозь которое, как со дна колодца, он мог бы рассматривать небо и даже в полдень наблюдать звезды. Стены зала были расписаны египетскими иероглифами, кабалистическими символами и знаками Зодиака. Этот зал он уставил множеством всяких приборов, изготовленных под его наблюдением искуснейшими мастерами Гранады, приборов, таинственные свойства которых были известны, однако, лишь ему одному.

Вскоре мудрец Ибрагим стал ближайшим советником султана, прибегавшего к его помощи во всех затруднительных случаях. Как-то раз Абен Абус горько сетовал на соседей, из-за которых ему приходится быть постоянно настороже, дабы оградить себя от вторжений. Выслушав эти жалобы, астролог после непродолжительного молчанья промолвил:

— Знай, повелитель, что, находясь в Египте, я лицезрел великое чудо, сотворенное некогда языческой жрицею. Над городом Борса, на горе, откуда открывается вид на долину великого Нила, стоит баран и на нем петушок — оба из литой меди, — и они вращаются на особой оси. Всякий раз, как стране угрожает нашествие, баран поворачивается в сторону неприятеля, а

петушок кукарекает, благодаря чему жители города заранее знают об опасности и о том, откуда она приближается, так что могут своевременно принять необходимые меры.

— Великий Боже! — воскликнул миролюбивый Абен Абус. — Каким бесценным сокровищем был бы для меня подобный баран, зорко стерегущий окрестные горы; каким сокровищем был бы петух, кукарекающий в час опасности! Алла Акбар[24]! Как мирно почивал бы я у себя во дворце, имея на крыше таких часовых!

Астролог выждал, пока утихли восторги султана, и затем продолжал:

— После того как победоносный Амру[25] (да пребудет он в мире!) завершил завоеванье Египта, я поселился среди местных жрецов, изучая обряды и церемонии языческой веры и стремясь овладеть их тайными знаниями, благодаря которым они пользуются известностью во всем мире. Однажды, сидя на берегу Нила, я беседовал с одним дряхлым жрецом; вдруг он указал на могучие пирамиды, вздымающиеся среди пустыни подобно высоким горам. «Все, чему мы

---

[24] Примечания: 24
Алла Акбар! (араб.) — «Аллах велик!»

[25] Примечания: 25
Амру (ум. в 664 г.) — мусульманский полководец.

можем тебя научить, — сказал он, — ничто рядом со знанием, сокрытым в этих величественных строениях. Внутри центральной пирамиды замурована погребальная зала, в которой покоится мумия верховного жреца, содействовавшего постройке этого громадного здания, и вместе с ним погребена священная книга, заключающая в себе все тайны магии и колдовства. Эта книга была дана Адаму после его изгнания из рая и, переходя из поколения в поколение, попала в конце концов в руки премудрого царя Соломона, который, руководясь её указаниями, воздвиг знаменитый иерусалимский храм. Каким образом она затем оказалась собственностью строителя пирамид, известно лишь тому, для кого вообще не существует тайн».

Едва я услышал слова египетского жреца, как сердце моё загорелось желанием добыть упомянутую им книгу. Я имел возможность использовать для этой цели воинов нашего победоносного войска и значительное количество местных жителей; собрав этих людей, я приступил к работе и начал пробивать глыбы твердого камня, пока не добрался, после неимоверных трудов, до одного из внутренних потайных ходов. Следуя по этому ходу и миновав опаснейший лабиринт, я проник

в самое сердце пирамиды, в погребальную залу, где многие столетия покоилась мумия верховного жреца.

Я вскрыл саркофаг, снял великое множество повязок, в которые была запелената мумия, и наконец нашел на груди покойного драгоценную книгу. Я схватил её дрожащей рукой, ощупью выбрался из пирамиды, оставив мумию в темной и безмолвной гробнице дожидаться дня воскресения мертвых и страшного суда.

— Сын Абу Аюба! — воскликнул Абен Абус. — Ты — великий путешественник и повидал много чудес, но что мне до тайн какой-то неведомой пирамиды и Книги премудрости царя Соломона!

— Вот об этом, повелитель, я и поведу речь. По этой книге я выучился искусству магов и могу теперь призывать джиннов для осуществления моих планов. Тайна чудесного барана из города Борсы для меня больше не тайна, я в силах сотворить такое же чудо; впрочем, нет — моё чудо ещё поразительнее.

— О премудрый сын Абу Аюба! — вскричал Абен Абус. — Один такой баран несравненно полезнее, чем все сторожевые башни в горах и великое множество часовых на границах! Сотвори мне такого телохранителя — и все сокровища

моей казны будут твои.

Астролог тотчас же принялся за работу, дабы удовлетворить желание султана. Он велел возвести над крышей дворца, стоявшего на скалистом выступе холма Альбайсин, высокую башню. На постройку башни пошли исключительно камни, привезенные из Египта и снятые, как передают, с пирамиды. В верхней части этой башни находился круглый зал с окнами, выходящими на все стороны небосклона; у каждого окна стоял стол, на котором было выстроено в боевом порядке, как на шахматной доске, крошечное войско пеших и конных воинов во главе с фигуркою, изображающею того государя, чьи земли простирались в данном направлении. На каждом столе лежало также небольшое копье, величиною с сапожное шило, с вырезанными на нем халдейскими письменами. Этот зал был всегда на запоре, в него вела медная дверь с огромным стальным замком, ключ от которого хранился у самого султана Абен Абуса.

Макушку башни увенчивал шпиль; на этом шпиле была укреплена фигура мавританского всадника со щитом в одной руке и поднятым отвесно копьем в другой. Лицо всадника было обращено к городу, точно он нес его охрану и

следил за порядком; однако едва против Гранады выступали враги, всадник поворачивался в ту сторону, откуда грозила опасность, и наклонял копье, словно собираясь пустить его в дело.

Как только изготовление этого чудесного талисмана было закончено, Абен Абус стал нетерпеливо ожидать случая, который позволил бы испытать его необыкновенные свойства, и столь же пламенно жаждал нашествия, как некогда хотел покоя. Его желание вскоре исполнилось.

Однажды — это произошло в ранний утренний час — страж, приставленный охранять башню, сообщил, что бронзовый всадник повернулся лицом к Эльвирским горам, а его копье направлено прямо на перевал Лопе.

— Пусть бьют в барабаны и трубят в трубы, пусть зовут горожан к оружию, пусть вся Гранада будет поставлена на ноги, — приказал Абен Абус.

— О повелитель, — молвил астролог, — незачем тревожить твой город и звать к оружию воинов; мы не нуждаемся в силе, чтобы избавиться от врагов. Отпусти свиту, и поднимемся в секретную залу на башне.

Престарелый Абен Абус поднялся по башенной лестнице, опираясь на руку ещё более престарелого Ибрагима ибн Абу Аюба. Они отомкнули

медную дверь и вошли. Окно, обращенное в сторону перевала Лопе, было открыто.

— В этом направлении, — сказал астролог, — таится опасность. Приблизься, о повелитель, к этому столу и познай его тайну.

Султан Абен Абус подошел к шахматной доске; на ней были расставлены маленькие фигурки из дерева. Вдруг, к своему изумлению, он увидел, что фигурки пришли в движение. Кони становились на дыбы, взвивались в воздух, воины размахивали мечами и копьями, слышались слабые звуки барабанов и труб, звон оружия, ржанье боевых скакунов, причем все это было не громче и не отчетливее, чем жужжание пчелы или мухи над ухом человека, задремавшего в тени в знойный полуденный час.

— Заметь себе, о повелитель, — сказал астролог, — вот свидетельство, что враги твои уже выступили. Они должны показаться там, в горах у перевала Лопе. Если желаешь посеять среди них панику и смятение, заставить их отступить без пролития крови, прикоснись к фигуркам тупым концом магического маленького копья; если предпочитаешь кровавое побоище и истребление, прикоснись его острием.

Лицо Абен Абуса стало мертвенно-бледным;

дрожа от нетерпения, он взял в руки копье, и, когда он подходил к столу, его седая борода тряслась от овладевшего им ликования.

— Сын Абу Аюба! — воскликнул он, усмехаясь. — Я полагаю, что малая толика крови всё же необходима.

С этими словами он рьяно взялся за дело: одни фигурки он колол острым концом магического копья, другие ударял его тупой стороною; первые из них падали замертво на землю, тогда как вторые, обратившись друг против друга, начали беспорядочное братоубийственное побоище.

Астрологу с величайшим трудом удалось остановить руку миролюбивейшего из монархов и удержать его от полного истребления неприятеля; наконец он убедил султана покинуть башню и послать в горы, к перевалу Лопе, разведчиков.

Они вернулись с известием, что христианскому войску удалось проникнуть в самое сердце окрестных гор, оно находилось уже почти в виду Гранады, но в его рядах возникли раздоры; после кровавой братоубийственной сечи оно удалилось в свои пределы.

Испытав на деле замечательные свойства чудесного талисмана, Абен Абус ликовал.

— Наконец-то, — сказал он, — я смогу вести спо-

койную жизнь и держать врагов в своей власти. О, премудрый сын Абу Аюба, чем же вознаградить тебя за столь великое благодеяние?

— Желания старца, к тому же философа, нетрудно исчислить — они скромны: предоставь мне средства, чтобы обставить пещеру и превратить её в более или менее сносную келью отшельника, — я буду доволен.

— О, сколь благородна умеренность настоящего мудреца! — воскликнул Абен Абус, чрезвычайно довольный незначительностью просимого философом вознаграждения.

Он позвал своего казначея и велел отпускать по требованию Ибрагима столько денег, сколько понадобится для расширения и убранства его скромной кельи.

Астролог велел вырубить в скале анфилады комнат и устроить их таким образом, чтобы они соединялись друг с другом и с его астрологическим залом; он приказал обставить эти покои роскошными оттоманками и диванами и завесить их стены драгоценными шелками Дамаска. «Я стар, — говорил он, — я не могу томить свои кости на каменном ложе; что же касается сочащихся сыростью стен, то их нужно закрыть».

Сверх этого, он выстроил бани, снабдив их все-

возможными благовониями и ароматическими маслами, ибо омовение, говорил он, необходимо, чтобы бороться со старостью и восстанавливать свежесть и гибкость истомленного умственными трудами тела.

Он велел, кроме того, повесить во вновь выстроенных покоях неисчислимые хрустальные и серебряные светильники, которые заправлялись ароматическим маслом, приготовленным согласно рецепту, найденному им в гробницах Египта. Это масло было вечным, никогда не угасало; от него исходило мягкое, нежное сияние, напоминавшее рассеянный дневной свет.

Свет солнца, утверждал он, слишком ярок и резок для слабых глаз старца, тогда как свет светильника более подходит для занятий философа.

Между тем казначей Абен Абуса начал ворчать по поводу сумм, ежедневно расходуемых астрологом на отделку и украшение его кельи; в конце концов он отправился со своими жалобами к султану. Но раз царское слово дано, оно нерушимо. Абен Абус только пожал плечами.

— Мы должны запастись терпением, — сказал он, — старик задумал устроить жилище философа в соответствии с тем, что он видел внутри пирамид и среди гигантских развалин Египта; но

всему бывает конец, — то же случится и с расходами по убранству его пещеры.

Султан был прав; келья была наконец отделана и обставлена; она представляла собою роскошнейший подземный дворец. Астролог заявил, что ему больше ничего не потребуется, и, запершись у себя, провел трое суток в непрерывных трудах. После этого он снова пришел к казначею.

— Мне нужна ещё одна вещь, — сказал он, — пустячное развлечение на время отдыха от умственного труда.

— О, премудрый Ибрагим, мне приказано доставлять тебе все, что может понадобиться тебе в твоем уединении; чего ты ещё желаешь?

— Мне хотелось бы иметь несколько танцовщиц.

— Танцовщиц! — повторил, как эхо, поверженный в изумление казначей.

— Да, танцовщиц, — ответил степенно мудрец, — пусть они будут молоды и приятны на вид, ибо лицезрение юности и красоты действует на стариков освежающе. Мне достаточно будет немногих, ибо я — философ и потребности мои невелики, удовлетворить их нетрудно.

Пока философ Ибрагим ибн Абу Аюб столь мудро проводил время у себя в келье, миролюби-

вый Абен Абус, сидя в башне, заочно предавался яростным битвам.

И действительно, разве не замечательное занятие для престарелого монарха, и притом миролюбца, вести войны с такой поразительной легкостью, не выходя из собственной комнаты, шутя рассеивать целые армии, точно дело шло о каких-нибудь мушиных роях!

Мало-помалу он настолько вошел во вкус этой забавы, что принялся даже задирать и оскорблять соседних монархов, стремясь вызвать их на войну, но, потерпев неоднократные поражения, они становились все более и более осторожными, и в конце концов среди них не осталось ни одного, кто бы отважился пойти походом на его земли. В течение многих месяцев бронзовый всадник неизменно пребывал в мирной позе, с поднятым кверху копьем, и почтенный старый султан, тоскуя по привычной забаве, начал жаловаться на скуку и стал раздражителен.

Наконец, в один прекрасный день, волшебный всадник круто повернулся на своем шпиле и, опустив копье, замер в том направлении, где высятся горы Гвадиса. Абен Абус торопливо поднялся на свою башню, но — увы! — магический стол оставался спокойным, ни один воин не дви-

гался. Озадаченный этим обстоятельством, он выслал конный отряд с приказанием произвести разведку в горах. Разведчики возвратились через три дня.

— Мы обшарили все перевалы, все тропы, — сообщили они, — но не обнаружили ни одного шлема, ни одной шпоры. За время наших разъездов мы нашли только христианскую девушку поразительной красоты, которая спала в знойный полдень у родника, и эту девушку мы привезли с собою как пленницу.

— Девушку поразительной красоты! — воскликнул Абен Абус, и его глаза загорелись воодушевлением. — Пусть она немедленно предстанет пред наши очи!

Как было приказано, прекрасную девушку немедленно привели пред его очи. Она была одета с той роскошью, какая господствовала среди испанских вестготов[26] во времена арабского завоевания[27]. Жемчуга ослепительной белизны были вплетены в её черные как вороново кры-

---

[26] Примечания: 26

…среди испанских вестготов. — Испанские вестготы — германские племена, основавшие в V веке свое королевство на Пиренейском полуострове.

[27] Примечания: 27

…во времена арабского завоевания. — Арабы вторглись на Пиренейский полуостров в 711 г.

ло волосы; на её лбу сверкали драгоценности, соперничая в блеске с сиянием её глаз. Её шею обвивала золотая цепь, которая поддерживала серебряную лиру, висевшую у неё на боку.

Вспышки пламени, загоравшегося по временам в её черных, излучающих сиянье глазах, были подобны огненным искрам для увядшего, но все ещё способного воспламеняться сердца Абен Абуса; к тому же сладостная нега, разлитая в её плавной походке, окончательно вскружила ему голову.

— О, прелестнейшая из женщин, — вскричал он, охваченный восхищением, — кто ты?

— Дочь одного из готских государей, ещё недавно властвовавшего на этой земле. Но войско моего отца, как по мановению волшебного жезла, погибло в горах; он стал изгнанником, а его дочь — пленницей.

— Берегись, о повелитель! — прошептал Ибрагим ибн Абу Аюб. — Возможно, что это — одна из тех северных колдуний, которые, по слухам, принимают самый соблазнительный вид, дабы обмануть легковерного. Мне кажется, я вижу колдовские чары в её глазах и волшебство в каждом её движении. Она, несомненно, тот враг, на которого указывал нам талисман.

— Сын Абу Аюба, — ответил султан, — ты —

мудрейший из людей, я отдаю тебе должное; ты волшебник, каких я больше не знаю, но ты недостаточно сведущ в том, что касается женщин. В этом деле я не уступлю никому, даже самому премудрому Соломону, несмотря на великое множество жен и наложниц, которыми он обладал. Что же касается этой девушки, то я не вижу в ней никакой опасности; она прекрасна и, радует взор.

— Выслушай, о повелитель, — молвил астролог. — При помощи моего талисмана я даровал тебе много побед, но я никогда не просил своей доли в добыче. Отдай мне эту случайную пленницу, чтобы я мог усладить своё одиночество звуками её серебряной лиры. Если она в самом деле колдунья, то я располагаю соответствующими заклятиями, и её чары мне не страшны.

— Что? Еще женщин? — вскричал Абен Абус. — Разве у тебя не довольно танцовщиц для твоего развлечения?

— У меня есть танцовщицы, это верно, но не певицы. А между тем я охотно прослушал бы песенку, чтобы освежить свой ум, истомленный трудами.

— Прекрати наконец свои бесконечные просьбы, отшельник! — нетерпеливо бросил султан. —

Эту девушку я беру себе. Она мне нравится, я нахожу в ней такую же радость, какую находил Давид, отец Соломона премудрого, в обществе юной Абишаг Сунамит.

Дальнейшие просьбы и увещания астролога повлекли за собою ещё более решительные отказы монарха; они расстались, испытывая взаимное неудовольствие. Мудрец заперся у себя в подземелье и предался размышлениям по поводу постигшей его неудачи; впрочем, прежде чем окончательно удалиться, он ещё раз предупредил султана, чтобы тот остерегался своей обольстительной, но роковой пленницы. Но где тот влюбленный старец, который внял бы полезным советам? Абен Абус отдался во власть своей страсти. Его единственная забота состояла теперь в том, чтобы понравиться готской красавице. Он не мог, правда, прельстить её молодостью, но зато был богат, а если влюбленный немолод, он, как правило, щедр. В погоне за драгоценными товарами Востока был перерыт весь гранадский базар; шелка, ювелирные изделия, драгоценные каменья, изысканные духи — все, что Азия и Африка доставляют редкостного и великолепного, все это в изобилии подносилось прекрасной принцессе. Чтобы доставить ей развлечение, измышлялись

всевозможные Зрелища и торжества — состязания менестрелей, пляски, турниры, бой быков. В скором времени Гранада стала местом непрерывных празднеств.

Готская принцесса, однако, смотрела на весь этот блеск с таким видом, точно привыкла к подобному великолепию. Она принимала это как дань, подобающую её знатному происхождению или, вернее, красоте, ибо красота ещё более требовательна, чем знатность. Мало того, казалось, что она испытывает тайное удовольствие, побуждая султана к расходам, истощавшим его казну, и принимая его неслыханные щедроты как нечто вполне обыденное. Несмотря на свою настойчивость и расточительность, престарелый влюбленный не имел, таким образом, никаких оснований обольщаться надеждой, что ему удалось задеть её сердце. Она, правда, никогда не сердилась, но никогда и не улыбалась. Лишь только он заводил речь о пожирающей его страсти, она тотчас же ударяла по струнам своей серебряной лиры. В звуках этого инструмента заключалось таинственное очарование. В тот же миг султан начинал клевать носом; его одолевала сладкая дрема, и он в конце концов погружался в сон, после чего пробуждался свежим и бодрым, но на

время совершенно забывшим о своей страсти. Это не входило в его расчеты, однако сон, в который он впадал, сопровождался приятными сновидениями, целиком поглощавшими пыл сонливого старца; и вот он продолжал себе безмятежно дремать да дремать, между тем как Гранада потешалась над его увлечением и роптала, что государственные сокровища расточаются из-за каких-то колыбельных песен.

Однако над головою Абен Абуса собралась гроза, предупредить которую оказался не в силах даже волшебный всадник на башне. В самой столице вспыхнул мятеж; дворец был окружен вооруженным народом, грозившим лишить жизни султана и его возлюбленную христианку. В груди престарелого монарха вспыхнула, впрочем, искра былой воинственности. Во главе кучки телохранителей он вышел навстречу мятежникам, обратил их в бегство и подавил мятеж в самом зародыше.

Едва водворилось спокойствие, он вызвал астролога, все ещё сидевшего у себя взаперти и пережевывавшего жвачку обиды.

Абен Абус обратился к нему со словами примирения.

— О, премудрый сын Абу Аюба, — сказал он, —

ты справедливо предупреждал меня об опасности, грозившей со стороны пленной красавицы; скажи мне, ты ведь умеешь отвращать гибель, скажи: что мне делать, дабы её избежать?

— Отошли от себя эту неверную, которая причиной всему.

— Скорее я расстанусь со своим царством! — воскликнул Абен Абус.

— Тебе грозит опасность потерять и одно и другое, — ответил астролог.

— Не будь бесчувственным и не таи злобы, о глубокомысленнейший из мудрецов, пойми мои затруднения и как монарха и как влюбленного, придумай способ защитить меня от неприятностей, которые мне угрожают. Я не гонюсь ни за величием, ни за властью, я ищу только отдыха. О, если бы у меня было какое-нибудь убежище, куда бы я мог уединиться от света со всеми его заботами, суетой и тревогами и провести остаток дней моих в любви и покое!

Астролог на мгновение остановил на нем взгляд, сверкавший из-под густых, косматых бровей.

— А что я получу, если создам тебе, такое убежище?

— Назови сам свою награду. Клянусь жизнью,

ты получишь все, чего бы ни попросил.

— Ты слышал, о повелитель, о саде Ирем, одном из чудес счастливой Аравии?

— Да, я слышал о нем, — он упоминается в Коране, в главе, называемой «Утренняя заря». Я слышал, сверх того, от паломников, побывавших в Мекке, самые невероятные вещи, но я полагал, что это — нелепые басни, подобные тем, которые любят рассказывать путешественники, посетившие дальние страны.

— О, не поноси, повелитель, рассказов, слышанных из уст путешественников, — возразил сурово астролог, — ибо в них содержатся драгоценные зерна знания, принесенные ими с края земли. Что же касается дворца и сада Ирем, то все, что обычно о них повествуется, сущая правда; я видел их собственными глазами. Выслушай, что случилось со мною, ибо это имеет отношение к твоим чаяньям.

В дни моей юности — я был тогда простым арабом пустыни — я пас верблюдов моего отца. Когда мы однажды пересекали пустыню Аден, один из них отстал от стада, и мы его потеряли. Я тщетно искал его несколько дней, пока наконец, измученный и истощенный, не улегся в полуденный зной в тени пальмы у полувысохшего

колодца. Проснувшись, я обнаружил, что предо мною — городские ворота. Я вошел и увидел великолепные улицы, парки и базары, но все было безмолвно — я не встретил ни одного человека. Я ходил по улицам и площадям, пока не набрел на роскошный дворец, который украшали фонтаны и рыбные садки, рощи, цветники и фруктовые сады, обремененные роскошными плодами, но никто не показывался моему взору. Устрашенный этим безлюдьем, я поторопился выйти из города и, пройдя сквозь ворота, обернулся назад, чтобы ещё раз бросить на него взгляд, но на этот раз я не увидел ничего, кроме безмолвной пустыни, расстилавшейся перед моими глазами.

Невдалеке я встретил дряхлого дервиша, посвященного в предания и тайны этой страны, и поведал ему о том, что со мною произошло. «Это, — сказал он, — прославленный сад Ирем, одно из чудес пустыни. Время от времени он предстает пред глазами усталого путника, как это случилось с тобой, радуя его видом своих башен и деревьев, гнущихся под тяжестью обильного урожая; потом он исчезает опять, и на его месте остается только пустыня. Вот история этого сада: в стародавние времена, когда эту область населяли аддиты, царь Шедад, сын Ада, праправнук Ноя,

заложил здесь город. Когда город был выстроен и он увидел его во всем великолепии, сердце его преисполнилось гордости и тщеславия, и он решил возвести в нем также дворец, окруженный садами, которые могли бы соперничать с упоминаемыми в Коране райскими рощами. За его надменность на него пало проклятие неба. Он и его подданные были стерты с лица земли, на его великолепный город, дворец и сад были наложены вечные чары, которые скрывают их от взоров людей, и лишь изредка он предстает перед ними, чтобы память о грехах царя сохранилась навеки».

Этот рассказ, о повелитель, и чудеса, которые мне довелось видеть, глубоко врезались в мой ум. По прошествии многих лет, будучи в Египте и отыскав Книгу премудрости Соломона, я решил возвратиться в пустыню и снова посетить сады волшебного града Ирема. Я так и сделал; они снова открылись моему просвещенному взору. Я поселился во дворце Шедада и провел несколько дней в этом подобии рая. Джиннов, стерегущих эти места, я подчинил магической власти; они открыли мне чары, владевшие садом, лишившие его всякой жизни и сделавшие его незримым для всех. Подобный дворец и сад, о повелитель, я могу

создать для тебя даже здесь, на горе, что над городом. Разве мне не подвластны все чары и разве я не обладаю Книгой премудрости Соломона?

— О, высокоученый сын Абу Люба! — воскликнул Абен Абус, дрожа от волнения. — Ты воистину вечный странник и воистину повидал чудесные вещи! Создай для меня такой рай и требуй у меня награды, требуй от меня половину моего царства!

— Увы, — ответил тот, — ты знаешь, что я — старый философ, удовлетворяющийся немногим; все, чего я хочу от тебя в качестве награды, — это получить вьючное животное с ношей, которое первым войдет в магические ворота.

Султан охотно согласился на столь скромные условия, а астролог взялся за работу. На вершине горы, над своею подземною кельей, он велел возвести крепкую башню, в центре которой был пробит барбакан, или, иначе, большие крепостные ворота.

Перед ним был устроен подъезд, или портик, с высокими сводами, и внутри — самый проезд, защищенный массивными воротами. На своде портика астролог собственноручно начертал изображение громадного ключа, а на своде внешней арки проезда высек гигантскую руку. Это

были всемогущие талисманы, над которыми он прочел многочисленные заклинания на неведомом языке.

По окончании постройки этих ворот он заперся на два дня у себя в астрологическом зале и погрузился в какие-то таинственные занятия; на третьи сутки он поднялся на гору и провел на её вершине весь день. Поздно ночью он спустился наконец вниз и предстал пред Абен Абусом.

— О, повелитель, — сказал он, — мой труд завершен. На вершине горы высится один из самых изумительных дворцов, которые были созданы мыслью человека и о которых мечтали когда-либо сердца. В нем — роскошные залы и галереи, чудесные сады, прохладные фонтаны и благовонные бани, — короче говоря, вся гора превращена в рай. Подобно садам Ирема, он находится под покровительством всемогущих чар, скрывающих его от взора и поисков смертных, не знающих тайны его талисманов.

— Довольно! — радостно воскликнул Абен Абус. — Завтра утром на рассвете мы поднимемся наверх и вступим во владение этим чудом.

Ночью счастливый монарх почти не сомкнул глаз. Едва солнечные лучи заиграли на снежных вершинах Сьерра-Невады, как он вскочил на коня

и в сопровождении избранных приближенных стал подниматься по крутой и узкой тропинке на гору. Рядом с ним на белом кине ехала принцесса; её платье сверкало драгоценностями, вокруг шеи вилась золотая цепь, к которой была подвешена лира из серебра. По другую сторону шел астролог, опираясь на посох с иероглифами, ибо он никогда не ездил верхом.

Абен Абус все время посматривал вверх: не сверкают ли уже башни дворца и не видны ли на высотах террасы, скрытые листвою деревьев? Но ничего не открывалось его глазам.

— В этом — тайна и неприступность этого места, — сказал астролог. — Пока не пройдешь зачарованные ворота и не вступишь в пределы дворца, все остается скрытым от взора.

Приблизившись к воротам, астролог остановился и указал султану на таинственные руку и ключ, высеченные на своде портика.

— Вот, — сказал он, — талисманы, охраняющие вход в этот рай. Пока рука не опустится и не схватит ключ, ни сила человека, ни искусство мага не одолеют властелина этой горы.

Между тем в то самое время, как Абен Абус с разинутым ртом и безмолвным удивлением рассматривал таинственные талисманы, конь

принцессы двинулся дальше и прошел вместе с нею до самого центра проезда.

— Смотри! — вскричал астролог. — Вот обещанная награда: вьючное животное с ношей, которое первым войдет в магические ворота!

Абен Абус улыбнулся, ибо считал это шуткой почтенного старца, но когда он наконец понял, что тот говорит всерьёз, его борода затряслась от негодования.

— Сын Абу Аюба, — сказал он сурово, — это — крючкотворство. Ты отлично знаешь смысл моего обещания: вьючное животное с ношей, которое первым войдет в эти ворота. Возьми лучшего из моих мулов, нагрузи его ценнейшими вещами моей сокровищницы, и все это будет твоим; но не смей возвышать, свои мысли до той, кто является отрадой моего сердца.

— К чему мне богатства? — презрительно бросил астролог. — Разве я не владею Книгой премудрости Соломона и благодаря ей всеми сокровищами земли? Принцесса принадлежит мне по праву, я требую её как свою собственность.

Принцесса поглядывала на них с высоты коня, и этот спор двух седобородых старцев из-за обладания юностью и красотой вызвал на её розовых губках легкую презрительную усмешку.

Гнев монарха заставил его забыть обычную для него вежливость.

— Презренный сын пустыни! — вскричал он. — Ты, несомненно, властвуешь над многими волшебствами, но знай, что властелин над тобою — я; не рассчитывай, что тебе удастся обмануть своего повелителя.

— Властелин! Повелитель! — повторил как эхо астролог. — Властитель кротовой норы требует повиновения от того, кто обладает талисманами Соломона? Прощай, Абен Абус! Владей своим крошечным царством, пируй в раю дураков; что до меня, то мне остается лишь смеяться над тобою и тебе подобными в моем философском уединении.

С этими словами он схватил под уздцы коня принцессы и провалился вместе с нею под землю, тут же посредине барбакана.

И в том месте, где разверзлась земля и они провалились, не осталось ни малейших следов.

От изумления Абен Абус на некоторое время утратил дар речи. Придя в себя, он велел, чтобы тысячи рабочих били кирками и рыли лопатами в том месте, где исчез астролог. Они долго рыли, но все было тщетно; каменные недра горы сопротивлялись бесплодным усилиям; если им

удавалось врыться поглубже, недра снова смыкались по мере того, как они вынимали землю из ямы. Абен Абус стал разыскивать вход в пещеру, который находился когда-то у подножия горы и вел в подземный дворец астролога, но его так и не смогли отыскать. Там, где некогда было отверстие, теперь виднелась мощная гладь девственной горной породы. Вместе с исчезновением Ибрагима ибн Абу Аюба прекратилось и благодетельное действие талисманов. Бронзовый всадник пребывал неподвижным, его лицо было обращено к горе, копье указывало на то место, где исчез астролог, словно там скрывался злейший враг султана Абен Абуса.

Время от времени откуда-то из-под земли доносились глухие звуки музыки и женского голоса; один крестьянин сообщил султану, что минувшей ночью он нашел в скале небольшое отверстие, сквозь которое заглянул внутрь и увидел подземные палаты и астролога, сидевшего на роскошном диване и дремавшего под звуки серебряной лиры; ему показалось, будто эта лира имеет над старым философом какую-то чудесную власть.

Абен Абус принялся за поиски этой щели в скале, но она бесследно закрылась; её не нашли.

Он снова и снова возобновлял попытки извлечь соперника из-под земли — все было напрасно. Чары руки и ключа были слишком могущественны; никакая человеческая власть не была в силах их одолеть. Что же касается вершины горы — месторасположения обещанного дворца и сада, — то она оставалась пустынной и голой; очевидно, этот обетованный элизий благодаря волшебству был скрыт от человеческих глаз, либо он вообще существовал лишь как выдумка астролога. Все благодушно пришли к последнему выводу, так что некоторые стали называть это место «Султанская блажь», а другие — «Рай дурака».

В довершение несчастий Абен Абуса соседи, которых он, пребывая под защитою волшебного всадника, задирал, презирал и истреблял в своё удовольствие, узнав, что он лишился своих магических чар, стали со всех сторон нападать на его земли, и остаток жизни миролюбивейшего из монархов прошел в непрерывных тревогах и беспокойстве.

Наконец Абен Абус умер и удостоился погребения. Миновали многие годы. На месте достопамятной горы высится Альгамбра, в которой до некоторой степени воплотились волшебные чудеса сада Ирем. Впрочем, очарованные ворота

существуют доныне; до сих пор они, несомненно, пребывают под покровительством мистической руки и ключа, называются Вратами Правосудия и служат главным крепостным входом. Под этими вратами, говорят, в своем подземном жилище все ещё обитает астролог, по-прежнему дремлющий на своем ложе, убаюкиваемый серебряной лирой принцессы.

Старые инвалиды, стоящие тут на часах и несущие охрану ворот, слышат иной раз какое-то пение и музыку, особенно в летние ночи, и, уступая их убаюкивающему действию, мирно почивают на своих постах. Мало того, клонящие долу флюиды здесь настолько могущественны, что даже те, кто несет службу в дневные часы, обыкновенно дремлют на каменных скамьях барбакана или спят где-нибудь в тени соседних деревьев, так что, говоря по правде, это — самый сонный пост среди всех постов христианского мира. Все это, как утверждают старинные легенды, продолжится много-много веков. Принцесса по-прежнему будет пленницей астролога, астролог по-прежнему будет впадать в магический сон, пока не наступит день, когда мистическая рука схватит наконец недоступный для неё ключ. И в этот день волшебная гора освободится от

своих чар.

ЛЕГЕНДА О ЗАВЕЩАНИИ МАВРА

В Альгамбре, внутри крепости, перед самым королевским дворцом, расположена открытая эспланада, называемая площадью Водоемов (la Plaza de los Algibes), — название, данное ей по причине устроенных под нею и скрытых от взоров водохранилищ, которые существуют ещё со времен мавров.

В одном конце этой эспланады находится мавританский колодец, пробитый в голой скале и чрезвычайно глубокий, вода которого холодна, как лед, и прозрачна, как хрусталь. Колодцы мавров, вообще говоря, пользуются доброй славой, ибо отлично известно, сколько неимоверного труда затрачивали они, чтобы добраться до чистых источников и ключей. Тот, о котором мы сейчас говорим, знаменит во всей Гранаде, так что водоносы от утренней зари и до поздней ночи — одни с кувшинами на плече, другие в сопровождении ослов, навьюченных глиняными сосудами, — непрерывно снуют взад и вперед по крутым, густо обсаженным, деревьями аллеям Альгамбры.

Источники и колодцы в странах жаркого кли-

мата испокон веков служат местом сборищ окрестных кумушек и вестовщиков; при нашем колодце существует тоже своеобразный, на протяжении долгого дня непрерывно заседающий клуб, членами которого являются инвалиды, старухи и прочий любопытный и праздный люд из числа обитателей крепости. Они сидят тут на каменных скамьях, под навесом, построенным над колодцем, чтобы защищать от палящих лучей солнца сборщика платы, — пережевывают сплетни крепости, расспрашивают всякого приходящего сюда водоноса о городских новостях и пространно обсуждают все, что видят и слышат. Кроме них здесь можно встретить также нерадивых хозяек и ленивых служанок, — с кувшином на голове или в руках они часами слушают бесконечную болтовню этих почтенных людей.

Среди водоносов, постоянно посещавших колодец, особенно выделялся крепкий и широкоплечий, но колченогий и низкорослый человек по имени Педро Хиль, а короче сказать — Перехиль. Как всякий водонос, он был, конечно, гальего, то есть уроженец Галисии.

Природа, видимо, создала различные типы как людей, так и животных, для разных видов черной работы. Во Франции, например, все чи-

стильщики сапог — савояры, все привратники в гостиницах — швейцарцы, а во времена фижм и париков никто в Англии не умел так плавно носить портшезы, как обитатели страны болот — ирландцы. Так и в Испании: все водоносы и носильщики — уроженцы Галисии[28], и никто не говорит: «Позовите носильщика», но обязательно — «Позовите гальего».

Но довольно отступлений. Гальего Перехиль начал своё дело с большим глиняным кувшином, который он таскал на собственных плечах; однако со временем он настолько преуспел, что смог раздобыть себе помощника из соответствующего разряда животных, иначе говоря, крепкого, поросшего косматою шерстью осла. По обеим сторонам спины его длинноухого приятеля в особых корзинах висели кувшины, покрытые фиговыми листьями, защищавшими их от палящего солнца. Во всей Гранаде не было более трудолюбивого и веселого водоноса, чем Перехиль, и когда он бежал за ослом, улицы оглашались его бодрым голосом, напевавшим свою неизменную летнюю песню, которую можно услышать во всех городах Испании: «Quien quiere agua-agua mas fría,

---

[28] Примечания: 28
Галисия — область на северо-западе Испании.

que ia nieve?» — «Кто желает воды — воды более холодной, чем снег? Кто желает воды из колодца Альгамбры, холодной, как лед, и чистой, как хрусталь?» Подавая покупателям искрящийся на солнце стакан, он сопровождал его обязательной шуткой, а если это была миловидная женщина или девушка с ямочками на щеках, он тут же лукаво подмигивал и отпускал комплимент по поводу её прямо-таки неотразимой красоты. Благодаря этому гальего Перехиль слыл во всей Гранаде за одного из самых любезных, веселых и счастливых смертных. Впрочем, если кто-нибудь поет громче всех и громче всех шутит, это ещё вовсе не означает, что у него легко на сердце. Хотя он и был похож на счастливого человека, но добрый Перехиль терзался заботами и горестями. Ему приходилось содержать многочисленную семью; его вечно оборванные дети были голодны и крикливы, как птенцы ласточки, и, когда он вечерами возвращался домой, настойчиво требовали еды.

А кроме того, его жена была чем угодно, но только не помощницей в его трудовой жизни. До замужества она слыла деревенской красавицей и славилась умением плясать болеро и щелкать кастаньетами. Эти склонности она сохранила и

после брака, тратя скудные заработки бедняги Перехиля на тряпки и безделушки, а по воскресеньям и бесчисленным праздникам, которых в Испании больше, чем дней в неделе, отбирала у него осла для поездок за город и всевозможных увеселений.

К тому же она была неряха, лежебока и, сверх того, сплетница чистейшей воды, готовая бросить дом, детей и все на свете, лишь бы вволю поболтать с кем-нибудь из соседок.

Однако тот, «кто посылает теплый ветер свежевыстриженной овце», облегчает также бремя супружества для покорно согнутой шеи[29]. Перехиль нес свой весьма нелегкий крест столь же кротко, как его осел — кувшины с водой, и хотя порою он и почесывал у себя за ухом, тем не менее не дерзал подвергнуть сомнению хозяйственные добродетели своей дражайшей половины.

Видя, что дети — это его собственный умноженный и увековеченный образ (они и в самом деле представляли собою коренастое, широкоплечее и колченогое племя), Перехиль любил их на редкость пылкой любовью: примерно так, как совы своих совят. Величайшее наслаждение доставлял

---

[29] Примечания: 29

Здесь имеется в виду английская пословица: «Бог приноравливает ветер для выстриженной овцы». (Примеч. перев.)

Перехилю тот счастливый день, когда он мог себе позволить маленький отдых и располагал пригоршней мараведи[30]. В такой день он забирал с собой весь выводок — кто сидел у него на руках, кто цеплялся за платье, а кто и самостоятельно тащился за ним по пятам — и отправлялся за город погулять, в то время как его жена плясала со своими веселыми друзьями на скалистых берегах Дарро[31].

Был поздний час летней ночи. День выдался исключительно знойный, зато ночь была одною из тех чудесных лунных ночей, когда обитатели юга, вознаграждая себя за дневную жару и вынужденное безделье, выходят подышать воздухом и наслаждаются свежестью и прохладой далеко за полночь. Покупателей воды по этой причине было более чем достаточно. Перехиль, как рассудительный и трудолюбивый отец, подумал о своих голодных детишках. «Еще одна прогулка к колодцу, — сказал он себе, — и я заработаю на воскресный пучеро [32] для малышей».

---

[30] Примечания: 30
Мараведи — монета, введенная в Испании маврами.

[31] Примечания: 31
Дарро — река в Южной Испании.

[32] Примечания: 32
Мясной суп (исп.). (Прим. перев.)

Сказав это, он бодро зашагал по крутой аллее Альгамбры, распевая песню и время от времени награждая увесистым ударом осла: может быть, потому, что этого требовал размер песни, а может быть, и для утоления его голода, ибо в Испании корм для вьючных животных обычно заменяют ударами палки.

Придя к колодцу, он не застал там никого, кроме одинокого странника в мавританской одежде, который сидел на освещенной луною скамье. Перехиль остановился, посмотрев на него с удивлением и не без страха, но мавр знаком велел ему подойти.

— Я слаб и болен, — сказал он, — помоги мне добраться до города, я заплачу тебе вдвое против того, что ты смог бы выручить за воду.

Доброе сердце водоноса было тронуто этой просьбой.

— Господь не велит, — сказал он, — брать с тебя плату или вознаграждение за то, к чему меня обязывает обыкновенная человечность.

Он помог мавру сесть на осла, и они медленно направились в Гранаду, причем бедняга магометанин так ослабел, что его приходилось поддерживать, иначе он свалился бы на землю.

Прибыв наконец в город, водонос спросил мав-

ра, где его дом.

— Увы, — прошептал тот, — я чужеземец. Позволь переночевать под твоим кровом, ты будешь щедро вознагражден.

На честного Перехиля, таким образом, свалился неожиданно гость мусульманин, но он был слишком добр, чтобы отказать в приюте человеку, который находился в столь бедственном положении: ему пришлось привезти его в свой дом. Дети, с раскрытыми ртами высыпавшие ему навстречу, как это неизменно случалось, лишь только до них доносился топот осла, увидев чужого, да ещё с тюрбаном на голове, испуганно убежали назад и спрятались за спиной матери. Последняя бесстрашно выступила вперед, как наседка, защищающая цыплят от бродячей собаки.

— Это что ещё за басурман! — воскликнула она. — Или, приведя его в столь позднее время, ты хочешь познакомиться с инквизицией?

— Успокойся, жена, — ответил гальего, — пред тобой — больной странник, у которого нет ни друга, ни крова; что же, по-твоему, вытолкать его вон, чтобы он умер на улице?

Жена собиралась привести новые возражения, ибо хотя она и обитала в лачуге, тем не менее горячо пеклась о доброй славе своего дома, но

маленький водонос на этот раз упрямо стоял на своем и наотрез отказался подставить шею под супружеское ярмо.

Он помог хворому мусульманину слезть с осла, постелил ему на полу в наиболее прохладной части дома рогожу и овчинную шкуру, и это было все, что по своей бедности он мог предложить ему вместо ложа.

Немного погодя мавра схватили сильные судороги, и все медицинское искусство бесхитростного водоноса оказалось напрасным.

Взгляд больного выражал его признательность и благодарность. В промежутке между двумя приступами он подозвал Перехиля и едва слышным голосом произнес:

— Я боюсь, что мой конец близок. Если я умру, пусть в благодарность за твое участие тебе останется эта шкатулка.

Произнеся эти слова, он распахнул свой бурнус и показал небольшой обвязанный ремнем ларец.

— Бог милостив, приятель, — возразил сердобольный гальего, — вы ещё проживете долгие годы и воспользуетесь своими сокровищами.

Мавр покачал головой; он положил руку на ларчик и хотел ещё что-то добавить, но судороги возобновились с ещё большей силой, и вскоре он

испустил дух.

Тут на водоноса насела его совершенно осатаневшая половина.

— Это все, — сказала она, — из-за твоей дурацкой доброты, постоянно заставляющей тебя ввязываться в беду. Знаешь ли ты, что сделают с нами, когда в нашем доме найдут этот труп? Нас посадят в тюрьму как убийц, и если нам удастся каким-нибудь образом спасти свою жизнь, мы будем обобраны дочиста нотариусами и альгвазилами[33]. Бедняга Перехиль пребывал в безмерном отчаянии. Он почти жалел о своем добром деле. Вдруг его осенила счастливая мысль.

— Еще не рассвело, — сказал он, — я могу отвезти покойника за город и закопать его в песке где-нибудь на берегу Хениля. Никто не видел, как он к нам вошел, и никто не узнает о его смерти.

Сказано — сделано. Вместе с женой они завернули несчастного мавра в ту же рогожу, на которой он умер, взвалили его на осла, и Перехиль пустился к реке.

К несчастью, как раз против водоноса жил некий цирюльник по имени Педрильо Педруго, один из самых любопытных, болтливых и

---

[33] Примечания: 33

Альгвазил — в Испании служитель правосудия.

злостных сплетников, существовавших в среде этого достославного цеха. Это был человек с лицом хорька, паучьими ножками, льстивый и вкрадчивый; знаменитый Севильский цирюльник[34] — и тот не смог бы угнаться за ним по части знания чужих дел; он обладал такою же способностью хранить в себе тайну, как, скажем, решето задерживать воду. Рассказывали, что он спит, заставляя бодрствовать один глаз и одно ухо, дабы даже во сне видеть и слышать все, что происходит вокруг. Так или иначе, но для гранадских пустомель он был своего рода «скандальной хроникой» и по этой причине имел гораздо больше клиентов, чем все его многочисленные собратья по ремеслу.

Сей любопытный брадобрей слышал, как Перехиль в неурочный час возвратился домой, а также восклицания его жены и детей. Его голова тотчас же прильнула к маленькому оконцу, служившему ему наблюдательным пунктом: он увидел, как сосед ввел к себе какого-то человека в мавританской одежде. Событие это было настолько необычным, что Педрильо Педруго в продолжение всей ночи не смог сомкнуть глаз.

---

[34] Примечания: 34

Севильский цирюльник — Фигаро, персонаж комедии Бомарше.

Каждые пять минут он подкрадывался к своей бойнице, посматривая на свет, пробивавшийся из щелей соседской двери, и перед рассветом приметил, как Перехиль вышел из дому и погнал перед собою осла с какой-то странной поклажей.

Любопытный цирюльник лишился покоя; он поспешно оделся, бесшумно последовал на некотором расстоянии за водоносом и видел, как тот вырыл яму на песчаном берегу Хениля и зарыл в ней нечто чрезвычайно похожее на мертвое тело.

Цирюльник поторопился домой, до самого рассвета метался по своей лавке и учинил в ней ужасающий беспорядок. Затем, захватив под мышку цирюльничий тазик, отправился к своему ежедневному клиенту — алькальду[35]. Алькальд только что проснулся. Педрильо Педруго усадил его в кресло, повязал вокруг шеи салфетку, приставил к шее тазик и принялся пальцами умягчать его подбородок.

— Поразительное дело, — сказал Педруго, исполнявший сразу две роли — брадобрея и городского вестовщика, — поразительное дело! Грабеж, убийство и похороны — и всё в одну

[35] Примечания: 35

Алькальд — в Испании старшина общины, выполняющий юридические функции.

ночь!

— Что? Как? Что вы сказали? — вскричал алькальд.

— Я говорю, — ответил цирюльник, намыливая куском мыла лицо сановника, ибо испанский цирюльник презирает кисточку, — я говорю, что гальего Перехиль ограбил, убил и похоронил мавра — и все это в одну, можно сказать, благословенную ночь. Maldita sea la noche! — Да будет проклята для него эта ночь!

— Но откуда вы это знаете? — спросил алькальд.

— Минуточку терпения, сеньор, и вы услышите всё, — ответил Педрильо, беря его пальцами за нос и проводя бритвою по щеке. Он рассказал ему обо всем, что ему случилось увидеть, делая сразу два дела, то есть брея бороду, смывая мыло с подбородка, вытирая его насухо грязной салфеткой и в то же время грабя, убивая и погребая мавра.

Этот алькальд, как нарочно, был одним из самых безжалостных, алчных и бессердечных взяточников Гранады.

Он чрезвычайно высоко ценил правосудие и продавал его поэтому на вес золота. Он предположил, что здесь и в самом деле имели место убийство и ограбление; несомненно также, что

добыча была богатой; но каким образом предать её в руки закона? Если схватить преступника, это значит отдать его на виселицу; если схватить добычу, это значит обогатить судью, а в этом, по его глубокому убеждению, и состояла конечная цель правосудия. Рассуждая подобным образом, он призвал своего верного альгвазила — сухопарого, голодного на вид плута, одетого, согласно обычаю людей его звания, в старинное испанское платье: черную пуховую шляпу с загнутыми полями, старомодные брыжжи, короткий, накинутый на плечи плащ из черной материи и рыжий, некогда черный, костюм, болтавшийся на его тощем жилистом теле; к этому следует добавить, что в руках он держал белый жезл, грозный знак его власти. Такова была ищейка староиспанской выучки, которую алькальд пустил по следу несчастного водоноса, и таковы были её проворство и нюх, что, не успев возвратиться домой, бедняга Перехиль был схвачен и доставлен вместе с ослом пред грозные очи вершителя правосудия.

Алькальд смерил его уничтожающим взглядом.

— Послушай, негодяй, — прорычал он таким голосом, что у маленького гальего задрожали поджилки, — послушай, мошенник, не отпирай-

ся, мне известно решительно все. Виселица — вот достойная награда за учиненное тобою злодейство, но я милостив и готов выслушать твои оправдания. Человек, которого ты убил у себя в доме, — мавр, неверный, враг нашей религии. Ты совершил убийство, несомненно, в припадке религиозного рвения. Я склонен поэтому проявить снисходительность. Возврати награбленное, и мы замнем дело.

Бедняга водонос призывал всех святых в свидетели своей невиновности. Увы, никто из них не явился; впрочем, если бы они и явились, алькальд не поверил бы даже святцам в полном составе. Водонос чистосердечно рассказал о том, что произошло с мавром, но все было тщетно.

— Итак, ты настаиваешь, — допытывался судья, — что этот неверный не имел ни золота, ни драгоценностей, которые могли бы пробудить в тебе корысть?

— Это столь же истинно, как то, что я уповаю на спасенье души, — ответил водонос. — При нём не было ничего, кроме небольшого ларчика сандалового дерева, который он мне завещал в награду за услуги.

— Ларчик сандалового дерева! Ларчик сандалового дерева! — воскликнул алькальд, и при

мысли о таящихся в нём сокровищах его глаза загорелись лихорадочным блеском. — Но где же этот ларчик?

Где он? Куда ты его девал?

— Если прикажете, — сказал водонос, — он в одной из корзин моего осла и в распоряжении вашей светлости.

Едва он вымолвил эти слова, как альгвазил выскочил из комнаты и мигом возвратился назад с таинственным ларчиком. Алькальд открыл его трясущимися от нетерпения руками; все столпились подле него, чтобы взглянуть на сокровище, но, к великому разочарованию, в нем не оказалось ничего, кроме исписанного арабскими буквами свитка пергамента и огарка свечи.

Если осуждение обвиняемого не сулит никаких выгод, то правосудие — даже в Испании — способно проявить беспристрастие. Оправившись от досады и обнаружив, что в ларчике и впрямь не заключается ничего ценного, алькальд на этот раз равнодушно выслушал объяснения водоноса, с которыми совпали показания его жены. Убедившись на этом основании в его невиновности, он отпустил его на свободу; больше того, он даже разрешил ему взять с собою подарок покойного мавра — ларчик сандалового дерева и его содер-

жимое — вполне заслуженную награду за его милосердие, но в возмещение судебных издержек и пошлин алькальд удержал при этом осла.

Таким образом, незадачливому маленькому гальего снова пришлось стать водоносом в прямом смысле этого слова, подыматься в Альгамбру к колодцу и таскать на собственном плече большой тяжелый кувшин.

Однажды, когда в знойный полдень он взбирался на гору, его покинуло свойственное ему добродушие. «Собака алькальд, вот кто ты! — вскричал он. — Отнять у человека средства к существованию, его лучшего друга на свете!» И в это воспоминание о возлюбленном товарище своих трудов он вложил всю свою нежность. «Увы, мой милый осел! — воскликнул он, опустив на землю ношу и вытирая мокрое от пота лицо. — Увы, мой дорогой ослик! Я ручаюсь, что ты помнишь своего хозяина! Я ручаюсь, что тебе недостает твоих кувшинов, мой бедный осел!»

В довершение всех его горестей всякий раз, как он возвращался домой, жена встречала его жалобами и причитаниями; она, бесспорно, имела перед ним известное преимущество, так как предостерегала от столь неслыханного гостеприимства, с которого и начались все их несчастья;

как женщина умная и многоопытная, она пользовалась любым случаем, чтобы ткнуть в глаза свою прозорливость и превосходство своего ума.

Если дети хотели есть или нуждались в новой одежде, она обыкновенно насмешливо отвечала на их приставания: «Подите к отцу; он — наследник альгамбрского короля Чико [36]; он владеет сокровищами, что хранятся в ларчике мавра».

Бывал ли хоть один смертный столь жестоко и несправедливо наказан за то, что сотворил доброе дело? Бедный Перехиль страдал и духом и телом, но тем не менее кротко сносил насмешки жены. Наконец, как-то вечером, когда она, по обыкновению, допекала его язвительными речами, он, при всем своем долготерпении, не выдержал. Он, правда, не отважился вступить в пререкания, но его гневный взгляд остановился на ларчике сандалового дерева, стоявшем на полке с наполовину открытою крышкой и как бы издевательски скалившем зубы при виде его невыносимых мучений. Схватив ларчик, он в сердцах швырнул его на пол. «Да будет проклят день, когда я тебя впервые увидел! — вскричал он. — Да будет проклят день, когда я приютил под

[36] Примечания: 36

«Маленький» — прозвище, данное испанцами последнему гранадскому султану, Магомету Боабдилу. (Прим. перев.)

моим кровом твоего бывшего хозяина!»

Едва ларчик коснулся пола, как его крышка отскочила, из него вывалился пергаментный свиток.

Несколько мгновений Перехиль мрачно и безмолвно смотрел на выпавший свиток пергамента. Затем, собравшись с мыслями, он подумал: «Кто знает, а вдруг это и в самом деле какая-нибудь важная рукопись; ведь мавр, очевидно, недаром хранил её с такою заботливостью». Он поднял свиток, сунул себе за пазуху и на следующий день, продавая на улицах воду, остановился перед лавкою одного танжерского мавра, торговавшего в Сакатине духами и драгоценностями, и попросил его изъяснить содержание рукописи.

Мавр внимательно прочитал свиток, погладил бороду и усмехнулся.

— Эта рукопись, — сказал он, — является заклинанием, при помощи которого можно найти заколдованные сокровища, пребывающие под властью магических чар. Здесь сказано, что это заклинание обладает столь могучею силою, что пред ним не устоят ни крепчайшие замки и запоры, ни даже сама адамантовая скала.

— Ба! — вскричал маленький гальего. — Что мне до этого? Я не волшебник и ничего не смыслю

в спрятанных под землею сокровищах!

Сказав это, он взвалил на плечо кувшин и, оставив свиток у мавра, пустился в дневные странствия по улицам города. На исходе дня, явившись в сумерки к альгамбрскому колодцу, он застал там множество обычных посетителей этого места, собравшихся поболтать и посудачить, и их беседа, как нередко случается в эти призрачные часы, вертелась вокруг старинных легенд и преданий с участием сверхъестественных сил. Будучи бедны как церковные мыши, они с особой горячностью обсуждали широко распространенные рассказы о заколдованных кладах, укрытых маврами в различных местах Альгамбры. При этом они наперебой высказывали уверенность, что глубоко в земле, под Семиярусной башней, несомненно находятся бесчисленные сокровища.

Эти рассказы произвели на беднягу Перехиля необыкновенно сильное впечатление, и когда он темной дорогой в одиночестве возвращался домой, у него не было иных дум, кроме мыслей о мавританских сокровищах. «А что, если в башне и впрямь находится клад и с помощью заклинания, которое я оставил у мавра, мне удастся его разыскать?» Эта догадка вызвала в нем такой

сильный восторг, что он едва не уронил наполненный водою кувшин.

В эту ночь он метался, ворочался на своем ложе и почти не сомкнул глаз из-за грез, будораживших его воображение. Едва дождавшись рассвета, он поспешил к мавру и поделился с ним своими мечтами.

— Ты умеешь читать по-арабски, — сказал он. — Предположим на мгновение, что мы отправляемся в башню, дабы проверить действие заклинания; если нашу затею ждет неудача, мы решительно ничего не теряем, если нас ждет успех, мы разделим поровну найденное.

— Погоди! — воскликнул магометанин. — Это заклинание само по себе не обладает никакой силой; его необходимо читать при свете свечи, изготовленной по особому способу, и притом из таких веществ, достать которые не в моей власти. Без этой свечи свиток бессилен.

— Ладно! — вскричал маленький гальего. — Такая свеча существует, я её принесу в мгновение ока.

Промолвив эти слова, он пустился домой и вскоре явился с огарком восковой свечи, тем самым, который он нашел в ларчике сандалового дерева.

Мавр взял его в руки и понюхал.

— Эта свеча, — сказал он, — изготовлена из желтого воска, к которому добавлены редкие и драгоценные благовония. Именно о такой свече и говорит рукопись. Пока она горит, заклинанию послушны крепчайшие стены и наиболее сокровенные тайники. Но горе тому, кто замешкается и даст ей угаснуть. Расступившиеся стены сомкнутся, несчастный попадет под власть чар и навеки останется вместе с сокровищами.

Они условились испытать заклинание в ту же ночь. В поздний час, когда не бодрствует никто, кроме сов и летучих мышей, они поднялись на поросшую лесом гору Альгамбры и подошли к страшной башне, окруженной деревьями и прославленной множеством жутких преданий. Пробираясь при свете фонаря сквозь заросли кустов и груды камней, они отыскали вход в её подземелье и со страхом и трепетом сошли по ступеням лестницы, пробитой в скале. Она вела в пустое, сырое и мрачное помещение, из которого новая лестница спускалась в ещё более глубокий подвал. Подобным образом им пришлось пройти по четырем лестницам, спускавшимся через такое же количество расположенных одно под другим подземелий, причем пол четверто-

го оказался глухим и непроницаемым, и хотя, согласно преданию, под ним находились ещё три подземелья, утверждали, будто проникнуть в них невозможно, так как доступ в эту часть башни преграждают неодолимые чары. В этом подземелье было сыро, холодно и пахло плесенью, а фонарь бросал лишь несколько слепых и тусклых лучей. Мавр и гальего некоторое время томились здесь ожиданием, пока наконец не послышались отдаленные и глухие удары часов на сторожевой башне. Пробило полночь. Лишь только замолк последний удар, они зажгли восковую свечу. Распространился запах мирры, ладана и стираксы[37]. Мавр глухим голосом принялся читать заклинание. Не успел он окончить, как из-под земли послышался гул. Земля задрожала, пол расступился, и под ним открылась новая лестница. Трепеща от страха, они сошли вниз и с помощью фонаря обнаружили, что попали в подземелье, стены которого испещрены арабскими надписями. Посредине находился большой окованный семью стальными обручами сундук, по краям которого сидели в полном вооружении два очарованных мавра; они были неподвижны

[37] Примечания: 37
Стиракса — ароматический бальзам.

как статуи, ибо пребывали во власти колдовских чар. Перед сундуком стояли кувшины, наполненные золотом, серебром и драгоценными камнями. Погружая в самый большой из них свои руки по локоть, наши кладоискатели всякий раз вытаскивали пригоршни монет из светлого мавританского золота, браслеты и другие золотые украшения, а иногда им попадались роскошные ожерелья из заморского жемчуга. Дрожа всем телом, почти задыхаясь от волнения, набивали они свои карманы добычею и тревожно косились на двух угрюмых и неподвижных зачарованных мавров, смотревших на них немигающим взглядом. Наконец, побуждаемые страхом — им почудился какой-то воображаемый шум, — они, толкая друг друга, пустились по лестнице и, достигнув верхнего подземелья, погасили свечу.

Тотчас же раздался грохот, и пол снова сомкнулся.

Исполненные ужаса, они не останавливались до тех пор, пока не выбрались из башни и не увидели звезд, мерцавших в просветах деревьев. Затем, усевшись на траве, они поровну разделили добычу, решив на этот раз ограничиться только сливками, которые им удалось снять с кувшинов, и надеясь побывать там ещё раз и опустошить их

до дна. Дабы не сомневаться во взаимных добрых намерениях, они поделит ли также чудодейственные талисманы, причем одному достался свиток, другому — свеча. Покончив с этим, они с легким сердцем и тяжелыми карманами отправились обратно в Гранаду. Спускаясь с горы, предусмотрительный мавр шепнул на ухо простодушному водоносу слово совета.

— Дружище Перехиль, — сказал он, — все происшедшее должно остаться между нами, пока мы не спрячем сокровища в безопасное место. Если слух о них дойдет до ушей алькальда, мы погибли.

— Разумеется, — ответил гальего, — это — сущая правда.

— Дружище Перехиль, — продолжал мавр, — ты — человек благоразумный, и я не. сомневаюсь, что ты не станешь болтать, но ты не один, у тебя есть жена.

— Моя жена не узнает об этом ни слова, — решительно заявил маленький водонос.

— Довольно, — сказал мавр, — уповаю на твое благоразумие и обещание.

Никогда ни одно обещание не давалось, быть может, более твердо и искренно, но… увы! Разве муж может утаить что-нибудь от жены? И ко-

нечно, ничего не мог утаить водонос Перехиль, который был одним из самых любящих и покорных мужей. Возвратившись домой, он нашел свою жену мрачно забившейся в угол.

— Чудесно! — вскричала она, едва он вошел. — Ты изволил наконец воротиться, прошлявшись ночь напролет. Удивляюсь, как это ты не привел с собой нового мавра!

Затем, разразившись рыданиями, она стала ломать свои руки и бить себя в грудь.

— О, как я несчастна! — воскликнула она. — Что меня ожидает? Мой дом разорен и ограблен нотариусами и альгвазилами, мой муж — бездельник, который, вместо того чтобы зарабатывать на семью, днем и ночью шляется с неверными маврами. О, мои дети! Мои бедные дети! Что ожидает вас? Нам предстоит побираться на улице!

Бедняга Перехиль был настолько растроган горем супруги, что не мог удержаться от слез. Сердце его было полно, как карман, и остановить свой порыв он оказался не в силах. Запустив руку в карман, он достал из него три или четыре золотых и сунул своей дражайшей жене за корсаж. Бедная женщина оцепенела от изумления и не могла понять, что означает этот золотой дождь. Прежде чем она успела прийти в себя, маленький

гальего вытащил ещё золотую цепочку и, помахивая ею перед глазами жены и улыбаясь во весь рот, принялся лихо отплясывать.

— Пресвятая дева, помилуй нас! — воскликнула она. — Что ты натворил, Перехиль? Надеюсь, ты никого не ограбил и никого не убил?

Едва эта мысль возникла в мозгу бедной женщины, как она твердо в неё уверовала. Она уже видела перед собой тюрьму, виселицу и на ней маленького колченогого гальего; подавленная ужасами, порожденными её воображением, она впала в отчаянную истерику.

Что оставалось делать бедному мужу? Он не располагал никакими иными средствами, чтобы успокоить жену и разогнать призраки её фантазии, как поведать начистоту историю своего обогащения. Он это и сделал, но после того, как взял с неё торжественное обещание сохранить его рассказ в тайне.

Попытка описать её радость оказалась бы тщетной. Она обняла мужа и чуть не задушила в своих объятиях.

— Ну, а теперь, жена, — воскликнул, ликуя, маленький человек, — что ты можешь сказать о наследстве мавра? Отныне никогда не мешай мне оказывать помощь ближнему, когда он в нужде.

Славный гальего улегся на свою овечью шкуру и уснул так крепко, как если бы покоился на перине. Другое дело жена: она выпотрошила его карманы и, разложив содержимое на циновке, долго считала золотые монеты арабской чеканки, примеряла ожерелье и серьги, мечтая о том, как она вырядится, когда ей будет позволено воспользоваться богатствами.

На следующее утро Перехиль взял большую золотую монету и, придя в лавку ювелира в Сакатине, заявил, что нашел её среди развалин Альгамбры. Ювелир обнаружил на ней арабскую надпись и увидел, что она из червонного золота; тем не менее, он предложил только треть её стоимости, и это вполне устроило водоноса.

Перехиль накупил для своего выводка нового платья, игрушек, всяческой снеди и сластей и, возвратившись к своему жилищу, собрал вокруг себя ребятишек, устроил хоровод, плясал вместе с ними и чувствовал себя счастливейшим из отцов.

Супруга водоноса держала своё обещание и сохраняла тайну с поразительной твердостью. Целых полтора дня она ходила с таинственным видом и колотящимся сердцем и молчала, хотя была окружена завзятыми сплетницами. Правда,

она не могла не напустить на себя некоторой важности, извинялась за рваное платье и говорила, что заказала баскинью, отделанную золотым кружевом и такими же пуговицами, и новую кружевную мантилью. Она намекала на намерение мужа оставить промысел водоноса, вредный для его здоровья. Она, мол, полагает, что на лето им нужно уехать в деревню, что горный воздух принесет пользу детям, ибо в знойное время года в городе нет никакого житья.

Соседки переглядывались между собой и решили, что бедная женщина лишилась рассудка; едва она удалялась, как её манеры, ужимки и притязания делались предметом всеобщего издевательства и веселья.

Если ей как-то удавалось сдерживаться на людях, то она сторицей вознаграждала себя в своем доме и, надев на шею нитку роскошного заморского жемчуга, на руки — мавританские браслеты, а на голову — алмазный султан, прохаживалась в своих неприглядных лохмотьях по комнате, время от времени останавливаясь, чтобы полюбоваться собой у разбитого зеркала. Побуждаемая простодушным тщеславием, она никак не могла отказаться от искушения показаться в окне и насладиться эффектом, про-

изводимым этой роскошью на прохожих.

Судьбе было угодно, что Педрильо Педруго, уже известный нам любопытный цирюльник, как раз в этот момент сидел без дела в своей лавке напротив, и его вечно бдительное око уловило сверканье алмазов. В одно мгновение он оказался у маленького оконца, служившего ему наблюдательным пунктом, и принялся разглядывать оборванную супругу водоноса, которая была убрана драгоценностями с великолепием восточной невесты. Составив в уме полный реестр её драгоценностей, он помчался со всею возможною прытью к алькальду. Через некоторое время вечно голодный альгвазил снова понесся по следу, и не успело зайти солнце, как беднягу Перехиля опять схватили и повлекли пред грозные очи судьи.

— Как же так, негодяй! — яростно заорал алькальд. — Ты утверждал, что неверный, умерший у тебя в доме, не оставил ничего, кроме пустой шкатулки, а между тем я слышу, что твоя жена щеголяет в лохмотьях, увешанная алмазами и жемчугами.

Эх ты, жалкая тварь! Приготовься возвратить добычу, отнятую тобой у бедной жертвы, и взлететь на виселицу, которая уже давно по тебе

соскучилась.

Испуганный водонос пал на колени и чистосердечно рассказал о необыкновенном способе, при помощи которого внезапно разбогател. Алькальд, альгвазил и цирюльник слушали развесив уши эту арабскую сказку о зачарованных мавританских сокровищах. Альгвазилу было поручено разыскать и доставить мавра, который читал заклинание. Мавр, представ пред алькальдом и увидев себя в руках гарпий закона, обезумел от страха. Заметив водоноса, который стоял с виноватым видом и потупленным взором, он понял все.

— Презренная тварь, — сказал он, проходя мимо, — не говорил ли я, чтобы ты не болтал?

Показания мавра в точности совпали с рассказом его товарища, но алькальд сделал вид, будто не верит, и грозил тюрьмою и пытками.

— Успокойтесь, сеньор алькальд, — сказал мусульманин, к которому снова возвратились его обычное лукавство и самообладание. — Не будем ссориться и воспользуемся дарами судьбы. Об этом деле не знает никто, кроме нас, сохраним же и впредь нашу тайну. Сокровищ башни хватит на всех. Пообещайте справедливый дележ, и все образуется; если нет — подземелье навсегда

останется под властью чар.

Алькальд, отойдя в сторону, посоветовался с альгвазилом. Последний был старой лисою.

— Пока вы не овладели сокровищами, — сказал он, — обещайте все что угодно. А потом вы сможете наложить на них руку; если он и его сообщник посмеют роптать, припугните их, как колдунов и неверных, хорошим костром.

Алькальд полностью одобрил совет альгвазила. Сменив гнев на милость и повернувшись к мавру, он произнес:

— Все, что вы рассказываете, в высшей степени странно, хотя, быть может, и отвечает действительности. Я должен, однако, воочию удостовериться в правдивости ваших рассказов. Сегодня ночью, в моем присутствии, вы повторите заклинание. Если в башне окажутся зачарованные богатства, мы дружески разделим их между собой — и делу конец; если вы лжете, то тогда не ждите пощады. А пока отправляйтесь в тюрьму.

Мавр и водонос охотно согласились на эти условия, так как были уверены, что испытание подтвердит справедливость их слов.

Около полуночи алькальд в сопровождении альгвазила и вездесущего брадобрея — все трое

вооруженные до зубов — потихоньку вышли из дому. Они вели мавра и водоноса — своих пленников — и захватили осла, который принадлежал когда-то маленькому гальего и которому предстояло везти ожидаемые сокровища. Не замеченные никем, подошли они к башне и, привязав осла к фиговому дереву, сошли в четвертый ярус её подземелий.

Здесь они зажгли свечу, раскрыли свиток, и мавр прочел текст заклинания. Как и в прошлый раз, задрожала земля, с грохотом раздвинулся пол и открылась узкая лестница. Алькальд, альгвазил и цирюльник были поражены страхом и не решались спускаться. Мавр и водонос вошли в подземелье и увидели тех же мавров, безмолвных и неподвижных, сидевших, как и в прошлый раз, по краям сундука. Они сдвинули с места два больших кувшина, полных золотых монет и драгоценных камней. Водонос вынес их один за другим наверх и, несмотря на то что привык таскать тяжелую ношу, согнулся под их тяжестью и решил, что это — как раз то, что по силам его ослу, а больше ему не снести.

— На сегодня хватит, — сказал мавр. — Здесь как раз то, что мы сможем унести с собою без риска быть обнаруженными, и вполне достаточно,

чтобы сделать нас богатыми на всю жизнь.

— А там ещё что-нибудь остается? — спросил алькальд.

— Большая часть клада, — ответил мавр, — объемистый сундук, скованный обручами из стали, наполненный жемчужинами и драгоценными камнями.

— Мы должны во что бы то ни стало завладеть сундуком! — вскричал жадный алькальд.

— Я больше спускаться не стану, — упрямо заявил мавр. — Для всякого благоразумного человека «хватит» означает достаточно, а все остальное — излишество.

— Я тоже, — сказал водонос, — не желаю перетаскивать тяжести, которые сломают хребет моему бедняге ослу.

Обнаружив, что приказания, угрозы и уговоры в равной мере бессильны, алькальд обратился за помощью к спутникам.

— Помогите, — сказал он, — вынести сундук наверх, мы разделим между собой его содержимое.

Сказав это, он начал спускаться по лестнице, а за ним со страхом и против воли последовали альгвазил и цирюльник.

Позволив им скрыться из виду, мавр задул восковую свечу; пол с грохотом сдвинулся, и

три достопочтенных сеньора остались в недрах земли.

Затем он торопливо побежал наверх и остановился только тогда, когда очутился на свежем воздухе. За ним во всю прыть, насколько позволяли короткие ноги, ковылял водонос.

— Что ты наделал? — вскричал Перехиль, лишь только перевел дух. — Алькальд и те двое заперты в подземелье!

— Такова воля Аллаха, — набожно ответил магометанин.

— И ты их не выпустишь? — спросил гальего.

— Аллах не велит, — ответил мавр, поглаживая свою холеную бороду. — В Книге судеб записано, что они пребудут под властью чар до тех пор, пока какой-нибудь кладоискатель не освободит их от наложенного на них заклятия. Да свершится воля Аллаха!

Молвив эти слова, он забросил огарок восковой свечи в чащу кустарника, росшего по склонам оврага.

Так как путь к возвращению был отрезан, мавру и водоносу не оставалось ничего иного, как отправиться в сопровождении тяжело нагруженного осла по направлению к городу, и бедняга Перехиль без устали обнимал и целовал своего

длинноухого приятеля, вырванного им из когтей закона. Трудно сказать, чему в данный момент больше радовался простодушный маленький человечек — тому ли, что завладел сокровищами, или тому, что снова обрел своего дорогого осла.

Оба соучастника честно и в добром согласии разделили добычу, причем мавр, имевший пристрастие к красивым безделушкам, взяв в счёт своей доли большую часть жемчуга, драгоценных камней и остальной мелочи, отдал водоносу великолепные изделия из массивного золота, чем последний остался чрезвычайно доволен. Они решили, не дожидаясь новых неприятностей, спокойно насладиться своим богатством, удалившись в другие страны. Мавр возвратился в Африку, в свой родной город Танжер, а гальего с женой, детьми и ослом совершил приятнейший в своей жизни путь в Португалию. Здесь, следуя наказам и наставлениям жены, он превратился в важного господина, ибо, по её настоянию, облачил своё длинное туловище и короткие ноги в камзол и чулки, надел шляпу с пером, прицепил шпагу и, позабыв прозвище Перехиль, стал именоваться звучным именем дон Педро Хиль. Его выводок вырос в здоровое, веселое, хотя коротконогое и колченогое, племя, тогда как сеньора

Хиль, вся с головы до ног в бахроме, кружевах и кистях, со сверкающими кольцами на каждом из десяти пальцев, стала образцом нарядной неряхи.

Что касается алькальда и его сотоварищей, то они и посейчас заперты в подземелье высокой Семиярусной башни. О них, по всей вероятности, вспомнят, когда в Испании обнаружится недостаток болтливых цирюльников, акул альгвазилов и взяточников алькальдов, но если они станут ожидать этого времени, то существует опасность, что они пребудут во власти колдовских чар вплоть до второго пришествия.

НАТАНИЕЛ ГОТОРН

МОЛОДОЙ БРАУН

Молодой Браун вышел в час заката на улицу Сэйлема[38], но, переступив порог, обернулся, чтобы поцеловать на прощание молодую жену. Вера — так звали жену, и это имя очень ей шло, — высунула из дверей свою хорошенькую головку, позволяя ветру играть розовыми лентами чепчика, и склонилась к молодому Брауну.

— Милый мой, — прошептала она тихо и немного грустно, приблизив губы к самому его уху, — прошу тебя, отложи путешествие до восхода солнца и проспи эту ночь в своей постели. Когда женщина остается одна, её тревожат такие сны и такие мысли, что подчас она самой себя боится. Исполни мою просьбу, милый муженек, останься со мной — хотя бы одну только эту ночь из всех ночей года.

— Вера моя, любимая моя, — возразил молодой Браун, — из всех ночей года именно эту ночь я не могу с тобой остаться. Это путешествие, как ты его называешь, непременно должно совершиться

---

[38] Примечания: 38

Сэйлем — деревня, многие жители которой были обвинены в 1692 г. в колдовстве.

между закатом и восходом солнца. Неужели, моя милая, дорогая женушка, ты уже не доверяешь мне, через три месяца после свадьбы?

— Если так, иди с миром, — сказала Вера, тряхнув розовыми лентами. — И дай Бог, чтобы вернувшись, ты все застал таким, как оставил.

— Аминь! — воскликнул молодой Браун. — Прочитай молитву, дорогая Вера, и ложись спать, как только стемнеет; и ничего дурного с тобой не приключится.

Так они расстались, и молодой человек пошел прямой дорогой до самого молитвенного дома; там, прежде чем свернуть за угол, он оглянулся и увидел, что Вера всё ещё смотрит ему вслед и лицо её печально, несмотря на розовые ленты.

«Бедная моя Вера! — подумал он, и сердце у него дрогнуло. — Не злодей ли я, что покидаю её ради такого дела? А тут ещё сны, о которых она говорила! Мне показалось, при этих словах в лице её была тревога, точно вещий сон и вправду открыл ей, что должно свершиться сегодня ночью. Но нет, нет; она умерла бы от одной подобной мысли. Ведь она — ангел во плоти, и после этой ночи я никогда больше не покину её и вместе с ней войду в царствие небесное».

Приняв на будущее столь похвальное решение,

молодой Браун считал себя вправе пока что поспешить к недоброй цели своего путешествия. Он шел мрачной и пустынной дорогой, в тени самых угрюмых деревьев леса, которые едва расступались, чтобы пропустить узкую тропинку, и тотчас же снова смыкались позади. Трудно было вообразить себе более уединенное место; но в подобном уединении есть та особенность, что путник не знает, не притаился ли кто-нибудь за бесчисленными стволами и в сплетении густых ветвей, и, одиноко шагая по дороге, проходит, быть может, в гуще неведомой толпы.

«Тут за каждым деревом может прятаться коварный индеец, — сказал себе молодой Браун и, боязливо оглянувшись, прибавил: — А что, если сам дьявол идет бок о бок со мной?»

Все ещё оглядываясь, он миновал изгиб дороги, потом снова посмотрел вперед и увидел человека в скромной и строгой одежде, сидящего под большим, раскидистым деревом. Как только молодой Браун поравнялся с ним, тот встал и зашагал рядом.

— Поздненько вы собрались, молодой Браун, — сказал он. — Часы на Старой Южной церкви[39]

[39] Примечания: 39
Старая Южная церковь — старинная церковь в Бостоне.

били, когда я проходил через Бостон, а с тех пор прошло уже не меньше пятнадцати минут.

— Вера немного задержала меня, — отвечал молодой человек с легкой дрожью в голосе, которая была вызвана внезапным появлением спутника, не таким уж, впрочем, неожиданным.

В лесу теперь стало совсем темно, особенно в той стороне, которою им пришлось идти. Однако можно было разглядеть, что второй спутник — человек лет пятидесяти, видимо принадлежащий к тому же общественному сословию, что и молодой Браун, и очень с ним схожий, хоть, пожалуй, не столько чертами, сколько выражением лица. Их легко было принять за отца и сына.

И всё же, несмотря на то, что старший был одет так же просто, как и младший, и так же прост в обращении, была в нем какая-то неизъяснимая уверенность знающего свет человека, который не растерялся бы и за столом у губернатора или даже при дворе короля Вильгельма[40], если бы обстоятельства привели его туда. Впрочем, единственное, что при взгляде на него останавливало внимание, был его посох, напоминавший своим видом большую черную змею и так причудливо

[40] Примечания: 40

…при дворе короля Вильгельма… — Имеется в виду английский король Вильгельм III Оранский (царств. 1689–1702).

вырезанный, что казалось, будто он извивается и корчится, как живая гадина. Это, разумеется, был не более как обман зрения, которому способствовал неверный свет.

— Послушай, молодой Браун! — вскричал старший путник. — Таким шагом мы не скоро доберемся. Возьми мой посох, если ты уже успел утомиться.

— Друг, — возразил тот и, вместо того чтобы ускорить шаг, круто остановился, — я выполнил наше условие, встретившись с тобой здесь, но теперь хотел бы вернуться туда, откуда пришел. У меня возникли сомнения по поводу известного тебе дела.

— Вот как? — воскликнул обладатель змеиного посоха, незаметно улыбнувшись при этом. — Хорошо, но давай всё же за разговором будем продолжать наш путь; ведь если мне не удастся убедить тебя, ты всегда успеешь повернуть назад. Мы не так далеко ушли.

— Слишком далеко! Слишком далеко! — воскликнул молодой человек и, сам того не замечая, снова зашагал вперед. — Ни мой отец, ни отец моего отца никогда не пускались ночью в лес за подобным делом. Со времен первых мучени-

ков[41] в нашем роду все были честными людьми и добрыми христианами; так мне ли первым из носящих имя Браун вступать на этот путь и заводить…

— …подобные знакомства, хотел ты сказать, — вставил старший путник, истолковывая таким образом его минутное замешательство. — Хорошо сказано, молодой Браун! Ни с кем из пуритан не водил я такой дружбы, как с вашим семейством; это что-нибудь да значит. Я помогал твоему деду, констеблю, когда он плетьми гнал квакершу по улицам Сэйлема; и не кто иной, как я, подал твоему отцу сосновую головню из собственного моего очага, которой он поджег индейский поселок во время войны с королем Филиппом[42]. Оба они были мои добрые друзья; и не раз мы с ним, совершив приятную прогулку по этой самой дороге, весело возвращались после полуночи домой. В память о них я и с тобой рад подружиться.

— Если то, что ты говоришь, правда, — возразил молодой Браун, — удивляюсь, отчего они

---

[41] Примечания: 41

Со времен первых мучеников… — т. е. в период царствования Марии (1553–1558), прозванной Кровавой за преследования протестантов.

[42] Примечания: 42

…во время войны с королем Филиппом. — Имеется в виду война англичан 1588 г. с испанским королем Филиппом II (царств. 1556–1598), известным жестоким преследованием еретиков.

никогда не поминали ни о чём подобном; впрочем, удивляться тут нечему, ибо, если б только прошел об этом слух, им бы не видать больше Новой Англии.

Мы тут люди богомольные, примерного поведения, и не потерпели бы подобного нечестия.

— Нечестие это или нет, — сказал путник со змеиным посохом, — а только я могу похвалиться обширным знакомством здесь, в Новой Англии. Церковные старосты многих приходов пили со мной вино причастия; олдермены многих селений избрали меня своим главой, а среди судей и советников большинство — верные блюстители моей выгоды. Также и губернатор... Однако это уже государственная тайна.

— Возможно ли! — вскричал молодой Браун. — А впрочем, что мне до губернатора и советников! У них своя совесть, и они не пример для скромного землепашца. Но если я пойду с тобой, как мне взглянуть потом в глаза нашему сэйлемскому священнику, этому святому человеку? Ведь дрожь пробирает меня с ног до головы, едва я заслышу его голос в день Воскресения Господня или в день проповеди.

До сих пор старший путник слушал его слова с должной серьезностью, но тут им овладел при-

ступ неудержимого веселья и весь он так затрясся от смеха, что, казалось, даже змеиный посох корчится в его руке.

— Ха-ха-ха! — покатывался он снова и снова; потом, немного успокоившись, вымолвил: — Отлично, друг Браун, продолжай, да только, прошу тебя, не умори меня со смеху.

— Так вот, чтобы сразу покончить с этим, — сказал молодой Браун с немалой досадой, — у меня есть жена, которую я люблю. Это разбило бы её сердце, а я готов уж лучше разбить свое.

— Ну, когда так, — сказал его собеседник, — ступай своим путем, друг Браун. Я не хотел бы огорчить Веру даже ради двадцати таких старушонок, как вон та, что бредет перед нами.

Говоря это, он указал своим посохом на женскую фигуру, двигавшуюся по той же тропинке, и молодой Браун узнал в ней весьма благочестивую и добродетельную матрону, которая в детстве учила его катехизису и до сих пор оставалась его советчицей в делах религии и нравственности наряду со священником и церковным старостой Гукином[43].

— Удивительно в самом деле, как это тетушка

---

[43] Примечания: 43

…церковным старостой Гукином. — Даниэль Гукин (1612–1687) — известный религиозный деятель.

Клойз[44] очутилась одна в таком глухом месте, да ещё в такой поздний час, — сказал молодой Браун, — Но если вы позволите, друг, я пойду прямиком через лес; покуда мы не обгоним эту добрую христианку. Ведь она вас не знает; как бы не стала расспрашивать, с кем это я беседую и куда направляюсь.

— Пусть будет так, — отвечал его спутник. — Ступай лесом, а я пойду дальше тропинкой.

Так и уговорились; молодой человек свернул в сторону и пошел лесной чащей, но при этом старался не упустить из виду своего товарища, который бесшумно шагал по тропинке, покуда расстояние, отделявшее его от старухи, не уменьшилось до длины дорожного посоха. Она меж тем продолжала путь с удивительной для её лет быстротой и на ходу не переставала бормотать что-то, должно быть молитву. Путник протянул посох и тем концом его, где приходился хвост змеи, дотронулся до морщинистой старушечьей шеи.

— Что за черт! — взвизгнула благочестивая леди.

— Значит, тетушка Клойз признала своего старого друга? — спросил путник, остановившись

[44] Примечания: 44

Тетушка Клойз — жительница деревни Сэйлем, обвиненная в колдовстве.

перед нею и опершись на свой извивающийся посох.

— Ах, батюшки, да это и в самом деле ваша милость! — вскричала добрая старушка. — Вы и есть, да ещё в образе старого моего куманька, констебля Брауна, дедушки того молодого дурня, который нынче носит это имя. Поверите ли, ваша милость, моя метла пропала; должно быть, эта ведьма, тетушка Кори, — петли на неё нет! — стащила её, а я как раз только что натерлась мазью из настоя дикого сельдерея, лапчатки и волчьего корня…

— …смешанного с просеянной пшеницей и жиром новорожденного младенца, — вставил двойник старого Брауна.

— Ах, ваша милость знает этот рецепт! — воскликнула почтенная особа, подобострастно хихикнув. — Ну вот, приготовившись ехать на сбор и не найдя своей лошади, я решилась отправиться пешком; говорят, нынче будут посвящать новичка, славного молодого человека. Но теперь, если ваша милость захочет предложить мне руку, мы во мгновение ока будем на месте.

— Вот уж это едва ли, — отвечал её друг. — Рука моя занята, тетушка Клойз; но, если хотите, вот мой посох.

С этими словами он бросил свой посох на землю, и очень может быть, что посох сразу же ожил, будучи сродни тем жезлам, которыми его обладатель некогда снабдил египетских магов. Этого чуда, однако, молодому Брауну не пришлось наблюдать. Он в изумлении поднял глаза к небу, а когда снова опустил их, то не увидел уже ни тетушки Клойз, ни змеиного посоха; только прежний спутник дожидался его на тропинке, спокойный и равнодушный, словно ничего не произошло.

— Она учила меня катехизису, — сказал молодой человек, и эти слова были в его устах полны значения.

Они продолжали свой путь, и старший все уговаривал младшего не поворачивать назад, а, напротив, прибавить шагу, так искусно подбирая при этом доводы, что казалось — они не им высказаны, а возникают в мыслях у самого слушателя.

По дороге он отломил большой кленовый сук, чтобы сделать себе новый посох, и принялся очищать его от сучков и веточек, ещё влажных от вечерней росы. И странно — как только он прикасался к ним пальцами, листья на них становились сухими и желтыми, словно целую неделю

пробыли под палящим солнцем. Так, широким бодрым шагом подвигаясь вперед, дошли оба путника до глухого и темного оврага. Но тут вдруг молодой Браун уселся на придорожный пень и отказался идти дальше.

— Друг, — сказал он с твердостью, — решение моё непреклонно. Больше ты меня не заставишь сделать ни шагу. Пусть этой глупой старухе угодно было отправиться к дьяволу, когда я думал, что она на пути к вечному блаженству, — разве это причина, чтобы мне покинуть милую мою Веру и поспешить туда же?

— Скоро ты переменишь своё мнение, — хладнокровно отвечал его спутник. — Посиди тут, отдохни немного; а когда явится у тебя желание продолжать путь — вот тебе мой посох в подмогу.

Не говоря более ни слова, он бросил к его ногам кленовый сук и так быстро скрылся из виду, будто растаял в сгущающейся мгле. Молодой человек ещё несколько времени сидел у дороги, весьма довольный собою, думая о том, как завтра со спокойной душой пойдет он навстречу священнику в час его утренней прогулки и как ему не нужно будет прятать глаза от доброго старосты Букина. И как сладко будет ему спаться в ту ночь, которую

он начал так дурно, но окончит теперь тихо и безмятежно в объятиях милой Веры! Среди этих приятных и похвальных размышлений молодой Браун заслышал вдруг конский топот и, помня о нечестивом замысле, приведшем его на эту дорогу, хоть и столь счастливо отвергнутом ныне, счел благоразумным укрыться в лесной чаще.

Все явственнее становился стук копыт и вместе с ним голоса всадников — два глуховатых старческих голоса, — степенно беседовавших меж собой. Судя по звуку, можно было заключить, что всадники ехали по дороге в нескольких ярдах от того места, где прятался молодой человек, но, должно быть, тут, у оврага, сильно сгустилась тьма, потому что ни людей, ни коней не было видно. Слышалось шуршание задетых ими веток, но ни разу их фигуры не заслонили полоску слабого света в том месте, где сквозь гущу деревьев проглядывало ночное небо, хотя, проезжая по дороге, они непременно должны были пересечь это место. Молодой Браун то присаживался на корточки, то приподнимался на носки и, раздвинув ветки, насколько позволяла осторожность, вытягивал голову, но не мог разглядеть ровно ничего.

Это было тем досаднее, что голоса показались

ему знакомыми, и, будь что-либо подобное мыслимо, он мог бы поклясться, что это священник и староста Гукин мирно трусят рысцой бок о бок, как то бывало обычно, когда они ехали на собрание церковного совета. Миновав молодого Брауна, один из всадников остановился сорвать прутик.

— Что до меня, достопочтенный сэр, — послышался голос старосты, — я бы лучше согласился пропустить парадный обед, чем нынешнее собрание. Говорят, кое-кто из наших явится сегодня из Фэлмута[45] и его окрестностей, а иные из Коннектикута и Род-Айленда, и ещё будет несколько индейских знахарей, которые на свой лад искусны в чертовщине не меньше, чем самые опытные из нас. К тому же будут посвящать одну новенькую, очень благочестивую молодую женщину.

— Все это отлично, староста Гукин, — возразил густой бас священника. — Но вы пришпорьте свою кобылу, не то мы опоздаем. Ведь вы же знаете, без меня там не могут начать.

Копыта снова застучали, и голоса, так удивительно перекликавшиеся в пустом пространстве, затерялись в лесной чаще, где никогда не собира-

---

[45] Примечания: 45
Фэлмут — поселок на юго-востоке Массачусетса.

лась паства и не молился одинокий прихожанин. Куда могли направляться эти святые люди сквозь глухое языческое безлюдье? Молодой Браун схватился за ближнее дерево, чтобы не упасть, потому что ноги у него подкосились от внезапной тяжести, болезненно сдавившей сердце. Он поднял глаза, сомневаясь в том, есть ли ещё небо над его головою. Но синяя твердь была на своем месте, и на ней уже поблескивали звезды.

— Нет, Всевышний на небе и Вера на земле помогут мне устоять против дьявола! — воскликнул молодой Браун.

Все ещё глядя в глубину небосвода, он воздел руки, чтобы прочитать молитву, но тут, хотя ветра не было вовсе, набежала откуда-то туча и застлала сверкающие звезды. Кругом по-прежнему было ясное небо, только прямо над его головой чернела эта туча, быстро двигавшаяся на север. Воздух вдруг наполнился смутным и нестройным гулом людских голосов, доносившихся сверху, как будто из недр тучи. Ему показалось было, что он различает голоса своих односельчан, мужчин и женщин, праведников и нечестивцев, добрых людей, вместе с ним ходивших к причастию, и беспутных гуляк, не раз виденных им у дверей кабака. Но звуки были так неясны, что в следующий

миг его взяло сомнение: не лес ли это зашелестел вдруг листвой?

Потом докатилась новая волна знакомых голосов, которые каждый день при солнечном свете раздавались на улицах Сэйлема, но никогда ещё не звучали ему из ночного неба. Один голос выделялся из общего шума, голос молодой женщины: она как будто жаловалась на что-то, хотя и не очень горестно, и молила о какой-то милости, которую, быть может, страшилась заслужить; а весь невидимый рой святых и грешников подбадривал её и торопил вперед.

— Вера! — вскричал молодой Браун голосом, полным ужаса и отчаяния; и со всех сторон понеслись насмешливые отголоски: «Вера! Вера!» — точно потревоженная нечисть искала её по всему лесу.

Еще не улегся этот крик боли, гнева и страха, пронзивший ночную тишину, а несчастный уже затаил дыхание, ожидая ответа. Послышался одинокий вопль, но он тотчас же затерялся в гомоне множества голосов, который перешел в хохот и вскоре замер вдали; темная туча пронеслась мимо, и над молодым Брауном снова засияло безмолвное чистое небо. Что-то легко спустилось сверху и повисло, зацепившись за сук. Молодой

человек протянул руку и увидел перед собой розовую ленту.

— Моя Вера погибла! — воскликнул он, когда прошел первый миг оцепенения. — Нет добра на земле; и грех — лишь пустое слово. Сюда, дьявол, теперь я вижу, что ты хозяин в этом мире.

Тут, словно обезумев от отчаяния, молодой Браун разразился долгим и громким хохотом, а затем' ухватил кленовый посох и зашагал вперед с такой быстротой, что казалось — он не шел и не бежал по земле, а летел над нею. Дорога становилась все более мрачной и дикой, тропинка то и дело терялась в чаще, а под конец и вовсе пропала, но, следуя тому чутью, которое безошибочно ведет смертного к дурной цели, он шел напролом сквозь дремучие дебри. Со всех сторон лес оживал в страшных звуках — трещали ветки, выли дикие звери, перекликались индейцы; а ветер то гудел, точно колокол дальней церкви, то поднимал вокруг путника рев и хохот, как будто вся природа решила над ним посмеяться. Но страшней всего этого был сам молодой Браун, и никакие ужасы не могли его напугать.

— Ха-ха-ха! — вторил молодой Браун хохоту ветра. — Ну-ка посмотрим, кто громче умеет смеяться. Выходи, ведьма, выходи, колдун, выходи,

индейский шаман! Выходи хоть сам дьявол — вот я, молодой Браун! Бойтесь меня так же, как я боюсь вас!

И в самом деле, вся нечисть, кишевшая в лесу, не могла быть страшней, чем молодой Браун в этот час.

Без устали мчался он среди черных сосен, бешено размахивая посохом, и то изрыгал потоки неслыханных богохульств, то разражался смехом, от которого по всему лесу шел трезвон, точно стая демонов хохотала с ним вместе. Бес в подлинном своем образе куда менее страшен, чем когда он вселяется в человека. Так спешил этот одержимый к своей цели, покуда не увидел впереди между деревьями мерцающий красный свет, как бывает, когда на корчевье жгут срубленные стволы и сучья и зловещие отсветы пламени играют на полночном небе. Буря, гнавшая его вперед, немного утихла, он замедлил шаг, и откуда-то издалека донеслись до него волны торжественных звуков, похожих на пение многоголосого клира. Он узнал мелодию; то был гимн, который часто пели у них в молитвенном доме. Последняя нота стиха тяжело замерла вдали, но её тотчас же подхватил хор, состоявший не из человеческих голосов, а из всех звуков полночного леса, кото-

рые сливались в дикой гармонии. Молодой Браун закричал, но даже сам не услышал своего голоса, прозвучавшего в унисон с криком дебрей.

В наступившей затем тишине он стал красться вперед, и вскоре свет ударил ему в глаза. На краю открытой полянки, окруженной темной стеной леса, высилась скала, которой природа придала некоторое сходство с алтарем или кафедрой, и вокруг неё, точно свечи на вечерней молитве, стояли четыре горящие сосны, вздымая на черных стволах объятые пламенем кроны. Густая листва, скрывавшая вершину скалы, тоже пылала, и огненные языки взвивались высоко в ночь, ярко озаряя все кругом. Каждая веточка, каждый завиток зелени полыхали огнем. Красные отсветы разгорались и гасли, и многолюдная толпа, собравшаяся на поляне, то ярко освещалась, то исчезала в тени и снова как будто рождалась из мрака, наполняя жизнью лесную глушь.

— Почтенные люди в темных одеждах, — прошептал молодой Браун.

И это в самом деле было так. Среди толпы, в быстрой смене тьмы и света, мелькали лица, которые накануне можно было увидеть в залах ратуши, глаза, которые каждое воскресенье молитвенно обращались к небу или отечески

ласково взирали на паству с высоты прославленных своей святостью церковных кафедр. Утверждают, будто и супруга губернатора была там. Во всяком случае, были многие знатные дамы, близко к ней стоящие, и жены почтенных мужей, и вдовы, целое скопище вдов, и старые девы с незапятнанным именем, и юные красотки, трепетавшие от страха, как бы не попасться на глаза маменькам. И может быть, резкие вспышки света среди мглы ослепили молодого Брауна, но только ему показалось, что он узнает десятка два прихожан сэйлемской церкви, славившихся своим примерным благочестием.

Добрый староста Гукин был уже на месте и не отходил от святого старца, своего достопочтенного пастыря. Но тут же, в неподобающей близости с этими почтенными, богобоязненными и уважаемыми людьми, столпами церкви, целомудренными матронами и непорочными девственницами, стояли мужчины, известные своей беспутной жизнью, женщины, пользовавшиеся дурной славой, отщепенцы, повинные во всех видах гнусного порока и подозреваемые в страшных преступлениях. Странно было видеть, что добрые не сторонились злых и грешников не смущало соседство праведников. Вперемежку

со своими бледнолицыми врагами попадались в толпе и индейские жрецы, или шаманы, умевшие держать в страхе родные леса силой таких заклинаний, каких не знает ни один колдун в Европе.

«Но где же Вера?» — подумал молодой Браун, и надежда, затеплившаяся в сердце, заставила его вздрогнуть.

Зазвучал новый стих гимна, медленная и скорбная мелодия, отрада благочестивых душ, но в сочетании со словами, которые выражали все оттенки греха, доступные человеческому разумению, и смутно намекали на большее. Премудрость бесовская непостижима для простого смертного. Стих следовал за стихом; и после каждого гудел по-прежнему хор лесных голосов, точно мощный бас исполинского органа; и последний раскат страшного этого антифона[46] звучал так, как будто рев ветра, грохот потока, звериный рык и все нестройные шумы чащи вторили голосу преступного человека, вместе с ним воздавая хвалу князю тьмы. Четыре сосны разгорелись ярче, и в клубах дыма, стлавшегося над нечестивым сборищем, обозначились черты чудовищных призраков. В то же мгновение

[46] Примечания: 46

Антифон — попеременное пение двух хоров во время церковного богослужения.

пламя на скале взвилось багровыми языками кверху и раскинулось огненным шатром, под сенью которого появилась человеческая фигура. Не прогневайтесь, но фигура эта как платьем, так и всей осанкой напоминала почтенных священнослужителей Новой Англии.

— Введите новообращенных! — прокричал чей-то голос, и эхо прокатилось по всей поляне и затерялось в лесу.

При этих словах молодой Браун выступил из тени деревьев и приблизился к греховной общине, в которой невольно чувствовал он собратьев по всему дурному, что находило отклик в его душе. Он мог бы поклясться, что видел, как из облака дыма выглянул призрак его покойного отца и поманил его вперед; но женщина с затуманенными скорбью чертами протянула руку, как бы предостерегая его.

Быть может, это была его мать? Но он не в силах был отступить даже на шаг или воспротивиться хотя бы мысленно, когда священник и добрый староста Гукин подхватили его под руки и повели к пылающей скале. Туда же приблизилась стройная женская фигура под вуалью, в сопровождении тетушки Клойз, этой благочестивой

наставницы юношества, и Марты Кэриер[47], которой дьявол давно уже обещал, что она будет королевой ада. И страшна же была эта старая ведьма! Оба прозелита дошли до подножия скалы и остановились под огненным балдахином.

— Добро пожаловать, дети мои, — сказала темная фигура, — в час приобщения к родному племени! В расцвете молодости вам дано познать самих себя и свою судьбу. Оглянитесь назад, дети мои!

Они обернулись, и в яркой вспышке, словно в пелене огня, предстала их взорам толпа почитателей дьявола. Улыбка приветствия зловеще сверкала на каждом лице.

— Здесь, — продолжал черный призрак, — вы видите всех, к кому с детства привыкли питать уважение. Вы считали их добродетельнее других и стыдились своих грехов, думая о жизни этих людей, полной праведных дел и неземных устремлений. И вот теперь вы всех их встречаете здесь, где они собрались для служения мне. В эту ночь откроются вам все их тайные дела; вы узнаете, как седовласые пастыри нашептывали слова соблазна молодым служанкам на кухне;

---

[47] Примечания: 47

Марта Кэриер — одна из обвиняемых во время «ведовских процессов» 1692 г.

как не одна почтенная матрона, стремясь поскорее украсить себя вдовьим крепом, угощала супруга на ночь питьем, от которого он засыпал последним сном на её груди; как безусые юноши торопились стать наследниками родительского состояния и как прелестные девы — не опускайте глаз, красавицы! — рыли маленькие могилки в саду и меня одного звали гостем на похороны младенца. Природная тяга человеческой души ко всему дурному поможет вам учуять грех всюду, где бы он ни совершился, — в церкви, в спальне, на улице, в лесу или в поле; и, ликуя, придете вы к мысли, что вся земля — не что иное, как единый сгусток зла, одно огромное пятно крови. Более того — вам будет дано проникнуть в глубь сердец, туда, где гнездится сокровенная тайна греха, неисчерпаемый источник злой силы, рождающей больше дурных побуждений, чем мог бы осуществить человек своей властью и даже моей! Йу, а теперь, дети мои, взгляните друг на друга!

Они взглянули, и при свете факелов ада несчастный узнал свою Веру, и она увидела мужа, в трепете склонившегося перед неосвященным алтарем.

— Вот вы оба стоите здесь, дети мои, — продолжал призрак, и голос его, глубокий и торже-

ственный, прозвучал почти грустно, как будто падший ангел ещё мог скорбеть о нашем жалком роде. — Сердцем надеясь друг на друга, вы все ещё верили, что добродетель — не праздная мечта. Теперь ваше заблуждение рассеялось» Зло лежит в основе человеческой природы. Зло должно стать единственной вашей радостью. Так добро пожаловать, дети мои, в час приобщения к родному племени!

— Добро пожаловать! — подхватила вся толпа почитателей дьявола, и в крике этом торжество сливалось с отчаянием.

А они стояли не двигаясь, единственные две души, колебавшиеся ещё на грани нечестия в этом темном мире. В скале было углубление, похожее на чашу. Вода ли блестела в нем, покрасневшая в зловещих отблесках пламени, или то была кровь? Или, может быть, жидкий огонь? В эту чашу погрузил свои пальцы дух тьмы и приготовился начертать на челе у них знак крещения, посвящая их в тайну зла, чтобы они узнали о чужих грехах, будь то дела или помыслы, больше, чем знали сейчас о своих собственных. Муж бросил взгляд на бледное лицо жены, а жена посмотрела на мужа. Еще одно мгновение, и они предстанут друг другу гнусными тварями, содрогаясь при

виде того, что прежде было сокрыто.

— Вера! Вера! — вскричал молодой Браун. — Обрати взор к небу и воспротивься злу!

Послушалась она или нет, он так и не узнал. Не успел он договорить, как очутился один в ночной тиши, нарушаемой только ревом ветра, глухо замиравшим в чаще леса. Пошатнувшись, он ухватился за скалу; она была влажная и прохладная, и свисающая ветка, которую он только что видел в пламени, окропила щеки его ледяной росой.

На следующее утро молодой Браун медленно шел по улицам Сэйлема, озираясь вокруг растерянным взглядом. Добрый старый священник прогуливался на кладбище, обдумывая новую проповедь и нагоняя аппетит к завтраку; увидя молодого Брауна, он ласково благословил его из-за ограды. Но молодой Браун отшатнулся от почтенного священнослужителя, словно тот хотел предать его анафеме. Староста Гукин читал молитву в кругу своих домашних, голос его долетел из раскрытого окна. «Какому богу молится этот колдун?» — прошептал молодой Браун.

Тётушка Клойз, эта примерная христианка, грелась в лучах солнышка на своем крыльце, наставительно поучая маленькую девочку, при-

несшую ей кружку парного молока. Молодой Браун оттащил девочку прочь, словно вырывая её из когтей самого дьявола. Завернув за угол молитвенного дома, он тотчас же приметил розовые ленты Веры, которая тревожно всматривалась в даль и так обрадовалась, завидев мужа, что вприпрыжку пустилась бежать по улице и едва не расцеловала его на глазах у всей деревни. Но молодой Браун строго и печально взглянул ей в лицо и прошел мимо, не сказав ни слова.

Что же, молодой Браун просто заснул в лесу и бесовский шабаш лишь привиделся ему во сне?

Пусть будет так, если угодно; но — увы! — для молодого Брауна то был зловещий сон. Иным человеком стал он с этой памятной ночи — строгим, печальным, мрачно-задумчивым, утратившим веру если не в Бога, то в людей. Когда во время воскресной службы запевали в церкви святой псалом, он не мог слушать; заглушая священную мелодию, бился у него в ушах кощунственный гимн греху. Когда священник, положив руку на раскрытую Библию, пылко и красноречиво говорил с кафедры о святых основах нашей религии, о праведной жизни и смерти, достойной христианина, о грядущем блаженстве или неизреченных страданиях, молодой Браун бледнел, ожидая, что

вот-вот своды храма обрушатся на головы седого богохульника и его слушателей. Часто в полночь он вдруг просыпался и с содроганием отодвигался от Веры; а когда все домашние становились на колени во время утренней или вечерней молитвы, он хмурился, бормотал что-то про себя и, сурово глянув на жену, отворачивался в сторону. И когда, прожив долгую жизнь, седым стариком он сошел в могилу, когда Вера, и дети, и внуки, и соседи чинной толпой проводили его в последний путь, на надгробном камне не высекли слов надежды, ибо мрачен был его смертный час.

СНЕГУРОЧКА

(Как дети сотворили чудо)

Однажды морозным зимним днем, когда после долгой непогоды холодным блеском засверкало солнце, двое ребятишек попросили у матери разрешения поиграть на свежевыпавшем снегу. Старшую из детей, маленькую девочку, за скромность, нежную прелесть и за то, что всем она казалась очень красивой, родители и знакомые называли Фиалкой. Брата же её за румянец на круглой рожице, напоминавший о солнце и больших алых цветах, называли Пионом. Необходимо сказать, что отец Фиалки и Пиона, некий мистер Линдси, торговец скобяными товарами, был превосходный человек, но лишенный всякой фантазии, твердо привыкший иметь, что называется, здравый взгляд на все окружающее. Сердце у него было почти такое же отзывчивое, как и у других людей, но нравом он отличался упрямым, и трудно было как-либо на него повлиять; возможно, поэтому голова мистера Линдси была пуста, как один из тех чугунных горшков, что продавались в его лавке. В его жене, напротив,

сквозила какая-то поэтичность, черты духовной, не от мира сего, красоты — нежный цветок, который она сберегла с поры своей юности и который продолжал цвести в её душе, несмотря на прозу жизни и материнские заботы.

Итак, Фиалка и Пион, как я уже сказал в начале рассказа, попросились на улицу поиграть на свежевыпавшем снегу; тусклый и унылый, когда над ним нависало серое небо, теперь снег сверкал и искрился на солнце. Дети выросли в городе, и для игр у них не было более просторного места, чем маленький садик перед домом, где росли груши и две-три сливы, свисавшие через белый забор на улицу, да несколько кустов роз, посаженных прямо перед окнами гостиной. Теперь все деревья и кусты стояли обнаженные, ветви их были слегка припорошены снегом — как будто покрыты какой-то особенной зимней листвой, а вместо плодов тут и там висели сосульки.

— Да, Фиалка, да, мой маленький Пион, — сказала их добрая мать, — вы можете пойти поиграть на снегу.

И заботливая женщина одела малышей в шерстяные куртки и подбитые ватой пальто, повязала им шерстяные шарфы, натянула полосатые гамаши на каждую пару маленьких ножек,

а шерстяные рукавички — на руки и наделила каждого в напутствие поцелуем, словно этим она хотела наложить заклятие на посягательства Мороза Красного Носа. Дети пустились бегать и скакать. Это занятие их сразу же вовлекло в самую середину огромного сугроба. Фиалка вынырнула из него, похожая на белого зяблика, в то время как Пион с раскрасневшимся лицом всё ещё в нем барахтался. Ну и весело же им было! Взглянув на детей, резвящихся в занесенном снегом саду, вы подумали бы, что страшная и безжалостная метель только для того и разыгралась, чтобы приготовить новую игрушку для Фиалки и Пиона, и что сами они, как полярные птицы, сотворены, чтобы наслаждаться бурей и радоваться белой пелене, окутавшей всю землю.

Наконец, когда дети забросали друг друга снегом с ног до головы, Фиалка, добродушно посмеявшись над видом малыша Пиона, вдруг воскликнула, как бы пораженная внезапной мыслью:

— Ты был бы совершенной снегурочкой, если бы только твои щёки не были такими красными. Что я придумала! Давай вылепим из снега человечка, маленькую девочку — это будет наша сестричка, она будет играть вместе с нами всю

зиму. Правда, чудесно?

— О да! — закричал Пион; он выразил свой восторг настолько недвусмысленно, насколько мог, ибо он был ещё очень-очень маленьким. — Это будет чудесно! И мы её покажем маме!

— Да, — ответила Фиалка, — мы, конечно, покажем маме незнакомую маленькую девочку, но только пусть она не заставляет её входить в теплую гостиную: ты ведь знаешь, наша маленькая снежная сестричка не вынесет тепла.

И тотчас же они приступили к работе и стали лепить снежную девочку, которая могла бы играть с ними; и мать их, которая сидела у окна и невольно подслушала их разговор, не могла удержаться от улыбки при виде той серьезности, с которой дети принялись за дело. Казалось, они и впрямь думали, что нет ничего легче, чем вылепить из снега живую девочку. По правде говоря, если когда-нибудь и произойдет чудо, то это будет только тогда, когда наши руки возьмутся за работу под влиянием точно такого же искреннего порыва, с каким Фиалка и Пион сейчас взялись сотворить это чудо, даже не подозревая о нем. Мать думала об этом; она думала и о том, что как раз из такого чистого, только что с небес упавшего снега и можно было бы создавать новые

существа, если бы он не был таким холодным.

Она ещё с минуту понаблюдала за детьми, любуясь их крохотными фигурками: Фиалка была довольно высокая для своего возраста девочка, грациозная и проворная, и краски её лица были таких нежных тонов, что она скорее походила на воплощение радостной мечты, чем на живую девочку; а Пион, наоборот, был коренаст и быстро ковылял на своих коротких крепких ножках, основательный будто слон, только не такой большой. Мать снова занялась своей работой. Что это было за шитье — я забыл: либо она приводила в порядок капор Фиалки, либо штопала чулки для маленьких крепких ножек Пиона. Однако она все время поворачивалась к окну — посмотреть, как подвигается работа у детей.

В самом деле, истинным удовольствием было наблюдать, как эти маленькие бесхитростные создания поглощены своим занятием. Более того, поражало, с каким замечательным знанием дела и ловкостью они выполняли его. Всей работой руководила Фиалка, она говорила Пиону, что ему надо делать, между тем как сама нежными пальчиками отделывала все более мелкие детали. Казалось даже, что фигуру не столько лепят дети, сколько она сама вырастает под их руками, пока

они забавляются и болтают о ней. Мать это очень удивило, и чем дольше она смотрела, тем больше удивлялась.

«Какие у меня замечательные дети! — подумала она не без гордости, и эта материнская слабость вызвала на её устах улыбку. — Ну, кто из других детей мог бы сделать что-нибудь подобное? Но я должна дошить курточку Пиону; ведь завтра приезжает его дедушка, и я хочу, чтобы мальчик выглядел нарядным».

Она занялась курточкой и вскоре была снова так же поглощена шитьем, как дети — своей снежной девочкой. Но в то время как иголка сновала взад и вперед по материи, мать непрерывно прислушивалась к весёлому гомону ребячьих голосов — так ей работалось легко и с удовольствием. Дети все время болтали между собой, и языки их так же деятельно работали, как их руки и ноги. Лишь по временам могла она расслышать, что говорили дети, но её не оставляло приятное чувство, что они пребывают в самом миролюбивом настроении, довольны, веселы и продолжают лепить снежную девочку. Однако время от времени, когда Фиалке или Пиону случалось возвысить голос, слова были слышны так отчетливо, как если бы они произносились

в той же самой гостиной, где сидела мать. О, как радостно отзывались они в её сердце, хотя, по существу, в них не было ничего особенно мудреного и удивительного!

Но вы должны знать, что мать зачастую слышит сердцем гораздо больше, чем слухом; поэтому она наслаждается звуками небесной музыки, в то время как другие люди не слышат ничего.

— Пион, Пион! — закричала Фиалка брату. — Принеси-ка мне свежего снега из самого далекого угла сада — там мы ещё не затоптали его. Я хочу сделать из этого снега грудку нашей маленькой снежной сестрички. Ты знаешь, для этого нужен самый чистый снег, который только что упал с неба.

— Тащу, Фиалка, — отозвался Пион грубовато, но в то же время очень добродушно, пробираясь по полупроторенным между сугробами тропинкам. — Вот тебе снег! Ой, Фиалка, и кра-са-ви-ца же она у нас получается!

— Да, — ответила Фиалка спокойно и задумчиво. — Наша снежная сестричка в самом деле прелесть! Прямо не понимаю, Пион, как это нам удалось вылепить такую славную девочку!

Услышав это, мать подумала: как было бы замечательно, если бы феи или, ещё лучше, анге-

лочки прилетели бы из рая и, незаметно играя с её малышами, помогли бы им вылепить из снега девочку с ангельским личиком. Фиалка и Пион не знали бы о присутствии своих неземных друзей, они бы только видели, что снежная девочка становится все красивее и красивее, и думали, что все это сделали они сами.

«Уж мои-то малыши достойны иметь таких друзей, если вообще дети когда-либо удостаивались такой чести», — решила про себя мать и в душе посмеялась над своей материнской гордостью.

Тем не менее эта мысль овладела её воображением; время от времени мать поглядывала в окно, словно бы надеясь увидеть златокудрых детей рая, играющих с её белокурой Фиалкой и краснощёким Пионом.

Но вот уже несколько минут нельзя было разобрать, что говорят дети. Голоса их слились в неясный шум — они в счастливом согласии работали серьезно и деловито. Душою всей затеи была по-прежнему Фиалка. Пион же действовал скорее как подручный: он таскал снег со всех концов сада, но и он, видимо, кое-что смыслил в своем деле.

— Пион, Пион, — кричала Фиалка (брат опять был в другом конце сада), — принеси-ка мне те

хлопья снега, которые лежат на нижних ветвях груши! Влезь на сугроб, и тогда ты их легко достанешь. Они мне нужны, чтобы сделать локоны нашей снежной сестричке.

— На, Фиалка, — ответил малыш. — Осторожно! Так, так. Ну и красота!

— Ну, разве она не хорошенькая? — довольным тоном спросила Фиалка. — Теперь нам нужны маленькие сверкающие кусочки льда, чтобы сделать ей блестящие глазки, — девочка ещё не готова… Мама-то поймет, какая она красивая, а папа скажет: «Фу, какие глупости! Не торчите на холоде!»

— Давай позовем маму, пусть посмотрит на неё, — сказал Пион и громко закричал: — Мама! Мама! Мама! Посмотри, какую мы делаем славную маленькую девочку!

Мать отложила на мгновение свою работу и выглянула из окна. Но случилось так, что солнце — ибо это был один из самых коротких дней в году — стояло так низко над горизонтом, что его заходящие лучи светили ей прямо в глаза. Конечно, оно ей мешало, и она не могла отчетливо разглядеть, что происходит в саду. Однако, несмотря на весь этот ослепляющий блеск солнца и яркого снега, она заметила маленькую белую

фигурку, которая показалась ей удивительно похожей на живую девочку. Мать видела, что дети ещё заняты работой; она и в самом деле больше смотрела на них, чем на снежную девочку. Пион носил снег, а Фиалка добавляла его к снежной фигурке так умело, как скульптор добавляет глину к изваянию.

Мать смутно различала фигурку снежной девочки; про себя она подумала, что никогда раньше не видела такой искусно сделанной снегурочки и таких прелестных детей.

«Они все делают лучше, чем другие дети, — самодовольно подумала мать. — Неудивительно, что и снегурочки у них выходят лучше, чем у других».

И мать снова принялась за работу, она очень торопилась; сумерки наступали очень скоро, курточка Пиона ещё не была закончена, а дедушка должен был приехать на поезде довольно рано утром. Поэтому все быстрее и быстрее мелькали её проворные пальцы. Дети тоже продолжали усердно трудиться в саду, и мать по-прежнему прислушивалась всякий раз, когда до неё долетали их слова. Ей было забавно наблюдать, как увлекает детей их фантазия, перемешиваясь с действительностью; они, казалось, и в самом

деле верили, что снежная девочка будет бегать и играть с ними.

— Какая славная подружка будет у нас зимой! — сказала Фиалка. — Я надеюсь, папа не побоится, что она нас простудит. Ты ведь будешь нежно любить её, Пион?

— О да! — воскликнул Пион. — Я обниму её, и она будет сидеть рядом и пить со мной теплое молочко.

— Нет, Пион, — с важностью возразила сестра. — Этого никак нельзя сделать. Теплое молоко совсем не полезно для нашей сестрички. Такие маленькие снежные человечки, как она, ничего не едят, кроме сосулек. Нет, нет, Пион, мы не должны давать ей пить ничего теплого.

На какое-то мгновение наступила тишина, ибо Пион, чьи крепкие ножки никогда не знали усталости, опять отправился в конец сада. Вдруг Фиалка громко и радостно закричала:

— Пион! Скорее иди сюда! Розовое облако оставило свой отблеск на её щечках. И румянец не исчезает. Как чудесно!

— Это чу-дес-но, — ответил Пион, произнося эти три слога особенно отчетливо. — О, Фиалка! Ты только посмотри на её волосы. Они совсем как золотые!

— Ну конечно, — спокойно подтвердила Фиалка, как будто это было что-то само собой разумеющееся. — Ты знаешь, это золото на неё спустилось с золотистых облаков, там, на небе. Наша снегурочка почти готова. Но ещё нужно сделать так, чтобы у неё были красные губы, краснее, чем румянец. Может быть, Пион, они станут краснее, если мы поцелуем их?

Мать услышала звук двух звонких поцелуев, как будто дети поцеловали девочку в её замерзший ротик. Но это не помогло — губы девочки не стали достаточно красными, и Фиалка попросила её поцеловать пунцовые щечки брата.

— Маленькая снежная сестричка, — закричал Пион, — поцелуй меня!

— Как чудесно! Она поцеловала тебя, — обрадовалась Фиалка, — вот теперь губы у неё совсем красные. Она даже сама немножко покраснела.

— Какой холодный у неё поцелуй! — воскликнул мальчик.

Как раз в это время свежий западный ветер пронесся через сад. Задребезжали окна в гостиной, и повеяло таким холодом, что мать уже собиралась постучать наперстком в окно, чтобы дети шли домой, как вдруг услышала, что они в один голос зовут её. В их голосах не слышалось

удивления, хотя, очевидно, дети были чем-то взволнованы; они вели себя так, как будто были очень обрадованы каким-то событием, которое только что произошло, но которое они с твердой уверенностью ждали все это время.

— Мама! Мама! Мы уже вылепили нашу маленькую снежную сестричку, и она бегает с нами по саду.

«Удивительно, какое воображение у моих детей! — подумала мать, делая последний стежок на курточке. — Странно, что они и меня почти что превратили в такого же ребенка, как они сами. Я готова поверить, что девочка из снега и в самом деле ожила».

— Мамочка! — закричала Фиалка. — Ну посмотри, пожалуйста, какая чудесная девочка с нами играет!

Мать поддалась на уговоры — она не удержалась и выглянула из окна. Солнце уже зашло, завещав, однако, свой блеск багряным и золотым облакам, которые придают особенное великолепие зимним закатам. Но ни на окнах, ни на снегу не было видно ни малейшего лучика света, ни единой блестки. Поэтому мать могла оглядеть весь сад и рассмотреть все и всех в нем. И что же, вы думаете, она увидела? Конечно, своих дорогих

малышей Фиалку и Пиона. Да, но что или кого она ещё увидела? Поверите ли вы, если я скажу, что она увидела, как в саду вместе с её детьми играет одетая во все белое девочка с румяными щечками и золотистыми локонами? Мать не знала девочку, но та, казалось, была хорошо знакома с её детьми, как будто они втроём вместе играли всю свою жизнь. Про себя мать решила, что, это должно быть, дочь кого-нибудь из соседей и что, увидев Фиалку и Пиона в саду, девочка перебежала через улицу, чтобы поиграть с ними. Добрая женщина направилась к двери, намереваясь пригласить маленькую беглянку в свою уютную гостиную, ибо теперь, когда солнце село, на улице стало очень холодно.

Однако, открыв дверь, она помедлила на крыльце, размышляя, следует ли ей вообще приглашать девочку войти в дом или даже заговаривать с нею. Миссис Линдси и в самом деле начала сомневаться, настоящий это ребенок или хлопья только что выпавшего снега, развеваемого по саду холодным западным ветром. И в самом деле, было что-то необыкновенное во внешности маленькой незнакомки. Мать не могла припомнить, чтобы у кого-нибудь из соседских детей было такое чистое лицо с нежным румянцем,

такие золотистые локоны, разметавшиеся вокруг лба и щек. А что касается её белого, подбитого ветром платья, никакая благоразумная мать не отправила бы своего маленького ребенка в самый разгар зимы гулять в чём-то столь легком и воздушном. Добрая и заботливая миссис Линдси содрогнулась от одной мысли, что девочка обута в легкие белые башмачки. И тем не менее, как ни легко была одета девочка, она, казалось, совсем не чувствовала холода и так грациозно танцевала на снегу, что кончики её туфелек едва оставляли след на его поверхности; Фиалка еле поспевала за нею, а Пион со своими коротенькими ножками и тем более.

Как-то в игре незнакомая девочка оказалась между Фиалкой и Пионом, она взяла их за руки, и трое детей весело помчались вперед. Однако почти сразу же Пион вырвал свою ручку и принялся оттирать её, как будто пальцы у него окоченели от холода. То же самое, хотя и не так быстро, проделала и Фиалка — она высвободила свою руку и важно заметила, что лучше не держаться за руки. Девочка в белом не сказала ни слова и продолжала весело танцевать, как и прежде. Если бы Фиалка и Пион не захотели играть с нею, она точно так же забавлялась бы с проворным,

холодным западным ветром, который гонялся за нею по всему саду и так непринужденно обращался с нею, как будто они были давнишними друзьями. Все это время мать стояла на пороге, недоумевая, как такая маленькая девочка может быть похожа на снежный вихрь или снежный вихрь может быть так поразительно похож на маленькую девочку.

Мать подозвала Фиалку и шепотом спросила её:

— Фиалка, моя дорогая, как зовут эту девочку? Она наша соседка?

— Ну что ты, мамочка! — рассмеялась Фиалка. Ей было смешно, что мать не может понять такой, на её взгляд, простой вещи. — Это наша маленькая сестричка, которую мы только что вылепили из снега.

— Да, да, мамочка, — закричал Пион, подбегая к матери и заглядывая ей в лицо, — это наша маленькая снегурочка! Правда, она чудесная?

В это время в сад прилетела стайка белых зябликов. Они, что было вполне естественно, побаивались Фиалки и Пиона, но, как ни странно, сразу же подлетели к белоснежной девочке, начали весело порхать вокруг неё, садиться ей на плечи и вообще вести себя так, словно это их

старая знакомая. И она, в свою очередь, была рада видеть этих птичек, внучат старой зимы. Девочка протягивала к ним руки, приглашая их сесть. И они, трепеща крылышками и оттесняя одна другую, попытались спуститься на её ладошки и десять крошечных пальчиков. Одна прелестная птичка прильнула к её груди, другая — к её губам. Они были счастливы и, казалось, чувствовали себя в родной стихии — такими вы можете видеть этих птичек, когда они носятся в снежном вихре.

Фиалка и Пион улыбались, видя это очаровательное зрелище; они так радовались, что их новой подружке весело с этими маленькими гостями, как будто бы сами принимали участие в этом веселье.

— Скажи мне правду, без всяких шуток, кто эта девочка? — в растерянности спросила мать.

— Мамочка, — ответила Фиалка, серьезно глядя в лицо матери и, очевидно, недоумевая, почему та нуждается ещё в каком-то объяснении. — Я же сказала тебе правду. Это маленькая девочка, которую Пион и я сделали из снега. Пион скажет тебе то же.

— Да, мама, — подтвердил мальчик. Его маленькая разрумянившаяся физиономия приняла самое серьезное выражение. — Это маленькая

девочка. Правда, хорошенькая? Но, мама, у неё такие холодные ручки!

Мать не знала, что и подумать и что предпринять. В это время распахнулась калитка и появился отец Фиалки и Пиона, в пальто из толстого синего сукна, меховой шапке, надвинутой на уши, и в теплых перчатках. Мистер Линдси — человек средних лет, с утомленным, раскрасневшимся от мороза лицом — был безмерно рад вернуться в свой уютный дом после целого дня работы. Его глаза заблестели радостью при виде жены и детей, хотя он не мог удержаться от недоуменного восклицания, найдя всю свою семью на улице в такой холодный день, да ещё после захода солнца. Вскоре он заметил белоснежную незнакомку, порхающую по саду, словно маленький снежный вихрь; стайка зябликов резвилась около неё, летая вокруг её головы.

— Господи Боже мой, кто же эта маленькая девочка? — спросил этот весьма благоразумный человек. — Её мать, несомненно, сумасшедшая позволить ребенку выйти в такую плохую погоду, как сегодня, в одном тоненьком платьице и таких легких башмачках!

— Мой дорогой, — ответила жена, — я знаю об этой маленькой девочке не больше, чем ты, Я

думаю, что это чей-то соседский ребенок. Наши Фиалка и Пион, — добавила она, смеясь про себя оттого, что повторяет такую нелепую выдумку, — уверяют меня, что она — та самая снегурочка, которую они вылепили здесь, в саду.

Говоря это, она взглянула на то место, где дети лепили снегурочку. Каково же было её удивление, когда она не увидела там ни малейших следов столь любовно вылепленной фигурки. Ни кучи снега — ничего! Только следы маленьких ножек вокруг пустого места.

— Это очень странно, — сказала мать.

— Что же тут странного, мамочка? — спросила Фиалка. — Папа, я все тебе объясню. Это наша снегурочка, которую мы слепили с Пионом; нам хотелось иметь подругу, с которой можно было бы играть. Правда, Пион?

— Да, папа! — подтвердил раскрасневшийся Пион. — Это наша маленькая сестричка. Разве она не кра-са-ви-ца?

Но мне стало ужасно холодно, когда она меня поцеловала.

— Что за глупости, дети! — воскликнул их добрый и честный отец, который, как мы уже сказали, склонен был все рассматривать с точки зрения здравого смысла. — Не уверяйте меня, что

из снега можно делать живых людей. Пойдем, жена! Эта маленькая незнакомка не должна ни секунды оставаться на морозе. Пойдёмте в гостиную; ты дашь ей поужинать хлебом и теплым молоком. Словом, дай ей все, что нужно, чтобы согреться. А я тем временем пойду разузнаю у соседей, и, если потребуется, городской глашатай объявит по улицам о пропавшем ребенке.

С самыми лучшими намерениями этот честный и добросердечный человек собрался было подойти к белоснежной девочке, но Фиалка и Пион схватили отца за руки и принялись горячо упрашивать его не заставлять снежную девочку входить в дом.

— Папочка, — кричала Фиалка, преграждая отцу дорогу, — я тебе сказала правду — это наша маленькая снегурочка, она может жить, только пока дышит холодным ветром с моря! Не заставляй её входить в теплую комнату.

— Да, папа! — подхватил Пион, топая своей маленькой ножкой, так сильно он был раздосадован. — Это наша маленькая снежная девочка! Она не любит тепла!

— Какой вздор вы несете, дети! — воскликнул отец. Его и смешило, и раздражало в них то, что он принимал за безрассудное упрямство. — Сию

же секунду отправляйтесь домой! Сейчас поздно играть в саду. Я должен немедленно позаботиться об этой маленькой девочке, не то она окончательно простудится.

— Дорогой мой, — сказала жена, понизив голос, ибо она пристально разглядывала снежную девочку и была в большом недоумении, — во всем этом есть что-то очень необычное. Ты, пожалуй, сочтешь меня глупой после того, что я тебе скажу, но не может ли это быть какой-нибудь небесный ангел, которого умилила непосредственность и доверчивость, с какой наши дети лепили снегурочку? Разве не может он провести час своей вечной жизни, играя с такими милыми маленькими созданиями? И вот перед нами то, что мы называем чудом. Нет, нет, не смейся надо мной. Я понимаю, что это глупое предположение.

— Моя дорогая, — муж добродушно рассмеялся, — ты такой же ребенок, как Фиалка и Пион.

В известной мере это так и было, ибо всю жизнь сердце этой женщины было полно детской простоты и веры — веры чистой и ясной, как хрусталь; и, взирая на все предметы сквозь эту хрустальную среду, она иногда видела истины настолько глубокие, что остальные люди смеялись над ними как над бессмыслицей и вздором.

Но вот добрый мистер Линдси вошел в сад, не обращая внимания на протесты детей, чьи взволнованные голоса летели ему вслед, умоляя позволить снегурочке остаться в саду и резвиться на холодном ветру. При приближении мистера Линдси зяблики улетели. Маленькая белоснежная девочка также отбежала от него, качая головой, как бы предупреждая: «Пожалуйста, не трогайте меня!» — и, казалось, шаловливо увлекала его туда, где снег был всего глубже. Один раз мистер Линдси оступился и упал лицом в сугроб так, что, когда он встал на ноги, все его пальто из грубого сукна было облеплено снегом, а сам он стал похож на огромную снежную бабу. Тем временем некоторые из соседей, увидев его из своих окон, недоумевали, что заставило бедного мистера Линдси бегать за снежным вихрем, носившимся по саду то туда, то сюда. Наконец после долгих усилий мистер Линдси загнал маленькую незнакомку в угол, откуда она уж никак не могла убежать. Начинало смеркаться. Жена мистера Линдси наблюдала за ними и была очень удивлена, заметив, что снежная девочка вся сверкает и искрится и, как ей показалось, излучает какой-то особенный свет; загнанная в угол, она блестела совсем как звезда! Это был какой-то морозный

блеск, как у льдинки, освещенной луной. Жене мистера Линдси казалось странным, что её муж не видит ничего необыкновенного во внешности снегурочки.

— Пойдем, странное создание! — закричал этот почтенный мужчина, хватая девочку за руку. — Наконец-то я поймал тебя! Я уведу тебя туда, где тебе будет тепло, хочешь ты этого или нет! Мы наденем пару чудесных теплых шерстяных чулок на твои замерзшие маленькие ножки и закутаем тебя в пушистую шерстяную шаль. Твой бедный носик совсем побелел — боюсь, что он совершенно отморожен. Но все будет в порядке. Идем же!

И вот с самой доброжелательной улыбкой на своём серьезном лице, покрасневшем от холода, этот исполненный наилучших намерений джентльмен взял ребенка за руку и повел его к дому. Вся поникнув, девочка неохотно ступала за ним; куда девались её блеск и сверкание, которые всего минуту назад придавали ей сходство с ясным, морозным звездным вечером, когда малиновая полоса горит на холодном горизонте! Теперь она выглядела вялой и унылой, совсем как оттепель. Когда добрый мистер Линдси подвёл девочку к дому, навстречу им вышли Фиалка и Пион.

С глазами, полными слез, которые застыли прежде, чем смогли скатиться по щекам, дети снова просили отца не заставлять девочку входить в дом.

— Не входить в дом! — вскричал этот добросердечный человек. — Ты совсем сошла с ума, моя маленькая Фиалка! И ты тоже, мой крошка Пион! Да она уже так замерзла, что от её руки застыла и моя, несмотря на толстые перчатки. Вы что, хотите заморозить её до смерти?

Пока мистер Линдси поднимался по ступеням крыльца, его жена серьезно смотрела долгим, проницательным, полным почти благоговейного страха взглядом на маленькую снежную незнакомку. Едва ли миссис Линдси понимала, сон это или явь; но она не могла отделаться от мысли, что видит едва заметные следы пальчиков Фиалки на шее девочки, как будто её дочь, пока лепила снегурочку, слегка прихлопывая снег рукой, забыла сгладить эти неровности.

— И всё-таки, мой дорогой, — сказала жена мистера Линдси, возвращаясь к своему предположению, что ангелы были бы так же рады, как и она, поиграть с Фиалкой и Пионом, — несмотря ни на что, она поразительно похожа на снежную девочку. Ведь я-то убеждена, что она сделана из

снега!

Порыв западного ветра пронесся мимо снегурочки, и снова она засверкала как звезда.

— Из снега, — повторил добрый мистер Линдси, увлекая упирающуюся гостью на порог своего гостеприимного дома. — Нет ничего удивительного, что она белая как снег. Она почти замерзла, бедное крохотное создание. Но жаркий огонь поправит дело.

Без долгих разговоров и, как всегда, из самых лучших побуждений этот здравомыслящий человек повлек маленькую белоснежную девочку — а она совсем поникла — с морозного воздуха в свою уютную гостиную. Чугунная печка, до отказа набитая антрацитом, посылала яркий отсвет пламени через слюдяное окошечко в железной дверце и заставляла воду в горшке, стоящем на печке, булькать и кипеть. Теплый влажный воздух наполнил всю комнату. В самом дальнем от печки углу термометр показывал восемьдесят градусов по Фаренгейту. Гостиная была завешена красными портьерами, а пол покрыт красным ковром, и этот цвет, казалось, вносил в комнату ещё больше тепла. В комнате было так жарко, а за дверью так сумрачно и холодно, что попасть в комнату с улицы было все равно что очутиться

сразу же после Новой Земли в самой знойной части Индии или после Северного полюса прямо в печке!

Эта гостиная была поистине самым неподходящим местом для маленькой белоснежной незнакомки!

Мистер Линдси, сей здравомыслящий человек, подвел незнакомку к коврику, как раз прямо перед шипящей печкой.

— Здесь ей будет тепло! — воскликнул он, потирая руки и поглядывая вокруг с приятнейшей улыбкой, какую вы когда-либо видели. — Чувствуй себя как дома, дитя мое!

Опечаленной и поникшей выглядела маленькая белоснежная девочка — она стояла на коврике в потоке горячего воздуха, исходившего от печки и поражавшего её, как чума. Один только раз девочка бросила тоскливый взгляд на окна и мельком увидела сквозь красные портьеры сверкание заснеженных крыш, морозное поблескивание звезд и всю удивительную бездонность холодной ночи. Ветер стучал в окна, словно призывал девочку выйти из дому. Снегурочка стояла поникшая перед горячей печкой!

Но здравомыслящий человек считал, что все в полном порядке.

— Послушай, жена, — сказал он, — дай ей шерстяные носки и теплую шаль или одеяло. Вели Доре принести девочке горячий ужин, как только вскипит молоко. А вы, Фиалка и Пион, займите свою маленькую гостью. Она чувствует себя неуютно в незнакомом месте. Я же пойду к соседям узнать, чья она.

Тем временем мать пошла за шалью и носками, ибо, хоть её собственные воззрения и отличались деликатностью и утонченностью, она, как всегда, уступила упрямому прозаизму своего мужа. Не обращая внимания на протесты детей, которые ещё продолжали шепотом убеждать его, что их маленькая сестричка не любит тепла, добрый мистер Линдси ушел, тщательно закрыв за собой дверь гостиной. Подняв воротник пальто, он вышел из дому, но едва дошел до садовой калитки, как его остановили крики Фиалки и Пиона и постукивание наперстка жены по стеклу окна.

Миссис Линдси звала его, высунувшись из окна; лицо её было искажено ужасом.

— Незачем ходить за родителями ребенка!

— Мы же говорили тебе, папа! — кричали Фиалка и Пион, когда мистер Линдси снова возвратился в гостиную. — Ты заставил её войти, а теперь наша бедная… дорогая… прелестная

сестричка рас-та-я-ла!..

Очаровательные личики детей так были залиты слезами, что отец, видя, какие странные вещи иногда творятся в жизни, стал не на шутку опасаться, как бы сам он и его дети тоже не растаяли.

В совершенной растерянности он потребовал объяснений у жены.

Та только смогла ответить, что когда она вошла в гостиную, привлеченная криками детей, то не обнаружила никаких следов пребывания маленькой девочки, кроме кучки снега, который, пока она смотрела на него, совершенно растаял на коврике.

— Вот ты видишь все, что осталось от неё, — добавила она, указывая на лужу воды перед печкой.

— Да, папа, — сказала Фиалка, укоризненно глядя на отца сквозь слезы. — Это все, что осталось от нашей дорогой девочки.

— Гадкий, злой папа! — кричал Пион, топая ножкой и (мне страшно говорить об этом) потрясая своим маленьким кулачком перед лицом этого здравомыслящего человека. — Мы же сказали тебе, что так и случится. Зачем же ты привел её сюда?

И чугунная печь сквозь слюдяной глазок своей дверцы, казалось, пристально смотрела на доброго мистера Линдси, как красноглазый демон, ликующий при виде совершенного им зла.

Заметьте, это был один из тех редких случаев — такие всё же случаются, — когда здравый смысл потерпел крах. Замечательная история о снегурочке — хотя той категории проницательных людей, к которой относится и добрейший мистер Линдси, все это может показаться всего лишь детской забавой — тем не менее, таит в себе много поучительных вещей. Один из выводов, который можно из неё сделать, состоит в том, что всем людям, и особенно людям с добрым сердцем, надлежит обдумывать то, что они собираются делать, прежде чем браться за осуществление своих филантропических замыслов; что надо быть совершенно уверенным в том, что ты постиг Природу и сложные взаимные связи того дела, за которое ты берешься. Надо помнить, что то, что здорово одному, может быть совершенно гибельно другому, точно так же как тепло гостиной, подходящее для обычных детей из плоти и крови — таких, как Фиалка и Пион, — хотя, безусловно, и для них не слишком полезное, не принесло ничего, кроме вреда, бедной снегу-

рочке.

Но разве можно научить чему-нибудь мудрецов такого склада, как добрейший мистер Линдси? Они всё знают — можете быть уверены! Всё, что было, всё, что есть, и всё, что будет. И столкни их природа или судьба с чем-нибудь необычным, чем-то, выходящим за пределы их привычных представлений, они не заметят этого, даже если это произойдет перед самым их носом.

— Моя дорогая, — сказал мистер Линдси после минутного молчания, — посмотри, сколько снегу нанесли дети на ногах. Целая лужа перед печкой. Пожалуйста, вели Доре принести тряпку и вытереть пол.

ХОХОЛОК

Назидательная сказка

— Диккон! — крикнула матушка Ригби. — Горячий уголек для моей трубки!

Почтенная матрона произнесла эти слова, держа трубку во рту; она сунула её туда, предварительно набив табаком, но не стала нагибаться, чтобы раскурить её от огня в очаге. Да, по правде говоря, не было никаких признаков, чтобы в нем разводили огонь в это утро. Тем не менее, не успела она отдать приказание, как ярко-красный огонек уже пылал в отверстии головки и струя дыма слетала с уст матушки Ригби. Откуда взялся этот горячий уголек и чья невидимая рука положила его в трубку — этого мне не удалось узнать.

— Ладно, — промолвила матушка Ригби, кивнув головою. — Спасибо, Диккон! А теперь займемся чучелом. Ты далеко не уходи, Диккон, на тот случай, если ты мне снова понадобишься.

Эта славная женщина поднялась в такую рань (ибо ещё едва-едва рассветало), для того чтобы смастерить чучело, которое она намеревалась водрузить посреди своего кукурузного поля. Май

был на исходе, и вороны и дрозды уже обнаружили маленькие зеленые закрученные в трубочки листочки кукурузы, которые только-только начинали вылезать из земли. Поэтому она решила соорудить самое человекоподобное чучело из всех когда-либо существовавших, и при этом смастерить его с ног до головы тотчас же, дабы оно могло немедленно начать свою охранную службу. А надо сказать, что матушка Ригби (что, вероятно, ни для кого не являлось тайной) была одной из самых ловких ведьм в Новой Англии и обладала самыми могучими чарами, так что ей ничего не стоило смастерить чучело достаточно безобразное, чтобы напугать самого священника. Но на этот раз, поскольку она проснулась в необыкновенно добром расположении духа и настроение это ещё смягчилось от выкуренной трубочки, она решила соорудить нечто изящное, полное красоты и блеска, а отнюдь не безобразное и не отвратительное.

— Я вовсе не желаю сажать какое-либо чудище на собственное кукурузное поле, и притом чуть ли не у самого порога, — промолвила матушка Ригби, обращаясь к самой себе и выпуская изо рта струю дыма. — Я бы могла сделать так, если бы мне этого захотелось, но я устала совершать вся-

кие чудеса, и потому для разнообразия я не выйду за пределы привычного и разумного. И вдобавок нет никакой нужды пугать маленьких детей на целую милю в окружности, даже если я ведьма.

Поэтому она твердо решила, что чучело будет изображать изящного джентльмена той поры, насколько имеющиеся в её распоряжении материалы это позволят.

Пожалуй, полезно было бы перечислить главнейшие предметы, использованные при создании этой фигуры. Из всех частей её, вероятно, самой главной, хоть и наименее бросающейся в глаза, была некая палка от помела, на котором матушке Ригби не раз приходилось летать по полуночному небу. Палка эта служила чучелу позвоночным столбом, или, попросту, хребтом, как выразился бы человек непросвещенный. Одной его рукой был сломанный цеп, которым в своё время пользовался покойный мистер Ригби, до того как его сжила с этого грешного света любезная супруга. Вторая рука, если я не ошибаюсь, состояла из кухонной скалки и ломаной перекладины от стула, не слишком крепко связанных как бы в локте друг с другом. Что же касается ног, то правая представляла собой ручку от мотыги, а левая — самую обыкновенную» ничем не приме-

чательную палку, вытащенную из кучи хвороста. Легкие, желудок и прочая требуха чучела были представлены мучным мешком, набитым соломой. Таким образом, мы полностью выяснили, из чего состояли его скелет и тело, за исключением одной лишь головы. Эта последняя была великолепно представлена несколько ссохшейся и съежившейся тыквой, в которой матушка Ригби просверлила два отверстия для глаз и прорезала щель вместо рта, оставив торчать посередине синеватую шишку, которая могла сойти за нос. Все вместе взятое, составляло, право, очень благопристойное лицо.

— Мне, во всяком случае, приходилось видеть на людских плечах головы куда хуже, — заметила матушка Ригби. — Да и у многих благородных джентльменов на шее сидят не головы, а тыквы, совсем как у моего чучела.

Однако в данном случае самым главным в создании человека являлась одежда. Посему почтенная старушка сняла с вешалки старинный, цвета сливы, кафтан лондонского покроя с остатками золотого шитья вдоль швов, на манжетах, на клапанах карманов и на петлях, но при этом безнадежно изношенный и полинялый, с заплатками на локтях и разодранными полами и

вытертый повсюду почти до самой основы.

Слева на груди кафтана зияла круглая дыра, вероятно на том месте, откуда была выдрана орденская звезда, или, может быть, там, где пламенное сердце прежнего владельца прожгло материю насквозь. Соседи матушки Ригби сплетничали, что этот роскошный наряд являлся частью гардероба самого дьявола, который хранил его здесь, чтобы с удобством переодеваться, когда ему взбредет в голову появиться во всем блеске за столом губернатора. Под стать кафтану был и бархатный жилет очень большого размера, некогда расшитый золотыми листьями, которые горели на нем, словно клены в октябре, но уже не сохранивший ни одной золотой нити. Вслед за тем появилась пара коротких алых штанов, принадлежавших некогда французскому губернатору Луисберга[48], штанов, которым в своё время даже довелось коленями касаться нижней ступеньки трона великого Людовика. Француз подарил их одному индейскому колдуну, который променял их старой ведьме на четверть пинты водки во время одной из их плясок в лесу. Далее матушка Ригби вытащила пару шелковых чулок

[48] Примечания: 48

Луисберг — французская крепость в Канаде. Захвачена англичанами в 1758 г.

и натянула их на ноги чучелу, причем на них они казались бесплотными, как сновидения, в то время как обе деревянные палки, видневшиеся сквозь дыры, выглядели необыкновенно убого в своей низкой вещественности. И наконец она водрузила парик своего покойного супруга на гладкую макушку тыквенной головы, увенчав все сооружение пыльной треуголкой, в которую было воткнуто самое длинное из перьев петушиного хвоста.

После этого почтенная матрона прислонила созданную ею фигуру к углу своей хижины и испустила удовлетворенный смешок, рассматривая её желтое подобие физиономии с изящным маленьким носиком, вздернутым кверху. Физиономия эта была преисполнена удивительного самодовольства и, казалось, говорила: «А ну поглядите-ка на меня!»

— И очень даже стоит на тебя поглядеть, это уж верно! — промолвила матушка Ригби, восторгаясь делом рук своих. — Много я соорудила всяких куклят с тех пор, как стала ведьмой, но, думается мне, этот всех лучше. Он даже слишком хорош для чучела. А теперь набьем-ка мы новую трубочку, а потом отнесем его на кукурузное поле.

Набивая свою трубку, старуха продолжала взи-

рать с почти материнской нежностью на фигуру, торчащую в углу. По правде говоря, благодаря ли случайности, или её мастерству — или, попросту, её колдовству, — было что-то удивительно человеческое в этом нелепом уроде в пестрых лохмотьях; а что касается его физиономии, то её желтая поверхность как будто сморщилась в улыбку, непонятно только — презрительную или веселую, как будто он прекрасно сознавал, что является не чем иным, как насмешкой над человечеством.

Чем больше матушка Ригби на него глядела, тем больше он ей нравился.

— Диккон! — резко крикнула она. — Еще уголек для моей трубки!

И, как всегда, не успела она вымолвить эти слова, а пылающий уголек уже горел в её трубке. Она сначала глубоко затянулась, а затем выпустила из уст мощную струю табачного дыма, заклубившегося в солнечном луче, который с трудом пробрался в комнату через пыльное оконное стекло её хижины. Матушка Ригби неизменно любила разжигать свою трубку угольком из горящего очага, и притом непременно оттуда, откуда ей его только что принесли. Но где находился этот очаг и кто добывал ей угольки — этого я сказать

не могу, и единственное, что мне известно, — это то, что невидимый слуга как будто отзывался на имя Диккон.

«Этот кукленок, — подумала матушка Ригби, по-прежнему не отрывая глаз от чучела, — право, слишком хорош, чтобы все лето торчать среди кукурузного поля, пугая ворон и дроздов. Он годится и на что-нибудь получше. Да что говорить, я плясала кое с кем и хуже его на наших ведьминых шабашах в лесу, когда в кавалерах бывал недостаток! А что, если я дам ему возможность попытать счастья среди других людей, таких же пустоголовых и также набитых соломой, которые толкутся по белу свету?»

Старая ведьма затянулась ещё три или четыре раза и улыбнулась. «Он встретит сколько угодно своих собратьев на каждом шагу, — продолжала она размышлять. — Ну что же, я вовсе не собиралась сегодня колдовать — разве только чтобы разжигать мою трубочку, — но я всё же ведьма, была ведьмой и ею останусь, и никуда мне от этого не уйти. Превращу-ка я моё чучело в человека, хотя бы шутки ради».

Бормоча себе под нос эти слова, матушка Ригби вынула трубку изо рта и сунула её в то отверстие, которое изображало рот на тыквенной роже

чучела.

— А ну, попыхай-ка теперь из неё, дружок! — сказала она. — Затянись, красавчик, и выпусти клуб дыма! Твоя жизнь зависит от этого!

Разумеется, было очень странно обращаться с такими уговорами к чучелу, то есть к созданию из палок, соломы и тряпок, да ещё со сморщенной тыквой вместо головы.

Всё же мы никак не должны упускать из виду, что матушка Ригби была ведьмой, обладавшей необычайной силой и умением. И если мы будем об этом помнить, то не найдем ничего неправдоподобного в удивительных происшествиях нашей повести. В самом деле, мы сразу преодолеем самое главное затруднение, если только сможем заставить себя поверить в то, что стоило почтенной матроне попросить чучело закурить, как тотчас же струйка дыма вырвалась из его уст. Хотя, по правде говоря, эта первая струйка была ещё очень жидкая, но за ней последовала другая и потом ещё, и каждая последующая была гуще предыдущей.

— Пыхай, пыхай, радость моя! Затянись поглубже, милашка! — повторяла матушка Ригби с ласковой улыбкой. — Это для тебя дыхание жизни, уж ты мне поверь!

Без всякого сомнения, трубка была заколдована. Колдовство должно было таиться или в самой трубке, или в ярко пылающем угольке, который так таинственно разгорался в её головке, или в едко-ароматном дыме, который вздымался над тлеющим зельем. Чучело после нескольких неудачных попыток наконец выпустило целый залп табачного дыма, который распространился из темного угла до самого солнечного луча. В полосе солнечного света клубы сперва закружились вихрем, а потом растаяли среди мерцающих пылинок. Видимо, такой результат потребовал от курильщика конвульсивного усилия, ибо следующие выпущенные им струи дыма были уже значительно слабее, хотя уголек в трубке продолжал гореть, бросая красный отблеск на его физиономию. Старая ведьма захлопала в высохшие ладоши и поощрительно заулыбалась своему детищу. Она убедилась в том, что чары её действовали вполне исправно. Сморщенное желтое лицо, которое ещё недавно вовсе нельзя было назвать лицом, фантастически облекалось в какой-то неуловимый покров человечности, причем сходство с человеческим существом то усиливалось, то совершенно исчезало и всё-таки после каждого выпущенного клуба дыма станови-

лось все более и более отчетливым. Да и все тело чучела приобретало некую видимость жизни, которую, поддаваясь игре фантазии, мы порой приписываем смутным образам, возникающим среди облаков.

Если бы нам пришлось расследовать это дело более досконально, мы, весьма возможно, не обнаружили бы никакой перемены в жалких, истрепанных, ничего не стоящих и плохо между собой связанных материалах, из которых было создано чучело. Тут, надо полагать, все сводилось к призрачной иллюзии, к хитроумным эффектам света и тени, так умело рассчитанным, что они могли ввести в заблуждение большинство зрителей.

Надо сказать, что волшебные чары, по-видимому, никогда особенной тонкостью не отличались, и если это объяснение будет признано неудовлетворительным, я ничего лучшего придумать не могу.

— Ладно дымишь, молодец! — продолжала кричать почтенная матушка Ригби. — А ну-ка выпусти ещё клубочек дыма, погуще, во всю силу твоих легких. Пыхти так, как если бы дело шло о твоей жизни. Затянись поглубже, до самого сердца, до его донышка, коли у тебя вообще есть

сердце, а у него — донышко. Вот так, отлично! Видно, теперь это стало доставлять тебе удовольствие!

И вслед за тем ведьма поманила чучело рукой, вложив в этот жест такую магическую силу, что, казалось, не было возможности её ослушаться, совсем как невозможно железу не отозваться на таинственный зов магнита.

— Зачем ты, лентяй, прячешься в этом углу? — обратилась она к нему. — Выходи вперед! Весь мир тебе теперь подвластен.

Честное слово, если бы я не слыхал этой сказки, ещё сидя на коленях у моей бабушки, и если бы тогда же, до того как я смог проверить её достоверность своим детским умом, она не утвердилась в моем сознании как нечто столь же достоверное, как и самые правдоподобные вещи, я сомневаюсь, посмел ли бы я её теперь рассказать.

Повинуясь приказу матушки Ригби и вытянув вперед руку как бы для того, чтобы успеть схватиться за её протянутую кисть, чучело сделало шаг вперед, напоминавший скорее порывистый скачок, затем зашаталось и едва не потеряло равновесия. А чего же другого могла ожидать от него ведьма? В конце концов это было только чучело, водруженное на две палки вместо ног. Старая

ведьма, однако, не унималась и, нахмурив брови, упорно продолжала его манить и так страстно заражала своей энергией это жалкое сочетание гнилого дерева, прелой соломы и рваных тряпок, что ему ничего другого не оставалось, как, наперекор всякому правдоподобию, проявить себя человеком. И таким-то образом чучело и выступило вперед и оказалось как раз под солнечным лучом. И так он и стоял посредине комнаты, этот несчастный урод, жертва случайной и вздорной прихоти, лишь весьма отдаленно напоминая человека, причем через тонкий слой внешнего сходства проступали нелепые деревянные палки и линялые, рваные, ни на что не годные тряпки его истинной сущности, — стоял, готовый упасть бесформенной массой на пол, точно сознавая, что он недостоин передвигаться на ногах. Решиться ли мне на откровенное признание?

На его теперешней степени оживления это чучело напоминает мне некоторые вялые, недоношенные образы, составленные из разнородных материалов, всё вновь и вновь, в тысячный раз идущих в дело (а в сущности, ни для какого дела не пригодных), которыми романисты (и, надо полагать, я в том числе) перенаселили весь мир художественного вымысла. Между тем свирепая

старая ведьма уже начинала сердиться, обнаруживая при этом самые неприглядные стороны своей дьявольской натуры (можно было подумать, что змея, шипя, высунула головку у неё из груди). Она возмущалась малодушным поведением существа, которое она не поленилась соорудить собственными руками.

— Пыхти, подлец! — злобно кричала она. — Знай себе пыхти, пустоголовый соломенный болван! Ах ты половая тряпка! Ах ты мучной мешок! Ах ты тыквенная башка, ах ты ничтожество! Где мне подыскать для тебя достаточно меткое слово? Пыхти, говорю я тебе, всасывай в себя прозрачную жизнь вместе с табачным дымом, иначе я вырву трубку у тебя изо рта и брошу тебя туда, откуда я беру горячие уголья!

При таких угрозах несчастному чучелу ничего другого не оставалось, как, спасая свою шкуру, дымить что есть силы. Поэтому несчастный стал затягиваться с таким усердием и выдувать такие клубы табачного дыма, что вскоре все вещи в маленькой кухоньке приняли смутные очертания. Один только солнечный луч мог ещё кое-как продраться сквозь туман и отобразить на противоположной стене подобие пыльного и потрескавшегося стекла.

Между тем матушка Ригби, упершись одной своей коричневой рукой в бок и протянув другую к чучелу, зловеще маячила среди полумрака, всей позой своей и улыбкой выражая то торжество, которое она обычно испытывала, когда, навлекши тяжкий кошмар на свои жертвы, она стояла у изголовья, наслаждаясь их муками. В совершенном испуге, дрожа от страха, чучело продолжало дымить. Впрочем, эти его усилия, надо признать, привели к совершенно блестящим результатам, ибо после каждого вдоха и выдоха его фигура постепенно теряла свои смутные, неясные очертания и, казалось, приобретала все большую плотность. Более того, даже его платье испытывало на себе то же чудесное превращение, восстановив свой первоначальный лоск и вновь начав блестеть тем самым золотым шитьем, которое давным-давно с него осыпалось. В то же время наполовину скрытое табачным дымом желтое лицо обратило свой тусклый взор в сторону матушки Ригби.

В конце концов старая ведьма сжала руку в кулак и погрозила им чучелу. Нельзя сказать, чтобы она была и впрямь рассержена, однако она поступила так из убеждения — может быть, и неверного, или не совсем верного, но, во всяком

случае, доступного пониманию матушки Ригби, — что на слабые и сонные натуры, если сами они не могут побудить себя к действию, надо влиять страхом. Но тут дело подошло к критическому моменту. Она решила, если ей не удастся достичь того, что она сейчас задумала, безжалостно разъять это жалкое подобие человека на его составные части.

— Ты приобрел человеческую внешность, — сказала она строгим тоном, — так приобрети же намек или хотя бы пародию на голос. Я приказываю тебе — говори!

Чучело раскрыло рот, с усилием глотнуло воздух и наконец выдавило из себя какой-то шепот, который настолько сливался с его насыщенным табачным дымом дыханием, что трудно было понять, слово ли это сорвалось с его уст или клуб дыма. Некоторые рассказчики этой сказки придерживались того мнения, что как колдовские заклинания матушки Ригби, так и упорство её воли заставили какого-то духа вселиться в тело чучела и что говорил именно он.

— Матушка, — промямлил жалкий, приглушенный голос, — не будь со мной так жестока! Я бы охотно заговорил, но, ежели у меня нет мозгов, что я могу сказать?

— Так ты всё-таки можешь говорить, мой голубчик! — воскликнула матушка Ригби, меняя суровое выражение лица на приветливое. — Ты спрашиваешь, что тебе можно сказать? Нашел о чём беспокоиться? Ты принадлежишь к братству пустоголовых — и ещё спрашиваешь, о чём тебе говорить! Ты будешь говорить о тысяче вещей и тысячу раз будешь повторять одно и то же, и все для того, чтобы ровно ничего не сказать. Пожалуйста, ни о чём не беспокойся, верь моему слову! Когда ты попадешь в большой свет, куда я тебя намерена послать незамедлительно, у тебя не будет недостатка в темах для разговора. Разговаривать! Ты будешь молоть языком как ветряная мельница, если только захочешь. На это-то, я уверена, у тебя мозгов хватит!

— Я к вашим услугам, матушка, — ответило чучело.

— Превосходно сказано, красавец! — заметила на это матушка Ригби. — Ты сейчас сказал как раз то, что тебе полагалось сказать, и при этом ничего не выразил. Тебе надо иметь в запасе сотню таких готовых выражений и ещё пятьсот подобных им в придачу. А теперь, мой драгоценный, я так много вложила в тебя труда и ты так прекрасен, что, клянусь тебе, я люблю тебя

больше всех ведьминых куклят на свете.

А уж из чего только я не изготовляла их на своем веку! И из глины, и из воску, и из соломы, и из палок, и из ночного тумана, и из утренней дымки, и из морской пены, и из печного дыма. Но ты-то из всех самый лучший. Поэтому слушай внимательно, что я тебе сейчас скажу.

— Непременно, дорогая матушка, — отозвалось чучело. — Ваши слова мне западут прямо в сердце!

— Прямо в сердце! — вскричала старая ведьма, взявшись руками за бока и громко хохоча. — Как ты изящно выражаешься! Прямо в сердце! И ты даже приложил руку к левой стороне камзола, точно у тебя и впрямь есть сердце!

Итак, будучи чрезвычайно довольна всей этой фантастической затеей, матушка Ригби приказала чучелу отправиться в большой свет и занять в нем подобающее положение, ибо, уверяла она, в свете едва ли найдется один человек на сотню, который был бы более содержателен. И для того чтобы её подопечный мог с кем угодно быть на равной ноге, она тут же снабдила его неисчислимым богатством. Оно состояло частично из золотых копей в Эльдорадо и из десяти тысяч акций предприятия по производству мыльных

пузырей, затем из полумиллиона акров виноградников на Северном полюсе, из нескольких воздушных замков и, наконец, из арендной платы и доходов со всей указанной выше недвижимости. Далее она передала ему право на владение грузом кадисской[49] соли, что везли на некоем судне, которое она сама десять лет назад при помощи своих магических чар пустила ко дну в самом глубоком месте океана. Если эта соль ещё не растворилась, её можно было доставить на рынок и, распродав там рыбакам, выручить изрядную сумму. А для того чтобы ему не нуждаться в наличных деньгах, она дала ему медный грош, отчеканенный в Бирмингеме (весь запас разменной монеты, которым она владела), и вдобавок приложила ещё изрядное количество меди к его лбу, ибо, как известно, иметь медный лоб — все равно что быть бесстыжим, и, таким образом, заставила его лицо пожелтеть ещё больше.

— Умно расходуя одну только эту медь, — заявила матушка Ригби, — ты сможешь оплатить путешествие вокруг света. Поцелуй меня теперь, мой красавчик. Все, что было в моих силах, я для тебя сделала.

---

[49] Примечания: 49

Кадис — порт в Испании. В XIX в. — крупный торговый центр.

Но далее, дабы этот молодой удалец мог воспользоваться всеми возможными удобствами и выгодами при начале своей карьеры, достопочтенная старая матрона сообщила ему секрет, каким образом попасть в милость к некоему члену городского магистрата, судье, оптовому торговцу и церковному старосте — все эти четыре качества относились к одному и тому же лицу, возглавлявшему высшее общество в соседнем городе.

Секрет этот сводился к одному-единственному слову, которое матушка Ригби шепотом сообщила чучелу и которое её посланец должен был, в свою очередь, тоже шепотом сказать купцу.

— Хоть он и подагрик, этот уважаемый старец, он со всех ног побежит исполнять любое твое желание, как только ты шепнешь ему это словечко на ухо, — заявила старая ведьма. — Матушка Ригби хорошо знает достопочтенного судью Гукина, и достопочтенный судья её тоже неплохо знает!

И с этими словами ведьма, вплотную приблизив своё лицо к лицу чучела, залилась неудержимым смехом, вся дрожа от радостного возбуждения, что может сообщить ему пришедшую ей в голову блестящую мысль.

— У достопочтенного судьи Гукина, — шептала

старуха, — имеется дочка, весьма недурная собой девица. А теперь послушай-ка меня внимательно, моя прелесть. Наружность у тебя хоть куда, и ума в тебе достаточно. Да не то что достаточно, а даже больше чем нужно. Ты сам в этом убедишься, когда посмотришь, с каким умом живут на свете иные люди. И вот с твоей наружностью и с твоим внутренним содержанием ты как раз тот мужчина, который может завоевать сердце девушки. Ты в этом не сомневайся — я говорю тебе, что это так. Ты только будь смелее, вздыхай, улыбайся, размахивай шляпой, выставляй вперед ногу, как танцмейстер, почаще прикладывай правую руку к левой стороне камзола, и хорошенькая Полли Гукин будет твоей.

В течение всего этого разговора вновь возникшее создание усиленно всасывало в себя и затем выпускало изо рта ароматный табачный дым и как будто намеревалось продолжать это занятие и далее, с одной стороны, ради получаемого им от этого удовольствия, а с другой И потому, что оно являлось главнейшим условием его дальнейшего существования. Удивительно было наблюдать, как необыкновенно по-человечески вело себя это существо. Его глаза (ибо выяснилось, что оно обладает парой глаз) были обращены к ма-

тушке Ригби, и в нужный момент, оказывается, оно умело покачать головой — иногда положительно, иногда отрицательно. И разумеется, оно неизменно нападало на подходящие к случаю слова: «Правда?» — «В самом деле?» — «Скажите!» — «Неужели?» — «Уверяю вас!» — «Ни за что!» — «О!» — «Ах!» — «Гм!» — и иные столь же глубокомысленные замечания, выражающие заинтересованность, любопытство или несогласие слушателя.

Даже если бы вы были непосредственным свидетелем того, как создавалось чучело, то у вас все равно не возникло бы никаких сомнений, что оно отлично понимает все коварные советы старой ведьмы, которые она нашептывала ему в его подобие уха.

Чем энергичнее раскуривало чучело свою трубку, тем более сходство его с человеком усугублялось: проницательнее делались глаза, живее и естественнее — жесты и движения, а речь звучала громче и вразумительнее. Его одежда тоже начинала блистать все ярче, приобретая иллюзорное великолепие. Даже та самая его трубка, в которой, горело волшебное зелье, совершившее все эти чудеса, перестала казаться почерневшим от дыма глиняным черенком, а превратилась в

богато расписанное пенковое изделие, которое украшал янтарный мундштук.

Впрочем, поскольку иллюзия жизни в чучеле поддерживалась только табачным дымом, можно было опасаться, что она исчезнет тотчас же, как только табак превратится в пепел. Однако старая ведьма предусмотрела эту опасность.

— Подержи-ка свою трубку, золотце, — сказала она, — пока я тебе её вновь набью.

Грустно было наблюдать, как изящный джентльмен постепенно бледнел и увядал, вновь превращаясь в чучело, в то время как матушка Ригби, выколотив пепел из трубки, набивала её табаком из своего кисета.

— Диккон! — взвизгнула она. — Еще один уголек!

Не успела она это произнести, как ярко-красная искра огня загорелась в головке трубки, и чучело, не ожидая приглашения со стороны ведьмы, сунуло мундштук в рот и сделало несколько коротких, судорожных затяжек, которые, впрочем, скоро сменились нормальным, ровным дыханием.

— Итак, моя бесценная душенька, — продолжала матушка Ригби, — что бы с тобой ни случилось, ты не должен расставаться с трубкой. Жизнь твоя всецело от этого зависит. И это-то по крайней

мере ты должен знать твердо, хотя бы ты больше ничего не знал. Придерживайся своей трубки, я тебе говорю! Кури, дыми, пуская облака дыма, и отвечай людям, ежели они тебя спросят, что ты это делаешь для здоровья и что тебе так приказали доктора. А как увидишь, дружок, что трубка гаснет, сейчас же отойди куда-нибудь в сторонку и, предварительно затянувшись как можно глубже, громко воскликни: «Диккон, свежую трубку табаку!» — и ещё: «Диккон, ещё один уголек для моей трубки!»

И засунь её опять как можно быстрее в свой хорошенький ротик, иначе из галантного кавалера в камзоле с золотым шитьем ты превратишься в беспорядочное сборище всякой дряни — палок, лохмотьев, мешка с соломой и ссохшейся тыквы. Ну а теперь — в путь, моё сокровище, и желаю тебе всякого счастья!

— Не тревожься за меня, милая матушка, — заявило чучело решительным тоном, энергично выпуская изо рта густой клуб дыма. — Если честный человек и джентльмен не может не процветать, то я буду жить припеваючи.

— Ой, да ты меня просто уморишь! — воскликнула старая ведьма, задыхаясь от смеха. — Ведь какие слова говорит! Честный человек и

джентльмен не может не процветать! Ты свою роль играешь так, что лучше нельзя. Попробуй посоревнуйся с любым модным франтом. Я что угодно поставлю на тебя, на человека солидного, серьезного, с умом и с тем, что принято называть сердцем (не говоря уж о других качествах мужчины), против всех этих чучел на двух ногах. По твоей милости я с сегодняшнего дня считаю себя более умелой ведьмой, чем была. Разве не я тебя сотворила? И я сильно сомневаюсь, чтобы какая-нибудь другая ведьма в Новой Англии могла создать такого, как ты! На вот, возьми с собой ещё мой посох!

Посох (хотя это была всего лишь обыкновенная дубовая палка) тотчас обратился в трость с золотым набалдашником.

— В этом набалдашнике не меньше ума, чем в твоей башке, — продолжала матушка Ригби, — и трость тебе укажет прямой путь к дому достопочтенного судьи Гукина. А теперь уходи отсюда, мой красавчик, мой дружочек, бесценное сокровище! Если кто-нибудь тебя спросит, как твое имя, отвечай: «Хохолок», потому что на шляпе у тебя торчит хохлом петушиное перо и в твою пустую башку я тоже кинула целую пригоршню перьев. Да и на парике у тебя спереди локоны

тоже завиты по моде, хохолком. Итак, зовись отныне Хохолок.

На этом Хохолок покинул хижину и широкими шагами направился в город. Матушка Ригби стояла на пороге своего дома, с удовольствием наблюдая, как её питомец весь блестит и сияет в солнечных лучах, точно все его великолепие самое подлинное, как старательно и любовно курит он свою трубку и как уверенно шагает, несмотря на некоторую деревянность походки.

Она следила за ним, пока он не скрылся из глаз, и послала ему вдогонку своё ведьмино благословение, когда он исчез за поворотом дороги.

Между тем в соседнем городе около полудня, когда шум и суета достигли высшей точки, на улице появился чужестранец весьма изысканного вида. Как его наружность, так и его платье говорили о том, что он, по меньшей мере, благородного происхождения. На нем был богато вышитый кафтан цвета сливы, камзол из дорогого бархата, роскошно украшенный золотым шитьем, пара великолепных алых штанов и самые тонкие и блестящие белые шелковые чулки. На голове его красовался парик, столь безупречно напудренный и причесанный, что было бы кощунством растрепать его, надев по-

верх шляпу. Вот почему он нес её (а это была шляпа, обшитая золотым галуном и украшенная белоснежным пером) под мышкой. На груди его кафтана блистала яркая звезда. Он играл тростью с золотым набалдашником с беспечной грацией, характерной для изящных кавалеров той эпохи, и, для того чтобы последним штрихом довершить великолепие наряда, руки его были наполовину скрыты тончайшими кружевными манжетами, которые достаточно ясно свидетельствовали, сколь непривычны эти руки к работе и как они аристократичны.

Характерной особенностью снаряжения этой блистательной особы было ещё то, что она держала в левой руке необыкновенного вида трубку, украшенную тонкой живописью и янтарным мундштуком. Этот последний она всовывала себе в рот через каждые пять-шесть шагов, глубоко затягивалась табачным дымом и, задержав его одно мгновение в своих легких, выпускала затем тонкими струйками изо рта и носа.

Как легко можно себе представить, вся улица пришла в волнение, желая узнать имя чужестранца.

— Это какая-нибудь очень высокопоставленная особа, в этом нет сомнения, — заявил один из

городских жителей. — Вы видите, какая у него на груди звезда?

— Но её никак не рассмотришь, она так блестит, — возразил другой обыватель. — Ты прав, он должен быть человеком благородным, но вот, скажите мне, каким образом мог этот лорд прибыть сюда, будь то морем или сушей? Ни одно судно из Англии не заходило к нам за последний месяц. А если он путешествовал сухим путем с юга, то, позвольте спросить, где же его свита и где его экипаж?

— Ему никакой свиты не нужно, чтобы доказать принадлежность к высокому сану, — заметил третий горожанин. — Если бы он появился среди нас даже в лохмотьях, то его благородство просвечивало бы и через дыру на локте. Ни в ком я не встречал такого достоинства. Ручаюсь, что в его жилах течет древняя норманнская кровь.

— А мне скорее представляется, что он голландец или какой-нибудь там немец, — вмешался в разговор ещё один горожанин. — У людей из этих стран вечно торчит изо рта трубка.

— Да и у турок тоже, — отвечал его приятель. — Но, мне думается, этот чужестранец получил воспитание при французском дворе и научился там учтивости и прекрасным манерам, которыми

никто так хорошо не владеет, как французское дворянство. Что у него за походка! Какой-нибудь простак нашел бы, что в ней нет плавности, он мог бы даже назвать её деревянной, но, на мой взгляд, она полна удивительной величавости, и, должно быть, он приобрел её, постоянно наблюдая осанку Великого короля. Кто этот чужестранец и где он служит, теперь достаточно ясно. Это французский посланник, прибывший, чтобы договориться с нашими правителями об уступке нам Канады.

— Более вероятно, что он испанец, — сказал на это ещё один человек, — и отсюда желтый цвет лица. Или, ещё вернее, он прибыл к нам из Гаваны или из какого-либо другого порта Карибского моря, для того чтобы все подробно разузнать о пиратстве, которому, говорят, наш губернатор потворствует. Эти поселенцы из Перу и Мексики так же желты, как то золото, которое они добывают в своих копях.

— Желтый или не желтый, — воскликнула одна дама, — а он красивый мужчина! Как он высок и строен! Какие у него тонкие, породистые черты, благородной формы нос и изысканные очертания рта! Господи ты боже мой! А как блестит его звезда! Положительно она мечет кругом искры!

— Это делают ваши глаза, прекрасная леди, — отозвался чужестранец, обдав её клубом дыма, — в этот момент он как раз проходил мимо неё. — Даю вам слово, они меня совсем ослепили!

— Слышали ли вы ещё когда-нибудь такой оригинальный, такой очаровательный комплимент! — прошептала леди, возносясь на вершину блаженства.

Среди всеобщего восхищения, возбужденного наружностью чужестранца, только два голоса не слились с общим хором. Один из них принадлежал нахальному псу, который, обнюхав каблуки блистательного джентльмена, поджал хвост и, скрывшись у хозяина на заднем дворе, завыл оттуда самым возмутительным образом.

Другим оказался маленький ребенок, который заревел во всю мочь своих легких, бормоча какую-то малопонятную чепуху относительно тыквы.

Хохолок между тем продолжал идти по улице. Если не считать тех нескольких любезных слов, с которыми он обратился к леди, и порой легкого кивка головой в ответ на низкие поклоны прохожих, он всецело был поглощен своей трубкой. Не требовалось никаких иных доказательств его

высокого звания и положения, чем та спокойная уверенность, с которой он себя вел, в то время как шумное любопытство и восхищение горожан росло так быстро, что скоро он оказался окруженным как бы сплошным гулом. С толпой любопытных, следующих за ним по пятам, он дошёл наконец до особняка, занимаемого достопочтенным судьей Гукином, вошел в ворота, поднялся по ступенькам крыльца и постучал во входную дверь. Присутствующие обратили внимание, что, пока на его стук ещё не ответили, чужестранец стал выколачивать пепел из своей трубки.

— Что это он сказал таким резким тоном? — спросил один из зрителей.

— Право, не знаю, — отвечал его друг. — Но что это — солнечный свет слепит мне глаза? Фигура его милости лорда стала почему-то вдруг совсем тусклой и блеклой! Боже милосердный, да что же это со мной делается?

— Поразительно то, — продолжал его собеседник, — что его трубка, которую он только что вытряхнул, уже снова горит, и при этом зажжена она самым ярким угольком, какой себе только можно представить. Что-то таинственное есть в этом чужестранце. Смотрите, какой клуб дыма он выпустил! «Тусклый и блеклый», — сказали вы

про него? Помилуйте, вот он повернулся, и звезда на его груди загорелась как огонь.

— Что верно, то верно! — согласился его приятель. — И будьте уверены, что её блеск того и гляди ослепит хорошенькую Полли Гукин, что выглядывает, как я вижу, из окна гостиной и смотрит на него.

Когда входную дверь наконец открыли, Хохолок повернулся к толпе и величественно преклонил перед ней свою голову, совсем так, как это делают власть имущие, принимая знаки уважения от простых смертных, после чего проследовал в дом. На его лице появилось некое загадочное подобие улыбки (если не лучше было бы назвать её оскалом или гримасой), но из всей толпы, на него взиравшей, ни один человек, видимо, не обладал достаточной проницательностью, чтобы обнаружить призрачный характер чужестранца, кроме маленького ребенка и дворового пса.

Наша сказка тут несколько отходит от последовательности изложения и, перескакивая через предварительную встречу Хохолка с купцом, ищет возможности познакомиться с хорошенькой Полли Гукин.

Она была девицей, обладавшей округлой фигуркой, белокурыми волосами, голубыми глазами

и прелестным розовым личиком, казавшимся не так чтобы уж слишком лукавым, но и не очень простодушным. Эта молодая особа мельком увидела блистательного чужестранца, когда он стоял на пороге их двери, и посему, готовясь к свиданию с ним, надела кружевной чепчик, нитку бус, накинула на плечи свой самый лучший платок и обрядилась в свою самую туго накрахмаленную узорчатую юбку.

Спеша из своей комнаты в гостиную, она увидела себя в большом зеркале и принялась, как это вошло у неё в привычку, упражняться перед ним в кокетливых позах. Она то улыбалась, то принимала вид чопорный и важный, то вновь улыбалась уже несколько нежнее, то посылала воздушный поцелуй, а потом гордо вскидывала голову и обмахивалась веером, а в зеркале в это время призрак этой юной особы повторял её ужимки и проделывал всю ту глупую комедию, которую разыгрывала Полли, однако смутить неразумную кокетку он не мог. Короче говоря, если ей не удалось превратиться в такое же искусственное создание, как сам знаменитый Хохолок, то это произошло скорее по причине её неспособности, а не из-за отсутствия у неё желания. И поскольку она явно пыталась извратить

свою природную простоту, сотворенный ведьмой призрак мог вполне надеяться её завоевать.

Как только Полли услыхала, что к дверям гостиной приближаются подагрические шаги её отца, сопровождаемые размеренным стуком башмаков на высоких каблуках Хохолка, она уселась на стул и, стараясь сидеть как можно прямее, с самым невинным видом начала напевать песенку.

— Полли! Дочка Полли! — закричал старый купец. — Подойди сюда, дитя мое.

Выражение лица судьи Гукина, когда он открыл дверь, было какое-то смущенное и растерянное.

— Этот вот джентльмен, — продолжал он, представляя чужестранца, — шевалье Хохлок, то есть, я прошу прощения, его милость лорд Хохолок, привез мне привет от одного моего стариннейшего Друга. Приветствуй же его милость, дитя мое, и окажи ему то уважение, которое приличествует его званию.

После этих рекомендательных слов достопочтенный судья немедленно удалился из комнаты. Но если бы даже в это краткое мгновение хорошенькая Полли поглядела сбоку на блистательного гостя, она была бы предупреждена о некой грозящей ей опасности. Старик нервничал, был суетлив и очень бледен. Намереваясь выразить

на своём лице любезную улыбку, он осклабился судорожной, кривой усмешкой, которую, как только Хохолок повернулся к нему спиной, он сменил на самое злобное выражение, потрясая в то же время кулаком и топая подагрической ногой об пол (невежливость, повлекшая за собой немедленное возмездие).

По правде говоря, то самое слово (какое бы оно ни было), которое матушка Ригби велела передать богатому купцу, возбудило в нем значительно больше страха, нежели добрых чувств. Более того, будучи человеком удивительно острой наблюдательности, он заметил, что нарисованные на трубке Хохолка фигурки двигаются. Присмотревшись к ним поближе, он убедился, что фигурки эти представляют собой чертенят, украшенных, как им полагалось, рожками и хвостиками, которые, взявшись за руки, скакали в весёлом дьявольском хороводе вокруг трубочной головки. Далее, когда судья Гукин провожал своего гостя по коридору из кабинета в гостиную, звезда на груди Хохолка, как будто для того только, чтобы подтвердить его подозрения, засверкала настоящим пламенем, кидая дрожащие отблески на стены, потолок и пол.

Неудивительно, что при столь мрачных и

разнообразных по своему характеру предзнаменованиях купец не мог не почувствовать, что он подвергает свою дочь большому риску, знакомя её с такой сомнительной личностью. Он проклинал в глубине души те вкрадчиво-элегантные манеры — Хохолка, которыми щеголял этот блестящий кавалер, кланяясь, улыбаясь, кладя руку на сердце, глубоко затягиваясь из трубки и выпуская в воздух напоенные табачным ароматом клубы дыма. С радостью выкинул бы несчастный судья Гукин своего опасного гостя на улицу, но что-то сдерживало его, внушая ему страх. Нам представляется, что этот почтенный старый джентльмен в какой-то начальный период своей жизненной карьеры отдал что-то очень существенное в заклад Злому началу и, может быть, теперь наступил срок выкупа, а расплачиваться ему приходилось собственной дочерью.

Дверь в гостиную купца была сверху остеклена и прикрыта шелковой занавеской. Случилось так, что складки этой занавески были несколько сдвинуты в сторону. Так велико было желание отца видеть, что же произойдет между хорошенькой Полли и галантным Хохолком, что, выйдя из комнаты, он никак не мог устоять от соблазна подглядеть за ними в образовавшуюся щель. Но

ничего особенно поразительного увидеть было нельзя, ничто (если не считать вышеупомянутых мелочей) не подтверждало страха, что хорошенькой Полли грозит какая-то сверхъестественная опасность.

Правда, чужестранец явно принадлежал к числу многоопытных людей света, прожженных волокит, неуклонных в своих действиях и полных самообладания, а следовательно — тех кавалеров, которым родитель ни в коем случае не должен был доверять скромную молодую девушку без соответствующего надзора за их поведением. Почтенный судья, которому приходилось встречаться с людьми всех сортов и рангов, не мог не отметить, что каждое движение, каждый жест изящного Хохолка были безупречны. Ни тени чего-либо грубого или первобытного в нем найти было нельзя. Прекрасно усвоенная система условностей вошла в его плоть и кровь и превратила его в своеобразное произведение искусства. Возможно, что именно эта его особенность и наделяла его оттенком таинственности и жути. В самом деле, доведенная до совершенства искусственность в облике человека неизменно производит на нас впечатление иллюзорности, чего-то, едва обладающего достаточной телесно-

стью, чтобы отбросить от себя тень. Что касается Хохолка, то все о нем сказанное сочеталось в некое дикое, сумасбродное и фантастическое целое, точно весь он и его действия были подобны дыму, который, клубясь, подымался из его трубки. Но хорошенькая дочка купца ничего не замечала. Теперь оба они, Хохолок и Полли, прохаживались по комнате. Хохолок ступал по полу чрезвычайно изысканно и не менее изысканно кривил физиономию, а девушка следовала за ним с естественной девичьей грацией, чуть тронутой, но не испорченной аффектацией, которую она, по-видимому, переняла от своего чрезвычайно неестественного спутника. Чем дольше длилось их свидание, тем более очаровывалась хорошенькая Полли, пока ровно через четверть часа (что старый судья отметил по своим карманным часам) она не начала явно в него влюбляться. В том, что это произошло так быстро, чары ведьмы были совсем неповинны. Бедная девушка, видимо, обладала столь пылким сердцем, что оно растаяло от собственного жара, едва этот жар вернулся к ней отраженным даже от такого пустого подобия поклонника. Что бы ни говорил Хохолок, его слова звучали в её ушах глубокой и созвучной её душе мелодией; что бы он ни делал,

его поступки представлялись ей героическими. К этому времени, надо полагать, румянец зарделся на щеках Полли, нежная улыбка заиграла на её устах, светлая роса увлажнила её глаза, а между тем звезда продолжала так же нестерпимо ярко сверкать на груди у Хохолка, и маленькие чертенята ещё разгульнее прыгали вокруг головки его трубки. О, прелестная Полли Гукин! Почему же должна эта нечисть так безумно радоваться, что глупое девичье сердце может достаться бесплотной тени?

Разве уж это такое необыкновенное несчастье, а следовательно — и такое редкое торжество?

Но вот Хохолок остановился и, приняв величественную позу, казалось, вызвал хорошенькую девушку на то, чтобы она, окинув взглядом его фигуру, попробовала устоять перед ним, если ей это удастся. Его звезда, его шитье на платье, его пряжки на башмаках сияли в эти мгновения с невыразимым блеском. Пестрые краски его наряда становились благороднее и гармоничнее; на всей его особе лежал отблеск некоего сияния или лоска, порожденного колдовством его безупречных манер. Девушка подняла глаза и замерла, смотря на него робким и восхищенным взором. Затем, как бы желая проверить, какую

цену может иметь её скромная миловидность рядом с таким великолепием, она кинула взгляд в огромное, отражавшее их с ног до головы зеркало, против которого они случайно остановились. Зеркало это было одним из самых правдивых на свете, неспособным к лести. И вот стоило ей только увидать отражения их обоих, как она вскрикнула, отпрянула от чужестранца и, уставясь затем на него с минуту, в диком ужасе упала без чувств на пол. Хохолок, в свою очередь, взглянул в зеркало и там вдруг узрел не иллюзорный блеск своей внешности, а лоскутное убожество своей истинной сущности, лишенное всякого волшебства.

Несчастный призрак! Мы почти готовы ему посочувствовать. Он вскинул руки с таким выражением отчаяния, что все его прежние проявления эмоций, которыми он хотел доказать своё право на звание человека, не шли ни в какое сравнение с этой горестной вспышкой. Ибо, возможно, в первый раз, с тех пор как эта столь часто пустая и обманчивая человеческая жизнь зародилась, иллюзия увидела себя и познала до конца.

В этот богатый событиями день матушка Ригби сумерничала у кухонного очага и только что вытряхнула пепел из своей новой трубки, как

услыхала, что кто-то поспешно шагает по дороге. И в то же время этот шум казался не столько топаньем человеческих подошв, сколько стуком деревянных палок или сухих костей друг о друга.

«Ха-ха! — подумала старая ведьма. — Что это за шаги? Любопытно, чей это скелет вышел вдруг из могилы?»

Внезапно кто-то опрометью вбежал в хижину. Это был Хохолок. Его трубка по-прежнему дымилась, звезда по-прежнему сверкала на его груди, золотое шитье по-прежнему сияло на его одежде, и при этом он ни в малейшей степени не потерял ни того достоинства, ни тех манер, благодаря которым его можно было спутать с нашими смертными братьями.

И всё-таки каким-то невыразимым образом (как это бывает со всяким обманом, когда мы раскусили его) убогая правда проступала сквозь мишурный блеск подделки.

— Что же это с тобой случилось неладное? — спросила ведьма. — Или этот привередливый лицемер выставил моего любимца за дверь? Ах он мерзавец! Я пошлю на него двадцать дьяволов, чтобы они его мучили до тех пор, пока он не падет на колени и сам не станет предлагать тебе свою дочь в жены.

— Нет, матушка, — возразил ей Хохолок весьма уныло. — Тут дело совсем в ином.

— Что же это? Неужели сама девица презрела моё сокровище? — переспросила его матушка Ригби, в то время как её злые глаза запылали как два адских раскаленных угля. — Я покрою все её лицо прыщами! Нос её станет так же красен, как этот уголек в моей трубке! Передние её зубы выпадут! Не пройдет и недели, как ничего хорошего в ней уже не останется!

— Оставь её в покое, мать, — отвечал на это бедный Хохолок. — Девушка была уже наполовину покорена, и, мне думается, ещё один сладкий поцелуй с её уст — и я бы стал настоящим человеком. Но, — добавил он после короткой паузы и затем почти завыл в порыве самоуничижения, — я увидел самого себя, мать! Я увидел, что я за жалкое, истрепанное, выхолощенное существо! Я не хочу больше жить!

Выхватив трубку изо рта, он что есть силы хватил ею об очаг и в то же мгновение рухнул на пол, превратившись в кучу соломы и изодранной в клочья одежды с какими-то палками, торчащими из всей этой рухляди, и лежащей поверх неё сморщенной тыквой. Проверченные в этой последней дыры, заменявшие глаза, потеряли

теперь всякий блеск, но грубо вырезанное отверстие, которое ещё недавно было ртом, казалось, продолжало кривиться от отчаяния и ещё не лишилось оттенка человечности.

— Бедняга! — промолвила матушка Ригби, печально взглянув на остатки своего неудачливого создания. — Бедный мой, милый, хорошенький Хохолок! На свете существуют тысячи и тысячи всяких хлыщей и шарлатанов, составленных, подобно ему, из такой же кучи дряни, из таких же поношенных, устарелых, ни на что не годных вещей, и всё же они живут себе припеваючи и никогда не видят себя такими, какие они есть. И почему же один только мой кукленок должен был познать себя и от этого погибнуть?

Продолжая бормотать таким образом, ведьма набила трубку свежим табаком, но задержала её между пальцев, точно раздумывая, сунуть ли трубку себе в рот или опять в рот Хохолку.

— Бедняга Хохолок, — продолжала она. — Я легко могла бы предоставить ему ещё одну возможность и завтра же послать его вновь искать счастья. Но нет! Он слишком впечатлителен и чувствует все слишком глубоко. У него, видимо, слишком нежное сердце, чтобы бороться и побеждать в этом бесчувственном и бессердеч-

ном мире. Я всё-таки сделаю из него пугало. Это невинная и притом полезная профессия, и она подойдет моему сокровищу как нельзя лучше. Если бы все его братья здесь, на земле, занимались бы, как он, таким же нужным делом, человечество бы от этого только выиграло. А что касается моей трубки, то я в ней нуждаюсь больше, чем он!

Сказав это, она сунула мундштук себе в рот.

— Диккон! — крикнула она снова самым пронзительным тоном. — Еще один уголек для моей трубки!

ПИГМЕИ

Давным-давно, когда мир ещё был полон чудес, жили на нашей планете некий великан по имени Антей[50] и бесчисленное множество забавных крохотных человечков» которых называли пигмеями.

И великан и пигмеи — дети одной матери, старой, доброй матушки Земли, — были братьями и жили в мире и согласии далеко-далеко, в самом центре жаркой Африки. Пигмеи были столь малы и столь высоки были горы и необъятны пустыни, отделявшие их от остального человечества, что никому не удавалось взглянуть на них чаще чем раз в столетие. Великан же, напротив, был так велик, что увидеть его не составляло большого труда; только, конечно, лучше было держаться от него подальше. Если среди пигмеев появлялся человек ростом в шесть-восемь дюймов, его, мне кажется, уже должны были считать невесть каким высоким. А как занятно, наверное, было смотреть на маленькие города пигмеев, где ули-

[50] Примечания: 50

Антей — в греч. мифологии великан, сын Геи-Земли и Посейдона. Побеждал соперников, обретая силу прикосновением к земле.

цы были трех-четырех футов ширины, мостовые выложены из мелкой гальки, а домики — величиной примерно с беличью клетку. Королевский дворец достигал огромного размера кукольного дома Барвинка, и стоял он посредине площади столь просторной, что её едва бы удалось прикрыть обыкновенным каминным ковриком. Главный собор пигмеев по высоте, пожалуй, не уступал вот той конторке, и пигмеи считали его самым величественным и грандиозным сооружением.

Построены были все эти здания не из камня и не из дерева, а вылеплены, как птичьи гнезда, из соломинок, перышек, яичной шелухи и прочего мусора; известку же заменяла строителям жирная глина. Когда палящее солнце высушивало постройки, они становились такими удобными, прочными и уютными, что о лучших пигмеи и не мечтали.

Местность вокруг была возделана и разбита на поля, самое большое из них не уступало размерами одной из клумб Сладкого Корня. На этих полях, пигмеи сеяли пшеницу и другие злаки; когда колосья поднимались над землёй, они покрывали пигмеев своею тенью совершенно так же, как нас покрывают своею тенью сосны, дубы,

ореховые деревья и каштаны.

Во время жатвы пигмеи вооружались крошечными топориками и рубили колосья с не меньшими усилиями, чем дровосеки рубят стволы, и когда стебельку пшеницы, увенчанному налитым колосом, случалось обрушиться на нерасторопного пигмея, печальная происходила история. Если беднягу и не убивало на месте, то, во всяком случае, катастрофа вызывала у него головную боль. Но, Бог мой, раз такими крохотными были папы и мамы, то какими же должны были быть у них дети, и особенно младенцы! Целое семейство пигмеев могло бы улечься спать в туфле или забраться в старую перчатку, где дети чувствовали бы себя особенно хорошо — им было бы так удобно играть в прятки, перебираясь из пальца в палец. Годовалого ребеночка можно было без труда упрятать под наперсток.

Соседом и родным братом этих уморительных создания был, как я сказал уже вам, великан. Его огромные размеры поражали ещё больше, если это вообще возможно, чем крохотные размеры пигмеев. Великан был так велик, что вместо трости опирался на сосну, у которой было восемь футов поперек комля. Уверяю вас, что пигмею с самым острым зрением еле-еле удавалось раз-

глядеть его голову без помощи подзорной трубы. А во время тумана пигмеи не могли разглядеть даже верхнюю воловину его туловища; тогда они замечали только его огромные ноги, шагающие как бы сами по себе. Зато в яркий, солнечный полдень, когда воздух был чист и прозрачен, Антей являл собой поистине величественное зрелище. Любил стоять он, этот настоящий человек-гора, улыбаясь своим маленьким братьям и дружески подмигивая Одним-единственным глазом (напоминающим по величине колесо телеги и расположенным как раз посредине лба) всему пигмейскому народу одновременно.

Пигмеи охотно беседовали с Антеем, и по пятидесяти раз на день то один, то другой из них задирал головку и кричал в сложенные трубочкой кулачки: «Здравствуй, братец Антей! Как поживаешь, дружище?»

И когда еле внятный тонкий голосок достигал уха великана, в ответ раздавался громоподобный рев, от которого могли бы пошатнуться стены самого высокого храма пигмеев, если бы он не приглушался расстоянием: «Спасибо, братец пигмей, понемножку».

Пигмеям очень повезло, что Антей был так дружески расположен к ним. Ведь в одном его

мизинце было больше силы, чем в десяти миллионах таких крохотных существ, как они.

Вздумай он невзлюбить их так же, как он невзлюбил весь мир, то мог бы одним ударом уничтожить самый большой пигмейский город и едва ли сам бы это заметил. Ураган, поднятый его дыханием, способен был сорвать крыши у сотен домов и закружить в воздухе тысячи и тысячи пигмеев. Ему ничего бы не стоило наступить своей огромной ножищей на целую толпу таких маленьких человечков, и когда он убрал бы свою ногу, смею вас уверить, открылась бы весьма жалостная картина. Но великан этот был тоже сыном матери Земли. Потому-то и любил своих братьев пигмеев, любил так сильно, как только можно любить столь крошечные существа. А пигмеи, в свою очередь, платили Антею такой большой привязанностью, на какую только способны были их крошечные сердца.

Антей с готовностью делал для пигмеев все, что было в его силах: крылья их мельниц продолжали вертеться и без ветра, потому что его вполне заменяло дыхание великана. А когда солнце припекало слишком сильно, он усаживался на землю, и тень его падала на все королевство от одной границы до другой; в то же время он был

достаточно мудр, чтобы предоставить пигмеям самим решать свои внутренние дела, и это, пожалуй, самое лучшее, что большие люди могут сделать для маленьких.

Итак, как я уже сказал, Антей любил пигмеев и пигмеи любили Антея, но так как жизнь великана была столь же долгой, сколь громадным было его тело, а век пигмеев соответствовал их крохотным размерам, эта сердечная привязанность передавалась из поколения в поколение на протяжении многих столетий. Об этой привязанности упоминалось в летописях и древних преданиях пигмеев. Даже самые мудрые и древние из них никогда не слышали о том, чтобы ещё во времена их прапрапрадедушек великан не был им преданным другом. И только однажды, можете мне поверить (об этом свидетельствует надпись на обелиске высотой в три фута, воздвигнутом на месте катастрофы), Антей, усевшись, раздавил пять с лишним тысяч пигмеев, которые собрались на военный парад. Но это был один из тех несчастных случаев, когда некого винить, а потому крохотные человечки не придали этому значения и только обратились к великану с просьбой — впредь внимательно оглядываться по сторонам, когда он возымеет желание где-ни-

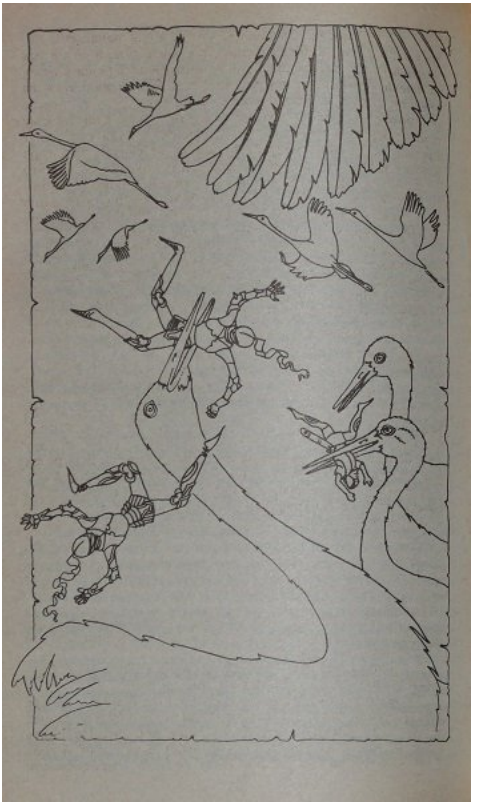
будь расположиться.

Радостно было видеть, как Антей, подобно шпилю самого высокого собора, возвышался над пигмеями, в то время как они, словно муравьи, сновали у его ног, да ещё знать при этом, сколь прочна их дружба. В самом деле, мне всегда казалось, что великану маленький народец был нужнее, чем он, великан, пигмеям.

И в самом деле, кроме них, соседей, доброжелателей и даже, можно сказать, товарищей по играм, у Антея во всем свете не было ни единого друга. Ведь природа никогда ещё не создавала существа такого гигантского роста и никто не говорил с ним таким громоподобным голосом. Стоя на земле и упираясь головой в облака, он пребывал в полном одиночестве на протяжении многих веков и осужден был оставаться одиноким навсегда. А если бы Антею и довелось встретить другого великана, он решил бы, наверное, что мир слишком тесен для двух гигантов, и, вместо того чтобы подружиться, вступил бы с ним в борьбу не на жизнь, а на смерть. Но к пигмеям он никогда не менял своего отношения, оставаясь самым веселым, самым добродушным и жизнерадостным из всех существ, омывавших своё лицо дождевой водой.

А между тем его крохотные друзья, как и все маленькие люди, были очень высокого о себе мнения и относились к Антею весьма покровительственно.

— Бедняжка! — говорили они друг другу. — Как ему, должно быть, скучно, ведь он так одинок на белом свете. Мы должны хоть немного развлекать его. И хотя нам дорога каждая минута, мы не пожалеем для него времени. Конечно, он и наполовину не обладает присущими нам блестящими способностями, но именно поэтому мы должны заботиться о его счастье и благополучии. Так проявим же доброту к нашему старому приятелю. Не будь матушка Земля так снисходительна к нам, мы ведь тоже могли родиться великанами.



По праздникам пигмеи предавались веселым играм с Антеем. Он во весь рост растягивался на земле, наподобие длинной гряды холмов, и

добрый час уходил у коротконогого пигмея на прогулку от головы до ног великана. Иногда Антей опускал на траву свою огромную ручищу и предлагал самому высокому из пигмеев влезть на неё и перебираться с пальца на палец. Пигмеи были столь бесстрашны, что им ничего не стоило заползти в складки его одежды и прогуливаться там. Когда Антей лежал, припав щекой к земле, они храбро взбирались к нему на голову и даже отваживались заглядывать в зияющую пещеру его рта, а когда он внезапно щелкал челюстями, делая вид, что хочет проглотить полсотни пигмеев зараз, они не сомневались, что великан шутит, как это, впрочем, и бывало на самом деле. Ох и весело же было смотреть, как ребятишки играют в прятки в его волосах или, уцепившись за его бороду, раскачиваются на ней, словно на гигантских качелях! Невозможно перечислить и половину тех веселых фокусов, которые они проделывали со своим огромным приятелем, но я не видел ничего более забавного, чем скачки, которые мальчишки устраивали у него на лбу, соревнуясь, кто обежит первым его огромный единственный глаз.

Только самым ловким удавалось пройтись у него по переносице и, добравшись до кончика

носа, спрыгнуть оттуда на верхнюю губу.

По совести говоря, маленькие человечки порой докучали великану, как рой москитов или муравьев, особенно когда пытались из озорства проткнуть его кожу своими крохотными пиками и мечами, чтобы убедиться, какая она толстая и плотная. Но Антей относился к Этому весьма добродушно, хоть иногда, когда ему хотелось спать, он что-то бормотал раздраженным голосом, напоминавшим раскаты грома, и просил прекратить эту возню. Но гораздо чаще он наблюдал со стороны за веселыми играми и проказами своих маленьких друзей, пока сам в конце концов не заражался их весельем; зато, развеселившись, он начинал так громко хохотать, что всем пигмеям без исключения приходилось затыкать уши, чтобы, чего доброго, не оглохнуть.

— Хо! Хо! Хо! — ревел великан, сотрясаясь всем своим необъятным туловищем. — До чего же смешно быть таким маленьким! Не будь я Антеем, я бы согласился стать пигмеем — просто так, шутки ради.

Единственное, что мешало пигмеям жить спокойно, — это постоянная война, которую они вели с журавлями. Началась она с незапамятных времен, и даже проживший бог знает сколько

великан не помнил, почему она возникла. Время от времени возобновлялись страшные сражения, которые велись с переменным успехом: то одерживали победу маленькие человечки, то журавли. Если верить некоторым историкам, пигмеи выезжали на эти сражения верхом на козлах и баранах, но мне думается, что эти животные были слишком велики для пигмеев, и я скорее склонен предположить, что они мчались в бой верхом на белках, кроликах или крысах, а возможно — и на ежах, чьи колючие иглы, несомненно, должны были устрашить врага.

Но как бы то ни было и каких бы животных ни оседлывали пигмеи, я не сомневаюсь, что вид у них был в высшей степени грозный, когда они появлялись, вооруженные до зубов копьями и мечами, луками и стрелами, трубя в свои крохотные трубы и испуская воинственные крики. Они не уставали призывать друг друга драться храбро и помнить, что на них смотрит весь мир, хотя в действительности их единственным зрителем был великан Антей, наблюдавший за боевыми действиями своим единственным огромным, нелепым глазом, расположенным посреди лба.

Когда обе армии сходились, журавли сразу же бросались вперед, неистово хлопая крылья-

ми и вытягивая шеи. Порою длинным клювом им удавалось схватить врага поперек туловища. Страшно было видеть, как мужественные пигмеи болтались в воздухе и в конце концов, проглоченные живьем, исчезали в длинном изогнутом журавлином горле. Герой, как вам, конечно, известно, всегда должен быть готов к любым превратностям судьбы; и я не сомневаюсь, что величие совершенного им подвига служило пигмею утешением даже в желудке у журавля. Но едва Антей узнавал, что его маленьким союзникам приходится туго, он переставал смеяться и семимильными шагами устремлялся к ним на помощь. Размахивая своей палицей, он прогонял журавлей, и те, раздосадованные, с громким криком отправлялись восвояси. Выиграв таким образом сражение, армия пигмеев с триумфом возвращалась домой, приписывая победу исключительно своей доблести, а также тактическим и стратегическим талантам того из своих сородичей, кому случалось быть их полководцем; после этого не было конца народным пиршествам, торжественным шествиям и праздничным иллюминациям. Показывали даже восковые фигуры прославивших себя офицеров, сделанные в натуральную величину.

Если в описанных выше военных походах пигмею удавалось выдернуть перышко из журавлиного хвоста, оно служило великолепным украшением на его шляпе и наглядным свидетельством его мужества. Иногда случалось даже (правда, вы едва ли поверите мне), что какой-нибудь из пигмеев объявлялся вождем всей пигмейской нации только за то, что ему удавалось вернуться из похода с таким трофеем.

Но я уже рассказал вполне достаточно для того, чтобы вы сами убедились в доблести этого маленького народца, жившего, я даже не скажу, сколько поколений подряд, душа в душу с великаном Антеем. Потерпите немного, скоро я вам опишу битву куда более удивительную, чем те сражения, которые приходилось вести между собой пигмеям с журавлями.

Однажды могучий Антей лежал среди своих маленьких друзей, растянувшись во весь рост. Сосна, служившая ему, как я уже говорил, тростью, покоилась рядом с ним на земле. Расположился он со всеми удобствами, так что голова его находилась в одной части королевства, а ноги пересекали границы другой; пигмеи тем временем залезали на него, заглядывали в громадный, как пещера, рот и резвились в его волосах.

Случалось, что великан ненадолго погружался в сон, и тогда раздавался храп, похожий на рев урагана. И вот как-то раз один из пигмеев взобрался к нему на плечо, осмотрелся вокруг, как если бы он поднялся на вершину холма, и увидел вдали нечто такое, что заставило его протереть глаза и уставиться в одну точку. Сначала ему показалось, что это гора, он удивился: откуда она вдруг взялась на ровном месте? Но затем он увидел, что гора движется. Она стала приближаться, и тут оказалось, что это не что иное, как фигура человека, правда не такого огромного, как Антей, хотя тоже очень большого по сравнению с пигмеями. Во всяком случае, он был намного больше людей, которых мы встречаем в наше время.

Когда пигмей окончательно убедился, что зрение его не обманывает, он бросился со всех ног к уху великана и, нагнувшись над ним, как над пропастью, громко закричал:

— Эй, братец Антей! Вставай сию же минуту и возьми свою дубинку. Сюда приближается какой-то великан, чтобы помериться с тобой силой.

— Фу, фу, — проворчал Антей, ещё окончательно не проснувшись. — Не говори глупостей, мой маленький друг! Разве ты не видишь, что я сплю? Еще не родился такой великан, ради которого я

бы не поленился встать.

Пигмей посмотрел снова — не оставалось сомнений, что незнакомец идет прямо к распростертому на земле Антею. С каждым шагом он все меньше походил на голубую гору и все больше на неёстественно большого человека. Вскоре он оказался так близко, что ошибиться было невозможно. А вот и он сам! Солнечные лучи озаряют его золотой шлем и вспыхивают на ярко начищенных доспехах; на боку у него меч, а на спине — львиная шкура; на правом плече он несет палицу, ещё более тяжелую и увесистую, чем дубинка Антея.

К этому времени все пигмеи уже успели разглядеть новое чудо, и миллион писклявых голосов прозвучал довольно внятно:

— Вставай, Антей! Пошевеливайся, старый ленивый великан! Сюда идет бороться с тобой ещё один великан, такой же сильный, как ты.

— Чепуха, чепуха, — прорычал сонный великан. — Я должен выспаться, кто бы там ко мне ни шел.

Незнакомец тем временем подходил все ближе, и теперь уже пигмеи могли убедиться, что если ростом он и не вышел в Антея, то плечи у него были даже пошире. Подумать страшно, какие же

у него должны были быть плечи! А ведь я вам уже говорил, что плечи Антея когда-то поддерживали небесный свод.

Пигмеи, которые были в десять раз проворнее своего неповоротливого братца, не могли примириться с его медлительностью и решили во что бы то ни стало заставить его подняться. Они продолжали кричать на него и даже дошли до того, что пытались уколоть его своими мечами.

— Вставай, вставай, вставай? — кричали они. — Поднимайся же ты, лежебока! У этого великана дубинка увесистей твоей и плечи шире, да и силы у него, верно, больше, чем у тебя.

Антей не мог спокойно слышать о том, что кто-то из смертных обладает хоть половиной его силы. Вот почему последнее замечание пигмеев уязвило его больше, чем их мечи. Приподнявшись на своем ложе в довольно мрачном расположении духа, он зевнул так, что рот его открылся на несколько ярдов, протер глаза и повернул наконец свою тупую башку в том направлении, куда указали ему с такой готовностью его маленькие друзья.

Но едва взглянув на незнакомца, он тотчас же вскочил на ноги и прошел несколько миль ему навстречу, размахивая по пути огромной сосной

так, что она со свистом рассекала воздух.

— Кто ты такой? — прогремел великан. — И что тебе нужно в моих владениях?

У Антея была одна особенность, о которой я вам ещё не рассказал, боясь, что если вы сразу услышите о таком множестве чудес, то едва ли поверите и половине из них. А вам следует знать, что, когда этот грозный великан прикасался к земле рукой, ногой или любой другой частью тела, он становился ещё сильнее прежнего. Его матерью, как вы помните, была Земля, и она его очень любила, так как он был самым рослым из всех её сыновей. Поэтому-то она и придумала такой удивительный способ всегда поддерживать в нем силу. Иные утверждают, что с каждым таким прикосновением он становился раз в десять сильнее обычного; другие говорят, что сила его увеличивалась только в два раза. Но представьте себе, что Антей отправился на прогулку, задумав прошагать десять миль. Предположите, что каждый его шаг был равен ста ярдам, и попробуйте подсчитать, во сколько раз он становился сильнее, чем до прогулки, после того как опускался на землю. Всякий раз, как он садился отдохнуть и вновь подымался, силы его удесятерялись. Миру очень повезло, что Антей

был ленив и неповоротлив и любым физическим движениям предпочитал покой; ведь если бы он суетился, подобно пигмеям, и так же часто, как они, прикасался к земле, то давно бы уже обладал достаточной силой, чтобы надвинуть, что называется, небо на уши людям.

Но неуклюжее, огромное существо вроде Антея напоминало гору не только своей величиной, но и полнейшим нежеланием двигаться.

Любой из смертных, за исключением того богатыря, которого встретил сейчас Антей, был бы напуган до полусмерти свирепым видом великана и его страшным голосом. Но незнакомец, по-видимому, нимало не смутился. Он поднял свою дубинку и начал ею небрежно помахивать, оглядывая при этом Антея с головы до ног. Казалось, он нисколько не смущен его гигантской фигурой, — больше того, всем видом своим он показал, что такие великаны ему не в диковинку, попадались ему и почище, — можно было подумать, что великан не больше одного из пигмеев (а они тем временем навострили уши, внимательно следя за всем происходящим), так мало внушал он незнакомцу страха.

— Кто ты такой, я спрашиваю? — вновь зарычал Антей. — Как тебя зовут? Зачем ты сюда явился?

Отвечай же, разбойник, а не то мне придется проверить дубиной прочность твоего черепа.

— Ты очень неучтив, великан, — спокойно ответил незнакомец. — Прежде чем мы расстанемся, мне придется немножко поучить тебя вежливости. Зовут меня Гераклом[51]. Пришел я сюда потому, что здесь лежит самый удобный путь в сад Гесперид[52], куда я направляюсь, чтобы достать три золотых яблока для царя Эврисфея.

— Нет, презренный, ты не сдвинешься с этого места! — прогремел Антей и ещё больше насупился, так как ему уже приходилось слышать о могучем Геракле, которого он возненавидел за то, что тот слыл таким силачом. — Нет, презренный, ты не вернешься туда, откуда пришел.

— Хотел бы я знать, каким образом ты помешаешь мне идти туда, куда мне вздумается? — спросил Геракл.

— Да очень просто, стоит только слегка стукнуть тебя этой сосной! — закричал Антей, скор-

---

[51] Примечания: 51

Геракл — в греч. мифологии герой, сын Зевса и Алкмены. Отличался необыкновенной физической силой, которая помогла ему совершить двенадцать знаменитых подвигов.

[52] Примечания: 52

Сад Гесперид — в греч. мифологии сад богов, где находились золотые яблоки, охраняемые Гесперидами и драконом Ладоном. Победив дракона, Геракл завладел золотыми яблоками.

чив такую отвратительную рожу, что он сделался похож на самых безобразных чудовищ, какие только водились в Африке. — Я и так раз в пятьдесят сильнее тебя, а теперь, когда я топаю ногами по земле от бешенства, я становлюсь сильнее тебя в пятьсот раз. Мне даже совестно убивать такого тщедушного и ничтожного карлика, как ты. Я лучше сделаю тебя своим рабом, а заодно ты будешь рабом и моих братьев пигмеев. Так что, пока не поздно, брось-ка лучше на землю свою дубинку и прочее оружие, а из твоей львиной шкуры я, пожалуй, выкрою себе пару перчаток.

— Так подойди поближе и сними её с меня, — отвечал Геракл, поднимая дубинку.

И тогда огромный, как башня, великан, свирепо оскалившись, двинулся прямо на противника (с каждым шагом становясь в десять раз сильнее) и обрушил на него сокрушительный удар сосной. Но Геракл вовремя отразил его своей палицей и с гораздо большей ловкостью, чем Антей, в свою очередь так стукнул его по черепу, что великан с грохотом рухнул наземь. Бедных маленьких пигмеев охватил ужас: им и в голову не приходило, что кто-нибудь на земле может быть и наполовину так могуч, как их брат Антей. Но едва великан упал на землю, силы его удесятерились,

и он тотчас же вскочил с таким свирепым видом, что на него было просто страшно смотреть. Он приготовился отплатить Гераклу тем же, но, ослепленный бешенством, промахнулся и ударил ни в чём не повинную матушку Землю, заставив её застонать и задрожать от боли. Сосна, заменявшая ему дубинку, так глубоко ушла в землю и так прочно застряла в ней, что, прежде чем Антею удалось её вытащить, Геракл с новой силой двинул его по спине. И тут раздался такой оглушительный крик, будто из необъятных легких великана исторглись одновременно все самые страшные звуки, какие он только мог издавать, и соединились в непереносимый рев. И этот рев пронесся над горами и равнинами и, насколько мне известно, был услышан на другом конце Африканского континента.

Бедные пигмеи! Только от одного колебания воздуха их столица превратилась в руины; и, хотя шуму и без того было достаточно, они завопили в три миллиона писклявых голосов, воображая, конечно, что кричат в десять раз громче великана.

Но Антей тем временем снова поднялся на ноги и, набравшись новых сил, выдернул из земли свою сосну. Содрогаясь от ярости, он бросился на Геракла и нанес ему новый удар.

— На этот раз ты не уйдешь от меня, мерзавец! — закричал он.

И опять Геракл увернулся, отразив нападение дубинкой, а от великановой сосны остались только щепки, разлетевшиеся во все стороны и причинившие бедняжкам пигмеям совсем уж не шуточный ущерб. И прежде чем Антею удалось отойти в сторону, Геракл вновь замахнулся и ещё раз нанес ему удар, от которого он полетел на землю вверх тормашками, что, впрочем, только способствовало удесятерению его чудовищной и прямо безобразной силищи. Ярость бушевала в Антее, как огонь в раскаленной топке. Его единственный глаз представлял собою огненно-красное пятно.

Теперь, когда у него не осталось никакого другого оружия, он сжал кулаки (каждый из них был больше любой бочки), постукивая их один о другой, в бешенстве подпрыгивал и так размахивал своими огромными ручищами, будто собирался не только убить Геракла, но и не оставить камня на камне во всем мире.

— А ну-ка подойди! — прорычал громовым голосом великан. — Я дам тебе такой подзатыльник, что ты навсегда избавишься от головной боли.

Но теперь Геракл (хотя, как вы знаете, он был

достаточно могуч, чтобы удержать небесный свод) начал понимать, что ему никогда не удастся победить Антея, если он будет по-прежнему повергать его на землю. Какие бы сокрушительные удары он ему ни наносил, великан с помощью матушки Земли с каждым разом становился все сильнее и сильнее и превосходил мощью даже самого Геракла; и тогда, бросив на землю свою палицу, которая помогала ему одерживать победы во многих ужасных битвах, герой решил взять противника голыми руками.

— Иди сюда! — закричал он. — Раз я сломал твою сосну, мы будем бороться и посмотрим, кто из нас выйдет победителем.

— В таком случае ты скоро получишь то, чего желал! — закричал великан, потому что он ничем так не гордился, как своим искусством в борьбе. — Несчастный, сейчас тебе так достанется, что ты и костей не соберешь!

Вне себя от ярости, Антей ринулся вперед, подскакивая на ходу и взвиваясь в воздух, как ужаленный. И всякий раз, как он прикасался к земле, сил у него становилось все больше. Но вы сами понимаете, что Геракл был умнее тупоголового великана и уже придумал, как нужно драться с этим огромным чудовищем и каким об-

разом одолеть его, прежде чем мать Земля успеет прийти ему на помощь. Дождавшись момента, когда великан набросился на него, Геракл обхватил туловище обеими руками и поднял Антея высоко над собой.

Представьте себе на минуту эту картину, мои маленькие друзья. Каково было видеть это чудовище висящим в воздухе вниз головой и дергающимся всем телом, точь-в-точь как младенец, подбрасываемый отцом под потолок.

Но самым удивительным было другое. Как только Антей отделился от земли, он сразу утратил силу, которую только что приобрел, прикоснувшись к ней. Геракл очень скоро почувствовал, что доставивший ему столько хлопот противник ослабел. Оторванный от земли, Антей уже не боролся с прежним упорством, все менее чувствительными становились его удары, да и громоподобный его голос все больше походил на ворчание.

А дело было в том, что если великан не прикасался к матери Земле хотя бы раз в пять минут, не только иссякала его сверхъестественная сила, но и сама жизнь оставляла его. Геракл разгадал тайну великана, и об этом не мешает помнить всем нам на тот случай, если придется драться с

кем-нибудь, похожим на Антея. Победить этих, рожденных Землей, великанов, оказывается, трудно только тогда, когда они не отрываются от привычной для них почвы. Зато ничего не стоит с ними справиться, если сможешь изловчиться и поднять их в более возвышенную и чистую стихию. Так оно и получилось с бедным великаном, которого мне, по правде говоря, немного жаль, даже несмотря на его неучтивое обращение с гостем.

Когда силы оставили Антея и у него замерло дыхание, Геракл развернулся и отшвырнул его огромное туловище на целую милю. Великан тяжело грохнулся оземь да так и остался лежать, не подавая ни малейших признаков жизни, словно какой-нибудь песчаный холм. Даже родная мать великана, всесильная Земля, не могла ему теперь ничем помочь, и я не удивлюсь, если его тяжелые кости и по сей день лежат на том же месте, и вполне возможно, что их принимают за кости какого-нибудь гигантского слона.

А какой вопль отчаяния издали бедные маленькие пигмеи, когда увидели, как ужасно обошлись с их огромным братом! Но если Геракл и слышал их визг, он не обратил на него внимания и принял его, надо думать, за пронзительные и жалобные

крики испуганных птичек. Во всяком случае, его мысли были настолько заняты великаном, что он так ни разу и не взглянул на пигмеев, не подозревая, должно быть, что в мире существует этот крохотный и смешной народец. Одолев Антея, Геракл почувствовал усталость от длинной дороги и напряженной борьбы, поэтому он расстелил на земле львиную шкуру и, разлегшись на ней, крепко заснул.

Когда пигмеи увидели, что Геракл готовится вздремнуть, они закивали головками, подмигивая друг другу. И как только его глубокое, ровное дыхание показало, что он заснул, вокруг него собралась огромная толпа, занявшая площадь почти в двадцать семь футов. Один из самых красноречивых ораторов (к тому же и бесстрашный воин, хотя вряд ли он владел каким-либо другим видом оружия так же хорошо, как собственным языком) взобрался на поганку и с этого внушительного возвышения обратился к собравшимся. Чувства, выраженные им в этой речи, сводились примерно к следующему:

— Великие пигмеи, мужественные маленькие люди! Все вы видели, какое бедствие обрушилось на наш народ и какое оскорбление было нанесено величию нашей нации. Вот лежит Антей, наш

великий друг, и брат. Он убит на нашей земле негодяем, заставшим его врасплох и боровшимся с ним (если это только можно назвать борьбой) с помощью таких приемов, какие и в голову не придут ни человеку, ни пигмею, ни великану. Но этому негодяю показалось мало зла, которое он нам причинил. Он позволил себе заснуть на наших глазах, да ещё с таким видом, будто ему нечего опасаться нашего гнева. Разве он этим не нанес нам тягчайшее оскорбление? Соотечественники! Вам надлежит подумать, в каком свете мы предстанем перед всем миром и каков будет приговор беспристрастной истории, если мы стерпим все эти надругательства и не отомстим за них.

Антей был нашим братом, сыном той же дорогой матери, которой мы обязаны нашей плотью и кровью, так же как и нашими мужественными сердцами, и он не мог не гордиться этим родством. Он был нашим верным союзником и пал, сражаясь за нашу независимость и за наши права в такой же мере, как и за свои собственные. И мы, и наши предки жили с ним в дружбе и поддерживали добрососедские отношения, как может поддерживать их человек с человеком, и так было в течение многих веков. Вы помните, как часто

все мы отдыхали в тени, которую он отбрасывал в солнечную погоду, и как наши малыши играли в прятки в его спутанных волосах, и как он обычно осторожно ставил свои огромные ноги, никому из нас не наступив и на палец. И вот он лежит мертвый, наш дорогой брат… милый и любимый друг… храбрый и преданный союзник… добродетельный великан… непорочный, великолепный Антей. Мертвый! Бездыханный! Бессильный! Просто глиняная глыба! Простите мне эти слезы! Но что это? Я вижу ваши тоже! И посмеет ли винить нас мир, если мы утопим его в слезах?

Однако продолжаю: неужели мы, дорогие соотечественники, допустим, чтобы тот злодей ушел невредимым праздновать свою вероломную победу где-нибудь за пределами нашей родины? Неужели мы не заставим его сложить свои кости на нашей земле, рядом с нашим убитым братом? С тем чтобы останки одного из них были вечным памятником нашему горю, а другого — столь же вечным примером страшной мести пигмеев? Вот в чём вопрос. Я задаю его вам в полной уверенности, что ответ ваш будет достоин наших национальных традиций и будет способствовать усилению, а не ослаблению нашей доблести, которую мы унаследовали от предков и, в свою

очередь, пронесли через все наши войны с журавлями.

В этом месте оратор был прерван взрывом неудержимого энтузиазма своих соотечественников. Каждый пигмей кричал, что честь нации необходимо отстаивать при любых обстоятельствах. Он поклонился и, жестом потребовав тишины, закончил свою речь следующей великолепной тирадой:

— Тогда нам остается только решить, будем ли мы вести войну, подняв, как у нас принято, весь народ против общего врага, или же будет избран какой-нибудь герой, прославившийся в прежних сражениях, чтобы вызвать убийцу нашего брата Антея на борьбу один на один? В последнем случае, хоть я и знаю, что среди вас могут оказаться люди выше меня ростом, я всё-таки предлагаю свою кандидатуру для этой почетной миссии. И поверьте мне, дорогие соотечественники, останусь ли я в живых или умру, я не уроню чести великой державы, и слава, завещанная нам нашими предками, никогда не померкнет в моих руках, никогда — слышите вы? — покуда я смогу сжимать этот меч, ножны которого я сейчас отбрасываю от себя, никогда, никогда, никогда, даже если обагренная кровью рука, сразившая

Антея, обрушится и на меня и я окажусь распростертым на земле, за которую отдам свою жизнь!

С этими словами наш доблестный пигмей вытащил из ножен свой меч (на который жутко было смотреть, ибо по длине он не уступал лезвию перочинного ножа), а ножны отшвырнул от себя прочь через головы собравшихся. Буря аплодисментов сопровождала его речь, как того, бесспорно, заслуживали и патриотизм её, и готовность оратора к самопожертвованию. Долго бы ещё не стихали возгласы и аплодисменты, если бы они не заглушались глубоким дыханием, или, проще сказать, храпом спящего Геракла.

Наконец было решено, что весь народ пигмеев выйдет на борьбу с Гераклом. Но не поймите только, что не нашлось бы героя, способного предать его мечу, просто он был их общим врагом, и каждый из них горел желанием принять участие в торжестве по случаю его поражения. Разгорелся спор: не требует ли честь нации, чтобы к Гераклу был послан глашатай с трубой, который, стоя над ухом Геракла и трубя прямо в него, официально вызвал бы его на борьбу? Но два или три мудрых и почтенных пигмея, сведущих в государственных делах, сказали, что, по их мнению, война уже идет и захватить врага врасплох — вполне закон-

ная привилегия. Более того, если его разбудить и дать ему подняться, может случиться, что Геракл причинит им много неприятностей, прежде чем им удастся вновь повалить его.

Ибо, как заметили эти мудрые советники, дубинка пришельца была действительно очень увесистой и каждый раз с грохотом, напоминающим раскаты грома, опускалась на голову Антея. Итак, пигмеи решили отбросить в сторону все эти глупые формальности и немедленно покончить со своим противником.

Таким образом, все воины вынули своё оружие и храбро направились к Гераклу, который крепко спал, меньше всего помышляя о том беспокойстве, которое собирались причинить ему пигмеи. Впереди шагало войско из двадцати тысяч стрелков с натянутыми луками и стрелами наготове. Такому же количеству воинов было приказано взобраться на Геракла: одним с лопатами, чтобы выколоть ему глаза, другим с охапками сена и всякого мусора, с помощью которого они собирались заткнуть ему рот и ноздри так, чтобы он задохнулся от недостатка воздуха. Этим последним, однако, никак не удавалось выполнить порученную задачу ввиду того, что дыхание противника, вырывавшееся из его носа

с ревом урагана, словно смерч, отметало пигмеев, как только они подходили к нему на близкое расстояние. Вот почему необходимо было найти какой-то другой способ ведения войны.

Посовещавшись, командиры приказали своим войскам собрать палки, солому, сухую траву и любой воспламеняющийся сор, какой только им попадется, и сложить его в кучу вокруг головы Геракла. Поскольку этим делом были заняты тысячи и тысячи пигмеев, вскоре они собрали несколько бушелей горючего материала и сложили такую кучу, что, взобравшись на её вершину, оказались как раз на уровне лица спящего. Стрелки тем временем расположились на расстоянии выстрела, получив приказ начинать стрелять, как только Геракл пошевельнется. Когда все было готово, к куче поднесли факел. Она вспыхнула и разгорелась достаточно сильно для Того, чтобы поджарить неприятеля, реши он лежать неподвижно. Дело в том, что каждый пигмей, каким бы он ни был крохотным, мог бы поджечь мир не хуже любого великана, так что это был, несомненно, лучший способ борьбы с врагом при условии, что он не шелохнется, когда будет разгораться пожар.

Но едва огонь опалил Геракла, как он вскочил

на ноги. Волосы его уже были охвачены пламенем.

— Что все это значит? — закричал он, ещё не окончательно проснувшись и оглядываясь вокруг так, как будто он ожидал увидеть ещё одного великана.

В этот момент двадцать тысяч луков зазвенели тетивами, и стрелы полетели прямо в лицо Гераклу, жужжа, словно рой москитов. Но я думаю, что не более полдюжины пробили ему кожу, которая была удивительно выносливой, какой, как вам известно, и должна быть кожа у героя.

— Негодяй! — хором крикнули пигмеи. — Ты убил великана Антея, нашего великого брата и союзника нашего народа. Мы объявляем тебе кровавую войну и убьем тебя на месте.

Удивленный пронзительным писком, издаваемым множеством тоненьких голосов, Геракл, затушив огонь в своих волосах, огляделся вокруг, но ничего не заметил. Правда, в конце концов, пристально вглядевшись в землю, он обнаружил у своих ног бесчисленное множество пигмеев. Он нагнулся и, взяв большим и указательным пальцем первого попавшегося, поставил его на ладонь левой руки и поднес поближе, чтобы рассмотреть. Случайно это оказался тот самый

пигмей, который произносил речь с поганки и предложил свою кандидатуру для борьбы с Гераклом один на один.

— Кто же ты в конце концов, малыш?

— Я твой враг, — ответил мужественный пигмей, пискнув из последних сил. — Ты убил огромного Антея, нашего брата со стороны матери и неизменного союзника нашего доблестного народа. Мы решили убить тебя, а я, со своей стороны, вызываю тебя на борьбу на равных условиях.

Геракла так развеселили важные слова и воинственные жесты пигмея, что он затрясся всем телом от хохота и чуть не уронил это крохотное существо.

— Честное слово, — воскликнул он, — я думал, что повидал уже немало чудес — девятиголовых гидр, золоторогих оленей, шестиногих людей, трехглавых псов, великанов с горном в животе и бог знает что ещё! Но здесь, у меня на ладони, стоит чудо, которое превосходит все остальное! Твое тельце, мой маленький друг, величиной с мизинец обыкновенного человека. Как же велика может быть твоя душа?

— Она так же велика, как и твоя! — ответил пигмей. Геракл был так тронут неустрашимым мужеством маленького человечка, что невольно

проникся к нему уважением, как герой к герою.

— Славный маленький народец! — сказал он, низким поклоном выражая своё уважение к пигмеям, — Ни за что на свете я бы не хотел принести малейший вред таким храбрым воинам, как вы! Ваши сердца мне представляются такими огромными, что я поражаюсь, как они могут умещаться в столь крохотных телах.

Я прошу у вас мира, в доказательство чего сделаю пять шагов и на шестом окажусь за пределами вашего королевства. До свидания! Я буду шагать очень осторожно, чтобы не наступить нечаянно на полсотни из вас. Ха-ха-ха! Хо-хо-хо! Наконец-то Геракл признал себя побежденным!

Некоторые писатели утверждают, что Геракл собрал весь народ в свою львиную шкуру и отнес их в Грецию — в подарок детям царя Эврисфея. Но это неправда. Он оставил их всех до одного на их собственной земле, где, насколько мне известно, их потомки живут и по сей день, сооружая свои крохотные здания, обрабатывая свои маленькие поля, шлепая своих ребятишек, ведя свои маленькие войны с журавлями, занимаясь своими маленькими делами, каковы бы они ни были, и читая свои маленькие истории из древних времен. В этих книгах, должно быть, записано, что

много, много лет назад храбрые пигмеи отомстили за смерть великана Антея, прогнав прочь со своей земли могучего Геракла.

ЭДГАР АЛЛАН ПО

ЧЕРТ НА КОЛОКОЛЬНЕ

Который час?

Известное выражение

Решительно всем известно, что прекраснейшим местом в мире является — или, увы, являлся — голландский городок Школькофремен. Но ввиду того что он расположен на значительном расстоянии от больших дорог, в захолустной местности, быть может, лишь весьма немногим из моих читателей довелось в нем побывать.

Поэтому ради тех, кто в нем не побывал, будет вполне уместно сообщить о нем некоторые сведения. Это тем более необходимо, что, надеясь пробудить сочувствие публики к его жителям, я намереваюсь поведать здесь историю бедственных событий, недавно происшедших в его пределах. Никто из знающих меня не усомнится в том, что долг, мною на себя добровольно возложенный, будет выполнен в полную меру моих способностей, с тем строгим беспристрастием, скрупулезным изучением фактов и тщательным сличением источников, коими ни в коей мере не должен пренебрегать тот, кто претендует на

звание историка.

Пользуясь помощью летописей купно с надписями и древними монетами, я могу утверждать о Школькофремене, что он со своего основания находился совершенно в таком же состоянии, в каком пребывает и ныне. Однако с сожалением замечу, что о дате его основания я могу говорить лишь с той неопределенной определенностью, с какой математики иногда принуждены мириться в некоторых алгебраических формулах. Поэтому могу сказать одно: городок стар, как всё на земле, и существует с сотворения мира.

С прискорбием сознаюсь, что происхождение названия «Школькофремен» мне также неведомо.

Среди множества мнений по этому щекотливому вопросу, из коих некоторые остроумны, некоторые учены, а некоторые в достаточной мере им противоположны, не могу выбрать ни одного, которое следовало бы счесть удовлетворительным. Быть может, гипотеза Шнапстринкена, почти совпадающая с гипотезой Тугодумма, при известных оговорках заслуживает предпочтения. Она гласит: «школько» — читай — «горький» — горячий; «фремен» — непр. — вм. «кремень»; видимо, идиом, для «молния». Такое происхождение этого

названия, по правде говоря, поддерживается также некоторыми следами электрического флюида, ещё замечаемыми на острие шпиля ратуши. Однако я не желаю компрометировать себя, высказывая мнения о столь важной теме, и должен отослать интересующегося читателя к труду «Oratiunculae de Rebus Praeter-Veteris» [53] сочинения Брюкенгромма. Также смотри Вандерстервен, «De Derivationibus»[54] (с. 27 — 5010, фолио, готич. изд., красный и черный шрифт, колонтитул и без арабской пагинации), где можно также ознакомиться с заметками на полях Сорундвздора и комментариями Тшафкенхрюккена.

Несмотря на тьму, которой покрыты дата основания Школькофремена и происхождение его названия, не может быть сомнения, как я уже указывал выше, что он всегда выглядел совершенно так же, как и в нашу эпоху. Старейший из жителей не может вспомнить даже малейшего изменения в облике какой-либо его части; да и самое допущение подобной возможности сочли бы оскорбительным. Городок расположен в долине,

---

[53] Примечания: 53
«Небольшие речи о давнем прошлом» (лат.).

[54] Примечания: 54
«Об образованиях» (лат.).

имеющей форму правильного круга, — около четверти мили в окружности, — и со всех сторон его обступают пологие холмы, перейти которые ещё никто не отважился. При этом они ссылаются на вполне здравую причину: они не верят, что по ту сторону холмов хоть что-нибудь есть.

По краю долины (совершенно ровной и полностью вымощенной кафелем) расположены, примыкая друг к другу, шестьдесят маленьких домиков. Домики эти, поскольку задом они обращены к холмам, фасадами выходят к центру долины, находящемуся ровно в шестидесяти ярдах от входа в каждый дом. Перед каждым домиком маленький садик, а в нем — круговая дорожка, солнечные часы и двадцать четыре кочана капусты. Все здания так схожи между собой, что никак невозможно отличить одно от другого. Ввиду большой древности архитектура у них довольно странная, но тем не менее она весьма живописна. Выстроены они из огнеупорных кирпичиков — красных с черными концами, так что стены похожи на большие шахматные доски. Коньки крыш обращены к центру площади; вторые этажи далеко выступают над первыми. Окна узкие и глубокие, с маленькими стеклами и частым переплетом. Крыши покрыты черепицей

с высокими гребнями. Деревянные части — темного цвета; и хоть на них много резьбы, но разнообразия в её рисунке мало, ибо с незапамятных времен резчики Школькофремена умели изображать только два предмета — часы и капустный кочан. Но вырезывают они их отлично, и притом с поразительной изобретательностью — везде, где только есть место для резца.

Жилища так же сходны между собой внутри, как и снаружи, и мебель расставлена по одному плану. Полы покрыты квадратиками кафеля; стулья и. столы с тонкими изогнутыми ножками сделаны из дерева, похожего на черное. Полки над каминами высокие и черные, — и на них имеются не только изображения часов и кочанов, но и настоящие часы, которые помещаются на самой середине полок; часы необычайно громко тикают; по концам полок, в качестве пристяжных, стоят цветочные горшки; в каждом горшке по капустному кочану. Между горшками и часами стоят толстопузые фарфоровые человечки; в животе у каждого из них большое круглое отверстие, в котором виден часовой циферблат.

Камины большие и глубокие, со стоячками самого фантастического вида. Над вечно горящим огнем — громадный котел, полный кислой ка-

пусты и свинины, за которым всегда наблюдает хозяйка дома. Это маленькая толстая старушка, голубоглазая и краснолицая, в огромном, похожем на сахарную голову, чепце, украшенном лиловыми и желтыми лентами.

На ней оранжевое платье из полушерсти, очень широкое сзади и очень короткое в талии, да и вообще не длинное, ибо доходит только до икр. Икры у неё толстоватые, щиколотки — тоже, но обтягивают их нарядные зеленые чулки. Её туфли — из розовой кожи, с пышными пучками желтых лент, которым придана форма капустных кочанов. В левой руке у неё тяжелые голландские часы, в правой — половник для помешивания свинины с капустой. Рядом с ней стоит жирная полосатая кошка, к хвосту которой мальчики потехи ради привязали позолоченные игрушечные часы с репетиром.

Сами мальчики — их трое — в саду присматривают за свиньей. Все они ростом в два фута. На них треуголки, доходящие до бедер лиловые жилеты, короткие панталоны из оленьей кожи, красные шерстяные чулки, тяжелые башмаки с большими серебряными пряжками и длинные сюртуки с крупными перламутровыми пуговицами.

У каждого в зубах трубка, а в правой руке — маленькие пузатые часы. Затянутся они и посмотрят на часы, посмотрят — и затянутся. Дородная ленивая свинья то подбирает опавшие капустные листья, то пытается лягнуть позолоченные часы с репетиром, которые мальчишки привязали к её хвосту, дабы она была такой же красивой, как и кошка.

У самой парадной двери, в обитых кожей креслах с высокой спинкой и такими же изогнутыми ножками, как у столов, сидит сам хозяин дома. Это весьма пухлый старичок с большими круглыми глазами и огромным двойным подбородком. Одет он так же, как и дети, — и я могу об этом более не говорить. Вся разница в том, что трубка у него несколько больше и дым он пускает обильнее. Как и у мальчиков, у него есть часы, но он их носит в кармане. Говоря по правде, ему надо следить кое за чем поважнее часов, — а за чем, я скоро объясню. Он сидит, положив правую ногу на левое колено, облик его строг, и по крайней мере один его глаз всегда прикован к некоей примечательной точке в центре долины.

Точка эта находится на башне городской ратуши. Советники ратуши все очень маленькие, кругленькие, масленые и смышленые человечки

с большими, как блюдца, глазами и толстыми двойными подбородками, а сюртуки у них гораздо длиннее и пряжки на башмаках гораздо больше, нежели у обитателей Школькофремена. За время моего пребывания в городе у них состоялось несколько особых совещаний, и они приняли следующие три важных решения:

«Что изменять добрый старый порядок жизни нехорошо»;

«Что вне Школькофремена нет ничего даже сносного» и

«Что мы будем держаться наших часов и нашей капусты».

Над залом ратуши высится башня, а на башне есть колокольня, на которой находятся, и находились с времен незапамятных, гордость и диво этого города — главные часы Школькофремена. Это и есть точка, к которой обращены взоры старичков, сидящих в кожаных креслах.

У часов семь циферблатов — по одному на каждую из сторон колокольни, — так что их легко увидеть отовсюду. Циферблаты большие, белые, а стрелки тяжелые, черные. Есть специальный смотритель, единственной обязанностью которого является надзор за часами; но эта обязанность — совершеннейший вид синекуры, ибо

со школькофременскими часами никогда ещё ничего не случалось.

До недавнего времени даже предположение об этом считалось ересью. В самые древние времена, о каких только есть упоминания в архивах, большой колокол регулярно отбивал время. Да, впрочем, и все другие часы в городе тоже. Нигде так не следили за точным временем, как в этом городе. Когда большой колокол находил нужным сказать: «Двенадцать часов!» — все его верные последователи одновременно разверзали глотки и откликались, как само эхо. Короче говоря, добрые бюргеры любили кислую капусту, но своими часами они гордились.

Всех, чья должность является синекурой, в той или иной степени уважают, а так как у школькофременского смотрителя колокольни совершеннейший вид синекуры, то и уважают его больше, нежели кого-нибудь на свете. Он главный городской сановник, и даже свиньи взирают на него снизу вверх с глубоким почтением. Фалды его сюртука гораздо длиннее, трубка, пряжки на башмаках, глаза и живот гораздо больше, нежели у других городских старцев. Что до его подбородка, то он не двойной, а даже тройной.

Вот я и описал счастливый уголок Школь-

кофремен. Какая жалость, что столь прекрасная картина должна была перемениться на обратную!

Давно уж мудрейшие обитатели его повторяли: «Из-за холмов добра не жди», — и в этих словах оказалось нечто пророческое. Два дня назад, когда до полудня оставалось пять минут, на вершине холмов с восточной стороны появился предмет весьма необычного вида. Такое происшествие, конечно, привлекло всеобщее внимание, и каждый старичок, сидевший в кожаных креслах, смятенно устремил один глаз на это явление, не отрывая второго глаза от башенных часов.

Когда до полудня оставалось всего три минуты, любопытный предмет на горизонте оказался миниатюрным молодым человеком чужеземного вида. Он с необычайной быстротой спускался с холмов, так что скоро все могли подробно рассмотреть его. Воистину это был самый жеманный франт из всех, каких когда-либо видели в Школькофремене. Цвет его лица напоминал темный нюхательный табак, у него был длинный крючковатый нос, глаза — как горошины, широкий рот и прекрасные зубы, которыми он, казалось, стремился перед всеми похвастаться, улыбаясь до ушей; бакенбарды и усы скрывали остальную

часть его лица. Он был без шляпы, с аккуратными папильотками в волосах. На нем был плотно облегающий фрак (из заднего кармана которого высовывался длиннейший угол белого платка), черные кашемировые панталоны до колен, черные чулки и тупоносые черные лакированные туфли с громадными пучками черных атласных лент вместо бантов.

К одному боку он прижимал локтем громадную шляпу, а к другому — скрипку, почти в пять раз больше него самого. В левой руке он держал золотую табакерку, из которой, сбегая с прискоком с холма и выделывая самые фантастические па, в то же время непрерывно брал табак и нюхал его с видом величайшего самодовольства. Вот это, доложу я вам, было зрелище для честных бюргеров Школькофремена!

Проще говоря, у этого малого, несмотря на его ухмылку, лицо было дерзкое и зловещее; и когда он, выделывая курбеты, влетел в городок, странные, словно обрубленные носки его туфель вызвали немалое подозрение; и многие бюргеры, видевшие его в тот день, согласились бы даже пожертвовать малой толикой, лишь бы заглянуть под белый батистовый платок, столь досадно свисавший из кармана его фрака. Но главным

образом этот наглого вида франтик возбудил праведное негодование тем, что, откалывая тут фанданго, там джигу, казалось, не имел ни малейшего понятия о необходимости соблюдать в танце правильный счёт.

Добрые горожане, впрочем, и глаз-то как следует открыть не успели, когда этот негодяй — до полудня оставалось всего полминуты — очутился в самой их гуще; тут «шассе», там «балансе», а потом, сделав пируэт и па-дезефир, вспорхнул прямо на башню, где пораженный смотритель сидел и курил, исполненный достоинства и отчаяния. А человечек тут же схватил его за нос и дернул как следует, нахлобучил ему на голову шляпу, закрыв ему глаза и рот, а потом замахнулся большой скрипкой и стал бить его так долго и старательно, что при соприкосновении столь полой скрипки со столь толстым смотрителем можно было подумать, будто целый полк барабанщиков выбивает сатанинскую дробь на башне школькофременской ратуши.

Кто знает, к какому отчаянному возмездию побудило бы жителей это бесчестное нападение, если бы не одно важное обстоятельство: до по-

лудня оставалось только полсекунды. Колокол должен был вот-вот ударить, а внимательное наблюдение за своими часами было абсолютной и насущной необходимостью. Однако было очевидно, что в тот самый миг пришелец проделывал с часами что-то неподобающее. Но часы забили, и ни у кого не было времени следить за его действиями, ибо всем надо было считать удары колокола.

«Раз!» — сказали часы.

«Расс!» — отозвался каждый маленький старичок с каждого обитого кожей кресла в Школькофремене. «Расс!» — сказали его часы; «расс!» — сказали часы его супруги, и «расс!» — сказали часы мальчиков и позолоченные часики с репетиром на хвостах у кошки и у свиньи.

«Два!» — продолжал большой колокол; и

«Тфа!» — повторили все за ним.

«Три! Четыре! Пять! Шесть! Семь! Восемь! Девять! Десять!» — сказал колокол.

«Три! Тшетире! Пиать! Шшесть! Зем! Фосем! Тефять! Тесять!» — ответили остальные.

«Одиннадцать!» — сказал большой.

«Отиннатсать!» — подтвердили маленькие.

«Двенадцать!» — сказал колокол.

«Тфенатсать!» — согласились все, удовлетво-

ренно понизив голос.

«Унд тфенатсать тшасофф и есть!» — сказали все старички, поднимая часы.

Но большой колокол ещё с ними не покончил. «Тринадцать!» — сказал он.

«Дер Тойфель!» — ахнули старички, бледнея, роняя трубки и снимая правые ноги с левых колен.

«Дер Тойфель! — стонали они. — Дряннатсать! Дряннатсать! Майн Готт, сейтшас, сейтшас дряннатсать тшасофф!»

К чему пытаться описать последовавшую ужасную сцену? Всем Школькофременом овладело прискорбное смятение.

«Што с моим шифотом! — возопили все мальчики. — Я целый тшас колотаю!»

«Што с моей капустой? — визжали все хозяйки. — Она за тшас вся расфарилась!»

«Што с моей трупкой? — бранились все старички. — Кром и молния! Она целый тшас как покасла!» И в гневе они снова набили трубки и, откинувшись на спинки кресел, запыхтели так стремительно и свирепо, что вся долина мгновенно окуталась непроницаемым дымом.

Тем временем все капустные кочаны покраснели, и казалось, сам нечистый вселился во

все, имеющее вид часов. Часы, вырезанные на мебели, заплясали, точно бесноватые; часы на каминных полках едва сдерживали ярость и не переставали отбивать тринадцать часов, а маятники так дрыгались и дергались, что страшно было смотреть. Но ещё хуже то, что ни кошки, ни свиньи не могли больше мириться с поведением часиков, привязанных к их хвостам, и выражали своё возмущение тем, что метались, царапались, повсюду совали рыла, визжали и верещали, мяукали и хрюкали, кидались людям в лицо и забирались под юбки — словом, устроили самый омерзительный гомон и смятение, какие только может вообразить здравомыслящий человек.

А в довершение всех зол негодный маленький шалопай на колокольне, по-видимому, старался вовсю. Время от времени мерзавца можно было увидеть сквозь клубы дыма. Он сидел в башне на упавшем навзничь смотрителе. В зубах злодей держал веревку колокола, которую дергал, мотая головой, и при этом поднимал такой шум, что у меня до сих пор в ушах звенит, как вспомню. На коленях у него лежала скрипка, которую он скреб обеими руками, немилосердно фальшивя и делая вид, бездельник, будто играет «Джуди

О’Фланнаган и Пэдди О’Рафферти»[55]. При столь горестном положении вещей я с отвращением покинул этот город и теперь взываю о помощи ко всем любителям точного времени и кислой капусты. Направимся туда в боевом порядке и восстановим в Школькофремене былой уклад жизни, изгнав этого малого с колокольни.

[55] Примечания: 55

«Джуди О'Фланнаган и Пэдди О'Рафферти» — ирландская народная песня.

МАСКА КРАСНОЙ СМЕРТИ

Давно уже опустошала страну Красная смерть. Ни одна эпидемия ещё не была столь ужасной и губительной. Кровь была её гербом, и печатью — жуткий багрянец крови! Неожиданное головокружение, мучительная судорога, потом из всех пор начинала сочиться кровь — и приходила смерть.

Едва на теле жертвы, и особенно на лице, выступали багровые пятна — никто из ближних уже не решался оказать поддержку или помощь зачумленному. Болезнь, от первых её симптомов до последних, протекала меньше чем за полчаса.

Но принц Просперо был по-прежнему весел — страх не закрался в его сердце, разум не утратил остроту. Когда владенья его почти обезлюдели, он призвал к себе тысячу самых ветреных и самых выносливых своих приближенных и вместе с ними удалился в один из своих укрепленных монастырей, где никто не мог потревожить его. Здание это — причудливое и величественное, выстроенное согласно царственному вкусу самого принца, — было опоясано крепкой и высокой стеной с железными воротами. Вступив за ограду,

придворные вынесли к воротам горны и тяжелые молоты и намертво заклепали засовы. Они решили закрыть все входы и выходы, дабы как-нибудь не прокралось к ним безумие и не поддались они отчаянию. Обитель была снабжена всем необходимым, и придворные могли не бояться заразы. А те, кто остался за стенами, пусть сами о себе позаботятся! Глупо было сейчас грустить или предаваться раздумью. Принц постарался, чтобы не было недостатка в развлечениях. Здесь были фигляры и импровизаторы, танцовщицы и музыканты, красавицы и вино. Все это было здесь, и ещё здесь была безопасность. А снаружи царила Красная смерть.

Когда пятый или шестой месяц их жизни в аббатстве был на исходе, а моровая язва свирепствовала со всей яростью, принц Просперо созвал тысячу своих друзей на бал-маскарад, великолепней которого ещё не видывали.

Это была настоящая вакханалия, этот маскарад. Но сначала я опишу вам комнаты, в которых он происходил. Их было семь — семь роскошных покоев. В большинстве замков такие покои идут длинной прямой анфиладой; створчатые двери распахиваются настежь, и ничто не мешает охватить взором всю перспективу. Но замок

Просперо, как и следовало ожидать от его владельца, приверженного ко всему bizarre [56], был построен совсем по-иному. Комнаты располагались столь причудливым образом, что сразу была видна только одна из них. Через каждые двадцать-тридцать ярдов вас ожидал поворот, и за каждым поворотом вы обнаруживали что-то новое. В каждой комнате, справа и слева, посреди стены находилось высокое узкое окно в готическом стиле, выходившее на крытую галерею, которая повторяла зигзаги анфилады. Окна эти были из цветного стекла, и цвет их гармонировал со всем убранством комнаты. Так, комната в восточном конце галереи была обтянута голубым, и окна в ней были ярко-синие. Вторая комната была убрана красным, и стекла здесь были пурпурные. В третьей комнате, зеленой, такими же были и оконные стекла. В четвертой комнате драпировка и освещение были оранжевые, в пятой — белые, в шестой — фиолетовые. Седьмая комната была затянута черным бархатом: черные драпировки спускались здесь с самого потолка и тяжелыми складками ниспадали на ковер из такого же черного бархата. И только в

[56] Примечания: 56
Странному (фр.).

этой комнате окна отличались от обивки: они были ярко-багряные — цвета крови. Ни в одной из семи комнат среди многочисленных золотых украшений, разбросанных повсюду и даже спускавшихся с потолка, не видно было ни люстр, ни канделябров, — не свечи и не лампы освещали комнаты: на галерее, окружавшей анфиладу, против каждого окна стоял массивный треножник с пылающей жаровней, и огни, проникая сквозь стекла, заливали покои цветными лучами, отчего все вокруг приобретало какой-то призрачный, фантастический вид. Но в западной, черной, комнате свет, струившийся сквозь кроваво-красные стекла и падавший на темные занавеси, казался особенно таинственным и столь дико искажал лица присутствующих, что лишь немногие из гостей решались переступить её порог.

А ещё в этой комнате, у западной её стены, стояли гигантские часы черного дерева. Их тяжелый маятник с монотонным приглушенным звоном качался из стороны в сторону, и, когда минутная стрелка завершала свой оборот и часам наступал срок бить, из их медных легких вырывался звук отчетливый и громкий, проникновенный и удивительно: музыкальный, но до того необычный по силе и тембру, что оркестранты принужде-

ны были каждый час останавливаться, чтобы прислушаться к нему. Тогда вальсирующие пары невольно переставали кружиться, ватага весельчаков на миг замирала в смущении, и, пока часы отбивали удары, бледнели лица даже самых беспутных, а те, кто был постарше и порассудительней, невольно проводили рукой по лбу, отгоняя какую-то смутную думу. Но вот бой часов умолкал, и тотчас же веселый смех наполнял покои; музыканты с улыбкой переглядывались, словно посмеиваясь над своим нелепым испугом, и каждый тихонько клялся другому, что в следующий раз он не поддастся смущению при этих звуках. А когда пробегали шестьдесят минут — три тысячи шестьсот секунд быстротечного времени — и часы снова начинали бить, наступало прежнее замешательство и собравшимися овладевали смятение и тревога.

И всё же это было великолепное и веселое празднество. Принц отличался своеобразным вкусом: он с особой остротой воспринимал внешние эффекты и не заботился о моде. Каждый его замысел был смел и необычен и воплощался с варварской роскошью. Многие сочли бы принца безумным, но приспешники его были иного мнения. Впрочем, поверить им могли только те, кто

слышал и видел его, кто был к нему близок.

Принц самолично руководил почти всем, что касалось убранства семи покоев к этому грандиозному fête [57]. В подборе масок тоже чувствовалась его рука. И уж конечно это были гротески! Во всем — пышность и мишура, иллюзорность и пикантность, наподобие того, что мы позднее видели в «Эрнани»[58]. Повсюду кружились какие-то фантастические существа, и у каждого в фигуре или одежде было что-нибудь нелепое.

Все это казалось порождением какого-то безумного, горячечного бреда. Многое здесь было красиво, многое — безнравственно, многое — bizarre, иное наводило ужас, а часто встречалось и такое, что вызывало невольное отвращение. По всем семи комнатам во множестве разгуливали видения наших снов. Они — эти видения, — корчась и извиваясь, мелькали тут и там, в каждой новой комнате меняя свой цвет, и чудилось, будто дикие звуки оркестра — всего лишь эхо их шагов. А по временам из залы, обтянутой черным бархатом, доносился бой часов. И тогда на миг все замирало и цепенело — все, кроме голоса часов, — а фанта-

---

[57] Примечания: 57
Празднеству (фр.).

[58] Примечания: 58
«Эрнани» — романтическая драма В. Гюго.

стические существа словно прирастали к месту. Но вот бой часов смолкал — он слышался всего лишь мгновение, — и тотчас же веселый, чуть приглушенный смех снова наполнял анфиладу, и снова гремела музыка, снова оживали видения, и ещё смешнее прежнего кривлялись повсюду маски, принимая оттенки многоцветных стекол, сквозь которые жаровни струили свои лучи. Только в комнату, находившуюся в западном конце галереи, не решался теперь вступить ни один из ряженых: близилась полночь, и багряные лучи света уже сплошным потоком лились сквозь кроваво-красные стекла, отчего чернота траурных занавесей казалась особенно жуткой. Тому, чья нога ступала на траурный ковер, в звоне часов слышались погребальные колокола, и сердце его при этом звуке сжималось ещё сильнее, чем у тех, кто предавался веселью в дальнем конце анфилады.

Остальные комнаты были переполнены гостями — здесь лихорадочно пульсировала жизнь. Празднество было в самом разгаре, когда часы начали отбивать полночь. Стихла, как прежде, музыка, перестали кружиться в вальсе танцоры, и всех охватила какая-то непонятная тревога. На сей раз часам предстояло пробить двенадцать

ударов, и, может быть, поэтому чем дольше они били, тем сильнее закрадывалась тревога в души самых рассудительных. И может быть, поэтому не успел ещё стихнуть в отдалении последний отзвук последнего удара, как многие из присутствующих вдруг увидели маску, которую до той поры никто не замечал. Слух о появлении новой маски разом облетел гостей; его передавали шепотом, пока не загудела, не зажужжала вся толпа, выражая сначала недовольство и удивление, а под конец — страх, ужас и негодование.

Появление обычного ряженого не вызвало бы, разумеется, никакой сенсации в столь фантастическом сборище. И хотя в этом ночном празднестве царила поистине необузданная фантазия, новая маска перешла все границы дозволенного — даже те, которые признавал принц. В самом безрассудном сердце есть струны, коих нельзя коснуться, не заставив их трепетать. У людей самых отчаянных, готовых шутить с жизнью и смертью, есть нечто такое, над чем они не позволяют себе смеяться. Казалось, в эту минуту каждый из присутствующих почувствовал, как несмешны и неуместны наряд пришельца и его манеры. Гость был высок ростом, изможден и с головы до ног закутан в саван. Маска, скрывавшая

его лицо, столь точно воспроизводила застывшие черты трупа, что даже самый пристальный и придирчивый взгляд с трудом обнаружил бы обман. Впрочем, и это не смутило бы безумную ватагу, а может быть, даже вызвало бы одобрение.

Но шутник дерзнул придать себе сходство с Красной смертью. Одежда его была забрызгана кровью, а на челе и на всем лице проступал багряный ужас.

Но вот принц Просперо узрел этот призрак, который, словно для того чтобы лучше выдержать роль, торжественной поступью расхаживал среди танцующих, и все заметили, что по телу принца пробежала какая-то странная дрожь — не то ужаса, не то отвращения, а в следующий миг лицо его побагровело от ярости.

— Кто посмел?! — обратился он хриплым голосом к окружающим его придворным. — Кто позволил себе эту дьявольскую шутку? Схватить его и сорвать с него маску, чтобы мы знали, кого нам поутру повесить на крепостной стене!

Слова эти принц Просперо произнес в восточной, голубой, комнате. Громко и отчетливо прозвучали они во всех семи покоях, ибо принц был человек сильный и решительный, и тотчас по мановению его руки смолкла музыка.

Это происходило в голубой комнате, где находился принц, окруженный толпой побледневших придворных. Услышав его приказ, толпа метнулась было к стоявшему поблизости пришельцу, но тот вдруг спокойным и уверенным шагом направился к принцу. Никто не решился поднять на него руку — такой непостижимый ужас внушало всем высокомерие этого безумца. Беспрепятственно прошел он мимо принца, — гости в едином порыве прижались к стенам, чтобы дать ему дорогу, — и все той же размеренной и торжественной поступью, которая отличала его от других гостей, двинулся из голубой комнаты в красную, из красной — в зеленую, из зеленой — в оранжевую, оттуда — в белую и, наконец, — в черную, а его всё не решались остановить. Тут принц Просперо, вне себя от ярости и стыда за минутное своё малодушие, бросился в глубь анфилады; но никто из придворных, одержимых смертельным страхом, не последовал за ним. Принц бежал с обнаженным кинжалом в руке, и, когда на пороге черной комнаты почти уже настиг отступающего врага, тот вдруг обернулся и вперил в него взор. Раздался пронзительный крик, и кинжал, блеснув, упал на траурный ковер, на котором спустя мгновение распростерлось мертвое тело

принца. Тогда, призвав на помощь все мужество отчаяния, толпа пирующих кинулась в черную комнату. Но едва они схватили зловещую фигуру, застывшую во весь рост в тени часов, как почувствовали, к невыразимому своему ужасу, что под саваном и жуткой маской, которые они в исступлении пытались сорвать, ничего нет.

Теперь уже никто не сомневался, что это Красная смерть. Она прокралась, как тать в ночи. Один за другим падали бражники в забрызганных кровью пиршественных залах и умирали в тех самых позах, в каких настигла их смерть. И с последним из них угасла жизнь эбеновых часов, потухло пламя в жаровнях, и над всем безраздельно воцарились Мрак, Гибель и Красная смерть.

ФРЕНСИС БРЕТ ГАРТ

ЧЕРТ И МАКЛЕР

Средневековая легенда

Било десять часов на колокольнях Сан-Франциско. В эту минуту Черт, пролетавший над городом, спустился на крышу церкви возле перекрестка Буши Монтгомери-стрит. Из этого явствует, что распространенное поверье, будто бы Черт недолюбливает церковные здания и исчезает, заслышав «Credo» или «Pater-noster» [59], давным-давно потеряло всякое основание. Современные скептики утверждают даже, будто бы он не прочь послушать проповедь, в особенности такую, в которой упоминается о нем и в которой до известной степени признаются его влияние и могущество.

---

[59] Примечания: 59
«Credo» и «Pater-noster» — католические молитвы.

Однако лично я склонен думать, что выбор такого места для отдыха зависел в значительной мере от его близости к людному перекрестку.

Усевшись поудобнее, Черт занялся своей тростью, которая оказалась необыкновенного устройства удочкой, раздвигавшейся наподобие телескопа чуть ли не до бесконечности. Прицепив к ней леску, он порылся в небольшом саквояже и, выбрав странного вида муху, ловко закинул удочку в самую гущу живого потока, двигавшегося взад и вперед по Монтгомери-стрит.

Надо полагать, в тот вечер люди были настроены на добродетельный лад, а может быть, приманка показалась им не слишком аппетитной. Напрасно Черт забрасывал удочку в водоворот перед зданием отеля «Оксиденталь» и водил ею взад и вперед в тени «Космополита»: за пять минут у него не клюнуло ни разу.

— Ай-ай, — сказал Черт, — что за чудеса: а ведь приманка самая ходкая! Будь это Бродвей или Бикон-стрит, на неё набросились бы целой стаей. Что ж, попробуем другую.

И, нацепив новую муху из полного комплекта приманок, он изящным движением забросил удочку снова.

Несколько минут по всему казалось, что дело пойдет на лад. Леску все время дергало, и клев был необыкновенно сильный и многообещающий. Раза два наживку, по-видимому, заглотали и унес-

ли в верхние этажи отелей, чтобы переварить на досуге. В такие минуты профессиональная ловкость, с какой Черт орудовал удочкой, привела бы в восторг самого Исаака Уолтона. Однако старания его не увенчались успехом: приманку неизменно съедали, но добыча срывалась с крючка, и Черт вышел наконец из терпения:

— Слыхал я, каков народ в Сан-Франциско, — бормотал он. — Ну, погоди; попадись только мне на удочку! — прибавил он злорадно, насаживая на крючок новую приманку.

На этот раз леску сильно задергало и завертело, и в конце концов, порядком натужившись, он вытащил на крышу церкви увесистого маклера фунтов на двести.

Жертва лежала едва дыша, а Черт, как видно, нисколько не торопился снять её с крючка; и, производя эту деликатную операцию, он не выказал той учтивости в манерах и ловкости в обращении, какой отличался обычно.

— Ну, — сказал он грубо, хватая маклера за пояс, — нечего хныкать и жаловаться. И не воображай, пожалуйста, что ты такая уж находка. Я был уверен, что поймаю тебя. Минутой позже, минутой раньше не все ли равно?

— Не это меня огорчает, ваша милость, — за-

хныкала несчастная жертва, дергая от боли головой, — а то, что я попался, как дурак, на такую пустяковую приманку. Что обо мне скажут там, внизу? Упустить то, что покрупнее, и попасться на такую дешевку, — прибавил он со стоном, глядя на муху, которую Черт заботливо расправлял, — вот это самое — простите, ваша милость! — это меня и доконало!

— Да, — сказал Черт философически, — скольких я ни ловил, все твердят одно и то же; ты лучше скажи, с чего это вы стали так разборчивы? Вот одна из самых ходких моих приманок, зеленая спинка, — продолжал он, доставая из саквояжа изумрудного цвета насекомое. — Всегда считалось, что во время выборов она действует как нельзя верней, а теперь на неё ни разу не клюнуло. Быть может, вы с вашим проницательным умом, в котором не усомнится никто, вопреки этой маленькой неприятности, — прибавил Черт с изящным поклоном, обретая вновь свойственную ему учтивость, — объясните мне причину или предложите что-нибудь взамен.

Маклер с пренебрежительной улыбкой взглянул на содержимое саквояжа.

— Стара штука, ваша милость, — все это давным-давно вышло из моды. Однако, — прибавил

он, несколько оживляясь, — за известное вознаграждение я мог бы предложить кое-что, — гм! — взамен этого хлама. Обещайте мне, — продолжал он деловито, — небольшой процент и кое-что наличными, и я к вашим услугам.

— Какие же ваши условия? — сказал Черт серьезно.

— Свобода и известный процент со всего, что вы поймаете, — и по рукам!

Черт задумчиво поглаживал хвост. Он был уверен, что маклер от него не уйдет, — риск был невелик.

— По рукам! — сказал он.

— Погодите минутку, — сказал хитрый маклер. — Это ещё не все. Дайте мне вашу удочку и позвольте мне самому наживлять крючок. Это нужно делать умеючи. Даже и с таким опытом, как у вашей милости, можно ошибиться. Оставьте меня одного на полчаса, и если мои успехи вас не удовлетворят, я теряю свой капитал, то есть свободу.

Черт согласился на просьбу маклера и, отвесив ему поклон, исчез. Грациозно спустившись на Монтгомери-стрит, он завернул в магазин готового платья Мид и К0 и, одевшись с головы до ног по моде, вышел оттуда, намереваясь весело

провести время. Решившись забыть на время о своей профессии, он вмешался в поток человеческой жизни и со свойственной его натуре способностью веселиться без удержу развлекался этой суетой, толкотней и лихорадочной спешкой, находя в ней чисто эстетическое наслаждение, не омрачаемое деловыми заботами.

Что он делал в тот вечер, к рассказу не относится. Возвратимся к маклеру, которого мы оставили на крыше.

Уверившись, что Черт исчез, он осторожно вытянул из бокового кармана листок бумаги и нацепил его на крючок. Не успела удочка коснуться уличного потока, как маклер почувствовал, что у него клюет. Крючок был проглочен. Быстро вытащив жертву, снять её с крючка, и снова закинуть удочку было делом одной минуты. Опять клюнуло, и с тем же результатом. Клюнуло ещё раз. И ещё. Через несколько минут крыша была завалена трепещущими жертвами. Маклер и сам видел, что многие из них были его близкие друзья, а некоторые частенько посещали здание, на крыше которого очутились теперь в таком жалком положении.

В том, что маклер ощущал немалое удовольствие, будучи орудием погибели своих коллег,

не усомнится никто, мало-мальски знакомый с человеческой природой. Но тут удочку дернуло с такой силой, что маклеру пришлось пустить в ход всю свою силу и сноровку. Волшебная удочка сгибалась словно хлыстик. Маклер держал её, крепко упираясь ногами в зубцы карниза. Не раз удочка чуть было не выскакивала у него из рук, и не раз он принимался снова тянуть кверху натянувшуюся лесу. Наконец, напрягая последние силы, он дотянул до крыши барахтавшуюся добычу. Словно вся преисподняя взвыла разом, когда маклер наконец вытянул к своим ногам… самого Черта!

Они злобно смотрели друг на друга. Маклер, должно быть, ещё помнил, как неделикатно с ним обошлись, и не торопился вынуть крючок из челюсти своего врага. Покончив с этим делом, он вежливо спросил Черта, доволен ли он. Этот джентльмен был погружен в созерцание приманки, которую только что вынул изо рта.

— Доволен, — сказал он в конце концов, — и прощаю тебя; но как эта штука называется у вас на земле?

— Нагнитесь поближе, — ответил маклер, застегивая сюртук и собираясь откланяться. Черт подставил ухо.

— Это называется «спекуляция»!

МАРК ТВЕН

ЛЕГЕНДА О ЗАГЕНФЕЛЬДЕ В ГЕРМАНИИ

I

Более тысячи лет назад здесь было королевство — совсем крошечное, правда, можно даже сказать, игрушечное, но королевство. В этих краях люди не знали ни интриг, ни соперничества, ни междоусобиц, ни прочих треволнений смутного старого времени, и потому жизнь их текла тихо и спокойно и граждане королевства были самым добрым и простодушным народом на земле: здесь царили мир и покой и жителям чужды были корысть и честолюбие, а значит, не было места зависти, — и все были счастливы и довольны.

Когда пришло время, старый король умер, и его малолетний сын Губерт взошел на престол. Народ души не чаял в новом короле; он был так добр, так чист сердцем и так благороден, что любовь народа к нему, возрастая с каждым днем, превратилась в настоящую страсть, народ боготворил его. Когда он родился, звездочеты тщательно изучили расположение небесных светил, и вот что они прочли в звездной книге:

«На четырнадцатом году жизни Губерта произойдет событие, чреватое серьезными последствиями: живая тварь, голос которой покажется Губерту самым прекрасным на свете, спасет ему жизнь. Пока король и народ будут чтить всю её породу, древний королевский род не иссякнет и страна не будет знать ни войн, ни мора, ни нужды. Но беда, если король ошибется в выборе!»

Когда молодому королю пошел тринадцатый год, его подданные потеряли покой. Один-единственный вопрос без конца обсуждался придворными звездочетами, государственными чиновниками и простым народом: как понять последнюю фразу пророчества?

Из всего сказанного как будто следует, что тварь, которая спасет жизнь королю, сама даст о себе знать в нужную минуту. Однако заключительные слова могут означать, что король должен заблаговременно решить и объявить народу, голос какой твари более всего радует его слух, — и если решение его будет мудрым, его избранница спасет ему жизнь, спасет династию и народ. Но если он ошибется в выборе — быть беде!

Год подходил к концу, а споры все продолжались. Однако большинство мудрецов, да и

простаков, склонялось к тому, что благоразумнее всего молодому королю заранее сделать выбор, и чем скорее, тем лучше. И вот был издан и разослан указ, предписывающий всем гражданам — владельцам животных и птиц, обладающих приятным голосом, доставить оных в большой зал королевского дворца утром, в день рождения его величества. Королевское повеление было исполнено. Когда все было готово, король торжественно вступил в зал, сопровождаемый верховными сановниками королевства, облаченными в пышные одежды соответственно своему сану. Король взошел на трон и приготовился вынести своё суждение. Но, послушав немного, он сказал:

— Они все подают голос сразу. Шум просто невыносимый. Как же тут выбрать? Уберите их всех отсюда, и пусть появляются по одному.

Так и поступили. Певчие птицы одна за другой услаждали слух юного короля, и одну за другой их уносили обратно, освобождая место для следующего претендента. Текли драгоценные минуты. Но как трудно было выбрать лучшего среди стольких сладкоголосых певцов, тем более что за ошибку была обещана столь суровая кара. И молодой король не знал, как ему быть,

боялся довериться собственным ушам. Он совсем растерялся, и на лице у него было написано страдание. Министры заметили это — ведь они ни на минуту не спускали с него глаз — и стали говорить про себя: «Мужество покинуло его. Он утратил способность судить хладнокровно. Он, конечно, ошибется. Он сам, династия и весь народ обречены».

Так прошло около часа. И наконец король, после недолгого молчания, сказал:

— Принесите снова коноплянку.

И опять зазвенели ликующие трели коноплянки. Король уже готов был поднять скипетр в знак того, что выбор сделан, но сдержался и сказал:

— Давайте всё же проверим. Принесите дрозда. Пусть они поют вместе.

Дрозда принесли, и обе птахи стали выводить самые прекрасные свои рулады. Некоторое время король колебался, затем, судя по выражению его лица, он стал склоняться к какому-то решению. Надежда вновь пустила ростки в сердцах старых министров, кровь быстрее заструилась в их жилах; королевский скипетр начал медленно подниматься, как вдруг… Какой ужас! У самых дверей раздался рев: «Иа-а, иа-а, иа-а!»

Все перепугались, и каждый рассердился на

самого себя, что не сумел этого скрыть.

Тут в зал вбежала прехорошенькая, премиленькая деревенская девочка лет девяти. Её карие глаза задорно сияли. Но, увидев вокруг себя сердитые физиономии высокопоставленных персон, она замерла на месте, потом опустила голову и закрыла лицо грубым передником. Никто с ней не заговорил, никто не пожалел её. Тогда она подняла полные слез глаза и робко сказала:

— Мой король и повелитель, прости меня, пожалуйста, я не хотела сделать ничего дурного… У меня нет ни отца, ни матери, но у меня есть коза и осел, и они мне дороже всего на свете. Моя козочка дает мне сладкое молоко, а когда мой милый ослик кричит, мне кажется, я слышу прекраснейшую музыку. Его превосходительство королевский шут сказал, что животное, у которого самый красивый голос, спасет корону и государство, — вот я и подумала, что мне нужно привести его сюда и…

Высокое собрание разразилось грубым хохотом, и девочка с плачем выбежала из зала, так и не договорив. Первый министр лично распорядился, чтобы девчонку с её ужасным ослом выгнали вон из дворца, высекли и впредь не подпускали на пушечный выстрел.

Испытание певчих птиц возобновилось. Дрозд и коноплянка старались изо всех сил, но скипетр в руках короля оставался неподвижным. Распустившиеся было в сердцах присутствующих надежды снова увяли. Прошел ещё час, два часа, а король все не мог принять решение. День клонился к вечеру, и народом, толпившимся вокруг дворца в ожидании королевского суда, овладели тревога и беспокойство. Наступили сумерки, тени все больше сгущались. Король и его свита уже не различали лиц друг друга. Никто не произносил ни слова, никто не приказал зажечь свечи. Великое испытание закончилось. Ничего из него не вышло. Придворные прятали лица, стараясь скрыть охватившую их тревогу.

И вдруг… чу! Могучие чистые звуки божественной мелодии полились из дальнего угла зала — соловей!

— Довольно! — воскликнул король. — Звоните во все колокола. Пусть народ знает, что выбор сделан и мы не ошиблись. Король, династия и нация спасены. И пусть отныне соловья чтут во всем королевстве. Возвестите народу: любой, кто посмеет обидеть соловья, поднять на него руку, будет предан смерти. Так сказал король.

Все маленькое королевство было пьяно от ра-

дости. Перед королевским замком и на улицах города всю долгую ночь пылали костры, народ танцевал, пил и пел, и до утра не смолкал торжествующий перезвон колоколов.

С этого дня соловей стал священной птицей; его песни слышны были в каждом доме; поэты слагали стихи в его честь; художники рисовали его; его лепное изображение красовалось на всех арках, башенках, фонтанах и фронтонах общественных зданий. Он даже присутствовал на всех заседаниях королевского совета, и ни один вопрос государственной важности не решался до тех пор, пока придворные мудрецы не изложат его перед соловьем и не переведут министрам, что именно спел соловей в ответ.

II

Молодой король был страстным охотником. Когда наступило лето, он взял однажды сокола и собаку и отправился на охоту в сопровождении своей блестящей свиты. В лесу он и сам не заметил, как отдалился от остальных. Он попытался найти их, выбрав, как ему казалось, кратчайший путь, но ошибся. Он все ехал и ехал, сначала полный надежды, но под конец мужество стало изменять ему. Спустились сумерки, а он все

плутал в безлюдных и незнакомых местах. И тут случилось несчастье. В темноте он направил своего коня сквозь густую чащу кустарника, росшего по самому краю крутого каменистого обрыва. И вот и конь и всадник оказались на дне оврага; у лошади была сломана шея, а у короля — нога. Бедный маленький король лежал на земле, страдая от мучительной боли, и каждый час казался ему длиннее месяца. Он чутко прислушивался, не раздастся ли какой-нибудь звук, который сулил бы ему надежду на спасение; но не слышно было ни человеческого голоса, ни охотничьего рога, ни лая собак. В конце концов, он потерял всякую надежду и сказал:

— Раз уж мне суждено умереть, пусть скорее приходит смерть.

И в ту же минуту сладкая, нежная соловьиная песнь всколыхнула безмолвие ночи.

— Я спасен, — сказал король. — Спасен! Это священная птица, предсказание сбывается! Сами боги помогли мне сделать правильный выбор.

Он не мог сдержать радостного волнения, не знал, как выразить переполнявшие его чувства. Каждую минуту ему казалось, что он слышит приближение избавителей. И каждый раз его постигало разочарование. Избавление не при-

ходило. Тоскливые часы тянулись бесконечно. Помощь не появлялась, а священная птица все пела и пела. В душе короля зашевелились сомнения: быть может, он ошибся в выборе? — но он подавил их. Перед рассветом соловей замолк. Наступило утро, король почувствовал голод и жажду, а спасение все не шло. Новый день подходил к концу, и король наконец проклял соловья.

И тут же в лесу раздалось пение дрозда. Король сказал себе: «Вот та самая птица. Я ошибся в выборе. Теперь придет избавление».

Но избавление не приходило. Король лишился чувств и пролежал много часов без сознания. Когда он пришел в себя, пела коноплянка. Он слушал её уже равнодушно. Он больше ни во что не верил. «От этих птиц помощи не дождешься, — думал он. — Я, моё королевство и мой народ обречены». И он приготовился умереть. Он очень ослабел от голода, жажды и мучительной боли и чувствовал, что конец его близок. Ему даже хотелось умереть, чтобы избавиться наконец от страданий. Долгие часы лежал он без мыслей, без чувств, без движения. Но потом снова очнулся. Занималась заря третьего дня. Измученному мальчику мир показался таким прекрасным! И внезапно страстное желание жить вспыхнуло в

его сердце. Из глубины его души излилась горячая мольба: он молил небеса сжалиться над ним и позволить ему ещё раз увидеть родной дом и друзей. В эту минуту откуда-то издалека донесся слабый-слабый, еле слышный звук. Но как сладок, как невыразимо приятен был этот звук, как жадно вслушивался в него король: «Иа-а, иа-а, иа-а!»

— Да этот крик прекраснее, в тысячу раз прекраснее пения соловья, и дрозда, и коноплянки! Он несет не только надежду, но и уверенность в близком избавлении. Теперь я и вправду спасен! Священный певец сам дал о себе знать, как и предсказывали звездочеты. Прорицание сбылось. Моя жизнь, моя династия, мой народ спасены. Отныне священным животным королевства будет осел.

Божественные звуки приближались, становились все громче. Для несчастного страдальца они звучали волшебной музыкой. Вот уже маленькое послушное животное спускается по склону оврага, пощипывая траву и продолжая кричать: «Иа-а, иа-а, иа-а».

Увидев мертвую лошадь и раненого короля, осел подошел поближе и с простодушным и трогательным любопытством обнюхал их. Король погладил его. Ослик опустился на колени, как

обычно делал, когда его маленькая хозяйка хотела прокатиться верхом. С величайшим трудом, превозмогая боль, взобрался мальчик на его спину и ухватился за большущие ослиные уши. С криком «иа-а, иа-а, иа-а» осел тронулся в путь и привез короля прямо к хижине, где жила маленькая деревенская девочка. Она уложила короля на свой соломенный тюфячок, напоила его козьим молоком и побежала сообщить замечательную весть какому-нибудь из отрядов, посланных на розыски короля.

Король выздоровел и первым делом провозгласил осла священным и неприкосновенным животным. Затем он распорядился ввести своего спасителя в состав кабинета и сделать его первым министром королевства. И наконец, он приказал уничтожить все изображения соловья и заменить их портретами и статуями священного осла. В заключение он объявил, что, когда приютившей его девочке исполнится пятнадцать лет, он сделает её своей женой и королевой. И он сдержал своё слово.

Такова легенда. Она объясняет, почему полустершееся изображение осла украшает все эти ветхие стены и арки. Она объясняет также, почему из столетия в столетие в этом королевстве,

да и в большинстве других, кабинет министров по сей день возглавляет осел. И, наконец, она объясняет, почему в этом маленьком королевстве на протяжении многих веков все замечательные поэмы, речи, книги, публичные выступления и все королевские указы начинались с волнующих слов: «Иа-а, иа-а, иа-а!»

ЛАЙМЕН ФРЭНК БАУМ

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ВОЛШЕБНИК ИЗ СТРАНЫ ОЗ

I. Ураган

Дороти жила посреди Канзасской прерии с дядюшкой Генри — он был фермером — и с тетушкой Эм, его женой. Домик у них был маленький, ведь чтобы его построить, дерево пришлось возить издалека. Пол, потолок, четыре стены — вот и получилась комната. В комнате стояла ржавая плита — на ней готовили, шкаф для посуды, стол, три-четыре стула да кровати. В одном углу на большой кровати спали дядюшка Генри и тетушка Эм, в другом на маленькой — Дороти. В доме не было ни чердака, ни подвала, только неглубокая яма под полом, её называли «укрытие от урагана». В укрытии могли спрятаться и дядя с тетей, и Дороти, если бы вдруг налетел свирепый ветер, вроде тех, что сметают на своем пути все постройки. Туда спускались через люк в полу, от которого в темную и тесную яму вела лестница.

Когда Дороти выходила на крыльцо, то, куда бы она ни взглянула, везде простиралась лишь огромная серая прерия. На всей широчайшей

плоской равнине не было видно ни дома, ни деревца, она уходила вдаль, а там со всех четырех сторон сливалась с небом. От солнца распаханная земля спеклась, сделалась серой и покрылась мелкими трещинами. Даже трава и та не была зеленой, потому что солнце спалило верхушки длинных стеблей и они тоже стали серыми, как все вокруг. Когда-то дом покрасили, но от солнца краска пошла пузырями, дожди смыли её, и теперь дом был такой же серый и унылый, как всё в прерии.

Тетушка Эм поселилась здесь, выйдя замуж; в ту пору она была молодая и хорошенькая. Но солнце и ветер изменили её: погасили блеск в глазах, и глаза стали тусклыми и серыми; согнали румянец со щек и краску с губ, и теперь губы и щеки тетушки Эм были тоже серые.

Худая и костлявая, она больше не улыбалась. Когда к ней приехала осиротевшая Дороти, тетушка Эм так пугалась смеха племянницы, что стоило Дороти развеселиться, как тетушка взвизгивала и хваталась за сердце. Она и сейчас ещё частенько посматривала на девочку с недоумением, не понимая, что её может смешить.

Дядюшка Генри никогда не смеялся. С утра до поздней ночи он трудился в поте лица и даже

не представлял себе, что значит радоваться. Дядюшка Генри тоже был весь серый — от длинной бороды до грубых башмаков. Он выглядел суровым, строгим и больше молчал.

А смеялась Дороти над проказами песика Тото, это он не давал девочке стать такой же унылой, как все окружающее. Вот уж Тото никто не назвал бы унылым; это был небольшой черный пес с длинной шелковистой шерстью и маленьким забавным носом, его черные глаза-пуговки всегда весело блестели. Тото резвился целыми днями, и Дороти резвилась вместе с ним; она его очень любила.

Но в тот день они, правда, не играли. Дядюшка Генри сидел на ступеньках крыльца и с тревогой поглядывал на небо, которое сделалось ещё более серым, чем всегда. Дороти с Тото на руках стояла в дверях и тоже смотрела на небо. Тетушка Эм мыла посуду.

Издалека, с севера, доносилось глухое завывание ветра, и дядюшке Генри с Дороти было видно, как гнется высокая трава перед приближением бури, — по ней словно волны бежали. Но вдруг ветер громко взвыл и на юге, и, повернувшись в ту сторону, дядюшка Генри с Дороти увидели, что оттуда по траве тоже побежали волны.

Тут дядюшка Генри встал.

— Эм, ураган идет! — крикнул он жене. — Пойду взгляну, как там скотина, — и побежал к загонам, где держали коров и лошадей.

Тетушка Эм бросила мыть посуду и подошла к дверям. Она только взглянула на небо и сразу поняла, что опасность близка.

— Скорей, Дороти! — закричала она. — Бежим в укрытие!

Но Тото вывернулся у Дороти из рук и забился под кровать. Девочка принялась вытаскивать его оттуда. Перепуганная тетушка Эм откинула люк в полу и стала спускаться в тесную и темную дыру.

А Дороти наконец удалось схватить Тото, и она поспешила за теткой. Но не успела добежать до люка, как ветер пронзительно взревел, и дом так затрясло, что Дороти, не устояв на ногах, плюхнулась прямо на пол.

И тут началось что-то странное.

Дом раза два или три волчком повернулся вокруг своей оси и медленно поднялся в воздух. Дороти почудилось, будто она летит на воздушном шаре.

Ветер с севера и ветер с юга встретились как раз в том месте, где стоял дом, так что он оказался

точнехонько в середине урагана. А в середине урагана воздух обычно остается неподвижным. Но ветер изо всех сил давил на дом с двух сторон и поднимал его все выше и выше, пока дом не оказался на самой верхушке урагана, там он и застрял, а ураган понес его словно пушинку, увлекая все дальше и дальше.

Было совсем темно, ветер ревел страшно громко, но Дороти казалось, что лететь довольно приятно. После того как дом несколько раз перевернулся вокруг себя и разок сильно накренился, рывков больше не было, и Дороти чувствовала себя неплохо, её только слегка покачивало, как младенца в колыбели.

Правда, Тото все это не нравилось. Он метался по комнате то туда, то сюда и громко лаял. Дороти же тихо сидела на полу и ждала, что будет дальше.

Вдруг Тото очутился возле открытого люка и провалился в него. В первую секунду девочка испугалась, что совсем потеряла песика, но заметила, что из отверстия в полу торчит ухо, — воздух так сильно давил снизу, что прижал собачонку к дому и не дал ей упасть. Дороти подползла к люку, схватила Тото за ухо, втащила его обратно в комнату и тут же захлопнула люк, чтобы больше

никаких неприятностей не случалось.

Час пролетал за часом, и постепенно Дороти справилась со страхом, только ей было очень одиноко, да ещё ветер гудел так громко, что она боялась оглохнуть. Сначала она все прикидывала, не разобьется ли насмерть, когда дом упадет, но время шло, а ничего ужасного не происходило, поэтому Дороти перестала беспокоиться и решила терпеливо ждать: пусть будет, что будет. В конце концов она проползла по полу, который так и ходил ходуном, к своей кровати и улеглась на ней, а Тото вспрыгнул следом и устроился у неё под боком.

И хоть дом качало, а ветер громко завывал, глаза у Дороти скоро закрылись и она крепко уснула.

II. Встреча с мусоликами

Проснулась Дороти от толчка, да такого внезапного и сильного, что не лежи девочка на мягкой постели, она бы расшиблась. «Что бы это могло быть?» — удивилась она и затаила дыхание. А Тото ткнулся холодным носом ей прямо в лицо и жалобно заскулил. Дороти села и сразу поняла, что дом больше не летит и темнота кончилась — в

окно, заливая всю комнату, лился яркий солнечный свет. Дороти вскочила с постели и вместе с Тото, который не отставал от неё ни на шаг, перебежала через комнату и распахнула дверь.

Тут она вскрикнула от изумления и стала оглядываться по сторонам, а глаза у неё при виде необычного зрелища округлялись все больше.

Ураган очень мягко — во всяком случае, для урагана — опустил дом посреди какой-то замечательно красивой страны. Здесь повсюду зеленели прелестные лужайки и на них росли величественные деревья, усыпанные сочными и душистыми плодами. На склонах, куда ни глянь, всюду цвели роскошные цветы, а среди деревьев и кустов, заливаясь, порхали птицы с редкостным ярким оперением. Неподалеку, и переливаясь, бежал меж зеленых берегов ручеек, и его бормотание ласкало слух девочки, которая так долго жила в иссушенной солнцем серой прерии.

Жадно рассматривая удивительную и прекрасную страну, Дороти вдруг заметила, что к ней приближается группа весьма странных людей — таких ей видеть ещё не доводилось. Они были не слишком маленькие, но и недостаточно высокие для взрослых. Точнее, они казались одного роста с Дороти, которая для своих лет была девочкой

довольно рослой, а между тем, судя по их лицам, они были куда старше, чем она.

С порога своего дома Дороти видела, что трое из них — мужчины, а одна — женщина и все они одеты крайне причудливо. На них были остроконечные шляпы высотой чуть ли не в целый фут, а поля шляп украшали маленькие колокольчики, которые мелодично позванивали при каждом шаге. На мужчинах шляпы были голубые, а на маленькой женщине — белая, с плеч её складками спадал белый плащ, затканный мелкими звездами, которые блестели на солнце словно бриллианты. У мужчин вся одежда была голубая, в тон их шляпам, а обуты они были в начищенные до яркого блеска башмаки с темно-голубыми загнутыми вверх носами. Дороти подумала, что лет им, наверно, не меньше, чем дядюшке Генри, потому что у двоих она разглядела бороды.

А маленькая женщина казалась гораздо старше: лицо у неё было в морщинах, волосы почти совсем белые, и двигалась она с некоторым трудом.

Когда странные люди приблизились к дому, в дверях которого стояла Дороти, они замешкались и стали перешептываться, будто опасались идти дальше. Потом маленькая старушка подошла

прямо к Дороти, отвесила ей низкий поклон и сказала нежным голосом:

— Добро пожаловать в страну мусоликов, благороднейшая колдунья. Мы глубоко благодарны тебе за то, что ты убила Злую Восточную Ведьму и освободила наш народ из рабства!

Дороти с удивлением выслушала эти слова. Чего ради эта маленькая женщина величает её колдуньей и утверждает, что она убила какую-то Злую Восточную Ведьму? Дороти — добрая девочка, она никому не делала зла, просто ураган унес её за много миль от дома, но убивать она никого не убивала.

Однако маленькая старушка, видимо, ждала ответа, и девочка неуверенно сказала:

— Вы очень добры, но, наверно, вышла какая-то ошибка. Я никого не убивала.

— Ну, значит, твой дом убил, — засмеялась маленькая женщина, — а это одно и то же. Смотри сама. — И она показала на угол дома. — Видишь, из-под бревна до сих пор торчат её ноги?

Дороти посмотрела и вскрикнула от испуга. Из-под толстых бревен, на которые опирался дом, и впрямь высовывались две ноги, обутые в серебряные туфли с загнутыми носами.

— Боже мой! — воскликнула Дороти, в отчая-

нии сжав руки. — Дом, видно, упал прямо на неё. Что же делать?

— Ничего не сделаешь, — невозмутимо ответила женщина.

— А кто она такая? — спросила Дороти.

— Как я уже сказала, это — Злая Восточная Ведьма, — ответила маленькая женщина. — Много-много лет она держала в рабстве всех мусоликов, и они работали на неё день и ночь. Теперь все они свободны и благодарят тебя за избавление.

— А кто такие мусолики? — удивилась Дороти.

— Жители Восточной страны, которой и правила Злая Ведьма.

— А ты тоже из них? — спросила девочка.

— Нет, но я их друг, хотя живу в Северной стране.

Увидев, что Восточная Ведьма погибла, мусолики срочно послали за мной, и я тотчас явилась. Я — Северная Ведьма.

— Неужели? — воскликнула Дороти. — Настоящая ведьма?

— Конечно, настоящая, — отозвалась маленькая женщина. — Но я — Добрая Ведьма, и люди любят меня. Я не такая могущественная, как Злая Ведьма, которая тут правила, а то я освободила

бы здешних жителей сама.

— А я думала, все ведьмы злые, — сказала Дороти, немного испуганная встречей с настоящей ведьмой.

— Ничего подобного, это глубокое заблуждение. В стране Оз целых четыре ведьмы, и две из них — та, что живет на Севере, и та, что на Юге, — добрые. Уж мне-то известно, что они добрые, ведь я сама — одна из них и не могу ошибиться. А ведьмы, что обитают на Востоке и Западе, — злые; но теперь, когда ты убила здешнюю Ведьму, в стране Оз осталась всего одна Злая Ведьма, та, что на Западе.

— Да, но тетушка Эм говорила, — сказала Дороти, немного подумав, — что все ведьмы уже давным-давно умерли.

— Кто это — тетушка Эм? — спросила маленькая женщина.

— Это моя тетя, она живет в Канзасе, я и сама оттуда. Северная Ведьма на некоторое время задумалась, склонив голову и устремив глаза в землю. Потом подняла глаза и сказала:

— Я не знаю, где этот Канзас, я про такую страну никогда не слыхала. Но скажи мне, это цивилизованная страна?

— Еще бы! — ответила Дороти.

— Тогда все понятно. В цивилизованных странах, по-моему, ни одной ведьмы не осталось, там нет ни волшебников, ни колдуний, ни магов. Но, видишь ли, страна Оз никогда не подвергалась цивилизации, мы ведь отрезаны от остального мира. Вот почему среди нас до сих пор есть и ведьмы, и волшебники.

— А волшебники это кто? — заинтересовалась Дороти.

— Сам Оз — Великий Волшебник, — ответила Ведьма, переходя на шепот. — Он гораздо могущественней, чем все мы, вместе взятые. Он живет в Изумрудном городе.

Дороти собралась было ещё о чём-то спросить, но именно в эту минуту мусолики, хранившие до сих пор молчание, вдруг громко закричали и стали показывать на угол дома, под которым лежала Злая Ведьма.

— Что такое? — спросила маленькая женщина и, посмотрев туда, куда они показывали, засмеялась. Ноги мертвой Ведьмы исчезли без следа, остались одни серебряные туфельки.

— Она была такая дряхлая, — объяснила Северная Ведьма, — что на солнце сразу усохла. Ну вот, с ней и покончено. А серебряные туфельки теперь твои, придется тебе их носить. — Она нагнулась,

подхватила туфли и, вытряхнув из них пыль, протянула Дороти.

— Восточная Ведьма очень гордилась своими серебряными туфлями, — заметил один из мусоликов. — Они имеют какую-то волшебную силу, но какую — мы не знаем.

Дороти отнесла туфли в дом и поставила на стол. Потом снова вышла к мусоликам и сказала:

— Мне обязательно нужно вернуться к тете с дядей. Я уверена, они очень беспокоятся обо мне. Не поможете ли вы мне найти дорогу домой?

Мусолики и Северная Ведьма переглянулись, посмотрели на Дороти и покачали головами.

— На Востоке недалеко отсюда большая Пустыня, — сказал один из мусоликов. — Пересечь её и остаться в живых нельзя.

— И на Юге Пустыня, — сказал другой. — Я там был и сам видел. В Южной стране живут кубарики.

— Я слышал, — добавил третий, — что и на Западе тоже пустыня. К тому же Западной страной, где живут моргунчики, правит Злая Западная Ведьма. Если ты ей попадешься, она сделает тебя своей рабыней.

— Мой дом на Севере, — сказала маленькая старушка. — И на границе там тоже великая

Пустыня, она окружает всю страну Оз. Боюсь, дорогая, тебе придется жить с нами.

При этих словах Дороти залилась слезами, ведь среди здешних странных людей она чувствовала себя очень одинокой. По-видимому, её слезы разжалобили добросердечных мусоликов, потому что те сразу вытащили носовые платки и тоже зарыдали. Что касается Северной Ведьмы, то она сняла шляпу, водрузила её себе на кончик носа и, балансируя ею, торжественно произнесла:

— Раз, два, три!

И вдруг шляпа превратилась в грифельную доску, на которой крупными буквами было написано мелом:

«ПУСТЬ ДОРОТИ ИДЕТ В ИЗУМРУДНЫЙ ГОРОД».

Северная Ведьма сняла грифельную доску с носа и, прочитав надпись, спросила:

— Тебя зовут Дороти, дорогая?

— Да, — ответила девочка, подняв глаза и вытирая слезы.

— Тогда тебе надо в Изумрудный город. Кто знает, вдруг Оз сможет тебе помочь.

— А где этот город? — спросила Дороти.

— В самой середине страны. И правит там Оз, Великий Волшебник, я тебе о нем уже говорила.

— А он хороший человек? — с беспокойством осведомилась девочка.

— Он хороший волшебник. А вот человек ли он, сказать не могу. Никогда его не видела.

— А как туда попасть? — спросила Дороти.

— Надо идти пешком. Путь долгий, через всю страну, а она местами красивая, местами сумрачная и страшная. Но я пущу в ход все известные мне волшебные уловки, чтобы с тобой ничего не случилось.

— А ты не пойдешь со мной? — умоляюще посмотрела на Ведьму девочка, которой уже казалось, что эта маленькая старушка — её единственный друг.

— Нет, не могу, — ответила та. — Но я тебя поцелую, а того, кто отмечен поцелуем Северной Ведьмы, никто не посмеет обидеть.

Она подошла к Дороти и нежно поцеловала её в лоб. И там, где губы её коснулись лба девочки, остался круглый сияющий след. Дороти скоро сама это увидела.

— Дорога в Изумрудный город вымощена желтыми кирпичами, — продолжала Ведьма, — так что ты не собьешься. А придешь к Озу — не бойся его, расскажи свою историю и попроси помочь. До свидания, дорогая.

Три мусолика низко поклонились Дороти, пожелали ей доброго пути и скрылись за деревьями. Ведьма дружески кивнула девочке, трижды повернулась на левом каблуке и сразу исчезла, что крайне изумило маленького Тото, который громко залаял ей вслед, хотя, пока ведьма была рядом, он даже зарычать боялся.

Но Дороти-то, зная, что маленькая старушка — Ведьма, ничуть не удивилась, другого она и не ожидала.

III. Как Дороти спасла Страшилу

Оставшись одна, Дороти почувствовала, что проголодалась. Она подошла к шкафу, отрезала кусок хлеба и намазала его маслом. Дала кусочек Тото, сняла с полки ведерко, отправилась к ручью и набрала чистой, искрящейся воды. Тото помчался к деревьям и принялся лаять на птиц, сидевших на ветках.

Дороти пошла за ним и увидела, что с веток свисают соблазнительнейшие плоды. Она сорвала несколько штук, подумав, что как раз таких фруктов ей и не хватало на завтрак.

Потом девочка вернулась в дом, напилась вкусной, холодной и чистой воды, напоила Тото и

стала собираться в Изумрудный город.

У Дороти было ещё одно платье, оно как раз оказалось чистым и висело на вешалке возле кровати. Льняное платье в голубую с белым клетку; и хотя голубой цвет уже порядком выцвел от частых стирок, платье все ещё было прехорошенькое. Девочка как следует умылась, надела это чистое клетчатое платье, розовую шляпу от солнца и завязала под подбородком розовые ленты. Потом она взяла из шкафа хлеб, уложила его в маленькую корзинку и прикрыла сверху белой салфеткой. Она взглянула себе на ноги и увидела, какие у неё старые, изношенные туфли.

— Нет, Тото, эти туфли долгого пути никак не выдержат, — сказала она.

Тото посмотрел на неё своими маленькими черными глазками и завилял хвостом, стараясь показать, что понимает, о чём она говорит.

И тут как раз Дороти заметила на столе серебряные туфельки, принадлежавшие Восточной Ведьме.

— Интересно, подойдут ли они мне? Вот в таких туфлях и надо пускаться в дальнюю дорогу, — сказала она собаке. — Уж им-то сносу нет.

Дороти сбросила старые кожаные башмаки, примерила серебряные туфельки, и они ока-

зались ей точно впору, словно были сделаны специально для неё.

Потом девочка взяла в руки корзинку.

— Пойдем, Тото, — позвала она. — Пойдем в Изумрудный город и спросим Великого Оза, как нам снова попасть в Канзас.

Она закрыла дверь, заперла её на замок, а ключ спрятала поглубже в карман платья. И отправилась в путь, а за ней невозмутимо затрусил Тото.

Недалеко от дома расходилось в разные стороны несколько дорог, но Дороти не составило труда найти ту, которая была вымощена желтыми кирпичами. Очень скоро она бодро зашагала, в Изумрудный город, и её серебряные туфельки весело позвякивали по твердым кирпичам. Ярко светило солнце, сладко пели птицы, и Дороти вовсе не чувствовала себя такой несчастной, как вы, наверно, думаете, хотя её — маленькую девочку — вдруг оторвали от родного дома и бросили посреди чужой страны.

Она шла и удивлялась, до чего эта страна красивая. Вдоль дороги стояли аккуратные изгороди, выкрашенные в восхитительный голубой цвет, а за ними тянулись поля, где в изобилии росли хлеба и овощи. Видно, мусолики были прилежные фермеры и умели выращивать хорошие урожаи.

Когда Дороти проходила мимо какого-нибудь дома, люди выбегали на дорогу, низко кланялись ей и старались рассмотреть девочку получше, ведь все знали, что она помогла им избавиться от Злой Ведьмы и освободила из рабства. Дома мусоликов выглядели необычно — они были круглые, а вместо крыши у каждого — высокий купол. И все были выкрашены в голубой цвет, потому что в этой Восточной стране любым цветам предпочитали голубой.

К вечеру, когда Дороти устала после долгой ходьбы и начала раздумывать, где бы ей провести ночь, она поравнялась с домом, который был заметно больше других. На зеленой лужайке перед ним танцевало много людей. Пять маленьких скрипачей играли во всю мочь, танцующие смеялись и пели, а неподалеку был накрыт большой стол, который ломился от вкуснейших фруктов и орехов, пирогов, пирожных и всяких других лакомств.

Эти люди радушно приняли Дороти, пригласили её поужинать с ними и заночевать у них в доме; дом принадлежал одному из самых богатых мусоликов в стране, и сегодня у него собрались друзья, чтобы отпраздновать освобождение из-под власти Злой Ведьмы.

Дороти с аппетитом поужинала, а за столом ей прислуживал сам богатый мусолик, которого звали Бэк. Потом она села на скамейку и стала смотреть, как танцуют.

Заметив на Дороти серебряные туфельки, Бэк сказал:

— Ты, наверно, великая колдунья!

— Почему? — спросила девочка.

— На тебе серебряные туфли, и ты убила Злую Ведьму. Кроме того, у тебя на платье белые клетки, а белое носят только ведьмы и колдуньи.

— У меня же клетки не только белые, но и голубые, — возразила Дороти, разглаживая юбку.

— Очень мило с твоей стороны, что ты надела такое платье, — сказал Бэк. — Голубой цвет — это цвет мусоликов, а белый — цвет ведьм, и всем сразу видно, что ты — Добрая Ведьма.

Дороти не нашлась что ответить. Выходит, все считают её ведьмой, но сама-то Она прекрасно знает, что она — обыкновенная маленькая девочка, которую ураган случайно занес в незнакомую страну.

Когда ей наскучило смотреть на танцующих, Бэк повел её в дом, где для неё приготовили комнату с удобной кроватью. Простыни были из голубой материи, и Дороти мирно проспала на

них до утра, а Тото дремал, свернувшись калачиком на голубом коврике у кровати.

Утром за плотным завтраком Дороти наблюдала, как крошечный сынишка Бэка играет с Тото, стараясь схватить его за хвост, смеется и гукает, — смотреть на них было очень забавно. Для здешних жителей Тото был диковинкой, потому что собак в этой стране никогда не видели.

— Далеко ли до Изумрудного города? — справилась Дороти.

— Не знаю, — задумчиво ответил Бэк. — Никогда там не был. Если к Озу нет никакого дела, лучше держаться от него подальше. Знаю только, что дорога туда дальняя и займет у тебя много дней. Здесь, у нас, страна богатая и красивая, но, прежде чем ты дойдешь до цели, тебе предстоит миновать мрачные и опасные места.

Дороти немного встревожилась, но она знала, что только Великий Оз поможет ей вернуться в Канзас, и храбро решила идти дальше.

Девочка попрощалась с новыми знакомыми и снова зашагала по дороге из желтых кирпичей. Пройдя несколько миль, она подумала, что не мешает передохнуть, взобралась на изгородь, тянувшуюся вдоль дороги, и решила на ней посидеть. За изгородью уходило вдаль большое

кукурузное поле, и в двух шагах от себя Дороти увидела высокий шест, а на нем Пугало-Страшилу, его поставили здесь, чтобы отпугивать птиц от созревшего зерна.

Дороти оперлась подбородком на руки и задумчиво рассматривала Страшилу. Голова у него была сшита из небольшого мешка и набита соломой, а на мешке кто-то нарисовал глаза, нос и рот, так что получилось лицо. На голове красовалась старая остроконечная голубая шляпа, принадлежавшая прежде кому-то из мусоликов, а туловище было сделано из старого голубого костюма, выношенного и выцветшего, и тоже набито соломой. На ногах у Страшилы были старые башмаки с голубыми носами, какие в этой стране носили все мужчины, и эта занятная фигура торчала высоко над стеблями кукурузы, прикрепленная спиной к шесту.

Дороти сосредоточенно рассматривала странное нарисованное лицо Страшилы и вдруг с удивлением заметила, что один его глаз медленно ей подмигнул. Она сначала подумала, что ей показалось, ведь в Канзасе пугала никогда не подмигивают, но тут увидела, что Страшила дружелюбно кивнул ей головой.

Тогда Дороти слезла с изгороди и подошла к

шесту, а Тото стал с лаем носиться вокруг.

— Добрый день! — раздался довольно хриплый голос.

— Ты умеешь говорить? — удивилась Дороти.

— Конечно! — последовал ответ. — Как поживаешь?

— Спасибо, хорошо, — вежливо ответила Дороти. — А ты как?

— Не слишком-то хорошо. — На лице у Страшилы появилась улыбка. — Скучновато торчать тут день и ночь да пугать ворон.

— А слезть ты не можешь? — спросила Дороти.

— Не могу. Ведь эта палка прикреплена к моей спине. Если бы ты оказала мне услугу и сняла меня с шеста, я был бы тебе очень обязан.

Дороти встала на цыпочки и, взяв Страшилу обеими руками, сняла его с шеста, он оказался совсем легкий, и немудрено — он же был набит соломой.

— Большое спасибо, — поблагодарил Страшила, оказавшись на земле. — Теперь я чувствую себя совсем по-другому.

Дороти изумилась: странно было, что набитый соломой Страшила умеет разговаривать, да ещё кланяется и шагает рядом.

— Ты кто? — спросил Страшила, зевая и потяги-

ваясь. — И куда идешь?

— Меня зовут Дороти, — ответила девочка. — А иду я в Изумрудный город, хочу попросить Великого Оза отправить меня домой в Канзас.

— А где этот Изумрудный город? — допытывался Страшила. — И кто такой Оз?

— А разве ты не знаешь? — удивилась девочка.

— Откуда мне знать? Я вообще ничего не знаю. Я, видишь ли, набит соломой, а мозгов у меня и вовсе нет, — закончил Страшила печально.

— Вот оно что, — сказала Дороти. — Прости, пожалуйста.

— Как ты думаешь, — спросил Страшила, — если я пойду с тобой в Изумрудный город, этот Оз даст мне немного мозгов?

— Не знаю, — ответила Дороти. — Но если хочешь, пойдем. Даже если Оз не даст тебе мозгов, хуже, чем теперь, тебе ведь не будет.

— Что правда, то правда, — согласился Страшила. — Понимаешь, — доверительно продолжал он, — пусть у меня руки, ноги и все тело набито соломой! Я не против — зато мне никогда не бывает больно. Если кто-то наступит мне на ногу или воткнет в меня булавку, мне все равно, я этого просто не почувствую.

Но я не хочу, чтобы меня называли дураком. А

если в голове у меня так и будет солома, а не мозги, как у тебя, то разве я когда-нибудь поумнею?

— Я тебя понимаю, — ответила девочка, ей стало его очень жалко. — Если ты пойдешь со мной, я попрошу Оза сделать для тебя все, что он сможет.

— Спасибо, — поблагодарил её Страшила.

Они вернулись к дороге. Дороти помогла Страшиле перелезть через изгородь, и они пошли по желтым кирпичам в Изумрудный город.

Сначала Тото не понравилось, что их полку прибыло. Он все принюхивался к набитому соломой существу, как будто опасался, нет ли у него внутри, в соломе, крысиного гнезда, и время от времени недружелюбно рычал.

— Не бойся, — сказала Дороти своему новому другу. — Тото не кусается.

— А я и не боюсь, — ответил Страшила. — Пусть кусается, мне что, я же из соломы. Дай-ка я понесу твою корзинку. Мне не трудно, я ведь не устаю. И вот что я. скажу тебе по секрету, — продолжал Страшила, поспешая за девочкой, — на свете есть только одна вещь, которой я боюсь.

— Что же это? — спросила Дороти. — Небось боишься того мусолика, который тебя смастерил?

— Ничего подобного, — ответил Страшила. —

Больше всего на свете я боюсь горящей спички.

IV. Дорога через лес

Прошло несколько часов, и дорога изменилась, идти стало так трудно, что Страшила то и дело спотыкался на желтых кирпичах, которые торчали здесь вкривь и вкось. Некоторые были разбиты, других вообще не было, после них остались ямки — Тото их перепрыгивал, а Дороти обходила. Что же до Страшилы, то у него не было мозгов, и поэтому он знай себе шагал напрямик, попадал в выбоины, спотыкался и падал на твердые кирпичи. Правда, ушибиться он не мог, и Дороти всякий раз поднимала его и ставила на ноги, и они весело смеялись над его невезением.

Здесь фермы были не такие чистенькие, как раньше. Дома попадались реже, меньше стало фруктовых деревьев, и чем дальше уходили наши друзья, тем пустыннее и мрачнее становилось вокруг.

В полдень путники присели у дороги возле маленького ручья, Дороти открыла корзинку и достала хлеб. Она предложила ломтик своему спутнику, но тот отказался.

— Я понятия не имею, что такое голод, — объ-

яснил ан. — И это очень кстати. Ведь рот у меня просто нарисован, а если проделать дырку для еды, то солома, которой я набит, вылезет наружу, и это испортит мне форму головы.

Дороти сразу стало ясно, что Страшила прав, поэтому она только кивнула и принялась уплетать хлеб.

— Расскажи мне что-нибудь про себя и про твою страну, — попросил Страшила, когда Дороти кончила завтракать.

И девочка стала рассказывать про Канзас, про то, какое там все серое и как ураган принес её в здешнюю удивительную страну Оз. Страшила слушал-слушал, а потом сказал:

— Никак не пойму, почему ты хочешь покинуть нашу прекрасную страну и вернуться в то суровое, безводное и серое место, которое ты называешь Канзасом?

— Мозгов у тебя нет, вот и не понимаешь, — ответила девочка. — Что из того, что дома у нас скучно и уныло? Это вовсе ничего не значит! Все равно мы — люди, сделанные из плоти и крови, — хотим жить у себя, а не в чужой стране, какой бы красивой она ни была. Лучше родного дома нет ничего.

— Нет, мне этого не понять, — сказал Страши-

ла. — Только если б у вас, у людей, в головах была солома, как у меня, небось и вы захотели бы жить в красивых странах. И в таком Канзасе никого не осталось бы. Выходит, Канзасу повезло, что у вас у всех мозги.

— А не расскажешь ли ты мне что-нибудь, пока мы отдыхаем? — спросила девочка.

Страшила с укором посмотрел на неё.

— Я же совсем мало живу на свете и ещё ничегошеньки не знаю. Меня сделали всего лишь позавчера. Откуда мне знать, что до этого было? К счастью, когда фермер мастерил мне голову, он прежде всего нарисовал уши, так что мне хоть сразу стало слышно, что кругом происходит. У фермера в гостях был ещё один мусолик, и первое, что я услышал, были слова моего хозяина:

«Как тебе нравятся эти уши?»

«Одно ухо выше другого», — ответил гость.

«Сойдет и так, — ответил мой фермер. — Есть уши, и ладно».

И в общем, он был прав.

«А теперь нарисуем глаза», — сказал мой хозяин. И нарисовал мне правый глаз. Только он его закончил, как я принялся рассматривать и фермера, и все вокруг, очень мне было любопытно, ведь раньше-то мне ничего видно не было.

«Неплохой вышел глаз, — заметил мусолик, следивший за работой моего хозяина. — Нет для глаз лучше цвета, чем голубой».

«Пожалуй, второй сделаю побольше», — сказал фермер, и когда он нарисовал мне второй глаз, видно стало куда лучше. А потом он нарисовал мне рот и нос. Но говорить я ещё не говорил, потому что пока не понимал, зачем нужен рот. Потом было очень интересно следить, как хозяин с приятелем делают мне руки, ноги и туловище, а когда они наконец прикрепили его к голове, то-то я загордился, ведь я решил, что теперь я такой же человек, как другие.

«Ну, этот парень всех ворон распугает, — сказал фермер. — Ни дать ни взять человек».

«Да он и есть человек», — сказал гость, и я вполне с ним согласился. Тут мой хозяин взял меня под мышку, понес на кукурузное поле и посадил на длинную палку. На этом поле ты меня и нашла. Хозяин с приятелем сразу ушли, а я остался один.

Мне не понравилось, что меня бросили, захотелось побежать за ними, да ноги не доставали до земли, вот и пришлось торчать на шесте. И пошла у меня одинокая жизнь, даже размышлять было не о чем, меня ведь только что смастерили.

На поле залетало много ворон и других птиц, но стоило им меня увидеть, они тут же улетали. Они думали, что я — настоящий мусолик, и меня это радовало, я даже возомнил, что я важная персона. А потом одна старая ворона пролетела мимо, пригляделась ко мне повнимательней, уселась мне на плечо да и говорит: «Интересно, неужто этот фермер вообразил, что меня можно провести такой грубой подделкой? Да любая толковая ворона сразу поймет, что ты набит соломой!» Потом она спрыгнула к моим ногам и давай клевать зерно. А другие птицы, увидев, что я её не трогаю, тоже прилетели и принялись клевать, так что вскоре вокруг меня собралась целая стая.

Мне стало обидно, ведь выходило, что не такое уж я хорошее пугало, но тут старая ворона начала меня утешать. «Будь у тебя в голове мозги, — говорит, — ты был бы таким же человеком, как все они. Да ещё получше некоторых. Мозги — вот единственное, что стоит иметь, будь ты хоть вороной, хоть человеком».

Когда птицы улетели, я поразмыслил над словами вороны и решил, что надо сделать все, чтобы раздобыть мозги. А тут, к счастью, и ты подоспела, сняла меня с шеста! Послушал я тебя и поверил: только бы нам попасть в Изумрудный

город, а там Великий Оз даст мне мозги.

— Надеюсь, — серьезно ответила Дороти. — Раз уж тебе так хочется их получить.

— Ужасно хочется, — признался Страшила. — Очень досадно чувствовать себя дураком.

— Ну ладно, — сказала девочка. — Пора идти, — и отдала Страшиле корзинку.

Теперь вдоль дороги уже не было изгородей, земля была неровная, нераспаханная. К вечеру они подошли к густому лесу, в котором высокие деревья росли так близко друг к другу, что их ветки сплетались над дорогой, вымощенной желтыми кирпичами. Под деревьями было совсем темно, потому что листья заслоняли солнечный свет, но наших путников это не остановило.

— Если дорога куда-то входит, то она должна и выйти, — сказал Страшила. — А раз Изумрудный город стоит на другом конце дороги, так и надо идти туда, куда она нас ведет.

— Это каждому ясно, — заметила Дороти.

— Конечно, потому-то ясно и мне. Если бы это надо было обмозговать, мне сказать было бы нечего.

Не прошло и часу, как свет совсем померк, и путники стали спотыкаться в темноте. Дороти уже совсем ничего не различала, а Тото видел все,

ведь для некоторых собак темнота не помеха, да и Страшила заявил, что ему все видно, как днем. Так что Дороти ухватилась за его руку, и идти ей сразу стало гораздо легче.

— Если заметишь дом или какое-нибудь место, где можно переночевать, — распорядилась она, — скажи. Уж очень трудно идти, когда темно.

Вскоре Страшила остановился.

— Я вижу маленькую хижину справа от нас, — сказал он. — Сложена из бревен и веток. Пойдем туда?

— Конечно, — сказала девочка. — Я совсем выбилась из сил.

И Страшила повел её через чащу, а когда они подошли к хижине, Дороти заглянула внутрь и увидела в углу постель из сухих листьев. Она сразу легла, Тото примостился рядом, и вскоре девочка крепко заснула. А Страшила, который не умел уставать, отошел в дальний угол, чтобы там терпеливо дождаться утра.

V. Как спасли Железного Дровосека

Когда Дороти проснулась, сквозь ветви деревьев светило солнце и Тото уже давно гонялся за птицами. А Страшила все ещё покорно стоял в

углу, дожидаясь, когда девочка откроет глаза.

— Надо пойти поискать воду, — сказала ему Дороти.

— Зачем тебе вода? — удивился Страшила.

— Умыться после пыльной дороги. И попить, а то сухой хлеб застрянет в горле.

— Как всё-таки утомительно, наверно, когда ты из плоти и крови, — задумчиво сказал Страшила. — Нужно спать, завтракать, пить. Но зато у тебя есть мозги, а ради этого и неудобства потерпеть можно.

Они вышли из хижины и шли по лесу, пока не наткнулись на маленький прозрачный ручеек, там Дороти напилась, умылась и позавтракала. Оказалось, что в корзинке осталось совсем мало хлеба и девочка порадовалась, что Страшила не нуждается в еде. Ведь хлеба ей с Тото вряд ли хватит до вечера.

Кончив завтракать, она уже готова была вернуться на дорогу из желтых кирпичей, как поблизости раздался чей-то глухой стон, и девочка вздрогнула.

— Что это? — испуганно спросила она.

— Понятия не имею, — ответил Страшила. — Можно пойти взглянуть.

Тут они снова услышали стон, и им показалось,

что он раздался прямо за их спинами. Они повернули и пошли по лесу обратно, и вдруг Дороти увидела, что между деревьями в лучах солнца что-то блестит. Она бросилась туда и остановилась как вкопанная, вскрикнув от удивления.

Рядом с высоким деревом, расщепленным надвое, замахнувшись топором, стоял человек, целиком сделанный из железа. Его голова, руки, ноги были соединены с туловищем шарнирами, но стоял он неподвижно, будто вообще не мог пошевелиться.

Дороти изумленно смотрела на него, Страшила тоже, а Тото истошно лаял и пытался куснуть железные ноги, да только чуть зубы себе не поломал.

— Это ты стонешь? — спросила Дороти.

— Да, я, — ответил железный человек. — Уже больше года разносятся по лесу мои стоны, но никто их не слышит и никто не приходит ко мне на помощь.

— А чем тебе можно помочь? — участливо спросила девочка, её растрогал печальный голос железного человека.

— Достань масленку и смажь мне суставы, — попросил он. — Они так заржавели, что я шевельнуться не могу. Если меня хорошенько смазать, я

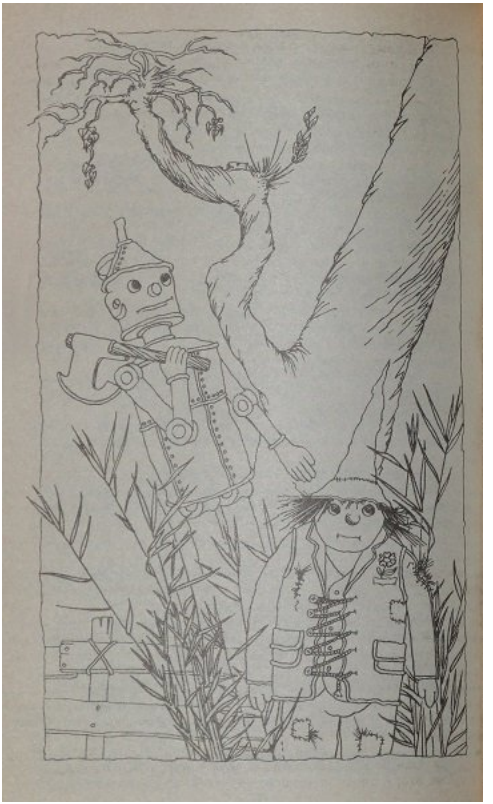
скоро буду в порядке. Масленку найдешь у меня в хижине на полке.

Дороти скорей побежала в хижину, отыскала масленку, вернулась и озабоченно спросила:

— Ну где тебя смазывать?

— Сначала шею, — ответил Железный Дровосек.

Дороти смазала ему шею, но она так заржавела, что Страшиле пришлось взять Железного Дровосека за голову и осторожно покрутить её из стороны в сторону, пока шея не начала двигаться свободно, так что Железный Дровосек смог сам поворачивать голову куда хотел.



— А теперь руки, — попросил он.

Дороти смазала ему руки, а Страшила принялся осторожно сгибать и разгибать их, пока с рук не

сошла ржавчина, так что они стали как новые.

Железный Дровосек с облегчением вздохнул и опустил топор, прислонив его к дереву.

— Ох как хорошо! — сказал он. — Ведь я стою с поднятым топором с тех самых пор, как заржавел. До чего же приятно наконец его опустить! А теперь, если ты смажешь мне ноги, я снова буду молодцом.

Дороти со Страшилой смазали ему ноги, так что они стали свободно двигаться, и Железный Дровосек все твердил им «спасибо» за то, что они его спасли. Он был, судя по всему вежливый и благодарный человек.

— Не случись вам тут проходить, стоять бы мне так до скончания века, — сказал он. — Выходит, вы и впрямь спасли мне жизнь. Как же вы тут оказались?

— Мы идем в Изумрудный город к Великому Озу, — ответила Дороти. — И остановились в твоей хижине переночевать.

— А зачем вам Оз? — спросил Дровосек.

— Я хочу, чтобы он отправил меня обратно в Канзас. А Страшила хочет, чтобы Оз вложил ему в голову немного мозгов, — объяснила Дороти.

Услышав это, Железный Дровосек глубоко задумался, а потом спросил:

— Как по-вашему, Оз смог бы дать мне сердце?

— А что, думаю, смог бы, — ответила Дороти. — Это ведь не трудней, чем дать Страшиле мозги.

— Верно, — согласился Железный Дровосек. — Тогда, если позволите к вам присоединиться, я тоже пойду в Изумрудный город и попрошу Оза помочь мне.

— Пошли, — охотно согласился Страшила, а Дороти добавила, что очень рада такому попутчику. И вот Железный Дровосек взвалил на плечи топор, и все пошли сначала лесом, а потом вышли на дорогу из желтых кирпичей.

Железный Дровосек попросил Дороти спрятать в корзинку его масленку.

— Потому что, — объяснил он, — если я попаду под дождь и опять заржавею, масленка мне очень пригодится.

Им повезло, что к ним присоединился их новый приятель: дорога из желтых кирпичей очень скоро вывела их к непроходимому месту, где деревья и ветки густо переплетались. И тогда Железный Дровосек взялся за топор и быстро прорубил проход для всей компании.

Они пошли дальше, и Дороти задумалась, да так, что не заметила, как Страшила споткнулся, ступив в ямку, и скатился на другую сторону

дороги. Ему пришлось даже звать девочку на помощь, сам он не мог подняться.

— Чего же ты не обошел яму? — удивился Железный Дровосек.

— А я не знаю, — весело ответил Страшила. — Понимаешь, голова у меня набита соломой, недаром я иду к Озу попросить у него немного мозгов.

— Вот оно что, — ответил Железный Дровосек. — Только если разобраться, мозги — не самое главное на свете.

— А у тебя они есть? — спросил Страшила.

— Да нет, голова у меня совсем пустая, — признался Железный Дровосек. — Но когда-то у меня были и мозги, и сердце. Так что я могу судить и о том и о другом, но предпочитаю иметь сердце.

— А почему? — удивился Страшила.

— Сейчас расскажу тебе мою историю, тогда узнаешь.

И вот что поведал путникам Железный Дровосек, пока они шли по лесу:

— Отцом моим был дровосек, он рубил в лесу дрова, продавал их и на это жил. Я вырос и тоже стал дровосеком. Когда отец умер, я заботился о своей старой матери до самой её смерти. А когда она умерла, решил, что чем жить одному,

лучше жениться, и тогда мне, может быть, будет повеселей.

Мне встретилась девушка из мусоликов, такая красавица, что вскоре я влюбился в неё без памяти. И она пообещала, что выйдет за меня замуж, как только я заработаю много денег и смогу построить для неё хороший дом; тут я принялся за работу усерднее прежнего. А эта девушка жила со старухой, которая не хотела отпускать её замуж, потому что сама была такая ленивая, что не могла без этой девушки обходиться, та ей готовила и убирала. Вот старуха и отправилась к Злой Восточной Ведьме и пообещала ей двух овец и корову, если Ведьма расстроит нашу свадьбу. Тогда Злая Ведьма заколдовала мой топор, и вот однажды рублю, это, я дрова, не щадя сил, чтобы как можно скорее обзавестись новым домом и женой, а топор вдруг возьми да и вырвись у меня из рук, прямо по левой ноге попал и отрубил её.

Сначала я посчитал это большим несчастьем, ведь я знал, что человек без ноги не может быть хорошим дровосеком. А потом пошел к кузнецу и уговорил его сделать мне новую ногу из железа. Когда я к ней привык, нога стала работать отменно, но это рассердило Злую Восточную Ведьму, ведь она пообещала старухе, что я не смо-

гу жениться на девушке. И вот я снова принялся рубить деревья, и топор опять сорвался, на этот раз он отрубил мне правую ногу. Снова я пошел к кузнецу, и тот сделал мне вторую железную ногу. После этого заколдованный топор отрубил мне одну за другой обе руки, но меня это не напугало, я их тоже заменил железными. Напоследок Злая Ведьма подучила топор отрубить мне голову, тут уж мне чуть было конец не пришел. Но кузнец как раз случайно проходил мимо и сделал мне новую железную голову.

Тогда я вообразил, что победил Злую Ведьму, и стал работать ещё ретивее прежнего, но я не знал, сколь жестокосерден мой враг. Ведьма придумала новый способ убить мою любовь к прекрасной девушке и сделала так, что топор опять вырвался у меня из рук и разрубил моё тело пополам. И снова на помощь мне пришел кузнец, он выковал мне туловище из железа, приладил к нему на шарнирах голову, руки и ноги, так что я мог двигаться совсем как раньше. Но увы! теперь у меня не было сердца, и я перестал любить девушку, мне стало все равно, женюсь я на ней или нет. Наверно, она так и живет со старухой и ждет, когда я за ней приду.

На солнце моё железное туловище так свер-

кало, что я очень им гордился и теперь уже не беспокоился, сорвется у меня топор или не сорвется, ведь разрубить-то меня он больше не мог. Опасаться приходилось одного: как бы не заржавели суставы; на этот случай я всегда держал в хижине масленку и исправно себя смазывал. Но однажды забыл её, угодил под дождь и не успел подумать об опасности, как суставы заржавели, и я как был в лесу, так там и остался, пока вы не пришли мне на помощь. Тяжко мне было, но за год, что я там простоял, хватило времени подумать, и я решил, что самая большая моя потеря — это то, что у меня теперь нет сердца. Пока я был влюблен, счастливей меня никого не было, но без сердца любить нельзя, вот почему я и хочу просить Оза дать мне сердце. Если он мне поможет, я вернусь к своей невесте и женюсь на ней.

И Дороти, и Страшила с большим интересом выслушали историю Железного Дровосека, теперь им стало понятно, почему он так стремится получить новое сердце.

— И всё-таки, — сказал Страшила, — я буду просить, чтобы мне дали мозги, а не сердце, ведь дурак, даже если получит сердце, не будет знать, что с ним делать.

— Нет, я попрошу сердце, — возразил Желез-

ный Дровосек. — Мозги не сделают человека счастливым, а что может быть лучше счастья?

Дороти ничего не сказала. Она старалась понять, кто из её новых друзей прав, и решила, что если ей удастся вернуться в Канзас к тетушке Эм, то неважно, будут ли у Дровосека мозги, а у Страшилы — сердце, лишь бы каждый получил то, что хочет.

Но больше всего её беспокоило, что хлеба у них почти не осталось, и стоит ей с Тото ещё раз подкрепиться — корзинка опустеет. Хорошо Железному Дровосеку и Страшиле — им есть не нужно! Но она-то не из железа и не из соломы, ей без еды не прожить.

VI. Трусливый Лев

Все это время Дороти и её спутники шли густым лесом. Дорога по-прежнему была вымощена желтыми кирпичами, но часто кирпичи прятались под сухими ветками и опавшими листьями, так что идти было совсем не легко.

В этой чаще почти не было птиц, ведь птицы любят открытые места, где много солнца, зато время от времени в лесу раздавалось глухое рычание какого-то дикого зверя, притаившегося в

зарослях. При этих звуках у маленькой Дороти начинало быстро-быстро биться от страха сердце, ведь она не знала, кто это рычит, а Тото, видно, знал, он жался к её ногам и даже не лаял в ответ.

— Сколько же нам идти по этому лесу? — спросила девочка у Железного Дровосека.

— Не берусь сказать, — последовал ответ. — Мне не случалось бывать в Изумрудном городе. Но мой отец однажды ходил туда, когда я был ещё мальчишкой, и он рассказывал, что идти надо долго, места по дороге опасные, а вот поближе к городу, где живет Оз, все очень красиво. Но пока у меня моя масленка, мне все нипочем, да и Страшиле нечего бояться. А у тебя на лбу след от поцелуя Доброй Ведьмы, он защитит тебя.

— А Тото? — озабоченно напомнила девочка. — Кто его защитит?

— Если возникнет опасность, мы сами его защитим, — пообещал Железный Дровосек.

Не успел он договорить, как в лесу раздался ужасный рев и на дорогу выскочил огромный Лев. Одним ударом лапы он сбил с ног Страшилу, и тот, кувыркаясь, покатился к обочине, а Лев вонзил свои острые когти в Железного Дровосека. Но каково же было его удивление, когда он увидел, что на железных боках даже царапины от его

когтей не осталось, хотя сам Железный Дровосек упал на землю и лежит не двигаясь!

А маленький Тото, оказавшись лицом к лицу с врагом, с лаем кинулся Льву навстречу; огромный зверь уже открыл пасть, готовый загрызть собачонку, но Дороти, испугавшаяся за жизнь своего любимца, забыв об опасности, ринулась вперед, изо всех сил стукнула Льва по носу и громко закричала:

— Не смей трогать Тото! Как тебе не стыдно, такой большой зверь, а бросаешься на бедного маленького пса!

— Да не бросаюсь я на него! — ответил Лев, потирая лапой нос, по которому стукнула Дороти.

— Но ведь собирался? — возразила девочка. — Ты просто большой трус, вот и все.

— Знаю, — согласился Лев и понурил голову от стыда. — И всегда знал. Но что я могу поделать?

— Понятия не имею. Подумать только! Взял и ударил Страшилу. А ведь он, бедный, набит соломой!

— Набит соломой? — удивился Лев, глядя, как Дороти поднимает Страшилу, ставит его на ноги и похлопывает со всех сторон, чтобы придать ему прежнюю форму.

— Разве не видишь? — ответила Дороти. Она

рассердилась не на шутку.

— То-то он так и покатился, — заметил Лев. — А я смотрю, чего это он кувыркается? И тот, второй, тоже набит соломой?

— Да нет, — объяснила Дороти. — Он из железа — И она помогла Железному Дровосеку подняться на ноги.

— Вот, значит, почему я чуть когти не обломал, — сказал Лев. — Как они заскребли по железу, у меня даже мороз по коже побежал. А что это за маленький зверь, которого ты так любишь?

— Это мой песик Тото, — сказала Дороти.

— А он из железа или из соломы? — осведомился Лев.

— Ни то, ни другое. Он… как бы тебе сказать… он… такой же, как все звери, — ответила Дороти.

— Ах вот как! Забавный зверек. И малюсенький! Теперь-то я это вижу. Кто другой надумал бы обижать такую кроху?

Только я, недаром я трус, — опечалился Лев.

— А почему ты стал трусом? — Дороти с недоумением посмотрела на громадного Льва — ростом он был с небольшую лошадку.

— Это — загадка, — ответил Лев. — Наверно, я таким родился. Все звери в лесу, разумеется,

думают, что я храбрец, ведь Льва везде считают Царем зверей. Я давно понял, что стоит зарычать погромче, как все сразу пугаются и уступают мне дорогу. Когда я сталкиваюсь с человеком, на меня нападает ужасный страх, но я и на него рычу, и он со всех ног пускается наутек. Если бы слоны, тигры или медведи попробовали когда-нибудь напасть на меня, я бы и сам убежал, так я их боюсь; но, заслышав мой рык, все они стараются убраться от меня подальше, и, уж конечно, я им в этом не препятствую.

— Но это же никуда не годится. Царь зверей не может быть трусом, — вмешался Страшила.

— Знаю, — согласился Лев, смахивая слезы кончиком хвоста. — Это моя большая беда, и я из-за этого очень страдаю. Но как только возникает опасность, сердце у меня начинает бешено колотиться.

— Может, просто у тебя больное сердце? — предположил Железный Дровосек.

— Может быть, — согласился Лев.

— А если так, — продолжал Железный Дровосек, — будь доволен! Ведь это значит, что у тебя есть сердце! Вот у меня, например, сердца нет, так что и сердечных болезней быть не может.

— Возможно, — задумчиво произнес Лев. — Не

будь у меня сердца, я и трусом бы не был.

— А мозги у тебя есть? — заинтересовался Страшила.

— Надеюсь. Правда, я никогда не проверял, — ответил Лев.

— Я иду к Великому Озу просить, чтобы он дал мне немножко мозгов, — пояснил Страшила. — У меня ведь голова набита соломой.

— А я хочу попросить у него сердце, — сказал Железный Дровосек.

— А я попрошу Оза, чтобы он отправил нас с Тото обратно в Канзас, — добавила Дороти.

— Как вы думаете, Оз сможет дать мне храбрость? — спросил Трусливый Лев.

— Да что ему стоит?! Это так же просто, как дать мне мозги, — заверил его Страшила.

— А мне — сердце, — сказал Железный Дровосек.

— А меня вернуть в Канзас, — подхватила Дороти.

— Тогда позвольте, пожалуйста, и мне пойти с вами, — сказал Лев. — Ведь если я не получу хоть немного храбрости, жизнь у меня станет просто невыносимой.

— Милости просим, — сказала Дороти. — Ты сможешь отгонять других диких зверей. Мне

кажется, они ещё трусливее тебя, раз позволяют так легко себя запугать.

— Так и есть, — согласился Лев. — Но я-то от этого храбрее не становлюсь. А пока я знаю, что я трус, счастья мне не видать!

И вся честная компания снова пустилась в путь, а Лев царственной походкой вышагивал рядом с Дороти. Сначала Тото этот новый спутник не понравился, он все вспоминал, как чуть не угодил в огромную пасть — быть бы ему тогда перекушенным пополам; но мало-помалу пес освоился, и вскоре Тото и Трусливый Лев стали добрыми друзьями. Больше в этот день ничего не случилось, и наши герои продолжали своё путешествие мирно. Правда, Железный Дровосек умудрился наступить на какого-то жука, переползавшего через дорогу, и раздавил беднягу. Дровосек был безутешен, ведь он всегда старался не причинять вреда ничему живому. Теперь он шел, роняя на ходу слезы печали и сожаления, они медленно стекали по его лицу, по шарнирам, скреплявшим его челюсти, так что шарниры заржавели. И когда Дороти вдруг о чём-то его спросила, Железный Дровосек не смог открыть рот — заржавевшие челюсти не разжимались. Он страшно перепугался и стал делать Дороти

знаки, чтобы она помогла ему, но девочка ничего не понимала. Лев тоже не мог взять в толк, что случилось. А вот Страшила, выхватив масленку из корзинки Дороти, смазал Железному Дровосеку челюсти, и через некоторое время тот снова смог заговорить.

— Это послужит мне уроком, — сказал Железный Дровосек. — Надо смотреть себе под ноги. Ведь если я раздавлю ещё одного жука или какое-нибудь другое насекомое, я снова не сдержу слез, а от слез у меня опять заржавеют челюсти и я не смогу говорить.

После этого случая он ступал очень осторожно, не сводя глаз с дороги, и когда увидел, что по ней семенит крошечный муравей, перешагнул через него, чтобы не задеть. Железный Дровосек помнил, что у него нет сердца, и поэтому старался не причинять никому зла и быть добрым.

— У вас-то, у людей, есть сердце, — пояснил он, — оно вас направляет, так что вы никогда плохо не поступите. А я, раз у меня сердца нет, должен быть очень осторожен. Когда Оз даст мне сердце, мне будет куда легче.

VII. Дорога к Великому Озу

В ту ночь друзьям пришлось заночевать прямо в лесу под большим деревом, потому что домов поблизости не было. Густая крона хорошо защищала от росы, а Железный Дровосек, взяв топор, нарубил большую охапку дров, и Дороти разожгла жаркий костер, так что быстро согрелась и повеселела. Вместе с Тото она доела остатки хлеба и теперь ломала себе голову, что они будут есть завтра утром.

— Хочешь, — предложил Лев, — я пойду в лес и убью для тебя оленя? Можно зажарить его на костре, раз у тебя такие странные вкусы и ты не любишь сырое мясо. Будет отменный завтрак!

— Ах нет, пожалуйста, не надо! — взмолился Железный Дровосек. — Если ты убьешь несчастного оленя, я непременно разрыдаюсь и у меня снова заржавеют челюсти.

Лев, однако, всё же удалился в лес и раздобыл себе там еду, но никто так и не узнал, чем он поужинал, потому что рассказывать об этом Лев не стал. А Страшила отыскал дерево, усыпанное орехами, и наполнил ими корзинку Дороти, так что ей должно было хватить еды надолго.

Дороти была очень растрогана вниманием и заботой Страшилы, но от души смеялась, глядя, как неумело бедняга справляется с делом. Его набитые соломой руки были такие неуклюжие, а орехи такие мелкие, что больше их падало на землю, чем в корзинку. Но Страшила не смущался, что корзинка наполняется медленно, зато он мог подольше не возвращаться к костру, — ему все казалось, что какая-нибудь случайная искра вылетит из костра и спалит его. Вот Страшила и старался держаться от огня на почтительном расстоянии и приблизился, только чтобы укрыть Дороти сухими листьями, когда та легла спать. Под листьями было уютно. Дороти пригрелась и мирно проспала до самого утра.

Когда рассвело, девочка умылась в ручье, который журчал неподалеку, и вскоре друзья снова отправились в путь к Изумрудному городу.

В этот день нашим путешественникам было суждено пережить много приключений. Не прошло и часа, как перед ними оказался большой овраг, который перерезал дорогу, уходил далеко в лес и, видимо, делил его на две части. Овраг был очень широкий, и когда путники осторожно подобрались к его краю, они увидели, что он вдобавок и очень глубокий, а на дне торчат боль-

шие острые камни. Берега этого оврага так круто уходили вниз, что нечего было и думать сползти по ним, и сначала все решили, что путешествие подошло к концу.

— Что же делать? — воскликнула Дороти в отчаянии.

— Ума не приложу, — признался Железный Дровосек. Лев затряс лохматой гривой и задумался. А Страшила сказал:

— Летать мы не умеем, уж это точно. Сползти в этот глубокий овраг не сможем. Значит, если нам не удастся его перепрыгнуть, придется остаться здесь.

— Пожалуй, я смог бы перепрыгнуть, — сказал Трусливый Лев, тщательно прикинув в уме расстояние до другого берега.

— Тогда мы спасены! — обрадовался Страшила. — Ведь ты можешь перенести нас по одному на спине.

— Ладно. Попробую, — согласился Лев. — Кто первый?

— Я, — объявил Страшила. — Потому что, если тебе не удастся перепрыгнуть, Дороти разобьется насмерть, а Железного Дровосека искорежат острые камни. Со мной же ничего не будет, даже если я свалюсь.

— Я и сам ужасно боюсь упасть, — признался Трусливый Лев. — Но раз выхода нет, придется попробовать. Садись ко мне на спину и рискнем.

Страшила уселся Льву на спину, огромный зверь подошел к самому краю обрыва и припал к земле.

— Чего же ты не разбежался перед прыжком? — удивился Страшила.

— Потому что нам, львам, разбегаться ни к чему, — объяснил Лев.

И тут он прыгнул, они со Страшилой взлетели в воздух и благополучно приземлились на другом берегу. Все обрадовались, что у Льва так ловко это получилось. Страшила слез на землю, а Лев прыгнул обратно.

Дороти сказала, что теперь её очередь. Она взяла на руки Тото, взобралась Льву на спину и ухватилась за его гриву. Через секунду она взмыла в воздух и даже моргнуть не успела, как очутилась на другой стороне. Лев вернулся в третий раз, перенес Железного Дровосека, и все присели у дороги, чтобы Лев немного передохнул. Он запыхался от прыжков и тяжело дышал, словно большая собака после слишком долгого бега.

За оврагом лес стал ещё гуще, темней и страшней. Когда Лев отдышался, все снова зашагали по

дороге из желтых кирпичей; шли друзья молча, и каждый про себя гадал, дойдут ли они когда-нибудь до конца леса и увидят ли снова солнечный свет. Их тревога усилилась, когда из чащи до них донеслись какие-то странные звуки, и Лев шепотом сообщил им, что как раз в этих местах водятся Калидасы.

— Кто это? — спросила девочка.

— Это ужасные чудовища, — ответил Лев. — У них туловище медведя, голова тигра, а когти такие длинные и острые, что им так же легко разодрать пополам меня, как мне Тото. Я страшно боюсь этих Калидасов.

— Еще бы! — отозвалась Дороти. — Наверно, они очень кровожадные звери.

Не успел Лев ей ответить, как дорогу перед ними пересек ещё один овраг, на этот раз такой широкий и глубокий, что Лев сразу понял: тут не перепрыгнешь.

Путники присели на обочине и стали гадать, что же им делать, и после глубокого раздумья Страшила сказал:

— Смотрите, вон возле самого оврага растет высокое дерево. Если Железный Дровосек сможет его срубить, да так, чтобы оно упало поперек оврага, мы легко переберемся на ту сторону по

стволу.

— Превосходная мысль! — одобрил Лев. — Просто не верится, что у тебя в голове не мозги, а солома.

Железный Дровосек тотчас взялся за работу, и топор у него был такой острый, что очень скоро дерево было почти перерублено. Тут Лев уперся в него своими мощными передними лапами и толкнул изо всех сил, большое дерево медленно покачнулось и, затрещав, упало поперек оврага, так что верхние ветки легли на противоположный берег.

Но едва путники начали переправу по этому необычному мосту, как услышали громкое рычание и, оглянувшись, с ужасом увидели, что к ним мчатся два огромных зверя сами, как медведи, а головы тигриные.

— Это Калидасы! — завопил Трусливый Лев и затрясся от страха.

— Скорей! — закричал Страшила. — Скорей на тот берег!

Дороти, схватив на руки Тото, переправилась первая, за ней Железный Дровосек, потом Страшила, а Лев, уж на что испугался, всё-таки повернулся мордой к Калидасам да как рявкнет! Так громко, что Дороти взвизгнула, Страшила

упал навзничь, и даже свирепые звери приостановились и изумленно уставились на Льва.

Но убедившись, что он меньше их, и сообразив, что их двое против одного, Калидасы снова ринулись вперед, а Лев пробежал по дереву и обернулся посмотреть, что они будут делать дальше. Не останавливаясь ни на секунду, злобные Калидасы тоже побежали по стволу, и Лев сказал Дороти:

— Мы пропали. Теперь-то уж они разорвут нас на куски своими острыми когтями. Спрячься за мной, я буду сражаться с ними, пока жив.

— Подожди! — закричал Страшила, который все это время думал, что предпринять, и теперь велел Железному Дровосеку обрубить верхушку дерева, которая упиралась в их берег.

Железный Дровосек поднял топор, и, как раз когда Калидасы почти перебежали через овраг, дерево с громким треском рухнуло вниз, увлекая за собой отвратительных, оскаливших зубы чудовищ, так что оба Калидаса разбились об острые камни на дне.

— Ну что ж, — сказал Трусливый Лев и с облегчением глубоко вздохнул. — Значит, мы ещё поживем! Меня это радует, потому что, по-моему, расстаться с жизнью не очень-то приятно. Я так

испугался этих чудищ, что у меня до сих пор сердце колотится!

— Ах! — печально отозвался Железный Дровосек. — Как бы я хотел, чтобы у меня было сердце! Пусть бы себе колотилось!

После этого происшествия путникам уж вовсе не терпелось поскорее выбраться из леса, и они зашагали так быстро, что Дороти совсем выбилась из сил, пришлось ей сесть на спину Льву. Но чем дальше они шли, тем реже, к их великой радости, становились деревья, и ближе к вечеру друзья неожиданно вышли к широкой быстрой реке. Тут они увидели, что дорога из желтых кирпичей продолжается на другом, очень красивом, берегу, вьется там по зеленым лугам, усеянным яркими цветами, а фруктовые деревья по обе стороны дороги гнутся под тяжестью роскошных плодов. Все пришли в восторг, увидев такую красоту.

— Только как мы переправимся через реку? — спросила Дороти.

— А очень просто! — ответил Страшила. — Железному Дровосеку придется соорудить нам плот, и мы поплывем на нем к тому берегу.

Сказано — сделано. Железный Дровосек взял топор и принялся рубить невысокие деревья, чтобы построить из них плот, а Страшила тем

временем отыскал на берегу дерево, сплошь усыпанное вкуснейшими плодами. Дороти очень обрадовалась, ведь она целый день грызла одни орехи и теперь с удовольствием полакомилась спелыми фруктами.

Строить плот, даже такому ловкому и неутомимому мастеру, каким был Железный Дровосек, пришлось долго, и вот спустилась ночь, а плот ещё не был готов.

Поэтому друзья нашли укромное местечко под деревьями и проспали там до утра, и Дороти видела во сне Изумрудный город и доброго Волшебника Оза, который скоро отправит её домой.

VIII. Предательское маковое поле

На следующее утро путешественники проснулись бодрыми и полными надежд, и Дороти, как принцесса, позавтракала персиками и сливами с деревьев, росших у реки. Позади остался темный лес, который они благополучно миновали, хоть и смотрели там часто в лицо опасностям; перед ними расстилалась прекрасная, залитая солнцем страна, и казалось, она манит их вдаль, в Изумрудный город.

Правда, сейчас от этой прекрасной страны их

отделяла широкая река; но плот был почти готов, Железный Дровосек срубил ещё несколько деревьев, соединил стволы деревянными скрепами, и пришла пора отчаливать. Дороти села посередине и взяла на руки Тото. Плот опасно накренился, когда на него ступил Трусливый Лев, ведь Лев был большой и тяжелый, но Страшила и Железный Дровосек сразу шагнули на другой конец, и плот выровнялся; в руках они держали длинные шесты, чтобы толкать плот по реке.

Сначала все шло лучше некуда, но когда плот достиг середины, его быстро понесло вниз по течению, все дальше и дальше от дороги из желтых кирпичей; а река стала такая глубокая, что длинные шесты уже не доставали дна.

— Плохо, — заметил Железный Дровосек. — Если нам не удастся пристать к берегу, нас унесет в страну Злой Западной Ведьмы, а она заколдует нас и превратит в своих рабов.

— И я так и не получу мозгов, — сказал Страшила.

— А я — храбрости, — сказал Трусливый Лев.

— А я — сердца, — сказал Железный Дровосек.

— А я так и не вернусь в Канзас, — подхватила Дороти.

— Мы должны сделать все, чтобы попасть в

Изумрудный город, — продолжал Страшила и так налег на свой длинный шест, что тот прочно застрял в иле на дне. А плот между тем быстро несло течением, и Страшила не успел ни выдернуть шест, ни выпустить его из рук и повис, несчастный, посреди реки.

— Прощайте! — прокричал он вслед друзьям, и те очень огорчились, что вынуждены его покинуть, а Железный Дровосек даже заплакал, но, к счастью, спохватился, что может заржаветь, и вытер слезы передником Дороти.

Страшиле, конечно, не повезло.

«Мне сейчас ещё хуже, чем когда меня нашла Дороти, — думал он. — В тот раз шест стоял посреди кукурузного поля, можно было утешаться хотя бы тем, что я ворон пугаю, а какой прок от пугала, если оно торчит посреди реки? Боюсь, не видать мне мозгов!»

Плот несло все дальше по течению, а бедный Страшила остался далеко позади. Тут Лев сказал:

— Нужно что-то делать, иначе мы пропадем. Давайте я поплыву к берегу, а вы покрепче держите меня за хвост, и я потащу за собой плот.

Лев прыгнул в воду и что было мочи поплыл к берегу, а Железный Дровосек крепко уцепился за его хвост. Бороться с течением было трудно

даже огромному Льву. Но понемногу он всё-таки выбрался из быстрины, и тогда Дороти взяла шест Железного Дровосека и помогла толкать плот к берегу.

Все страшно устали, когда наконец причалили к берегу и высадились на красивый зеленый луг. К тому же друзья понимали, что течение унесло их очень далеко от дороги из желтых кирпичей, которая ведет в Изумрудный город.

— Что нам теперь делать? — спросил Железный Дровосек, а Лев улегся на траве, чтобы обсохнуть на солнце.

— Надо как-то выбраться на дорогу, — сказала Дороти.

— Лучше всего пойти прямо по берегу, пока мы снова на неё не выйдем, — предложил Лев.

И вот, когда все как следует отдохнули, Дороти подхватила свою корзинку, и они отправились по зеленому берегу назад, к дороге, от которой их унесла река. Место тут было очень красивое, кругом пестрело множество цветов, росли фруктовые деревья, солнце веселило путников, и они чувствовали бы себя совсем довольными, если бы им не было так жалко бедняжку Страшилу.

Друзья торопились изо всех сил. Дороти остановилась только раз, чтобы сорвать красивый

цветок, и немного погодя Железный Дровосек вдруг закричал:

— Смотрите!

Все посмотрели на реку и увидели Страшилу, он торчал на своем шесте посреди реки и выглядел очень грустным и одиноким.

— Как бы нам его спасти? — воскликнула Дороти.

Лев и Железный Дровосек покачали головами, они не знали, что делать. И все сели на берегу и стали печально смотреть на Страшилу, а тут как раз мимо пролетал Аист, он увидел их и опустился на берег у самой воды, чтобы передохнуть.

— Кто вы и куда идете? — спросил Аист.

— Меня зовут Дороти, — ответила девочка. — А это мои друзья — Железный Дровосек и Трусливый Лев. Мы идем в Изумрудный город.

— Вы идете неправильно, — сказал Аист. Он выгнул длинную шею и строго смотрел на странную компанию.

— Я знаю, — ответила Дороти. — Но мы потеряли Страшилу и не можем придумать, как нам его достать.

— А где он? — спросил Аист.

— Вон, посреди реки, — ответила девочка.

— Не будь он такой большой и тяжелый, я бы

принес его вам, — заметил Аист.

— Да он вовсе не тяжелый, — с жаром заверила его Дороти. — Он же набит соломой. И если ты принесешь его нам, мы будем тебе очень, очень благодарны.

— Попробую, — сказал Аист. — Только, если окажется, что он всё-таки тяжелый, я не смогу его удержать. Придется мне тогда бросить его в реку.

И большая птица взлетела и устремилась над водой туда, где на шесте торчал Страшила. Там Аист схватил его своими сильными лапами за рукав, поднял в воздух и перенес на берег, где сидели Дороти, Лев, Железный Дровосек и Тото.

Снова оказавшись среди друзей, Страшила был так счастлив, что бросился всех обнимать, даже Льва и Тото, а когда они опять зашагали вдоль берега, он запел в такт своим шагам: «Та-ра-ра-ра-ра!» — до того ему было весело.

— Я уж боялся, что останусь посреди реки навсегда, — признался Страшила. — Спасибо, добрый Аист спас меня, и если я когда-нибудь обзаведусь мозгами, я отыщу его и отплачу ему добром.

— Да чего там, не стоит благодарности, — сказал Аист, летевший рядом. — Я всегда рад помочь тому, кто в беде. Однако мне пора, меня заждались птенцы в гнезде. Надеюсь, вы найдете Изумруд-

ный город и Оз вам поможет.

— Спасибо, — ответила Дороти, и добрый Аист взмыл вверх и вскоре исчез из вида.

А наши путники шли все дальше, слушали пение ярких птиц и любовались красивыми цветами, их тут было такое множество, что земля стала похожа на ковер. Цветы были крупные, желтые, белые, голубые, лиловые, а ещё то и дело попадались полянки пунцовых маков, да таких ярких, что у Дороти зарябило в глазах.

— Посмотрите, какая прелесть! — восклицала девочка, вдыхая пряный аромат.

— Пожалуй, — соглашался Страшила. — Вот разживусь мозгами, тогда, наверно, научусь радоваться цветам.

— Будь у меня сердце, они бы и мне понравились, — добавил Железный Дровосек.

— А я всегда любил цветы, — заметил Лев. — Уж очень они беззащитные и хрупкие. Но в лесу таких ярких не бывает.

Маков становилось все больше и больше, других цветов все меньше, и вскоре наши путники очутились посреди большого поля, сплошь заросшего маками. А известно: когда этих цветов слишком много, запах у них такой сильный, что тот, кто его вдыхает, может заснуть; и если

спящего не унести прочь, он никогда больше не проснется. Но Дороти этого не знала, да и некуда было уйти от этих больших красных цветов, они росли повсюду; скоро глаза у девочки начали слипаться, ей очень захотелось присесть, отдохнуть, поспать.

Однако Железный Дровосек не позволил ей передохнуть.

— Надо торопиться, чтобы засветло попасть на дорогу из желтых кирпичей, — сказал он, и его поддержал Страшила. Так что все, не останавливаясь, пошли дальше, но Дороти уже не держалась на ногах. Глаза у неё закрывались сами собой, она перестала понимать, где находится, упала посреди маков и крепко заснула.

— Что будем делать? — спросил Железный Дровосек.

— Если мы оставим её здесь, она погибнет, — ответил Лев. — Запах этих цветов нас всех погубит. У меня у самого глаза слипаются, а собака и вовсе уже спит.

И правда, Тото свалился рядом со своей маленькой хозяйкой. А вот Железному Дровосеку и Страшиле запах ничем не угрожал, они же не были людьми из плоти и крови.

— Скорей беги отсюда, — велел Страшила

Льву. — Беги из этого коварного цветника как можно скорее. А мы понесем девочку. Ведь если ты заснешь, нам тебя не поднять, очень уж ты большой.

Лев встрепенулся и со всех ног помчался вперед. Через минуту его уже не было видно.

— Давай сделаем из рук стульчик и понесем её, — предложил Страшила.

Они подняли Тото, положили его Дороти на колени, взялись за руки, так что из кистей получилось сиденье, а из рук — перила, и понесли спящую Дороти по маковому полю.

Друзья шли и шли, но казалось, огромный ковер гибельных цветов никогда не кончится. Они шли вдоль излучины реки и вдруг наткнулись на своего приятеля Льва, крепко уснувшего посреди маков. Цветы оказались сильнее могучего зверя, он сдался и упал почти на самом краю макового поля, хотя рядом уже начинались зеленые поля, поросшие сочной травой.

— Мы не сможем ему помочь, — печально сказал Железный Дровосек. — Он слишком тяжелый, нам его не поднять. Придется оставить его здесь навсегда, пусть спит, и, может быть, ему приснится, что он наконец стал храбрым.

— Как грустно! — сказал Страшила. — Лев, хоть

и трус, был нам добрым другом. Но надо идти дальше.

Путники принесли спящую Дороти в уютное местечко возле воды, подальше от макового поля, сюда не долетал ядовитый запах цветов, осторожно положили девочку на мягкую траву и стали ждать, когда её разбудит свежий ветерок.

IX. Королева полевых мышей

— Мы уже недалеко от дороги из желтых кирпичей, — заметил Страшила, стоя возле девочки. — Ведь мы почти дошли до того места, откуда нас унесла река.

Железный Дровосек только собрался ему ответить, как услышал негромкое рычание и, повернув голову (которая прекрасно вертелась на шарнирах), увидел странного зверя, прыгающего в траве. Это была большая рыжая дикая кошка, и Дровосек понял, что она, должно быть, за кем-то охотится, — уши у неё были плотно прижаты к голове, пасть широко открыта и из неё торчало два ряда страшных зубов, а глаза горели, как раскаленные угли. Когда кошка подобралась поближе, Железный Дровосек заметил, что от неё быстро убегает маленькая серая полевая мышка, и хотя

сердца у Дровосека не было, он сразу решил, что не даст кошке убить такое славное, безобидное созданье.

Поэтому Железный Дровосек занес топор и, когда кошка поравнялась с ним, метким ударом отсек ей голову, так что сраженный зверь покатился к его ногам.

А полевая мышка, избавленная от своей преследовательницы, сперва замерла, а потом медленно подошла к Дровосеку и проговорила тонким, писклявым голосом:

— Спасибо, спасибо тебе! Большое спасибо, ты спас мне жизнь!

— Не о чем говорить! — ответил Дровосек. — Дело в том, что у меня нет сердца, вот я и стараюсь помогать всем, кто попадает в беду, даже если это всего лишь маленькая мышь…

— Всего лишь мышь! — возмутилась зверушка. — Да я — Королева всех полевых мышей.

— Вот оно что! — протянул Железный Дровосек и отвесил ей поклон.

— И поэтому ты совершил не просто смелый поступок, но и великий подвиг, когда спас мне жизнь, — добавила Королева.

И тут они увидели, что к ним быстро-быстро, как только позволяют их маленькие лапки, мчат-

ся полевые мыши. Увидев свою Королеву, они запищали:

— Ах, Ваше Величество! А мы уж думали, вы погибли! Как вам удалось спастись от этой ужасной дикой кошки? — И они склонились перед Королевой в таком глубоком поклоне, что чуть не перекувырнулись через голову.

— Посмотрите на этого занятного железного человека, — ответила Королева, — это он убил дикую кошку и спас мне жизнь. Отныне вы должны служить ему верой и правдой и выполнять любые его желания.

— Клянемся! — пронзительно запищали мыши хором. Но тут же бросились врассыпную, потому что своим писком разбудили Тото, а он, увидев вокруг такое множество мышей, радостно залаял и прыгнул в самую середину мышиной компании. Тото обожал ловить мышей, ещё когда жил в Канзасе, и не находил в этом ничего предосудительного. Но Железный Дровосек подхватил Тото на руки, крепко прижал к себе и крикнул мышам:

— Вернитесь! Вернитесь! Тото вас не тронет!

При этих словах Королева мышей высунула голову из-под пучка травы и робко спросила;

— Ты ручаешься, что он нас не тронет?

— Я ему не позволю, — заверил её Железный Дровосек, — так что не бойтесь.

Одна за другой мыши засеменили обратно, и Тото уже больше не лаял, хотя силился вырваться из железных рук Дровосека и наверняка укусил бы его, если бы не знал, что только зубы себе обломает. В конце концов самая большая мышь сказала:

— Чем можно тебе услужить? Нам хочется отблагодарить тебя за то, что ты спас жизнь нашей Королеве.

— Да мне ничего не надо, — ответил Железный Дровосек, и тут Страшила, который изо всех сил старался думать, но ничего у него не получалось, так как голова была набита соломой, вдруг быстро вмешался:

— Надо! Надо! Спасите нашего друга Трусливого Льва, он заснул на маковом поле.

— Льва! — ужаснулась маленькая Королева. — Да он же всех нас съест!

— Нет, не съест, — заверил её Страшила. — Этот Лев — трус.

— Неужели? — не поверила мышь.

— Он сам нам признался, — ответил Страшила. — И потом, наших друзей он никогда не тронет. Если вы поможете нам спасти его, обе-

щаю, что он будет с вами добр и ласков.

— Ладно, — сказала Королева. — Мы тебе верим. Но что надо сделать?

— Много ли мышей тебе повинуется и считает тебя своей Королевой?

— О да, тысячи! — ответила Королева.

— Тогда пошли за ними, и пусть бегут сюда как можно скорее, и пусть каждая захватит с собой большой кусок бечевки.

Королева повернулась к своей свите и велела тотчас собрать всех подданных. Выслушав приказ, мыши бросились врассыпную.

— А теперь, — обратился Страшила к Железному Дровосеку, — ступай-ка вон к тем деревьям на берегу и сделай из них тележку, мы повезем на ней Льва.

Дровосек сразу отправился на берег и взялся за работу; он соорудил тележку из стволов деревьев, с которых обрубил все ветки с листьями. Бревна скрепил деревянными гвоздями, а из коротких обрубков смастерил четыре колеса. Он управился с этим так быстро и ловко, что, когда стали собираться мыши, телега была почти готова.

Мыши сбегались со всех сторон, их были тысячи: мыши большие, мыши средние, совсем маленькие мышки, и каждая держала в зубах ку-

сок бечевки. Как раз в это время Дороти очнулась от долгого сна и открыла глаза. Она очень удивилась, увидев, что лежит на траве, а вокруг тысячи мышей, которые боязливо её рассматривают. Но Страшила ей все объяснил и, повернувшись к мыши, которая держалась с особым достоинством, произнес:

— Позволь представить тебе Её Величество Королеву.

Дороти серьезно кивнула, а Королева сделала реверанс, после чего они с девочкой сразу стали друзьями.

Тут Страшила и Дровосек начали привязывать мышей к тележке теми самыми бечевками, которые мыши принесли с собой. Один конец завязывали у мыши на шее, другой привязывали к тележке. Конечно, тележка была в тысячу раз больше каждой мыши, но когда привязали всех мышей, они легко сдвинули тележку с места, и хотя на неё взгромоздились ещё Страшила с Железным Дровосеком, чудесные маленькие лошадки быстро помчались к тому месту, где лежал спящий Лев.

Долго пришлось им трудиться, пока они водрузили его на тележку, ведь Лев был очень тяжелый. Потом Королева приказала своим подданным

поскорее трогать, так как опасалась, что, если мыши задержатся, они тоже заснут.

Хоть мышей было великое множество, сначала им никак не удавалось покатить тяжело груженную тележку, но Страшила и Железный Дровосек подоспели на помощь, подтолкнули тележку сзади, и процессия тронулась в путь. Скоро они выкатили Льва с макового поля на луг, где можно было снова дышать чистым воздухом, а не ядовитым ароматом цветов.

Дороти кинулась им навстречу и горячо поблагодарила мышей за то, что они спасли её друга от смерти. Девочка так полюбила большого Льва, что очень радовалась его спасению.

Потом мышей выпрягли из тележки, и они разбежались по домам. Королева удалилась последней.

— Если когда-нибудь мы снова вам понадобимся, — сказала она, — выйдите в поле и позовите нас. Мы услышим и придем вам на — помощь. Прощайте!

— До свидания! — закричали друзья, и Королева шмыгнула прочь, а Дороти придержала Того, чтобы он не кинулся следом и не испугал её.

После этого путники сели возле Льва и стали ждать, когда он проснется, а тем временем

Страшила принес Дороти на обед фруктов с ближайшего дерева.

X. Привратник

Прошло некоторое время, прежде чем Лев очнулся, он ведь очень долго пролежал среди цветов, вдыхая их губительный аромат; но когда наконец открыл глаза и скатился с тележки, то был рад-радешенек, обнаружив, что остался в живых.

— Я бежал со всех ног, — объяснил он, садясь и зевая, — но эти цветы меня всё же одолели. А как вам удалось вытащить меня оттуда?

Друзья рассказали ему про полевых мышей и про то, как мыши самоотверженно спасали его от смерти. Трусливый Лев расхохотался и сказал:

— Я всегда считал себя большим и Сильным, и, нате вам, самые маленькие растения цветы — меня чуть не убили, а крошечные мыши спасли от смерти. Разве это не удивительно? Однако, друзья, что мы будем делать теперь?

— Надо идти дальше, пока не отыщем дорогу из желтых кирпичей, — сказала Дороти. — А уж там пойдем прямо в Изумрудный город.

К этому времени Лев уже совсем пришел в себя

и как следует отдохнул, так что наши герои опять двинулись вперед, с удовольствием ступая по мягкой свежей траве, и скоро перед ними оказалась дорога из желтых кирпичей, по которой они повернули к Изумрудному городу, где жил Великий Оз.

Дорога здесь была ровная, хорошо вымощенная, бежала по красивым местам, и наши путники радовались, что оставили лес далеко позади, а вместе с ним и многочисленные опасности, которые подстерегали их под его мрачной сенью. Снова вдоль дороги тянулись изгороди, но теперь они были выкрашены в зеленый цвет, а когда друзья поравнялись с маленьким домом, в котором, как видно, жил фермер, то оказалось, что и дом тоже выкрашен зеленой краской. За день путники прошли мимо нескольких таких домов, иногда хозяева подходили к дверям и смотрели на наших героев, словно хотели о чём-то спросить, но никто не осмеливался подойти поближе и заговорить: всех пугал огромный Лев. На этих людях одежда была красивого изумрудного цвета, и, так же как мусолики, они носили остроконечные шляпы.

— Наверно, это и есть страна Оз, — сказала Дороти. — Значит, мы приближаемся к Изумруд-

ному городу.

— Да, — ответил Страшила. — Здесь все зеленое, а в стране мусоликов любимый цвет — голубой. Но здешние люди не такие приветливые, как мусолики, и, боюсь, нам не найти места для ночлега.

— Ох как мне надоели фрукты, как бы хотелось съесть что-нибудь другое, — пожаловалась Дороти. — И Тото, по-моему, просто умирает с голоду. Давайте остановимся у следующего домика и поговорим с хозяевами.

Они как раз проходили мимо довольно большого дома. Дороти смело направилась к дверям и постучала. Хозяйка слегка приоткрыла дверь, выглянула и спросила:

— Чего тебе, дитя? И почему ты водишь с собой этого большого Льва?

— Не разрешите ли переночевать у вас? — обратилась к ней Дороти. — А Лев — мой друг и товарищ, он вас не тронет, не бойтесь.

— Он что, ручной? — спросила женщина и приоткрыла дверь чуть-чуть пошире.

— О да, — сказала девочка, — и к тому же отчаянный трус, так что боится вас куда больше, чем вы его.

— Ну что ж, — сказала женщина, немного по-

думав и ещё раз оглядев Льва. — В таком случае входите, я накормлю вас ужином и покажу, где можно переночевать.

Друзья вошли в дом, где кроме женщины было ещё двое детей и мужчина. Мужчина повредил ногу и лежал на диване в углу. И он, и дети очень удивились при виде такой странной компании, и пока хозяйка накрывала на стол, хозяин спросил:

— Куда направляетесь?

— В Изумрудный город, — сказала Дороти. — К Великому Озу.

— Вот оно что! — воскликнул хозяин. — А вы уверены, что Оз вас примет?

— Почему бы и нет? — спросила Дороти.

— А потому, что, как говорят, он никогда никому не показывается. Я много раз бывал в Изумрудном городе, но мне ни разу не довелось увидеть Великого Оза, да и вообще я не знаю никого, кто бы его видел.

— Разве он никогда не выходит из дворца? — спросил Страшила.

— Никогда. Сидит целыми днями у себя в огромном Тронном зале, и даже слуги ни разу не встречались с ним лицом к лицу.

— На кого он похож? — спросила Дороти.

— Трудно сказать, — задумался хозяин. — Видите ли, Оз — Великий Волшебник, он может принимать любые обличья, какие пожелает. Так что одни говорят: он похож на птицу, другие — на слона, а третьи уверяют, что он точь-в-точь кошка. Перед кем-то он прикидывается прекрасной феей, перед кем-то — домовым или ещё чем-нибудь этаким, как ему вздумается. А вот как выглядит настоящий Оз, какой он на самом деле, этого ни одна живая душа не знает.

— Очень странно, — сказала Дороти. — И всё-таки мы постараемся его увидеть, иначе, выходит, мы зря сюда шли.

— А зачем вам Оз, Великий и Ужасный? — спросил хозяин.

— Я хочу, чтобы он дал мне мозги, — сказал Страшила.

— Ну, это-то Озу ничего не стоит, — заверил его хозяин. — Мозгов у него хоть отбавляй.

— А я хочу, чтобы он дал мне сердце, — сказал Железный Дровосек.

— За этим тоже дело не станет, — продолжал хозяин. — Сердец у него целая коллекция, всех форм и размеров.

— А я хочу, чтобы он дал мне храбрость, — сказал Трусливый Лев.

— Оз держит у себя в Тронном зале большой кувшин с храбростью, — сказал хозяин. — Его даже приходится накрывать золотой тарелкой, чтобы храбрость не переливалась через край. Он охотно с тобой поделится.

— А я хочу, чтобы он отправил меня обратно в Канзас, — сказала Дороти.

— Где это Канзас? — удивился хозяин.

— Не знаю, — печально отозвалась девочка. — Но я там живу и твердо знаю, что он где-то есть.

— Вполне вероятно. Ну что ж, Оз все может, наверно, он и твой Канзас найдет. Но прежде всего вам нужно попасть к нему, а это трудное дело, потому что Великий Волшебник не любит ни с кем встречаться, а раз не любит, уж он на своем настоит. А ты чего хочешь? — обратился хозяин к Тото. Но Тото только завилял хвостом, потому что, как ни удивительно, разговаривать он не умел.

Тут хозяйка позвала всех ужинать. Друзья уселись за стол, и перед Дороти поставили вкусную овсянку, тарелку с вареными яйцами и свежий белый хлеб, она уплетала все за обе щеки. Лев тоже попробовал кашу, но такая еда ему не понравилась; он объяснил, что каша из овса, а овес пригоден только для лошадей, но никак не для львов. Страшила и Железный Дровосек вовсе не

ужинали. А Тото попробовал всего понемногу, радуясь, что снова может хорошо поесть.

Хозяйка постелила Дороти постель, и Тото улегся рядом с девочкой, а Лев сторожил дверь в комнату, чтобы Дороти никто не потревожил. Страшила и Железный Дровосек встали в уголке и тихо простояли всю ночь, ведь спать они не умели.

Наутро, как только взошло солнце, все снова двинулись в путь и вскоре увидели впереди восхитительное зеленое сияние.

— Наверно, это и есть Изумрудный город, — сказала Дороти.

Чем ближе они подходили, тем ярче разгоралось зеленое зарево; похоже было, что наши друзья приближаются к концу своего путешествия. Но всё же к большой стене, окружавшей город, они подошли только к вечеру. Стена была высокая, мощная и ярко-зеленая.

Дорога из желтых кирпичей упиралась прямо в тяжелые ворота, усыпанные изумрудами; камни так сверкали на солнце, что их блеск ослепил даже Страшилу, хоть глаза у него были нарисованные.

Возле ворот наши путешественники увидели звонок. Дороти нажала на кнопку и услышала,

как за стеной раздался перезвон серебряных колокольчиков. Большие ворота медленно растворились, вся компания прошла внутрь и оказалась в высоком сводчатом зале, на стенах которого сияли бесчисленные изумруды.

Их встретил маленький человек почти такого же роста, как мусолики. Он был весь в зеленом, и даже кожа его казалась зеленоватой. Возле него стоял большой зеленый сундук.

Увидев Дороти и её спутников, человечек спросил:

— Что привело вас в Изумрудный город?

— Мы пришли, чтобы повидаться с Великим Озом, — сказала Дороти.

Этот ответ так озадачил человечка, что он даже сел, чтобы хорошенько подумать.

— Уже много лет никто не просит у меня встречи с Озом, — пояснил он растерянно и покачал головой. — Оз — Могущественный и Ужасный; если вы нарушите его мудрые размышления, а дело у вас какое-нибудь глупое и пустяковое, он может разгневаться и уничтожить всех вас в одну секунду.

— Вовсе у нас не пустяковое дело, а наоборот, очень важное, — возразил Страшила. — К тому же нам говорили, что Оз — добрый волшебник.

— Он и есть добрый, — ответил зеленый человечек. — И правит Изумрудным городом мудро и справедливо. Но он не терпит нечестных и тех, кто хочет поглазеть на него из праздного любопытства. Лишь немногие осмеливаются просить о встрече с ним. Но я — Привратник, и раз вы хотите встретиться с Великим Озом, я обязан доставить вас к нему во дворец. Только сначала наденьте очки.

— Зачем? — удивилась Дороти.

— Потому что, если вы их не наденете, блеск и великолепие Изумрудного города вас ослепят. Даже те, кто живет в городе, обязаны носить очки днем и ночью. У всех дужки очков на затылке запираются на маленький замок, так приказал Оз сразу же, как построил наш город. А единственный ключ, которым можно их отомкнуть, находится у меня.

Привратник открыл большой сундук, и Дороти увидела, что он полон очков всех размеров и фасонов. И у всех зеленые стекла. Привратник подобрал подходящую для Дороти пару и надел на неё. К очкам были прикреплены две золотые ленточки. Привратник завязал их у Дороти на затылке, скрепил концы и запер их маленьким ключиком, который висел у него на шее на це-

почке.

Теперь Дороти не смогла бы снять очки, даже если бы захотела, но ей, конечно, вовсе не хотелось ослепнуть от блеска Изумрудного города, и поэтому она не стала спорить.

Затем зеленый человечек подобрал очки для Страшилы, для Железного Дровосека, для Льва, даже для Тото и запер все очки маленьким ключом.

Наконец он сам надел очки и объявил, что готов проводить путников во дворец. Сняв со стены большой золотой ключ, Привратник открыл другие ворота и вывел наших друзей на улицы Изумрудного города.

XI. Чудесный Изумрудный город Оза

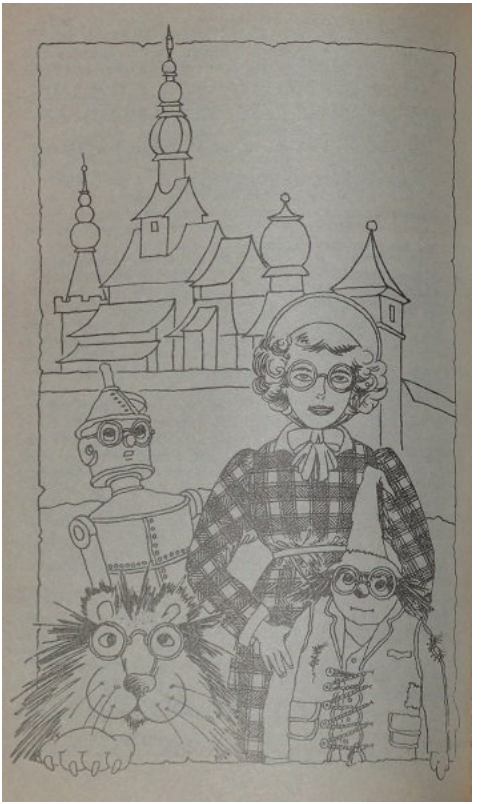
Даже в очках, под защитой зеленых стекол, Дороти и её друзья сначала чуть не ослепли от блеска необыкновенного города. Вдоль улиц стояли красивые дома из зеленого мрамора, украшенные сверкающими изумрудами. Под ногами были плиты такого же зеленого мрамора, а швы, где плиты соединялись, были сплошь выложены изумрудами, которые горели под ярким солнцем. В окнах были зеленые стекла, даже небо над го-

родом отливало зеленым, даже солнечные лучи были зеленые.

По улице прогуливалось много народу — мужчин, женщин и детей, — и все были одеты в зеленое, и кожа у всех была зеленоватая. Встречные удивленно поглядывали на Дороти и на её странных спутников, а дети при виде Льва разбегались и прятались за матерей, но никто не решался заговорить с нашими друзьями. На улицах было много лавок, и Дороти заметила, что в них продавали все зеленое: зеленые конфеты, зеленую воздушную кукурузу, а также зеленые туфли, зеленые шляпы и зеленые платья всех фасонов. В одном месте продавали зеленый лимонад, и Дороти увидела, что дети расплачиваются за него зелеными монетками.

Нигде в городе не было видно ни лошадей, ни каких-нибудь других животных, мужчины сами возили все на маленьких зеленых тачках, которые они толкали перёд собой. Все казались довольными, счастливыми и веселыми.

Привратник провел наших друзей по улицам и остановился у большого здания в центре города — это и был дворец Оза, Великого Волшебника. У входа стоял солдат в зеленой форме, с длинной зеленой бородой и зелеными усами.



— Это чужеземцы, — объяснил Привратник. — Они требуют встречи с Великим Озом.

— Пусть войдут, — распорядился солдат. — Я

доложу ему.

Наши путники прошли в ворота дворца, их отвели в большую комнату, которая была отделана изумрудами. Перед входом солдат заставил друзей вытереть ноги о зеленый коврик, а когда все сели, он вежливо сказал:

— Пожалуйста, устраивайтесь поудобнее, а я подойду к двери Тронного зала и доложу Озу.

Им пришлось долго ждать, пока солдат вернется. Когда он наконец появился, Дороти спросила:

— Ну как, вы видели Оза?

— Что ты! — сказал солдат. — Я его никогда не вижу. Но я с ним говорил. Он сидел за ширмой, и я передал ему вашу просьбу. Оз ответил, что, раз уж вы так хотите, он даст вам аудиенцию, но встретится с каждым поодиночке и будет принимать вас по одному в день. Поэтому вам предстоит некоторое время пожить у нас. Сейчас я покажу вам комнаты, где вы сможете отдохнуть с дороги.

— Спасибо, — ответила девочка. — Это очень любезно со стороны Оза.

Солдат засвистел в зеленый свисток, и тут же в комнату вошла молодая девушка, одетая в хорошенькое шелковое зеленое платье. У неё были красивые зеленые волосы и зеленые глаза. Она

низко поклонилась Дороти и сказала:

— Следуй за мной, я покажу тебе твою комнату.

Дороти попрощалась со своими друзьями, взяла Тото на руки и пошла за девушкой в зеленом. Они прошли через семь коридоров, поднялись по трем лестницам и наконец пришли в комнату, расположенную в передней части дворца. Это была восхитительная маленькая комната, в ней стояла маленькая удобная кровать с простынями из зеленого шелка и с зеленым бархатным покрывалом. В середине комнаты бил маленький фонтан — струя зеленых духов взлетала вверх и падала в красивую чашу из зеленого мрамора. На подоконниках стояли прелестные зеленые цветы, а на стене висела полка с маленькими зелеными книгами. Когда у Дороти нашлось время заглянуть в них, она увидела там множество занятных зеленых картинок и не могла удержаться от смеха, такие они были забавные.

В шкафу висели зеленые платья из шелка, атласа и бархата, и все были словно на Дороти сшиты.

— Будь как дома, — сказала девушка в зеленом. — И позвони в звонок, если тебе что-нибудь понадобится. Оз пришлет за тобой завтра утром.

Девушка оставила Дороти одну, а сама вернулась к её спутникам. Она развела их по комнатам, и оказалось, что каждого поселили в каком-то красивом уголке дворца.

Конечно, Страшила не мог оценить такой предупредительности; когда его оставили одного, он как встал в дверях будто вкопанный, так и простоял до утра. Спать ему было ни к чему, он ведь даже глаза закрывать не умел, вот он и провел всю ночь, пялясь на маленького паука, который, как ни в чём не бывало, плел паутину в углу, словно жил в самой обычной комнате. Железный Дровосек просто по привычке улегся на кровать, вспомнив те времена, когда он был ещё из плоти и крови; но спать он разучился и скоротал ночь, упражняя свои суставы: он сгибал и разгибал их, желая убедиться, что они в полном порядке. Лев предпочел бы постель из сухих листьев в лесу, к тому же ему не понравилось, что его заперли; но у него хватило ума не расстраиваться, он прыгнул на кровать, свернулся, как кошка, замурлыкал и через минуту заснул.

Утром после завтрака девушка в зеленом пришла за Дороти и нарядила её в одно из самых красивых платьев из зеленой парчи. Дороти надела ещё зеленый шелковый фартук, завязала на

шее Тото зеленую ленточку, и они отправились в Тронный зал к Великому Озу.

Сначала они очутились в большой прихожей, в которой толпились придворные дамы и кавалеры, разодетые в роскошные костюмы. Делать этим людям было нечего, они просто болтали друг с другом, но каждое утро непременно приходили сюда и ждали у дверей Тронного зала, хотя ни разу не были допущены лицезреть Оза. Когда Дороти вошла, все с любопытством уставились на неё, а одна из дам спросила шепотом:

— Неужели ты и правда решишься поднять глаза на Оза? На самого Оза, Великого и Ужасного?

— Разумеется, — ответила девочка. — Если только он захочет меня принять.

— Он тебя обязательно примет, — вмешался солдат, который докладывал о ней Волшебнику, — хотя терпеть не может, когда у него просят аудиенции. По правде говоря, он сначала рассердился и велел отправить вас туда, откуда вы явились. А потом спросил, как ты выглядишь, и когда я упомянул о серебряных туфлях, он очень заинтересовался вами. А уж когда услышал про знак, что у тебя на лбу, решил допустить вас всех к себе.

Тут прозвенел звонок, и девушка в зеленом

сказала Дороти:

Это сигнал. В Тронный зал ты пойдешь одна.

Девушка открыла маленькую дверь, Дороти смело переступила порог и очутилась в удивительном помещении.

Это была большая комната, круглая, с высоким сводом, стены, пол и потолок были украшены крупными изумрудами, тесно лепившимися друг к другу. На потолке, в самой середине, висел великолепный фонарь, яркий, как солнце, и под его лучами изумруды мерцали и переливались так, что нельзя было глаза отвести.

Но больше всего Дороти поразил огромный трон из зеленого мрамора, стоявший посреди комнаты. Он напоминал кресло и, как все вокруг, сверкал от драгоценных камней. На сиденье покоилась громадная Голова, без волос, но с глазами, носом и ртом; ни туловища, ни рук, ни ног не было. Г олова была гигантская, такой даже у самого большого великана не увидишь.

Пока Дороти со страхом и изумлением рассматривала эту Голову, глаза медленно повернулись и уставились на неё зорко и неподвижно. Затем дрогнули губы, и Дороти услышала голос:

— Я — Оз, Великий и Ужасный. Кто ты и почему ищешь встречи со мной?

Голос был не такой уж страшный, хоть Дороти ждала, что у этой огромной Головы и голос должен быть ужасный. Девочка набралась храбрости и ответила:

— Я — Дороти, маленькая и смирная. Я пришла к тебе за помощью.

Почти целую минуту глаза задумчиво рассматривали её. Потом голос зазвучал снова:

— Откуда у тебя серебряные туфли?

— Они достались мне от Злой Восточной Ведьмы, когда на неё упал мой дом и она погибла, — ответила Дороти.

— А откуда у тебя этот знак на лбу? — допытывался голос.

— Меня поцеловала на прощанье Добрая Северная Ведьма, когда посылала к тебе.

Глаза снова пристально уставились на Дороти, и, видно, Оз понял, что она говорит правду. Тогда он спросил:

— Чего ты от меня хочешь?

— Отправь меня обратно в Канзас, к тетушке Эм и дядюшке Генри, — попросила Дороти, серьезно глядя на Волшебника. — Мне не по душе твоя страна, хоть она очень красивая. К тому же, я уверена, тетушка Эм ужасно беспокоится, что меня так долго нет.

Глаза трижды моргнули, поднялись к потолку, уставились в пол и так странно завращались, что, казалось, разом оглядели всю комнату — каждый уголок. Наконец они снова остановились на Дороти.

— Почему это я должен тебе помогать? — спросил Оз.

— Потому что ты сильный, а я слабая, потому что ты — Великий Волшебник, а я всего лишь маленькая беспомощная девочка.

— Однако у тебя хватило сил убить Злую Восточную Ведьму, — заметил Оз.

— Так уж случилось, — просто ответила Дороти. — Тут я ничего не могла. поделать.

— Ну ладно, — сказала Голова. — Слушай мой ответ. Не воображай, что я отправлю тебя в Канзас, если и ты не сделаешь что-нибудь для меня. В нашей стране принято платить за все, что получаешь. Если хочешь, чтобы я пустил в ход волшебство и отправил тебя домой, сделай сначала что-нибудь для меня. Помоги мне, и я помогу тебе.

— Что нужно сделать? — спросила девочка. Убей Злую Западную Ведьму, — ответил Оз.

Да разве я могу? — воскликнула пораженная Дороти.

— Ты же убила Злую Восточную Ведьму, и вдобавок на тебе серебряные туфли, а они обладают волшебной силой. У нас в стране осталась одна Злая Ведьма, и когда ты сообщишь мне, что она погибла, я сразу отправлю тебя в Канзас, но не раньше.

Девочка заплакала, она была очень разочарована; а глаза Головы снова заморгали и посмотрели на неё с беспокойством, как будто Великий Оз чувствовал, что Дороти может ему помочь, но неизвестно, захочет ли.

— Я никогда никого не убивала, — всхлипывала Дороти, — и даже если бы мне захотелось, как я убью Злую Ведьму? Уж если ты Великий и Ужасный — не можешь убить её сам, почему ты думаешь, что я смогу?

Не знаю, — сказала Голова. — Но таков мой ответ, и пока Злая Ведьма не умрет, не видать тебе ни дядюшки Генри, ни тетушки Эм. И запомни: Ведьма злая, ужасно злая, её обязательно надо убить. А теперь иди и не показывайся мне на глаза, пока не выполнишь задание.

Опечаленная Дороти вышла из Тронного зала и вернулась ко Льву, Страшиле и Железному Дровосеку, которым не терпелось услышать, что обещал ей Оз.

— Мне не на что надеяться, — сказала она грустно. — Оз не отправит меня домой, пока я не убью Злую Западную Ведьму; а этого я никогда не смогу сделать.

Друзьям было очень жаль девочку, но помочь ей они ничем не могли, и она ушла к себе в комнату, улеглась в постель и плакала, пока не заснула.

На следующее утро солдат с зелеными усами пришел к Страшиле и сказал:

— Идем, Оз послал за тобой.

И Страшила пошел за ним, вступил в большой Тронный зал и увидел, что на изумрудном троне сидит Красавица, каких свет не видал. На ней было зеленое газовое платье, на плечи спадали зеленые локоны, на голове сверкала корона из драгоценных камней. За спиной у Красавицы виднелись яркие пестрые крылья, такие легкие, что они трепетали при малейшем дуновении.

Страшила отвесил поклон этому прекрасному созданью и, хоть был набит соломой, изо всех сил старался держаться как можно грациозней, а Красавица ласково посмотрела на него и. сказала:

— Я — Оз, Великий и Ужасный. Кто ты и почему ищешь встречи со мной?

Страшила ожидал увидеть огромную Голову, о

которой рассказывала Дороти, и, очень удивившись, храбро ответил:

— Я — всего-навсего Пугало, набитое соломой. У меня нет мозгов, вот я и пришел к тебе просить и умолять, чтобы вместо соломы ты вложил мне в голову мозги, тогда я стану таким же, как все люди в твоих владениях

— С какой стати я буду для тебя что-то делать? — спросила леди.

— Потому что ты — мудрый и могущественный Волшебник, и, кроме тебя, мне помочь некому, — ответил Страшила.

— Я не оказываю услуг даром, — сказал Оз. — Но тебе обещаю помочь. Убей для меня Злую Западную Ведьму, и я пожалую тебе мозгов сколько захочешь, да таких, что ты станешь самым мудрым в стране Оз.

— А я думал, ты велел Дороти убить Ведьму, — удивился Страшила.

— Велел. Мне все равно, кто её убьет. Но пока она жива, твое желание не будет исполнено. А теперь иди и не пытайся попасть ко мне снова, пока не заслужишь мозги, которых так добиваешься.

Опечаленный Страшила вернулся к своим друзьям и поведал им, что приказал ему Оз; Дороти очень удивилась, что Великий Волшебник ока-

зался на этот раз не огромной Головой, каким он предстал перед ней, а Красавицей.

— Одно могу сказать, — заметил Страшила, — этой прекрасной леди, как и Железному Дровосеку, не мешало бы иметь сердце.

Наутро солдат с зелеными усами пришел за Железным Дровосеком и сказал:

— Оз приказал привести тебя. Следуй за мной.

Железный Дровосек пошел за ним к большому Тронному залу. Он не знал, каким явится ему Оз — Красавицей или огромной Головой. Ему бы больше хотелось увидеть прекрасную леди. «Потому что, — размышлял Дровосек, — Голова наверняка не даст мне сердце, у неё же у самой его нет, разве она мне посочувствует? Другое дело, если на троне окажется прекрасная леди. Её можно уговорить дать мне сердце, ведь у всех красавиц сердце доброе, они сами так говорят».

Но, войдя в большой Тронный зал, Железный Дровосек не увидел ни Головы, ни Красавицы — на этот раз Оз принял облик ужаснейшего Зверя. Зверь был чуть ли не со слона ростом, и казалось, что зеленый трон того и гляди сломается под его тяжестью. Голова Чудища напоминала голову носорога, только с неё смотрело ни много ни мало — целых пять глаз. Туловище опиралось на

пять длинных передних лап и на пять длинных и стройных задних. На спине и боках Зверя лохматилась густая шерсть; словом, ничего страшнее и представить себе нельзя. Счастье, что Железный Дровосек не имел сердца, иначе в эту минуту оно громко застучало бы от ужаса. Но не зря Дровосек был железным, он ничуть не испугался, а просто испытал сильное разочарование.

— Я — Оз, Великий и Ужасный, — провозгласило Чудище. — Кто ты и почему ты ищешь со мной встречи?

— Я — Дровосек и сделан из железа. У меня нет сердца, и я не могу любить. Прошу тебя, дай мне сердце, чтобы я стал таким, как все люди.

— А почему я должен это сделать? — спросило Чудище.

— Потому что я тебя прошу, и только ты можешь исполнить мою просьбу, — ответил Дровосек.

При этих словах Оз глухо зарычал, а потом всё же сказал угрюмо:

— Если ты и впрямь хочешь получить сердце, ты должен его заслужить.

— Как? — спросил Железный Дровосек.

— Помоги Дороти убить Злую Западную Ведьму, — ответило Чудище. — Когда Ведьма умрет, приходи ко мне, и я дам тебе самое большое,

самое доброе и любящее сердце, какое только сыщется в стране Оз.

Что поделаешь, опечаленный Железный Дровосек вернулся к своим друзьям и рассказал им про страшное Чудище, которое ему довелось увидеть. Все очень удивились, что Великий Волшебник может принимать столько разных обличий, а Лев сказал:

— Если, когда я приду, он будет Чудищем, я зарычу как можно страшнее, он перепугается и даст мне все, что я попрошу. А если меня встретит Красавица, я сделаю вид, что хочу броситься на неё. Оз испугается и выполнит мою просьбу. Если же он прикинется огромной Головой, тут ему несдобровать, я буду катать эту Голову по всему Тронному залу, пока Оз не пообещает мне сделать то, что мы просим. Так что не унывайте, друзья, ещё не все потеряно.

На следующее утро солдат с зелеными усами повел Льва в большой Тронный зал и предложил войти и представиться Озу.

Лев тотчас вошел в дверь и, оглядевшись, увидел, к своему удивлению, что перед троном горит Огненный Шар, такой ослепительный, что глазам больно. Лев решил было, что случилось несчастье — Оз загорелся и теперь пылает ярким

пламенем. Лев попробовал подойти поближе, но жар оказался такой сильный, что ему опалило усы, и он, дрожа от страха, отполз подальше к самым дверям.

И тут из Огненного Шара раздался голос, глухой и спокойный, и Лев разобрал слова:

— Я — Оз, Великий и Ужасный. Кто ты и почему ищешь со мной встречи?

Лев ответил:

— Я-Трусливый Лев, я всего боюсь. Я пришел просить тебя дать мне храбрости, чтобы я стал настоящим Царем зверей, каким меня считают люди.

— А почему я должен дать тебе храбрости?

— Потому что из всех волшебников ты — самый великий. Ты один можешь выполнить мою просьбу, — ответил Лев.

Огненный Шар разгорелся ещё ярче, и через некоторое время голос послышался снова:

— Принеси мне доказательства, что Злая Ведьма мертва, и я тут же дам тебе храбрость. Но пока Злая Ведьма жива, оставаться тебе трусом.

Лев рассердился на эти слова, но ничего не мог сказать в ответ, и пока он, замерев, молча смотрел на Огненный Шар, тот заполыхал таким жаром, что, поджав хвост, Лев выскочил из зала. Он обра-

довался, увидев, что друзья ждут его, и рассказал им про свой ужасный разговор с Волшебником.

— Что же теперь делать? — грустно спросила Дороти.

— Сделать можно только одно, — сказал Лев. — Надо идти в страну моргунчиков, найти Злую Ведьму и прикончить её.

— А если не сумеем? — спросила девочка.

— Тогда мне не быть храбрым, — сказал Лев.

— А мне не иметь мозгов, — подхватил Страшила.

— А мне — сердца, — добавил Железный Дровосек.

— А я никогда не увижу тетушку Эм и дядюшку Генри, — сказала Дороти и заплакала.

— Осторожно! — закричала девушка в зеленом. — Слезы накапают тебе на платье, на твое зеленое шелковое платье! Останутся пятна!

Дороти вытерла глаза и сказала:

— По-моему, надо попробовать; но я совсем не хочу никого убивать, даже ради того, чтобы увидеть тетушку Эм.

— Я пойду с тобой, но я слишком труслив и не смогу убить Ведьму, — сказал Лев.

— Я тоже пойду, — объявил Страшила. — Но вряд ли смогу тебе помочь, я ведь совсем без-

мозглый.

— А у меня духу не хватит обидеть даже Ведьму, — заметил Железный Дровосек. — Но если ты пойдешь, я, конечно, пойду с тобой.

И друзья решили отправиться в путь на следующее же утро; Дровосек поострей наточил топор на зеленом точиле и как следует смазал себе маслом все суставы. Страшила набил себя свежей соломой, а Дороти заново нарисовала ему глаза, чтобы он лучше видел. Девушка в зеленом была к ним очень добра: она наполнила корзинку Дороти вкусной едой и прикрепила к ошейнику Тото маленький колокольчик на зеленой ленточке.

Наши герои пораньше легли спать и заснули крепким сном, а утром их разбудил крик зеленого петуха, жившего на заднем дворе дворца, и кудахтанье курицы, которая снесла зеленое яйцо.

XII. В поисках Злой Ведьмы

Солдат с зелеными усами провел наших героев по улицам Изумрудного города к жилищу Привратника. Привратник разомкнул на них очки и снова спрятал их в большой сундук, а потом любезно распахнул перед путниками ворота.

— Какая дорога ведет в страну Злой Западной

Ведьмы? — спросила Дороти.

— Нет такой дороги, — ответил Привратник. — Охотников туда ходить нет.

— Так как же мы найдем Ведьму? — удивилась девочка.

— А это проще простого, — ответил Привратник. — Стоит Западной Ведьме узнать, что вы вступили в страну моргунчиков, и она тут же сама вас отыщет и превратит в рабов.

— Вряд ли ей это удастся, — вмешался Страшила. — Мы ведь идем туда её прикончить.

— Тогда другой разговор, — сказал Привратник. — До сих пор её ещё никто не приканчивал, ну и, понятно, я решил, что она сделает вас рабами, как и прочих. Только будьте осторожны, она такая злая и коварная, что едва ли даст себя погубить. Идите все время на запад, туда, где солнце садится, и вы её обязательно найдете.

Друзья поблагодарили Привратника, попрощались с ним и пошли на запад по полям, поросшим мягкой травой. Из травы там и сям выглядывали маргаритки и лютики. Дороти все ещё была в том красивом платье, в которое её нарядили во дворце, но, к своему удивлению, она обнаружила, что платье больше не зеленое, а ослепительно белое. И ленточка на шее у Тото перестала быть зеленой

и стала такой же белой, как платье Дороти.

Вскоре Изумрудный город остался далеко позади. Чем дальше углублялись путники в Западную страну, тем больше становилось выбоин и ухабов, потому что в этой стране не было ни домов, ни ферм, за землей никто не ухаживал, и она сделалась неровной.

В полдень горячее солнце жарко светило путникам прямо в лицо, но деревья здесь не росли, и негде было спрятаться в тени; так что не успела наступить ночь, как Дороти, Тото и Лев совсем выбились из сил, улеглись на траву и заснули, Дровосек же со Страшилой остались стоять на часах.

А надо вам сказать, что у Злой Западной Ведьмы был один-единственный глаз, но такой зоркий, что она видела все, будто в телескоп. И вот сидела себе Ведьма у дверей своего замка, посматривала вокруг и случайно заметила спящую Дороти и её друзей. Они были далеко, но Злая Ведьма ужасно рассердилась, что чужаки посмели войти в её страну, и свистнула в серебряный свисток, который висел у неё на шее.

Тут к ней сразу со всех сторон сбежались огромные волки. У них были длинные ноги, свирепые глаза и острые зубы.

— Ступайте к тем людям, — приказала Злая Ведьма, — и разорвите их на куски.

— Разве ты не хочешь сделать их своими рабами? — спросил Вожак волчьей стаи.

— Нет, — ответила Ведьма» — Один из них железный, другой — из соломы. Да ещё девчонка и Лев. Для работы они не годятся. Так что разорвите их на мелкие кусочки.

— Ладно, — согласился Вожак и помчался со всех ног, а за ним его стая.

Хорошо, что Страшила и Дровосек были начеку, они заслышали волков издали.

— С этими сражусь я, — распорядился Дровосек. — Спрячься у меня за спиной, а уж я им задам, пусть только сунутся.

Он схватил топор, который до этого хорошенько наточил, и, как только Вожак волчьей стаи налетел на него, взмахнул топором и отрубил волку голову, так что тот сразу упал. Не успел Дровосек снова взмахнуть топором, как подскочил второй волк и тоже рухнул от удара острого топора. Всего волков было сорок, и сорок раз поднимался топор, так что скоро мертвые волки грудой лежали вокруг Дровосека.

Тогда он отбросил топор в сторону и сел рядом со Страшилой, который сказал:

— Вот это был бой, приятель!

И они стали ждать утра, когда проснется Дороти. Девочка очень испугалась, увидев груду мертвых косматых волков, но Железный Дровосек объяснил ей, как было дело. Она поблагодарила его за то, что он всех спас, и села завтракать, а после завтрака они снова двинулись в путь.

Между тем Злая Ведьма вышла утром из дверей своего замка и поглядела вокруг единственным глазом, который видел далеко-далеко. И обнаружила, что все её волки лежат мертвые, а чужеземцы шагают по стране дальше. Ведьма рассердилась не на шутку и свистнула в серебряный свисток два раза.

Тотчас к ней слетелась огромная стая хищных ворон, закрыв собой все небо. И Злая Ведьма сказала Царице ворон:

— Сейчас же летите к этим чужеземцам, выклюйте им глаза, а самих разорвите на куски.

И хищные вороны снялись с места и всей стаей полетели навстречу Дороти и её друзьям. Дороти, увидев их, задрожала от страха. Но Страшила сказал:

— Теперь моя очередь. Ложитесь на землю и никто вас не тронет.

И вот друзья, все, кроме Страшилы, легли на

землю, а он вытянулся во весь рост и раскинул руки. Увидели его вороны, перетрусили — ведь воронам положено бояться пугал — и не посмели подлететь поближе. Но Царица ворон прокаркала:

— Да это просто чучело, набитое соломой. Я выклюю ему глаза.

И Царица ворон налетела на Страшилу, а он хвать её за голову да и скрутил ей шею, так что из вороны сразу дух вон.

Тут к Страшиле подлетела другая ворона, он свернул шею и ей. Всего ворон было сорок, и всем сорока Страшила сворачивал шеи, пока земля не оказалась усеянной их мертвыми телами. Тогда он окликнул друзей, те поднялись с земли и снова пустились в путь.

Когда Злой Ведьме случилось опять выглянуть из замка и она увидела, что все её вороны мертвые лежат на земле, она рассвирепела пуще прежнего и свистнула в серебряный свисток трижды.

Вокруг сразу загудело и зажужжало, и к Ведьме подлетел рой черных пчел.

— Летите к чужакам и жальте их, пока никого в живых не останется, — приказала Ведьма, и пчелы повернулись и молнией полетели навстречу Дороти и её друзьям. Но Железный Дровосек

заметил их издали, а Страшила догадался, что надо делать.

— Вытряхни из меня солому и засыпь ею девочку, собаку и Льва, — сказал он Дровосеку, — Тогда пчелы их не тронут.

Дровосек так и сделал. Дороти прижала к себе Тото и легла на землю рядом со Львом, из-под соломы их даже видно не было.

Прилетели пчелы, но оказалось, что, кроме Дровосека, жалить некого, на него-то пчелы и набросились, да только жала о железо обломали, он их укусов даже не заметил. А ведь без жала ни одна пчела жить не может, вот и настал пчелам конец, и всю землю вокруг Дровосека словно маленькими черными угольками засыпало.

Тогда Дороти и Лев встали, и девочка помогла Дровосеку снова набить Страшилу соломой, так что он стал лучше прежнего. Потом друзья пошли дальше.

Увидев, что черные пчелы, словно маленькие угольки, валяются на земле, Злая Ведьма так разъярилась, что затопала ногами, стала рвать на себе волосы и скрежетать зубами. А потом кликнула своих рабов, и когда к ней прибежало двенадцать моргунчиков, раздала им острые копья и велела идти навстречу чужеземцам и убить их.

Моргунчики были народ несмелый, но делать нечего, пришлось подчиниться, они повернулись кругом и зашагали навстречу Дровосеку. Увидев их, Лев грозно зарычал и кинулся на них, а бедняжки моргунчики так перепугались, что бросились врассыпную.

Когда они прибежали обратно в замок, Злая Ведьма хорошенько отстегала их плеткой и отправила работать, а сама села и стала размышлять, что же делать дальше. Она никак не могла взять в толк, почему из всех её затей погубить чужестранцев ничего не выходит; однако она была не только злая, но и очень коварная Ведьма, поэтому быстро придумала, как поступить.

У неё в шкафу хранилась золотая шапочка, украшенная бриллиантами и рубинами. Эта золотая шапочка была волшебная. Тот, кто ею владел, мог трижды вызвать к себе летучих мартышек, и они должны были выполнить любое его желание. Но никто не мог вызвать эти удивительные создания больше чем три раза. А Злая Ведьма уже дважды пользовалась волшебной шапочкой. В первый раз, когда превратила моргунчиков в рабов и стала сама управлять их страной. В этом ей помогли летучие мартышки. Во второй раз, когда вступила в борьбу с самим Великим Озом и изгна-

ла его из Западной страны. Тут ей тоже помогли летучие мартышки. Теперь Злая Ведьма могла прибегнуть к золотой шапочке ещё только один раз. Вот почему она норовила применить другие способы, а шапочку не трогать. Но и свирепые волки, и хищные вороны, и черные пчелы — все погибли, а её рабов обратил в бегство Трусливый Лев, поэтому Злая Ведьма видела, что у неё нет другого выхода.

Она вытащила из шкафа Золотую шапочку и надела её на голову. Потом встала на левую ногу и медленно проговорила:

— Эп-пе, пеп-пе, кей-ке!

Потом встала на правую ногу и сказала:

— Хил-ло, хол-ло, хел-ло!

После этого она встала на обе ноги и прокричала зычным голосом:

— Зиз-зи, зуз-зи-зик!

И заклинания сделали своё дело. Небо потемнело, раздался отдаленный рокот. Это был шум множества крыльев, громкая болтовня и смех; а когда солнце выглянуло снова, оно осветило гурьбу летучих мартышек с громадными мощными крыльями за спиной, толпящихся вокруг Ведьмы.

Одна мартышка — самая рослая — видимо,

была главарем стаи. Главарь подлетел совсем близко к Ведьме и сказал:

— Ты вызвала нас в третий, и последний, раз. Приказывай.

— Отправляйтесь к чужеземцам, проникшим в мои владения, и умертвите их всех, кроме Льва, — приказала она. — А Льва доставьте сюда, я запрягу его вместо лошади, пусть работает.

— Слушаемся и повинуемся, — сказал главарь, и, громко болтая и смеясь, стая летучих мартышек устремилась к Дороти и её друзьям.

Несколько мартышек подхватили Железного Дровосека и потащили его по воздуху над Западной страной, пока внизу не показались грозные острые утесы. Тут мартышки швырнули бедного Дровосека вниз, и он рухнул прямо на камни, да так расшибся и расплющился, что был не в силах ни шевельнуться, ни застонать.

Другие мартышки вцепились в Страшилу, ловкими пальцами вытряхнули всю солому из его туловища и головы. Потом связали то, что осталось: шляпу, ботинки и костюм — в тугой узелок и закинули на верхние ветки высокого дерева.

Остальные мартышки скрутили толстой веревкой Льва и так стянули его голову, лапы и тело, что он не мог ни кусаться, ни царапаться,

ни бороться. Тогда они подняли Льва в воздух и полетели с ним к замку Злой Ведьмы, где заперли в маленьком дворике, обнесенном высокой железной решеткой, так что убежать Лев никак не мог.

А Дороти летучие мартышки не тронули. Держа на руках Тото, она видела, как расправляются с её бедными товарищами, и думала, что скоро настанет её черед. Главарь летучих мартышек приблизился к ней, отвратительная морда его исказилась зловещей ухмылкой, он уже протянул к девочке свои длинные волосатые лапы, но тут заметил у неё на лбу след от поцелуя Доброй Ведьмы и отпрянул, дав остальным знак не трогать Дороти.

— Мы не смеем причинить зло этой девочке, — сказал главарь летучих мартышек, — Её охраняют добрые чары, и они гораздо сильнее злых. Мы только и можем, что отнести её в замок Злой Ведьмы и там оставить.

Осторожно и бережно мартышки подняли Дороти в воздух и быстро полетели с ней к замку, а там опустили на крыльцо. И главарь летучих мартышек сказал Злой Ведьме:

— Мы выполнили твой приказ как смогли. Железный Дровосек и Страшила уничтожены.

Лев привязан у тебя во дворе. Но ни девочку, ни собаку, которую она не спускает с рук, мы тронуть не осмелились. А теперь твоя власть над нами кончилась, больше ты нас не увидишь.

И летучие мартышки с хохотом, громко болтая, шумно понеслись прочь и скоро скрылись из вида.

Заметив на лбу Дороти след от поцелуя Доброй Ведьмы, Злая Ведьма была озадачена и встревожена, потому что поняла — ни летучие мартышки, ни даже она сама не смеют причинить девочке никакого вреда. Ведьма перевела взгляд на ноги Дороти и, увидев серебряные туфли, затряслась от страха, — она хорошо знала их волшебную силу. Злую Ведьму так и подмывало убежать от Дороти, но когда она взглянула девочке в глаза, то поняла, что у Дороти бесхитростная душа и что девочка не подозревает, каким чудесным даром обладают её туфельки.

Тогда Злая Ведьма усмехнулась про себя и подумала: «Все-таки я сделаю её своей рабыней, она ведь не сумеет использовать своё могущество». И Ведьма строго сказала Дороти хриплым, суровым голосом:

— Ступай за мной. И запоминай все, что я тебе скажу. А не будешь слушаться — я погублю

тебя, как уже погубила Железного Дровосека и Страшилу.

Ведьма повела Дороти через роскошные покои в кухню и здесь велела ей вычистить горшки и чайники, подмести пол и поддерживать огонь в очаге.

Дороти покорно принялась за работу и решила стараться изо всех сил, — она была рада-радешенька, что Злая Ведьма оставила её в живых.

Убедившись, что Дороти прилежно работает, Ведьма подумала, что не мешает пойти во двор и запрячь Трусливого Льва в свою колесницу вместо лошади. Вот-то будет потеха, решила Ведьма, если Лев станет возить её, куда она пожелает. Но только она открыла калитку, как Лев грозно зарычал и так яростно бросился на неё, что Ведьма испугалась, поскорее выбежала вон и заперла калитку.

— Если не дашь себя запрячь, — пригрозила Ведьма Льву через решетку, — я уморю тебя голодом. Не получишь ни крошки, пока не сделаешь, как я велю.

После этого она перестала кормить пленного Льва, но каждый раз ровно в двенадцать подходила к калитке и спрашивала:

— Ну как, дашь запрячь себя вместо лошади?

И каждый раз Лев отвечал ей:

— Не дам. Только войди ко мне в клетку, я тебя разорву.

А Лев не соглашался подчиниться Ведьме вот почему: каждую ночь, когда Ведьма засыпала, Дороти доставала из кухонного шкафа еду и относила Льву. Лев все съедал, растягивался на своей соломенной подстилке, Дороти устраивалась рядом, клала голову на его мягкую лохматую гриву, и они вместе горевали о своей участи и старались придумать, как бы им убежать. Но напрасно они ломали себе голову, выбраться из замка было невозможно, день и ночь его охраняли Желтые моргунчики, рабы Злой Ведьмы, которые так боялись свою повелительницу, что никогда не посмели бы её ослушаться.

Дороти работала с утра до ночи, но Ведьма то и дело грозила, что побьет её своим старым зонтиком: она его никогда не выпускала из рук. Хотя, по правде говоря, Ведьма не смела тронуть Дороти, ведь на лбу у девочки был след от поцелуя Доброй Ведьмы.

Девочка этого не знала и очень боялась за себя и за Тото. Однажды Злая Ведьма больно стукнула Тото зонтиком, и храбрый маленький пес кинулся на неё и укусил обидчицу за ногу. Но кровь

из укушенного места не пошла, Ведьма была такая старая, что вся кровь у неё давным-давно высохла.

Дороти начала понимать, что теперь о возвращении в Канзас к тетушке Эм даже думать нечего, и жизнь её становилась все печальнее. Иногда она часами горько плакала, а Тото сидел у её ног, смотрел ей в глаза и тихонько подвывал, чтобы показать, как ему жаль свою маленькую хозяйку. Самому Тото в общем-то было все равно, где жить — в Канзасе или в стране Оз, лишь бы только быть рядом с Дороти. Но он видел, что девочка горюет, и тоже горевал.

Злой Ведьме между тем страшно хотелось завладеть серебряными туфельками, которые Дороти носила не снимая. Все её помощники: пчелы, вороны, волки — полегли мертвыми и валялись, истлевая на солнце, а чарами золотой шапочки она больше пользоваться не могла. Вот если заполучить серебряные туфельки, которые приносят могущество, то нечего будет жалеть, что все её помощники погибли. Ведьма не спускала глаз с Дороти в надежде, что та когда-нибудь снимет туфли, а она их украдет. Но девочка так гордилась своими красивыми туфельками, что расставалась с ними только ночью или когда

купалась. Злая же Ведьма до того боялась темноты, что ни за что на свете не решилась бы пойти ночью в комнату Дороти и утащить туфли, а воды она боялась ещё больше, и когда Дороти купалась, даже близко не подходила. Надо вам сказать, что Злая Ведьма не только никогда сама руки в воде не мочила, но даже других с мокрыми руками к себе не подпускала.

Однако эта злобная особа была очень коварна, и в конце концов она всё-таки придумала, как получить то, что хотела. В кухне посреди пола она положила железный прут и заколдовала его так, что он стал невидим для человеческого глаза. Однажды, когда Дороти проходила по кухне, она споткнулась об этот невидимый прут и растянулась во весь рост. Она не ушиблась, но обронила одну из серебряных туфелек, и только хотела её поднять, как Злая Ведьма схватила туфельку и сунула в неё свою костлявую ногу.

Злая старуха не могла нарадоваться, как ловко все придумала. Раз одна туфля уже у неё, значит, и половиной волшебных чар она завладела, и Дороти теперь не смогла бы с ней бороться, даже если бы знала как.

Девочка, увидев, что потеряла одну из своих красивых туфелек, рассердилась и потребовала

у Ведьмы:

— Отдай мне мою туфельку!

— Не отдам! — отрезала Ведьма. — Теперь она не твоя, а моя!

— Какая ты противная! — воскликнула Дороти. — Разве ты имеешь право отнимать мою туфельку?

— Все равно не отдам! — засмеялась Ведьма. — Я ещё и вторую у тебя отберу!

Услышав это, Дороти так рассердилась, что схватила ведро с водой, которое стояло рядом, и окатила Ведьму с головы до ног.

Злая Ведьма взвизгнула от ужаса и в ту же минуту на глазах у изумленной Дороти стала таять и растекаться вместе с водой.

— Полюбуйся, что ты натворила! — визжала она. — Я же сейчас растаю!

— Прости меня, пожалуйста! — отвечала Дороти, которая со страхом смотрела, как Ведьма тает у неё на глазах, словно сахар в чае.

— Ты что, не знала, что вода для меня — погибель? — захныкала Ведьма, теряя надежду на спасение.

— Конечно, нет, — ответила Дороти. — Откуда мне знать?

— Ну вот, сейчас я совсем растаю, и весь мой

замок достанется тебе. Спору нет, я немало зла наделала, но никогда не думала, что какая-то девчонка вроде тебя сможет положить конец моим козням и заставит меня растаять. Смотри, вот меня и нет больше!

С этими словами Ведьма превратилась в коричневую грязную лужу и стала растекаться по чистым доскам кухонного пола. Увидев, что Ведьма и впрямь растаяла, Дороти схватила другое ведро и вылила его на грязный пол. А потом вымела грязь за дверь. Подобрав серебряную туфельку — все, что осталось от Злой Ведьмы, — она вытерла и вычистила её тряпкой и снова надела на ногу. А потом — ведь теперь она была свободна и могла делать все, что хочет, — скорей побежала во двор рассказать Льву, что Злой Ведьме пришел конец и больше они не пленники в этой чужой стране.

XIII. Спасение

Трусливый Лев очень обрадовался, услышав, что Злая Ведьма растаяла, когда её облили водой, а Дороти поскорей открыла калитку и выпустила Льва на волю.

Вместе они поспешили в замок. Дороти первым

делом созвала туда всех моргунчиков и объявила им, что их рабство кончилось.

Желтые моргунчики себя не помнили от радости, ведь Злая Ведьма много лет мучила их тяжелой работой и обращалась с ними ужасно жестоко. Они решили на веки веков считать этот день праздничным и отмечать своё освобождение пирами и плясками.

— Эх! Были бы с нами Страшила и Железный Дровосек! — вздохнул Лев. — Вот тогда бы я радовался от всей души.

— Ты думаешь, нам не удастся их спасти? — встревожилась Дороти.

— Попробуем, — ответил Лев.

Дороти и Лев снова пригласили к себе Желтых моргунчиков и спросили, не помогут ли те спасти Страшилу и Железного Дровосека, а моргунчики ответили, что для Дороти, которая избавила их от рабства, они с превеликим удовольствием сделают все что угодно. Тогда Дороти отобрала самых смышленых на вид моргунчиков, и все вместе они отправились на поиски. Шли они шли целый день и часть следующего дня, пока не пришли к утесам, где лежал Железный Дровосек, весь помятый и искореженный. Рядом с ним валялся его топор, но топорище было сломано, а сам топор

покрылся ржавчиной.

Моргунчики бережно подняли Дровосека на руки и понесли его к Желтому замку, за ними шла Дороти и, глядя на своего старого друга, обливалась слезами, а Лев шагал позади всех, мрачный и расстроенный. Когда приблизились к замку, Дороти спросила моргунчиков:

— Нет ли среди вас жестянщиков?

— Есть, есть! Отличные мастера, — заверили они её.

— Ну-ка, ведите их ко мне, — распорядилась Дороти.

И когда жестянщики собрались, держа в руках корзинки с инструментами, Дороти спросила:

— Как по-вашему, вы сможете выправить все вмятины на боках у Железного Дровосека? Снова сделать его таким, как прежде, и припаять все, что у него отломано?

Жестяных дел мастера внимательно осмотрели Дровосека и объявили, что смогут починить его и он станет как новенький. Они принялись за работу в одной из больших желтых комнат замка, работали три дня и четыре ночи: стучали молотками, подвинчивали, подкручивали, полировали руки, ноги, туловище, голову Железного Дровосека, пока наконец он не стал таким, как был,

а руки и ноги у него задвигались даже лучше, чем раньше. Словом, жестянщики потрудились на славу. Правда, туловище Железного Дровосека украсилось множеством заплаток, но он не слишком пекся о своей наружности и на такие пустяки, как заплаты, не обращал внимания.

Когда он, целехонький, пришел поблагодарить Дороти за то, что она выручила его из беды, то даже расплакался от счастья. Девочке пришлось осторожно вытирать каждую слезинку своим передником, чтобы у Дровосека не заржавели суставы. А у самой от радости, что её старый друг снова с ней, крупные слезы так и бежали по щекам, но ей плакать было не опасно. Трусливый Лев тоже то и дело утирал глаза кончиком хвоста, отчего хвост совсем промок, и Льву пришлось выйти во двор и сушить его на солнце.

— Ах, был бы с нами Страшила, как бы я был счастлив! — вздохнул Железный Дровосек, когда Дороти рассказала ему обо всем, что с ними приключилось.

— Давайте попробуем найти его, — предложила Дороти.

Она снова позвала на помощь моргунчиков, и они опять все вместе отправились на поиски — шли целый день и часть следующего дня, пока не

дошли до высокого дерева, на верхушку которого летучие мартышки забросили узелок с одеждой Страшилы.

Дерево было такое высокое, а ствол такой гладкий, что никто не смог бы на него взобраться, но Железный Дровосек сразу решил:

— Сейчас я срублю это дерево, и мы добудем одежки Страшилы.

А надо сказать, что пока жестяных дел мастера чинили самого Дровосека, ещё один моргунчик — золотых дел мастер — приладил к его топору топорище из чистого золота, а другие моргунчики отполировали топор, так что от ржавчины и следа не осталось — он блестел, как начищенное серебро.

Сказано — сделано: Железный Дровосек принялся рубить дерево, а остальные и оглянуться не успели, как оно с треском рухнуло и узелок с одеждой Страшилы слетел с веток и покатился по земле.

Дороти подобрала узелок и попросила моргунчиков отнести одежки в замок, а там их снова набили чистой мягкой соломой, и — смотрите-ка! — Страшила, совсем как прежний, опять стоит среди своих друзей и весело благодарит их за спасение.

Дороти и её приятели нарадоваться не могли, что они снова вместе. Они зажили в Желтом замке беззаботно и счастливо — ведь к их услугам было все что душе угодно. Но в один прекрасный день девочка вспомнила тетю Эм и сказала:

— Пора нам вернуться к Озу и потребовать, чтобы он выполнил своё обещание.

— Верно, — сказал Железный Дровосек, — тогда я наконец получу сердце.

— А я мозги! — воскликнул Страшила.

— А я храбрость, — мечтательно сказал Лев.

— А я вернусь в Канзас! — закричала Дороти, хлопая в ладоши. — Ой, давайте отправимся в Изумрудный город завтра же!

Так они и решили. На другой день друзья собрали всех моргунчиков и распрощались с ними. Моргунчики огорчились, что остаются одни, и принялись просить Железного Дровосека, к которому успели привязаться, чтобы он стал правителем Желтой Западной страны. Но видя, что друзья твердо намерены вернуться в Изумрудный город, моргунчики начали всем делать подарки: Тото и Льву по золотому ошейнику, Дороти — красивый браслет с бриллиантами. Страшиле — трость с золотым набалдашником, чтоб ходил и не спотыкался, а Железный Дровосек

получил от моргунчиков серебряную масленку, украшенную золотом и драгоценными камнями.

Каждый из наших путешественников горячо поблагодарил моргунчиков, и все они так долго пожимали друг другу руки на прощанье, что у них даже пальцы заболели.

Дороти, решив положить в корзинку еды на дорогу, открыла шкаф и увидела на полке золотую шапочку. Девочка примерила её, и оказалось, что шапочка ей как раз впору. Дороти, конечно, не подозревала, что шапочка волшебная, просто она ей понравилась и девочка решила в ней остаться, а свою спрятала в корзинку.

Снарядившись в путь, друзья вышли за ворота и направились к Изумрудному городу, а моргунчики надавали им множество добрых советов и три раза прокричали «ура».

XIV. Летучие мартышки

Вы, наверно, помните, что от замка Злой Ведьмы к Изумрудному городу не было не только дороги, но даже тропинки. Ведь когда четверо наших путешественников вошли в страну Злой Западной Ведьмы, та сразу их увидела и послала за ними летучих мартышек. Так что тогда Дороти

и её друзей перенесли в замок по воздуху, а теперь искать обратный путь в бесконечных полях, поросших яркими лютиками и маргаритками, оказалось очень трудно. Путники, конечно, знали, что им надо идти все время на восток, туда, где восходит солнце, и утром они направились именно в ту сторону.

Однако в полдень, когда солнце оказалось у них над головой, они перепутали, где восток, где запад, и заблудились в огромном поле. Но все равно продолжали идти вперед. Когда наступила ночь и на небе ярко засияла луна, друзья улеглись в сладко пахнущие красные цветы и крепко проспали до самого утра, все, кроме Страшилы и Железного Дровосека.

На следующее утро солнце было скрыто тучами, но путники уверенно пошли дальше, будто знали, куда идут.

— Чем дальше мы уйдем, — сказала Дороти, — тем скорее куда-нибудь придем, вот увидите!

Но дни сменяли друг друга, а наши герои все шли и шли, и вокруг расстилались все те же поля, покрытые красными цветами. Страшила начал потихоньку ворчать.

— Мы заплутали, это ясно, — бормотал он. — Вдруг мы не найдем дорогу к Изумрудному

городу? Тогда я так и останусь без мозгов.

— А я без сердца, — подхватил Железный Дровосек. — Я дождаться не могу, когда наконец увижу Оза! Согласитесь, мы путешествуем чересчур долго.

— Поймите, — проскулил Лев, — у меня просто не хватает храбрости шагать без конца неизвестно куда.

Тут и Дороти пала духом. Она опустилась на траву и поглядела на своих товарищей, а они уселись вокруг и стали глядеть на неё. Тото первый раз в жизни так устал, что даже не захотел погнаться за бабочкой, пролетевшей мимо самого его носа; он тяжело дышал, высунув язык, и тоже уставился на Дороти, словно хотел спросить, что же делать.

— А не кликнуть ли нам полевых мышей? — предложила Дороти. — Уж они-то, наверно, знают, как добраться до Изумрудного города.

— Конечно, знают! — воскликнул Страшила. — Как это мы раньше не догадались?

Дороти свистнула в маленький свисток, который подарила ей Королева мышей, — он теперь всегда висел у неё на шее. Через несколько минут послышался легкий топот крошечных лапок, и со всех сторон к нашим героям стали сбегаться

маленькие серые мыши. Среди них была и сама Королева, она пропищала тонким голоском:

— Чем вам помочь, друзья мои?

— Мы заблудились, — ответила Дороти. — Не покажете ли вы нам, где Изумрудный город?

— С удовольствием, — согласилась Королева. — Только он очень далеко отсюда, ведь вы все время идете в другую сторону.

Тут она заметила на голове у Дороти золотую шапочку.

— А почему бы тебе не пустить в ход золотую шапочку и не кликнуть летучих мартышек? Вы и оглянуться не успеете, как они доставят вас в город Оза.

— Я и не знала, что эта шапочка волшебная, — удивилась Дороти. — Как же ею пользоваться?

— Там внутри все написано, — объяснила Королева мышей. — Только если ты собираешься вызвать летучих мартышек, нам лучше убраться подобру-поздорову, эти мартышки очень озорные, они страсть как любят поиздеваться над нами.

— А мне они ничего не сделают? — встревожилась Дороти.

— Нет, что ты, они обязаны повиноваться тому, кто носит золотую шапочку! Прощай! — И

Королева шмыгнула прочь, а за ней поспешила и её свита.

Дороти заглянула внутрь золотой шапочки и увидела, что на подкладке написаны какие-то слова. «Наверно, это и есть заклинание», — решила девочка, внимательно прочла все до последнего слова и снова надела шапочку на голову.

— Эп-пе, пеп-пе, кей-ке! — проговорила она, встав на левую ногу.

— Что-что? — спросил Страшила. Он не понял, что это она делает.

— Хил-ло, хол-ло, хел-ло! — продолжала Дороти, встав теперь на правую ногу.

— Алло! — невозмутимо отозвался Железный Дровосек.

— Зиз-зи, зуз-зи-зик! — сказала Дороти, встав на обе ноги.

Только она замолчала, как они услышали громкую болтовню, хлопанье крыльев и увидели, что к ним несется по воздуху стая летучих мартышек. Главарь приблизился к Дороти, низко ей поклонился и спросил:

— Что прикажешь?

— Нам надо попасть в Изумрудный город, — ответила девочка. — Мы заблудились.

— Мы вас туда мигом доставим, — ответил гла-

варь, и не успели путники глазом моргнуть, как две мартышки подхватили Дороти и понеслись с ней по воздуху. Другие мартышки подняли Страшилу, Железного Дровосека и Льва, а самая маленькая прижала к груди Тото, хотя он все норовил укусить её, и полетела следом за остальными.

Страшила и Железный Дровосек сначала струхнули, ведь они помнили, как скверно обошлись с ними летучие мартышки в прошлый раз, но скоро поняли, что никто им не желает зла, и, наслаждаясь полетом, любовались красивыми садами и лесами, проплывавшими далеко внизу.

Дороти спокойно парила в воздухе с двумя большими мартышками, одна из которых была не кем иным, как самим главарем. Обе мартышки скрестили лапы стульчиком и несли девочку очень бережно, стараясь не причинить ей никаких неудобств.

— Почему вы подчиняетесь волшебной золотой шапочке? — спросила Дороти.

— О, это долго объяснять, — со смехом ответил главарь. — Но лететь нам ещё далеко, так что, если хочешь, мы можем рассказать тебе нашу историю, по крайней мере скоротаем время!

— Конечно, хочу! — отвечала девочка.

— Когда-то, — начал главарь, — мы были свободным племенем и жили в огромном лесу, не зная забот, — летали с дерева на дерево, грызли орехи и фрукты, делали, что хотели, никому не подчинялись. Ну конечно, кое-кто из нас мог и напроказничать. Спускались, бывало, на землю и дергали за хвост тех зверей, у кого нет крыльев, гонялись за птицами, бросали орехи в людей, когда те гуляли в лесу. Мы были беспечны, счастливы, веселы и жили в своё удовольствие. Но это было давным-давно, много лет назад, задолго до того, как Оз спустился с небес, чтобы повелевать этой страной.

В те дни здесь, на севере, жила прекрасная принцесса, она была к тому же великой колдуньей. Свой дар творить чудеса она обращала только на пользу людям и никогда не делала зла тем, кто добр и честен. Звали принцессу Гейлеттой, а жила она в роскошном дворце, сложенном из огромных рубинов. Все её любили, но она, к великому её горю, никак не могла найти, кого бы ей полюбить, ведь рядом с ней, такой красивой и мудрой, все мужчины в стране казались глупыми и уродливыми. Но в конце концов она отыскала одного юношу. Он был хорош собой, отважен, умен не по годам. Гейлетта решила сделать его

своим мужем, когда он станет взрослым, а пока поселила его в рубиновом дворце и пустила в ход все своё волшебство, чтобы превратить его в такого сильного, доброго и прекрасного собой молодца, о каком только может мечтать каждая женщина. И действительно, когда Квелала — так его звали — стал настоящим мужчиной, все признали его самым бравым и самым умным в стране, да к тому же он был очень красив; словом, Гейлетта полюбила его без памяти и поспешила начать приготовления к свадьбе.

А главарем летучих мартышек, которые жили в лесу, неподалеку от дворца принцессы, был в ту пору мой дедушка. Он был большой весельчак: его хлебом не корми, дай только над кем-нибудь подшутить. В один прекрасный день, как раз перед свадьбой Гейлетты, мой дедушка пролетал со своей стаей над рекой и увидел, что по берегу прогуливается Квелала. На нем был роскошный костюм из розового шелка и красного бархата, и дедушка сразу сообразил, что надо сделать. По его команде стая мартышек опустилась на берег, схватила Квелалу, долетела с ним до середины реки и бросила беднягу в воду.

— Поплавай, голубчик, поплавай! Посмотрим, что будет с твоим нарядом, когда ты прополо-

щешь его как следует!

Но Квелала, который был умен и ничуть не заважничал от благосклонности принцессы, только рассмеялся, вынырнул на поверхность и поплыл к берегу. Однако Гейлетта, выбежав встречать его, увидела, что красивый костюм из шелка и бархата совершенно испорчен.

Принцесса ужасно рассердилась и прекрасно поняла, кто придумал эту шутку. Она тут же приказала доставить во дворец всех летучих мартышек. Сгоряча Гейлетта распорядилась связать им крылья и поступить с ними точно так, как они поступили с Квелалой, то есть бросить в реку. Но мой дедушка начал умолять её о снисхождении, он понимал, что со связанными крыльями мартышки утонут. Квелала тоже замолвил словечко за своих обидчиков, и в конце концов Гейлетта пощадила их, но с одним условием — отныне летучие мартышки обязаны были выполнить три желания того, на ком будет золотая шапочка. А шапочка эта была свадебным подарком принцессы жениху — Квелале и, по слухам, стоила Гейлетте полцарства. Конечно, мой дед и остальные летучие мартышки с радостью согласились на это условие, и с тех самых пор они повинуются каждому, кому достанется золотая шапочка вы-

полняя три любых его желания.

— А что было дальше? — спросила Дороти, которую очень увлек этот рассказ.

— Первым владельцем золотой шапочки был Квелала, — ответил главарь мартышек, — он первый и отдавал нам свои приказания. Его молодая жена видеть нас не хотела, поэтому он сразу после свадьбы вызвал летучих мартышек в лес и повелел им никогда не попадаться принцессе на глаза и держаться от неё подальше. Мы с радостью исполнили этот приказ, ведь мы и сами её боялись.

Это была наша единственная обязанность, пока злая шапочка не попала в руки Злой Западной Ведьмы. Она заставила нас обратить в рабство моргунчиков, а потом выгнать из Западной страны самого Великого Оза. Теперь золотая шапочка твоя, и ты можешь требовать, чтобы мы выполнили три твоих желания.

Не успел главарь мартышек закончить рассказ, как Дороти увидела впереди сверкающие зеленые стены Изумрудного города. Она подивилась, как быстро мартышки их домчали, и порадовалась, что путешествие подошло к концу. Летучие озорники осторожно опустили друзей у ворот Изумрудного города. Главарь низко поклонил-

ся Дороти и улетел прочь, а за ним унеслись и остальные.

— Славно мы прокатились, — сказала Дороти.

— Да, и теперь наши злоключения скоро кончатся, — отозвался Лев. — Хорошо, что ты захватила с собой эту чудесную шапочку.

XV. Разоблачение Оза, Великого и Ужасного

Наши путешественники подошли к Большим воротам Изумрудного города и позвонили в звонок. Им пришлось нажать на кнопку несколько раз, пока ворота не открыл тот самый Привратник, который встречал их в прошлый раз.

— Как? Это вы? Вы вернулись? — удивился он.

— Разве ты сам не видишь? — спросил Страшила.

— Но я думал, вы отправились в гости к Злой Западной Ведьме.

— Мы и погостили у неё, — ответил Страшила.

— И она вас отпустила? — снова удивился Привратник.

— А как она могла не отпустить, она же растаяла, — объяснил Страшила.

— Растаяла? Вот это новость! — воскликнул

Привратник. — Кто же довел её до того, что она растаяла?

— Это все Дороти, — сказал Лев с достоинством.

— Господи Боже! — воскликнул Привратник и склонился перед девочкой в низком поклоне.

Потом он ввел их в свой зал, открыл большой сундук, вынул очки и, надев их на каждого, запер своим ключиком, как в прошлый раз. После этого они через ворота вошли в Изумрудный город, и жители, узнав от Привратника, что из-за наших друзей Злая Ведьма растаяла, окружили их большой толпой и проводили до самого дворца, где жил Оз.

Перед входом во дворец по-прежнему стоял солдат с зелеными усами, но он сразу впустил Дороти и её спутников внутрь, а там их снова встретила красивая девушка в зеленом.

Она отвела их в те самые комнаты, в которых они жили прежде, и предложила отдохнуть, пока Великий Оз будет готов их принять.

Солдат тут же отправился к Озу и доложил, что Дороти с друзьями вернулась, уничтожив Злую Ведьму, но ответа от Оза не получил. Друзья думали, что Великий Волшебник примет их немедленно, но тот не спешил. Не прислал он

за ними и на следующий день, а там миновал ещё один день, и ещё, и ещё. Ждать было скучно и утомительно. В конце концов, наши герои рассердились, что Оз так бесцеремонно с ними обращается, а они из-за него столько натерпелись и даже попали в рабство. Кончилось тем, что Страшила попросил девушку в зеленом ещё раз сходить к Озу и передать ему, что, если Волшебник тотчас же не примет их, они призовут на помощь летучих мартышек, а уж те выяснят, умеет Оз держать слово или нет. Когда Великому Волшебнику передали их угрозу, он сильно струсил и велел сказать нашим друзьям, чтобы они явились к нему в Тронный зал на следующее утро ровно в четыре минуты десятого. Однажды в Западной стране он уже имел дело с летучими мартышками, и ему вовсе не хотелось встретиться с ними ещё раз.

Четверо путников всю ночь не спали, каждый думал о том, что обещал ему Оз. А когда Дороти ненадолго задремала, ей приснилось, будто она вернулась в Канзас и тетя Эм радуется, что её девочка снова дома.

Ровно в девять утра за ними явился зеленоусый солдат, и через четыре минуты они вошли в Тронный зал к Великому Озу.

Каждый из них, конечно, ожидал увидеть Оза таким, каким видел его раньше, и все были очень озадачены, когда, оглядевшись по сторонам, обнаружили, что, кроме них, здесь никого нет. Они сгрудились у дверей и жались друг к другу, потому что тишина в пустом зале пугала их больше, чем те обличья, которые Оз принимал при их первой встрече.

И вдруг они услышали Голос; казалось, он шел откуда-то из-под высокого купола:

— Я — Оз, Великий и Ужасный. Почему вы ищете со мной встречи? — торжественно прозвучало над ними.

Друзья опять огляделись, но так никого и не увидели. Тогда Дороти спросила:

— Ты где?

— Я повсюду, — ответил Голос. — Но для простых смертных я невидим. Сейчас я изволю сесть на трон, и вы сможете побеседовать со мной.

И верно, теперь Голос звучал как будто с трона, так что друзья подошли поближе, встали перед троном в ряд, и Дороти сказала:

— О, Великий Оз! Мы пришли, чтобы ты выполнил свои обещания.

— Какие такие обещания?

— Ты обещал отправить меня обратно в Канзас,

если Злая Ведьма будет уничтожена, — напомнила она.

— А мне обещал мозги, — сказал Страшила.

— А мне — сердце, — проговорил Железный Дровосек.

— А мне — храбрость, — добавил Лев.

— А что, Злая Ведьма и правда уничтожена? — спросил Голос, и Дороти показалось, что он слегка дрогнул.

— Да, — ответила она. — Я облила её водой, и она растаяла.

— Ну и ну! — произнес Голос. — Вот это неожиданность! Ну хорошо, зайдите ко мне завтра, я должен подумать.

— У тебя и так было много времени для раздумий! — рассердился Железный Дровосек.

— Нет, больше мы не согласны ждать ни одного дня, — сказал Страшила.

— Ты обязан сдержать слово! — воскликнула Дороти.

А Лев решил, что неплохо припугнуть Великого Волшебника, и громко раскатисто зарычал, да так грозно, что Тото в страхе отскочил в сторону и опрокинул ширму, стоявшую в углу. Ширма с шумом упала, все оглянулись и замерли от удивления. Потому что на том месте, где раньше была

ширма, стоял маленький лысый и морщинистый старичок, удивленный не меньше, чем наши друзья. Железный Дровосек, замахнувшись топором, кинулся к старичку с криком:

— Ты кто такой?

— Я — Оз, Великий и Ужасный, — дрожащим голосом сказал старичок. — Только не убивай меня! Пожалуйста, не надо. Я сделаю все, что вы захотите.

Пораженные друзья разочарованно глядели на него.

— Я думала, Оз — это огромная Голова, — сказала Дороти.

— А я считал Оза Красавицей, — проговорил Страшила.

— А я думал, Оз — страшный Зверь, — отозвался Железный Дровосек.

— А я принял за Оза Огненный Шар! — воскликнул Лев.

— Нет, вы все заблуждались, — кротко сказал старичок. — Это я устраивал фокусы.

— Фокусы? — воскликнула Дороти. — Значит, ты не Великий Волшебник?

— Тише, дитя мое, — испугался старичок. — Не надо так громко, а то кто-нибудь нас услышит, и тогда я погиб! Все считают меня Великим Вол-

шебником.

— А ты не Волшебник? — спросила Дороти.

— Ничуть, милая. Я самый обыкновенный человек.

— Нет, ты хуже, — сказал расстроенный Страшила, — ты — мошенник.

— Вот именно! — подхватил старичок, потирая руки, будто очень обрадовался. — Вот именно! Я — мошенник.

— Но это ужасно! — воскликнул Железный Дровосек. — Как я теперь раздобуду себе сердце?

— А я — храбрость? — сказал Лев.

— А я — мозги? — зарыдал Страшила, утирая глаза рукавом.

— Дорогие друзья, — сказал Оз, — умоляю вас, не говорите о таких пустяках. Подумайте обо мне: ведь мне грозят ужасные неприятности, если все откроется.

— А что, никто не знает, что ты обманщик? — спросила Дороти.

— Никто, кроме вас четверых и меня, — ответил Оз. — Я так долго всех дурачил, что думал — меня уже никто никогда не выведет на чистую воду. И зачем только я разрешил вам войти в Тронный зал? Это была большая ошибка. Обычно я не допускаю сюда даже слуг, вот все и считают, что

Оз — ужасное чудовище.

— Но я не понимаю, — в смятении воскликнула Дороти, — как же ты явился мне в виде огромной Головы?

— А это — один из моих фокусов, — ответил Оз. — Будьте добры, пойдемте со мной, я все объясню.

Он повел их в маленькую комнату за Тронным залом, и друзья последовали за ним. Придя, Оз показал в угол — там лежала громадная голова с искусно нарисованным лицом, склеенная из нескольких слоев бумаги.

— Я подвешиваю её к потолку, — сказал Оз, — а сам стою за ширмой и дергаю за нитку, тогда глаза двигаются и рот открывается.

— А как же Голос? — спросила Дороти.

— Очень просто. Я-чревовещатель, — объяснил старичок. — Я умею так управлять своим голосом, что он может звучать, откуда я захочу. Потому ты и решила, что разговаривает Голова. А вот и все остальное, чем я вас дурачил. — И он показал Страшиле маску и платье, которые надевал, чтобы прикинуться Красавицей, а Железный Дровосек убедился, что страшный Зверь — это просто-напросто две-три шкуры, сшитые вместе и натянутые на обручи.

Что же до Огненного Шара, так и его этот Волшебник-самозванец спускал с потолка. На самом деле шар оказался мячом из ваты, — когда его обливали маслом и поджигали, он разбрасывал искры во все стороны.

— Подумать только, — сказал Страшила, — неужели тебе не стыдно, что ты такой мошенник?

— Стыдно! Ужасно стыдно! — грустно ответил старичок. — Но я только и умею, что мошенничать. Сядьте, пожалуйста, вот стулья. Я расскажу вам мою историю.

Друзья уселись и стали слушать.

— Я родился в Омахе…

— Да неужели? Это же недалеко от Канзаса! — воскликнула Дороти.

— Верно, но отсюда далековато, — сказал Оз, печально качая головой. — Когда я вырос, я стал чревовещателем, меня научил этому один замечательный мастер. Я мог подражать любой птице, любому зверю. — И он так натурально мяукнул, что Тото наставил уши и закрутил головой, ища котенка. — Но через некоторое время, — продолжал Оз, — мне это наскучило и я стал циркачом-воздухоплавателем.

— А что это такое? — удивилась Дороти.

— Так называют человека, которого в день, когда цирк дает представление, поднимают на воздушном шаре, чтобы привлечь побольше людей и выманить денежки за билеты, — объяснил Оз.

— Вот что, — протянула девочка. — Понимаю.

— Ну и в один прекрасный день я поднялся на шаре, а веревки запутались, так что я не смог спуститься. Шар поднимался все выше над облаками, его подхватило воздушное течение и понесло куда-то далеко-далеко. Я летел по воздуху целый день и целую ночь, а когда наутро проснулся, шар плыл над незнакомой прекрасной страной.

Потихоньку он опустился, и я вместе с ним, целый и невредимый. Тут меня сразу окружил странный здешний народец, они видели, как я спустился с небес, и решили, что я — Великий Волшебник. Я, конечно, не стал возражать, ведь они трепетали передо мной и обещали делать все, что я пожелаю.

Ну и вот, чтобы позабавиться да занять делом этих добрых людей, я приказал выстроить город, а в нем дворец для меня. Они охотно и со старанием выполнили мой приказ. Страна же эта была такая зеленая и красивая, что я решил назвать город Изумрудным и, чтобы название лучше подходило

к городу, велел всем его жителям носить зеленые очки, чтобы все вокруг казалось им зеленым.

— Я думала, здесь на самом деле все зеленое, — сказала Дороти.

— Не больше, чем в любом другом городе, — ответил Оз. — Но если вы в зеленых очках, то, ясно, все станет зеленым. Изумрудный город построили очень давно, ведь когда воздушный шар принес меня сюда, я был молодой, а теперь совсем состарился. Но мои подданные так долго носят зеленые очки, что большинство и впрямь воображает, будто город изумрудный. А город действительно очень красивый, вон сколько в нем всяких сокровищ и диковинок. Можно сказать, здесь есть все, что делает людей счастливыми.

Я был добр к здешним жителям, и они меня любят, но, с тех пор как выстроили дворец, мне пришлось запереться в нем и никогда никому не показываться.

Больше всего на свете я боялся Ведьм, сам-то я, знаете, не умею творить чудеса, а они, как вскоре выяснилось, великие на это мастерицы. В этой стране их было четыре — на Севере, на Юге, на Западе и на Востоке. К счастью, на Севере и Юге живут Добрые Ведьмы, и я знал, что они не станут меня обижать, но Западная и Восточная Ведьмы

были страшно злые, и если бы они заподозрили, что я не такой могущественный, как они, они бы давно меня прикончили. Поэтому я много лет жил, дрожа от страха. Представляете, как я обрадовался, когда услышал, что твой дом, Дороти, упал прямо на Злую Восточную Ведьму. Когда ты сюда пришла, я готов был обещать тебе все, что ты пожелаешь, лишь бы ты расправилась и со Злой Западной Ведьмой; но теперь, когда она по твоей милости растаяла, я должен признаться, что не могу выполнить свои обещания, мне очень стыдно.

— По-моему, ты очень скверный человек, — сказала Дороти.

— Да нет, нет, что ты, милая, человек-то я хороший, а вот Волшебник очень плохой, это верно*.

— Значит, ты не можешь дать мне мозги, — опечалился Страшила.

— Да зачем они тебе? Ты же и так каждый день узнаешь что-то новое. Вон у младенцев мозги есть, а все равно они ничего не смыслят. Знания приходят с опытом, и чем дольше живешь на земле, тем опыт больше.

— Может, и так, — ответил Страшила, — но если ты не дашь мне мозги, я буду очень огорчен.

Волшебник-самозванец внимательно посмот-

рел на него.

— Хорошо, — сказал он со вздохом, — хоть я никудышный Волшебник, как я уже говорил, но, если ты придешь ко мне завтра утром, я начиню тебе голову мозгами. А вот как шевелить ими, тебе придется сообразить самому, тут я тебе помочь не смогу.

— Ох спасибо! Вот уж спасибо! — закричал Страшила. — Будь спокоен, я разберусь, как ими шевелить!

— А как насчёт храбрости для меня? — с тревогой спросил Лев.

— Ты и так очень храбрый, я это ясно вижу, — ответил Оз. — Тебе не хватает уверенности в себе. Все испытывают страх, когда сталкиваются лицом к лицу с опасностью. Ведь что такое истинная храбрость? Сам боишься, а глядишь опасности в лицо. И этой храбрости у тебя хватает.

— Может быть, но все равно я трушу, — сказал Лев. — И не успокоюсь, пока ты не дашь мне такой храбрости, которая помогает забыть страх.

— Ну хорошо, приходи завтра, я дам тебе такую храбрость, — пообещал Оз.

— А что ты думаешь насчёт сердца для меня? — спросил Железный Дровосек.

— Как тебе сказать, — ответил Оз. — По-моему,

ты зря стремишься заполучить сердце. Многим людям сердце приносит несчастье. Если хочешь знать, тебе даже повезло, что у тебя нет сердца.

— Ну, кому что нравится, — сказал Железный Дровосек. — Лично я согласен мириться со всеми несчастьями, все стерплю, только бы у меня было сердце.

— Хорошо, — кротко согласился Оз, — приходи завтра утром, и я дам тебе сердце. Я столько лет разыгрывал из себя Волшебника… ладно уж, побуду им ещё немного.

— Теперь моя очередь, — заявила Дороти. — Как мне вернуться в Канзас?

— Над этим придется поломать голову, — сказал старичок. — Дай мне два-три дня на размышление, и я постараюсь придумать, как перенести тебя через Пустыню. А пока вы все у меня в гостях, мои подданные сделают для вас все, что нужно, и будут выполнять любые ваши желания. Я ставлю только одно условие: я вам помогу, как смогу, а вы за это не должны раскрывать мою тайну. Никому не говорите, что я вовсе не Волшебник.

Друзья согласились хранить тайну и, очень довольные, вернулись в свои комнаты. Даже Дороти говорила, что «Великий и Ужасный Обманщик» — так она теперь называла Оза —

придумает, как вернуть её в Канзас, а тогда она простит ему все.

XVI. Волшебство Великого Обманщика

На следующее утро Страшила сказал друзьям:

— Поздравьте меня! Я отправляюсь к Озу за мозгами. Когда вернусь, буду как все люди.

— А мне ты и такой, как есть, нравился, — простодушно сказала Дороти.

— Очень мило с твоей стороны, что тебе нравился Страшила, — ответил её друг. — Но уж, верно, ты станешь относиться ко мне ещё лучше, когда узнаешь, какие сногсшибательные мысли смогут рождать мои новенькие мозги. — И Страшила, весело распрощавшись со всеми, направился в Тронный зал и постучал в дверь.

— Войдите, — отозвался Оз.

Страшила вошел и увидел, что старичок сидит у окна, погруженный в глубокую думу.

— Я насчёт мозгов, — заметил Страшила, которому стало как-то не по себе.

— Ах да, присядь, пожалуйста, вот стул, — ответил Оз. — Ты уж извини, придется снять с тебя голову, но иначе не вложить мозги куда следует.

— Да пожалуйста! — сказал Страшила. — Делай

с моей головой что хочешь, лишь бы, когда ты поставишь её на место, она стала умней.

Волшебник снял со Страшилы голову и вытряхнул из неё солому. Потом ушел в заднюю комнату, взял горсть мякины, добавил пригоршню иголок и булавок, тщательно все перемешал и наполнил голову Страшилы, а вниз подложил солому, чтобы мякина не высыпалась. Прикрепляя голову на место, он сказал:

— Ну теперь ты и впрямь будешь великим умником, на мякине тебя не проведешь!

Страшила себя не помнил от радости и гордости — наконец-то сбылось его заветное желание! — И, горячо поблагодарив Оза, он вернулся к друзьям.

Дороти посмотрела на него с любопытством: сверху голова Страшилы просто раздулась, столько у него стало мозгов.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила девочка.

— Чувствую, что я умный, — серьезно отвечал Страшила. — А когда привыкну к мозгам, все на свете узнаю.

А почему у тебя из головы торчат иголки и булавки? — спросил Железный Дровосек.

— Это чтобы все видели, какой у него острый

ум, — догадался Лев.

— Ну ладно, пора и мне идти к Озу за сердцем, — сказал Дровосек. И тоже пошел к Тронному залу и постучал в дверь.

— Войдите, — отозвался Оз, и Дровосек вошел в зал и заявил:

— Я пришел за сердцем.

— Хорошо, — сказал старичок. — Только мне придется проделать у тебя в груди дырку, а то ещё вложу сердце куда-нибудь не туда. Надеюсь, я не сделаю тебе больно.

— Да чего там, — сказал Дровосек, — я и не замечу.

Тогда Оз принес специальные ножницы, какими работают жестянщики, и вырезал слева в груди у Дровосека маленькую квадратную дырочку. Потом пошел к комоду и вынул оттуда прехорошенькое сердце, сшитое из шелка и набитое опилками.

— Загляденье, правда? — спросил Оз.

— Как раз то, что нужно, — подтвердил Дровосек, которому сердце очень понравилось. — А оно доброе?

— О да! — ответил Оз. Он вложил сердце в грудь Дровосека, потом закрыл дыру вырезанным прежде кусочком железа и тщательно его

припаял.

— Ну вот, — объявил Оз, — таким сердцем каждый может гордиться. Прости, пожалуйста, что пришлось поставить тебе на грудь заплату, но без этого никак было не обойтись.

— Подумаешь, заплата! Ерунда! — воскликнул довольный Дровосек. — Премного тебе благодарен, вовек не забуду твою доброту.

— Да не стоит благодарности, — сказал Оз.

Дровосек вернулся к своим друзьям, и они горячо поздравили его с тем, что все так удачно вышло.

Теперь в Тронный зал отправился Лев. Он тоже постучал в дверь.

— Войдите! — сказал Оз.

— Я пришел получить храбрость, — сказал Лев, входя в зал.

— Прекрасно! — ответил старичок. — Сейчас я займусь тобой.

Он подошел к буфету, достал с верхней полки квадратную зеленую бутылку и вылил содержимое в красивое золотисто-зеленое резное блюдо. Поставив блюдо перед Трусливым Львом, который подозрительно к нему принюхался, Волшебник сказал:

— Пей!

— А что это? — спросил Лев.

— Ну как тебе объяснить? — ответил Оз, — Когда проглотишь эту жидкость, она превратится в храбрость. Ты же знаешь, храбрость у всех внутри, так что пока этот напиток не выпьешь, назвать его храбростью нельзя. Вот я и советую тебе его выпить, да поскорее.

Лев отбросил сомнения и быстро осушил блюдо.

— Ну как ты теперь себя чувствуешь? — спросил Оз.

— Меня распирает от храбрости, — ответил Лев и весело пошел к друзьям поделиться своей радостью.

Оставшись один, Оз с улыбкой размышлял, как ловко он наделил Страшилу, Железного Дровосека и Льва тем, в чём они, по их мнению, нуждались. «Ну как мне не быть мошенником, — говорил он себе, — если все заставляют меня делать то, что сделать совершенно невозможно? Осчастливить Страшилу, Льва и Дровосека было проще простого, ведь они вообразили, что я все могу. А вот как вернуть Дороти в Канзас, ума не приложу!»

XVII. Как был запущен воздушный шар

Три дня Оз не подавал Дороти никаких вестей. Для девочки это были грустные дни, хотя её друзья веселились и радовались. Страшила сообщал, что у него в голове роятся удивительные мысли, но он не скажет какие, потому что, кроме него, никто их не поймет. Железный Дровосек при каждом шаге прислушивался, как стучит у него в груди новое сердце. Он признался Дороти, что это сердце кажется ему куда более мягким и добрым, чем прежнее, с которым он жил, когда ещё был человеком. Лев утверждал, что не боится ничего на свете и рад встретиться лицом к лицу с целой толпой людей или с дюжиной свирепых Калидасов.

В общем, все члены нашей компании, кроме Дороти, были довольны и счастливы, а ей пуще прежнего хотелось вернуться домой, в Канзас.

На четвертый день, к её большой радости, Оз прислал за ней и, когда она вошла в Тронный зал, приветливо сказал:

— Садись, деточка, мне кажется, я придумал, как отправить тебя отсюда.

— Домой, в Канзас? — спросила она радостно.

— Понимаешь, насчёт Канзаса я не уверен, — признался Оз, — я ведь представления не имею, где он. Но главное — перебраться через Пустыню, а там уж найти дорогу домой нетрудно.

— А как мне перебраться через Пустыню? — спросила Дороти.

— Послушай меня, — сказал старичок. — Ты помнишь, что я попал в здешние места на воздушном шаре? Ты тоже прилетела сюда по воздуху, тебя принес ураган. Вот я и думаю, что перебраться через Пустыню легче всего по воздуху. Ну, сама понимаешь, ураган я вызвать не могу, но, хорошенько пораскинув мозгами, я решил, что смогу соорудить воздушный шар.

— Как? — спросила Дороти.

— Воздушные шары, — объяснил Оз, — делают из шелка, который смазывают клеем, чтобы не выходил газ. Шелка у меня во дворце сколько угодно, так что воздушный шар мы изготовим без труда. Вот только во всей стране нет такого газа, нечем заправить шар, чтобы он полетел.

— Но если он не полетит, — заметила Дороти, — какой от него прок?

— Правильно, — согласился Оз. — Однако есть ещё способ заставить шар полететь — можно наполнить его горячим воздухом. Горячий воздух

хуже газа: если он остынет, шар сядет посреди Пустыни. Тогда мы пропали.

— «Мы»! — воскликнула Дороти. — Разве и ты полетишь со мной?

— Ну конечно, — сказал Оз. — Мне надоело быть мошенником. Ведь если я буду выходить из дворца, мои подданные быстро сообразят, что я вовсе не Волшебник, и рассердятся, что я так долго их морочил. Приходится поэтому целыми днями сидеть здесь взаперти, а это довольно тоскливо. Лучше я вернусь с тобой в Канзас и снова пойду работать в цирк.

— Я буду очень рада, если мы полетим вместе, — проговорила Дороти.

— Спасибо, — поблагодарил Оз. — А теперь, если ты согласна помочь мне сшивать шелк для шара, давай возьмемся за работу.

Дороти взяла иголку с ниткой и, как только Оз раскроил шелк, принялась аккуратно сшивать куски. Сперва она сшивала бледно-зеленые полоски шелка, потом темно-зеленые, потом изумрудно-зеленые. Это Оз придумал, что шар должен быть всех оттенков того цвета, какой окружал их в Изумрудном городе. Целых три дня они сидели за шитьем, а когда работа была закончена, у них получился огромный зеленый

шелковый мешок, и в длину, и в ширину он был не менее двадцати футов.

Тогда Оз смазал его изнутри тонким слоем клея, чтобы шелк не пропускал воздух, и объявил, что шар готов.

— Но нужна ещё корзина, в которой мы полетим, — добавил он и послал зеленоусого солдата за большой бельевой корзиной, которую привязал к нижней части шара множеством веревок.

Когда все было готово, Оз оповестил своих подданных, что собирается погостить у брата, тоже Великого Волшебника, живущего в облаках. Новость быстро облетела город, и все сбежались смотреть на поразительное зрелище.

Оз велел вынести воздушный шар на площадь перед дворцом, и горожане разглядывали диковинку с большим любопытством. Железный Дровосек нарубил кучу дров и развел костер, а Оз придерживал шар над огнем, чтобы поднимавшийся горячий воздух попадал прямо в шелковый мешок. Постепенно шелк расправлялся, шар так и рвался вверх, а корзинка, казалось, вот-вот отделится от земли.

Тогда Оз забрался в неё и громко обратился к собравшимся:

— Я улетаю в гости. Без меня вами будет пра-

вить Страшила. Приказываю вам повиноваться ему так, как вы повиновались мне.

К этому времени шар уже просто плясал на державших его веревках, ведь он наполнился горячим воздухом, стал гораздо легче, чем воздух снаружи, и его тянуло ввысь.

— Поспеши, Дороти, — закричал Волшебник, — а то шар улетит!

— Никак не найду Тото, — отвечала девочка, она не хотела улетать без собаки.

А Тото с лаем нырнул в толпу за котенком, и Дороти с трудом нашла его. Она схватила собаку и бегом бросилась к шару.

До него оставалось несколько шагов, Оз уже протянул руку, чтобы помочь девочке забраться в корзину, как вдруг — трах! — веревки лопнули и воздушный шар начал подниматься в воздух без Дороти.

— Вернись! — закричала девочка. — Я тоже хочу с тобой!

— Ничего не могу сделать, деточка! — отозвался Оз из корзины. — Прощай!

— Прощай! — закричала, толпа, и все задрали головы, глядя на Волшебника Оза, парящего в корзине, а шар с каждой минутой поднимался все выше и выше.

Больше никто никогда не видел Удивительного Волшебника Оза, хотя, может быть, он благополучно долетел до Омахи и живет себе там по сей день, как знать! Подданные всегда вспоминали его с любовью и говорили:

— Оз был нам другом. Пока он здесь жил, он выстроил для нас наш прекрасный Изумрудный город, а теперь, когда его с нами нет, он оставил нам в управители Мудреца-Страшилу.

И всё же им ещё долго не хватало Великого Волшебника, и они никак не могли утешиться.

XVIII. Вперед, на Юг!

Когда Дороти поняла, что ей не удастся вернуться домой в Канзас, она горько заплакала, но потом, поразмыслив хорошенько, даже порадовалась, что не унеслась на воздушном шаре. Ей было грустно, что с ними больше нет Оза, и её друзья горевали вместе с ней.

Железный Дровосек подошел к ней и сказал:

— Честное слово, я был бы крайне неблагодарным, если бы не грустил по человеку, который подарил мне такое замечательное сердце. Если бы ты согласилась утирать мне слезы, чтобы я не покрылся ржавчиной, я бы немного поплакал

оттого, что Оз нас покинул.

— С удовольствием, — ответила Дороти и сразу пошла за полотенцем. Тогда Железный Дровосек заплакал и плакал несколько минут, а девочка внимательно следила за каждой слезинкой и утирала ему лицо полотенцем. Когда Дровосек кончил плакать, он вежливо поблагодарил Дороти и на всякий случай тщательно смазал себя маслом из украшенной драгоценными камнями масленки.

Страшила стал теперь Правителем Изумрудного города, и хотя он не был Волшебником, жители очень им гордились.

Ни одним городом на свете, — объясняли они, — не правит Чучело.

И в меру их разумения они рассуждали совершенно справедливо.

На другое утро после того, как воздушный шар унес Оза, четверо наших путешественников собрались в Тронном зале обсудить, что же делать дальше. Страшила сидел на высоком троне, а остальные почтительно стояли перед ним.

— Наши дела не так уж плохи, — сказал новый Правитель, — ведь и этот дворец, и Изумрудный город принадлежат теперь нам, и мы можем делать что хотим. Как вспомню, что совсем недавно

я торчал на шесте посреди кукурузного поля, а сейчас управляю этим прекрасным городом, так ясно вижу, что должен благодарить судьбу.

— Я тоже не могу нарадоваться на своё новое сердце, — сказал Железный Дровосек. — А ведь больше мне ничего на свете не надо.

— Что до меня, я счастлив сознавать, что я такой же храбрый, как все другие звери, кого из них ни возьми, а может быть, и ещё храбрее, — скромно сказал Лев.

— Вот если бы и Дороти согласилась остаться в Изумрудном городе, — продолжал Страшила, — как бы мы прекрасно здесь зажили!

— Но я не хочу здесь жить! — воскликнула Дороти. — Я хочу вернуться домой в Канзас и жить там с тетей Эм и дядей Генри.

— Что же тогда делать? — спросил Железный Дровосек.

Страшила решил подумать и думал так старательно, что у него из головы начали вылетать булавки и иголки. Наконец он сказал:

— А почему бы не вызвать летучих мартышек и не попросить их перенести тебя через Пустыню?

— Ой, верно, как это я сразу не догадалась! — обрадовалась Дороти. — Так и надо сделать. Пойду схожу за золотой шапочкой.

Вернувшись в Тронный зал, Дороти произнесла волшебные слова, и тут же в открытое окно влетела стая летучих мартышек и встала перед ней.

— Ты вызвала нас во второй раз, — проговорил главарь мартышек и склонился перед девочкой в низком поклоне. — Что пожелаешь?

— Я хочу, чтобы вы перенесли меня в Канзас, — сказала Дороти.

Главарь мартышек покачал головой.

— Этого мы сделать не можем, — проговорил он. — Наше место здесь, и только здесь, мы не имеем права покидать эту страну. В Канзасе никогда не было летучих мартышек и, полагаю, не будет, — им там не место. Мы рады служить тебе верой и правдой, но мы не можем пересечь Пустыню. Прощай!

И, отвесив ещё один поклон, главарь мартышек взмахнул крыльями и вылетел в окно, а за ним и вся стая.

Дороти чуть не заплакала от досады.

— Я истратила второе желание зря! — воскликнула она. — Летучие мартышки не могут мне помочь!

— Действительно ужасно! — вздохнул мягкосердечный Дровосек.

Страшила снова принялся думать, и голова у

него раздулась так сильно, что Дороти испугалась, как бы она не лопнула.

— Давайте пригласим зелено-усого солдата, — сказал Страшила, — и попросим у него совета.

Друзья позвали солдата, и он робко вступил в Тронный зал: ведь пока здесь царил Оз, солдату не разрешалось заходить дальше дверей.

— Вот эта девочка, — обратился Страшила к солдату, — хочет перебраться через Пустыню. Как бы это устроить?

— Не могу знать! — ответил солдат. — Через Пустыню никто никогда не перебирался, разве что сам Оз.

— Неужели никто не может мне помочь? — серьезно спросила девочка.

— Глинда могла бы, — сказал солдат.

— Кто такая Глинда? — спросил Страшила.

— Южная Ведьма. Из всех ведьм Глинда — самая могущественная. Она управляет кубариками. Да и замок её стоит на краю Пустыни, так что уж она, наверно, знает, как эту Пустыню перейти.

— Глинда — Добрая Ведьма? — спросила Дороти.

— Кубарики говорят, что добрая, — сказал солдат. — Она никому не делает зла. Я слышал, что Глинда — красавица и знает секрет, как сохра-

нять молодость, хотя ей много-много лет!

— А как найти её замок? — спросила Дороти.

— Дорога к нему идет прямо на юг, — ответил солдат. — Но ходят слухи, что на этой дороге путников поджидает множество опасностей. В лесу водятся хищные звери, да к тому же живет племя каких-то странных людей, которые терпеть не могут, когда в их владениях показываются чужаки. Поэтому ни один из кубариков никогда не был в Изумрудном городе.

С этими словами солдат покинул зал, а Страшила рассудил:

— Хоть это и опасно, но, похоже, Дороти ничего не остается, как только идти к этой Глинде и просить Добрую Ведьму помочь ей. Ведь если Дороти останется здесь, она никогда не вернется в Канзас.

— Видно, ты опять хорошенько подумал, — заметил Дровосек.

— Было дело, — согласился Страшила.

— Я пойду с Дороти, — объявил Лев. — Мне надоело сидеть в городе, хочу снова в лес, на простор. Я ведь дикий зверь, правда? И потом, должен же кто-то защищать Дороти.

— Это верно, — поддержал его Дровосек. — Мой топор тоже пригодится, так что и я пойду с ней в

Южную страну.

— Когда мы отправимся? — спросил Страшила.

— А ты тоже пойдешь? — удивились все.

— Конечно! Если б не Дороти, не видать бы мне моих мозгов. Это она сняла меня с шеста в поле и взяла с собой в Изумрудный город. Так что своей удачей я обязан ей, и я не покину её, пока она не вернется в Канзас навсегда.

— Спасибо, — сказала растроганная Дороти. — Вы все так добры ко мне. Но мне бы хотелось отправиться как можно скорее.

— Мы выступаем завтра утром, — объявил Страшила. — А теперь давайте-ка собираться, дорога у нас длинная.

XIX. Нападение драчливых деревьев

На следующее утро Дороти расцеловалась на прощание с хорошенькой девушкой в зеленом, а затем путники пожали руку зеленоусому солдату, который проводил друзей до ворот. Привратник, увидев их, очень удивился, что они собираются покинуть такой прекрасный город и снова отправляются навстречу опасностям. Но он тут же снял с каждого очки, спрятал их обратно в зеленый сундук и пожелал друзьям всяческих

благ и удач.

— Ты теперь наш Правитель, — напомнил он Страшиле, — так что тебе не следует задерживаться, возвращайся скорей.

— Само собой, постараюсь, если смогу, — ответил Страшила. — Но прежде я должен помочь Дороти попасть домой.

А Дороти, прощаясь с добродушным Привратником, сказала:

— В вашем чудесном городе все были со мной очень добры и ласковы. Сказать не могу, как я всем благодарна.

— И не надо, деточка, — ответил Привратник. — Очень бы хотелось, чтобы ты осталась с нами, но раз тебе не терпится вернуться в Канзас, желаю поскорей найти туда дорогу.

Затем он открыл ворота, друзья вышли за стену, окружавшую город, и отправились в путь.

Путники шагали к Южной стране, и солнце ярко светило им в лицо. Настроение у всех было прекрасное, друзья весело болтали и смеялись. Дороти опять поверила, что скоро вернется домой, а Страшила и Железный Дровосек радовались, что могут ей услужить. Что же до Льва, то он с наслаждением втягивал свежий воздух и помахивал хвостом от восторга, что снова вырвался

на волю. А Тото носился вокруг них, гоняясь за бабочками и мотыльками, и весело лаял.

— Городская жизнь не по мне, — заметил Лев, бодро шагая вместе с остальными. — Вон как я исхудал в городе.

К тому же мне не терпится показать всем зверям, какой я теперь храбрый.

Тут путники остановились, чтобы в последний раз взглянуть на Изумрудный город. Но увидели только лес башен и островерхих крыш за зеленой стеной да высоко над ними шпили и купола дворца Оза.

— А не такой уж плохой Волшебник был Оз, — сказал Железный Дровосек, прислушиваясь, как стучит у него в груди сердце.

— Сумел же дать мне мозги, и недурные притом, — поддержал Дровосека Страшила.

— Если бы Оз принял такую же дозу храбрости, какую дал мне, он стал бы настоящим смельчаком, — добавил Лев.

Дороти ничего не сказала: Оз не выполнил того, что обещал ей, но очень старался, поэтому она его простила. Оз был, как он сам заметил, хороший человек, хоть и неважный Волшебник.

В первый день друзья шли по зеленым полям, поросшим яркими цветами, такие поля со всех

сторон окружали Изумрудный город. Ночью путники спали прямо на траве, над ними были только звезды, и все чудесно отдохнули.

Наутро они продолжали свой путь, пока не подошли к густому лесу. Лес тянулся направо и налево насколько хватало глаз, так что обойти его было никак нельзя, к тому же друзья боялись сворачивать в сторону, чтобы не заблудиться. Пришлось искать место, где бы войти в чащу.

Страшила, который шагал во главе, в конце концов высмотрел большое дерево, ветки которого так широко раскинулись во все стороны, что друзья могли свободно пройти под ними. Страшила уже направился было в просвет, но стоило ему вступить под ветки, как они тут же опустились, обвились вокруг Страшилы, вздернули его в воздух и отшвырнули туда, где стояли его друзья.

Страшила нисколько не ушибся, но очень изумился, и когда Дороти помогла ему подняться, вид у него был довольно оторопелый.

— Вон ещё проход между деревьями, — позвал их Лев.

— Дай-ка я пойду вперед, — сказал Страшила. — Меня ведь хоть бей, хоть швыряй — мне все нипочем. — С этими словами он направился к соседнему дереву, но и тут ветки сразу схватили

его и отшвырнули обратно.

— Что за чудеса! — воскликнула Дороти. — Как же нам быть?

— Похоже, эти деревья решили ни за что не пускать нас дальше и хотят, чтобы мы повернули назад, — предположил Лев.

— А ну-ка, теперь я попробую, — сказал Железный Дровосек и, вскинув топор на плечо, зашагал к первому дереву, которое так нелюбезно обошлось со Страшилой. Когда нижняя ветка опустилась, чтобы схватить Дровосека, он яростно ударил по ней топором, и она разлетелась пополам. Остальные ветки сразу задрожали, словно от боли, и Железный Дровосек благополучно прошел под ними.

— Скорей! — крикнул он друзьям. — Идите за мной.

Все бросились вперед и вскоре проскочили под деревом, только одна маленькая ветка подхватила Тото и трясла его до тех пор, пока он не заскулил. Но Дровосек быстро отрубил негодницу и освободил песика.

Другие деревья в лесу не препятствовали друзьям продвигаться вперед, и все решили, что так командовать ветвями умеют только деревья, которые растут в первом ряду; наверно, они

обладают таким чудесным свойством, чтобы никого не пускать в чащу, и охраняют лес, как полицейские.

Четверо наших путников спокойно миновали заросли и дошли до дальней опушки. Тут, к своему удивлению, они уперлись в высокую стену, сделанную, по всей видимости, из белого фарфора. Она была гладкая, как блюдце, и уходила высоко вверх.

— Что же теперь делать? — спросила Дороти.

— Сейчас сооружу лестницу, — ответил Железный Дровосек. — Надо же перебраться на ту сторону.

XX. Прелестная Фарфоровая страна

Пока Железный Дровосек мастерил лестницу из поваленных деревьев, которые нашел в лесу, Дороти прилегла и крепко заснула, потому что очень устала, проведя целый день на ногах. Лев тоже свернулся, готовый вздремнуть, а рядом с ним прикорнул Тото.

Страшила смотрел-смотрел, как работает Дровосек, а потом заметил:

— Не могу понять, откуда тут взялась эта стена и из чего она сделана.

— Не утомляй мозги и не ломай себе голову, — ответил Дровосек. — Вот перелезем на ту сторону, тогда и узнаем, что там.

Вскоре лестница была готова. Железный Дровосек не сомневался, что сколочена она крепко и послужит им верой и правдой, хоть с виду довольно нескладная. Разбудив Дороти, Льва и Тото, Страшила объявил, что лестница к их услугам. Он стал взбираться первым, но так неуклюже, что пришлось Дороти карабкаться за ним и поддерживать его снизу, чтобы он не свалился.

Когда Страшиле удалось заглянуть за стену, он воскликнул:

— Ну и ну!

— Не останавливайся! — одернула его Дороти.

Страшила одолел последнюю ступеньку и уселся на стену верхом, а за ним и Дороти заглянула за стену и тоже воскликнула:

— Ну и ну! — совсем, как он до этого.

Тут к ним наверх влез Тото и сейчас же принялся лаять, но Дороти его утихомирила.

Следующим по лестнице поднялся Лев, а Железный Дровосек влез последним, и как только они посмотрели через стену, оба воскликнули:

— Ну и ну!

Сидя в ряд на стене, друзья глядели вниз, и им

открывалось удивительное зрелище.

Перед ними раскинулась большая площадь — гладкая, белая и блестящая, как огромное блюдо. Вокруг площади расположились ярко раскрашенные домики, сделанные из фарфора. Домики были маленькие, самый высокий доставал Дороти до пояса. Дома стояли во двориках, обнесенных фарфоровыми заборами, в каждом дворике был хорошенький хлев и множество коров, овец, лошадей, свиней и кур — тоже фарфоровых.

Но удивительнее всего в этой диковинной стране были люди. По площади разгуливали молочницы и пастушки, наряженные в яркие корсажи и юбки в золотой горошек, принцессы в роскошных серебряных, золотистых и пурпурных одеяниях, пастушки в коротких, до колен, полосатых штанах — розовых, желтых, голубых, в туфлях с золотыми пряжками. Тут же расхаживали принцы в атласных камзолах и горностаевых мантиях, с коронами из драгоценных камней на головах, пробегали забавные клоуны с нарумяненными щеками, в остроконечных высоких колпаках и гофрированных плащах. Самое поразительное, что и они, и их одежда — все было из фарфора, и все они были такие маленькие, что самый высокий доходил Дороти до колен.

Сначала никто из них не обращал на путников никакого внимания, только одна красная фарфоровая собачка с непомерно большой головой подбежала к стене, затявкала на чужаков тоненьким голосом и снова убежала.

— Как мы спустимся? — спросила Дороти.

Лестница оказалась такой тяжелой, что поднять её на стену не удалось. Тогда Страшила спрыгнул первым, а остальные стали прыгать на него, чтобы не поломать ноги о твёрдый пол.

Конечно, все старались не угодить Страшиле на голову, чтобы не наколоться на иглы и булавки. Когда все благополучно приземлились, друзья подняли Страшилу с пола и как следует расправили его сплюснутое туловище.

— Придется перейти эту странную площадь, — сказала Дороти, — ведь было бы неразумно обходить её кругом, раз нам надо все время двигаться прямо на юг.

Они зашагали по Фарфоровой стране, и первый, кто попался им навстречу, была фарфоровая молочница, которая доила фарфоровую корову. Когда друзья приблизились к ним, корова вдруг взбрыкнула ногой и опрокинула скамеечку, ведерко и даже саму молочницу все они со звоном попадали на пол.

Дороти пришла в ужас, когда увидела, что у коровы обломилась одна нога, ведерко разбилось на мелкие кусочки, а у бедной молочницы на левой руке треснул локоть.

— Ну вот! — в сердцах воскликнула молочница. — Полюбуйтесь, что вы наделали! У моей коровы отломилась нога, придется вести её к мастеру, чтоб он приклеил ногу обратно. С какой это стати вы явились сюда и напугали мою корову?

— Простите нас, — извинилась Дороти. — Мы нечаянно.

Но хорошенькая молочница так разобиделась, что даже не ответила. Надувшись, она подхватила отломанную ногу и погнала корову прочь, причем бедному животному пришлось прыгать на трех ногах. Уходя, молочница долго с упреком оглядывалась через плечо на растяп-незнакомцев и прижимала к боку свой разбитый локоть.

Это недоразумение очень огорчило Дороти.

— Здесь надо смотреть в оба, — сказал добросердечный Дровосек, — а то мы навредим ещё кому-нибудь из этих милых крошек, да так, что им. уже никто не поможет.

Немного погодя Дороти увидела на редкость нарядную принцессу, но та, только заметив чужестранцев, сразу остановилась, потом круто

повернулась и бросилась наутек. Дороти хотелось разглядеть её получше, и она пустилась вдогонку, но фарфоровая принцесса крикнула ей:

— Не смейте меня догонять! Не смейте!

Её тонкий голосок зазвучал так испуганно, что Дороти остановилась и спросила:

— Почему?

— Потому, — ответила принцесса, тоже остановившись на безопасном расстоянии, — потому что мне нельзя бегать, я могу упасть и разбиться.

— А разве вас нельзя склеить? — спросила Дороти.

— Можно, конечно, — ответила принцесса. — Только, понимаете, если склеят заново, хорошенькой уже не будешь.

— Пожалуй, да, — согласилась Дороти.

— Вот один из наших клоунов — мистер Джокер, — продолжала фарфоровая принцесса, — очень любит стоять на голове. Так он без конца разбивается, и его склеивали раз сто. Теперь он уже ничуть не хорошенький. Да вон он идет, можете сами убедиться.

И правда, навстречу им шел забавный маленький клоун, и Дороти обратила внимание на то, что, хоть костюм на нем очень нарядный — красно-желто-зеленый, — сам клоун весь в трещинах,

они так и разбегаются по нему во все стороны, сразу видно, что его чинили много-много раз.

Заметив Дороти и принцессу, клоун засунул руки в карманы, надул щеки и, дерзко вздернув голову, продекламировал:

За что вы, мадам,
Суровы к шутам?
Нас грех зачислять в простофили
И на дурака
Глядеть свысока;
А вы как аршин проглотили![60]

— Молчать, сэр! — прикрикнула принцесса. — Разве вы не видите, что это чужестранцы и с ними следует обходиться почтительно?

— Можем проявить и почтение, раз это имеет значение! — сказал клоун и тут же встал на голову.

— Не сердитесь на мистера Джокера, — попросила принцесса. — Он ведь порядком стукнутый и поэтому несколько глуповат.

— Да я ничуть не сержусь! — воскликнула Дороти. — А вот вы такая красивая, — продолжала она, — вы мне ужасно нравитесь. Может быть,

---

[60] Примечания: 60
Перевод И. Комаровой.

вы разрешите мне взять вас с собой в Канзас, я поставила бы вас на полочку к тете Эм? А до Канзаса я могу везти вас в корзинке.

— Не надо меня увозить, вы сделаете меня несчастной, — взмолилась фарфоровая принцесса. — Видите ли, пока мы живем здесь, у себя, все прекрасно: мы можем говорить и двигаться сколько хотим. Но если кого-то из нас увозят отсюда, мы сразу застываем и можем только стоять неподвижно и радовать глаз. Разумеется, когда мы оказываемся на каминных полках, в горках или на столиках в гостиных, другого от нас и не требуется. Но здесь, в нашей собственной стране, нам живется гораздо веселей.

— Ни за что не причиню вам горе! — воскликнула Дороти. — Поэтому прощайте.

— Прощайте! — отозвалась принцесса.

Друзья осторожно ступали по Фарфоровой стране. Крошечные звери и люди шарахались от них во все стороны, боясь, как бы незнакомцы их не разбили, а через час с небольшим путники прошли страну насквозь, и путь им снова преградила фарфоровая стена. Правда, она была не такая высокая, как первая, так что, встав на спину Льву, друзья благополучно вскарабкались на неё. Сам Лев сначала присел, а потом одним прыжком

вскочил наверх, но, прыгая, задел хвостом фарфоровую церковь и разбил её вдребезги.

— Вот незадача, — огорчилась Дороти.: — Хотя, по правде говоря, мы могли наделать этому народцу куда больше вреда. Отломанная у коровы нога и разбитая церковь — ещё полбеды. Они здесь все страшно хрупкие.

— Ужасно хрупкие, — подтвердил Страшила. — Как я рад, что сделан из соломы, — меня так легко не сломаешь. Вот и выходит, что пугалом быть совсем неплохо.

XXI. Лев становится Царем зверей

Когда путешественники слезли с фарфоровой стены, они очутились в малосимпатичной местности — кругом тянулись болота, трясины и заросли высокого бурьяна. Трава стала такая густая, что совсем скрывала глубокие грязные лужи, поэтому идти было очень трудно — того и гляди провалишься. Пришлось Дороти и её друзьям смотреть под ноги очень внимательно, и кое-как они благополучно выбрались на твердую почву. Но и здесь перед ними оказалась чаща, пришлось долго продираться сквозь кустарник, и, уже совсем выбившись из сил, они вступили

в лес с такими огромными старыми деревьями, каких они ещё не видывали.

— Ну и лес! Просто замечательный! — с восхищением оглядывался Лев. — Лучше места никогда не видел!

— Немножко мрачноват, — заметил Страшила.

— Ничего подобного, — возразил Лев, — Я бы рад был прожить тут всю жизнь! Посмотрите, какие здесь мягкие сухие листья под ногами, какой бархатный зеленый мох покрывает эти старые деревья! Нет, решительно, для дикого зверя лучше места не найти!

— А вдруг тут и правда водятся дикие звери? — встревожилась Дороти.

— Наверно, водятся, — сказал Лев. — Только никого что-то не видно.

Они шли по лесу, пока совсем не стемнело, так что идти дальше стало трудно. Тогда Дороти, Тото и Лев улеглись спать, а Страшила с Железным Дровосеком, как всегда, остались их охранять.

Наутро друзья двинулись дальше, но не успели далеко уйти, как услышали негромкий гул, словно рычало множество диких зверей. Тото тихонько заскулил, но остальные путники не испугались и продолжали идти по хорошо утоптанной тропе, которая вывела их на большую

поляну. Тут они увидели сборище самых разных диких зверей. Кого здесь только не было! И тигры, и слоны, и медведи, и волки, и лисицы, и все-все известные нам из книг по зоологии, так что Дороти сперва даже испугалась. Но Лев объяснил ей, что звери держат совет и, как он понимает из их рычания и ворчания, они чем-то сильно озабочены.

Пока Лев разговаривал с Дороти, звери его заметили, и вдруг на поляне, словно по мановению волшебной палочки, воцарилась тишина. Потом поднялся самый большой тигр, подошел ко Льву и, поклонившись ему, произнес:

— Добро пожаловать, Царь зверей! Ты подоспел как раз кстати — настала пора сразиться с нашим врагом и вернуть мир и покой всем зверям, обитающим в здешнем лесу.

— А что стряслось? — с достоинством спросил Лев.

— Всем нам грозит жестокий враг, — ответил Тигр. — Он появился у нас в лесу недавно. Это кошмарное чудовище — оно похоже на гигантского паука, туловище у него, как у слона, а каждая нога длиной с дерево. И таких громадных ног у него восемь! Чудовище ползает по лесу, хватает своей ножищей какого-нибудь зверя, тащит

его к себе в пасть и пожирает, словно паук муху. Пока это свирепое чудище существует, никто из нас не будет знать покоя, вот мы и собрались здесь, чтобы решить, как нам защитить себя, и тут вдруг ты подоспел!

Лев с минуту подумал.

— А есть здесь, в лесу, другие львы? — спросил он.

— Нет, раньше были, но чудище их всех пожрало. К тому же ни один из тех львов не был таким могучим и храбрым, как ты.

— А если я уничтожу вашего врага, вы согласны мне подчиняться и признать меня Царем этого леса? — спросил Лев.

— С радостью! — воскликнул Тигр, и из глоток всех зверей вырвалось могучее:

— Согласны!

— Ну и где этот ваш гигантский Паук? — спросил Лев.

— Там, в дубовой роще. — И Тигр показал передней лапой.

— Охраняйте хорошенько моих друзей, — распорядился Лев. — А я иду сразиться с чудовищем.

Он попрощался со спутниками и, гордо ступая, двинулся на битву с врагом.

Когда Лев нашел гигантского Паука, тот спал.

Паук был так отвратителен, что Царь зверей брезгливо поморщился. Ноги у Паука оказались точно такие, как говорил Тигр, а туловище поросло жесткими черными волосами. У Паука была огромная пасть с острыми зубами длиною не меньше фута, и его безобразную голову соединяла с раздутым туловищем тонкая, как осиная талия, шея. Глядя на неё, Лев сразу смекнул, как ему действовать, и, понимая, что легче сразить чудище, пока оно спит, не стал терять времени. Он сделал большой прыжок и угодил Пауку прямо на спину. Одним ударом своей тяжелой, когтистой лапы Лев снес чудовищу голову, спрыгнул с его спины и стал ждать. Когда ноги Паука перестали дергаться, Лев совершенно уверился, что враг мертв.

Он возвратился на поляну, где его ждали лесные звери, и гордо объявил:

— Чудовище больше не грозит вам!

Тогда все звери склонились в поклоне, признав Льва своим Царем, а он пообещал им, что скоро вернется и начнет властвовать в лесу, вот только отправит Дороти в Канзас.

XXII. Страна кубариков

Четверо наших путников благополучно миновали лес и, когда вышли из-под сумрачных сводов, увидели перед собой крутую гору, сверху донизу покрытую огромными валунами.

— Нелегко нам будет карабкаться, — проговорил Страшила. — Но делать нечего, все равно через эту гору надо перебраться.

И он двинулся вперед, а остальные за ним. Друзья уже были возле первого валуна, когда вдруг послышался чей-то грубый окрик:

— Назад!

— Кто тут? — спросил Страшила.

Тогда из-за валуна высунулась чья-то голова, и тот же голос проговорил:

— Это наша гора, и мы никому не позволим ходить по ней.

— Но нам надо здесь пройти! — крикнул Страшила. — Нам надо попасть в страну кубариков!

— Не пустим! — ответил голос, и из-за валуна показался человек, да такой странный, каких путники ещё никогда не встречали.

Это был приземистый коротышка с толстой морщинистой шеей и большущей головой, при-

плюснутой сверху. У человека не было рук, и, увидев это, Страшила решил, что бояться нечего, не может же такое безрукое существо помешать им подняться на гору. Поэтому он сказал:

— Простите, что мы должны вас ослушаться, но нам очень нужно перейти через эту гору, нравится вам это или нет, — и смело двинулся вперед.

Но тут шея человека с быстротой молнии вытянулась так далеко, что его плоская макушка боднула Страшилу в живот, и бедняга кувырком покатился вниз с горы. И почти так же молниеносно голова человека встала на место, он хрипло рассмеялся и сказал:

— Видал? Не так легко, как кажется!

Из-за других валунов раскатился хвастливый хохот, и Дороти увидела, что за каждым камнем на горе прячется безрукий бодун и здесь их тьма-тьмущая.

Услышав, как смеются над его незадачливым другом, Лев рассвирепел, громко зарычал, так что эхо прогремело вокруг, будто гром, и бросился вверх по склону.

И снова из-за камня метнулась голова бодуна, и огромный Лев, словно сраженный пушечным ядром, покатился с горы.

Дороти побежала вслед за ним и помогла Стра-

шиле подняться, а Лев, весь в синяках и шишках, подошел к ней и сказал:

— С теми, у кого головы стреляют, сражаться бесполезно, их никто не победит.

— Но что же делать? — спросила девочка.

— Вызови летучих мартышек, — посоветовал Железный Дровосек. — Ты ведь имеешь право отдать ещё один приказ.

— Ну ладно, — согласилась Дороти, надела золотую шапочку и произнесла заклинание.

Мартышки, как всегда, не заставили себя ждать, и через несколько минут вся стая стояла перед друзьями.

— Что прикажешь? — спросил главарь мартышек и низко поклонился.

— Перенесите нас через эту гору в страну кубариков, — попросила Дороти.

— Слушаю и повинуюсь, — ответил главарь, и летучие мартышки тут же подхватили четырех путников и Тото и взвились с ними в воздух.

Когда они проносились над горой, бодуны взревели от досады и взметнули головы высоко вверх, но до летучих мартышек им было не достать, так что те благополучно перенесли Дороти и её друзей через гору и доставили их в чудесную страну кубариков.

— Мы исполнили твое последнее приказание, — сказал главарь Дороти. — Теперь мы прощаемся с тобой и желаем удачи!

— Прощайте, большое вам спасибо, — ответила девочка. Тут летучие мартышки поднялись в воздух и сразу исчезли, только их и видели.

Страна кубариков показалась друзьям счастливой. Одно поле зрелой пшеницы сменялось другим, между полями вились красиво вымощенные дорожки и журчали прелестные ручейки, через них были перекинуты прочные мостики. Все дома, заборы и мосты были здесь ярко-красные, тогда как в стране моргунчиков они были желтые, а в стране мусоликов — голубые. Сами кубарики — коренастые, круглолицые, плотные и добродушные — носили красную одежду и на фоне желтеющих хлебов и зеленой травы выглядели очень живописно.

Летучие мартышки опустили четырех путешественников неподалеку от какой-то фермы, так что друзья подошли к дому и постучались в дверь. Открыла им жена фермера и, когда Дороти попросила чего-нибудь поесть, накормила путников вкусным обедом да ещё кексами трех видов и пирожными четырех сортов, а Тото дала целую миску молока.

— Далеко ли отсюда до замка Глинды? — спросила Дороти.

— Да нет, не очень, — ответила жена фермера. — Идите все время по дороге, ведущей на юг, и скоро увидите замок.

Друзья поблагодарили добрую женщину и снова отправились в путь. Они шли через поля, переходили хорошенькие мостики и наконец увидели величественный красивый замок. Перед воротами стояли три девушки в нарядной красной форме, отделанной позументом, и, когда Дороти подошла к ним, одна из девушек спросила:

— Что привело вас в Южную страну?

— Хотим поговорить с Доброй Ведьмой, которая здесь правит, — ответила девочка. — Вы проводите меня к ней?

— Скажите мне ваши имена, и я узнаю у Глинды, захочет ли она вас принять.

Путники назвались, и девушка-часовой ушла в замок. Через несколько минут она вернулась и сказала, что ей велено немедленно препроводить Дороти и её друзей к Глинде.

XXIII. Глинда выполняет желание Дороти

Прежде чем путешественники предстали перед Глиндой, их отвели в комнату, где Дороти умыла лицо и причесалась, Лев вытряхнул пыль из гривы, Страшила, хлопая себя по бокам, хорошенько расправился, а Железный Дровосек начистился до блеска и смазал суставы маслом.

Когда все привели себя в порядок, девушка-часовой проводила друзей в большой зал, где на троне из рубинов сидела Добрая Ведьма Глинда.

Она показалась друзьям юной и прекрасной. Роскошные рыжие волосы длинными локонами ниспадали ей на плечи, платье было белоснежное, глаза синие. Она приветливо смотрела на Дороти.

— Чем я могу помочь тебе, дитя моё? — спросила Глинда.

Дороти рассказала Доброй Ведьме все, что с ней случилось, — как ураган занес её в страну Оз, как она повстречалась со своими друзьями и какие удивительные приключения выпали им на долю.

— А теперь самое большое моё желание, — заключила она, — вернуться домой, в Канзас, к тому же, боюсь, тетушка Эм решила, что со мной произошло что-то ужасное и ей нужно надеть траур, а я уверена: если урожай в этом году не лучше, чем в прошлом, то у дяди Генри не хватит на это денег.

Глинда наклонилась и поцеловала озабоченное личико славной девочки.

— Доброе у тебя сердце! — сказала она. — Уж я-то найду способ вернуть тебя домой, в Канзас. — И добавила: — Но я сделаю это при одном условии: ты должна отдать мне золотую шапочку.

— С удовольствием! — воскликнула Дороти. — Да она и не нужна мне больше, зато ты сможешь отдать летучим мартышкам три приказания.

— Вот я и думаю, что как раз три раза она мне и пригодится, — улыбнулась Глинда.

Дороти сняла золотую шапочку, и Ведьма спросила у Страшилы:

— Ну а ты, что ты будешь делать, когда Дороти расстанется с нами?

— Вернусь в Изумрудный город, — ответил Страшила, — Оз назначил меня его Правителем, и горожане меня полюбили. Только вот не знаю, сумею ли перебраться через гору, где засели в

засаде бодуны.

— Золотая шапочка поможет мне вызвать летучих мартышек, и я прикажу им отнести тебя к воротам Изумрудного города, — сказала Глинда. — Было бы очень жаль лишить тамошних жителей такого замечательного Правителя.

— А чем я такой замечательный?

— Тем, что ни на кого не похож, — объяснила Глинда.

Повернувшись к Железному Дровосеку, она спросила:

— А ты что будешь делать, когда Дороти вернется в Канзас?

Дровосек оперся на топор и задумался. А потом сказал:

— Моргунчики были очень добры ко мне и звали управлять их страной после смерти Западной Ведьмы. Я тоже привязался к моргунчикам и, если бы смог вернуться в Западную страну, с радостью правил бы там до конца моих дней.

— Второе, что я прикажу летучим мартышкам, — это в целости и сохранности доставить тебя к моргунчикам, — сказала Глинда. — С виду ты не так мозговит, как Страшила, но блеска в тебе больше, особенно когда начистишь себя как следует. Уверена, что для моргунчиков ты будешь

добрым и мудрым правителем.

Потом Глинда посмотрела на большого лохматого Льва и спросила:

— А что станется с тобой, когда Дороти вернется в Канзас?

— За той горой, где сидят в засаде бодуны, — ответил Лев, — тянется старый дремучий лес, и звери, живущие в нем, все как один, назвали меня своим Царем. Если б мне снова попасть в этот лес, я зажил бы там на славу.

— Третье, что я прикажу летучим мартышкам, — сказала Глинда, — это перенести тебя в этот лес. А потом золотая шапочка станет мне не нужна, и я отдам её главарю мартышек, пусть его племя отныне и навсегда живет свободно.

Страшила, Железный Дровосек и Лев от всей души поблагодарили Добрую Ведьму за её заботу, а Дороти воскликнула:

— Ты так же добра, как красива! Но ты ещё не сказала, как мне вернуться в Канзас.

— Тебя перенесут через Пустыню серебряные туфельки, — ответила Глинда. — Если бы ты знала об их чудесной силе, ты могла бы вернуться к своей тетушке Эм в первый же день, как очутилась здесь.

— Но тогда не видать бы мне моих замечатель-

ных мозгов! — вскричал Страшила. — Я бы так и проторчал всю жизнь у фермера на кукурузном поле.

— А я остался бы без такого прекрасного сердца, — сказал Железный Дровосек. — Стоял бы и ржавел в лесу до скончания века.

А я бы вечно трусил, — заявил Лев. — Ни один зверь в лесу никогда не сказал бы мне доброго слова.

— Все это верно, — согласилась Дороти, — и я рада, что сослужила службу своим славным друзьям. Но теперь, когда их самые заветные желания исполнились, да каждому ещё посчастливилось получить по королевству в придачу, я хотела бы вернуться в Канзас.

— Серебряные туфельки наделены волшебными свойствами, — сказала Добрая Ведьма. — И одно из них — самое удивительное — состоит в том, что они в три прыжка доставят тебя в любое место на свете, глазом моргнуть не успеешь. Надо только три раза стукнуть каблуками и приказать туфлям отнести тебя, куда пожелаешь.

— Раз так, — весело воскликнула девочка, — сейчас же прикажу им вернуть меня в Канзас!

Она обняла Льва за шею, ласково погладила его по большой голове и поцеловала. Потом поцело-

вала Железного Дровосека, который расплакался, совсем позабыв, как это опасно для его суставов. А когда Дороти прижала к себе мягкого, набитого соломой Страшилу, не решаясь расцеловать его нарисованное лицо, она и сама заплакала, так ей было жалко расставаться со своими верными друзьями.

Тут Глинда Прекрасная спустилась со своего рубинового трона, чтобы поцеловать девочку напоследок, а Дороти поблагодарила её за все, что та сделала для неё и её друзей.

Потом Дороти торжественно подняла на руки Тото, в последний раз помахала всем на прощание, трижды щелкнула каблуками и проговорила:

— Серебряные туфли, несите меня домой, к тетушке Эм!

* * *

И тут же она взвилась в воздух так быстро, что ветер засвистел у неё в ушах, но ни увидеть, ни ощутить она ничего не успела.

Серебряные туфли сделали всего три прыжка и вдруг остановились, да так неожиданно, что Дороти покатилась по траве вверх тормашками и не сразу поняла, где она.

Потом она села и огляделась.

— Господи помилуй! — воскликнула девочка.

Потому что она сидела посреди широкой канзасской прерии, а прямо перед ней стоял новый дом, который дядюшка Генри выстроил после того, как старый унесло ураганом. Сам дядюшка Генри доил коров, и Тото соскочил у Дороти с рук и бросился к нему с. радостным лаем.

Дороти встала и увидела, что серебряных туфелек на ней больше нет. Они свалились, Когда она неслась по воздуху, и потерялись в Пустыне навсегда.

XXIV. Снова дома

Тетушка Эм как раз вышла из дома полить капусту и вдруг, подняв глаза, увидела бегущую к ней Дороти.

— Господи, дитя моё! — вскрикнула она, обняв девочку и осыпая её лицо поцелуями. — Откуда ты взялась?

— Из страны Оз, — серьезно объяснила Дороти. — А вот и Тото. Ой, тетушка Эм! Как я рада, что снова дома!

ДЖОН СТЕЙНБЕК

СВЯТАЯ КЭТИ НЕПОРОЧНАЯ

Давным-давно, в тысяча триста каком-то году, в графстве П. (если верить французам) жил один нечестивый человек, и была у него нечестивая свинья. Это был очень-очень скверный человек: он над всеми смеялся и издевался, и притом всегда не к месту и не ко времени.

Он всякий раз смеялся над благочестивыми братьями М-ского монастыря, когда они стучались к нему в дом и просили поднести им стаканчик виски или подать милостыню; и ещё больше он смеялся, когда они приходили за церковной десятиной. А когда однажды святой брат Клемент свалился в запруду у мельницы и потонул, поскольку ни за что не хотел выпустить из рук мешок с солью, этот нечестивец Рорк так хохотал, что у него начались колики. И если вы себе представите, каким грубым, отвратительным смехом он смеялся, вам сразу станет ясно, какой он был скверный человек, и тогда вы, конечно, уже не удивитесь, что он не платил церковной десятины даже под угрозой отлучения от церкви. Надо вам сказать, лицом Рорк мало походил на весельчака. У него была угрюмая, мрачная физиономия, и

когда он открывал рот, чтобы засмеяться, она вся страшно перекашивалась, будто ему оторвало руку или ногу и он вот-вот заорет от боли. Кроме того, он говорил людям в глаза, что они дураки, а это невежливо и неразумно, даже если они и вправду дураки. И никто не знал, отчего Рорк сделался таким нечестивым, — разве только оттого, что он немало побродил по свету и видел, сколько вокруг творится разных нечестивых дел.

Так что судите сами, в какой обстановке росла и воспитывалась молодая свинья. Ничего хорошего тут ждать не приходилось.

Правда, некоторые книги утверждают, что у Кэти была плохая родословная и что все свиньи в их роду были одна нечестивее другой: будто бы её родной отец был известный курокрад и куроед, а её родная мать будто славилась тем, что при первой возможности пожирала собственный помет. Все это ложь и клевета. Как отец, так и мать Кэти были весьма благопристойные свиньи — насколько вообще свинская природа приспособлена к благопристойности, а приспособлена она мало. И всё же дух благопристойности был им не чужд, и в этом отношении они мало чем отличались от большинства людей.

Мать Кэти дала жизнь не одному выводку

симпатичных, розовых, здоровых поросят, без всяких ненормальностей и отклонений. Из этого явствует, что нечестивость не досталась Кэти по наследству, а значит, была результатом пагубного влияния хозяина.

А ведь поначалу все шло так хорошо: новорожденная Кэти мирно лежала на соломе, щуря свои поросячьи глазки и морща розовый пятачок, — такая чудная, спокойная маленькая свинка! — пока в один злосчастный день Рорк не зашел в свинарник, чтобы дать поросятам имена.

— Тебя мы назовем Бриджит, — сказал он. — А тебя — Рори. А тебя — да повернись ты, кому говорят, сатанинское отродье! — тебя будут звать Кэти!

Эти слова и решили судьбу Кэти, которая с той самой минуты стала скверной и нечестивой — самой гнусной скотиной во всем графстве П.

Свои гнусности она начала с того, что бессовестно обкрадывала собственных братьев и сестер: норовила так притиснуться к материнским соскам, чтобы больше никто не мог к ним подобраться. И поэтому Рори, Бриджит и другие поросята так и остались недомерками. Неудивительно, что очень скоро Кэти сделалась в два

раза толще и сильнее всех своих единокровных братьев и сестер — и не замедлила переловить их и слопать одного за другим, включая Бриджит и Рори: вот вам образец её нрава. Такое начало жизненного пути чревато любыми прегрешениями; и Кэти не заставила долго ждать: вскоре она принялась пожирать хозяйских кур и уток, пока в дело не вмешался сам Рорк. Он посадил Кэти в надежно укрепленный загон — надежный по крайней мере с той стороны, которая выходила в его собственный двор. После этого Кэти пробавлялась исключительно соседскими курами.

А что это за морда была у этой Кэти! Прямо-таки бандитская. Её злобные желтые глаза повергали вас в дрожь, даже если у вас в руках была увесистая палка, чтобы огреть её в случае чего.

Она держала в страхе всю округу. По ночам, выбравшись через подкоп из своего загона, Кэти совершала разбойничьи налеты на чужие курятники. Случалось, что соседи недосчитывались и малых детей. А Рорк, вместо того чтобы предаваться печали и сгорать от стыда, нарадоваться не мог на свою Кэти. Он даже говорил, что такой прекрасной свиньи у него за всю жизнь не было и что другой такой умницы во всем графстве не сыскать.

Долго ли, коротко ли, а по округе поползли слухи, что объявилась свинья-оборотень: рыщет по ночам, кусает за ноги людей, портит огороды да пожирает домашнюю птицу. Поговаривали даже, будто бы это сам Рорк в свинском обличье пакостит по ночам соседям. Знать, хорошего мнения были о нем односельчане!

Но, как бы там ни было, а время шло; Кэти повзрослела, и ей пришла пора обзаводиться собственным потомством. Выбранный для этой цели хряк после свидания с Кэти навеки потерял способность к продолжению рода и с тех пор бродил как потерянный, затравленно озираясь и шарахаясь ото всех. Зато Кэти стала толстеть как на дрожжах и наконец опоросилась. И принялась она мыть-намывать своих малюток и вылизывать их от хвостика до пятачка, точно её подменили. Вы сказали бы: материнство творит чудеса. Так вот: вылизала она их, дала обсохнуть, уложила рядком — и съела всех до единого! Уж на что нечестивец был её хозяин Рорк, и тот решил, что это слишком, ибо самка, пожирающая собственных детенышей, олицетворяет наигнуснейший из всех пороков, против которого восстает человеческий разум.

Рорк приуныл, но делать нечего: понял он, что

придется ему заколоть свою Кэти. И только взялся он точить нож, как вдруг видит: идут к нему по дорожке святые братья — брат Колин с братом Павлом. Они шли из М-ского монастыря собирать церковную десятину. И хоть они не слишком надеялись, что здесь им что-нибудь перепадет, но, как это бывает, подумали: рискнем, попытка не пытка! Брат Павел был длинный и худой, и лицо у него тоже было длинное и худое, а взгляд суровый и пронзительный — сразу видно, истовый христианин; а брат Колин был низенький, толстенький, с толстым и круглым лицом. Брат Павел жил мечтой о небесном блаженстве, зато брат Колин был не прочь вкусить блаженства на земле. В округе все знали, что брат Павел — праведник, а брат Колин — душа человек. Они всегда ходили собирать дань вдвоем, и там, где не помогали уговоры брата Колина, в ход шли угрозы брата Павла, который живописал муки грешников в преисподней.

— Рорк! — молвил брат Павел. — Мы пришли за десятиной для церкви. Неужто ты и далее будешь упорствовать в грехе? Неужто ты по-прежнему хочешь коптить свою душу на адском огне?

Рорк бросил точить нож и поднял голову — и в глазах у него было столько коварства и злобы,

что сравниться с ними могли только глаза его Кэти. Он открыл было рот, чтобы рассмеяться, но смех застрял у него в горле, а на лице появилось выражение, с каким Кэти смотрела на своих чад перед тем, как их сожрать.

— Ладно, берите свинью, — сказал Рорк, пряча нож.

То-то удивились святые братья — ведь до этого самого дня они всегда уходили от Рорка с пустыми руками, да ещё при этом он науськивал на них пса и провожал их громким хохотом, глядя, как они, спотыкаясь и путаясь в своих длиннополых рясах, бегут к воротам.

— Свинью? — недоверчиво переспросил брат Колин. — Это какую же свинью?

— А вон ту, что в загоне, — сказал Рорк, и глаза у него сделались желтые-прежелтые.

Святые братья поспешили к загону и заглянули внутрь. Они, конечно, сразу увидели, какая Кэти огромная и жирная, и не могли поверить собственным глазам. У Колина аж слюнки потекли при мысли о роскошных окороках и толстом слое первосортного бекона.

— Тут останется и нам на колбаску! — завороженно прошептал он.

Но в голове у брата Павла витали иные мыс-

ли — он предвкушал одобрительные слова, которыми встретит их отец Бенедикт, узнав, что им удалось заполучить от Рорка свинью. И брат Павел отвел взор и спросил:

— Когда же ты доставишь нам эту свинью?

— Вот ещё — доставлять! — заорал Рорк. — Сказано: свинья ваша! Хотите — забирайте, а нет — проваливайте!

Святые братья не заставили себя упрашивать. Они и так были рады-радехоньки. Брат Павел продернул веревку в кольцо на носу у Кэти и вывел её во двор. Сперва Кэти смирно шла следом, как послушная, добропорядочная свинка, Когда все трое дошли до ворот, Рорк крикнул им вдогонку:

— Не забудьте: её зовут Кэти! — И грубый смех, который он так долго сдерживал, наконец прорвался наружу.

— Что ж, свинья как будто большая, хорошая, — сказал, поежившись, брат Павел.

Не успел брат Колин вымолвить и слова в ответ, как сзади что-то впилось ему в ногу и защелкнулось, точно волчий капкан.

Колин взвизгнул и закрутился на месте. А Кэти удовлетворенно принялась жевать выдранный из его ноги кусок мяса, и вид у неё при этом был, как у самого дьявола. Она не спеша все проже-

вала, заглотила и двинулась к брату Колину за следующей порцией. Но тут навстречу выступил брат Павел и угостил её увесистым ударом прямо в рыло. И без того злобные глаза свиньи вспыхнули так, словно в неё вселились все демоны сразу. Она пригнулась, ощетинилась, и у неё из глотки вырвался сиплый, грозный рык. Храпя и лязгая зубами, как бульдог, она рванулась вперед. Святые братья ждать не стали: они со всех ног кинулись к росшему на обочине терновому дереву и, пыхтя от напряжения, полезли наверх — как можно выше, чтобы злодейка Кэти не могла до них добраться.

А Рорк стоял у своих ворот и все видел, и он так хохотал, что было ясно: помощи от него не жди. Кэти в ярости металась вокруг дерева, рыла копытами землю и выворачивала целые куски дерна, чтобы показать свою силу. Брат Павел кинул в неё большой веткой, и она тут же размолотила её в щепки и втоптала их в землю своими острыми копытами, самодовольно скалясь и ни на секунду не спуская с монахов желтых прищуренных глаз.

Злополучные братья сидели на дереве, втянув голову в плечи и подобрав повыше полы своих ряс.

— Ты хоть её как следует огрел? — с робкой надеждой в голосе спросил брат Колин.

Брат Павел задумчиво посмотрел на свою ногу, потом на кровожадное свиное рыло и сказал:

— Я пинком могу свалить любую свинью, но это же не свинья, а целый слон!

— Но ведь и словами её тоже не проймешь, — неуверенно предположил брат Колин.

Кэти в бешенстве кружила под деревом. Святые братья умолкли и долго думали, пытаясь обернуть ноги полами своих ряс. У брата Павла даже лицо перекосилось — так усиленно он размышлял. Наконец он спросил:

— Как по-твоему, можно ли свинью уподобить льву?

— Скорей уж самому дьяволу, — обреченно отозвался Колин.

Брат Павел выпрямился на суку и посмотрел на Кэти с новым интересом. Потом протянул вперед руку с распятием и ужасным голосом возопил:

— APAGE SATANAS![61]

Кэти качнулась, как от порыва шквального ветра, но удержалась на ногах и снова принялась описывать круги.

---

[61] Примечания: 61
Изыди, сатана! (Др. — греч.)

— APAGE SATANAS! — снова вскричал брат Павел. И вновь Кэти дрогнула, но устояла.

И в третий раз исторгнул брат Павел из своей груди этот клич — испытанное оружие против бесовской силы, но свинья уже успела оправиться. И заклинание не имело никаких последствий, если не считать того, что несколько сухих опавших листьев обуглились по краям. Брат Павел обескураженно взглянул на Колина.

— Да, эта свинья подобна дьяволу, — печально подтвердил он. — Однако она не дьявол, иначе она была бы уже повержена.

Кэти торжествующе скрежетала зубами.

— Прежде чем мне пришла мысль попробовать изгнать из неё беса, — задумчиво продолжал Павел, — я вспоминал пророка Даниила во рву львином[62]: что если тот же способ применить и к свинье?

Брат Колин посмотрел на него с тревогой.

— Львы — разговор особый. На них можно воздействовать, — возразил он. — Вероятно, львы не такие закоренелые еретики, как свиньи. Недаром

---

[62] Примечания: 62

я вспоминал пророка Даниила во рву львином..., — См.: Ветхий завет, Книга пророка Даниила, 6,16–23. Согласно библейской легенде, пророк Даниил, осмелившийся молиться Богу вопреки приказу царя Дария и сброшенный в ров с дикими львами, был спасен вмешательством божественной силы.

многие истинно верующие являли свою силу, в борьбе со львом. Возьмем того же Даниила, или Самсона[63], или любых святых мучеников, коим несть числа — если говорить о религии; но можно привести и другие примеры, вроде чудесного спасения Андрокла[64], с религией не связанные. Нет, брат мой, — лев был нарочно создан для того, чтоб его укрощали святые и правоверные. Все эти истории показывают, что львы восприимчивее к доводам религии, чем другие звери. Сдается мне, лев изначально был задуман как своего рода наглядное пособие — чтобы было про кого сочинять притчи, разве не так? Другое дело свинья. Насколько мне известно, свиньи признают только один довод — пинок в рыло или нож к горлу. Все Свиньи вообще, а особенно эта, самые что ни на есть злостные еретики.

— Допустим, — сказал брат Павел, выслушавший это наставление вполуха, — и всё же постыдно и грешно, имея в руках такое могущественное

---

[63] Примечания: 63

Самсон — герой библейской мифологии, богатырь. См.: Ветхий завет, Книга Судей Израилевых, 14,5–9.

[64] Примечания: 64

Андрокл — согласно преданию, римский раб, вынувший занозу из лапы льва, с которым он впоследствии столкнулся на арене цирка гладиаторов. Лев узнал его и не растерзал. Затем Андроклу была дарована свобода.

оружие, как святая христианская церковь, не испробовать его действие — неважно, кто перед нами: лев или свинья. Да, с изгнанием беса у нас не вышло. Но это ещё ничего не значит. — И он начал разматывать веревку, которой была подпоясана его ряса. Брат Колин оцепенел от ужаса.

— Павел, любезный брат! — воскликнул он. — Заклинаю тебя именем Божиим: не слезай с дерева к этой свинье!

Но брат Павел будто и не слышал. Он размотал веревку и к одному концу привязал распятие; затем, зацепившись за сук согнутыми в коленях ногами, повис вниз головой, так что подол рясы закрыл ему лицо, и опустил к земле веревку, на которой, точно наживка на удочке, подпрыгивало железное распятие.

Стуча копытами и лязгая зубами, Кэти бросилась вперед, готовая схватить и втоптать в землю качающееся у неё перед носом распятие. Она была свирепая, как тигр. Но вот она оказалась рядом с распятием, и на морду ей упала четкая крестообразная тень, и крест дважды отразился в её желтых глазах. Кэти замерла, словно на неё столбняк нашел. И тогда содрогнулись и дерево, и воздух, и земля и замерли в тревожном ожидании: добродетель вступила в смертельную

схватку с грехом.

Медленно-медленно две огромные слезы навернулись на Кэтины глаза, и братья ахнуть не успели, как она распростерлась на земле, истово перекрестилась передним копытом и тихо, горестно застонала, осознав всю тяжесть своих прошлых преступлений.

Брат Павел целую минуту раскачивал перед ней святой крест и только после этого подтянулся и снова уселся верхом на суку.

Рорк между тем стоял возле своих ворот и все это видел своими глазами. В один миг он прозрел и отрекся от своей нечестивой жизни. С того дня он только и делал, что рассказывал эту удивительную историю каждому встречному и поперечному. И клялся, что в жизни не видывал такого грандиозного и возвышающего душу зрелища.

Брат Павел стал ногами на сук и выпрямился во весь рост. Затем, держась за ствол одной рукой и жестикулируя другой, Павел прочел наизусть Нагорную проповедь[65] на безукоризненной латыни, адресуясь к распростертой под деревом и

---

[65] Примечания: 65

Нагорная проповедь — см.: Евангелие от Матфея, 5–7; Евангелие от Луки, 6 — наставление, с которым Христос обратился к ученикам и к народу.

громко стенающей Кэти. Когда он закончил, кругом воцарилась благоговейная тишина — только кающаяся свинья всхлипывала и шмыгала носом.

Как ни печально, приходится признать, что брат Колин не обладал стойким духом солдата священного воинства.

— Т-ты думаешь, уже м-можно слезать? — спросил он заикаясь.

Вместо ответа брат Павел отломил от тернового дерева сучок и запустил им в неподвижно лежащую свинью. Кэти жалобно всхлипнула и подняла к ним залитую слезами физиономию. И её выражение говорило о том, что зло исчезло навсегда, а желтые глаза лучились золотистым светом от мучительного раскаяния и снизошедшей благодати.

Святые братья с горем пополам, продираясь сквозь колючки, слезли с дерева, снова продели веревку в Кэтино кольцо и, едва волоча ноги, пошли домой, а следом за ними смиренно трусила новообращенная свинья.

Слух о том, что они ведут с собой свинью, добытую у Рорка, произвел такой фурор, что, подойдя к воротам М-ского монастыря, братья Павел и Колин узрели целую толпу монахов, ожидаю-

щих их возвращения. Братья-монахи обступили свинью со всех сторон и, присев на корточки, наперебой ощупывали её жирные бока измяли в руках тяжелый подгрудок. Внезапно кольцо людей вокруг Кэти разомкнулось, и в середину вступил отец Бенедикт. Увидев на его лице многообещающую улыбку, каждый уверовал в то, что получит свое: брат Колин — вожделенную колбасу, а брат Павел — вожделенную похвалу. Но тут, повергнув всю братию в оцепенение и ужас, Кэти вперевалочку направилась прямо к купели возле входа в монастырскую часовню, обмакнула правое переднее копыто в святую воду и осенила себя крестным знамением. На миг все лишились дара речи. Затем послышался гневный возглас отца Бенедикта:

— Кто из вас обратил эту свинью? Отвечайте!

Брат Павел шагнул вперед.

— Я, святой отец.

— Ну и дурак! — сказал Отец-настоятель.

— Дурак? Но почему же? Я думал, вы будете довольны, святой отец.

— Дурак, — повторил отец Бенедикт. — Теперь мы не можем её заколоть. Эта свинья христианка.

— На небесах более радости будет об одном

грешнике кающемся… — начал брат Павел, имея в виду известную мысль из Священного писания.

— Молчать! — приказал отец-настоятель. — Христиан и без того много. А вот свиньи нынче наперечет.

Можно было бы без конца рассказывать о том, как Кэти помогала тысячам и тысячам больных, как она умела утешить страждущих, не делая различия между дворцами и лачугами. День и ночь сидела она у постели несчастных, и свет её прекрасных, золотистых глаз избавлял их от боли и мук. Сначала по округе ходили толки, что из-за принадлежности к женскому полу ей придется покинуть мужской монастырь и переселиться в обитель к монашенкам, поскольку, как всегда и везде, нашлись злые языки, которые стали трепать её честное имя. А между тем, как справедливо заметил отец Бенедикт, достаточно было только взглянуть на Кэти, чтобы убедиться в её непогрешимости.

Вся последующая жизнь Кэти представляет собой сплошную вереницу благих дел. И однако прошло немало времени, прежде чем братья-монахи заподозрили, что их община дала приют настоящей святой. В тот утренний час христиан-

ского праздника, когда добрая сотня богомольных монахов распевала гимны прославления и благодарения, Кэти встала со своего места, прошествовала к алтарю и, охваченная божественным экстазом, завертелась как волчок на кончике хвоста — и так вертелась целый час и ещё три четверти. Братия взирала на неё с удивлением и восторгом. Ведь Кэти явила чудесный пример совершенства, до которого можно возвыситься, если жить в святости.

С тех пор М-ский монастырь стал излюбленным местом паломничества. Странники нескончаемым потоком стекались в долину, находя себе кров в придорожных тавернах, содержавшихся за счёт добросердечных братьев-монахов. И каждый день в четыре часа пополудни монастырские ворота открывались, и Кэти благословляла народ. А если кто страдал глистами или золотухой, то Кэти своим прикосновением мгновенно его исцеляла. Ровно через пятьдесят лет после её кончины, день в день, Кэти была причислена к рангу божьих угодников.

В конце концов поступило официальное предложение причислить её к лику святых и отныне именовать так: Святая Кэти Непорочная. Однако полного единодушия не было: назначительное

меньшинство утверждало, что Кэти не может считаться непорочной, так как в своей первоначальной, греховной жизни она единожды произвела потомство. Но противостоящее большинство резонно возражало, что все это пустяки и никакого значения не имеет. Где вы возьмете таких непорочных дев, говорили они, которые на поверку и впрямь окажутся непорочными?

Дабы избежать раскола, решено было вынести обсуждение вопроса за стены монастыря, а в качестве третейского судьи специально избранный комитет привлек одного свободного от предрассудков и весьма просвещенного цирюльника, заранее условившись согласиться с любым его заключением.

— Вопрос, конечно, деликатный, — начал цирюльник. — Следует иметь в виду, Что существует два взгляда на проблему непорочности. Согласно одной точке зрения, проблема сводится к наличию некоего кусочка плоти: если он есть — значит, непорочность налицо, нет — значит, нет. Это первое определение подрывает самые основы нашей религии, ибо не учитывает главного, а именно: что привело к его отсутствию? Благодать Божья, действующая изнутри, или греховность людская, действующая снаружи?

Согласно же второму определению, существует также непорочность помыслов, и такой подход, по сравнению с первым, позволяет значительно расширить число непорочных дев. Здесь, правда, тоже есть свои сложности. Помнится, когда я был гораздо моложе, чем теперь, то любил пройтись вечерком в обнимку с хорошенькой девушкой. И все мои тогдашние подружки могли быть с полным основанием признаны — если иметь в виду их помыслы непорочными девами. И если придерживаться второго определения до конца, то выходит, что их и по сей день следует признавать таковыми.

Полученное разъяснение вызвало у членов комитета чувство глубокого удовлетворения. Теперь никто не сомневался, что Кэти, исходя из чистоты её помыслов, должна именоваться Непорочной.

В часовне М-ского монастыря стоит украшенный золотом и драгоценными каменьями заветный реликварий, внутри которого на алом бархате покоятся мощи знаменитой святой. Из самых дальних уголков идут сюда люди, чтобы приложиться устами к этому небольшому ларчику, и те, кому это удается, забывают все свои заботы и печали. Святые мощи исцеляют женские

болезни и стригущий лишай. Одна паломница, согласно записи, сохранившейся в монастырской книге, излечилась от обоих недугов. Мало того: стоило ей потереться щекой о стенку реликвария, как в тот же миг большое волосатое родимое пятно, уродовавшее её лицо всю жизнь, исчезло навсегда.

ДЖОН КОЛЬЕР

ФОКУС С ВЕРЕВКОЙ

Генри Фрэзер, твердо уверенный, что все это делается с помощью зеркал, получил назначение в Индию. Едва ступив на берег, он разразился громоподобным хохотом. Люди, встречавшие его в порту, осведомились не без тревоги о причине такого веселья. Генри ответил, что его смешит сама мысль об Индийском Фокусе с Веревкой.

Те же оглушительные звуки, сопровождая их тем же пояснением, он издавал во время официального завтрака, данного в его честь, в парке Майдан, за чота пег [66] в колясках рикш, на базаре, в клубе и на стадионе. И очень скоро повсюду, от Бомбея до Калькутты, он стал известен как Человек, Который Смеется над Индийским Фокусом с Веревкой, и тем самым снискал себе вполне заслуженную славу.

Но вот в один прекрасный день, когда Генри сидел, умирая со скуки, в своем бунгало, вошел мальчик-слуга и, вежливо поклонившись, доложил о приходе странствующего факира, который просит дозволения позабавить Сагиба Индий-

---

[66] Примечания: 66
Чота пег (англ. — инд.) рюмочка спиртного.

ским Фокусом с Веревкой. Генри согласился и, смеясь от всего сердца, перебрался в кресло на веранде.

Внизу, в пыльном дворике, стоял весьма тощий индус, при котором находились бойкий мальчишка, здоровенная корзина и чудовищных размеров тесак. Он вытащил из корзины метров десять прочной веревки, сделал два-три пасса и подбросил веревку вверх. Она повисла в воздухе, как палка. Генри усмехнулся. Тогда мальчишка подпрыгнул, уцепился за веревку и полез, ловко, по-обезьяньи перебирая руками. Вскарабкавшись на самый верх, он вдруг исчез. Генри загоготал.

Вскоре индус, следивший за мальчишкой встревоженными глазами, принялся свистеть и улюлюкать, призывая того слезть. Он звал его, просил, молил, он бранился и ругался как одержимый. Но мальчишка, похоже, и ухом не вел, Генри помирал от смеха.

Тогда индус, зажав в зубах свой громадный ятаган, сам вскочил на веревку и с ловкостью матроса полез вверх. Добравшись до конца, он тоже исчез. Веселье Генри перешло все границы.

Очень скоро из пустоты стали доноситься вопли и взвизги, за которыми последовал леденящий

душу крик. На землю с глухим стуком шлепнулась нога, потом рука, пятка и другие мелочи, а под конец (поскольку дам среди зрителей не было) — голенькая попка, которая наделала шуму не меньше, чем разорвавшаяся бомба. Генри чуть живот не надорвал.

А следом, держась одной рукой за веревку, соскользнул индус, который только что не визжал от возбуждения. Вежливо поклонившись, он протянул Генри для осмотра окровавленный клинок. Генри запрыгал вместе с креслом.

Тогда индус, почувствовав, видимо, угрызения совести, подобрал искромсанные останки несчастного мальчишки и, стеная и причитая над каждым кровавым куском, засунул их в свою огромную корзину.

Тут Генри решил, что настало время для разоблачения; он готов был спорить на что угодно, что, прежде чем позвать его, эти жулики понатыкали зеркал по всему дворику; поэтому он выхватил револьвер и разрядил всю обойму в воздух, надеясь разбить хотя бы одно из их надувательских стекол.

Ничего подобного, однако, не произошло. Только индус, который от испуга стремительно перекувырнулся через голову, вдруг выхватил из

пыли у самых своих ног маленькую — не толще химического карандаша, — но очень ядовитую змейку, которая случайно подвернулась под пулю. Факир облегченно перевел дух, повернулся и проделал над корзиной ещё несколько пассов. И тут же оттуда, как ни в чём не бывало, выскочил мальчишка, целый, довольный и невредимый, пышущий здоровьем и озорством.

Индус торопливо смотал веревку и склонился перед Генри в подобострастном поклоне, преисполненный благодарности за то, что его спасли от ядовитой змейки, — а это, оказывается, был самый настоящий крайт: один укус, и человек в течение одиннадцати секунд вертится волчком, а потом падает замертво.

— Если бы не помощь Небеснорожденного, — проговорил индус, — меня ждала бы верная смерть, а мальчишка-озорник, радость и гордость моего сердца, лежал бы в корзине, разрубленный на куски, пока слуги Сагиба не соблаговолили бы бросить его крокодилам. Наши жалкие жизни, наш скудный скарб — все теперь в полном распоряжении Сагиба.

— Хорошо, — сказал Генри. — Тогда расскажи, как ты делаешь этот фокус, а то я до конца дней не отсмеюсь.

— Может быть, — робко предложил индус, — Сагиб предпочтет узнать секрет безотказного снадобья для ращения волос?

— Больно надо, — ответил Генри. — Нет уж, давай-ка про фокус.

— Я знаю также, — продолжал индус, — состав одного чудодейственного эликсира, который (не теперь, конечно, но по прошествии времени) мог бы Сагибу очень пригодиться…

— Выкладывай, говорю, про фокус, — перебил его Генри. — Нечего мне зубы заговаривать.

— С превеликим удовольствием, — отвечал индус. — Ничего не может быть проще. Надо сделать вот такой пасс…

— Минутку, — перебил Генри. — Такой?

— В точности, — подтвердил индус. — А потом подбросить веревку — вот так. Видите? Она не падает.

— Ну, допустим, — согласился Генри.

— Теперь мальчик может на неё влезть, — продолжал индус. — Эй, ты! Ну-ка, покажи Сагибу!..

Мальчишка, ухмыляясь, вскарабкался наверх и исчез.

— А теперь, — сказал индус, — я, с позволения Сагиба, отлучусь ненадолго.

Он в мгновение ока взобрался наверх, сбросил

по частям мальчишку и возвратился к Генри.

— Ну, это, — пояснил он, сгребая в кучу руки и ноги, — это может каждый. А вот для того чтобы соединить его обратно, нужно сделать особый пасс. Если Сагиб соблаговолит посмотреть повнимательнее… Вот так.

— Так? — переспросил Генри.

— О, вы очень способный ученик, — восхитился индус.

— М-да, ничего себе, — сказал Генри. — Слушай, а что там, на конце веревки?

— Ах, Сагиб, — улыбнулся индус, — там нечто воистину прекрасное.

С этими словами от отвесил прощальный поклон и удалился, забрав с собой веревку, огромную корзину, чудовищный ятаган и мальчишку-озорника.

Оставшись один, Генри помрачнел: повсюду, от Декана до Хайберского перевала, он был известен как Человек, Который Смеется над Индийским Фокусом с Веревкой, но теперь ему было не до смеха.

Он решил сохранить это дело в тайне, но у него, к сожалению, ничего не получилось. Потому что на приемах, за чота пег, в клубе, в парке Майдан, на базаре и на стадионе все ждали, что он будет

громоподобно хохотать, а в Индии каждый должен делать то, чего от него ждут. На него стали смотреть косо и плести интриги, так что вскоре он вынужден был оставить службу.

Это было тем более неприятно, что Генри успел жениться. Жену он себе выбрал статную, представительную, огнеглазую, с точеным профилем и несколько деспотичным характером, а кроме того, ревнивую, как дьявол. Впрочем, она была настоящая Мемсагиб во всех отношениях и прекрасно знала, чего достойна в этой жизни. Она разъяснила Генри, что ему следует поехать в Америку и сколотить состояние. Генри с этим согласился; они уложили вещи и отправились в путь.

— Надеюсь, — говорил Генри, глядя на вырастающие вдали очертания Нью-Йорка, — надеюсь, я сумею сколотить там состояние.

— Естественно, — вторила ему супруга. — Ничего другого тебе не остается.

— Разумеется, дорогая, — отвечал Генри.

Однако, сойдя на берег, он обнаружил, что все состояния уже сколочены, — это открытие, как правило, ждет всех, кто приезжает в Америку по такому делу. Проблуждав несколько недель с места на место, Генри дошел до того, что был

готов довольствоваться любой работой, потом самой черной работой, а потом просто едой и ночлегом.

Это несчастье застигло их в одном захудалом городишке на Среднем Западе.

— Ничего не поделаешь, дорогая, — сказал Генри, — придется нам попробовать Индийский Фокус с Веревкой.

Его жена горько заплакала при одной мысли о том, что она, Мемсагиб, станет показывать этот дикарский фокус в городишке на Среднем Западе, перед публикой со Среднего Запада. Она принялась корить Генри, ставя ему в вину потерю работы, отсутствие мужских качеств, смерть своей собачки, которая из-за него попала под колеса на пристани, и взгляд, который он бросил в Бомбее на девушку из общины парсов[67]. Однако здравый смысл и голод взяли свое. Они заложили её последний браслет и на вырученные деньги купили веревку, вместительный саквояж и безобразный, старый и ржавый ятаган, который завалялся в лавке старьевщика.

Увидев это орудие, супруга Генри наотрез отка-

---

[67] Примечания: 67

Община парсов — религиозная община, объединяющая приверженцев зороастризма — дуалистической религии, распространенной в Персии, Средней Азии и Закавказье.

залась участвовать в представлении, если только он не уступит ей главную роль и не согласится изображать мальчишку.

— Да, но… — попытался возразить Генри, не без опаски проведя пальцем по тупому, зазубренному лезвию устрашающе ржавого ятагана, — да, но ты не знаешь, как делать пассы.

— Ничего, ты меня научишь, — ответствовала супруга. — А если что выйдет не так, пеняй на себя.

Пришлось Генри все ей показать. Его объяснения, можете не сомневаться, были крайне обстоятельны. В конце концов она освоила все в совершенстве, и им лишь осталось выкраситься кофейной гущей. Генри соорудил себе тюрбан и набедренную повязку, а его супруга облачилась в сари и украсила себя парой пепельниц, позаимствованных в гостинице. Они нашли подходящий пустырь, собрали порядочную толпу и начали представление.

Веревка взлетела в воздух и, разумеется, там и осталась. Зрители, сдавленно хихикая, зашептали друг другу, что все это делается с помощью зеркал. Генри, изрядно попыхтев, вскарабкался наверх. Однако, добравшись до конца, он забыл о зрителях, о представлении, о жене и даже о

самом себе, столь дивное и необычайное зрелище представилось его глазам.

Он выбрался из дыры, напоминающей колодец, и ступил, как ему показалось, на твердую почву. Но открывшаяся там картина совсем не походила на то, что осталось внизу. Генри словно очутился в индийском раю, среди лесистых долин, тенистых беседок, длиннорогих туров и ещё невесть чего. Но отнюдь не прелести пейзажа вызвали у Генри удивление и восторг, а юная особа женского пола, которая находилась в ближайшей беседке, или боскетке, затененной, устланной, увитой и оплетенной страстоцветами. Эта пленительная богиня, настоящая гурия, да кроме того весьма легко одетая, казалось, поджидала Генри и встретила его с нескрываемым восторгом.

Генри, который был чувствителен и пылок от природы, обвил руками её шею и заглянул в глаза. Они были на диво красноречивы. Там, казалось, было написано: «Что нам мешает ковать железо, пока горячо?»

Генри ничего не имел против такого развития событий и приник к её устам в страстном поцелуе, лишь мимоходом с неудовольствием отметив, что жена снизу громко свистит и улюлюкает.

«Каким же, — подумал он, — надо быть бестакт-

ным и нечутким человеком, чтобы свистеть и улюлюкать в такой момент!», после чего и думать о ней забыл.

Можете вообразить его досаду, когда обольстительная красотка вдруг отпрянула в сторону. Глянув через плечо, Генри увидел свою супругу, вылезающую из дыры; лицо её было красным, как помидор, глаза сверкали демонической яростью, а в зубах она крепко держала увесистый ятаган.

Генри хотел было встать, но жена опередила его и, не дав подняться, пустила в ход беспощадное кривое лезвие, одним махом разрубив его на две половины. Генри рухнул к её ногам.

— Что ты делаешь! — завопил он. — Это же только фокус! Часть представления! Это ничего не значит! Подумай о зрителях! Мы должны продолжать!

— Сейчас продолжим, — прошипела она, кромсая его руки и ноги.

— Ай, зазубрины! — верещал Генри. — Дорогая, сделай мне одолжение, поточи его о камень!

— Ничего, тебе, негоднику, и так сойдет, — отозвалась супруга, не отрываясь от дела. Через пять минут Генри лежал, как обтесанный ствол.

— Только рога ради, — взмолился он, — не забудь пассы! Если хочешь, я объясню ещё раз…

— Провались ты со своими пассами! — ответствовала супруга и поддала его голову, как футбольный мяч.

Затем она быстро подобрала раскиданные вокруг останки несчастного Генри и сбросила их на землю под хохот и аплодисменты зрителей, как никогда уверенных, что все делается с помощью зеркал.

Тогда, зажав в зубах ятаган, она решила было спуститься вниз, впрочем, отнюдь не затем, чтобы оживить своего злосчастного супруга, а скорее, чтобы окончательно изрубить его в капусту. Но тут она почувствовала, что кто-то стоит у неё за спиной. Обернувшись, она увидела божественной красоты юношу, похожего на Магараджу самой высокой касты, вылитого Валентино[68], взгляд которого, казалось, говорил: «Лучше сгореть на ложе любви, чем на электрическом стуле».

Против такого довода было трудно что-либо возразить. Впрочем, прежде всего она просунула голову в дыру и громко крикнула:

— Так будет со всяким мерзавцем, который посмеет изменить жене с грязной туземкой!

И только после этого смотала веревку и завела

---

[68] Примечания: 68

Рудольфа Валентино — голливудский актер, считавшийся эталоном красоты.

беседу со своим обольстителем.

Вскоре на месте происшествия появилась полиция. Сверху доносилось лишь тихое воркование, словно там кружила парочка влюбленных голубков. Внизу, в пыли, были раскиданы искромсанные останки Генри, на которые уже слетались трупные мухи.

Зрители объяснили, что это просто фокус, который делается с помощью зеркал.

— Сдается мне, — заметил сержант, — что самое здоровенное зеркало рухнуло прямо ему на голову!

ПАДШИЙ АНГЕЛ

В аду, как и в других известных нам местах, условия жизни оставляют желать лучшего. Это обстоятельство, однако, нисколько не смущает честолюбивых, энергичных, хорошо приспособленных бесов. Они полны решимости добиться успеха и со временем достичь высот в своей карьере.

Что касается огромной серой массы обыкновенных бесов, тупо вкалывающих от зари до зари, любые эскапистские идеи, которые могут прийти в голову, легко выветриваются с помощью развлечений сродни нашим радио и телевидению, которые дают им возможность, в перерыве между крикливой рекламой, поглядеть картинки сладкой жизни, принимаемой ими за рай.

Существуют, однако, отдельные праздные, никчемные, совершенно нетипичные бесы, которые только и мечтают уйти подальше от всей этой суеты, — и многим это удается. Начальство не спешит их отловить и вернуть обратно, поскольку все они хронические безработные, а следовательно, чистый балласт на шее общества.

Часть беглых бесов селится на мелких Пла-

нетах, раскиданных по окраинам Плеяд. Эти крошечные мирки, как зеленые атоллы, виднеются то тут, то там на фоне вечной синевы космических просторов. Отщепенцы сооружают на них свои жалкие лачуги и кормятся тем, что забрасывают удочки в надежде подцепить на крючок какую-нибудь заблудшую душу. Живут они беспечно, как бродяги, подбирающие на берегу все, что им выкинет море, становятся год от года все толще и ленивее и при этом чувствуют себя мятежниками со знаменитого «Баунти»[69]. Когда им хочется чего-то новенького, они отправляются поплавать в лазоревом эфире и нередко доплывают до райских утесов, чтобы поглазеть на девушек, которые, естественно, все ангельски прекрасны.

Райский берег, как и положено, весь усеян роскошными летними курортами и прекрасно оборудованными пляжами. Есть там тихие заводи и уединенные заливы, где сапфировые волны омывают золотой песок такого качества, что лю-

---

[69] Примечания: 69

«Баунти» — военный корабль, команда которого взбунтовалась на пути в Ост-Индию. Капитан Блай и часть экипажа были арестованы мятежниками, а потом отправлены в шлюпке на берег. Находившийся в руках мятежной команды корабль достиг Таити, где высадились шестнадцать моряков, впоследствии арестованные местными властями. Оставшаяся на Свободе часть экипажа пристала к небольшому острову Питкерн, где основала колонию.

бой честный золотоискатель, попав туда, сразу бы схватился за лопату и ведро.

В таких местах, где нет крылатых ангелов-спасателей, купаться строго воспрещается, поскольку поблизости могут таиться опасные беглые бесы, и всякий, кто посмеет нарушить правила, не огражден от неприятных последствий. Но, несмотря на риск — а может быть, именно в погоне за риском, — райская молодежь с особым удовольствием нарушает законы, как, впрочем, и любая молодежь на свете.

И вот как-то утром к одному из этих уединенных заливчиков спустился прелестный юный ангел в женском обличье. Погода была просто райская, и сердце ангелицы трепетало, как струны её собственной арфы. Она ждала, что её блаженное состояние в любой миг может стать ещё более блаженным. Она долго сидела на скале, нависающей над эфиром, и весело распевала, словно жаворонок поутру. Потом она встала, приняла картинную позу, сама не сознавая почему, и нырнула ласточкой в наполненный радостным сиянием эфир.

Неподалеку на мелководье ошивался пожилой бес весьма непривлекательной наружности: будучи любопытным, он преследовал одну

цель — подглядеть что-нибудь соблазнительное. При виде столь очаровательного существа старый греховодник почувствовал щекочущее нервы вожделение. Оно поднялось из глубины его черной души и изрыгнулось наружу, как пузырь в котле с кипящей смолой. Он мгновенно подплыл к ней и схватил свою жертву, как хватают купающихся красавиц акулы, а потом унес её, лишившуюся чувств, на свою маленькую зеленую планету, к дверям своей шаткой лачуги, торчавшей среди скал, — точно такой же, как жалкие рыбачьи хибары на любом тропическом острове.

Испустив глубокий вздох, она пришла в себя и с ужасом взглянула на своего уродливого похитителя: его огромное брюхо нависало над засаленным брючным ремнем, а драные джинсы едва прикрывали бесовские стати. Вооружившись ржавыми ножницами, он тут же принялся обрезать ей крылья и собирать перья.

— Перья пригодятся мне чистить трубку, — заявил он. — Люблю покурить, когда рыбачу. Вот мой любимый спиннинг. Ты не смотри, что он такой неприметный. Это только с виду. На самом деле он крепкий и длинный. Я нередко забрасываю его в дортуары Ассоциации молодых христиан. А в качестве приманки использую раз-

ные приятные сны — из своих личных запасов. Я держу их вон в том ведре.

Можешь хоть сейчас выбрать какой хочешь и насадить на крючок.

— Фу, какая гадость! — воскликнула ангелица, отпрянув в страхе. — Они такие скользкие, так мерзко извиваются! В жизни до них не дотронусь.

— Напрасно отказываешься, — заметил бес. — Вдруг тебе захочется полакомиться сердцем и железами внутренней секреции какого-нибудь юного студента-теолога.

— Как-нибудь я сама себя прокормлю, — возразила она с презрительной гримаской. — Я питаюсь исключительно медом и цветами. Иногда, если уж очень хочется есть, выпиваю яйцо колибри.

— Большая аристократка, — сказал бес. — С чего уж так нос задирать? Прежде чем строить из себя благородную даму, советую хорошенько подумать. Старый Том Дубохвост — он ласковый, добрый, наивный, как дитя, если не гладить его против шерсти. Но только начни мне перечить — тут уж я сам не свой: всех распушу, всех искрошу, всех укокошу! Будешь мне наживку насаживать, когда велю, будешь все мести, скрести и чистить,

будешь обед варить, самогонку гнать и постель стелить…

— Какую постель? — переспросила она. — Я буду стелить только свою собственную. Что до твоей…

— Если ты рассчитываешь стелить постель только для себя, тогда можешь накинуть на меня уздечку из цветочков и ехать на мне прямо в рай. Я сказал «постель» в единственном числе, потому что для меня это понятие двуспальное, а одна двуспальная постель не равняется двум односпальным. Вот такая у меня арифметика!

Тут он затрясся от смеха, схватившись за бока, очень довольный собственной шуткой.

Наша ангелица, однако, шутки не оценила.

— Я знаю, что я нарушила правила, — сказала она. — И понимаю, что ты можешь заставить меня работать на себя, как рабыню. Но в грехе я неповинна, и ты не найдешь для меня наказания хуже смерти.

— Вот как? — сказал бес, поскольку тщеславие его было задето. — Много ты о ней знаешь!

— Если бы я и захотела узнать побольше, — парировала она, — тебя бы я в учителя не выбрала.

— Даже если бы я подарил тебе ожерелье из слезинок невинных хористочек?

— Благодарю покорно, — ответила она. — Оставь себе свои фальшивые драгоценности, а мне оставь мою добродетель.

— Фальшивые? — возмущенно повторил бес. — Сразу видно, что ты ничего не смыслишь в драгоценностях, как, впрочем, и в добродетели. Ну, хорошо, дорогая, я найду способ укротить такую злючку, как ты!

Однако старый сластолюбец просчитался. Много дней подряд он пробовал подъехать к ней и так и сяк, но ни угрозы, ни лесть ни к чему не привели. С его черной, как сажа, физиономией немыслимо было одолеть её белую, как снег, добродетель. Когда он хмурился, она пугалась, но когда он расточал ей умильные улыбки, она начинала ненавидеть его больше всех чертей на свете.

— Я могу, — грозил он ей, — заточить тебя в бутылку из-под виски, из которой ты выберешься, только когда её откупорит какой-нибудь еврей-старьевщик.

— И на здоровье, — ответила она. — Вряд ли он будет уродливей тебя. И уж, во всяком случае, не назойливей.

— Это ещё как сказать, — возразил бес. — Думаю, ты нечасто сталкивалась со старьевщиками

и плохо знаешь, что это за народ. А ещё я могу скормить тебя устрице. Ты обрастешь жемчугом, а когда тебя вытащат из раковины, то тут же променяют при весьма сомнительных обстоятельствах на щедрую порцию той самой добродетели, которую ты так ценишь.

— А я закричу: «Жемчуг фальшивый!» — сказала она, ничуть не смутившись. — И тогда жертва выхватит свой пистолет, и мы обе будем спасены.

— Ловко вывернулась, — одобрил бес. — Но я могу отправить тебя на землю в виде молодой девушки лет девятнадцати-двадцати. В этом возрасте соблазн особенно силен, а уровень сопротивляемости низок. И с того момента, когда ты впервые согрешишь, твое тело, душа, добродетель и все остальное принадлежат мне. Даю тебе рассрочку на семь лет. И уж тогда, — и тут он непристойно выругался, — я своё возьму. Дурак я, что раньше не догадался!

Сказано — сделано. Он ухватил её за лодыжки и зашвырнул как можно дальше в космический простор. Он смотрел, как летит, переворачиваясь в воздухе, её светящееся тело, и потом нырнул за ним вслед, как мальчишка ныряет в бассейн, чтобы достать со дна монетку.

Ничего не подозревающие городские жители, которые поздним вечером шли домой через Бруклинский мост, обратили внимание на какую-то сверкающую точку в небе и решили, что это падучая звезда, а один подвыпивший поэт, возвращаясь под утро с ночной попойки, вдохновился мерцанием, как ему показалось, розовой зари среди чахлых кустов Центрального парка. Но то была не заря, а наша юная, прелестная ангелица, которая прибыла на землю в облике молодой девушки, потерявшей разом одежду и память, что случается иногда с молодыми девушками, и теперь бродила под деревьями в состоянии полнейшей невинности.

Невозможно сказать, сколько времени все это продолжалось бы, если бы её, по счастью, не нашли три добросердечные старые дамы, которые всегда первыми приходили по утрам в парк, чтобы насыпать крошек своим подопечным птичкам. Останься наша юная ангелица в парке до полудня, с ней могло приключиться что угодно; она сохранила всю свою первозданную красу и теперь светилась так, что могла бы поспорить с самой нежной зарей. В ней была приятная округлость и аппетитная упругость; она напоминала спелый, сочный персик; словом, в ней

чувствовалось что-то, против чего невозможно было устоять.

Щебеча и хлопая крыльями, как их пернатые друзья, старые дамы сочувственно окружили это розовое воплощение соблазна и невинности.

— Бедняжечка! — воскликнула мисс Белфридж. — Кто довел её до такого состояния? Несомненно, мужчина!

— Или дьявол, — сказала мисс Моррисон. Её предположение чрезвычайно развеселило нашего нечистого, который невидимо стоял неподалеку. Он не удержался и слегка ущипнул мисс Моррисон так, как её ещё никто не щипал.

— О Боже! — воскликнула мисс Моррисон. — Неужели это вы, мисс Шенк? Как вы могли?!

— А что я? — удивилась мисс Шенк. — В чем дело?

— Меня как будто кто-то ущипнул.

— Ой, и меня! — вскрикнула мисс Белфридж. — И меня тоже!

— И меня! — взвизгнула мисс Шенк. — О Господи! Наверное, мы сейчас все впадем в беспамятство.

— Надо поскорее доставить её в больницу, — сказала мисс Моррисон. — Что-то сегодня в парке неладно, даже птички боятся подлетать близко.

Их не обманешь. Страшно подумать, что ей довелось испытать.

Добросердечные дамы отвезли наше прелестное, но несчастное ангельское создание в клинику нервных болезней. Там она встретила радушный и даже до некоторой степени восторженный прием. Её поместили в маленькую палату, стены которой были выкрашены в голубовато-зеленый цвет, поскольку этот цвет, как было установлено, успокаивающе действовал на девушек, блуждающих по Центральному парку без одежды и без памяти. Пациентку поручили молодому блестящему психотерапевту. Такие случаи были его непосредственной специальностью, и ему почти всегда удавалось эффективно стимулировать отказавшую память.

Бес, естественно, увязался следом и теперь стоял, ковыряя в зубах, и с любопытством наблюдал за происходящим. Злодей обрадовался тому, что психотерапевт хорош собой: у него было мужественное лицо с правильными чертами и темные блестящие глаза, которые заблестели ещё сильнее, когда он увидел свою новую пациентку. Что касается самой пациентки, то в её незабудково-голубых глазах тоже вспыхнул блеск, отчего бес снова удовлетворенно потер руки. Все складыва-

лось как нельзя лучше.

Упомянутый психотерапевт был достойным украшением своей несправедливо оклеветанной профессии. Его высокие принципы гармонично сочетались с ещё более высоким научным рвением. Отпустив сестер, доставивших нашего ангела в палату, он занял своё место у изголовья кушетки, на которую положили больную.

— Моя цель — помочь вам поправиться, — сказал он. — Судя по всему, вам пришлось пережить тяжелое испытание. Я прошу вас рассказать мне все, что вы помните.

— Рассказать не могу, — ответила она слабым голосом. — Я ничего не помню.

— Может быть, вы ещё в шоке, — предположил наш талантливый врач. — Дайте мне руку, голубушка, я должен проверить, теплая она или холодная и есть ли на ней обручальное кольцо.

— Что такое рука? — прошептало несчастное создание. — Что такое теплая? Что такое холодная? Что такое обручальное кольцо?

— Бедная моя девочка! — вздохнул доктор. — Видимо, вы перенесли очень сильный шок. Тем, кто забывает, что такое обручальные кольца, обычно приходится тяжелее всего. А ваша рука — вот она.

— А это ваша?

— Да, моя.

Юная ангелица умолкла и долго смотрела на собственную руку в руке доктора, а потом опустила свои восхитительные ресницы и тихонько вздохнула. Вздох этот привел в восторг ревностного ученого, поскольку он усмотрел в нем первые признаки трансференции[70] — состояния, невероятно облегчающего труд психотерапевта.

— Ну-с, — произнес он наконец, — необходимо выяснить, что вызвало у вас потерю памяти. Здесь передо мной протокол медицинского освидетельствования. Никаких ушибов головы у вас не обнаружено.

— Что такое голова?

— Вот ваша голова, — терпеливо объяснил доктор. — А вот это глаза, а это рот.

— А это что?

— А это ваша шейка.

Наша очаровательная ангелица оказалась замечательной пациенткой: её единственным желанием было угодить своему доктору. Под воздействием трансференции он стал ей казаться

---

[70] Примечания: 70

Трансференция — термин, употребляемый в психоанализе, — обозначающий перенос эмоций на лечащего врача во время психоаналитических сеансов.

каким-то необыкновенным, сказочным героем из далекого, забытого детства. Её врожденная наивность ещё усилилась под влиянием амнезии[71].

Откинув с себя простыню, она спросила:

— А это что?

— Это? — смутился он. — Как вы могли про них забыть? Я не забуду их до конца своих дней. В жизни не видел таких роскошных плеч.

Ободренная его похвалой, она задала ещё один-два вопроса В таких, что наш достойный молодой медик вскочил со стула и начал в волнении расхаживать по комнате.

— Сомненья нет! — пробормотал он. — Я испытываю контртрансференцию в чистейшей форме или, по крайней мере, в очень интенсивной. Столь выдающийся пример этого феномена заслуживает специального научного исследования. По-видимому, тут показан легкий контакт и смелое использование новейшей техники. Свою статью я назову «Демонстративно-соматический метод применительно к случаям тотальной амнезии». Ретрограды, конечно, будут коситься, но и на Фрейда тоже когда-то смотрели косо.

Опустим занавес над сценой, которая после-

---

[71] Примечания: 71
Амнезия — потеря памяти.

довала, ибо тайны кушетки психотерапевта все равно что тайны исповедальни. Но для Тома Дубохвоста не существовало ничего святого — он все это время помирал от смеха, рассуждая про себя так: «Есть ли на свете более тяжкий грех, чем заставить такого образцового, перспективного специалиста забыть себя, свою карьеру и свою профессиональную этику?»

По прошествии известного времени коварный бес решил сделаться видимым и возник у изножья кушетки с циничной ухмылкой на своей видавшей виды физиономии.

— Ах, дорогой, что это? — воскликнула наша героиня голосом, полным тоски и отчаяния.

— О чём ты? — спросил психотерапевт, который в этот момент был поглощен весьма важными изысканиями.

Юная ангелица загрустила и умолкла. Она узнала беса и теперь вспомнила все, о чём ей следовало бы помнить раньше. Однако известно, что грехи такого рода раскаянием не искупишь.

— Увы, — вздохнула она, — ко мне, кажется, вернулась память.

— Значит, ты излечилась! — радостно воскликнул доктор, — Это говорит о том, что метод был выбран правильно: надеюсь, он получит еди-

нодушное одобрение и будет введен в практику психотерапии. Какой неоценимый подарок я сделал моим коллегам, особенно если их пациентки окажутся наполовину или хотя бы на четверть так же прекрасны, как ты! Но расскажи мне, что именно ты вспомнила. Я задаю этот вопрос не как врач, а как твой будущий муж.

Как легко, согрешив единожды, согрешить ещё раз — и после того, что случилось, вступить на путь лжи! Бедная наша ангелица не нашла в себе мужества разрушить счастье своего избранника, признавшись, что через семь лет он будет вынужден возвратить её мерзкому косматому бесу. Она пролепетала что-то невразумительное — будто бы уснула в ванне и вообще имеет склонность к сомнамбулизму. Эта версия была принята с полным доверием, и счастливый молодой психотерапевт побежал за брачной лицензией.

Бес тут же явился снова и стоял, гнусно улыбаясь своей жертве.

— Быстро сработано! — сказал он, — Ты меня избавила от хлопот. В этом городе есть девицы, которые бы целую неделю кочевряжились. За это получишь от меня запас кой-какой одежонки, чтобы твоя история звучала правдоподобнее. Выходи за этого парня, и будьте счастливы. Цени

благородство Тома Дубохвоста — нет у него ревности ни в одной ворсинке хвоста!

На самом деле старый черт знал, что она рано или поздно выйдет замуж — не за того, так за другого. А так как он был дьявольски ревнив, то понимал, что уж лучше ревновать к кому-то одному. Кроме того, он рассчитал, что имеет смысл выбирать прилично обеспеченного мужа, у которого холодильник доверху набит, в домашнем баре вдоволь спиртного, а в подвальном этаже топка и там он сможет спать по; ночам. Психотерапевты в этом смысле народ вполне подходящий. Окончательно он утешился мыслью о том, что брак, основанный на лжи, чреват и прочими проступками, а предчувствие греха для беса — все равно что для нас аромат роз и лилий.

Надо сразу сказать, что тут старого негодяя поджидало горькое разочарование. Трудно было бы найти жену более ангельского нрава, чем наша ангелица. Удушливая атмосфера семейной добродетели так угнетающе подействовала на беса, что он решил проветриться и отправился в Атлантик-Сити.

Общий дух этого веселого места пришелся ему по вкусу, и он провел там большую часть условленного семилетнего срока. Таким образом,

наша ангелица получила возможность предаться радостям настоящего и почти не думать о будущем. Она познала счастье материнства, родив в конце первого года крепыша мальчика, а в конце третьего — прелестную девочку. Квартира у них была обставлена с самым изысканным вкусом; муж поднимался все выше и выше по профессиональной лестнице, и ему до звона в ушах аплодировали на самых престижных конференциях по психоанализу. На исходе седьмого года бес объявился — узнать, как идут дела. Он рассказал нашей героине обо всем, что повидал в Атлантик-Сити, и в соблазнительных красках обрисовал совместную жизнь, которую они будут вести, когда истечет положенный срок. Он был начисто лишен деликатности и представал перед ней в минуты, когда даже самый толстокожий черт почувствовал бы, что его присутствие нежелательно. Она закрывала глаза, но это не помогало: бесов особенно отчетливо видишь с закрытыми глазами. Ей оставалось только тяжело вздыхать.

— Как ты можешь так тяжело вздыхать в такой момент? — укорял её муж. Она не знала, что ответить, и в их отношениях появилась трещинка.

Как-то раз, при тех же обстоятельствах, психо-

терапевт сказал:

— Я все думаю, не связано ли это с каким-то твоим прошлым опытом, до того, как ты потеряла память. Может быть, ты не до конца излечилась? Моя вера в мой метод начинает колебаться.

Эта мысль продолжала его точить и довела до грани нервного срыва.

— Вся моя работа пошла насмарку, — заявил он в один прекрасный день. — Я утратил веру в своё открытие. Я полный банкрот. Теперь я буду катиться все ниже и ниже. Я сопьюсь. Смотри, у меня седой волос! Что может быть отвратительнее старого, седого, спившегося психотерапевта, который потерял веру в себя и в свою науку, хотя раньше вера в возможности того и другого была у него безгранична! Бедные мои детки, что вас ждет с таким отцом? У вас не будет ни уютного дома, ни порядочного образования, а может быть, и башмаков. Вы будете проводить своё время у дверей захудалых пивнушек. У вас разовьется комплекс неполноценности, а когда вы вступите в брак, вы станете все вымещать на своих партнерах, и тем тоже придется обращаться к психотерапевтам.

Тут наш бедный ангел не выдержал. До конца срока оставалось всего несколько недель. И

она решила, что лучше пожертвовать остатком собственного счастья, чем погубить жизнь мужа и детей. В ту ночь она рассказала ему все без утайки.

— Я никогда бы такому не поверил, — сказал муж, — если бы ты, дорогая, не заставила меня поверить в ангелов. А от этого до веры в бесов только шаг. Ты помогла мне вновь обрести веру в мою науку, которую часто определяют как изгнание бесов. Где же он? Могу я на него взглянуть?

— Легче легкого, — ответила жена. — Поднимись в спальню пораньше и спрячься в шкафу. Как только я приду и стану раздеваться, ты его увидишь.

— Хорошо, — согласился муж. — Между прочим, в доме прохладно, и, пожалуй, тебе не стоит…

— Ах, дорогой, поздно беспокоиться о таких пустяках!

— Ты права. В конце концов, я психотерапевт и человек широких взглядов, а он всего-навсего бес.

Он поспешил наверх и спрятался в шкафу, а вскоре в спальню вошла его жена. Как она и ожидала, в известный момент появился бес — он разлегся в шезлонге и беззастенчиво пялился на ангела. Наглость его дошла до того, что он, улучив

момент, ущипнул это невинное создание.

— Ты что-то отощала, — заметил он. — Ну, ничего, скоро снова будешь в теле. Впереди у нас медовый месяц. Порезвимся вовсю! Ты даже не представляешь, какую школу я прошел в Атлантик-Сити.

Он ещё долго разглагольствовал, пока наконец из шкафа не вылез муж, который профессиональным жестом взял его за руку и крепко сжал.

— Отпустите руку! — захныкал бес, пытаясь вырваться, потому что в присутствии психотерапевта даже старые, тертые, похотливые бесы теряются и робеют, как дети.

— Рука меня мало волнует, — сказал психотерапевт высокомерно-бесстрастным тоном. — Меня больше занимает хвост.

— Хвост? — удивленно переспросил бес. — Чем вам не нравится мой хвост?

— К хвосту как таковому претензий нет. Но вы, как я предполагаю, хотите от него избавиться.

— Избавиться от хвоста?! — воскликнул встревоженный бес. — Во имя всего святого, скажите, почему я должен избавляться от хвоста?

— Дело вкуса, — сказал, презрительно пожав плечами, психотерапевт. — Скажите, у кого-нибудь в Атлантик-Сити вы видели подобный

отросток?

— По правде говоря, нет, — ответил приунывший бес. Любопытно, что бесы, которые так любят внушать свои идеи нам, смертным, сами легко поддаются внушению.

— Я убежден, что этот хвост имеет психическую природу, — сказал доктор, — а отсюда следует, что от него без особых трудностей можно излечиться.

— А кто сказал, что я желаю излечиться? — возмущенно парировал бес.

— Никто не сказал, — спокойно ответил ученый. — Но вы об этом думали и пытались подавить эту мысль. По вашему же собственному признанию, вы типичный voyeur, то есть подсматриватель. Позднее я постараюсь вам разъяснить, что подсматриванье в целом занятие неблагодарное, но оно имеет свои плюсы. По крайней мере, вы теперь знаете, какое телосложение считается нормой для полноценного мужчины, и вам, наверно, не захочется отстать от моды.

— Я и так доволен, — не сдавался бес.

Снисходительная скептическая улыбка тронула губы психотерапевта. Он повернулся к жене.

— Дорогая, я вынужден просить тебя оставить нас вдвоем. Мне предстоит выслушать призна-

ния этого несчастного, запутавшегося существа, а врачебная тайна священна.

Ангел тут же ретировался, тихо закрыв за собой дверь. Психотерапевт придвинул стул к шезлонгу, на котором лежал бедолага бес.

— Итак, вы утверждаете, что вполне довольны жизнью, — начал он самым мягким тоном, на который был способен.

— Да, утверждаю, — с вызовом сказал бес. — Больше того, уверен, что скоро она станет ещё лучше.

— Пока это только гипотеза, — заметил врач. — На ранней стадии анализа ничего другого быть не может. Но я предполагаю, что ваше пресловутое довольство жизнью не более чем маска, прикрывающая вашу полную неадекватность. Налицо все физические симптомы. У вас чудовищный вес, а отсюда — сердечная недостаточность.

— У меня и правда иногда бывает одышка, — признался бес, слегка поежившись.

— Скажите, пожалуйста, сколько вам лет?

— Три тысячи четыреста сорок.

— Я бы вам дал по крайней мере на тысячу больше! — сказал доктор. — Я, конечно, могу и ошибаться. Но в одном я твердо уверен: в той среде, из которой вы вышли, вы ощущали себя

чужаком, поэтому вы и бежали от неё. А теперь вы пытаетесь бежать от психоанализа.

Вы боитесь потерять хвост. Умом вы понимаете, что это страшное уродство, но не желаете с ним расстаться.

— Ну, я бы так не сказал, — возразил бес с сомнением.

— По правде говоря, нет, — ответил приунывший бес. Любопытно, что бесы, которые так любят внушать свои идеи нам, смертным, сами легко поддаются внушению.

— Уверяю вас, именно так, — сурово подтвердил психотерапевт. — Вы цепляетесь за хвост как за символ своего бесовства. А в чём суть этого бесовства? Думаю, что это своего рода протест, вызванный чувством отторжения, которое, очевидно, возникло одновременно с появлением на свет. Даже у людей деторождение — глубоко травматический опыт. Насколько ужаснее родиться злополучным, отринутым бесом!

Несчастный бес нервно дергал плечами и теребил свой жирный подбородок, выказывая все признаки угнетенного состояния. Тут психотерапевт повел массированную атаку, упоминая о приступах депрессии, неосознанных страхах, чувстве вины, комплексе неполноценности,

бессоннице, нездоровой потребности чересчур много есть и пить, психосоматических болях и тому подобных недомоганиях. Кончилось тем, что бедняга бес стал умолять врача приняться за его лечение. Он даже просил назначить дополнительные сеансы, чтобы излечиться как можно скорее.

Наш психотерапевт охотно вызвался ему помочь. Жену и детей он отправил на лето отдыхать, а сам дни и ночи напролет работал с трудным пациентом. Незадолго до возвращения ангела преобразившийся бес покинул дом — в серебристо-сером костюме, без хвоста, физически заметно похудевший, но умственно в полном порядке. Вскоре после этого он обручился с некоей миссис Шлягер, которая в своё время тоже была нелегкой пациенткой.

Через некоторое время он нанес своему благодетелю визит, покачал на коленях детишек и извинился перед хозяйкой за все неприятности, которые он ей доставил. Она с готовностью его простила — что ни говори, его дурное поведение было лишь следствием бессознательных импульсов; но поскольку в результате её семейная жизнь сложилась так удачно, она не помнила зла и даже признала его другом дома. Правда,

он довольно занудно, с ненужными подробностями любил рассказывать о своем излечении, но это характерно для всех, на кого психоанализ подействовал благотворно. В конце концов, он перебрался на Уолл-стрит, где вскоре дела его пошли столь успешно, что он на свои средства оборудовал для молодого психотерапевта прекрасную современную клинику.

НИКАКОГО БИЛЗИ НЕТ!

— Звонят к чаю, — сказала миссис Картер. — Надеюсь, Саймон услышит.

Обе женщины, сидящие в гостиной, поглядели в окно. Оно выходило в большой сад, живописно запущенный, в глубине которого на свободном кусочке земли стояла беседка. Она, как и сад, ещё привлекала глаз, хотя уже наполовину развалилась. Там и было убежище Саймона. Его почти полностью скрывали раскидистые ветки яблони и груши, посаженных слишком близко друг к другу, как обычно бывает в пригородах. Саймон то и дело мелькал среди зелени, и они видели, как он марширует, жестикулирует, строит гримасы — словом, исполняет торжественный дикарский обряд, как и положено мальчишкам его возраста, которые проводят долгие дневные часы в заброшенных уголках большого сада.

— Вот он, наш ангел! — сказала Бетти.

— Играет в свои обычные игры, — пояснила миссис Картер. — С детьми больше не желает играть. И стоит подойти — такой шум поднимает! В дом возвращается совершенно без сил.

— А днем он не спит? — спросила Бетти.

— Вы же знаете Саймона-старшего с его идеями. Он говорит: «Пусть сам решает». Вот он и решил не спать. Приходит белый как полотно.

— Смотрите, он услыхал звонок! — воскликнула Бетти. Она была права, хотя звонок уже минуту как отзвонил. Мальчик внезапно оборвал своё представление, словно только что услышал металлический звон. Они наблюдали, как он сделал несколько взмахов палочкой, затем прочертил какие-то ритуальные знаки на земле и двинулся к дому по густой, поникшей от зноя траве, едва волоча ноги.

Миссис Картер направилась в комнату, выходившую в сад. Там держали игрушки мальчика, а в жаркие летние дни пили чай. Когда-то здесь была моечная при кухне этого просторного георгианского дома. Теперь стены были перекрашены в кремовый цвет, окна затянуты жесткой синей сеткой, на каменном полу расставлены стулья в парусиновых чехлах, а над камином красовалась репродукция «Подсолнухов» Ван Гога.

Саймон-младший, войдя в комнату, поздоровался с гостьей небрежным кивком. Его личико с заостренным подбородком — почти классический треугольник — показалось ей неестественно бледным.

— Маленький эльф! — восторженно пролепетала она.

Саймон взглянул на неё и сказал:

— Нет.

В этот момент открылась дверь и, потирая руки, вошел мистер Картер. Он был зубной врач и всегда мыл руки до и после всего, что делал.

— Ты пришел? — удивилась жена. — Так рано?

— Надеюсь, я не помешал? — сказал мистер Картер, кивнув Бетти. — Два пациента, назначенные на сегодня, не явились. Я и решил вернуться пораньше. Надеюсь, я не помешал? Все-таки я вижу, помешал…

— Ну что ты! — сказала жена. — Нет, конечно.

— А вот у маленького Саймона на этот счёт, очевидно, есть сомнения, — не унимался мистер Картер. — Саймон Маленький, скажи честно, ты недоволен тем, что мы будем пить чай вместе?

Нет, папа.

— Нет… как надо сказать?

— Нет, Саймон Большой.

— То-то же. Саймон Большой и Саймон Маленький. Будто два друга, не правда ли? Прежде мальчики, обращаясь к отцу, должны были величать его «сэр». А если забывали — получали хорошую порку. По заднице, Саймон Маленький!

По заднице! — закончил мистер Картер и снова вымыл руки невидимым мылом под струей невидимой воды.

Мальчик густо покраснел от стыда или гнева. Бетти поспешила ему на выручку.

— Видишь, как теперь хорошо, — воскликнула она, — можно папочку назвать как угодно!

— А что же Саймон Маленький делал весь день, пока Саймон Большой работал? — спросил мистер Картер.

— Ничего, — пробормотал мальчик еле слышно.

— Значит, изнывал от безделья, — сказал мистер Картер. — Набирайся опыта, Саймон Маленький. Завтра же постарайся найти себе какое-нибудь интересное занятие — и ты не будешь изнывать от безделья. Видите ли, Бетти, я хочу, чтобы он набирался опыта. Это моя установка, установка принципиально новая.

— Я уже научился, — сказал мальчик тоном, каким говорят умудренные жизнью старики, а иногда и маленькие дети.

— Не похоже, — сказал мистер Картер. — Особенно если учесть, что ты весь день сидел сложа руки и не был занят никаким делом. Представляю, что было бы со мной, если бы мой отец застал

меня без дела. После этого сидеть мне было бы довольно трудно.

— Он играл, — сказала миссис Картер.

— Совсем недолго, — ответил мальчик, беспокойно заерзав на стуле.

— Слишком долго, — возразила миссис Картер. — Каждый раз приходит какой-то дерганый и сам не свой. Ему необходимо днем спать.

— Ему уже шесть, — сказал мистер Картер. — Он разумное существо и должен сам принимать решения. Кстати, что это за игра, из-за которой стоит так дергаться и терять голову?

— Так, ничего, — сказал мальчик.

— Ну, брось, брось, — сказал отец. — Мы ведь с тобой друзья, разве нет? Ты можешь мне все рассказать. Я когда-то тоже был маленький, как ты сейчас, и играл в те же игры, что и ты. Тогда, разумеется, никаких самолетов не было. С кем же ты играешь в эту прекрасную игру? Не упрямься. Когда тебя спрашивают по-хорошему, ты и отвечать должен по-хорошему, а иначе земля перестанет вертеться. Так с кем ты играешь?

— С мистером Билзи, — ответил мальчик, не выдержав натиска.

— С мистером Билзи? — переспросил отец, удивленно подняв брови, и поглядел на жену.

— Это такая игра. Он её выдумал.

— Вовсе не выдумал! — крикнул мальчик. — Дура!

— Ты говоришь неправду, — сказала мать. — И к тому же грубишь. Поговорим о чём-нибудь другом.

— Неудивительно, что ребенок грубит, — сказал мистер Картер, — если ты утверждаешь, что он лжет, и тут же предлагаешь переменить тему. Он тебе хочет рассказать о своих фантазиях, а ты порождаешь в нем чувство вины. Чего же ты ждешь? В ответ срабатывает защитный механизм, и тогда он идет на явную ложь.

— Как в «Этой троице», — сказала Бетти. — Только не совсем так. Там лгунья девочка. Лжет и не краснеет.

— У меня она живо покраснела бы… в том месте, где надо, — сказал мистер Картер. — Но Саймон ещё находится на стадии фантазий. Разве я не прав, Саймон Маленький? Ты ведь все сочиняешь?

— Нет, — сказал мальчик.

— Не нет, а да, — продолжал настаивать отец. — Именно поэтому ещё не поздно тебе что-то втолковать. В фантазиях, малыш, нет ничего дурного. И даже в выдумках ничего плохого нет,

если ими не злоупотреблять. Но ты должен понимать разницу между выдуманной жизнью и реальностью. Иначе мозг у тебя так и не разовьется и никогда не будет таким, как у Саймона Большого. Не упрямься и расскажи нам об этом своем мистере Билзи. На кого он похож?

— Ни на кого, — сказал мальчик.

— Ни на кого на свете? — спросил мистер Картер. — Представляю, какое это страшилище.

— Я его не боюсь, — сказал, улыбнувшись, мальчик. — Ни капельки.

— Надеюсь, что нет, — сказал мистер Картер. — Если бы ты его боялся, это означало бы, что ты нагоняешь на себя страх. Я всегда объясняю людям, которым лет побольше, чем тебе, что они просто сами нагоняют на себя страх. Какой же он? Смешной? Или, может быть, великан?

— Иногда, — сказал мальчик.

— Иногда великан, а иногда нет? Все это очень туманно. Почему ты не хочешь сказать нам, какой он на самом деле?

— Я его люблю, — ответил мальчик. — И он меня любит.

— Это очень серьезные слова, — сказал мистер Картер. — Не лучше ли приберечь их для реальных, настоящих чувств? К примеру, таких, какие

могут быть между отцом и сыном.

— Он настоящий, — с жаром сказал мальчик. — И очень умный. Он взаправдашний.

— Скажи мне, — продолжал отец, — когда ты выходишь в сад, там ведь сперва никого нет, верно?

— Верно, — сказал мальчик.

— А потом ты начинаешь о нем усердно думать, и он вдруг появляется.

— Нет, не так, — сказал Саймон Маленький. — Я сначала рисую знаки. На земле. Палкой.

— При чем тут знаки?

При том.

— Саймон Маленький, ты просто упрямишься, — сказал мистер Картер. — Я пытаюсь тебе растолковать. Я прожил на свете дольше, чем ты, и в силу этого я старше тебя и больше понимаю. Я тебе объясняю, что мистер Билзи — плод твоей фантазии. Ты слышишь меня? Тебе ясно, о чём я говорю?

— Да, папа.

— Это игра. Это ведь понарошку.

Мальчик сидел, глядя в тарелку и грустно улыбаясь, с видом человека, который окончательно покорился судьбе.

— Надеюсь, ты меня слушаешь, — сказал

отец. — Я все жду, что ты скажешь: «Все это игра, как бы понарошку. Играю я с кем-то, кого сам выдумал. Я его зову мистер Билзи». И тогда никто не сможет сказать, что ты лжешь. И сам ты усвоишь разницу между грезами и реальностью. Мистер Билзи тебе пригрезился.

Мальчик по-прежнему сидел опустив голову.

— То он есть, то его нет, — не унимался мистер Картер. — То он в одном обличье, то в другом. По-настоящему его увидеть нельзя. А меня увидеть можно. Я настоящий. К нему прикоснуться нельзя. А ко мне можно. И я могу к тебе прикоснуться.

Мистер Картер протянул свою большую, мягкую, белую руку, типичную руку зубного врача, и взял сына за шею. Он на секунду замолчал и слегка стиснул пальцы. Мальчик ещё ниже опустил голову.

— Теперь-то ты чувствуешь разницу между выдумкой и реальностью? — сказал мистер Картер. — Я и ты — одно дело, а он — совсем другое. Кто же настоящий, а кто нет? Ну-ка скажи! Кто, по-твоему, не настоящий?

— Саймон Большой и Саймон Маленький, — сказал мальчик.

— Не надо! — испуганно вскрикнула Бетти и

тут же зажала рот рукой: почему, собственно, гостья должна кричать «Не надо!», когда отец наставляет сына, да ещё таким высоконаучным, современным способом? Чего доброго, отец обидится.

— Итак, мой мальчик, — сказал мистер Картер, — я вынужден вернуться к тому, с чего начал: тебе надо дать возможность учиться на опыте. Отправляйся наверх. Прямиком в свою комнату. Скоро ты поймешь, что лучше — внять доводам разума или продолжать упорствовать и отстаивать свои нелепые выдумки. Ступай! Я сейчас приду.

— Ты что, собираешься бить ребенка? — спросила миссис Картер.

— Он меня не побьет, — сказал мальчик. — Мистер Билзи ему не даст.

— Кому говорят? Марш наверх! — заорал мистер Картер.

Саймон Маленький остановился в дверях.

— Он сказал, что не даст меня в обиду, — произнес он дрожащим голосом. — Налетит как лев на своих крыльях и всех проглотит.

— Сейчас ты узнаешь, настоящий он или нет! — крикнул ему вдогонку отец. — Если не доходит с одного конца, придется учить с другого. Я с тебя

шкуру спущу! Но сначала я допью чай, — добавил он, обращаясь к женщинам.

Ему никто не ответил. Мистер Картер допил чай и не спеша вышел из комнаты, предварительно вымыв руки под невидимым краном.

Миссис Картер по-прежнему молчала. Бетти тоже не знала, что сказать, а говорить было необходимо — говорить что угодно, лишь бы не слышать того, что вот-вот начнется наверху.

И тут вдруг страшный вопль разорвал воздух.

— Боже праведный! — вскрикнула Бетти. — Что это? Он его искалечил!

Она вскочила с кресла, её глупенькие глазки испуганно забегали под стеклами очков.

— Я иду наверх! — сказала она дрожащим от ужаса голосом.

— Да, скорее наверх! — крикнула миссис Картер. — Идем скорей! Это не мальчик!

На площадке второго этажа они нашли мужской ботинок; из него торчал огрызок ноги — словно распотрошенная мышь, которую бросил, не доев, насытившийся кот.

НЕ ЛЕЗЬ В БУТЫЛКУ!

Фрэнклин Флетчер мечтал о роскоши и воображал себя среди тигровых шкур и прекрасных женщин. Тигровыми шкурами, в конце концов, он готов был поступиться. Но и прекрасные женщины, к сожалению, встречались редко и оставались недоступны. На службе и по соседству ему сплошь и рядом попадались дурнушки, кокетки, злючки или такие, что даже газет не читают. Других он не встречал. В тридцать пять лет он потерял всякую надежду и решил подыскать себе какое-нибудь хобби, что, разумеется, было весьма жалким утешением.

Он бродил по всевозможным закоулкам, заглядывая в витрины антикварных магазинов и лавок старьевщиков, и все никак не мог решить, что бы такое ему начать коллекционировать. В одном из таких закоулков он набрел на плохонький магазинчик, в пыльной витрине которого была выставлена одна-единственная вещь: корабль под всеми парусами — в бутылке. Чем-то этот парусник напомнил ему его самого, поэтому Фрэнк решил зайти и справиться о цене.

В магазине было совсем пусто. Вдоль стен сто-

яло несколько обшарпанных полок, а на них множество бутылок, больших и маленьких, разнообразной формы, в которых содержалась всякая всячина, тем только и интересная, что находилась в бутылках. Пока Фрэнк озирался по сторонам, маленькая дверь приоткрылась и, шаркая ногами, вошел хозяин, сморщенный старикашка в затрапезной шляпе, который, казалось, был одновременно и удивлен, и обрадован появлением посетителя.

Он стал предлагать Фрэнклину букетики цветов, райских птиц, панораму битвы при Геттисберге, миниатюрные японские сады, даже высушенную человеческую голову — и все закупоренное в бутылках.

— А что в тех, на нижней полке? — поинтересовался Фрэнк.

— Да так, ничего особенного, — сказал старик. — Многие считают, что это сущая чепуха. Ну а мне лично нравится.

Он извлек из пыльного забвения несколько бутылок. В одной, похоже, была только засохшая мошка, в других — нечто напоминавшее конский волос, былинку или вообще бог знает что; некоторые были наполнены серым или желтоватым дымом.

— Здесь, — сообщил старик, — всякие духи, джинны, сивиллы, демоны и тому подобное. Кое-кого, пожалуй, было труднее загнать в бутылку, чем корабль в полном парусном вооружении.

— Да бросьте! Мы же всё-таки в Нью-Йорке! — воскликнул Фрэнк.

— Тем более можно ожидать любых джиннов в бутылках. Сейчас я вам покажу. Одну минутку. Что-то пробка туговата.

— Вы хотите сказать, что там кто-то есть? — спросил Фрэнк. — И вы собираетесь его выпустить?

— А почему бы и нет? — отозвался старик, прервав свои старания и поднимая бутылку к свету. — Вот здесь, например… Боже праведный! Вот уж действительно: «Почему бы и нет»! Глаза у меня слабеют. Чуть было не открыл не ту бутылку. Очень уж гадкий в ней обитатель. Вот это да! Хорошо ещё, я не успел вытащить пробку. Поставлю-ка я его лучше на место. Надо бы запомнить — нижний правый угол. Как-нибудь на днях приклею этикетку… Вот здесь кое-что безобидное.

— А что там? — спросил Фрэнк.

— Должна быть самая прекрасная девушка на свете, — ответил старик. — Как раз то, что надо.

На любителя, если угодно. У меня лично руки не дошли. Впрочем, я вам найду что-нибудь поинтереснее.

— Что ж, с научной точки зрения я… — начал было Фрэнк.

— Ну, наука — это ещё не все, — перебил его старик. — Взгляните-ка.

Он протянул бутылку с чем-то крохотным, сморщенным, напоминавшим насекомое, едва различимым под слоем пыли.

— Приложите к уху.

В свисте, слабо напоминавшем голос, Фрэнк услышал: «Луизианец, Саратога, четыре к пятнадцати. Луизианец, Саратога, четыре к пятнадцати», — и так без конца.

— А это что такое?

— Это настоящая Кумская сивилла[72] — пояснил старик. — Очень любопытно. Она помешана на скачках.

— Да, очень любопытно, — согласился Фрэнк. — Но я бы предпочел ту, предыдущую. Я поклонник прекрасного.

Художник, в своем роде? — усмехнулся старик. — Послушайте: покладистый, расторопный,

---

[72] Примечания: 72

Кумская сивилла — наиболее известная из двенадцати легендарных прорицательниц, упоминаемых античными авторами.

услужливый малый — вот что вам действительно нужно. Как этот, например. Рекомендую этого парня по собственному опыту. Он дельный малый и все вам устроит.

— Да? — сказал Фрэнк. — Тогда где же ваш дворец, тигровые шкуры и прочее?

— Это все было, — заверил старик. — И все устроил он. Это была моя первая бутылка. Все остальное я получил от него. Первым делом — дворец, картины, статуи, рабов. И, как вы говорите, тигровые шкуры. На одну из них я велел ему доставить Клеопатру[73].

— Ну и как она? — воскликнул Фрэнк.

— То, что надо. На любителя, если угодно, — ответил старик. — Мне это наскучило. Я сказал себе: «Маленький магазинчик со всякой всячиной в бутылках — вот чего бы мне хотелось». И велел ему все устроить. Он раздобыл мне и сивиллу, и того жуткого типа. Собственно говоря, всех их достал мне он.

— И теперь он в этой бутылке? — спросил Фрэнк.

— Совершенно верно. Вот послушайте.

Фрэнк приложил ухо к бутылке. До его слуха до-

---

[73] Примечания: 73

Клеопатра (69–30 до н. э.) — последняя царица Египта из династии Птолемеев. Славилась красотой. Была любовницей Юлия Цезаря.

неслись жалобные причитания: «Выпусти меня. Ну выпусти. Пожалуйста, выпусти. Я все исполню. Выпусти меня. Я не принесу вреда. Выпусти, пожалуйста. Хоть ненадолго. Ну выпусти. Я все исполню. Пожалуйста…»

Фрэнк взглянул на старика.

— Он и правда там, — сказал Фрэнк. — Он там.

— А как же, — подтвердил старик. — Стал бы я продавать вам пустую бутылку, за кого вы меня принимаете? Честно говоря, эту мне бы и не хотелось продавать — из сентиментальных соображений. Просто магазин у меня уже давно, а вы мой первый покупатель…

Фрэнк снова приложил ухо к бутылке.

«Выпусти меня, выпусти меня. Ну, пожалуйста, выпусти. Я…»

— О Боже! — вздохнул Фрэнк. — И что, он всегда так?

— Вполне возможно, — сказал старик. — Я не прислушиваюсь. Предпочитаю радио.

— Ему там нелегко приходится, — посочувствовал Фрэнк.

— Может быть, — ответил старик. — Им, похоже, не нравятся бутылки. А мне — нравятся. Я от них просто в восторге. К примеру, я…

— Скажите, — перебил его Фрэнк, — он что,

действительно безобиден?

— О да. Я вас уверяю. Поговаривают, будто они коварны, — восточная кровь и так далее. Но про него я этого сказать не могу. Я выпускал его, и, сделав дело, он возвращался на место. Надо сказать, он очень могущественный.

— И он смог бы мне всё достать?

— Абсолютно всё.

— А сколько вы за него хотите? — поинтересовался Фрэнк.

— Даже и не знаю. Ну, скажем, десять миллионов долларов.

— Вот это да! У меня нет таких денег. Но если он того стоит, может, мы сговоримся об аренде с дальнейшим переходом в мою собственность?

— Не стоит беспокойства. Остановимся на пяти долларах. Я и так получил уже все, что хотел. Вам завернуть?

Фрэнк выложил пять долларов и поспешил домой с драгоценной бутылкой, опасаясь её разбить.

Едва переступив порог своей комнаты, он открыл бутылку. Оттуда повалили клубы густого дыма, обратившиеся в мгновение ока в громадного тучного субъекта восточного типа, раз в шесть выше человеческого роста. Складки жира,

крючковатый нос, основательный двойной подбородок — ну вылитый кинопродюсер, только побольше.

Отчаянно пытаясь что-нибудь придумать, Фрэнк заказал шашлык, кебаб и восточные сладости, что и было мгновенно доставлено.

Немного придя в себя, Фрэнк отметил, что его весьма скромные пожелания были выполнены в наилучшем виде, все было подано на блюдах из чистого золота, с великолепной гравировкой, отполированных до ослепительного блеска. Вот по таким мелочам и узнают поистине первоклассного слугу. Фрэнк был в восторге, но виду не подал.

— Тарелки из золота, — заметил он, — конечно, неплохо. Но перейдем ближе к делу. Мне бы хотелось дворец.

— Слушаю и повинуюсь, — ответил его смуглый раб.

— И чтобы все было как следует: размеры, расположение, обстановка, картины, статуи, занавеси и прочее. И ещё бы мне хотелось множество тигровых шкур. Я обожаю тигровые шкуры.

— Будет исполнено, — ответил слуга.

— Как заметил твой бывший хозяин, — добавил Фрэнк, — я художник в своем роде. И мой, так сказать, художественный вкус требует присутствия

на этих тигровых шкурах разных молодых особ: и блондинок, и брюнеток, и миниатюрных, и рубенсовского типа, и томных, и страстных, — и чтобы все были красавицы и разодеты чтоб не слишком.

Я этого не выношу. Это вульгарно. Есть у тебя такие?

— Есть, — ответил джинн.

— Тогда доставь их ко мне.

— Извольте всего на минуту закрыть глаза, и как только вы их откроете окажетесь именно в таком приятном окружении.

— Ладно, — согласился Фрэнк. — Только смотри, без фокусов.

Он закрыл глаза, как было сказано. Откуда-то донесся негромкий мелодичный гул и совсем рядом стих. Минута прошла, и Фрэнк огляделся. Его окружали арки, колонны, статуи, занавеси и т. д. самого изысканного дворца, какой только можно себе представить, и куда ни глянь — всюду тигровые шкуры, и на всех возлежат молодые девы невиданной красоты, лишенные вульгарной склонности к переизбытку одежды.

Наш приятель Фрэнк, мягко говоря, был в безумном восторге. Он заметался, словно залетевшая в цветочный магазин пчела. Повсюду его

встречали улыбки, полные бесконечной ласки, и взгляды, выражающие то явный, то скрытый призыв. Тут и стыдливый румянец, и опущенные ресницы, и горячая пылкость во взоре, и плечико — капризно вздернутое и всё же манившее. Тут и оголенные руки, да какие! Одним словом, здесь прятали любовь, но тщетно. Это было воистину торжество любви.

— Скажу прямо, — заметил Фрэнк позднее, — я провел восхитительный день. И получил огромное наслаждение.

— В таком случае, могу я просить?... — сказал джинн, поднося Фрэнку ужин. — Могу я просить позволения в знак особого расположения стать вашим дворецким и главным советником по делам ваших наслаждений, вместо того чтобы отправляться назад в эту отвратительную бутылку?

— Не вижу причин для отказа, — сказал Фрэнк. — После всего, что ты сделал, будет не совсем справедливо загнать тебя назад в бутылку. Договорились, будешь моим дворецким, но учти: как бы там ни обернулось, без стука в мою комнату не входить. И смотри — без фокусов.

Джинн, подобострастно улыбаясь, удалился, а Фрэнк незамедлительно отправился в свой гарем,

где и провел вечер ничуть не хуже, чем день.

Минуло несколько недель, целиком заполненных теми же милыми забавами, и вот Фрэнк, по закону, на который не в состоянии повлиять даже самый могущественный джинн, стал замечать за собой некоторую придирчивость, пресыщенность и склонность все критиковать и искать виноватых.

— Они, конечно, милые создания, если угодно — на любителя, — : заявил он своему джинну. — Но весьма сомнительно, что это высший класс, иначе я испытывал бы к ним больший интерес. Я как-никак знаток, и меня может удовлетворить только самое лучшее. Убери их. Все тигровые шкуры сверни и оставь одну.

— Повинуюсь, — ответил джинн. — Пожалуйста, все готово.

— А на оставшуюся шкуру, — сказал Фрэнк, — доставь мне саму Клеопатру.

Еще мгновение, и Клеопатра была тут как тут, являя собой, надо признать, верх совершенства.

— Привет! — сказала она. — А вот и я, и опять на тигровой шкуре.

— Опять? — воскликнул Фрэнк, вспомнив вдруг старикашку из магазина. — Вот что, отправь-ка

её обратно! Доставь сюда Прекрасную Елену[74].

В следующее мгновение Прекрасная Елена была тут как тут.

— Привет! — сказала она. — А вот и я, и опять на тигровой шкуре.

— Опять? — вскричал Фрэнк. — Проклятый старикашка! Убери её и доставь мне королеву Гиневру[75]. Гиневра повторила те же самые слова, а за ней и мадам Помпадур, и леди Гамильтон, и другие известные красавицы, каких только смог вспомнить Фрэнк.

— Неудивительно, — сказал он, — что этот старикашка был такой сморщенный. Ну и приятель! Вот так старый черт! Все пенки снял. Пусть меня считают завистником, но я не собираюсь быть вторым, да ещё после этого мерзкого старого мошенника. Где мне теперь искать нетронутое создание, достойное внимания такого знатока, как я?

— Если вы изволите обратиться ко мне, — вме-

---

[74] Примечания: 74

Прекрасная Елена — в греч. мифологии супруга царя Спарты Менелая, похищенная троянским царевичем Парисом, из-за чего началась Троянская война.

[75] Примечания: 75

Королева Гиневра — по преданию, жена легендарного английского короля Артура (V в.), проявлявшая благосклонность к Ланселоту, одному из рыцарей Круглого Стола.

шался джинн, — то разрешите вам напомнить, что там, в магазине, была ещё одна маленькая бутылка, которую мой бывший хозяин ни разу не откупорил, поскольку я раздобыл её уже после того, как он потерял интерес к подобного рода вещам. Как-никак, там должна быть самая прекрасная девушка на всем свете.

— Ну конечно же, — обрадовался Фрэнк. — Достань мне эту бутылку немедленно.

Через несколько секунд она была перед ним.

— Ты свободен до вечера, — сказал Фрэнк джинну.

— Благодарю вас, — ответил джинн. — Я отправлюсь в Аравию повидать своих родных. Давно их не видел.

И он с поклоном удалился. Фрэнк, не мешкая, откупорил бутылку. Оттуда появилась самая прекрасная девушка в мире, какую только можно себе вообразить. По сравнению с ней Клеопатра и остальные казались ведьмами и уродинами.

— Куда я попала? — спросила она. — Что это за прекрасный дворец? Откуда тигровая шкура? И кто этот прекрасный юный принц?

— Это я! — радостно воскликнул Фрэнк. — Я!

День пролетел незаметно, как один миг в раю, Фрэнк и оглянуться не успел, а джинн уже вернул-

ся и собирался подавать ужин. Ужинать Фрэнк и его очаровательница должны были вместе, ведь на сей раз это была любовь, настоящая любовь. Джинн, вошедший с яствами, при виде такой красоты закатил глаза.

Случилось так, что Фрэнк, сгорая от любви и нетерпения, даже как следует не прожевав, помчался в сад сорвать розу для своей любимой. А джинн, под видом того, что разливает вино, приблизился к ней вплотную и зашептал:

— Не знаю, помните ли вы меня. Я был в соседней бутылке. И часто любовался вами сквозь стекло.

— Да, конечно, — сказала она. — Я вас прекрасно помню.

Тем временем вернулся Фрэнк. Джинн умолк, но остался стоять тут же, выпятив необъятную грудь и выставив напоказ свои смуглые мускулы.

— Его не надо бояться, — сказал Фрэнк. — Это всего лишь джинн. Не обращай на него внимания. Скажи, ты правда меня любишь?

— Конечно, — ответила она.

— Тогда скажи мне об этом, — настаивал он. — Почему ты мне этого не говоришь?

— Я же и так сказала: «конечно». Разве этого

мало?

Такой неопределенный, уклончивый ответ омрачил все его счастье, словно туча закрыла солнце. Сомнения, зародившиеся в его душе, бесповоротно погубили мгновения блаженства.

— О чем ты думаешь? — спрашивал он.

— Не знаю, — отвечала она.

— Но ты не можешь не знать, — настаивал он, и начиналась ссора.

Раза два он отсылал её обратно в бутылку. Она подчинялась, подозрительно при этом ухмыляясь.

— Чему она улыбается? — спросил Фрэнк джинна, поделившись с ним своим несчастьем.

— Не знаю, — ответил джинн, — Разве что она скрывает там любовника.

— И это возможно? — ужаснулся Фрэнк.

— Эти бутылки на удивление просторны, — ответил джинн.

— Выходи! — завопил Фрэнк. — Сейчас же выходи! Очаровательница его покорно появилась.

— В этой бутылке есть ещё кто-нибудь?

— Откуда там кому-то взяться? — удивилась она, но с очень уж невинным видом.

Скажи мне прямо: да или нет?

— Да или нет, — повторила она, доводя Фрэнка

до исступления.

— Ты — притворщица, жалкая лгунья! — взвился Фрэнк. — Я сам полезу и разберусь. Но если я кого-нибудь там найду, берегитесь оба: и он, и ты.

С этими словами Фрэнк невероятным усилием воли просочился в бутылку. Он оглядел все вокруг: никого нет. Вдруг сверху он услышал странный звук. Он поднял глаза и увидел пробку, втыкаемую в бутылку.

— Что вы делаете? — закричал он.

— Вставляем пробку, — ответил джинн.

Фрэнк ругался, просил, взывал, умолял.

— Выпустите меня! — кричал он. — Выпустите меня. Пожалуйста, выпустите. Ну выпустите же меня. Я все сделаю. Ну выпустите.

Но джинн, похоже, был занят другими делами. Фрэнк испытал безграничное унижение, наблюдая эти «дела» сквозь прозрачные стены своей тюрьмы. На следующий день бутылку с ним подхватили, пронесли по воздуху и поместили среди прочих в грязном магазинчике, где пропажа так и не была замечена.

Там Фрэнк провел целую вечность, под слоем пыли, приходя в бешенство при мысли о том, что происходит в его чудесном дворце между

джинном и его неверной очаровательницей.

Наконец однажды в магазин занесло каких-то матросов, и, узнав, что в бутылке находится самая прекрасная девушка в мире, они купили её, скинувшись всей командой «на круг». Когда в море они откупорили бутылку и убедились, что там всего лишь бедняга Фрэнк, их разочарование не знало границ, и они обошлись с ним самым что ни на есть бесчеловечным образом.

ДЖЕЙМС ТЭРБЕР

БЕЛАЯ ЛАНЬ
Волшебный лес

Если когда-нибудь апрельским днем вам доведется забрести туда, где дым не тянется вверх, а стелется по земле и издалека доносятся диковинные звуки, вы наверняка окажетесь в Волшебном лесу, который раскинулся между россыпью лунных камней и вершиной Кентавра. Еще только приближаясь к нему, вы почувствуете по удивительным запахам, что это тот самый лес, который вы никогда не сможете ни вспомнить, ни забыть хорошенько. И где-то вдалеке раздастся колокольный звон; заслышав его, мальчики со смехом убегут прочь, а девочки замрут на месте и задрожат от страха. Если вы сорвете одну из десяти тысяч поганок, что растут в изумрудной траве на опушке чудесного леса, вам покажется, что она тяжелая, как молоток, но стоит вам выпустить её из рук, как она тотчас, же поднимется в воздух и медленно поплывет над деревьями, словно крошечный парашют, оставляя за собой след из черных и фиолетовых звездочек.

Менестрели, которые жили ещё в средние века,

рассказывали, что здешние кролики при встрече друг с другом приподнимают голову точно так же, как мужчины нынче приподнимают шляпу.

Когда-то этот Волшебный лес был частью королевства могущественного монарха по имени Клод, у которого было три сына — Таг, Галло и Йорн. Таг и Галло были страстными охотниками, как и их отец. Почти все время они проводили на охоте и возвращались домой только затем, чтобы поесть да выспаться. Йорн, самый юный принц и самый маленький — росту в нем было всего-то шесть футов, — был поэтом и музыкантом и все время, когда он не ел и не спал, сочинял стихи и играл на лире.

Иногда отец и братья брали его с собой на охоту, но он пускал свои стрелы и бросал копья так, чтобы животное, за которым гналось все королевское семейство, не стало их добычей.

Трижды король вместе с двумя старшими сыновьями уничтожали в своих владениях почти всех зверей, и трижды они вынуждены были сидеть в замке и нетерпеливо ожидать, пока в лесах и полях подрастет новое поколение оленей и кабанов, проверяя, туго ли натянуты луки, хорошо ли смазаны стрелы и заострены копья. Король Клод с Тагом и Галло в эти томительные месяцы

безделья ели чаще, пили больше и спали дольше и весьма докучали своим придворным, особенно карлику по имени Квондо и Королевскому Волшебнику, который только и умел, что показывать фокусы и жонглировать, а все потому, что он не был посвящен в секреты волшебников, живших в чудесном лесу.

Лишь на душе у Йорна все это время было покойно и безмятежно. Он пел о далекой принцессе, ради которой принцам когда-нибудь придется отправиться в путь, полный опасности и лишений. Он пел о том, что любовь, а не сила поможет развязать волшебный узел, или открыть замок с секретом, или одурачить страшного дракона, или исполнить любое другое задание, которое откроет путь к сердцу принцессы. Таг и Галло потешались над чудачествами своего младшего брата и принимались перебрасывать друг другу, словно мячик, Квондо, не обращая никакого внимания на его протестующие крики, и лишь Йорна старались не задевать, потому что он не раз сбивал их с ног, да к тому же, сидя верхом, он умело бился на копьях.

Однажды вечером, за ужином, когда до начала охоты на кабанов и оленей оставалось ещё целых сто дней и ночей, король Клод за кубком вина

рассказал своим сыновьям одну историю. Йорн тем временем перебирал струны своей лиры, а Квондо прятался за огромным щитом, который стоял в углу зала, и залечивал свои синяки и шишки.

— Нет ничего лучше охоты в Волшебном лесу! — громко произнес принц Таг, проверяя тетиву большого лука.

— От Волшебного леса нужно держаться подальше! — ещё громче воскликнул король Клод и поведал, как однажды они с отцом и двумя братьями отважились преследовать в Волшебном лесу быстроногую лань, и им удалось загнать её на вершину Кентавра. Охотники уже приготовились было пустить в неё свои стрелы, а она вдруг обернулась стройной смуглолицей юной принцессой, которую одна злая старуха из зависти к красоте девушки много лет назад превратила в лань.

— И тут, — продолжал король Клод, — мы все — ваш дедушка, король Боуд, и три его сына, ваш дядя Клун, ваш дядя Гарф и я, — от досады и огорчения почувствовали себя беспомощными, как бараны, или, лучше сказать, словно псы, которые бесстрашно бросаются в логово волка и видят там крольчиху с розовыми глазами. Вскоре

явился один из этих лесных волшебников, которые всегда над чем-то посмеиваются, и сотворил для принцессы коня — прямо из воздуха, если не ошибаюсь, — и мы поехали к замку.

Мы накормили принцессу, дали ей вина, уложили спать, а на следующий день, громыхая парадными доспехами, отправились вместе с ней к её отцу, королю, владения которого лежали далеко на севере. Сначала мы прогромыхали сквозь лепестки цветущих яблонь — был май, когда мы пустились в путь, — а подъезжая к родовому замку принцессы, мы громыхали сквозь снежную метель.

Ее родители были вне себя от радости, снова увидев свою дочь, и её отец несколько раз недурно угостил нас по этому случаю, хотя мне показалось, что северные вина немного отдают то ли ваксой, то ли маслом, которым смазывают стрелы, — впрочем, давно это было.

— Почему же ты никогда… — начал Таг.

— …не рассказывал нам об этом раньше? — досказал Галло.

— Вы были слишком малы, — ответил Клод. — А эта история может ранить юное сердце. Так о чём это я?

— Давно это было, — напомнил Таг.

— Ах да! — сказал Клод. — Ну так вот, вашему дедушке, вашим дядьям и мне не терпелось возвратиться домой и отправиться на охоту. Отец принцессы был человеком недалеким, этаким домоседом, и любил корпеть над шахматной доской даже в самую прекрасную для охоты погоду, потягивая при этом тепловатое питье, настоянное на алоэ или ещё на чём-то в этом роде. Я уже говорил, что мы хотели сразу же вернуться домой, но не тут-то было. В этой стране существовал дьявольский закон, согласно которому спасенная принцесса могла объявить мужем одного из своих избавителей. Сероглазая шалунья была довольно мила, но любила слушать арфу и спинет[76] и была совершенно безразлична к охоте. А ещё у неё была манера, подобно кошке на мягких лапах, неслышно подкрадываться к человеку и неожиданно возникать у него за спиной.

Дело кончилось тем, что ваш дедушка уехал домой один, а принцесса дала дяде Клуну, дяде Гарфу и мне опасные задания. Клуну — принести золотое правое крыло могучего Сокола из Ферралейна. Г арф, этот мошенник и пройдоха — хотя верхом он ездил как Бог, — должен был взять по

[76] Примечания: 76
Спинет музыкальный инструмент.

капле крови из указательных пальцев ста королей — задача, которую невозможно выполнить и за всю жизнь; а мне велено было доставить огромный алмаз — его, по слухам, держало в лапах страшное чудовище — полудракон, полуптица.

Обитало оно в горной пещере, всего в нескольких лигах от королевства.

Король Клод наполнил вином два кубка и мигом осушил их.

— Вы, конечно, не помните, — продолжал он, — но лет двадцать назад один путешественник, родом из далекого Ферралейна, рассказывал, что ваш дядя Клун оплошал в сражении со знаменитым Соколом, чье левое крыло, как выяснилось во время битвы, оказалось стальным и к тому же остро заточенным. О вашем дяде Гарфе до сих пор ничего не слышно, что вполне понятно, так как, если верить подсчетам моего Королевского Летописца, для того чтобы взять по капле крови из правых указательных пальцев ста королей, потребовалось бы девяносто семь лет.

Пока король снова наполнял вином кубки, принц Йорн заиграл на лире печальную песнь.

— Сейчас я закончу эту невеселую историю, — продолжал король Клод. — Чудовище, которое я должен был одолеть, оказалось сделанным из

глины и самшита; лишить это чучело огромного алмаза, зажатого между его лапами, не составило труда. Я доставил драгоценный камень, и поскольку уже успел покорить сердце принцессы, то легко получил её руку, это даже и Квондо понимает.

Король откинулся в кресле и закрыл глаза.

— А мораль этой истории, — пробормотал Квондо, — в чём, собственно, она заключается?

Король приоткрыл один глаз.

— Мораль этой истории, — ответил он, — заключается, собственно, в том, что охотиться на оленей в Волшебном лесу не рекомендуется.

Таг и Галло не отрываясь смотрели на отца. Когда он закончил свой рассказ, они переглянулись и снова уставились на него.

— Что-то нам эта история не нравится! — заявил Таг.

— Подумать только, наша мать была когда-то ланью! — возмутился Галло.

И тут впервые заговорил Йорн.

— Это был всего лишь волшебный, ничего не означающий образ, — сказал он и снова взялся за лиру.

— Мальчик прав! — воскликнул король Клод. — Это был, как он говорит, бессмысленный образ. —

Он постучал по столу кубком. — Но я так и не смог с этим свыкнуться, — неожиданно признался он. — Да и какой охотник смог бы!

Король задумчиво помолчал.

— Вскоре после рождения Йорна она серьезно заболела и больше уже не ступала на лестницу, ведущую из её покоев, — произнес он наконец.

— Может, она сильно ушиблась? — предположил Таг.

— Или, может, объелась? — добавил Галло.

— Может, её кто-то сглазил? — сказал Йорн.

Король швырнул кубок в младшего принца, но Йорн поймал его на лету.

— Ловкость и сноровка у него от матери, — заметил король. — Ну вот и вся история.

За спиной Клода внезапно раздался голос Королевского Гофмейстера, и король вздрогнул от неожиданности.

— Что вы все крадетесь, как кошки? — вскричал он.

— Там пришел менестрель, сир, — объявил Королевский Гофмейстер.

— Ну так позови же его, да поживее! — приказал Клод. — Он споет нам о смелых людях и об охоте. Надоело говорить о любви и печали. — Он окинул Йорна презрительным взглядом.

В зал тихо вошел менестрель. Он сел на стул и стал играть на лютне и петь. Он пел о белой лани, быстрой, как молния, прекрасной, как весенний водопад.

Когда менестрель допел свою песню, король спросил:

— Эта лань, быстрая, как молния, и прекрасная, как весенний водопад, — плод твоей глупой фантазии или же она из плоти и крови и я со своими сыновьями могу проверить, так ли уж она быстра и сильна?

Менестрель запел:

Молнией мчится белая лань

Через лесную глухомань.

— Скажи, как называется этот лес? — потребовал король.

Менестрель запел:

От вершины Кентавра к россыпи лунных камней

Мчится белая лань — всех быстрей.

При этих словах король Клод поднялся со своего кресла, опрокинув кубок с вином, которое пролилось на пол.

— Весь Волшебный лес полон твоих дьяволь-

ских стишков! — закричал он. — Никто из сородичей короля не станет охотиться в этом проклятом лесу!

Менестрель запел:

От Тага и Галло она живо уйдет.
За ней не угонится юноша Йорн.
Померится силами с ней только Клод,
И затрубит победно горн.

Король подергал свой длинный ус, в его глазах блеснул огонек и погас и снова блеснул, словно светлячок.

— А может быть, — произнес он наконец, — эта белая лань, быстрая, как молния, — и в самом деле лань? Завтра же мы испытаем её хваленую удаль. Если окажется, что это настоящая лань, то я повешу её голову на стену, а мясо велю снести в кладовую. А если окажется, что это милая девушка, заколдованная каким-нибудь волшебником или ведьмой, дочь какого-нибудь короля, владения которого лежат на севере, востоке, юге или западе, я пущу стрелу, а заодно и копье в сердце этого глупого менестреля!

Король Клод несколько раз стукнул по столу кубком, словно подчеркивая каждое слово своей страшной угрозы, но, оглядевшись, заметил, что

менестрель исчез. Король нахмурился.

— Где-то я уже встречал этого парня, — пробормотал он.

— Если окажется, что это настоящая лань, то мы на славу поохотимся, — сказал Таг.

— Если окажется, что она настоящая, — продолжил Галло, — то мы отведаем самой вкусной оленины на свете.

Король проглотил огромный абрикос, и глаза его заблестели.

— А если окажется, что это самая настоящая принцесса? — послышался из угла робкий голос карлика Квондо. Король швырнул в него яблоко, но Йорн перехватил его на лету.

— Если окажется, что это настоящая принцесса, — сказал Йорн, — то она даст сыновьям Клода опасные задания, чтобы узнать, кто из них достоин её сердца и руки.

При этих словах Таг, желая похвастаться своей силой, вытащил из очага кочергу и согнул её, а Галло сделал двойное сальто. Йорн наблюдал за своими братьями, перебирая струны. Король подергивал усы, и глаза его блестели в предвкушении предстоящей охоты. Квондо сидел под щитом в углу зала, не спуская глаз с Клода, Тага и Галло, и слушал игру Йорна.

На другой день на рассвете король и три его сына оседлали коней и отправились на охоту. Въехав в Волшебный лес, они остановились и огляделись вокруг.

— Не вздумайте срывать этот лютик, — сказал Клод, указывая рукой в перчатке на маленький цветок посреди изумрудной травы, — а то он превратится в пламя и вы обожжетесь.

— Не трогайте лишайник на этом дереве, — сказал Таг, — не то он превратится в кровь и запятнает вам руки.

— Не прикасайтесь вон к тому белому камню, — сказал Галло, — не то он оживет и укусит вас.

Вдруг из-за россыпи лунных камней донеслись раскаты грома, солнце скрылось за тучами; сверкнула молния, и все четыре коня задрожали от страха. В наступившей темноте вокруг короля и его сыновей, рассыпавшись искрами, замелькали миллионы светлячков.

Пока Клод и его сыновья с удивлением наблюдали за их < веселым танцем, светлячки превратились в снежинки, которые мягко падали на землю и исчезали. Гром прекратился, небо очистилось от туч, и снова выглянуло солнце…

— Все эти штучки вредны для пищеварения? — проворчал король Клод. — У меня совсем

пропадет аппетит, если вся эта трень-брень-дребедень не прекратится.

— Горячее здесь — холодное, — сказал Таг.

— А твердое — мягкое, — сказал Галло.

— Днем тут темно, как ночью, — сказал Клод.

А Йорн, пока происходили все эти чудеса, сочинил стишок:

Бела чернота.
Красна синева,
Светла темнота,
А ложь неправа.

— Молодец, складно сочинил, принц Йорн, — неведомо откуда донесся чей-то голос. Король и его сыновья взглянули вниз и увидели лесного волшебника в голубом балахоне и красном колпаке.

— Эй, — крикнул король, разглядывая волшебника, — а не встречал ли я тебя где-то ещё?

— Встречал, когда-то ещё, — отвечал чародей, срывая анютины глазки. Он подбросил цветок, который тут же превратился в бабочку, и та, вспорхнув крылышками, скрылась среди деревьев.

— Я уже однажды был в этом лесу, — сказал король Клод.

— Двадцать шесть лет, двадцать пять дней и двадцать четыре часа назад, — уточнил волшебник.

— Мой отец, мои братья и я преследовали лань, — стал рассказывать Клод, — а когда мы нагнали её у вершины Кентавра, она вдруг самым поразительным образом подверглась чудесному превращению. Для меня это довольно щекотливый вопрос, так что оставь при себе шуточки, которые вертятся у тебя на языке.

— У него с языком все в порядке, — сказал Йорн, — а вот с твоего куда-то слетела буква «к».

— И буква «с», — добавил волшебник. — Да вы и сами можете в этом убедиться.

— Тлода не тат-то прошто вывешти из шебя, — с достоинством произнес король. — А ваш, лешных волшебни-тов, мы шумеем быштро поштавить на мешто.

Клод с важным видом повел рукой и принял позу, полную надменности и высокомерия. Его сыновья смотрели на него с изумлением.

— Вы произносите волшебные слова, о Клод, — глубокомысленно молвил волшебник, снимая колпак и низко кланяясь. — Не могу ли я быть чем-нибудь полезен для вас и принцев Тага, Галло и Йорна? Может быть, вам показать лающее

дерево, или Музыкальное болото, или бескрылых птиц?

При упоминании об этих чудесах король лишь поморщился, а принц Йорн обратился к волшебнику:

— Мой отец разыскивает белую лань, быструю, как молния, и прекрасную, как весенний водопад.

Волшебник снова поклонился и подбросил свой колпак в воздух.

— Что поднимается вверх, не должно опускаться вниз, — заговорил он, и его колпак, медленно покачиваясь, словно колокольчик на ветру, бесшумно поплыл над деревьями, поднимаясь все выше и выше, и наконец совсем исчез из виду.

— А что опускается вниз, должно подняться вверх. — Волшебник коснулся земли тремя пальцами левой руки. Снежинки, которые уже давно растаяли, вдруг стали подниматься откуда-то с земли и, поднявшись до уровня сердца волшебника, неожиданно превратились в миллионы светлячков. Король и его сыновья смотрели, окаменев от удивления. И вдруг среди всего этого мерцания и блеска они увидели, как мимо пронеслась белая лань, быстрая, как молния, прекрасная, как весенний водопад.

— Э-ге-гей! — закричал король, и, пришпорив коней, они пустились за ланью, да так быстро, что из-под лошадиных копыт посыпались искры, которые тут же закружились, завертелись в одном хороводе со светлячками.

Белая лань, преследуемая королем и его сыновьями, пролетала по лесу, мимо лающего дерева и Музыкального болота, оставляя позади стаи бескрылых птиц. Долго продолжалась погоня, и вот уже стало садиться солнце и на землю легли длинные тени. Белая лань, увлекая за собой преследователей, с быстротой молнии пронеслась через Серебряное болото, Бронзовую трясину и Золотую проталину.

Стрелой метнулась она через Огнедышащее болото и Туманную топь. Она взобралась на Рубиновые горы, пересекла долину Фиалок и направилась по Жемчужной тропинке, ведущей к многочисленным лабиринтам россыпей лунных камней.

Десять пар копыт прогромыхали по населенной призраками лощине — путь всадников освещали фонари, подвешенные на призрачных платанах, — мимо Черепашьего озера и вдоль выстроившихся в ряд златоцветов. Покачиваясь, цветы указывали сокрытую мраком

дорогу, которая спускалась к долине Ужасов. Заходящее солнце погрузилось в море, и в небе вспыхнули семь звезд. Погоня закончилась: лань неподвижно стояла, дрожа от страха и усталости, у подножия отвесной скалы, которую называли вершиной Кентавра.

Король Клод и принцы Таг и Галло натянули луки. Йорн в ужасе закрыл глаза. Когда он спустя мгновение открыл их, то увидел, что охотники, побросав на землю луки и стрелы, с изумлением глядели не на загнанную лань, а на стройную смуглолицую девушку, самую настоящую принцессу, одетую в длинное белое атласное платье. На ногах её были золотые сандалии, а в волосах сверкали бриллианты. Её алые губы были полуоткрыты, а темные глаза светились.

Четыре коня с удивлением повели ушами, а три принца бросились на колени к ногам девушки. Король недовольно наблюдал за всем этим и подергивал ус.

— Такой охоте позавидовал бы любой король, — сердито бормотал он. — А конец всегда одинаковый: оленины как не бывало, зато есть красавица, и вези её теперь в её королевство. Будем надеяться, что хотя бы её отец понимает толк в винах.

Но когда юный принц Йорн, единственный из принцев не потерявший дар речи, спросил у девушки, как её зовут и где находится её королевство, она лишь покачала головой и сказала, что не знает.

Король Клод вздохнул.

— Посади её к себе в седло, Йорн, — сказал он. — Думаю, нам придется попотчевать её тем, что мы собирались отведать сами. Да поторопись, а то, боюсь, опять объявится этот лесной волшебник и посмеется над нами.

Принц Йорн посадил принцессу на своего коня.

Король Клод повернул к дому — ему вдруг почудилось, что звон конской сбруи разнесся по лесу, словно звонкий смех, — и они отправились в долгий обратный путь по долине Ужасов, по покрытой мраком дороге, вдоль выстроившихся в ряд златоцветов, мимо Черепашьего озера, по населенной призраками лощине, — и путь их освещали фонари, подвешенные на призрачных платанах; они перебрались через россыпи лунных камней, проехали по Жемчужной тропинке, миновали долину Фиалок, взобрались на Рубиновые горы; дальше их путь лежал через Туманную топь и Огнедышащее болото; они оставили по-

зади стаи бескрылых птиц, перебрались через Музыкальное болото, проскакали по зеленому лесу мимо лающего дерева и мерцающих светлячков и выехали наконец на дорогу, ведущую к замку.

Забывчивая принцесса

На следующее утро принцесса сидела в восточной башне и смотрела, как солнечные лучи протискиваются сквозь узкие окна старинного замка и рисуют на холодном каменном полу причудливые узоры.

Королевский Волшебник, который, как мы уже говорили, был не очень-то изобретателен, жонглировал семью серебряными шариками, стараясь развлечь принцессу, а Квондо сидел в углу и следил то за серебряными шариками, то за грустными глазами прекрасной девушки. Она не спала почти всю ночь, тщетно пытаясь вспомнить имя своего отца.

На полу, прямо перед ней, скрестив ноги и держа в руках увесистый фолиант, сидел Королевский Летописец и монотонным голосом перечислял имена королей, надеясь, что хоть одно из них покажется девушке знакомым. Он

уже дошел до буквы «П».

— …Пак, Пардо, Пайорель, Пент, Перрил, Пео, Пиллигрио, Пив, Подо, Полонель, Пагги… — без умолку бормотал он.

Услышав имя Пагги, принцесса едва заметно вздрогнула, но только потому, что Королевский Волшебник уронил один из серебряных шариков. Квондо поднял шарик и бросил его Волшебнику.

Королевский Летописец недовольно прищелкнул языком.

— Король Пагги, — сказал он, поморщившись, — пользуется самой дурной славой среди всех королей, зарегистрированных в Книге. Он живет в развалившемся замке, стоящем на холме. У него семь дочек, и все с приветом. Жена старого короля умерла от истерического припадка, когда принцессы были совсем маленькие. Сейчас Пагги и семь его девиц живут совсем одни и выкидывают на своем холме всякие номера: скатывают на прохожих валуны, поворачивают реки вспять, нападают на караваны и крадут драгоценности и шелка, чтобы, потом устраивать шумные маскарады и играть в свой дикие, жуткие игры при свете фонаря, сделанного из тыквы, с прорезями в виде глаз и рта. — Королевский Летописец воздел руки и покачал головой. — На Паггиевом холме

каждый день праздник.

Принцесса нахмурилась и слегка побледнела. Королевский Летописец снова вздохнул и прочитал ещё несколько имен, взглядывая на принцессу после каждого имени, но ни одно из них не показалось ей знакомым. Он прочитал ещё двадцать имен на букву «О», тридцать — на «Р», сорок — на «С», десять — на «Т», пять — на «У», тринадцать — на «Ф», девяносто — на «Х», пятьдесят шесть — на «Ц» и перешел к букве «Ч»:

— Чар, — произнес он, и принцесса подпрыгнула на стуле, но только потому, что Королевский Волшебник уронил ещё один шарик. Квондо бросил шарик Волшебнику, и жонглирование и бормотание продолжились.

— Чачо, Чат, Чавачав, Чав, Чакс, Чай, Чачир, Чачуно, Чич, — бубнил Летописец. Наконец он поднялся, печально покачал головой и захлопнул Королевскую Книгу, подняв при этом облако пыли.

Волшебник подставил широкий карман своего длинного халата, и в него попадали серебряные шарики. Квондо ласково смотрел на принцессу.

— Я помню только названия лесов и полей, а больше ничего не помню, — вздохнула она.

— Здесь может помочь только медицина, —

сказал Королевский Летописец, но, к несчастью, Королевский Лекарь болен какой-то диковинной болезнью и просил, чтобы его не беспокоили.

Принцесса с тревогой рассматривала решетчатую тень на полу.

— Есть ещё, правда, Королевский Часовщик, — добавил Летописец. — В своё время он сделал несколько смелых предположений и догадок. Токко, Часовщик, был когда-то Королевским Астрономом.

Принцесса достала платок и стряхнула со щеки Королевского Летописца пылинку, слетевшую с Королевской Книги.

— А почему Токко больше не астроном? — спросила она.

— Он такой старый, что уже не видит, и не только звезды, но даже Луну и Солнце, — ответил Летописец. — Его бесконечные речи о том, что звезды гаснут, встревожили короля, которому подавай свет для охоты, и всё тут.

Принцесса едва заметно улыбнулась.

Летописец продолжал:

— «Я желаю, чтобы в моем замке были люди, которые приносили бы мне известия о том, что солнце и звезды по-прежнему светят ярко!» — раскричался тогда король Клод. И Токко

отправили делать всякие разные часы — с боем и даже солнечные, а за небесами теперь наблюдает совсем молодой человек по имени Паз. Для своего телескопа он изобрел розовые линзы, так что даже бледная луна и самая холодная звезда кажутся ярко-красными — о том и докладывают королю. Давайте сходим в мрачную мастерскую старого Токко и послушаем, что он скажет.

В мастерской они застали Токко за вырезанием надписи на солнечных часах: «После недолгого света — вечная тьма». Глаза старика так плохо служили ему, а сто часов тикали так громко, что он не видел и не слышал, как к нему пришли.

Принцесса прочитала надпись, вырезанную на других солнечных часах: «Не так уж и светло, как вам кажется». Надпись на третьих часах гласила: «Короткий день — и вот уже ночь». Королевский Летописец коснулся плеча старого Часовщика, и Токко поднял свои тусклые усталые глаза.

— Я привел безымянную принцессу, — обратился к нему Королевский Летописец, — которая помнит названия лесов и полей, а больше ничего не помнит. — Он приставил к уху старика ладонь и поведал ему историю о белой лани, о том, как у подножия вершины Кентавра она превратилась в прекрасную принцессу, стройную и смуглоли-

цую, а также о том, как он прочитал ей имена королей из Королевской Книги, а принцесса так ничего и не вспомнила. — Когда-то ты мог делать смелые предположения и строить догадки, — заключил Королевский Летописец. — Как ты думаешь, что с девушкой?

Часовщик пошевелил длинными тонкими пальцами правой руки.

— Пусть девушка погуляет в саду, — предложил он, — и полюбуется серебряными фонтанами, а я тем временем рискну сделать несколько рискованных предположений насчёт того, что у неё с головой.

Стрелки ста часов показывали полдень, но часы вдруг пробили восемь, шесть, девять и ещё сколько-то, но только не двенадцать.

— Девушки как-то странно влияют на часы, — сказал Токко, — и те начинают ходить как им вздумается. Получается какая-то пародия на время.

Королевский Летописец проводил принцессу до двери. Он стоял и смотрел, как она бродит по саду между серебряными фонтанами, прекрасная, но очень грустная. Казалось, она совсем не слышала ни тиканья часов, ни доносившихся из мастерской голосов.

— Может быть, она упала и ударилась о камень, — размышлял Летописец, — и от этого потеряла память? — Старик покачал головой, — Или, может, она выпила какого-нибудь зелья, — продолжал Летописец, — и от этого потеряла память?

Старик снова покачал головой и сказал:

— Вы ведь меня просили делать предположения, а делаете собственные.

Летописец виновато замолчал и стал слушать старика.

— Вспоминается история, которую мне рассказывал мой отец лет сто назад или около того, — начал Токко, — чудесная история о настоящей лани, которая подружилась с лесным волшебником. А началось все с того, что этот лесной волшебник то ли сильно ушибся, то ли выпил какого-то зелья, одним словом, без чувств свалился в речку, а было это в апреле, когда речки быстрые и бурные. Пробегавшая мимо лань помогла потерявшему сознание волшебнику выбраться из речки и спасла ему жизнь. В награду за это волшебник сделал так, что лань может обернуться прекрасной принцессой, стройной и смуглолицей, если вдруг охотники загонят её туда, откуда никак не убежишь, ну, например, к

вершине Кентавра.

Летописец вытаращил глаза и широко раскрыл рот. Наступило молчание, и сто. часов, стрелки которых показывали одиннадцать минут первого, пробили тринадцать раз. Когда бой часов прекратился, Летописец воскликнул:

— То есть, ты хочешь сказать, Токко, что эта принцесса самая настоящая лань, а вовсе и не принцесса?

— В те времена, — продолжал старик, — совсем неподалеку отсюда жил один нескладный юноша, но удивительно лихой наездник. И вот однажды он пригнал эту лань, о которой я вам говорил, к горе, такой крутой, что на неё никому не взобраться. И когда охотник натянул тетиву, лань, едва стоявшая на ногах от усталости, прямо у него на глазах превратилась в самую настоящую принцессу, стройную и смуглолицую. Наш удалец просто окаменел, потом побледнел, потом покраснел и, побросав лук и стрелы, погнал свою замученную лошадь прочь.

Лань в образе девушки отправилась в пещеру лесного волшебника, с которым была в дружбе, и с дрожью в голосе спросила, как ей быть, раз уж она стала девушкой.

Волшебник из чувства благодарности наградил

её способностью быть самой настоящей девушкой, но только до тех пор, пока она не обманется в любви трижды. А если она три раза обманется в любви, ей навсегда суждено остаться ланью, что бы ни случилось.

Сначала её полюбил поэт, потом менестрель, а потом рыцарь. Каждый из них узнал, кто она на самом деле, и каждый отказался от своей любви. Да и в самом деле — кто может полюбить девушку, которая на самом-то деле и не девушка вовсе, а лань?

В наступившей тишине слышалось лишь тиканье часов и журчание фонтанов.

— Ну а что случилось потом, — спросил Королевский Летописец, — когда она обманулась в любви трижды?

— Потом, когда она обманулась в любви трижды, — ответил Токко, — она в один миг снова приняла прежний образ. Недели две спустя наш удалец опять настиг её, и на этот раз не промахнулся. Его стрела пронзила ей самое сердце.

Часы неожиданно пробили семь.

— Ты правду говоришь?

— У белой лани, о которой я вам рассказываю, не было имени, потому что у диких оленей вообще нет имен. И девушка, в которую она пре-

вратилась, помнила названия лесов и полей, а больше ничего не помнила, — сказал старый Токко.

— Что же мне сказать Клоду, величайшему охотнику? — воскликнул Королевский Летописец. — Прошу тебя, Токко, посомневайся хорошенько, может, принцесса-то настоящая?

Старик откашлялся.

— Что уж там сомневаться! Мне ведомы приметы и признаки тысячи заклятий, да к тому же я знаю, что чары время от времени повторяются.

Ни старик, ни Летописец не заметили, что в темном углу кто-то притаился. Это был маленький Квондо, который тихо пробрался в мастерскую. Он закрыл глаза, чтобы их блеск не выдал его, но вовсе не думал спать. Королевский Летописец молча повернулся, открыл тяжелую дубовую дверь и вышел.

Принцесса направилась ему навстречу. Её волосы были убраны драгоценными камнями, а на ногах были золотые сандалии. «Как же это так, — подумал Летописец, — лань, если это действительно лань, может вдруг принять такое совершенное подобие настоящей леди?» И ещё он подумал: смог бы он полюбить девушку, которая в один прекрасный день, когда разрушатся

чары, начнет пощипывать молодые листочки на деревьях?

Вздохнув и покачав головой, он решил, что всё-таки не смог бы, и сделал по этому поводу соответствующую заметку в тайниках своей души.

Безымянная девушка вопросительно посмотрела на него, но Королевский Летописец лишь покачал головой и, вздохнув, отвернулся:

— Старик кряхтел, пыхтел, ворчал, бормотал, болтал, бубнил о том о сем, о том, что если бы да кабы, и в конце концов сказал ровным счётом в шесть раз меньше, чем если бы вообще не раскрывал рта.

Он поклонился, вздохнул, ещё раз поклонился и стал смотреть вослед принцессе, которая прошла по траве, как летний дождь, и скрылась в воротах замка.

За обедом никто не проронил ни слова. Обедали в зале, где даже днем всегда была так темно, что в нишах толстых каменных стен зажигали факелы. Таинственная девушка разгрызла несколько грецких орехов, отказалась от вина, но похрустела листиком салата. Глядя на неё, король и его старшие сыновья вспоминали вчерашнюю охоту в Волшебном лесу, закончившуюся таким неожиданным и удивительным образом, и стыд-

ливо прятали глаза. Клод, Таг и Галло беспокойно ерзали в своих креслах и то и дело недовольно ворчали. Принц Йорн не мог скрыть своих чувств к безымянной принцессе и втайне радовался тому, что и она время от времени бросала на него нежные взгляды. Карлик Квондо опять устроился в углу под щитом. Он не спускал глаз с сидевших за столом, стараясь не пропустить ни одного вздоха или взгляда.

— Если вы не будете есть, — обратился король к принцессе, — то мне придется поговорить с Королевским Егерем. То есть, я хотел сказать, с Королевским Лекарем, — быстро поправился он.

Принцесса очень мило покраснела, а Йорн бросил на отца сердитый взгляд. Король, стараясь скрыть смущение, набросился на Королевского Волшебника, который неожиданно появился в зале в облаке дыма.

— Я, кажется, уже просил тебя не дымить! — закричал король. — Запах пороха портит аромат вин. Сколько можно об этом говорить?

— Я забыл, — оправдывался Волшебник.

— Входи, как все люди, — сказал король.

— Хорошо, сир, — ответил Волшебник и принялся жонглировать семью маленькими полумесяцами из золота и серебра.

Король все никак не мог успокоиться:

— Раньше у него была дурацкая манера являться при вспышках молнии и грозовых раскатах. Теперь ещё хуже. Он мне весь замок закоптит своим дымом. Глупые фокусы, которые он тут показывает, не стоят того, чтобы входить с такими сложностями. Средний лесной волшебник за один день может научиться тому, на что этому шуту требуется десять лет, хоть он и ходил в одну из самых известных школ для волшебников. Ха! Да разве можно научить человека ездить верхом или колдовать? Это или дано, или нет.

Продолжая сердиться и подергивать усы, король Клод осушил кубок белого вина. Потом он поднялся из-за стола и вышел из зала. Поднимаясь наверх по винтовой лестнице, он продолжал ворчать себе под нос, и голос его глухо разносился по залам и покоям:

— Я заставлю эту барышню вспомнить своё имя или… съем лошадь в сыром виде!

Он остановился у комнаты Королевского Лекаря и прислушался.

Из-за дверей доносился слабый голос Лекаря, который то стонал, то бодрился и пытался успокоить самого себя.

— Я уже никогда не смогу ходить… Ну, ну, скоро

мы будем на ногах и у нас порозовеют щечки… Нет, мы уже никогда не поправимся… Ну, ну, мы обязательно поправимся…

Он умолк, и король вошел в комнату. Королевский Лекарь измерял температуру, но тут же встряхивал градусник, не глядя на него.

— Как врач я должен измерять температуру каждые три часа, — произнес он, — но как пациент я не должен знать, какая она.

— А я вообще ничего не знаю, — сказал король, который не понимал, о чём говорит Королевский Лекарь. — Я пришел к тебе как к врачу, а не как к пациенту.

— Нет, не вылечить мне себя, — сказал больной. — Ну, ну, — возразил он сам себе, — не нужно терять веру в искусство нашего Лекаря.

Король вздохнул, подошел к окну и выглянул во двор. Он подергал своё правое ухо левой рукой и принялся рассказывать историю о белой лани, о том, как он со своими сыновьями преследовал её и как лань превратилась в прекрасную принцессу, стройную, и смуглолицую, которая помнила названия лесов и полей, а больше ничего не помнила. Когда он закончил рассказ, он спросил Лекаря, что, по его мнению, могло быть причиной забывчивости принцессы.

— Может, она упала и сильно ударилась, — ответил больной подчеркнуто вежливым тоном врача, — или, может, выпила какого-нибудь зелья или отравы?

— Синяков у неё на голове нет, — сказал король, — да и зрачки не расширены.

— Гм, — произнес Королевский Лекарь, — я должен поподробнее ознакомиться с историей этой болезни, как только встану на ноги, в чём я, по правде говоря, сомневаюсь. Порозовеют щечки, ха-ха! Совершенно не представляю, что же со мной происходит… Ну, ну, не стоит так нервничать…

— Ничего не понимаю, — сказал озадаченный король. Он взглянул на больного, вздохнул и вышел из комнаты. Придя в свои покои, он решил прилечь, но ещё долго не мог успокоиться. Целый час он беспокойно ворочался и сердито ворчал. Наконец поднялся и, тяжело ступая, спустился по винтовой лестнице вниз.

В восточной башне, уже покинутой солнцем, король застал Королевского Волшебника, который жонглировал семью маленькими лунами и семью серебряными шариками при свете семнадцати свечей. Королевский Летописец перечислял принцессе имена воображаемых

королей. Она сидела в том же самом кресле, что и утром, когда он называл ей имена королей настоящих.

— Рэнго, Ренго, Ринго, Ронго, Ранго, — бубнил Летописец, — Раппо, Реппо, Риппо, Роппо, Руппо.

Королевский Волшебник уронил луну и шарик и пожаловался, что при мерцающих свечах плохо видно. Квондо забился в угол и не спускал глаз с принцессы, которая, казалось, была совсем сбита с толку.

— Санто, Сенто, Синто, Сунто, — бормотал Летописец. — Талатар, Телетар, Тилитар, Толотар, Тулутар, Ундан, Унден, Ундин, Ундон, Ундун.

— Что это здесь за представление при свечах? — строго спросил Клод.

— Я придумываю имена королей. Может, хоть одно из них покажется принцессе знакомым, — ответил Летописец. — Вараларе, Вераларе, Вираларе, Воралалре, Уэкси, Уикси, Уокси, Уакси, — продолжал он.

— Пап, Пеп, Пип, Поп, Пуп, — брезгливо поморщился король. — Хватит, надоели все эти Уикси, Уэкси, Уакси! Хотя у нашей прелестной барышни и нет имени, но и дураку понятно, что она не может быть воображаемой дочерью выдуманного короля. Я решу эту задачу, как и подобает

королю, без всяких там тру-ля-ля. Сим повелеваю: принцесса должна немедленно дать каждому из моих сыновей опасное задание, и тот, кто первым выполнит его, женится на девчонке.

Только замужество может заставить женщину прийти в себя.

Принцесса подумала о Йорне, и глаза её посветлели; но потом она подумала о Галло, и лицо её стало серьезным, а когда она подумала о Таге, то почувствовала страх.

— Завтра ровно в полдень, — заявил Клод, — принцесса даст моим сыновьям опасное задание. Бьюсь об заклад, что первым его выполнит Таг. Ставлю бочонок изумрудов, или, может, кто-нибудь решится поставить такой же бочонок на Галло?

Наступившую тишину неожиданно нарушил Квондо.

— Ставлю такой же бочонок изумрудов, — громко сказал он. — На девушке женится Йорн.

Король Клод рассмеялся так, что стены задрожали.

— По рукам, мой глупый карлик, — хохотал он.

Принцесса поднялась со своего кресла, сделала реверанс и направилась к выходу из башни. За ней последовали Квондо и Волшебник. Когда ко-

роль Клод тоже собрался было уйти, Королевский Летописец вдруг заговорил дрожащим голосом:

— Тут Токко рассказал такую историю…

— Знать не желаю, о чём толкует Токко, — прервал его король. — Раньше этот старый осел принимал светлячков за кометы. Все его сто часов бьют как попало. А солнечные часы он вообще в тень ставит. Не говори мне о Токко.

Без стука вошел Королевский Гофмейстер и поклонился королю.

— Сир, — сказал он, — Королевский Астроном срочно просит аудиенции. Что-то случилось в небесах.

— Так зови же его! — вскричал Клод. — Что ты там киваешь и кланяешься, приглашай его сюда.

Королевский Гофмейстер кивнул, поклонился и вышел.

— Мой отец любил все эти церемонии, — сказал Клод. — А я не вижу в них никакого смысла. Если кто-то хочет поговорить со мной, пусть приходит и говорит.

Раздался стук в дверь, и вошел Паз, Королевский Астроном. Это был молодой розовощекий человек, одетый в халат розового цвета. Он был в розовых очках с розовыми стеклами, отчего и глаза его казались розовыми.

— Сир, — сообщил он, — огромная розовая комета только что пролетела мимо Земли. Она шипела, как раскаленная кочерга, опущенная в воду.

— Это они на меня нацелились, — сказал Клод. — Все как сговорились.

Он быстро вышел из башни, хлопнув дверью с такой силой, что с полок посыпались книги.

На следующий день ровно в полдень все собрались в Круглом зале, предназначенном для церемоний. Забывчивая принцесса сидела в золотом кресле с высокой резной спинкой. К ней по очереди подходили принцы и становились на одно колено. Король и Королевский Летописец молча наблюдали за ними.

— Я поручаю тебе, принц Таг, — сказала принцесса, — если ты хочешь жениться на мне, отправиться одному в Лес Опасностей, убить одним ударом копья огромного Синего Кабана, что обитает в Тедонской Роще, и принести мне его золотые клыки.

— Сто рыцарей погибли в Лесу Опасностей, пытаясь убить Синего Кабана, что обитает в Тедонской Роще! — вскричал Таг.

— Разве у храброго принца Тага хватает отваги только на то, чтобы охотиться на беззащитных

белых ланей? — спросила принцесса.

Таг поклонился, поцеловал ей руку, и через минуту до слуха собравшихся в зале донесся грохот копыт его коня.

Настала очередь Галло.

— Я поручаю тебе, принц Галло, — сказала принцесса, — если ты хочешь жениться на мне, одолеть Семиглавого Дракона из Дракории, который стережет Священный Меч Лорело, и положить Священный Меч Лорело к моим ногам.

— Сто принцев погибли, пытаясь одолеть Семиглавого Дракона из Дракории! — вскричал Галло.

— Разве у храброго принца Галло хватает отваги только на то, чтобы охотиться на беззащитных белых ланей? — спросила принцесса.

Принц Галло поклонился, поцеловал ей руку, и через минуту до слуха собравшихся в зале донесся грохот копыт его коня.

Наконец настала очередь Йорна.

— Я поручаю тебе, принц Йорн, — сказала принцесса, — если ты хочешь жениться на мне, сразиться с Мок-Моком, который охраняет вишни в Вишневом Саду, что в десяти лигах от замка, и положить к моим ногам серебряную чашу, наполненную тысячью вишен.

Король Клод вскочил со своего дубового крес-

ла.

— Этого Мок-Мока триста лет назад дедушка моего дедушки собственноручно смастерил из глины и сандалового дерева, чтобы отпугивать заморских птиц, пожиравших вишни! — возмутился он.

— Сотни ребятишек вырезали свои имена на ужасном Мок-Моке в Вишневом саду! — воскликнул Йорн.

— Разве храбрый принц Йорн не может себе позволить помериться силами с теми, кто более беззащитен, чем белая лань? — спросила принцесса.

Йорн поклонился, поцеловал ей руку, и через минуту до слуха собравшихся в зале донесся грохот копыт его коня.

Принцесса поднялась со своего кресла, поклонилась королю и отправилась наверх по винтовой лестнице. Она решила навестить Волшебника, который, пытаясь снять и снова надеть голову, умудрился свернуть себе шею и слег в постель. За ним присматривал Королевский Лекарь.

Король Клод ходил по залу, задумчиво пощелкивая ногтем по щитам, развешенным по стене, отчего те начинали звенеть.

— Она очень мила, — рассуждал он. — Мне она нравится. И всё же я не могу отделаться от странного чувства, что она все время наблюдает за мной, точно зверек, потревоженный в зарослях.

Королевский Летописец потер нос указательным пальцем правой руки.

— Как перепуганный олененок, дрожащий в ивняке? Король резко повернулся.

— Нет, не как олененок, дрожащий в ивняке! — строго сказал он. — Я сплю очень чутко и слышу каждый писк, визг, крик и шорох. А сегодня ночью где-то вон там, — он показал на северо-запад, — опять раздавалось бум-бум.

— Говорят, что лесные волшебники швыряют разные предметы в Луну и те со звоном от неё отскакивают. Может быть, этот шум и не давал вам покоя? — спросил Королевский Летописец».

Король вздохнул.

— У меня в голове как будто что-то тикает, — пожаловался он. — «Тик-бум, тик-бум, тик-бум» — и так всю ночь. — Он подошел к Королевскому Летописцу и заглянул ему в глаза. — Ну, так что за историю рассказывает Токко? — Грозно спросил он.

Королевский Летописец откашлялся.

— История, которую рассказывает Токко, —

ответил он, — сложная и запутанная. В ней все уравновешено — да и нет, так и сяк, нет и есть, возможно и невозможно, шесть того и полдюжины сего.

— Слова, слова, — прервал его король. — Ля-ля-ля-ля. Некогда мне, — да и неохота разгадывать загадки и головоломки. В историях Токко все крутится и вертится, а смысла меньше, чем в карусели.

— А вы послушайте, — сказал Королевский Летописец и поведал историю про лань, которую преследовал отец Токко, добавив к рассказу кое-что и от себя.

Король внимательно слушал, и лицо его становилось то красным, то пепельно-серым. Наконец он с трудом выдавил из себя:

— Будем надеяться, что наша лань совсем не такая, как та, о которой рассказывал отец Токко.

Королевский Летописец сделал неопределенный жест рукой.

— Как говорит Токко, чары время от времени повторяются. Другими словами, чары подчиняются определенным законам, и что справедливо в одном определенном случае, справедливо и во всех определенных случаях одного и того же определенного типа. Если бы какой-то жулик

не стянул с полки Колдовскую Энциклопедию, я бы вам показал, что там об этом написано. Эту Энциклопедию составляли Летописец вашего отца, отец Летописца вашего отца и отец отца Летописца вашего отца. В ней нет ни указателя, ни словаря, а листы обтрепались и покрылись «лисьими» пятнами.

— Лисьими пятнами? — переспросил Клод.

— Да, страницы Колдовской Энциклопедии покрылись «лисьими» пятнами, — сказал Королевский Летописец. — Вы меня слушаете?

— Я хочу знать, что такое лисьи пятна! — закричал Клод.

— А, это такое выражение, — сказал Летописец. — Это значит — страницы побурели.

— «А, это такое выражение!» — передразнил его король. — Между прочим, Колдовская Энциклопедия лежит в моей спальне. Я читаю её по ночам, когда мне не спится. — Он ударил в ладоши, и, откуда ни возьмись, появился маленький человечек весь в желтом. Клод приказал ему сходить в королевскую спальню и принести Энциклопедию. — Да возьми с собой трех человек на подмогу, — добавил он.

— Лица, желающие брать в королевской библиотеке Колдовскую Энциклопедию или

какую-нибудь другую книгу, должны заполнить соответствующий бланк, — сухо сказал Королевский Летописец.

— А я не желаю возиться с вашими квитанциями, бланками, бирками и этикетками, — отрезал Клод. — Если мне нужна какая-то книга, я возьму её, и всё тут.

Король и Королевский Летописец принялись шагать по залу в противоположных направлениях, недовольно бормоча и вздыхая.

Вскоре вернулись четыре маленьких человечка в желтом, сгибаясь под тяжестью древней Энциклопедии. Они положили книгу на пол и вышли. Королевский Летописец раскрыл Энциклопедию и стал листать пожелтевшие пыльные страницы, щуря глаза и кашляя.

— Под словом «лань» здесь ничего нет, — произнес он наконец, — если не считать нескольких отчетов и сообщений о девушках, превращавшихся в лань, а потом опять в девушек, с полным и четким соблюдением всей процедуры, без каких-либо оговорок. И во всех случаях освобожденная от чар девушка знала, как её зовут. Здесь так написано.

— Так посмотри же какое-нибудь другое слово! — закричал король.

— К примеру сказать, какое же? — спросил Королевский Летописец.

— Что там говорится о «девичьей памяти»? — раскричался Клод. — Это на букву «д».

— В данном случае «девичью память» нужно искать на букву «п», — сказал Королевский Летописец.

— Как так? — возмутился Клод.

Голос Королевского Летописца обрел официальную твердость.

— Искомая словарная статья, сир, именуется следующим образом: двоеточие, кавычки, память, девичья, точка, кавычки.

Король закрыл левый глаз, потом открыл его и закрыл правый. Голос его был грозен.

— У меня нет ни малейшего сомнения, что слово «кошечка» здесь нужно искать на букву «о», выражение «летучая чушь» — на букву «р», «собачья мышь» — на букву «и». Ищи тайну этой безымянной барышни на букву «х», «ц» или «щ», но ищи! — закричал король так, что щиты зазвенели.

Королевский Летописец раскрыл Энциклопедию на букву «п», пробежал глазами «превращения», «приворот», «полеты на метле» и наконец нашел то, что искал, — между словами «палец» и

«плутовство». Пока Летописец, кряхтя и вздыхая, читал книгу, король нервно ходил взад и вперед по залу. В конце концов он не выдержал:

— Хватит скулить! Читай, что там написано. Королевский Летописец покачал головой.

— С ума можно сойти! Здесь полно скобок, незаконченных предложений, сносок, скрытых цитат и много слов по-латыни и по-гречески — viz, ibid, cirsa, sic! [77]

— А ты выбери суть, самую суть, — повысил голос Клод, — и изложи нормальным человеческим языком, без всяких там тренди-бренди.

Королевский Летописец смутился.

— На букву «п», — сказал он, — мы здесь находим отчет о девяти случаях волшебного превращения лани в женщину.

— Ну и какие же это случаи? — спросил Клод.

— Первый случай: когда лань спасла волшебнику жизнь, — отчетливо произнес Королевский Летописец. — Второй случай: негодный волшебник хотел сыграть с людьми злую шутку.

— Будь я королем Вселенной, — сказал Клод, — я бы сломал себе шею, но покончил бы с колдовством раз и навсегда. Всё так перемешалось, что

---

[77] Примечания: 77
А именно, там же, приблизительно, так! (Лат.)

поди знай, может, твоя собственная племянница на самом деле гончая.

— Во всех девяти случаях, — продолжал Королевский Летописец, — нужно обратить внимание на два момента. Во-первых, у девушек не было имени. Они помнили только названия лесов и полей, а больше ничего не помнили.

— Ха! — усмехнулся Клод.

— Кроме того, в каждом случае лань попадала в безвыходное положение.

— Ого! — воскликнул Клод.

— После чего лань превращалась в прекрасную девушку, стройную и смуглолицую, самую настоящую принцессу.

— Ох! — Клод тяжело опустился на стул.

Летописец прошелся несколько раз взад и вперед. Наконец он остановился и воскликнул:

— У этих якобы девиц, у этих будто бы женщин, у этих псевдопринцесс, у этих неуловимых тварей, есть одно общее свойство, внушающее беспокойство.

— Что же это за свойство? — буркнул Клод.

— Люби их крепко, люби сердечно, и станут женщинами они навечно. — Королевский Летописец подумал немного и добавил: — Но стоит им трижды в любви обмануться, исчезнут в момент

и уже не вернутся.

Клод вскочил и зашагал по залу.

— Пиши, — сказал он наконец.

Летописец взял с полки, опутанной паутиной, перо и чернила, вытащил из-за щита лист бумаги и сел на пол, скрестив ноги. Клод прикрыл глаза и изрек:

— Пиши указ. Быть посему: лань не пара сыну моему.

— Лань в любом виде, любом обличье, — заговорил Летописец, — в любом наряде, любой формы, любой внешности, в виде образа, скульптурного изображения, пародии, выдумки…

— Кто из нас издает указ? — перебил его Клод.

— Совершенно очевидно, — невозмутимым голосом продолжал Летописец, — что указ можно будет опровергнуть и не признавать, если вам вдруг вздумается изменить своё решение.

— Сотри, что написал, — сказал король. С минуту он задумчиво молчал и вдруг расхохотался: — Все это, конечно, очень грустно, но я бы отдал полкоролевства, чтобы посмотреть на Тага, второго охотника на свете, который однажды утром проснется и увидит рядом на подушке не роскошные локоны и алые губки, а волосатые уши и бархатный нос.

Король захохотал ещё громче, когда подумал о Галло, а потом о Йорне лицом к лицу с принявшей свой истинный облик невестой, для которой сырость болот милей уюта домашнего очага, а простор полей лучше безмятежной жизни в семейном кругу.

Наконец король успокоился.

— Больше всего в этой немыслимой истории меня забавляет мысль о Йорне, этом поэте и музыканте, который в один прекрасный день вдруг узнает, что покорил сердце самой быстроногой лани на свете.

Он опустился на стул и вытер выступившие на глазах слезы. Королевский Летописец прошелся по залу, и свечи затрепетали. Клод трижды глубоко вздохнул.

— Ничего не скажешь — девица и впрямь тронула меня, — продолжил он. — Хорошо бы издать указ на тот счёт, что она никогда и не была ланью.

— Этого нельзя сделать, — сказал Летописец.

— А что можно? — спросил Клод.

— Надобно иметь терпенье, дважды два и трижды три, миг быстрее, чем мгновенье, не забудь про то, смотри.

— Опять ты за свое, — проворчал король. —

Слишком ты много болтаешь. Объясним давай принцессе, что она не человек, вдруг она поймет, в чём дело, и оставит нас навек.

— Это невозможно, — твердо сказал Летописец. — Следуя вашему же указу, эта особа дала вашим сыновьям опасные задания. Теперь обратно ждет быстрейшего из них. Тут все расписано от сих до сих.

— Я-то думал тогда, что она действительно принцесса, — сказал Клод.

Королевский Летописец пожал плечами.

— Поскольку своим указом вы объявили её принцессой, она, стало быть, и есть принцесса, сир, — сказал он. — И de facto, pro tem![78]

Король поднял глаза и застонал, словно лев, которого терзают заколдованные мыши. Он направился к двери, ступая так тяжело, что зазвенели щиты.

— Надеюсь, что мои сыновья заблудятся, — сказал Клод. — Пожалуй, это единственный выход.

— Для них, — уточнил Королевский Летописец, — но не для вас. Вам ещё придется возиться с этой красавицей до тех пор, пока комета, которую видел Токко, не упадет на Землю и всем нам не

---

[78] Примечания: 78
Фактически, временно (сокр. от pro tempore — лат.)

придет конец.

Король Клод тяжело вздохнул, нахмурился и рявкнул:

— Это вовсе и не комета, а падающий с дерева лист или какая-нибудь птица. Почему, в конце концов, добрый король Клод должен терпеть слепых шутов, пыльных клоунов и зловредных волшебников!

Он бросился вон из зала, хлопнув дверью с такой силой, что воздушная волна опрокинула Летописца на пол.

Опасное задание принца Тага

Дорога, по которой скакал принц Таг, вилась среди сучковатых корявых деревьев. Они были похожи на фигуры, застывшие в дикой пляске. С деревьев сочилась и капала на землю липкая и густая жидкость, распространяя вокруг приторно-сладкий запах, который то исчезал, то появлялся, то исчезал, то появлялся.

— Аромат вокруг кружится, поднимаясь от земли, — бормотал себе под нос Таг. — Он кружится, словно птица, трижды восемь — тридцать три.

Среди деревьев кольцами, завитушками и кругами вился сизый дым.

— Вьется сизый дам кругами..., — принц задумался, прикусив губу, — ...поднимаясь вверх ногами.

— Вот сижу я здесь, и нет у меня никакого построения ни с кем разговаривать, — послышался чей-то голос, который почему-то показался Тагу подозрительным. — Я здесь, в извилине дерева, — продолжал голос.

Ты хотел сказать — «в развилине», — сказал Таг и увидел в нескольких футах над собой круглого человечка, почти совсем лысого.

— Наоборот, — не согласился человечек, — «в извилине». Только в извилине и можно извиливаться.

— Но ведь так можно шмякнуться, — сказал Таг.

— Скорее брякнуться, — возразил круглый человечек.

— И потом, нужно говорить — «настроение», — назидательно сказал Таг, — а не «построение», как ты сказал. Нельзя так брякать словами.

— А, так это ты про слова, — догадался круглый человечек. — Я думал, тебе не нравится мой голос. А слова совсем перемешались в этом диковинном лесу, который, впрочем, не такой уж и диковинный. Схватываешь?

— А никто и не собирается тебя схватывать, — сказал Таг. — И всё-таки мне не нравится, как ты изъясняешься.

Человечек окинул его презрительным взглядом.

— А меня это не интересует, — холодно произнес он. — Я все равно буду говорить «построение».

Наверху кто-то закопошился. Таг вопросительно посмотрел на человечка.

— Уже без пяти осень, — заявил тот. — Или половина мятого. Или без четверти не счесть. Не спрашивайте у меня ничего. Я сегодня не в мухе.

— Не в духе, — поправил его Таг.

— Сначала он пристает ко мне со всякими вопросами, а потом говорит, в чём меня нет, — сказал человечек. — Я извиливаюсь в извилине этого дерева, чтобы не попадаться на глаза всяким смутьянам вроде тебя, разъезжающим неизвестно на чём.

— Ты имеешь в виду моего коня? — с достоинством уточнил Таг.

— Теперь он говорит, что я имею в виду, — сказал человечек.

— Да и извиливаться ты не можешь, — сказал Таг.

— Как же это я не могу, если я только этим и

занимаюсь, — обиделся человечек. — Кстати, я уже давно подумываю о том, чтобы спуститься вниз и поколотить тебя.

Таг рассмеялся.

— Давай, давай, — захныкал человечек. — Смейся над человеком, который давно думает. — Он тяжело вздохнул. — И который извиливается.

— Я уже сказал тебе, что ты говоришь неправильно, — напомнил Таг.

Человечек заплакал.

— Давай, давай, — проговорил он сквозь слезы, — смейся над человеком, который говорит неправильно. — Он сжал кулачок и крикнул: — Чтоб ты провалился вместе со своим конем!

Четыре иволги в кустах пропели «при-при-при-привет». Таг закрыл рот, затаил дыхание, зажмурился и поскакал сквозь сизый дым мимо сучковатых деревьев, источавших приторно-сладкий запах, и вскоре взору его открылась Радостная Долина.

Воздух здесь был столь кристально прозрачен, что три человека, которые приблизились к Тагу, показались ему ростом выше, чем были на самом деле.

Они остановились перед конем Тага и поклонились, затем улыбнулись и снова поклонились.

Таг заметил, что в руках они держали маски, очень похожие на их лица. Но первая маска была угрюмая, вторая — печальная, а третья — серьезная. Первый человек вдруг захихикал, второй фыркнул, а третий рассмеялся.

Первый человек поклонился и начал так:

— Мы надеваем маски только по вчерашним и завтрашним дням.

— А поскольку эти печальные дни никогда не настают… — продолжил второй.

— …мы не знаем печали, — закончил третий человек. — Он снял свою маску и помахал ею. — Меня зовут Уаг, это — Гаг, а это — Йаг.

— А меня, — представился Таг, — зовут Таг.

— Прекрасное имя, — сказал Уаг.

— Чудесное имя, — сказал Гаг.

— Превосходное имя, — сказал Йаг. — Как это я не придумал себе такое же!

— Добро пожаловать в Радостную Долину, — повел рукой Уаг, — в самую замечательную долину на свете, миллион раз добро пожаловать, Таг. Вы самый блистательный, великолепный принц, которого мы когда-либо — встречали.

— Вы ведь меня совсем не знаете, — возразил Таг.

— Мы знаем вас прекрасно, — сказал Уаг.

— Мы знаем вас отлично, — сказал Гаг.

— Мы знаем вас превосходно, — сказал Йаг.

Таг нахмурился.

— Я еду в Тедо некую Рощу, что в Лесу Опасностей, — сообщил он. — Мне нужно спешить. У меня совсем нет времени.

— Лес Опасностей так далеко, что вам туда и за целый день не добраться, — сказал Уаг.

— И даже за месяц, — сказал Гаг.

— И даже за целый год, — сказал Йаг. — Мы знаем это место.

— Место просто очаровательное, — сказал Гаг.

— Прелестное местечко, — сказал Уаг.

Таг беспокойно заерзал в седле.

— Вы мне лучше вот что скажите: правда ли, что опасности стали страшнее, а чудовища огромней?

Три человека положили руки друг другу на плечи и стали смеяться, пока не заплакали, и плакали, пока не засмеялись опять.

— Да нет никаких опасностей, — смеялся Уаг, — ни там, ни здесь, нигде.

— Забудьте вы об опасностях, — хохотал Гаг.

— И о чудовищах забудьте, — не унимался Йаг.

Они смеялись и плакали, плакали и смеялись.

— Так, где же всё-таки Лес Опасностей? — крик-

нул Таг так громко, что смех и слезы тотчас же прекратились.

— Прямо позади перед вами, — сказал Уаг.

— Скачите вдоль Пока, — сказал Гаг.

— Езжайте мимо Часу Дня, — сказал Йаг.

Они снова расхохотались, и Таг поскакал по цветущей долине, а вокруг него разносился громкий смех, бушевало шумное веселье, искрилась радость.

Он проскакал мимо Пока, весело журчавшего ручейка, проехал мимо Часу Дня, огромных часов, на циферблате которых было нарисовано смеющееся лицо. Холмы перед ним расступились, зеленая трава побурела, а потом стала серой. У края Счастливой Долины Таг промчался мимо веселого человека, который крикнул ему вдогонку:

— Гони!

Дальше путь его лежал по каменистой изрытой дороге, по обеим сторонам которой росли кусты боярышника и шиповника. Когда Таг проезжал мимо кустов, с них сыпались колючки и вонзались в землю, словно кинжалы. На дорогу, дружно гогоча, высыпало гусиное семейство. Как только Таг домчался до края долины, в погоде сделалась ужасная перемена. Ему пришлось продираться сквозь мшистый туман и стеклянную бурю. С

моря налетели ураганы, муссоны и огромные волны, циклоны и торнадо вспарывали земную поверхность, а мистрали низвергались с гор.

Вскоре Таг добрался до Музыкальной речки. Перебираясь через неё, он почувствовал убаюкивающее прикосновение её ласковых волн, и ему стоило больших усилий одолеть дремоту и не свалиться в воду. Его конь громко ржал от страха, но принц пришпорил коня и, выбравшись из речки, понесся сквозь страшный лес. Ураган с корнем вырывал деревья и бросал их на землю. Таг объезжал поваленные деревья, перескакивая через огромные трещины в земле, готовые — словно то были пасти страшных чудовищ — поглотить его вместе с конем.

Лес был охвачен пожаром, но Таг промчался сквозь него и остался невредим. Посыпался град величиной с гусиное яйцо, но Таг упорно скакал вперед. Гремел гром и сверкали молнии, дождь лил как из ведра, но принц Таг, весело напевая, продолжал путь.

Наконец вдали показалась мрачная Тедонская Роща, где обитал огромный Синий Кабан. Таг спешился и с копьем наперевес осторожно пошел вперед. Вдруг его оглушил ужасный звук, звук храпа, то вздымающийся, то опадающий.

Крепко сжимая копье в руке, Таг направился к баобабу, откуда, как ему показалось, и доносился звук.

И тут он застыл от изумления: храпел не кто иной, как огромный Синий Кабан, который и спал-то всего тридцать мгновений в тридцать лет. Глаза Синего Кабана были закрыты, бока тяжело вздымались.

Таг стремительно бросился вперед, но чудовище, которое и во сне не забывало о подстерегающих его опасностях, вдруг приоткрыло один глаз и, вскочив, грозно зарычало. Но было слишком поздно. Копье Тага пронзило самое сердце Синего Кабана из Тедонской Рощи, и он замертво повалился на землю, продавив своей тяжестью яму, ставшую ему могилой.

Таг наклонился и отломил кабаньи клыки, будто то были сосульки. Спустя минуту он уже скакал к замку через грозные леса.

Неведомо откуда на дорогу сказывались огромные валуны. Над головой Тага кружилось несметное число птиц с клювами, похожими на ножницы. Бесстрашному Тагу и его боевому коню понадобилось все умение и ловкость, чтобы увернуться от камней и птиц. Наконец он выехал в поле, крепко сжимая в руке золотые клыки

Синего Кабана, и поскакал к замку своего отца.

Тем временем принцесса стояла у высокого окна комнаты с высоким потолком и не отрываясь смотрела на дороги, по которым отправились в путь три принца. Дорог было три, и они расходились в разные стороны. Таг ускакал по правой, Галло — по левой, а ту, что уходила прямо, выбрал Йорн.

Как наша принцесса ни всматривалась, ни на одной из дорог она не могла разглядеть ни всадника, ни облака пыли, поднятого копытами коня. На среднюю дорогу она смотрела с надеждой и нетерпением, а на дороги, уходящие вправо и влево, — с ужасом и страхом.

Токко неподвижно сидел в своей мастерской, тщетно пытаясь подобрать рифмы к словам «время» и «печаль».

Королевский Волшебник сидел на полу в своей комнате и пытался превратить самый обыкновенный камень в слиток золота. Он тыкал в него пальцем и громко кричал: «Шурум-бурум!» — но все напрасно.

Королевский Лекарь все ещё лежал в постели, попеременно то посмеиваясь над собой, то самого себя подбодряя, и при этом старался как можно дальше высунуть язык, чтобы получше

разглядеть его.

— Ну-ну, — бодрым голосом говорил он, — ведь мы же можем высунуть собственный язык подальше, а?

И, огорчаясь, отвечал:

— Нет, пожалуй, не можем.

Королевский Летописец сидел за высоким письменным столом в королевской библиотеке и записывал в дневник: «Невзирая на суету, метания, сомнения, ругань и вопли (сами знаете чьи), сегодня установлено, что так называемая принцесса, которую мы все здесь в замке развлекаем уже третий день, является, в сущности и по существу, самым обыкновенным оленем. Открытие тайны этого несчастного создания принадлежит мне».

Король Клод сидел в одиночестве во главе стола в банкетном зале. Раскалывая большим и указательным пальцами грецкие орехи, он размышлял, не выпить ли ему немного вина, прежде чем отправиться к принцессе и сообщить ей, в каком незавидном положении она оказалась. Рассудив, что пить вино вроде бы и незачем, он преспокойно продолжал колоть орехи.

И всё-таки желание выпить вина не покидало его. Он расколол последний орех и, съев его вме-

сте со скорлупой, ударил кулаком по столу так сильно, что серебряная чаша с орехами подпрыгнула и упала на пол.

— Эй! — закричал Клод. — Вина!

Квондо забрался высоко на дерево и спрятался в его густой листве, чтобы остаться незамеченным. Он пристально всматривался в дороги, ведущие к опасностям. Время от времени он высовывался и, глядя в сторону замка, видел принцессу, стоящую у окна.

Королевский Егерь сидел дома. Его жена вытирала глиняные горшки, рядами выстроившиеся на полке.

— Что бы там ни говорили, не верю ни единому слову, — бросала она через плечо. — Я так скажу: она никогда и не была ланью. Сами все это сочинили, чтобы прикрыть свои делишки. Все вы мужики хороши. Заколдованная принцесса! Знаем мы таких! Шастают по лесам и машут ручкой каждому встречному.

Жена Королевского Лесника сняла с полки горшок, обтерла его тряпкой и с грохотом поставила на место.

— Изысканная, говоришь. Я скажу — грязная. Двадцать один год! Да ей уже лет тридцать! Нашлась принцесса! — Жена Королевского

Лесника снимала с полки один горшок за другим. — Тут не хватает женщины. То-то в замке полно паутины и битой посуды. А все потому, что Её Королевское Величество умерла. Бедняжка! Я всегда говорила, что это он доконал её.

Она отступила от полки и окинула свою работу оценивающим взглядом.

— Если уж она действительно принцесса, то я нисколько не сомневаюсь, что она одна из семи дочерей короля Пагги, я бы даже сказала, старшая. Такая же бесстыжая, как и все остальные… Ты почему молчишь? Язык проглотил?

Королевский Лесник не отвечал. Он сидел на стуле, сложив руки на груди, и крепко спал.

Опасное задание принца Галло

Дорога, по которой скакал принц Галло, вела налево, потом направо, потом опять налево и наконец перешла в узкую лесную тропинку. Бряцая оружием и доспехами, Галло с удивлением осматривался по сторонам. Такого леса ему ещё не приходилось видеть. На деревьях висели таблички с надписями: «Находим заблудившихся детей», «Срочное уничтожение великанов в присутствии заказчика», «Семимильные сапоги.

Новая цена — 6.98», «Будим спящих красавиц», «Хотите быть высеченными в мраморе? Заботу об этом мы берем на себя», «Пэнтинг, Янг и К° — советы и консультации», «Наш Грааль[79] не хуже настоящего», «Всегда в продаже — свежие кулебяки, овальные колеса, башмаки для мышей».

Но больше всего изумленного Галло заинтересовало следующее объявление: «Посетите Семиглавого Дракона из Дракории. Вход свободный, кроме лунных понедельников и безумных пятниц».

Пока Галло с немалым удивлением рассматривал таблички, к нему вдруг подошел человек. Он был облачен в бронзовые доспехи, а голову его украшал серебряный колпак.

— Твой пропуск, брат, — произнес закованный в металл человек.

— Какой я тебе брат? Я принц, и зовут меня Галло, — ответил озадаченный принц.

— В Лесу Будущего все люди — братья, — объяснил человек.

— Это звучит дружелюбно, но непонятно, —

---

[79] Примечания: 79

Грааль в западноевропейских средневековых легендах сосуд, ради приобщения к которому рыцари совершали свои подвиги. Согласно одной из легенд, эта чаша служила Христу и его апостолам во время тайной вечери.

сказал Галло. — У меня, брат, нет пропуска.

Человек сделал серьезное лицо, прикрыл один глаз и заговорил тихим голосом.

— Ты производишь впечатление человека неглупого и интеллигентного, — сказал он. — Совершенно случайно у меня с собой есть набор пропусков, и я готов уступить их за песню.

— Какую же песню я должен спеть? — спросил Галло.

— В Лесу Будущего песней называют три больших изумруда, — ответил человек. — У тебя есть три больших изумруда?

Галло извлек из сумки, подвешенной к седлу, три больших изумруда и отдал их человеку, а тот протянул принцу три пропуска — красный, голубой и белый.

— Красный пропуск ты отдашь человеку в белом, голубой пропуск — человеку в красном, а белый пропуск — человеку в голубом, — сказал он. — Так труднее разобраться. — Он кивнул головой и удалился.

Галло поскакал вдоль опушки леса и спустя некоторое время увидел ещё одну тропинку. Он свернул по тропинке в лес и скакал до тех пор, пока не увидел человека в белом. Галло протянул ему красный пропуск.

— Не мог бы ты показать мне дорогу в Дракорию, где обитает Семиглавый Дракон? — спросил принц. Человек повертел в руках красный пропуск и объявил:

— Этот пропуск не годится. Печати нет, подпись неразборчива, да и штамп вчерашний.

Он сделал серьезное лицо, прикрыл один глаз и заговорил тихим голосом:

— Ты производишь впечатление человека смелого и отважного, — сказал он. — Либо я одет во все зеленое, либо ты предпринял путешествие, связанное с большим риском. Я мог бы просто порвать этот пропуск и пропустить тебя и не ставить крестик вон на том дереве в знак того, что рыцарь проехал этой дорогой, но это слишком безопасно для нашего с тобой неудобства. Поставлю-ка я лучше новый штамп, распишусь как полагается, и все это, брат, за песню, за одну только песню. Так будет рискованней для всех.

Принц Галло вздохнул и отдал ему три изумруда. Он поскакал дальше и вскоре повстречал человека в голубом.

Тот повертел в руках белый пропуск и сделал серьезное лицо. Затем он прикрыл один глаз и заговорил тихим голосом.

— Ты производишь впечатление человека

достойного и образованного, брат, — сказал он. — Но я не смогу пропустить тебя, пока ты мне не докажешь, что умеешь читать. А как же ты, я или вообще кто-нибудь может прочитать это?

Он вернул Галло пропуск, и тот увидел, что разобрать то, что там написано, можно было только с помощью зеркала.

— Без зеркала тут не разобраться! — воскликнул принц Галло.

Человек достал из рукава серебряное зеркало, вправленное в рамку из слоновой кости, и протянул его озадаченному принцу.

— Ну, читай, что там написано, — сказал он.

Галло прижал пропуск к подбородку и, держа перед собой зеркало, прочитал: «Забудь Прошлое, наслаждайся Настоящим, о Будущем не тревожься».

Галло поднял голову, и пропуск упал на землю.

— У меня какое-то странное чувство, что я ни Там, ни Здесь, — проговорил он, — и что это ни Теперь, ни Тогда. Я как будто застрял где-то между Позавчера и Послезавтра.

Человек в голубом сделал серьезное лицо.

— Это потому, что ты выехал из Прошлого в Будущее, — сказал он и прикрыл один глаз. — А отказавшись от Прошлого ради Будущего, ты

потерял себя. — Он заговорил тихим голосом: — У тебя было Прошлое, впереди тебя ожидает Будущее, но Настоящего-то у тебя нет. Но тебе, считай, повезло — в руках у. тебя настоящий подарок, достойный принцессы, — серебряное зеркало в драгоценной оправе. Вулкан[80] сделал его для Венеры[81], которая подарила его Клеопатре[82], которая отдала его Изольде[83], а та завещала его моей бабушке. Я отдам тебе это зеркало всего за одну песню.

Принц Галло вздохнул, достал из сумки три изумруда и протянул их человеку в голубом.

— Как мне проехать в Дракорию, где Семиглавый Дракон стережет Священный Меч Лорело? — терпеливо спросил он.

— Поезжай направо, потом поверни направо, потом опять направо, а потом ещё раз направо, —

---

[80] Примечания: 80

Вулкан — в римской мифологии бог пламени. Соответствует в греческому богу кузнечных дел Гефесту, супругу Афродиты.

[81] Примечания: 81

Венера — в римской мифологии богиня садов. Отождествлялась с греческой богиней красоты и любви Афродитой.

[82] Примечания: 82

Клеопатра — см. прим. к с. 303.

[83] Примечания: 83

Изольда — жена корнуоллского короля Марка, полюбившая его племянника Тристана, героиня средневекового романа «Тристан и Изольда».

ответил человек.

— Но ведь так я вернусь на то же самое место, — удивился Галло.

— Зато это произведет на всех впечатление, — сказал человек и удалился, поигрывая драгоценными камнями.

Средний сын Клода поскакал направо и, сделав круг, вернулся на прежнее место. Там его поджидал человек в красном.

— Дай-ка мне голубой пропуск, — потребовал человек в красном. Галло протянул ему пропуск.

— Как проехать в Дракорию, где Семиглавый Дракон стережет Священный Меч Лорело? — спросил принц.

Человек в красном сделал серьезное лицо; затем он прикрыл один глаз и заговорил тихим голосом.

— Ты производишь впечатление человека сообразительного и проницательного, — сказал он. — Закрой, брат, глаза. — Галло закрыл глаза, и человек спрятал пропуск под камень. — Открой глаза, брат, — разрешил он, и Галло открыл глаза. — Ты видишь голубой пропуск, который я держу в руке? — спросил он. — Нет, не видишь, потому что я сделал его невидимым. Точно так же я и тебя вместе с твоим конем могу сделать

невидимым, чтобы ты незаметно от Семиглавого Дракона взял Священный Меч Лорело. Я окажу тебе эту услугу за три песни.

Галло достал из сумки девять изумрудов и отдал их человеку в красном. У принца осталось всего двенадцать камней.

— Ну вот, теперь тебя не увидит ни человек, ни дракон. Так мы всех сразу обманем.

— Какой же дорогой ехать в Дракорию, где обитает Семиглавый Дракон? — требовательно спросил Галло.

— Трудной дорогой, — ответил человек в красном, — она петляет то туда, то сюда, да к тому же тебе придется проехать через Рощу Артанис, где слышатся стоны и вздохи.

— А как я узнаю эту рощу? — спросил принц.

— Там растут красные розы, на небе горит миллион лун, а в самой роще стоят голубые дома, и в них живут одинокие девушки, вздыхающие о своих возлюбленных, которые находятся далеко. Не бойся рычания страшного Таркомеда, не обращай внимания на лай грозного Нацильбупера и смело скачи вперед.

— А что будет потом, когда я проеду через эту рощу? — спросил принц.

— Потом сверни направо и следуй за блужда-

ющим огоньком, — сказал человек в красном и удалился, поигрывая драгоценными камнями.

Долго скакал Галло и наконец добрался до Рощи Артанис. Благоухание красных роз кружило ему голову, яркий свет миллиона лун слепил глаза, а жалобные стенания одиноких девушек звенели у него в ушах так громко, что он погнал коня что было сил, покуда не выехал на извилистую дорогу и свернул направо. Прямо перед ним вдруг вспыхнул блуждающий огонек, и Галло последовал за ним.

Спустя некоторое время принц услышал голоса, а затем увидел и самих людей, которые громко кричали, разговаривали, смеялись и распевали песни.

Вдоль дороги стояли столы, уставленные едой и фруктами, а также другие столы, заваленные украшениями, игрушками, побрякушками и погремушками, каких он сроду не видывал.

Деревья были увешаны громадными музыкальными инструментами, наполнявшими все вокруг чудными звуками. Люди были, одеты в удивительные одежды, и танцевали они тоже удивительно, двигаясь туда и сюда, туда и сюда. Голоса их тонули в каком-то невообразимом шуме и грохоте.

— На, брат, держи! — крикнул человек в сине-черном одеянии и протянул Галло семь маленьких шариков. — Семь шариков отдам за двенадцать изумрудов. Попытай счастья!

— Странно, ты даешь мне эти шарики, — удивился Галло, — но ведь я невидимка, меня нельзя видеть.

— Еще как можно. Как божий день, как дважды два, как смертный грех. Купи шарики и забрось их.

— Ничего не понимаю, — ошарашенно пробормотал принц.

— Послушай-ка, брат, — сказал человек. — За двенадцать изумрудов ты получишь семь шариков. Эти шарики ты швырнешь в Семиглавого Дракона, который находится вон в той полосатой палатке. Этот Дракон — величайшее техническое изобретение века, бессмысленное, но совершенно замечательное. Он только и умеет, что без конца вертеть своими головами. Попытай счастья! Брось по шарику в каждую голову, и в награду ты получишь Священный Меч Лорело. Трижды два будет шесть, ни поспать, ни поесть, шарик бросишь раз пять, ни поесть, ни поспать, шестью восемь — четыре, целься лучше, как в тире. И сначала опять — трижды два будет пять.

Человек протянул Галло семь шариков и взял у него сумку с изумрудами.

— Тебе суждено проиграть, — сказал он, — а мне выиграть. Все честно и справедливо, и никто не обижен.

Он сделал серьезное лицо, затем прикрыл один глаз и заговорил тихим голосом.

— Ты производишь впечатление человека честного и порядочного, — сказал он. — А теперь послушай: пока этот механический Дракон не заведен, его головы не будут крутиться туда-сюда, и ты легко попадешь в каждую из них шариком и возьмешь Священный Меч. В награду за то, что я открыл тебе этот маленький секрет, я всего лишь прошу у тебя золотое седло с. твоего коня.

Галло был так поражен, что не смог произнести ни слова. Он молча повернулся и побрел к полосатой палатке. Там он увидел Семиглавого Дракона. Головы его были неподвижны, пасти — раскрыты. Между громадными лапами лежал сверкающий меч, ради которого принцу пришлось вынести столько испытаний.

Галло бросил в каждую пасть по шарику, головы попадали на землю, после чего он взял меч и вышел из палатки. Пока все это происходило, к железному сундуку, что стоял в углу палатки,

неспешно подошел какой-то маленький человечек. Он раскрыл сундук, в котором хранились ещё сто точно таких же мечей, и, взяв один из них, положил его между лап механического Дракона. Проделав все это, он зевнул и поплелся прочь.

Человек в сине-черных одеждах, поджидавший принца у выхода из палатки, весело помахал ему рукой, когда принц садился на своего неоседланного коня. Галло натянул поводья и быстро поскакал по уже знакомой ему извилистой дороге, оставляя позади блуждающий огонек, Рощу Артанис, бесчисленное множество тропинок, и, выбравшись наконец из Леса Будущего, помчался к замку своего отца, крепко сжимая в руке Священный Меч Лорело.

Тем временем принцесса стояла у высокого окна комнаты с высоким потолком в замке короля Клода и неотрывно смотрела на дороги, прислушиваясь к биению своего сердца. Она решила было помолиться, но, поскольку она помнила только названия лесов и полей, а больше ничего не помнила, на память ей не пришла ни одна молитва.

Тщетно снова и снова силилась принцесса вспомнить своё имя. Мрачное сомнение закралось ей в душу. А что, если на самом деле она

всего-навсего бедная девушка, крестьянка или кухарка, обращенная в лань каким-нибудь лесным или придворным волшебником, которого она нечаянно обидела, когда доила корову или варила суп? К тому же негодный волшебник устроил так, что освободить её от чар могут только три принца, исполнив опасные задания. Этот колдун ещё, наверно, и смеялся: «Сыновья великого короля разрушат твои чары, а заодно разобьют свои сердца, да и твое в придачу, ведь ни один из них не захочет взять в жены молочницу».

Настанет, наверно, день, когда самый смелый и отважный принц положит к её ногам трофей и воскликнет: «Будьте моей!»

И тогда она, наверно, скажет: «Меня зовут так-то и так-то, и я простая крестьянка» — или: «Мое имя такое-то, и я судомойка». Она подумала, что было бы хорошо — когда настанет такой день, — если бы первым её руки попросили Таг или Галло, а не Йорн.

И всё-таки, несмотря на свои мрачные мысли, принцесса с надеждой смотрела на Дорогу, по которой ускакал Йорн.

На дорогу легли черные тени. Они расползлись и загустели, как черная кровь, и стало совсем ничего не видно. Принцесса заставила. себя по-

смотреть на дорогу, уходящую влево, а потом на ту, что уходила вправо. Было тихо, и только вдоль дороги, по которой ускакал Галло, покачивались на ветру деревья. И вдруг принцесса вскрикнула: ей показалось, что на дороге, по которой ускакал Таг, поднялось облачко пыли. Облако поплыло над деревьями, и тут она увидела, что это взлетел лебедь. Принцесса закрыла лицо руками и задрожала.

Опасное задание принца Йорма

Дорога, ведущая в Вишневый Сад, была прямая как стрела, и только изредка Йорну приходилось поворачивать чуть-чуть туда, чуть-чуть сюда. Пригревало солнце, дул ласковый ветер, где-то вдалеке кукарекал петух и слышались радостные ребячьи голоса, пели птицы.

Только однажды ветер закружил вырезанные чьей-то искусной рукой бумажные снежинки да волк поднял голову и завыл, но Йорн, взглянув в его сторону, увидел, что на нем был ошейник.

Младший сын короля Клода, хотя и ехал выполнять задание принцессы, был печален. Задание это, казалось ему, не требует ни мужества, ни отваги.

— Любой мальчишка может насобирать тысячу вишен и наполнить ими серебряную чашу, — вслух сетовал он. — С этим глиняным пугалом, Мок-Моком, каждый дурак справится. Эх, поручила бы мне принцесса сразиться с Синим Кабаном или со страшным Драконом о семи головах. Хоть кто-нибудь загадал бы мне трудную загадку, задал бы сложную задачу или поручил сразиться с доблестным рыцарем!

Не успел принц Йорн договорить, как вдруг услышал чей-то высокий и резкий голос. Он огляделся вокруг, но никого не увидел. Голос между тем продолжал:

— Помоги мне, помоги мне, Йорн, будет тебе и трудная загадка, и сложная задача, встретится тебе и доблестный рыцарь, только помоги мне, Йорн, помоги!

Принц посмотрел налево и направо, на север и на юг, вниз и вверх, и когда он взглянул вверх, то увидел ведьму, которая зацепилась за самую высокую ветку дерева, повисла там, как дымный фонарь, и горько плакала.

Принц Йорн спешился и, взобравшись на дерево, подхватил ведьму и помог ей благополучно спуститься на землю.

Я каталась на тайфуне, да зацепилась за это

дерево, — сказала она, — и помело потеряла. Вот беда-то какая. Йорн огляделся кругом и решил, что её помело, должно быть, затерялось в зарослях высоких растений, которые так и называются помело, потому что они на самом деле очень похожи на помело. Он довольно долго разыскивал помело в помеле и, споткнувшись в конце концов о то, что искал, возвратил его владелице.

— В награду за твою доброту, принц Йорн, — пообещала ведьма, оседлав помело, — будет тебе и трудная задача, и сложная загадка, и доблестный рыцарь.

Она помахала костлявой рукой и полетела. Её громкий смех разнесся далеко вокруг.

Йорн поскакал дальше по прямой дороге и спустя некоторое время повстречал Сфинкса.

— Загадай мне загадку, Сфинкс, — попросил Йорн. Каменные глаза Сфинкса смотрели прямо перед собой. Ни один мускул не дрогнул на его каменном лице, и всё-таки он произнес:

Что кружится?

Что змеится?

Что, как жемчуг, серебрится?

Йорн тут же ответил:

Это обод колеса.

Это девичья коса.

Это ранняя роса.

Он поскакал было дальше, но вдруг остановился и повернул назад.

— А что трудного в этой загадке? — спросил принц.

— Мне было трудно загадать тебе эту загадку, не раскрывая рта, — ответил Сфинкс.

Йорн пожал плечами и продолжал путь. Вскоре он добрался до огромного Вишневого Сада. Он спешился и, держа в левой руке серебряную чашу, а в правой меч, направился в сад.

Посередине Вишневого Сада, на поляне, завалившись на левый бок, лежал Мок-Мок. Ветры повалили пугало на землю, дожди смыли глину с деревянного скелета, на котором она держалась, а дерево проели черви. Голова Мок-Мока отвалилась при падении, в глазницах гнездились жаворонки. Огромная заморская птица устроилась на боку развалившегося чудовища и мирно дремала. Йорн взмахнул мечом, и она, нехотя поднявшись, полетела прочь. Неподалеку среди ржавых доспехов лежали кости рыцаря, который умер от страха при виде Мок-Мока, когда пугало было совсем новым и смотреть на него было

страшно.

Ветви деревьев под тяжестью искрящихся красных плодов склонились низко к земле. Удивившись тому, что вишни могут быть такими тяжелыми, Йорн подошел к одному из деревьев. Он бросил меч на землю и попытался сорвать одну из вишен, сначала одной рукой, потом двумя, и тут обнаружил, что в руках у него вовсе и не вишня, а самый настоящий рубин в форме вишни. Все остальные деревья тоже были усыпаны рубинами, и ни один из них невозможно было оторвать от черенка, как бы сильно Йорн ни дергал.

— Ты должен сосчитать до тысячи тысяч, чтобы насобирать тысячу вишен, — раздался вдруг голос за спиной Йорна. Принц обернулся и увидел маленького человечка в остроконечной шляпе. Глаза его блестели.

— Скажи: раз, два, три, — продолжил человечек.

— Раз, два, три, — сказал Йорн.

— Четыре, пять, шесть, — продолжил человечек.

— Четыре, пять, шесть, — повторил Йорн, и когда он быстро сосчитал до тысячи, рубин упал в серебряную чашу.

— Но ведь тысяча тысяч — это миллион, — сказал Йорн, — а сосчитать до миллиона — сложная задача!

— Ну так что же — это как раз то, чего ты хотел, — ответил человечек.

Йорн снова сосчитал до тысячи, и ещё один рубин упал в чашу.

— Раз, два, три, четыре, я пришел собирать вишни, пять, шесть, семь, восемь, а здесь одни рубины, девять, десять! — громко произнес Йорн.

— Рубины, вишни, вишни, рубины, — сказал человечек, — какая разница?

— Одиннадцать, двенадцать, как это какая разница? — недоумевал Йорн. — Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать.

Человечек прошелся взад и вперед и спросил:

— Что я сейчас делаю?

— Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать, ты ходишь туда-сюда, — сказал Йорн. — Двадцать один…

— Но ведь прежде чем пройти туда-сюда, я должен пройти сюда-туда?

— Это одно и то же, — сказал Йорн. — Тот, кто, двадцать два, ходит туда-сюда, двадцать три, ходит и сюда-туда, двадцать четыре, двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь,

двадцать девять, тридцать.

— Значит, если туда-сюда это сюда-туда, то туда — это сюда, а сюда — это туда, — резюмировал человечек.

— Не вижу, как это может мне помочь в выполнении моей сложной задачи, — сказал Йорн. Он сосчитал до третьей тысячи, и третья вишня упала в серебряную чашу. — Пока я тут считаю, Таг вернется домой с золотыми клыками Синего Кабана, а Галло — со Священным Мечом Лорело и один из них женится на принцессе. Раз, два, три, четыре, пять.

Человечек сел на землю и, глядя на принца, слушал, как тот громко сосчитал до четвертой тысячи, и четвертая вишня упала в серебряную чашу. Йорн принялся считать с самого начала ещё раз.

— За последние пятьдесят лет уже пятьдесят принцев приходили в этот сад собирать вишни, или рубины, для какой-нибудь принцессы, — рассуждал маленький человечек. — И ни один из них не умел логически мыслить. Я не принц и не могу сделать так, чтобы вишни — или рубины, если угодно, — вот просто так себе падали. Но я не помогал другим пятидесяти принцам собирать ягоды — или драгоценные камни, — потому что,

я думаю, стоит сосчитать до миллиона, чтобы получить руку и сердце прекрасной барышни. Но в твоем случае, друг мой, нужно помнить о Таге и Галло. В падении этих вишен заключен логический секрет. Я не могу раскрыть его напрямую, но могу задать тебе несколько вопросов.

— Триста сорок восемь, триста сорок девять, триста пятьдесят, — сказал Йорн. — Давай задавай свои вопросы.

— Падает ли вишня, когда ты говоришь «девяносто девять»?

— Нет.

— Падает ли рубин, когда ты говоришь «девятьсот девяносто девять»?

— Нет.

— А когда же падает вишня, или рубин?

— Триста пятьдесят один. Когда я говорю «тысяча», — ответил Йорн.

В чашу упал рубин.

— Тысяча! — громко сказал Йорн, и упал ещё один рубин.

— Тысяча, тысяча, тысяча, тысяча! — радостно закричал Йорн, и в чашу упали ещё четыре рубина.

Йорн продолжал выкрикивать волшебное слово, и ему пришлось потратить ровно в тысячу

раз меньше времени, чтобы наполнить чащу тысячью рубинов, чем если бы ему нужно было считать до миллиона. Йорн обернулся, чтобы поблагодарить человечка в остроконечной шляпе, но тот исчез. Вместо него перед Йорном стоял рыцарь в чёрных доспехах.

Рыцаря столь могучего сложения ему ещё не приходилось встречать.

— Как тебя зовут, Черный Рыцарь? — спросил Йорн. Меня зовут Дафф,* Рыцарь Скорби и Печали, — прогудел голос из-под шлема, который закрывал все лицо, кроме глаз. — Под этими деревьями я сразился с пятьюдесятью рыцарями — и вот, как видишь, цел и невредим!

Йорн поставил на землю серебряную чашу и взял меч.

— На мне стальные доспехи. Тебе не кажется, что у меня есть некоторое преимущество? — громко спросил Черный Рыцарь.

При этих словах Йорн поднял свой меч.

— К тому же предупреждаю тебя, принц, я заколдован, — сказал Черный Рыцарь, не обнажая своего меча. — А что может быть сильнее колдовства?

— Чудо.

— А что такое чудо? — спросил Черный Ры-

царь.

— Любовь — вот чудо для меня.

— Ты, принц, не прав. Сильней броня. — Черный Рыцарь выхватил свой меч и, держа его над головой двумя руками, будто топор, яростно опустил его на голову Йорна, но тот сумел вовремя увернуться и нанес колющий удар по прорези в доспехах Черного Рыцаря, как раз над правым плечом.

Но Дафф успел отразить удар Йорна и в свою очередь решительно бросился вперед. Йорн был начеку и, ловко ускользая от ударов Рыцаря, пытался достать мечом прорезь в его доспехах. В какой-то момент Йорн потерял равновесие, и Черный Рыцарь, взмахнув мечом, уже готов был опустить его на голову принца и расколоть её как орех, но сам вдруг споткнулся о чашу с рубинами и рассыпал их по траве. И вновь по саду разнесся звон мечей — поединок продолжался. Нападая, Йорн все время метил в прорезь в доспехах Черного Рыцаря. Черный Рыцарь дышал все тяжелее и тяжелее, двигался все медленнее и медленнее, и меч свой он заносил уже не так высоко над головой, как в первый час сражения.

Наконец Черный Рыцарь поднял меч двумя руками высоко над головой, намереваясь одним

ударом решить исход поединка, но юный принц молнией бросился вперед и вонзил свой меч прямо в прорезь в доспехах. Чёрный Рыцарь уронил оружие на землю. Рука его повисла и закачалась, словно маятник.

Могучая фигура, закованная в чёрную сталь, пошатнулась и с грохотом повалилась на землю. Шлем слетел с головы рыцаря и со звоном ударился о серебряную чашу.

И тут, к своему изумлению и ужасу, принц Йорн увидел лицо человека, скрытое до того под шлемом. Его противнику было лет семьдесят. Йорн горестно склонился над ним и приподнял его голову.

— Я не стал бы с вами сражаться, если бы знал, кто вы на самом деле, — сказал Йорн.

— Ты сражался с тем, за кого ты меня принял, а это и есть доказательство мужества. Во тьме ночной порой не различишь, кто чудище, а кто простая мышь. — Голос Черного Рыцаря уже не гремел, а был тихим и спокойным.

Йорн помог старику подняться и перевязал ему рану.

— Чему же мне верить? — спросил Йорн.

— Верь своему сердцу, — сказал старик. — Верь в любовь. Из любви к прекрасной девушке пятьде-

сят лет назад я предпринял опасное путешествие. Смелый и уверенный в себе, я отправился на поиски страшного Мок-Мока, чтобы сразиться с ним, а оказалось, что это совершенно безобидное пугало, вылепленное из глины. «Так, значит, любовь — причуда, — сказал я тогда. — И человек глуп». Подвиг, принц, не в том, чтобы одолеть ужасное чудовище или совершить великое деяние, но в том, чтобы сберечь завоеванное тобой сердце. Печаль и Скорбь стали моими спутниками с тех пор, как я, одолеваемый сомнениями, не возвратился к любимой девушке и не попросил её руки. И до самой своей смерти я буду терпеть неудачи в сражениях с теми, кто любит, ибо когда-то я не поверил в любовь.

Йорн задумчиво помолчал. Наконец он спросил:

— А ваши братья вернулись, наверно, домой, принесли золотые клыки и серебряный меч и один из них женился на девушке?

Старик печально опустил голову.

— Она так и не вышла замуж. Дни и ночи напролет она сидела у окна, прислушиваясь к малейшему звуку, вглядываясь вдаль и горько плача. Любовь её принимала формы небесных светил и полевых цветов. Глаза её высохли от

слез. Наконец она сварила волшебное зелье из мышей, лягушек и ракушек и произнесла над ним заклинание. С тех пор доспехи мои означают Силу, а прорезь в них — это Гордость. Но как бы они ни звенели и ни грохотали, я не чувствую себя в них уверенно. — Старый Рыцарь смахнул слезу. — Её часто видят весной. Она качается, как дымный фонарь, на дереве. Скачи же, принц, и пусть любовь будет твоей верной спутницей в пути.

Юный принц молча выслушал Рыцаря.

— Она назвала вас доблестным, — сказал он, — и прорезь в доспехах расположила подальше от сердца.

Дафф, рыцарь Скорби и Печали, тяжело вздохнул и, громыхая доспехами, побрел прочь. Вскоре он скрылся среди деревьев.

Принц Йорн быстро собрал в чашу разбросанные рубины и через минуту уже скакал к замку своего отца, и в руке его сияла серебряная чаша.

Секрет чар

В дверь постучали семь раз.

— Войдите, — сказала принцесса, и в комнату вошли король Клод, а за ним — Токко, Королев-

ский Летописец и Королевский Лекарь.

— Мы пришли сообщить три огорчительные вещи — факт, историю и заключение, — начал Клод, и его грубое лицо залилось краской.

— Если позволите, сир, — сказала принцесса, — то сначала я поделюсь с вами своими огорчительными сомнениями.

— Ну хорошо, поделись своими огорчительными сомнениями, — согласился Клод, — если только они не затрагивают честь мою и моих сыновей.

— Ах, ах, ах, — заахал Токко, пристально глядя на принцессу.

— Не ахай, — приказал Клод, — сегодня мне не до аханья.

Он сделал нетерпеливый жест.

— Что-то я засомневалась, — продолжала принцесса. — У меня, наверно, совсем нет имени, раз я не могу его вспомнить. Может, я самая обыкновенная молочница или кухарка.

— Ах, ах, — сказал Токко. — Моя мать была простой крестьянкой, и она часто пела мне:

Когда исчезнут все принцессы,
Начнутся жуткие процессы.

— Я ничего не имею против женщины, которая

сразу признается, кто она такая, — закончила свою мысль принцесса. — Но, к сожалению, нет такого закона или указа, согласно которому девушка низкого происхождения может выйти замуж за Йорна.

— Или за Тага, — сказал Клод.

— Или за Галло, — сказал Королевский Летописец.

— Мой отец часто пел песенку, в которой были такие слова:

Короли и принцы,
Болваны и балбесы»… —

пропел Токко.

— Попридержи язык, а не то ты закончишь свою песенку в подземелье, — прервал его Клод. Он подошел к принцессе, которая стояла у окна и смотрела на дороги в нетерпеливом ожидании.

— Несмотря на некоторые факты, известные мне частным образом, могу поклясться — да я, в общем-то уже почти клянусь, — что вы самая настоящая принцесса королевской крови. — Он обернулся. — Обратите внимание на её речь и на то, как она держится.

— И на то, какие тонкие у неё лодыжки и маленькие ступни, — сказал Королевский Ле-

тописец.

— И какой у неё высокий лоб и живые глаза, — сказал Токко.

— Вы введены в заблуждение! — воскликнул Королевский Лекарь. Все это время он незаметно измерял свой пульс, но не считал его; как пациент он все ещё чувствовал себя больным, хотя как врач находил себя вполне здоровым. — Это всё проклятые чары. Ничто так не сбивает врача с толку, как колдовство. Был однажды у меня пациент, волшебник, который заставлял свои синяки и ссадины плясать по всему телу и даже делал так, что они принимали вид цветка или драгоценного камня. Не будем поддаваться видимости и ложному сходству. Что есть, то было, что было, то будет. Мне нужно послушать сердце этого создания.

— Сердце этой леди, — уточнил Клод.

— Нам остается только предполагать, пока у нас нет доказательств.

— Я обещал ей факт, историю и заключение, — сказал Клод.

— Я расскажу историю, — сказал Токко.

— Я сделаю заключение, — сказал Королевский Лекарь.

— Я изложу факт, — сказал Королевский Лето-

писец. — Итак, — обратился он к принцессе, — вы не можете вспомнить своё имя, это — факт.

— А теперь Токко расскажет историю, — продолжил Клод.

— По сути дела, — вмешался Королевский Летописец, — в сущности и по существу, в действительности и на самом деле рассказать-то можно не одну историю. Кроме истории Токко есть ещё девять историй, абсолютно похожих и одинаковых.

— Обойдемся одной, — бросил Клод, — раз уж они все одинаковые.

— Я только хотел сообщить, заявить, подтвердить, заверить, изложить, признаться, объявить, уверить, заметить и сказать, что всего таких историй ровно десять, и все они подкрепляют, уточняют и подтверждают друг друга.

— Да не запутывай ты меня в словах! — вскричал Клод. — Токко, рассказывай историю!

И Токко рассказал историю, приключившуюся сто лет назад, о том, как белая лань превратилась в девушку, хотя на самом-то деле она была ланью, а не принцессой крови.

Принцесса неподвижно стояла у окна и молча слушала.

— Теперь Королевский Лекарь сделает заклю-

чение, — приказал король Клод.

Королевский Лекарь стоял в углу и охал. Он стучал себя в грудь и, сосчитав до девяти, повторял все сначала. Соединив кончики пальцев, он вышел на середину комнаты.

— Заключение, которое предстоит сделать, состоит в том, что вы фактически — воистину, вне всяких сомнений, без колебаний… но позвольте, я ведь ещё не послушал ваше сердце. — Он приложил правое ухо к груди принцессы и прислушался, время от времени произнося «хм» и «гм».

— Сердце находится высоко, — сказал он наконец, — слишком высоко, да и бьется очень быстро. Я совершенно отчетливо слышу его скачкообразное биение, вызванное прыганьем через ручейки. Но чтобы вынести окончательное решение, мне нужно хорошенько осмотреть ручейки.

Король поморщился и отвернулся.

— Делай заключение, — повелел он.

— Ах да, заключение, — спохватился Королевский Лекарь. — Итак, по всей видимой вероятности — или, лучше сказать, невидимой вероятности — и, конечно же, весьма предположительно, вы, милая барышня… милое создание, являетесь самой обыкновенной, я бы сказал,

ланью… Скажи «а», — вдруг сказал Королевский Лекарь самому себе и, сказав «а», отправился в свой угол.

Король Клод уставился в холодный каменный пол; лицо его по-прежнему было красным; Королевский Летописец задумчиво перебирал в кармане печати и ленточки; глаза старого Токко, такие слабые, что он уже не мог разглядеть ни луну, ни звезды, переполнились жалостью.

Принцесса едва заметно приподняла голову.

— Если вы так и не можете вспомнить своё имя, то вы, должно быть, и вправду лань, — сказал Клод.

— Настоящая принцесса вспомнила бы, как её зовут, — сказал Королевский Летописец.

— Особенно если учесть то обстоятельство, что у нас нет никаких свидетельств, позволяющих предполагать потерю памяти, вызванную сильным потрясением, не видим мы и явного расширения или сужения зрачков, что указывало бы на присутствие в организме какого-либо снадобья, зелья или иного уничтожителя памяти, — сказал Королевский Лекарь. — Уничтожитель, — повторил он, нахмурившись. — Разве есть такое слово?

— Ты, вероятно, хотел сказать «стиратель», —

предположил Королевский Летописец. — Мне кажется, так будет правильнее, хотя, если это слово повторить несколько раз, оно потеряет смысл.

— Прекратите взвешивать слова и измерять смысл! — закричал Клод. — Лучше объясните-ка принцессе природу колдовства и принцип его действия.

Королевский Летописец откашлялся и начал:

— Колдовство такого рода, — отмеченное, как мне кажется, весьма дурным вкусом, — предполагает, что лань, приняв образ и подобие принцессы, по известным причинам не может сохранить любовь рыцаря, принца или простолюдина, коль скоро её тайна становится известной.

— Дальше, дальше, — потребовал король.

— И ты непременно обманешься в любви трижды, — гласит колдовская заповедь, — торжественно продолжал Летописец. — И когда ты обманешься в любви трижды, ты вновь примешь образ и подобие лани.

— И не прыгайте больше через ручейки. Это вредно для сердца, — посоветовал Королевский Лекарь. — И-и-и, — произнес он, проверяя, не болит ли у него горло.

— На колени встань, бедняжка лань! — громко сказал Королевский Летописец.

— Попридержи язык, наглец! — вскричал Клод. — С виду эта девушка самая настоящая принцесса, и так к ней и обращайтесь, покуда она стоит на двух ногах, а не на четырех.

Наконец заговорила принцесса, темные глаза её глядели прямо и бесстрашно:

— Я прошу позволения рассказать печальную историю моему принцу, прежде чем он попросит моей руки. — Она смело подняла глаза.

— Да будет так. — Клод склонил голову. — Сказано разумно и складно, как и подобает принцессе.

Королевский Летописец ещё раз откашлялся.

— Если вдруг так случится, произойдет, получится, выйдет или приключится, что тот, этот или ещё какой принц всё-таки не откажется от своей любви к вам, несмотря на то, что было, воистину есть и должно быть, тогда вы навсегда сохраните образ и подобие принцессы.

Так гласит колдовская заповедь.

Токко сделал шаг вперед и поднял руку.

— Прошу вас не забывать, Клод, что мать ваших сыновей тоже имела некогда облик и подобие лани и всё-таки была истинной принцессой королевской крови.

— Но она-то, черт возьми, знала, как её зовут! — воскликнул Клод. — А эта лань…

— Эта принцесса, согласно вашему указу, — напомнил Королевский Летописец.

— Ну хорошо, хорошо, принцесса, — согласился Клод и, покраснев, отвернулся.

— Такой, какая я сейчас, мне быть всегда, — молвила принцесса.

— Я, пожалуй, утешу вас немного, — сказал Клод. — Никогда ещё охотнику не приходилось состязаться в силе и ловкости с такой быстрой ланью, какой вы когда-то были. Такому простаку, о котором рассказывал отец Токко, за вами бы и не угнаться. Несетесь ли вы по полям или вот стоите, как сейчас, вас достойны только короли и принцы.

Стемнело, и сгустившуюся тишину, наступившую после слов короля, нарушил стук лошадиных копыт. Король подошел к окну.

— Что за чудо! — вскричал он. — Смотрите! Все три трофея сверкают, как один! Я вижу трех принцев! И пути их пересеклись в одно и то же время. Здесь не обошлось без магии и колдовства.

Токко, Королевский Летописец и Королевский Лекарь приподнялись на носки и, выглянув из-за широких плеч Клода, увидели Тага, Галло и Йорна, галопом мчавшихся к воротам замка с трофеями в руках. Их кони скакали бок о бок,

точно в одной упряжке.

Принцесса стояла, закрыв глаза, спиной к окну, за которым сгущались сумерки. Неожиданно она почувствовала, как кто-то взял её за руку, и низкий голос карлика Квондо сказал: «Идем». Они вышли из покоев принцессы, спустились по каменной винтовой лестнице и очутились в Круглом зале. Квондо усадил её в золотое кресло с высокой резной спинкой, а сам сел на корточки на пол справа от неё.

Послышался звук приближающихся шагов, и в одну из дверей зала, с трудом переводя дух, вбежали король и его приближенные, а в другую — запыхавшиеся принцы. Зал загудел от топота, шума и гама.

Принцесса, поднявшись с золотого кресла, уже собралась было начать печальный рассказ о своей злосчастной судьбе, как принцы, положив к её ногам трофеи: Таг — золотые клыки огромного Синего Кабана, Галло — Священный Меч Лорело, а Йорн — серебряную чашу, наполненную рубинами, — воскликнули почти одновременно:

— Я прошу вашей руки и сердца!

Наконец наступила тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием. Принцы преклонили колени и молча смотрели на принцессу. Король и

его приближенные стояли будто статуи. Квондо неподвижно сидел на корточках.

Прекрасная, гордая и бесстрашная принцесса поднялась и заговорила нежным голосом:

— Я не знаю, с кого начать. Все три принца положили трофеи к моим ногам одновременно, — обратилась она к королю.

Король нахмурился и повернулся к Королевскому Летописцу.

— Огласи порядок, — повелел он.

— Такого чуда ещё не случалось, по крайней мере в моё время, — сказал Королевский Летописец.

— И в моё, и во время моего отца тоже, — сказал Токко.

— Но, позволю себе заметить, если будет издан соответствующий указ… — сказал Королевский Летописец, обращаясь к королю.

— Будет тебе указ! — вскричал король. — Только не тяни.

— Тогда порядок будет следующий: первым пусть говорит старший сын, ну и так далее…

— Я совершенно ничего не вижу, — сказал Токко.

— Зажгите факелы! — громко крикнул король, и голос его эхом разнесся по замку:

«ЗАЖГИТЕ ФАКЕЛЫ! Зажгите факелы! Зажгите факелы?»

По залу забегали двенадцать человечков в желтом, и спустя минуту в нишах стен вспыхнули факелы.

С грустью глядя на Тага, принцесса сказала:

— Ты просишь руки и сердца той, кто на самом деле — лань, принявшая облик и подобие женщины по прихоти то ли ведьмы, то ли волшебника.

Сталь щитов живо отражала пламя факелов, озаряя все вокруг ярким светом, Принцесса продолжала:

— Как гласят колдовские заповеди и древние легенды, согласно приметам и заклинаниям, настанет день, когда три принца попросят руки той, кто на самом деле лань. Я знаю: чтобы положить эти трофеи к ногам безымянной девушки, вам пришлось пережить множество опасных приключений, да и путь ваш был долог и труден. Люби меня верно, люби сердечно, и женщиной я останусь навечно.

Но ежели трижды в любви обманусь, я тут же исчезну и не вернусь. Старая легенда возродилась вновь. Скажи, принц Таг, про твою любовь.

Старший сын Клода поднялся с колен. Не говоря ни слова, он разломил в руках золотые клыки

огромного Синего Кабана и отвернулся.

— Один раз она в любви обманулась, — простонал Токко.

— Люби меня верно, люби сердечно, и женщиной я останусь навечно. Но ежели трижды в любви обманусь, я тут же исчезну и не вернусь. Старая легенда возродилась вновь. Скажи, принц Галло, про твою любовь.

Принц Галло поднялся с колен. Не говоря ни слова, он сломал Священный Меч Лорело о колено и, повернувшись, покинул зал.

— Вот уже дважды она обманулась в любви, — прошептал Королевский Летописец.

— Люби меня верно, люби сердечно, и женщиной я останусь навечно. Но ежели трижды в любви обманусь, я тут же исчезну и не вернусь. Старая легенда возродилась вновь. Скажи, принц Йорн, про твою любовь.

— Придется ей обмануться в любви трижды, — прокряхтел Королевский Лекарь.

Принц Йорн поднялся и взял в руки серебряную чашу, наполненную рубинами.

— Раскройте ворота! — вскричал король Клод. — Дайте дорогу белой лани! Несдобровать тому, кто возьмет в руки копье! Раскройте ворота, дайте дорогу белой лани! — И голос его эхом

разнесся по замку:

«РАСКРОЙТЕ ВОРОТА! Раскройте ворота! Раскройте ворота!»

Принц Йорн неподвижно стоял перед золотым креслом. Когда он поднял чашу, все напрягли глаза и вытянули шеи.

— Слышно, как муха пролетает, — прошептал Королевский Летописец.

— А я ничего не слышу! — пожаловался Токко.

— Ни слова больше! — вскричал король. — Все на двор! Принц Йорн объявит приговор!

— Вы уже никогда не будете тем, кем когда-то были, а останетесь навсегда такой, какая вы есть. Я вручаю мой трофей в руки той, которую люблю, — произнес Йорн.

Принцесса взяла чашу.

— Мое сердце принадлежит вам, — сказал Йорн.

И в ту же минуту факелы перестали чадить и полыхать, в воздухе повеяло апрелем, и принцесса сделалась такой красивой, что Йорн такой красавицы не видел ни во сне, ни наяву.

— Если мне не изменяет память, — заметил старый Токко, — запахло сиренью.

— Тише, — сказал Королевский Лекарь.

— А кто этот принц, который только что взял

у девушки чашу? — шепотом спросил Королевский Летописец. — Этот высокий юноша мне незнаком.

И действительно, неведомо откуда появившийся незнакомец, высокий и стройный, подошел к прекрасной девушке и взял у неё чашу, чтобы она смогла сойти по ступенькам и подать руку Йорну.

Король Клод, увидев незнакомого принца, закрыл глаза, протер их и снова открыл. Он шагнул вперед и грозно вопросил:

— Кто ты такой, из какого королевства и зачем сюда пожаловал?

Высокий принц поклонился королю и молвил:

— Прежде чем сказать, кто я такой, из какого я королевства и зачем сюда пожаловал, я хотел бы просить королевской милости.

— Ив чем же она заключается? — спросил король.

— Я, пожалуй, сделаю то, что уже давно нужно было сделать, — сказал принц и поставил серебряную чашу на золотое кресло.

Королевский Летописец откашлялся.

Прежде всего нужно определить характер милости и должным образом классифицировать её, — заявил он. — А потом внести её в соот-

ветствующую книгу, засвидетельствовать и поставить печать.

— Чепуха! — сказал король. — У юноши открытый взгляд. Я удовлетворяю его просьбу.

Тогда неизвестный принц подошел к Тагу и Галло. Подняв левой рукой одного принца, а правой — другого, он семь раз стукнул их лбами и поставил на место.

Щиты на стенах зазвенели от королевского хохота.

— Кто этот богатырь, что обращается с людьми, как с игрушками? — воскликнул он.

Юный принц поклонился.

— Меня зовут Тэль, ваше величество, я младший сын Торга, всесильного короля Нортландии.

— Это богатый и могущественный монарх и, по слухам, неплохой наездник, — сказал король. Он сделал жест, чтобы юноша продолжал.

— Теперь, когда вы знаете, как меня зовут и из какого я королевства, я вам скажу, что меня привело сюда.

Позвольте, ваше величество, представить вам, вашим сыновьям и вашим приближенным мою младшую сестру, благородную дочь благородного короля, нареченную невесту бесстрашного принца Йорна. — Принц Тэль низко поклонился

прекрасной смуглолицей девушке, чью руку крепко сжимал принц Йорн. — Её королевское высочество принцесса Нортландии Розанора.

Клода и его приближенных так поразило сказанное юным принцем, что долгое время они стояли не двигаясь и не произнося ни слова, будто завороженные.

На лице Клода сменились все цвета радуги, и наконец на нем появился тот румянец, который бывает у человека, привыкшего проводить время за кубком вина и на охоте.

— Музыканты, настраивайте лиры и скрипки! — возвысил голос Клод. — Слуги, накрывайте на стол да носите побольше вина! Впрочем, что там вино! Расплавьте миллион рубинов! Нет, постойте-ка! Несите лучше вино в бутылках! Все эти чудеса помутили мой разум, но я не собираюсь портить свой желудок! Принц Тэль и принцесса Розанора, я вас приветствую от всей души!

— Это беспрецедентный случай, — забубнил Королевский Летописец, — а раз беспрецедентный, его трудно, если не сказать невозможно, классифицировать, координировать и регистрировать. Мы тут столкнулись с двумя совершенно отчетливыми и не связанными между собой линиями колдовских приемов, которые частично совпа-

дают. И это совпадение в юридическом смысле и вызывает у меня искреннее сожаление. — Он продолжал бубнить, но его никто не слушал.

Заиграла музыка, забегали слуги. Все разом оживились и дружно заговорили, перебивая друг друга и громко смеясь. Королевский Волшебник устроил дождь из серебряных звездочек. В банкетном зале накрыли длинный стол, уставленный тонкими кушаньями, винами и цветами. Принц Тэль сел рядом с королем во главе стола, справа от него сидела Розанора, а слева Йорн. Король стукнул кулаком по столу так, что зазвенел хрусталь.

— Я догадался, что она принцесса, — сказал он. — Обратите внимание, как она держится и как складно говорит.

— И я догадался, — сказал Королевский Летописец. — Посмотрите, какие у неё изящные ножки.

— И я, — сказал Токко. — У неё такой высокий лоб и красивые глаза.

— Я тоже догадался. Мне это подсказывало сердце, — сказал Йорн.

Таг и Галло со злостью смотрели в свои тарелки.

— Болван ты, — сказал Таг.

— Эх ты, балбес, — сказал Галло.

Клод огляделся вокруг, будто разыскивая ко-

го-то.

— У нас тут есть глупый карлик, — сообщил он Тэлю, — который прячется в потемках, как коты.

— Как коты или как кот?

— Как коты, — повторил Клод. — Он умудряется сидеть в шести, а то и в семи углах одновременно.

— И давно он у вас? — спросил Тэль.

— Да месяца три, — ответил Клод. Он выпил кубок вина. — Пришел как-то невесть откуда, ну я и оставил его. Ухаживает за моими лошадьми и гончими. И, что самое главное, лучше меня разбирается в людях, в результате чего я задолжал этому беспризорному клоуну бочонок изумрудов. Никогда ещё я не проигрывал пари с таким легким сердцем. Я как-то привязался к этому карлику, хотя никогда этого и не показывал. Надеюсь, с ним все в порядке. — Клод поднял ещё один кубок и, осушив его, прикрыл глаза.

— Квондо исчез навсегда, — произнес Тэль голосом, который был хорошо знаком королю.

Кубок полетел на пол, а Клод, вскочив, зажмурился, потом приоткрыл один глаз и пристально посмотрел на Тэля.

-. Так вы — Квондо! — воскликнул король.

— Я им был, — сказал Тэль.

Король выпил ещё один кубок вина.

— Вино меня бодрит, — заговорил он, — в нем для меня потеха. Мне не соперник ваш отец. Ах да! — Глаза его заблестели. — И непогода не помеха. Не по душе мне всякие чудеса, друг мой, и будь я королем всех королей, я бы давно положил всему этому конец. У меня мало привлекательных качеств, Тэль, и всё, не сомневаюсь, оттого, что у меня нет дочерей. Если я обидел вас, то прошу меня простить. Колдовство покрепче вина, оно дурманит и более крепкие головы. — Он отхлебнул вина прямо из кувшина. — Лань — Розанора, а карлик — Тэль. Какая странная карусель.

Он с силой ударил по столу, призывая к тишине.

— О магия, о колдовство… — начал было Клод. Он поискал рифму, но не нашел. — В общем, и то и другое связало династии великого Клода и великого Торга. — Он сделал большой глоток из кувшина. — Нет лучшего охотника или знатока вин, чем я… Впрочем, не об этом речь. Мы тут сегодня видели чудо, которое требует некоторых разъяснений. Слово — юному Фэлю. — Он сел, но тут же с трудом поднялся. — Тэлю, — с достоинством произнес он и опустился на стул.

Все взгляды устремились на принца, лишь Таг

и Галло продолжали вполголоса переругиваться.

— Вино помутило твой разум, — говорил Таг.

— Говорю тебе, этого Дракона заводят большим ключом, — отвечал Г алло.

— Тихо! — вскричал король, и юный принц Тэль поднялся и начал рассказ о том, как он и его сестра были заколдованы.

— К моему отцу, сир, великому королю Нортландии Торгу, в дни его молодости были неравнодушны многие юные девицы, — начал принц. — Его успехи на поле брани и на охоте открыли ему путь к полусотне девичьих сердец.

— Фи! — сказал Клод. — Давайте дальше.

— И вот когда мой отец женился на принцессе, которая пришлась ему по душе, одна смуглолицая девица по имени Нагром Яф, не в силах перенести этот удар, в тот же день поклялась отомстить всему нашему роду.

Ровно один год и двадцать дней назад мы с принцессой Розанорой скакали по долине Гвейн. Когда село солнце, мы поняли, что заблудились, к тому же поднялся ветер. Взошла кривая луна, и при её свете мы увидели неподвижно лежащую в траве большую птицу, похожую на коршуна, которая то ли сдохла, то ли уснула. Не успел я сойти с коня, как эта птица медленно поднялась

и облетела вокруг нас, издавая ужасные крики, исполненные зловещего смысла. То была колдунья, подосланная Нагром Яф, и, пока мы сидели на конях, не в силах пошевелиться, она опутала нас своими страшными чарами.

Розанора тут же превратилась в лань, и её чары могли быть разрушены только в том случае, если король и три его сына совсем загонят её, но даже и тогда она не сможет вспомнить и произнести своё имя; Но в тот день и час, когда некий юный принц, отбросив все сомнения, признается в своей любви к ней, её чары разобьются, как стекляшки, брошенные о камень, и она вновь станет принцессой Розанорой.

Король Клод молча пожевывал свой ус.

— А если бы юный принц Йорн не признался в любви к ней? — спросил он.

— Если бы моя сестра обманулась в любви трижды, — ответил Тэль, — она бы так навсегда и осталась безымянной.

— Со всеми этими чарами, — сказал Королевский Летописец, — обращаются крайне небрежно.

Их надлежит внести в соответствующую книгу, поставить печать, а подпись заверить. Из всех предположений нашего закона самое важное

гласит: если документа нет, значит его нет. И если документа нет, чары считаются недействительными, юридически несостоятельными, неадекватными, ошибочными, имеющими значение только для легковерных дураков. Вышеуказанные чары, то есть чары А и Б, известным образом затрагивающие Розанору и Тэля и обозначенные нами в дальнейшем соответственно Один и Два, должны быть пересмотрены или попросту игнорированы как юридически не имевшие места, откуда следует, что если чего-то не должно было быть, а оно было, то его не было никогда. Это куда более растяжимо и полезно, чем житейская истина, утверждающая, что раз уж что-то было, так уж было.

— Скрибле, скрабле, бумес! — проговорил король.

— Мои чары, — продолжал Тэль, — были несколько иного рода. Я превратился в карлика, но с памятью ничего не случилось. Я помнил своё имя и имя Розаноры, но лишился способности произнести наши имена или рассказать кому-нибудь о нашей судьбе нормальным человеческим языком, будь то моя сестра или ещё кто-нибудь. Но в тот день и час, когда я слышу, как некий принц, отбросив все сомнения, признается в

своей любви к Розаноре, я снова стану принцем Тэлем. Если бы принцесса обманулась в любви трижды, я бы так навсегда и остался карликом Квондо.

— Как вы здесь очутились? — спросил Клод. — Как оказалась ваша сестра в нашем ужасном лесу?

— В тот год, когда с нами приключилось это несчастье, она промчалась сквозь двадцать королевств, и Квондо неотступно следовал за ней в ста лигах. Менестрели, рыцари и путешественники указывали мне дорогу, по которой умчалась самая быстроногая лань на свете, и я шел за ней следом. Зимой я потерял её, но пришел сюда, потому что много слышал о вашем чудесном лесе. В чудесном лесу всегда происходят чудеса, и в душе у меня затеплилась надежда. Ведь вы король, сир, и у вас три сына, а это одно из колдовских условий. Я ухаживал за вашими гончими и конями, чтобы не есть даром хлеб, и каждую ночь выпрыгивал из окна моей комнаты и отправлялся в чудесный лес. И наконец она появилась, молнией промчалась по лесу, среди светлячков и падающих снежинок. До этого я познакомился с лесным волшебником, могучим волшебником по имени Ро. Я не мог назвать ему

моё имя или имя Розаноры или рассказать ему о нашей злосчастной судьбе, но эти волшебники всегда сами все знают.

Однажды он явился к вам под видом менестреля и пел песни о лани, быстрой как молния…

— То-то лицо этого мошенника показалось мне тогда знакомым, — воскликнул Клод, — и я ещё говорил об этом!

Принц улыбнулся и продолжал свой рассказ:

— Каким-то хитрым образом волшебник устроил так, что Таг и Галло задержались в пути, а Йорн выполнил своё задание довольно быстро, и принцы вернулись домой не поодиночке, а все вместе.

— Это, должно быть, тот самый круглый человечек, что сидел на дереве, — сказал Таг.

— Это, должно быть, тот самый человечек в голубом, — сказал Галло.

— Это, должно быть, тот самый человечек, который рассказал мне, как насобирать тысячу вишен, — сказал Йорн.

Я знал, что здесь не обошлось без колдовства, и тогда же сказал об этом! — воскликнул Клод.

— Что-то мне не помнится, чтобы вы говорили об этом, — сказал Королевский Летописец.

— И я не помню, — сказал Токко.

— И я, — сказал Королевский Лекарь и ударил себя по коленке, проверяя, в порядке ли у него рефлексы.

— А я помню, — сказала Розанора. — «Здесь не обошлось без магии и колдовства!» — сказали вы тогда. Я хорошо это слышала.

— Она не только красавица, но и умница! — воскликнул Клод. — Я, если можно так выразиться, играю на свирели в пустыне, такие все вокруг простофили. — Он поднял кувшин с вином, который только что перед ним поставили.

— Вот и весь рассказ о том, как были заколдованы Розанора и я, — заключил Тэль. — Остальное вы знаете. — Он поклонился королю и сел.

— Да-да, играю на свирели в пустыне, — повторил Клод и уже было всхлипнул, но музыканты заиграли веселую мелодию.

Король Клод встал и поднял кубок с вином.

— Будьте счастливы! — сказал он, поклонившись Роза-норе и Тэлю, а затем Розаноре и Йорну. — И выпьем за Торга, могущественного короля наших дней. Нальем бокалы полней!

Музыканты весело заиграли, а Королевский Волшебник пустил белых голубей и устроил дождь из красных роз.

Королевский Лекарь, который совсем расчихал-

ся от голубей и роз, встал из-за стола и попятился к двери, кланяясь и чихая. Выйдя из банкетного зала, он очутился в темном коридоре. Сделав несколько шагов, он неожиданно споткнулся о спящую собаку с большими ушами и шлепнулся навзничь. Он поднялся и отправился в свою комнату, хромая, чихая и недовольно ворча.

В банкетном зале между тем играла музыка, а Волшебник пустил серебристый фонтан и осыпал всех золотистым дождем.

Старый Токко поднялся и прочитал надпись для солнечных часов, которая пришла ему в голову, когда он смотрел, как танцуют Йорн с Розанорой и Розанора с Тэлем:

Любви и времени срок вечный дан:
Голубки, роза и фонтан.

Королевский Летописец, который выпил больше вина, чем обыкновенно, декламировал законы и указы самому себе.

Голос Клода заглушал музыку и смех.

— Пойте веселее, пойте и танцуйте, да не засиживайтесь допоздна» Завтра в полдень мы едем в Нортландию. — При этом он подмигнул и зажмурился, а потом приоткрыл один глаз. — Я всё-таки берусь утверждать, что лучше смерть,

чем нортландские вина. Слыхал — их делают из гуталина. Безвкусные — как слезы черепахи, и как их только пьют монахи? Честное слово, этой жидкостью только сапоги чистить. — Он поднял кувшин своего любимого белого клодерниума. — Будем счастливы! — воскликнул он, разом осушил сосуд и отправился в свои покои сквозь смех и музыку, серебристый фонтан и золотистый дождь, розы и голубей.

На следующий день, когда солнечные часы Токко должны были показывать полдень, если только лучи смогли бы добраться до них, король, его сыновья, Розанора и Тэль, облачившись в доспехи и бряцая оружием, направились в Нортландию. Замыкали шествие сто мулов, груженных двумястами бочонками красных, белых и желтых вин.

Эпилог

С давних времен сохранился пожелтевший, весь в пыли, манускрипт, в котором говорится, что в тот день и час, когда принц Йорн сказал Розаноре: «Мое сердце принадлежит вам», раздался гром, и молния, сверкнув в чистом небе, поразила завистливую Нагром Яф и служившую ей

мерзкую колдунью, и на том месте, где они находились, стало пусто, будто их стерли с лица земли никому не ведомым диковинным стирателем.

Я ничуть не сомневаюсь в подлинности манускрипта, поскольку он снабжен печатью, а подпись на нем засвидетельствована.

ЭЛВИН УАЙТ

ВРЕМЯ ПЕРЕДЫШКИ

Когда вошел этот человек с машиной, почти все мы подняли глаза от стаканов, потому что нам никогда не доводилось видеть ничего похожего. Мужчина взгромоздил эту штуку на стойку бара, рядом с пивными кранами. Она заняла безобразно много места, и было ясно, что бармену не больно-то понравилось, что этот здоровенный, уродливый механизм оказался именно здесь.

— Два хлебных виски с водой, — сказал человек.

Бармен продолжал взбивать коктейль «ретро», приготовлением которого он как раз занимался, но при этом явно обмозговывал полученный заказ.

— Вы сказали двойной виски? — спросил он, поразмыслив.

— Нет, — сказал человек. — Два виски с водой, пожалуйста. — Он уставился прямо в глаза бармену не то чтобы неприязненно, но, с другой стороны, и не слишком дружелюбно.

Многолетнее обслуживание людей, толкущихся в салунах, наградило бармена умением приспосабливаться. Однако он не спешил при-

способливаться к этому парню, да и машина ему не нравилась — это было ясно. Он взял зажженную сигарету, без дела лежавшую на краю кассы, затянулся и глубокомысленно положил её на место. Потом он нацедил две порции хлебного виски, налил воды в два стакана и поставил напитки перед человеком. Все внимательно наблюдали. Когда в баре происходит что-нибудь, хоть немного выходящее за рамки обыденного, ощущение необычности тут же охватывает и объединяет посетителей.

Человек, казалось, не замечал, что был центром всеобщего внимания. Он положил на стойку пятидолларовый банкнот. Потом он выпил один виски и вдогонку ему стакан воды. Поднял второй стакан. Снял крышку с небольшого отверстия в машине (с виду оно было похоже на масленку) и влил виски, а затем туда же — воду.

Бармен мрачно наблюдал за ним.

— Не смешно, — произнес он ровным голосом. — К тому же ваш компаньон занимает слишком много места. Переложили бы его на лавку возле двери, здесь будет посвободнее.

— Тут всем хватит места, — возразил человек.

— Шутки в сторону, — сказал бармен. — Перекладывай эту чертову штуковину к двери, как я

тебе сказал. Никто её не возьмет.

Человек улыбнулся.

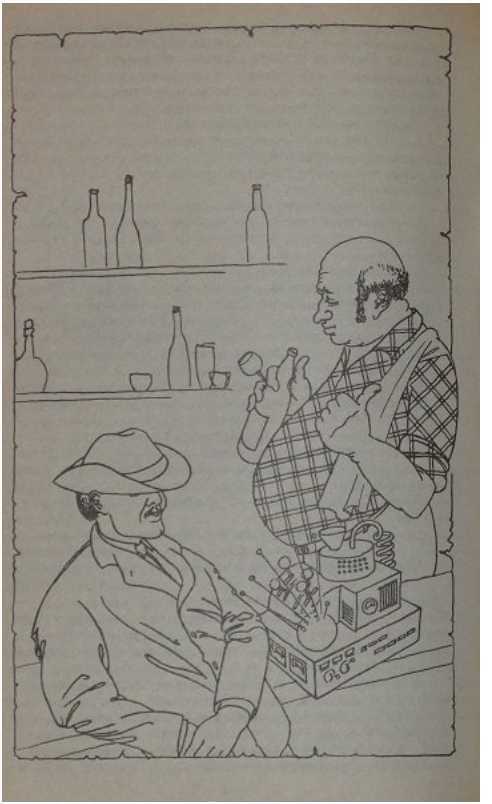
— Вы бы видели её сегодня днем, — сказал он. — Это было великолепно. Сегодня третий день чемпионата. Представьте себе — три дня непрерывной умственной работы. Да ещё против лучших игроков страны. В самом начале игры она завоевала преимущество, затем в течение двух часов прекрасно использовала его и под конец загнала короля противника в угол. Внезапный удар по коню, нейтрализация слона и все! Вы знаете, сколько всего она заработала за три дня игры в шахматы?

— Сколько? — спросил бармен.

— Пять тысяч долларов, — сказал посетитель. — И теперь ей хочется расслабиться, малость передохнуть и немножко выпить.

Бармен рассеянно вытирал полотенцем мокрые пятна на стойке.

— Забери её куда-нибудь в другое место и напои там, — сказал он твердо. — У меня и так хватает неприятностей.



Посетитель отрицательно покачал головой и улыбнулся:

— Нет, нам нравится здесь. — Он указал на

пустые стаканы. — Еще раз, пожалуйста.

Бармен медленно покачал головой. Он был озадачен, но тверд.

— Убирай эту штуку, — приказал он. — Я не наливаю надсмешникам.

— Насмешникам, — произнесла машина. — Надо говорить «насмешник».

Какой-то посетитель, сидевший у стойки чуть подальше и принимавшийся уже за третий стакан виски с содовой, был, кажется, готов поучаствовать в разговоре, к которому все мы внимательно прислушивались. Это был человек средних лет.

Узел его галстука был спущен, а воротник рубашки расстегнут. Он уже почти прикончил третий стакан, и алкоголь побуждал его протянуть руку помощи несчастным и жаждущим.

— Если машина хочет ещё выпить, дай ей ещё выпить, — сказал он бармену. — И не будем торговаться.

Владелец машины обернулся к своему новому другу и с серьезным видом приложил ладонь к виску, посылая ему салют благодарности и дружбы. Свою следующую фразу он адресовал ему, как будто нарочно пренебрегая барменом.

— Знаете, до чего хочется выпить, когда ум-

ственно вымотаешься?

— Конечно, знаю, — ответил новый друг. — Самое обычное дело.

Весь бар зашумел, некоторые принимали сторону бармена, другие — машины. Высокий хмурый мужчина, стоявший рядом со мной, заговорил:

— Еще подкисленного виски, Билл. И поменьше лимонного сока.

— Пикриновой кислоты, — угрюмо произнесла машина. — В таких заведениях не бывает лимонного сока.

— Хватит! — закричал бармен, хлопнув ладонью по стойке. — Или убирай эту штуку, или мотай отсюда. Мне не до шуток. Работы здесь по горло, и я не потерплю наглых замечаний от механических мозгов, или как оно там называется, будь оно проклято.

Владелец машины не обратил внимания на этот ультиматум. Он обратился к своему другу, чей стакан был теперь пуст.

— Дело не только в том, что она ужасно измоталась за три дня шахмат, — сказал он любезно. — Знаете, почему ещё она хочет выпить?

— Нет, — сказал приятель. — Почему?

— Она мошенничала, — признался мужчина.

При этих словах машина хихикнула. Один из её

рычагов немного опустился, и на щитке зажглась лампочка.

Приятель нахмурился. Он выглядел так, как будто достоинство его было задето, как будто доверие его было обмануто.

— В шахматах нельзя смошенничать, — сказал он. — Не-в-в-в-оз-можно. В шахматах, в них все видно, все на доске. Природа игры в шахматы такова, что мошенничество в ней невозможно.

— Я тоже так думал, — сказал человек. — Но возможность всё же есть.

— Ну, меня это нисколько не удивляет, — вмешался бармен. — Как только я увидел эту холеру, сразу понял, что мошенница.

— Два виски с водой, — сказал человек.

— Хватит с вас, — сказал бармен. Он яростно сверлил глазами механический мозг. — Откуда мне знать, может, она уже пьяна.

— Нет ничего проще. Спросите её что-нибудь, — сказал человек.

Посетители передвинулись и уставились в зеркало. Все мы по уши завязли в этом деле. Мы ждали. Был ход бармена.

— Что спросить? О чем? — сказал бармен.

— Все равно. Выберите пару больших чисел и попросите её перемножить. Пьяный не сможет

перемножить большие числа, не так ли?

Машина слегка задрожала, как будто внутренне готовясь.

— Десять тысяч восемьсот шестьдесят два умножить на девяносто девять, — со злостью произнес бармен. Нам было ясно: он выбрал две девятки, чтобы усложнить задачу.

Машина замерцала лампочками. Какая-то трубка плюнула, стрелка резко переместилась.

— Один миллион семьдесят пять тысяч триста тридцать восемь, — сообщила машина.

Ни один стакан не поднялся во всем баре. Люди сидели, мрачно уставившись в зеркало, некоторые изучали собственные лица, другие стреляли глазами в сторону человека и его машины.

Наконец какой-то моложавый посетитель с математическими способностями достал листок бумаги и карандаш и углубился в расчеты.

— Все правильно, — сообщил он через несколько минут. — Вы не можете сказать, что машина пьяна.

Теперь все уставились на бармена. Неохотно он налил две порции виски и два стакана воды. Человек выпил свой бокал. Затем он залил в машину её порцию. Лампочки на щитке немного побледнели. Один из ослабевших рычажков вяло

опустился.

Некоторое время бар покачивался, как корабль в спокойном море. Каждый из нас, казалось, старался переварить ситуацию с помощью выпивки. Множество стаканов были вновь наполнены. Большинство искало помощи в зеркале — в этой последней апелляционной инстанции.

Парень с расстегнутым воротником расплатился. Он сделал несколько деревянных шагов и встал между человеком и машиной. Одну руку он положил на плечо человеку, другой обнял машину.

— Пошли отсюда и поищем хорошее местечко, — сказал он.

— Ладно, — согласился человек. — Годится. Мой автомобиль стоит на улице.

Он расплатился за выпивку и положил чаевые. Мягко и немного неуверенно он взял машину под мышку. Затем он и его новый знакомец вышли на улицу.

Бармен проводил их пристальным взглядом и снова принялся за свои несложные обязанности.

— Значит, снаружи у него автомобиль, — сказал он с мрачным сарказмом. — Просто потрясающе!

Посетитель, сидевший в конце стойки, у двери, отставил свой стакан, подошел к окну, раздви-

нул занавески и выглянул наружу. С минуту он смотрел на улицу, затем вернулся на своё место и обратился к бармену:

— Это ещё более потрясающе, чем вы думаете, — сказал он. — У него «кадиллак». И кто из них троих, по-вашему, сел за баранку?

ДЖОН ЧИВЕР

ПЛОВЕЦ

То был воскресный день вершины лета, один из тех дней, когда все вокруг приговаривают: «Я выпил лишнего вчера». Вам, быть может, слышится, как это шепчут прихожане, покидая церковь, это слышится из уст самого священника, который с трудом стягивает с себя облачение в ризнице, это слышится с поля для гольфа и с теннисных кортов, это слышится и в заповеднике, где от ужасного похмелья страдает руководитель группы общества Одюбона[84].

«Я выпил лишнего», — сказал Дональд Уэстерхейзи. «Мы все выпили лишнего», — сказала Люсинда Меррил. «Да, это все вино, — вступила Элен Уэстерхейзи, — я слишком много выпила этого красного».

Они сидели у бортика бассейна Уэстерхейзи. Бассейн питался из артезианского колодца с высоким содержанием железа, и оттого вода была в нем чуть зеленоватой. Стоял прекрасный день. На западе повисли кучевые облака, совсем как город, видимый издали — с носа прибли-

---

[84] Примечания: 84
Общество Одюбона — общество охраны природы в США.

жающегося корабля. У него должно быть имя. Лиссабон или Хакенсак[85]. Припекало солнце. Недди Меррил наклонился над зеленой водой, опустив в неё руку. В другой был стакан джина. Стройный мужчина, он все ещё казался юным, хотя был уже в годах. Но ведь это он сегодня утром съехал по перилам лестницы собственного дома, шлепнул по бронзовому заду Афродиту[86] в зале и устремился на запах кофе в столовую. Его сравнить бы можно с летним днем[87], особенно с последними его часами; даже без теннисной ракетки или сумки из парусины он вызывал ощущение юности, бодрости и хорошей погоды. Он только что плавал и теперь глубоко и тяжело дышал, как будто собирался вдохнуть в себя всё то, что составляло этот миг, — и солнечный жар, и острое наслаждение жизнью.

Это все, казалось, переполняло его грудь. Его собственный дом находился в Буллет-Парке, миль восемь южнее, и там, наверное, четыре его

---

[85] Примечания: 85

Хакенсак — городок в США, расположенный недалеко от Нью-Йорка.

[86] Примечания: 86

Афродита — в греческой мифологии богиня любви и красоты.

[87] Примечания: 87

Его сравнить бы можно с летним днем… — скрытая цитата из 16-го сонета Шекспира.

красавицы дочери уже играют в теннис после ленча. Тогда ему пришло в голову совершить путешествие домой вплавь — для этого надо было сделать зигзаг, держа на юго-запад.

Его свободу никто не ограничивал, и потому его восторг от собственной выдумки нельзя объяснить тягой к бегству. Глазом картографа он уже, казалось, обозревал извивы лишь изредка выходящей наружу подземной реки, которую составляли бассейны всей округи. Он сделал открытие, это его вклад в современную географию, и назовет он эту реку по имени жены: Люсинда. Он не был ни заядлым шутником, ни чудаком, но навсегда решил быть не таким, как все, смутно и скромно представляя себя героем из легенды. День был прекрасен, и ему представилось, что дальний заплыв в состоянии продлить и прославить эту красоту.

Он сбросил с плеч свитер и нырнул. Отчего-то он презирал мужчин, не бросавшихся в воду с разгона. Плавал он быстрым кролем, делая вдох на каждом четвертом гребке, где-то в глубине сознания отсчитывая согласно взмахам рук: раз-два, раз-два. На длинных дистанциях этот стиль не годится, но одомашненное плавание навязывает спорту свои обычаи, и в этом мире

обычен кроль. Очутиться в объятиях нежно-зеленой воды было не просто наслаждением, это казалось возвратом в первобытное состояние, поэтому Недди предпочел бы плыть нагишом, но это было невозможно из-за особенностей его плана. Он взобрался на дальний бортик он никогда не пользовался лесенкой — и пустился в путь по траве. На вопрос Люсинды, куда он собрался, он ответил, что собрался вернуться домой вплавь.

Карты и лоции, по которым ему предстояло путешествовать, существовали лишь в его памяти или воображении, но были достаточно четкими. Сначала будут Грэмы, Хаммеры, Лиры, Хоулэнды и Кросскапы. Ему надо пересечь Дитмар-стрит по направлению к Банкерам, затем пеший переход к Леви, а потом Уэлчеры и общественный бассейн в Ланкастере. И уж после Хэллораны, Саксы, Бисвенгеры, ШирЛи Адамс, Гилмартины и Клайды. Прелестный день и щедро одаренный влагой край казались ему милостью и благом. Душа радовалась, и он побежал по газону. Возвращение домой по неизведанному пути вселяло в него ощущение особой его судьбы, он видел себя пилигримом, первооткрывателем. Он знал, что встретит на своем пути друзей, дружественные племена населяли берега Люсинды.

Он пробрался сквозь живую изгородь, разделявшую владения Уэстерхейзи и Грэмов, прошагал под цветущими яблонями, мимо навеса, где находились фильтр и насос Грэмов, и вышел к их бассейну.

— О, да это Недди, — воскликнула миссис Грэм, — какой чудесный сюрприз! Я пытаюсь дозвониться до вас все утро. Позволь, я налью тебе чего-нибудь.

Как и всякий первооткрыватель, он понимал, что обычаи и традиции аборигенов требуют дипломатичного обращения, если он собирается достичь своей цели. Он не хотел вводить в заблуждение Грэмов или оказаться невоспитанным, как не хотел и терять у них время. Он проплыл бассейн во всю его длину и присоединился к загорающим на солнце хозяевам, а через несколько минут настало избавление — приехали две полные машины с приятелями из Коннектикута. Под шум встречи он ускользнул. Он прошел мимо фасада грэмовского особняка, перешагнул терновую ограду и пересек пустующий участок на пути к Хаммерам. Миссис Хаммер, оторвавшись от своих роз, видела, как он проплыл, хотя она и не знала точно, кто это. Лиры слышали его бултыханье через открытые

окна гостиной. Хоулэндов и Кросскапов не было дома. Оставив позади земли Хоулэндов, он пересек Дитмар-стрит и направился к Банкерам. Даже издали было слышно, что у них гости.

Звуки разговоров и смеха отталкивались от воды и будто повисали в воздухе. Бассейн у Банкеров помещался на горке, и ему пришлось подняться на террасу, где человек двадцать пять — тридцать выпивали. Один-единственный был в воде — Расти Тауэрс плескался на резиновом матрасе. Как хороши, как пышны были берега Люсинды! У сапфировых её вод собирались процветающие люди, и официанты в белых куртках разносили им холодный джин. А наверху красный учебный самолет кружился, и кружился, и кружился по небу, как будто ликующий на качелях ребенок. Нед почувствовал внезапно нахлынувшую нежность к окружающим людям и страстную любовь к этому мгновению так; словно до всего мог дотронуться кончиками пальцев. Издалека услышал он звуки грома. Как только его заметила Энид Банкер, она заверещала: «Ах, посмотрите, кто пришел! Какой чудесный сюрприз! Когда Люсинда сказала, что вы не можете прийти, я думала — умру». Она пробралась к нему сквозь толпу, и они расцеловались. Затем она потащила

его к бару, и по пути ему пришлось целовать восемь или десять женщин и жать руки их мужьям. Улыбающийся бармен, которого он сотню раз видал на вечеринках, налил ему джина с тоником, и он на миг застыл у стойки, стараясь не встревать в разговоры, — задержка в пути была нежелательной.

Когда показалось, что его совсем уж обступили, он прыгнул в воду и поплыл поближе к бортику, дабы избежать столкновения с матрасом Расти. У дальнего конца бассейна он проскочил мимо Томлинсонов, широко им улыбаясь, и бодрой трусцой побежал по садовой тропинке. Гравий колол ему ноги, но это была единственная неприятность. Гости были прикованы к бассейну, их звонкие, водяные голоса постепенно исчезали, когда он шел к дому Банкеров. Из их кухни доносился шум радиопередачи, кого-то Интересовал бейсбольный матч. Воскресный полдень был уже позади. Нед пробрался между машинами и вниз через полоску травы вышел на Эйлуайвз-Лейн. Нежелательно было, чтобы его видели в плавках на дороге, но движения не было, и через некоторое время он очутился на проезде к дому Леви, отмеченном табличкой «частная собственность» и зеленым почтовым ящиком

для «Нью-Йорк таймс». Все двери и окна особняка были открыты, но не было никаких признаков жизни, даже собака не лаяла. Он пошел вокруг дома к бассейну и увидел, что Леви только что уехали. Стаканы, бутылки и блюда с орешками стояли на столе у глубокого края, где высилась купальня или застекленная веранда, увешанная японскими фонариками. Проплыв бассейн, он взял стакан и налил себе выпить. Четвертый или пятый раз он пил, а позади уже почти половина Люсинды. Он ощущал усталость, собственную чистоту и наслаждение от возможности побыть одному; всем вокруг он наслаждался в этот миг.

Собиралась гроза. Кучевые облака — тот самый город — выросли и потемнели, а пока он сидел, опять послышалось громыхание грома. Учебный самолетик по-прежнему кружился вверху, и Неду показалось, будто он слышит в полуденном небе радостный смех пилота; но когда раздался ещё один раскат грома, самолет отправился домой. Свистнул поезд, заставив задуматься о времени. Который теперь час? Четыре? Пять? Он представил местную станцию в такое время: официант в смокинге под плащом, карлик с цветами, завернутыми в газету, и женщина с заплаканными глазами ожидают электричку. Вдруг потемнело.

Наступил тот миг, когда крошечные пташки начинают свой концерт, пронзительно предчувствуя приближение грозы. И вот с верхушки дуба за его спиной раздался ясный звук хлынувшей воды, словно повернули кран. Затем эти журчащие звуки донеслись с верхушек всех высоких деревьев. Ну почему он так любит грозу, в чём секрет того возбуждения, которое охватывает его всякий раз, когда входная дверь распахивается настежь и несущий дыхание дождя ветер врывается по лестнице наверх?

Почему такое простое дело — захлопнуть окна старого дома — кажется таким нужным и значительным, почему первые звуки грозы безошибочно узнаются им как вести добра, веселья и счастья? Грянул взрыв, запахло порохом, и плети дождя захлестали по японским фонарикам, которые миссис Леви купила в Киото в позапрошлом году. Или это было годом раньше?

Он оставался на веранде Леви до окончания грозы. Дождь остудил воздух, и Недди бросило в дрожь. Ветер сорвал с клена красные и желтые листья и разбросал их по траве и по воде. Один из кленов, вероятно, сохнет, но при виде этих знаков осени среди лета он почувствовал особенную грусть. Он обхватил себя за плечи,

опустошил стакан и тронулся в путь к бассейну Уэлчеров. Чтобы добраться туда, необходимо было пересечь площадку для верховой езды, принадлежавшую Линдлеям. И он был поражен, что все препятствия разобраны, а площадка заросла травой. То ли хозяева продали своих лошадей, то ли уехали на лето, оставив их за плату где-нибудь. И он, казалось, что-то слышал о Линдлеях и их лошадях, но память подводила. Босиком по высокой мокрой траве Недди дошел до бассейна Уэлчеров — он был пуст.

Такая брешь в цепи бассейнов огорчила его своей нелепостью, и он понял, что должен чувствовать первооткрыватель, находя вместо обильного источника высохшее русло. Он был огорчен и в то же время озадачен. Обычно кто-то уезжал на лето, но воду из бассейна не спускали никогда. Уэлчеры, определенно, выехали насовсем. Складная мебель была аккуратно собрана в одном месте и покрыта брезентом. Купальня заперта. Все окна в доме наглухо закрыты, а свернув в проезд перед фасадом, он на дереве увидел объявление: «Продается…» Когда же он в последний раз получил известие от Уэлчеров, то есть когда он и Люсинда в последний раз отказались отобедать у них? Казалось, это было всего неделю

или около того назад. Подводила ли память, или он так вымуштровал её в подавлении неприятных воспоминаний, что теперь утратил всякое представление об истине? Вдруг издалека он услышал звуки теннисных ударов. Это подбодрило его и избавило от мрачных предчувствий; его не пугали теперь хмурое небо и холодный ветер. Это был день, когда Недди Меррил проплыл через всю округу. Что это был за день! И он отправился в свой самый трудный переход.

Если вы в тот воскресный день проезжали мимо, то, быть может, видели его, почти нагого; на обочине шоссе № 424 он ждал возможности перейти дорогу.

Быть может, вы гадали, кто перед вами — жертва ли ограбления или автомобильной катастрофы или просто безумец. Босой посреди придорожного мусора — среди банок из-под пива, тряпья и старых автопокрышек, — незащищенный перед насмешками, он казался жалким. Пускаясь в путь, он знал, что придется пройти и через это препятствие — оно было отмечено на его картах, — но столкновение с нескончаемым потоком сверкающих на солнце машин застало его врасплох. Издевки, шутки щедро осыпали его, кто-то швырнул в него банку из-под пива,

и ничто не могло помочь ему — ни чувство собственного достоинства, ни чувство юмора. Он мог бы вернуться к Уэстерхейзи, где Люсинда все ещё нежилась на солнце. Ведь он ни обещаний, ни обетов, ни клятв никому не давал — даже себе. Почему, зная, что здравый смысл легко преодолевает всякое человеческое упрямство, не повернул он назад? Почему решил завершить своё путешествие, даже если бы жизнь его была под угрозой? В какой момент эта шалость, эта шутка, эта сумасбродная затея приобрела серьезность? Он не мог вернуться, он даже не мог воскресить в памяти зеленоватую прозрачность воды в бассейне Уэстерхейзи и заново вдохнуть в себя все то, что составляло этот день. Уже не вспомнить беззаботные голоса приятелей, повторяющих, что кто-то выпил лишнего. Всего лишь час прошел, немногим больше или меньше, но путь, пройденный в этот час, сделал возвращение невозможным.

Старик, едущий в машине со скоростью около пятнадцати миль в час, позволил ему ступить на траву разделительной полосы. Там он подвергся насмешкам тех, кто ехал на север, но минут через десять-пятнадцать одолел и это препятствие. Отсюда нужно было чуть-чуть пройти до зоны отдыха на окраине Ланкастера, где помещались

гандбольные поля и общественный бассейн.

Голоса над водой, иллюзия великолепия и беспокойства — все так напоминало дружескую встречу у Банкеров, но звуки здесь были громче, грубее и пронзительнее, а как только он влился в толпу вокруг бассейна, ему пришлось столкнуться с общественным порядком. «ВСЕ ПЛОВЦЫ ПЕРЕД ВХОДОМ В БАССЕЙН ДОЛЖНЫ ПРИНЯТЬ ДУШ. ВСЕ ПЛОВЦЫ ДОЛЖНЫ ПРОЙТИ САНОБРАБОТКУ НОГ. ВСЕ ПЛОВЦЫ ДОЛЖНЫ ИМЕТЬ ПРИ СЕБЕ ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК». Он принял душ, сполоснул ноги в белесом едком растворе и пробился к воде. Она воняла хлоркой и напоминала о канализации. Двое спасателей на вышках свистели в полицейские свистки, казалось, через равные промежутки времени и ругали пловцов в мегафон.

С тоской вспомнил Недди небесно-голубую воду в бассейне Банкеров; окунувшись в эту мутную жижу, он подумал, что под угрозой его индивидуальность его богатство и его обаяние, но он напомнил себе, что он — первооткрыватель и пилигрим, а это — всего лишь застойная излучина реки Люсинды. Он с отвращением на лице погрузился в эту хлорированную воду и поплыл, пытаясь держать голову над водой и избегать

столкновений, но его тотчас же обрызгали, толкнули и сзади и сбоку. Когда он достиг мелкого края бассейна, на него закричали оба спасателя: «Эй, ты, ты, без опознавательного знака, вон из воды!»

Он выбрался из бассейна, его никто не преследовал. Он проскочил вонь хлорки и крема для загара, пробрался через штормовое ограждение и, миновав гандбольные поля и дорогу, вступил в лесочек на земле Хэллоранов. Лес был запущенный, идти босиком по нему было не только трудно, но и опасно. Наконец он достиг лужайки и подстриженных буков, служивших оградой вокруг бассейна.

Пожилая и дьявольски богатая чета Хэллоранов принадлежала к кругу приятелей Недди. Им казалось лестным, что их подозревают в симпатиях к коммунизму. Рьяные сторонники любых реформ, коммунистами они, конечно, не были, но когда их в этом обвиняли — а такое случалось, — это, видно, радовало и волновало их. Буковые деревья все пожелтели, и он решил, что они тоже засыхают, как и клен у Леви. Чтобы предупредить Хэллоранов о своем вторжении, он закричал: «Привет, привет!» Хэллораны по неизвестным ему причинам купались нагишом. И это было

частью их неуклонного стремления к реформам, поэтому он снял из вежливости плавки, перед тем как появиться у бассейна.

Миссис Хэллоран, полная седая женщина с безмятежным лицом, читала «Таймс». Мистер Хэллоран черпаком доставал опавшие листья из воды. Приход Недди, казалось, никак не коснулся их. Бассейн у них был, наверное, самый старый в округе, сложенный из необтесанных камней, питался он из настоящего ручья без всяких фильтров и насосов, и оттого вода была в нем темно-золотистого цвета.

— Я решил переплыть всю округу, — сказал Нед.

— Ну, я даже не подозревала, что это возможно! — воскликнула миссис Хэллоран.

— Начал я от Уэстерхейзи, — сказал Нед. — Наверное, мили четыре будет.

Он оставил свои плавки у глубокого края, прошел к противоположному и проплыл бассейн из конца в конец. Когда он вылезал из воды, то услышал слова миссис Халлоран:

— Мы ужасно огорчились, узнав о всех ваших несчастьях, Недди!

— Мои несчастья? — переспросил Нед. — Я не знаю, что вы имеете в виду.

— Ну, мы слышали, вам пришлось продать дом, и ваши бедные детки…

— Что-то не припомню, чтобы я продавал свой дом, — отозвался Нед, — и девочки сейчас там.

— Да, — вздохнула миссис Хэллоран, — да, конечно… — Её голос звучал не по-летнему грустно, и Нед живо прервал её:

— Благодарю за воду.

— Ну что ж, счастливого пути, — попрощалась миссис Хэллоран.

За оградой он натянул плавки, они стали ему велики, и он изумился: неужели за какие-то полдня мог так похудеть? Он замерз и устал, а голые Хэллораны с их темной водой привели его в уныние. Это плавание оказалось ему не по силам, но разве мог он это знать, съезжая утром по перилам или загорая у бассейна Уэстерхейзи? Руки и ноги были как резиновые, плохо слушались, все суставы ныли. Хуже всего то, что он промерз до костей и чувствовал, что никогда больше не согреется. Вокруг него падали листья, издалека донесся запах костра. Кто это жжет костер в такое время года?

Ему необходимо было выпить. Виски согреет его, взбодрит, даст ему силы преодолеть остаток пути, напомнит о том, что он не такой, как все, что

он совершает доблестное путешествие по округе вплавь. Пловцам через Ла-Манш дают коньяк. И ему необходим был какой-нибудь стимулятор. Он прошел лужайку перед особняком Хэллоранов и по тропинке спустился к дому, который они выстроили для своей единственной дочери Элен и её мужа Эрика Сакса. Элен и её муж были у своего маленького бассейна.

— О, Недди, вы были на ленче у мамы? — спросила его Элен.

— Право, нет, — ответил Нед, — я лишь заглянул к вашим родителям.

Это показалось достаточным объяснением.

— Простите, ради Бога, за вторжение, но я замерз и не отказался бы чего-нибудь выпить.

— Я с удовольствием, — сказала Элен, — но у нас в доме нет ничего спиртного с тех пор, как Эрику сделали операцию три года назад.

Неужели он утрачивает память, а его дар скрывать от себя неприятные вещи заставил его забыть, что ему пришлось продать свой дом, что дети его в беде и что приятель его серьезно болен? Он скользнул взглядом с лица Эрика на его живот, где заметил три бледных шва, два из них сантиметров по тридцать длиной. Пупок исчез. Что должен испытывать человек, подумал

Недди, в постели в три часа утра, бессознательно проводя рукой по всему, что даровано ему природой, и не находя пупка, не ощущая всеобщей связи рождений.

— Я уверена, вы сможете выпить у Бисвенгеров, — сказала Элен, — у них сейчас грандиозная пьянка, даже отсюда слышно!

Она подняла голову, и через дорогу, через лужайки, сады, леса и поля он услышал опять звон голосов над водой.

— Ну что ж, пойду мокнуть дальше, — сказал он, чувствуя, что утратил свободу выбора и ему надо плыть. Он нырнул в холодную воду Саксов и, задыхаясь, еле держась на воде, поплыл из одного конца бассейна в другой.

— Люсинда и я ужасно хотели бы видеть вас, — бросил он через плечо, направляясь к Бисвенгерам. — Жаль, мы давно не встречались, но мы пригласим вас на днях.

Он брел по полям на звуки пирушки у Бисвенгеров. Они будут удостоены чести угостить его, они обрадуются возможности угостить его, да они будут просто счастливы угостить его. Бисвенгеры приглашали их с Люсиндой на обед по четыре раза в год, всегда загодя, недель за шесть до намеченного дня. Меррилы даже не отвечали им, но те

упорно присылали свои приглашения, не желая замечать косные аристократические условности общества. Это были такие люди, что за коктейлем обсуждают цены, за ужином обмениваются деловыми советами, а после ужина рассказывают грязные анекдоты в смешанной компании. Они не принадлежали к кругу Недди, Люсинда им даже открытку на рождество не посылала. Он подходил к их бассейну со смешанным чувством безразличия, одолжения и какой-то неловкости. Тем временем смеркалось, а ведь это самые длинные дни в году. У Бисвенгеров было шумно и многолюдно. Грейс Бисвенгер могла пригласить кого угодно: оптика и ветеринара, агента по продаже недвижимости и зубного врача. В бассейне не было ни души, а вода в сумерках поблескивала совсем по-зимнему.

Он направился к стойке бара. Когда хозяйка увидела его, она пошла навстречу, однако не с доброжелательным видом, на какой он вправе был рассчитывать, а враждебно.

— Ну что ж, все гости в сборе, — провозгласила она, — даже незваные.

Это его не задело, настолько разными были их места на общественной лестнице.

— Дает ли право на выпивку положение незва-

ного гостя? — вежливо спросил он.

— Делайте все что угодно, — сказала она, — ведь вы, кажется, не обращаете внимания на приглашения.

Она повернулась к нему спиной, заговорив с кем-то из гостей, а он подошел к бару и заказал виски. Бармен налил ему, но сделал это нарочито грубо. Недди знал свой мир, в нем место определялось отношением прислуги, и если нанятый на время бармен так обращается с ним, значит, он и в самом деле утратил свой престиж. Или, может быть, этот парень — новичок и не знает, кто перед ним. За его спиной Грейс говорила кому-то: «В один день они разорились и ни… чего кроме заработка… И вот как-то в воскресенье он заявляется пьяный и просит взаймы пять тысяч долларов…» Вечно она о деньгах. Это похуже, чем есть горошек с ножа. Он нырнул в бассейн, проплыл его и удалился.

Оставалось всего три бассейна в его списке, следующий принадлежал его давнишней любовнице Ширли Адамс. Она вознаградит его за все, что претерпел он у Бисвенгеров. Любовь, точнее, сексуальные забавы — вот панацея от всех его невзгод, и эта яркая пилюля болеутоляющего средства вернет энергию весны его походке, а

радость жизни — сердцу. У них была интрижка — на прошлой неделе, в прошлом месяце, в прошлом году. Ему уже не вспомнить. Ведь это он первый бросил её, он одержал верх, и он шагнул в проход к бассейну, полный самоуверенности. Казалось, этот бассейн принадлежит ему — по праву любовника, ведь любовник, особенно тайный, наслаждается властью, недоступной законному супругу. Она была там, у края лазурной воды; но её фигура, её медного цвета волосы не пробуждали в нем никаких воспоминаний. Это была легкая интрижка, подумал он, хотя она и проливала слезы, когда он её бросил. Казалось, её смутило появление Неда, и он подумал, что она все ещё страдает. Не дай Бог, опять будет рыдать!

— Чего тебе нужно? — спросила она.

— Я переплываю всю округу.

— Боже мой, когда ты наконец остепенишься?

— А в чём дело?

— Если ты за деньгами, — сказала она, — то я не дам тебе больше ни цента.

— Ну, а выпить-то дашь?

— Я не одна…

— Что ж, я пошел.

Он нырнул и проплыл весь бассейн, но, когда попытался подтянуться, ухватившись за бортик,

почувствовал, что силы покинули его, — пришлось шлепать по воде до лестницы и выбираться по ней. Оглянувшись, он заметил в освещенной купальне молодого человека. Выбравшись в темноте на лужайку, он ощутил запах хризантем или ноготков — совсем осенний аромат, такой резкий в ночном воздухе, как запах бензина. Запрокинув голову, увидел он высыпавшие звезды, но почему там оказались Андромеда, Цефей и Кассиопея?[88]

Куда же девались созвездия июня? И он заплакал.

Наверное, в первый раз в своей взрослой жизни он плакал. Несомненно, в первый раз в жизни он почувствовал себя таким несчастным, замерзшим, усталым и потерянным. Он не мог догадаться, почему так грубо вел себя с ним бармен и почему так грубо обошлась с ним его любовница, которая когда-то умоляла его на коленях и слезами орошала его брюки. Он слишком долго плыл, он слишком долго был в воде, и оттого саднило нос и горло. Все, что ему необходимо, — это выпить, и друга рядом, и чистую сухую одежду. Но вместо того чтобы прямо через

[88] Примечания: 88

Андромеда, Цефей и Кассиопея — созвездия, которые появляются над горизонтом на широте Нью-Йорка в сентябре — октябре.

дорогу направиться к своему дому, он побрел к бассейну Гилмартинов. Здесь, в первый раз в жизни, он не нырнул, а сполз по ступенькам в ледяную воду и поплыл неловко на боку — так он когда-то начинал учиться плавать. Пошатываясь от усталости, он достиг бассейна Клайдов и, шлепая одной рукой, плыл, другой хватаясь за бортик. Он вскарабкался по лестнице и подумал, хватит ли у него сил добраться домой. Он сделал, что задумал, он проплыл всю округу, но изнеможение притупило его ум и чувства, так что победа казалась сомнительной. Ссутулившись, хватаясь за столбики у ворот, он поднимался по дороге к своему собственному дому.

Света не было. Неужели настолько поздно, что все они уже в постели? Или Люсинда осталась ужинать у Уэстерхейзи? А может, и дочери с ней или уехали куда-нибудь ещё? Неужели нарушили свой обычай по воскресеньям оставаться дома и приняли одно из приглашений? Он попытался открыть ворота гаража и посмотреть, какие из машин на месте, но ворота были заперты, а на руках остались ржавые следы от ручек.

Подходя к дому, он заметил, что гроза сорвала с крыши водосточный желоб. Он свисал над входной дверью, как сломанная спица зонтика, но это

можно будет утром поправить. Дом был заперт, и он подумал, что эта дура кухарка или эта дура служанка, должно быть, заперли все двери, пока не вспомнил, что уже давно у них нет ни кухарки, ни служанки. Он закричал, стал колотить в дверь, пытаясь открыть её плечом, и вдруг увидел, заглянув в окно, что дом совершенно пуст.

ГЕНРИ КАТТНЕР

ЖИЛИЩНАЯ ПРОБЛЕМА

Жаклин утверждала, что там — канарейка, а мне казалось куда более вероятным, что в клетке, накрытой куском материи, живут попугайчики. Не может же одна канарейка так шуметь. И потом, мне нравилось думать, что наш мрачный мистер Хенчард держит парочку влюбленных попугайчиков — это так не вязалось с его обликом. Но кто бы там ни жил в клетке, стоящей у окна, наш квартирант старательно прятал его — или их — от посторонних глаз. Нам оставалось только догадываться по звукам.

А в них не так-то легко было разобраться. Из-под кретоновой накидки доносилось шуршание, шарканье, иногда негромкие непонятные щелчки, а раза два короткие удары, от которых сотрясалась подставка из красного дерева. Мистер Хенчард, видимо, догадался, что нас разбирает любопытство. Но когда Джеки заметила, что, должно быть, очень приятно держать дома птичек, он только буркнул в ответ:

— Чушь! Оставьте клетку в покое, ясно?

Нас это, честно говоря, здорово разозлило. Мы вообще не суемся в чужие дела, а после такой

отповеди холодно отказывались даже смотреть в сторону кретоновой накидки. Кроме того, нам бы не хотелось потерять мистера Хенчарда. С жильцами в то время было на редкость трудно. Наш домик стоял у прибрежного шоссе, по соседству с десятком-другим таких же, да были ещё поблизости продуктовый магазин, винная лавка, почта и ресторанчик Терри. Вот вам и весь городок. По утрам мы с Джеки тратили целый час, чтобы добраться на автобусе до своего завода.

Домой возвращались совершенно измотанные. Нанять прислугу было почти невозможно — на военных заводах платили куда лучше, — так что чисткой и уборкой мы занимались сами. Что же касается кормежки, мы были у Терри самыми надежными клиентами.

Получали мы довольно много, но приходилось расплачиваться с довоенными долгами, а на это зарплаты не хватало. Поэтому-то мы и сдали комнату мистеру Хенчарду. В таком глухом месте, где и автобусы почти не ходят, да ещё при обязательном на побережье затемнении, заполучить жильца было совсем не просто. Мистер Хенчард подходил нам по всем статьям. С таким пожилым человеком, решили мы, особых хлопот не будет.

В один прекрасный день он явился к нам и

заплатил аванс; потом привез свои вещи — большой саквояж и квадратную матерчатую сумку с кожаными ручками. Он был крепкий ещё старичок с коротким жестким ежиком седых волос и лицом, как у Карабаса-Барабаса, только слегка подобрее. Скандалил он редко, зато ворчал не переставая. Мне казалось, что он почти всю жизнь провел в меблированных комнатах, ни во что не вмешивался и непрерывно курил сигареты, вставляя их в свой длинный черный мундштук. Но он был не из тех одиноких старичков, которых всегда хочется пожалеть, ничего подобного! Денег у него хватало, и он вполне мог о себе позаботиться. Нам он сразу понравился. Однажды, расчувствовавшись, я даже назвал его «папашей», но слышали бы вы, как он мне на это ответил.

Бывают люди везучие от рожденья. Мистер Хенчард был как раз из таких. Он то и дело подбирал на улице оброненные деньги. Когда мы играли в домино или покер, он делал ходы почти не раздумывая и всегда выигрывал. Он не жульничал, ему просто везло.

Помню, как-то раз мы спускались по длинной деревянной лестнице, которая ведет с вершины утеса к пляжу. Мистер Хенчард пнул носком

ботинка здоровенный камень, лежавший на ступеньке. Камень покатился вниз и вдруг проломил одну из досок. Она оказалась совсем гнилой. Было ясно, что, если бы мистер Хенчард, который шел первым, наступил на неё, обрушилась бы вся лестница.

В другой раз я ехал с ним в автобусе. Только мы сели, неожиданно заглох мотор. Водитель отъехал к обочине. И в ту же секунду у машины, которая мчалась навстречу по шоссе, отлетело колесо, и её занесло в кювет. Если бы мы вовремя не остановились, было бы лобовое столкновение. А так никто не пострадал.

Мистер Хенчард не казался одиноким. Днем он, полагаю, куда-нибудь выходил, а по вечерам в основном сидел у окна в своей комнате. Мы, конечно, стучали, когда приходили убирать, и иногда он говорил: «Подождите». Из-за двери доносилась торопливая возня и шуршание кретона, который набрасывали на клетку. Мы пытались отгадать, что там за птичка, и прикидывали, может ли она быть фениксом. Она никогда не пела. Она издавала звуки. Странные, тихие, иногда совсем не птичьи звуки. По вечерам, вернувшись с работы, мы неизменно заставали мистера Хенчарда в его комнате. Он не выходил, пока мы

убирали. По выходным он всегда оставался дома.

А в этой клетке…

Однажды вечером мистер Хенчард вышел из своей комнаты, вставляя в мундштук сигарету, и оглядел нас с ног до головы.

— Мгм, — сказал он. — Вот что. Мне надо съездить на Север. Уладить кое-какие дела. Вернусь через недельку. За комнату буду платить по-прежнему.

— Да, конечно, — поспешила ответить Джеки. — И мы можем…

— Чушь, — отрезал мистер Хенчард. — Комната моя. Хочу — оставляю её за собой. Разве не так?

Мы согласились, что так, и он в одну затяжку выкурил половину сигареты.

— М-м… Да, вот ещё что. Раньше у меня была машина, и свою клетку я всегда возил с собой. На этот раз я поеду на автобусе, так что придется оставить её здесь. Вы вели себя как порядочные люди, не лезли не в своё дело. Вам можно доверять. Я оставлю клетку у вас, но попробуйте только до неё дотронуться!

— Но канарейка… — Джеки поперхнулась. — Что же она будет есть?

— Ах канарейка? — Мистер Хенчард так и впился в неё маленькими змеиными глазками. —

Ничего, не волнуйтесь. Я оставлю ей корм и воду. На все время. Ваше дело держаться подальше. Можете убирать комнату, когда нужно, но не смейте прикасаться к клетке. Понятно?

— Нас это устраивает, — ответил я.

— Так не забывайте, что я вам сказал, — рявкнул мистер Хенчард.

Когда на следующий день мы вернулись домой, мистера Хенчарда уже не было. Мы вошли в его комнату и увидели приколотую к кретону бумажку, на которой было написано: «Не трогать, ясно?» Из клетки послышалось «фррр». А потом чуть слышный хлопок.

— Да ну её, — сказал я. — В душ пойдешь?

— Ага, — отозвалась Джеки.

«Фрррррррр», — донеслось из клетки. Только это были не крылья. — «Бум!»

На следующий день я сказал:

— Корма-то он, может, и достаточно оставил, но вода небось уже кончается.

— Эдди! — остановила меня Джеки.

— Ну да, меня разбирает любопытство, но не это главное. Птичкам, может, нечего пить…

— Но ведь мистер Хенчард сказал…

— Ну ладно, ладно. Пойдем к Терри, выясним, как там обстоят дела с бараньими котлетками.

А на следующий вечер… Ну, в общем, мы подняли накидку. Я и по сей день считаю, что мы сделали это не столько из любопытства, сколько от беспокойства. Джеки сказала, что когда-то знала человека, который бил свою канарейку.

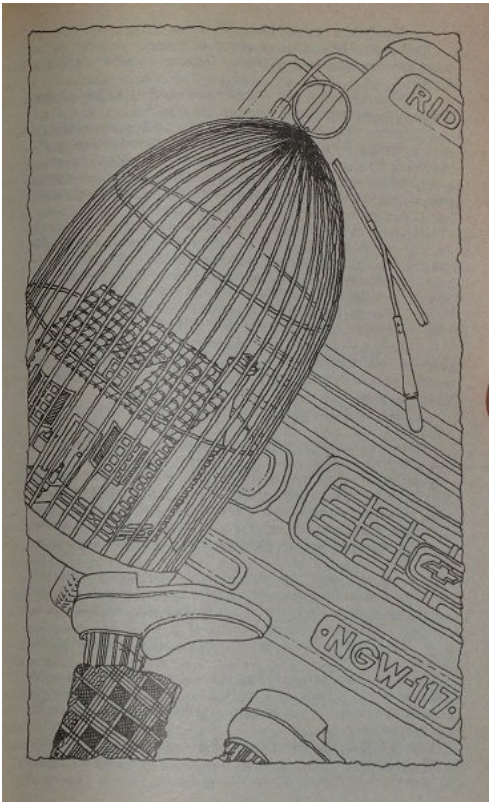
— А вдруг окажется, что бедняжка закована в цепи, — предположила она, смахивая пыль с подоконника за клеткой. Я выключил пылесос. «Пшш-топ-топ-топ», — раздалось из-под кретона.

— Да-а… — сказал я. — Вот что, Джеки. У мистера Хенчарда не все дома, хотя по нему этого и не скажешь. Птичка В. или птички, — наверное, хочет пить. Я посмотрю, что там.

— Не надо!.. Ладно, давай. Давай вместе, Эдди. Вместе и отвечать будем.

Я взялся за кретон, а Джеки, поднырнув мне под локоть, положила руку поверх моей.

И мы приподняли край ткани. Там, внутри, что-то все время шуршало, но едва мы дотронулись до кретона, шум прекратился. Я хотел только взглянуть — и всё. Но почему-то никак не мог остановиться. Моя рука стаскивала накидку, и я ничего не мог поделать. Я весь обратился в зрение.



А в клетке... в клетке стоял домик. Он был совсем как настоящий. Крошечный белый домик с зелеными ставнями — они не закрывались, а

просто были приделаны для украшения, потому что домик был вполне современный. Он напоминал те уютные, добротные коттеджи, каких полно в пригородах. На окнах висели ситцевые занавески; на первом этаже горел свет. Но едва мы подняли накидку, все окна разом потемнели. Нет, не свет погас; кто-то рывком опустил шторы. Это произошло так быстро, и мы не успели рассмотреть — кто.

Я отпустил накидку и попятился, потянув за собой Джеки.

— К-кукольный домик, Эдди!

— С куклами?

Я смотрел мимо неё, на клетку, полуприкрытую кретоном.

— А можно, как ты думаешь, наверное, научить канарейку опускать шторы?

— Ой! Эдди, слышишь?

Из клетки доносились какие-то невнятные звуки. Шуршание, едва слышный хлопок. Потом царапанье.

Я подошел и совсем сдернул накидку. На этот раз я не сводил глаз с окон. Но шторы опустились, как раз когда я моргнул.

Вдруг Джеки дернула меня за рукав и указала на двускатную крышу. Там торчала крошечная

кирпичная труба, а из неё поднималась сизая струйка дыма. Впрочем, струйка была такой тоненькой, что я даже не чувствовал запаха.

— У п-птичек п-печка, — пролепетала Джеки.

Мы стояли, готовые почти ко всему. Если бы из дверей высунулся бородатый карлик и предложил выполнить три любых наших желания, мы не очень бы удивились. Только ничего такого не произошло.

Больше из загадочного домика в клетке не доносилось ни звука.

Шторы были по-прежнему опущены. Я рассмотрел домик поближе: просто непостижимо, как тщательно он был сделан. На крылечке лежал крошечный коврик. Был даже электрический звонок.

Обычно клетки бывают разборными. Но эта клетка не разбиралась. Днище было припаяно, о чём говорили пятна канифоли и какого-то тускло-серого металла. Дверца тоже была заделана намертво. Я мог просунуть между прутьями указательный палец, но большой не пролезал.

— Хорошенький домик, правда? — спросила Джеки дрожащим голосом. — Они, должно быть, совсем крошечные…

— Они?

— Птички. Эдди, кто живет в этом домике?

— Посмотрим, — сказал я.

Я достал свой автоматический карандаш, осторожно просунул его между прутьями клетки и ткнул в открытое окно. На нем тут же рывком подняли штору. Из глубины дома, прямо мне в глаза, ударил тонкий, как игла, луч миниатюрного фонарика, ослепив меня своим блеском. Я, охнув, отшатнулся и услышал, как захлопнули окно и опустили штору.

— Ты видела?...

— Нет, твоя голова мешала. Но...

Тут все огни в домике погасли. Только струйка дыма, которая все вилась над трубой, говорила о том, что там кто-то есть.

— Мистер Хенчард — сумасшедший ученый[89], — пробормотала Джеки, — он уменьшает людей.

— А где же его расщепитель атомов? — засомневался я. — У каждого сумасшедшего ученого должен быть расщепитель атомов, чтобы вызывать искусственную молнию.

Я снова просунул карандаш между прутьями клетки, нацелился, надавил на кнопку и

---

[89] Примечания: 89

Сумасшедший ученый — популярный персонаж голливудских «фильмов ужаса».

позвонил. Раздалось тихое пронзительное дребезжание.

Штору на окне у дверей торопливо отдернули, и, кажется, кто-то посмотрел на меня. Не могу сказать точно. Все произошло слишком быстро. Штору опустили на место, и все в домике опять замерло. Я звонил, пока не надоело. Потом бросил.

— Можно разобрать клетку, — предложил я.

— Нет, не смей! Мистер Хенчард…

— Ладно, — сказал я. — Но когда он вернется, я ещё выясню, что здесь, черт возьми, происходит. Кто ему позволил держать дома каких-то гномиков? Мы так не договаривались.

— Мы вообще никак не договаривались, — возразила Джеки.

Я ещё раз осмотрел домик в клетке. Ни звука, ни движения. Из трубы идет дым.

В конце концов, какое мы имели право лезть в клетку? Это была бы настоящая кража со взломом. Я представил себе, как крошечный человечек с крыльями, размахивая дубинкой, задерживает меня на месте преступления. Интересно, у гномов бывают полицейские? И какие преступления?…

Я натянул кретон на место. Через некоторое время из-под него опять послышались звуки. «Чирк». «Бум». «Скрип-скрип-скрип». «Хлоп». И

не похожая на птичью трель, которая оборвалась на середине.

— Ужас какой, — сказала Джеки. — Давай-ка поскорее уйдем.

Мы сразу же легли спать. Мне всю ночь снились полчища зеленых карликов, одетых в полицейскую форму, которые плясали на противного цвета радуге и горланили веселые песни.

Утром прозвенел будильник. Я умылся, побрился, оделся, думая о том же, о чём и Джеки. Когда мы уже застегнули пальто, я поймал её взгляд.

— А может»...

— Давай, Эдди. Т-ты думаешь, они тоже уходят на работу?

— На какую это, интересно, работу? — проворчал я. — Лютики красить?

Мы на цыпочках прокрались в комнату мистера Хенчарда. Из-под кретона не доносилось ни звука. В окно ярко светило утреннее солнце. Я сдернул накидку. Домик стоял на прежнем месте. Одно окно было открыто, остальные плотно зашторены. Я прижался лицом к прутьям клетки и попытался заглянуть в открытое окно, на котором ветер шевелил ситцевые занавески.

Я увидел огромный-преогромный глаз, который смотрел на меня из глубины дома.

На сей раз Джеки, верно, решила, что мне нанесли смертельную рану. Она только сдавленно пискнула, когда я буквально отлетел от клетки, крича, что там жуткий воспаленный глаз — у людей таких не бывает! Несколько минут мы стояли, прижавшись друг к другу, а потом я глянул снова.

— А-а, — голос мой звучал довольно слабо, — да это зеркало!

— Зеркало? — выдохнула Джеки.

— Ну да, большое зеркало на противоположной стене. Кроме него, я ничего не вижу. Окно слишком далеко.

— Посмотри-ка на крыльцо, — вдруг сказала Джеки.

Я посмотрел. У дверей стояла бутылка молока — можете себе представить, какого размера. Она была ярко-красная. Рядом лежал пакет величиной с почтовую марку.

— Красное молоко? — удивился я. — Небось от красной коровы. Или бутылка красного стекла. А это что, газета?

Да, это была газета. Я напряг зрение, чтобы прочитать заголовки. Поперек страницы было напечатано огромными красными буквами, высотой почти в полтора миллиметра: «В ПОСЛЕДНИЙ

ЧАС! ФОТЦПА ДОГОНЯЕТ ТУРА!» Больше мы ничего не смогли разобрать.

Я аккуратно накрыл клетку кретоном. Мы отправились к Терри, чтобы успеть позавтракать до прихода автобуса.

Вечером, возвращаясь с работы, мы заранее знали, что сделаем прежде всего. Мы открыли дверь, убедились, что мистер Хенчард ещё не вернулся, зажгли свет в его комнате и прислушались к звукам, долетавшим из клетки.

— Музыка, — сказала Джеки.

Она была совсем тихой, я едва мог расслышать; и вообще это была необычная музыка. Не берусь вам её описать. Кроме того, она почти сразу же смолкла. «Бум, скрип, шлеп, вззззз». Потом наступила тишина, и я сдернул кретон.

В домике было темно, окна закрыты, шторы опущены. Газету и бутылку молока с крыльца забрали. На входной двери виднелась табличка; воспользовавшись лупой, я сумел прочитать: «КАРАНТИН. КЛОПИЧЕСКАЯ ЛИХОРАДКА».

— Вот лгунишки, — сказал я. — Спорим, что нет у них никакой клопической лихорадки.

Джеки нервно захихикала.

— Ведь клопическая лихорадка бывает только в апреле, да?

— В апреле и под Новый год. Как раз в это время её переносят лихорадочные клопы. Где мой карандаш?

Я позвонил. Кто-то приоткрыл и снова задернул штору. Но мы не видели — руку? — которая это сделала. Тишина. Даже дым не идет из трубы.

— Боишься? — спросил я.

— Нет. Как это ни смешно, не боюсь. Но какие они, однако, высокомерные, эти малявки! Кэботы беседуют лишь[90]...

— А гномы, ты хочешь сказать, беседуют лишь с домовыми. Но они, между прочим, не имеют никакого права задирать перед нами нос. Ведь их дом стоит в нашем доме... понимаешь, что я хочу сказать?

— Да, но что мы можем поделать?

Осторожно водя карандашом, я нацарапал на белой входной двери: «ВПУСТИТЕ НАС». На большее не хватило места. Джеки хмыкнула.

— Зря ты это написал. Мы ведь не хотим, чтобы нас впустили. Мы просто хотим на них посмотреть.

— Ну, теперь уже не исправишь. Да они и так поймут, чего нам надо.

---

[90] Примечания: 90

Кэботы беседуют лишь с Богом — строка из стихотворения Джона К. Боссиди (1860–1928). Речь идет о старинной американской фамилии.

Мы стояли, глядя на домик в птичьей клетке, а домик насупленно и слегка враждебно смотрел на нас. Клопическая лихорадка! Вот врать-то!

Больше в этот вечер ничего не произошло.

Утром мы обнаружили, что моя надпись тщательно смыта, табличка о карантине висит на прежнем месте, а на крылечке оставлены бутылка зеленого молока и свежая газета. На сей раз заголовок гласил: «В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС! ФОТЦПА ОБОШЕЛ ТУРА!»

Из трубы медленно поднимался дым. Я позвонил. Никакого ответа.

У дверей висел почтовый ящик размером с костяшку домино, — я обратил на него внимание, потому что сквозь щель заметил внутри письма. Но ящик был заперт.

— Посмотреть бы, кому эти письма… — протянула Джеки.

— Или от кого. Это меня больше интересует.

В конце концов мы отправились на работу. Я весь день не мог собраться с мыслями и чуть было не приварил большой палец к кривоколенному валу. Вечером мы встретились с Джеки, и я понял, что ей тоже не по себе.

— Давай оставим их в покое, — предложила она, когда мы тряслись в автобусе. — Ясно ведь,

что они не хотят иметь с нами дела, правда?

— Вот ещё, так я и позволил каким-то букашкам над нами издеваться! И потом, мы ведь просто свихнемся, если не узнаем, кто там живет. Как ты думаешь, мистер Хенчард — волшебник?

— Скотина он, — в сердцах ответила Джеки. — Уехал и бросил на нас каких-то дурацких гномов!

Когда мы вернулись, в домике, как всегда, забили тревогу; едва я сдернул накидку, тихие, невнятные звуки совсем стихли. Сквозь опущенные шторы пробивался свет. На крыльце не было ничего, кроме коврика. В почтовом ящике мы разглядели желтый телеграфный бланк.

Джеки побледнела.

— Только этого не хватало! — простонала она. — Телеграмма!

— Может, и нет.

— Да, да, я же вижу. Тетушка Георгина умерла. Или Белладонна собирается приехать в гости.

— Табличку о карантине они сняли, — заметил я. — Теперь висит новая, на ней написано: «ОСТОРОЖНО, ОКРАШЕНО!»

— Смотри, не поцарапай их чистенькую дверь!

Я опустил кретон, выключил свет и взял Джеки за руку. Мы стояли и ждали. Через некоторое

время послышалось «топ-топ-топ», а потом тихое урчание, как от закипающего чайника. И ещё негромкое позвякивание.

На следующее утро на крылечке стояло двадцать шесть бутылок с желтым — ярко-желтым — молоком, а заголовок лилипутской газеты гласил: «В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС! ТУР ПРИБЛИЖАЕТСЯ К ФОТЦПА!» В ящике лежали письма, но телеграмма исчезла.

Вечером все повторилось, как обычно. Едва я снял накидку, наступило сердитое молчание. Мы почувствовали, что сквозь щели миниатюрных шторок за нами пристально наблюдают. Постояв, мы отправились спать, но среди ночи я встал ещё раз взглянуть на таинственных жильцов. Нет, их самих я, конечно, не видел; но в домике, похоже, устраивали вечеринку — оттуда доносилась тихая, странная музыка, возня и топот, которые смолкли, едва я подошел.

Утром на крылечке оказались газета и бутылка красного молока. Заголовок гласил: «В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС! КРАХ ФОТЦПА!»

— У меня на работе ничего не клеится, — пожаловался я. — Не могу сосредоточиться, только про них и думаю. Хотел бы я знать…

— И я тоже. Нет, мы не можем так это оставить.

Я приблизился к клетке. Штору опустили так резко, что она едва не оторвалась от катушки.

— Что они, спятили? — удивился я.

Не исключено, — заметила Джеки. — Спятишь тут, если тебе постоянно надоедают. Представляю, как они сидят там возле окон и с тихим бешенством ждут, когда мы наконец уберемся восвояси. Пойдем-ка лучше. А то на автобус не успеем.

Я посмотрел на домик, и мне показалось, что домик хмуро и враждебно посмотрел на меня. А, черт с ним. Мы пошли на работу.

Вечером мы вернулись усталые и голодные, но, даже не сняв пальто, бросились в комнату мистера Хенчарда. Там стояла тишина. Я включил свет, а Джеки стащила с клетки накидку.

Вдруг она тихо ахнула. Я в мгновение ока подскочил к клетке, ожидая увидеть зеленого чертика или ещё что-нибудь почище. Но все было как всегда. Даже дым не шел из трубы.

А Джеки тыкала пальцем в сторону входной двери. Там висела аккуратная дощечка, на которой было написано просто, спокойно и бесповоротно: «СДАЕТСЯ ВНАЕМ».

— Ой-ой-ой, — вырвалось у Джеки.

Я проглотил застрявший в горле комок. Шторы

на крошечных окнах были подняты, ситцевые занавески исчезли. Наконец-то мы смогли заглянуть в домик. Он был абсолютно, непоправимо пуст.

Нигде никакой мебели. На полированном паркете ничего, кроме нескольких выщербин и царапин. Обои без единого пятнышка; их неброский рисунок говорил о хорошем вкусе. Уезжая, жильцы оставили домик в полном порядке.

— Они уехали, — констатировал я.

— Да, — отозвалась Джеки. — Съехали.

И вдруг на душе у меня стало невероятно скверно. Дом — нет, не тот, который в клетке, а наш собственный — был непоправимо пуст. Знаете, как бывает, когда уезжаешь на несколько дней, возвращаешься обратно, а там — никого и ничего?

Я схватил Джеки и крепко обнял. Ей, видимо, тоже было не по себе. Кто бы мог подумать, что малюсенькая табличка «СДАЕТСЯ ВНАЕМ» способна так все изменить!

— Что теперь скажет мистер Хенчард? — спросила Джеки, глядя на меня круглыми глазами.

Мистер Хенчард вернулся через два дня. Был вечер, мы сидели у камина, когда он вошел, размахивая саквояжем и посасывая черный

мундштук.

— Мгм, — поздоровался он с нами.

— Добрый вечер, — ответил я не совсем уверенно. — Рады вас видеть.

— Чушь! — отрубил мистер Хенчард и двинулся в свою комнату. Мы с Джеки переглянулись.

Мистер Хенчард буквально завизжал от ярости. Из-за двери высунулось его перекошенное лицо.

— Негодяи! — прорычал он. — Что вам было сказано!

— Одну минутку… — начал было я.

— Я съезжаю! — рявкнул мистер Хенчард. — Сию же минуту!

Его голова рывком исчезла в комнате. Дверь захлопнулась, щелкнул замок. Мы с Джеки сидели, опасаясь, что нас того и гляди выдерут, как маленьких.

Мистер Хенчард возник на пороге своей комнаты, держа в руках саквояж, и протопал к двери. Я попытался удержать его:

— Мистер Хенчард, только одно слово…

— Чушь!

Джеки ухватила его за одну руку, я вцепился в другую. Вдвоем мы его кое-как остановили.

— Подождите, — сказал я. — Вы забыли э-э… вашу клетку.

— Это вам так кажется, — рявкнул он в ответ. — Монете оставить её себе. Черт бы драл ваше любопытство! Сколько месяцев я строил этот домик, сколько уговаривал их в нем поселиться! А вы все испортили. Они больше не вернутся.

— Кто «они»? — вырвалось у Джеки.

Мистер Хенчард злобно впился в нас своими змеиными глазками.

— Мои жильцы. Мне теперь придется строить новый домик, вот что! Но на этот раз я уж прослежу, чтобы всякие проходимцы не совали туда нос!

— Погодите, — остановил его я. — Вы… вы волшебник?

Мистер Хенчард фыркнул.

— Я просто хороший мастер. Этого довольно. Вы с ними по-хорошему» и они с вами по-хорошему. Правда, — тут в его голосе зазвучала гордость, — не всякий сумеет построить домик, какой нужен им!

Он вроде начал немного отходить, но мой следующий вопрос снова привел его в бешенство.

— Кто они? — взревел он. — Да, конечно, Маленький Народец. Зовите их как хотите: эльфы, гномы, духи, домовые — у них много разных имен. Но они любят селиться в тихих и спокой-

ных местах. Дома, где их донимают и дергают, пользуются дурной славой. Неудивительно, что они съехали. Впрочем — гм! — вовремя заплатили за квартиру. У Маленького Народца так принято, — добавил он.

— Заплатили за квартиру? — пролепетала Джеки. — Чем?

— Везеньем, — ответил мистер Хенчард. — Чем бы, вы думаете, они стали платить — деньгами? Теперь, пока не построю новый домик, никакого особого везенья мне не будет.

Он окинул нас напоследок хмурым взглядом, рывком отворил дверь и зашагал прочь. Мы смотрели ему вслед. Под горой, у бензоколонки, показался автобус, и мистер Хенчард пустился бегом.

На автобус-то он успел, но прежде шлепнулся лицом в лужу.

Я притянул Джеки к себе.

— Смотри-ка, — сказала она, — вот ему уже и не повезло.

— Ничего подобного, — поправил я. — Повезло, но не больше, чем всем обычным людям. Тем, кто сдает квартиры гномам, везет ещё и дополнительно.

Мы долго сидели молча, глядя друг на друга. А

потом, не говоря ни слова, зашли в опустевшую комнату мистера Хенчарда. Клетка была на своем месте. И домик тоже. И табличка «СДАЕТСЯ ВНАЕМ».

— Пойдем-ка к Терри, — предложил я.

Мы просидели в ресторане дольше обычного. Со стороны можно было подумать, что мы не хотим возвращаться домой, потому что там завелась нечистая сила. Только на самом деле все было совсем наоборот. В нашем доме не было больше нечистой силы. В нем была пугающая, холодная, безысходная пустота.

Пока мы переходили шоссе, шагали в гору, открывали дверь, я не проронил ни слова. А потом, уж не знаю зачем, мы пошли в последний раз взглянуть на пустой домик.

Кретон, который я натянул перед уходом, был на своем месте, но из-под него снова долетало: «Бум, шлеп, бац!» В домике снова кто-то жил!

Мы невольно отшатнулись, прикрыли дверь и только после этого перевели дыхание.

— Нет, — сказала Джеки. — Мы не должны смотреть. Никогда, никогда больше мы не заглянем под эту накидку.

— Никогда, — подтвердил я. — А кто, как ты думаешь?... До нас долетели какие-то невнятные

звуки, напоминающие разудалое пение. Что ж, тем лучше. Если им весело, значит, они никуда не уедут. Мы легли спать, и мне приснилось, что я пью пиво с Рипом ван Винклем[91] и эльфами. Все они напились до положения риз.

Утро было дождливое, но это не имело никакого значения. Нам казалось, что в окна льется яркий солнечный свет. Я пел под душем. Джеки радостно мурлыкала себе под нос. Мы не входили в комнату мистера Хенчарда.

— Может, они хотят поспать подольше, — предположил я.

В цеху всегда очень шумно, и расслышать приближение тележки, груженной грубо обработанными цилиндрическими болванками, почти невозможно. В тот самый день, часов около трех, мальчишка-подручный катил такую тележку в кладовую, а я, ничего не видя и не слыша, отступил на шаг от своего станка, чтобы проверить наладку.

Большие станки типа моего — опасные штуки. Они закреплены на мощных забетонированных опорах почти в половину человеческого роста, по которым туда и обратно скользит тяжеленное

---

[91] Примечания: 91

Рип ван Винкль — герой одноименного рассказа Вашингтона Ирвинга.

стальное чудовище — рабочая часть станка.

Я сделал шаг назад, заметил тележку и плавным движением, напоминающим тур вальса, увернулся от неё. Но мальчишка шарахнулся в сторону, тележка вильнула, цилиндры посыпались на пол, а я, потеряв равновесие, неуклюже протанцевал ещё один тур, зацепился за край опоры и убийственно точным движением кувырнулся вниз. Через мгновение я уже лежал, зажатый между стойками опоры, и ко мне с рокотом приближалась рабочая плоскость станка. Никогда в моей жизни ничто не двигалось так стремительно.

Дальше все произошло быстрее, чем я успел сообразить. Я отчаянно пытался выкарабкаться, все в цеху вопили, станок кровожадно урчал, головки цилиндров гремели по полу. Вдруг раздался треск и натужный скрежет крошащихся механизмов. Станок остановился. Мое сердце забилось снова.

Я переоделся и дождался, пока Джеки закончит работу. В автобусе, по дороге домой, я все ей рассказал.

— Просто повезло. Один из цилиндров вовремя попал в станок. Станок, конечно, здорово покорежило, но я цел. Думаю, мы должны написать нашим э-э… жильцам благодарственную

записку.

Джеки кивнула, выражая своё полное согласие.

— Это они заплатили за квартиру — везеньем. И очень кстати, что заплатили вперед.

— Правда, пока мой станок не починят, сидеть мне без денег, — добавил я.

Домой мы вернулись под проливным дождем. Из комнаты мистера Хенчарда доносился грохот, куда более громкий, чем все те звуки, которые клетка издавала раньше. Мы побежали наверх и обнаружили, что окно распахнуто настежь. Я захлопнул его. Кретон наполовину сдуло, и я стал было натягивать его на место. Джеки стояла рядом. Но едва мы взглянули на домик, рука моя застыла в воздухе. Табличка «СДАЕТСЯ ВНАЕМ» исчезла. Из трубы валил густой дым. Шторы, как всегда, были плотно опущены, но в остальном многое изменилось.

В комнате пахло едой. «Подгоревшее мясо и кислая капуста», — подумал я с отвращением. Запах явно исходил из домика. На крылечке, где раньше ни соринки не было, стояло набитое доверху мусорное ведро, пластмассовый ящик с грязными консервными банками — каждая не больше булавочной головки — и множество

пустых бутылок, явно из-под спиртного. Была, впрочем, и молочная бутылка, наполненная ядовито-голубой жидкостью. Её ещё не успели забрать, так же как и утреннюю газету. Только это была совершенно другая газета. Аршинные буквы заголовков выдавали низкопробное бульварное чтиво.

От крылечка к углу дома была протянута бельевая веревка, на которой, правда, ничего не висело.

Я рывком накрыл клетку и вслед за Джеки выскочил на кухню.

— Какой ужас! — вырвалось у меня.

— Надо было сначала посмотреть их документы, — задыхаясь, проговорила Джеки. — Это совсем не те жильцы!

— Да, не те, которые у нас раньше были, — согласился я. — Вернее, которые были, у мистера Хенчарда. Нет, а ты видела мусорное ведро на крыльце?

— А бельевая веревка? — возмущалась Джеки. — Самого низкого пошиба!

— Сразу приходят на ум Калликаксы[92] и Джи-

---

[92] Примечания: 92

Калликаксы — персонажи серии американских комиксов.

теры Лестеры[93]. Они что думают, здесь Табачная дорога?

Джеки вздохнула.

— Но ты ведь помнишь — мистер Хенчард сказал, что они больше не вернутся?…

— И что из того?

Джеки медленно нагнула голову, точно начала догадываться.

— Ну, валяй, — сказал я.

— Я… я не знаю. Только мистер Хенчард говорил, что Маленький Народец любит жить в тихих и спокойных местах. А мы своим старым жильцам постоянно надоедали. И сами виноваты, что теперь эта клетка, это место пользуется дурной славой. Приличные гномы ни за что не станут тут жить. Здесь теперь — страшно подумать! — притон, что ли.

— Бред какой-то, — сказал я.

— Ничего подобного. Все так и есть. Помнишь, мистер Хенчард говорил, что ему придется строить новый домик? Хорошие жильцы не поедут в сомнительное место. Нам достались гномы низкого пошиба, вот и все.

Я глядел на неё, широко открыв рот.

---

[93] Примечания: 93

Джитер Лестер — герой романа Эрскина Колдуэлла «Табачная дорога».

— А жильцы у нас с тобой — хуже некуда. Небось они ещё и гномо-козла на кухне держат, — негодовала Джеки.

— Ладно, пусть так, — сказал я. — Но я этого не потерплю. Я их отсюда выставлю. Я… я воды им в трубу налью! Где чайник?

Джеки вцепилась мне в рукав.

— Нет, не смей! Эдди, мы не можем их выставить. Не имеем права. Они заплатили за квартиру.

И тут до меня дошло.

— Станок…

— Вот именно! — От возбуждения Джеки впилась ногтями в мои бицепсы. — Если бы тебе сегодня не подкинули немножко везения сверх обычного, тебя бы просто убило. Может, гномы у нас и низкого пошиба, но за квартиру платят вовремя.

Теперь мне все стало ясно.

— А с мистером Хенчардом все было совсем не так. Помнишь, он тогда задел камень и ступенька проломилась? Вот это уж повезло так повезло. А я буду, сидеть без зарплаты, пока не починят мой станок, хотя его и заклинило, когда я туда упал. Мистер Хенчард отделался бы куда легче.

— Просто у него были более приличные жиль-

цы, — объяснила Джеки, отчаянно сверкая глазами. — Если бы мистер Хенчард попал в станок, наверняка сгорел бы предохранитель.

У нас гномы низкого пошиба, ну, и везенье такое же.

— И теперь уж от них не избавиться, — сказал я. — Мы — владельцы притона. Пойдем-ка отсюда, выпьем у Терри по рюмочке.

Мы застегнули плащи и пошли, вдыхая свежий, сырой воздух. Буря бушевала с прежней силой. Я забыл фонарик, но возвращаться поленился. Мы шагали под гору, ориентируясь на мерцавшие вдали огни ресторанчика.

Было совсем темно. Потоки дождя застилали глаза. Наверное, поэтому мы и не заметили автобус, пока он не оказался буквально в двух шагах, тускло светя фарами сквозь затемнение.

Я потянул Джеки к обочине, но поскользнулся на мокром бетоне, и мы оба полетели под откос. Я почувствовал, как Джекки перекатилась через меня, и в следующую секунду мы уже барахтались в размокшей глине кювета; автобус с ревом промчался мимо и исчез.

Мы выбрались из канавы и побрели к Терри. Бармен удивленно оглядел нас, сказал «Ого!» и без лишних слов налил две рюмки.

— Что там ни говори, — сказал я, — а нам только что спасли жизнь.

— Да, — согласилась Джеки, счищая глину с ушей. — Но с мистером Хенчардом все было бы по-другому.

Бармен покачал головой.

— В канаву свалился, Эдди? И вы тоже? Вот не повезло!

— Повезло, — убито отозвалась Джеки. — Только везенье было самого низкого пошиба…

Грязная, несчастная, она подняла рюмку и посмотрела на меня. Мы чокнулись.

— За везенье, — сказал я.

ХЕЛЕН ЮСТИС

МИСТЕР СМЕРТНЫЙ ЧАС И РЫЖАЯ МОД ЭППЛГЕЙТ

Заявился к нам как-то из прерии Мистер Смертный Час на белом своем жеребце, палит вовсю из пистолетов — трах-бах-тарарах — ни дать ни взять, индеец какой напился и буянит. Страсти господни! Ясное дело, все перепугались, и мы, ребятня, да и старшие тоже, разве это им чаще доводилось его прежде видеть.

Но в тот раз он и пальцем никого не тронул, кроме одного парня по имени Билли-Будь-Неладен-Бэнгтри, по которому все наши девушки сохли. А его Мистер Смертный Час именно что пальцем тронул, так что тот не сразу взял да и помер, а лежал окоченелый, весь в поту, а в брюхе пуля: пьяный ковбой всадил, партнер по юкеру.

Когда в городке прослышали, что Билли вот-вот помрет, у многих наших девушек подушки промокли от слез, потому что был он собой хоть куда и от женщин ему отбою не было. Ну а больше всех плакала и горевала молоденькая Мод Эпплгейт, рыжая наша красотка, вся в веснушках.

Старая Мэри взялась выхаживать Билли сво-

ими индейскими припарками да целебными травами, а других женщин к нему даже близко не подпускала. Так что Мод ничего и сделать-то для него не могла. Только ведь рыжая девушка, сами понимаете, не станет сидеть да убиваться попусту, как девушка иной какой масти. Вот и Мод такая была. Поплакала она малость, погоревала, да и решила, что пора за дело браться. Вытерла слезы подолом нижней юбки, оседлала отцовского пегого конька и отправилась вдогонку за Мистером Смертным Часом.

И поскакала Мод Эпплгейт по горам и долам, из ковбойских краев в края стригалей, из краев стригалей в индейские земли, из индейских земель в дальние горы.

Только там догнала она Мистера Смертного Часа, мили не доехав до старой хибарки на краю леса, где он жил со своей бабкой.

И когда Мод Эпплгейт разглядела наконец впереди белого его жеребца, она уже изрядно устала и запыхалась; волосы рыжие растрепались, свисают вдоль спины, от конька отцовского остались кожа да кости. Но Мод набрала воздуху да как закричит:

— Эй, Мистер Смертный Час, постойте-ка минутку! Подождите меня!

Мистер Смертный Час придержал белого своего жеребца и оглянулся вроде как удивленно, — ведь немного найдется таких, кто решится его останавливать.

— Ну-с, что угодно, барышня? — спрашивает он у Мод Эпплгейт, когда та подъехала.

А Мод ему и говорит:

— О Мистер Смертный Час! Я скакала за вами по горам и долам, из ковбойских краев в края стригалей, из краев стригалей в индейские земли, из индейских земель в дальние горы, чтобы только упросить вас: пощадите Билли-Будь-Неладен-Бэнгтри, любовь мою верную, нелицемерную!

А Мистер Смертный Час, как услышал, закинул голову, так что черное сомбреро свалилось и повисло за спиной на шнурке, и давай хохотать.

— Прелесть, да и только, — говорит. — Слушай-ка, малютка, мордашка у тебя — прямо загляденье!

Но Мод Эпплгейт проскакала много миль по горам и по долам, терпела в пути и голод и жажду, чуть не до смерти загнала отцовского пегого конька, да к тому же она была рыжая и спуску никому давать не привыкла. Так что она взяла и выложила Мистеру Смертному Часу все начистоту. Там, откуда она родом, говорит, воспитанный

человек нипочем не станет смеяться над девушкой в несчастии, и очень с его стороны было бы любезно последить за своими манерами, и кто его только воспитывал, интересно знать? Его матушка небось в гробу переворачивается, да любой неумытый индеец голоштанный повежливее будет, и пошла, и пошла его чихвостить.

Ну тут уж Мистер Смертный Час разом протрезвел, подобрался в седле и слушал её смирно, только глазами моргал. А когда Мод остановилась дух перевести, достал он кисет, облизнул края бумажки и свернул себе самокрутку.

— Что вы мне дадите за Билли-Будь-Неладен-Бэнгт-ри? — спрашивает.

Но только Мод и впрямь задело за живое. Тряхнула она волосами, как норовистая кобылка гривой, губы этак поджала и заявляет ему:

— Не стану я о деле говорить, пока не умоюсь и не съем чего-нибудь: я скакала по горам и долам…

— Знаю, знаю, — говорит Смертный Час. — Давайте-ка доедем до моей лачужки, а уж там бабка моя о вас позаботится.

Стали они вдвоём подниматься по склону, и все время Мистер Смертный Час придерживал белого жеребца, чтобы Мод на своем бедняге

пегом могла за ним поспеть. И вот подъехали они к низенькой хибаре и увидали, что над трубою вьется дымок, а на крыльце стоит старая бабка Мистера Смертного Часа, рада-радехонька видеть нового человека. Едва они подъехали, она уж тут как тут.

— Добро пожаловать, милочка, — говорит. — Похлебка на огне, чайник закипает. Входите-ка да передохните малость.

Остановились они. Мистер Смертный Час спешился, подошел к Мод, подхватил её сильными своими руками — а талия у неё уж такая была тоненькая, как раз в две ладони уместилась, — снял с седла и на землю поставил.

А тем временем его бабка снует туда-сюда по двору со своей клюкой, прихрамывает, будто птичка с перебитым крылом, и все твердит:

— Скажи ты на милость, ну что за девушка!

А потом повела она гостью в дом, дала теплой воды и костяной гребень, да ещё раскрыла свой старый, медью окованный сундук и достала прехорошенький шелковый капот. И когда Смертный Час, задав корму коням, вошел в дом, то увидел: сидит Мод Эпплгейт, что твой рыжий ангел, и пьет чай.

А Мод, слегка перекусив, совсем освоилась и

давай рассказывать всякие потешные истории про наш городок и про тамошний народ, так что Мистер Смертный Час и бабка прямо покатывались со смеху.

И вот начал Смертный Час носом клевать да позевывать, а потом и говорит своей бабке:

— Изрядный конец я сегодня сделал, дважды вокруг света и обратно. Дай-ка прилягу к тебе на колени и вздремну самую малость.

И тут же захрапел.

А пока Смертный Час спал, бабка с Мод Эпплгейт разговор завела и стала расспрашивать: кто она такая, и откуда родом, и зачем пожаловала. Тут ей Мод и рассказала все, как есть: что лежал Билли-Будь-Неладен-Бэнгтри с пулей в брюхе да помирал, любовь её верная, нелицемерная, что же ей и оставалось, как не пуститься вдогонку за Мистером Смертным Часом, упросить его и руку его удержать?

Выслушала бабка её рассказ и вздохнула тяжко-претяжко.

— Уж так мне жалко, что сердечко твое занято, — говорит. — Очень ты на меня похожа, какой я в молодости была. Моя бы воля, я бы внуку моему в жены именно тебя и выбрала. Я ведь стара стала, пора и на покой, только хочется мне, чтобы

он остепенился да жил по-людски. А ты и молоденькая, и миленькая, и нраву хорошего, и коль старые глаза меня не обманывают, в колдовстве тоже кой-что смыслишь. Верно я говорю?

— Ну, — отвечает Мод скромно, — случается. Так только, шутки ради.

— А что бы такое, к примеру? — спрашивает бабка. — Из черной магии или из белой?

— Обеих понемножку, — говорит Мод. — Раз я наколдовала, чтобы братец мой младший не провалился по арифметике. А другой раз заколдовала пасторшу, чтоб она себе на шнурок наступила и прямо в кормушку с овсом шлепнулась.

И снова бабка Смертного Часа тяжело так вздохнула и говорит:

— Для новичка неплохо. Как погляжу на тебя — и к чему такой девушке ковбой завалящий, пьяница да картежник, и пулю-то схлопотал через свои дурацкие карты. Ну что ж поделать, уж коли тебе так хочется, так и быть, помогу. Стоит внучку моему таким манером задремать, тут же начинает говорить во сне, а как заговорит, можно задать ему три вопроса; трижды ответит чистую правду, а потом проснется. Говори, о чём мне его спрашивать?

— Спросите его, — говорит Мод, ни минутки не

раздумывая, — что возьмет он за жизнь Билли-Будь-Неладен-Бэнгтри.

— Это один вопрос, — говорит бабка. — Три вопроса можно задать. Еще о чём его спрашивать?

Мод помолчала, подумала, а потом говорит:

— Спросите его, зачем он сестренку мою малую забрал из колыбели.

— Спрошу, деточка, — говорит бабка. — А ещё что?

И тогда Мод Эпплгейт наклонилась над очагом, так что рыжие её волосы будто пламенем рыжим вспыхнули, и примолкла, а потом всё-таки говорит, медленно так, едва-едва слышно:

— Спросите его, что он делает, коли станет ему одиноко. Ничего ей на это бабка Смертного Часа не ответила. Так и сидели они молча, пока Мистер Смертный Час и вправду бормотать во сне не начал. Тут бабка прядку волос на палец накрутила, а волосы у него чернее угля, и подергала тихонько.

А тот не проснулся, только спросил:

— Да? Что такое?

— Скажи-ка, внучек, говорит ему бабка в самое ухо, — что возьмешь ты за жизнь Билли-Будь-Неладен-Бэнгтри?

Тут Смертный Час заворочался во сне и гово-

рит:

— Эх, бабушка, до чего ж она славная! У иных я бы глаз взял, у других десять лет жизни, а от неё я вот что хочу: пускай объедет со мной дважды вокруг света, а потом пусть поцелует меня в губы.

Услыхав его ответ, вздохнула Мод глубоко-глубоко и на спинку кресла откинулась.

— Внучек, а внучек, — говорит бабка, — она ещё кой о чём спросить тебя хочет. Зачем ты сестренку её малую забрал прямо из колыбели?

Снова Мистер Смертный Час во сне заворочался и говорит:

— Хворала она. И всё-то у неё болело. Вот и забрал я её, чтоб ей больше не плакать.

Услыхавши это, наклонилась Мод низко-пренизко и ладонь к щеке прижала.

— Ладно, внучек, — говорит ему бабка. — Ответь-ка на последний вопрос. Что ты делаешь, коли станет тебе одиноко?

Тут Смертный Час как вздохнет да как застонет и от огня отвернулся. Долго он шептал что-то, бормотал себе под нос, а потом всё же вымолвил еле слышно:

— Я тогда подкрадусь к окну и смотрю, как люди спят вдвоем, обнявшись.

И только он это сказал, как тут же проснулся,

зевает вовсю, потягивается и говорит:

— Звезды небесные! А ведь я никак всхрапнул.

А вообще-то веселые они были люди, Мистер Смертный Час с бабкой, даром, что у него служба такая. Ох и славно же повеселились они в тот вечер! Мод вроде как и рада была, что приехала. Старушка принялась им рассказывать всякие поучительные истории про свою далекую молодость, да ещё кувшин ежевичной наливки на стол выставила. А сам Мистер Смертный Час такие развеселые мотивчики стал на скрипке своей выводить, что Мод не утерпела, соскочила с кресла, юбки подобрала и пустилась в пляс. Далеко лишь за полночь отвела её бабка в спальню. Глядь, а там возле хозяйкиной постели, высокой с пологом, стоит маленькая кроватка, свежим бельем застелена, нашу Мод дожидается.

Поутру платье Мод бабкиными руками было уж вычищено да выглажено, а на столе завтрак стоял — солонина и кофе с овсяными лепешками: надо же им подкрепиться перед дальней дорогой. А потом Смертный Час белого своего жеребца взнуздал, оседлал и к крыльцу подвел. У старушки бабушки прямо слезы навернулись, как пришло время с Мод прощаться. Расцеловались они, и говорит ей Мод Эпплгейт:

— Счастливо оставаться. Спасибо вам за ласковый прием. Кабы не Билли-Будь-Неладен-Бэнгтри, любовь моя верная, нелицемерная, осталась бы у вас, право слово.

Тут Мистер Смертный Час подсадил Мод на коня, сам вскочил в седло, и поехали они в гору, к заснеженной вершине, а оттуда прямо в небо! И всю дорогу сидела Мод Эпплгейт позади Мистера Смертного Часа, крепко за него держась, и до того ей было тепло и удобно, что даже удивительно.

Ну уж и прокатились они! Нес их белый жеребец все выше и выше, по грозовым отрогам к небесным пастбищам, где облачка-сосунки пасутся возле тучных белых мамаш, а вокруг грузные черные тучи набычились и охраняют. И понес он их в луга, где звезды цветут, и Мистер Смертный Час позволил Мод сорвать парочку и в рыжие свои волосы вплести. Когда же мимо луны проносились, Мод Эпплгейт дотянулась и пальцем её потрогала, а луна-то, оказывается, скользкая и как лед холодная. А вот к солнцу они не полетели, потому что, Смертный Час говорит, так и обжечься недолго.

Однако дело не ждет, пора было Смертному Часу и за работу приниматься, и отправились они в путь — дважды вокруг света. А как только

пересекли безбрежный океан, Мистер Смертный Час закутал Мод в свой плащ-невидимку, и тогда стал ей открыт всякий дом в любом краю; и кого она только не повидала — и китайских жителей, и японских, и русских жителей, и африканских, и даже таких, что за всю жизнь словечка по-английски не вымолвили. Показал он ей пышные дворцы и убогие хижины, каких она в Техасе и не видывала; показал он ей и принцев с королями, и простой люд, да всего и не упомнишь, — а уж Мод, будьте покойны, во все глаза глядела. И приметила она, что в одном все люди на свете меж собой схожи: когда приходит Смертный Час, живым его не видно, потому они и плачут так горько. А вот кому время помирать приспело, те, как завидят его, приподымутся навстречу и улыбнутся, будто доброму другу. Очень Мод порадовало, что никто его совсем уж пропащим не считает. А ещё рассказывал ей Смертный Час по дороге про разные разности, на которые в путешествиях своих насмотрелся, — сразу видно, у такого человека не только коровы, да юбки, да выпивка на уме.

И вот объехали они дважды вокруг света, пора и домой возвращаться. И остановил Мистер Смертный Час коня над безбрежным океаном и показал Мод Эпплгейт, как прямо под ними киты

резвятся, бороздят прозрачную зеленую воду, словно стадо бизонов средь сочных трав мчится. А на Северном полюсе увидела Мод белых медведей — и впрямь белые, только нос черный, а в Египте — крокодилов, что по Нилу плывут, а в Индии — тигров, и ещё всяких-разных тварей, и каждой по паре. Под конец Мод вроде как и жалко его стало: выходит, только он во всем мире должен жить один-одинешенек.

Но вот уже скачут они над знакомой равниной, вот и городок наш завиднелся, из труб и дымоходов к голубому небу дым поднимается. Опустились они точнехонько на главной улице и мимо «Торговли Тарбелла», мимо транспортной конторы Уэллса прямо к салуну «Синяя птица» подъехали и стали.

Мод удивилась и спрашивает:

— А зачем вы меня сюда привезли?

А Мистер Смертный Час ей только ответил:

— Потерпите немножко, сейчас узнаете.

Соскочил он с белого своего жеребца, Мод с седла снял, закутал её, как раньше, в плащ-невидимку и говорит:

— Ну, уговор есть уговор. Дело за малым.

Тут Мод собралась с духом, крепко зажмурилась и приготовилась, что вот сейчас он её целовать

будет. Только ничего такого не случилось. Мод глаза открыла, а Мистер Смертный Час и говорит:

— Нет уж, Мод, уговор был, что вы меня поцелуете.

И пришлось тогда Мод попросить Мистера Смертного Часа нагнуться, а он так и сделал, и пришлось ей встать на цыпочки и свои губы к его губам приложить.

То ли казалось ей прежде, что губы у него холодные, то ли считала она, что очень это страшно — целовать Мистера Смертного Часа, — ей-богу, не знаю, — только смотрит Мод и глазам своим не верит: оказывается, руки её за шею его обнимают, — а как там очутились, Бог весть, — а губы сами, к его губам прижимаются. И уж если по правде, так это Мистер Смертный Час первым от неё отодвинулся и говорит негромко:

— Ну, а теперь ступайте, Мод. Любовь ваша верная, нелицемерная Билли-Будь-Неладен-Бэнгтри как раз в «Синей птице» сидит.

Снял с неё Смертный Час свой плащ-невидимку и сразу сам пропал, только шпоры прозвенели, когда уходил, и осталась Мод одна возле «Синей птицы». Заглянула она в окно и видит: сидит там Билли-Будь-Неладен-Бэнгтри, любовь её верная,

нелицемерная, пьет виски, а вокруг него так и вьются девицы, из тех, что вечно в салунах торчат.

Мод думала, она прямо лопнет, столько в ней всяких чувств заклокотало, и никак не решить, чего ей больше хочется: то ли палку в коновязи выломать, в «Синюю птицу» ворваться и вздуть хорошенько любовь свою верную, нелицемерную, то ли просто сгореть со стыда и сквозь землю провалиться. Глядь, а у крыльца отцовский пегашка привязан, оседлан и взнуздан, все честь по чести. Хотела было Мод на него вскочить и домой, пока никто её не видел, да не тут-то было. Углядел её Билли-Будь-Неладен-Бэнгтри в окно, встал, дверь ногой толкнул, и вот, извольте радоваться, стоит, ухмыляется, штаны поддергивает, будто в жизни помирать не собирался.

— Глядите-ка, — говорит, — не иначе, как малышка Мод Эпплгейт меня у «Синей птицы» поджидает. Где пропадала, красотка? Болтали, будто ты уехала.

Почувствовала Мод, что краснеет, и в ответ ему этак язвительно:

— Болтали, будто ты очень плох.

Билли головой закивал.

— Очень плох был, — говорит. — Очень плох,

чуть не помер. Спасибо старухе Мэри, она меня своими травами да припарками вылечила — как новенький стал.

Вот уж этого Мод не стерпела. Она-то скакала по горам и долам, из ковбойских краев в края стригалей[94], из краев стригалей в индейские земли, из индейских земель в дальние горы, чтоб только руку Смертного Часа удержать и Билли-Будь-Неладен-Бэнгтри, любовь свою верную, нелицемерную спасти; она-то дважды вокруг света объехала да ещё чужого мужчину в губы поцеловала, и все для кого? Ковбой какой-то завалящий да беспутный, конюшней насквозь пропах, только знает, что виски глушить, табак жевать да в карты резаться, стоит тут и смотрит на неё, будто она персик спелый, так и свалится прямо в руки, только дерево тряхни! И до того Мод Эпплгейт разобиделась, что чуть не заплакала. Однако плакать она не стала, а придумала кой-что получше. Не зря же была она рыжая!

Надо так случиться, что как раз в это время из верхнего окна «Торговли Тарбелла» сам дядюшка Тарбелл высунулся. Тут Мод взяла и наколдовала. Сплюнул дядюшка табачным соком и угодил

[94] Примечания: 94

Стригали — сельскохозяйственные рабочие, занимающиеся стрижкой овец.

Билли-Будь-Неладен-Бэнгтри прямо в глаз, уж Мод постаралась!

И пока стоял Билли там и словами разными неподобающими выражался, так что приличной девушке и слушать зазорно, отвязала Мод отцовского конька, на него вскарабкалась и каблуками пришпорила. Только пыль столбом поднялась, когда Мод по главной улице из города вылетела. И скакала она по горам и долам, из ковбойских краев в края стригалей, из краев стригалей в индейские земли, из индейских земель в дальние горы, пока не разглядела впереди Мистера Смертного Часа на белом его жеребце. И тогда как закричит:

— Эй, Мистер Смертный Час, постойте-ка минутку! Подождите меня!

И когда Смертный Час её услышал, повернул он коня и обратно по той же дороге поскакал — а ведь он ни к кому дважды не приходит, — подхватил её прямо с седла, на белого своего жеребца посадил, обнял крепко и поцеловал, уже по-настоящему. А потом сказал:

— А уж старушка-то моя как обрадуется!

А Мод Эпплгейт ему вот что сказала:

— И чтоб никогда я больше не слышала, как некоторые к людям в окна подглядывают.

И жила Мод Эпплгейт с Мистером Смертным Часом долго и счастливо, да, говорят, и по сю пору живет. Вроде как стала помогать ему в его ремесле. И когда мы, ребятня, бывало, расшалимся да раскапризничаемся перед сном, матери нам говорили:

— Тише, детка, не плачь. Закрой глазки, и придет к тебе Мод Эпплгейт, у кроватки сядет и песенку споет.

Она и вправду приходила и пела — сам слыхал.

РЕЙ БРЭДБЕРИ

АПРЕЛЬСКОЕ КОЛДОВСТВО

Высоко-высоко, выше гор, ниже звезд, над рекой, над прудом, над дорогой летела Сеси. Невидимая, как юные весенние ветры, свежая, как дыхание клевера на сумеречных лугах… Она парила в горлинках, мягких, как белый горностай, отдыхала в деревьях и жила в цветах, улетая с лепестками от самого легкого дуновения. Она сидела в прохладной, как мята, лимонно-зеленой лягушке рядом с блестящей лужей. Она бежала в косматом псе и громко лаяла, чтобы услышать, как между амбарами вдалеке мечется эхо. Она жила в нежной апрельской травке, в чистой, как слеза, влаге, которая испарялась из пахнущей мускусом почвы.

«Весна… — думала Сеси. — Сегодня ночью я побываю во всем, что живет на свете».

Она вселялась в франтоватых кузнечиков на пятнистом гудроне шоссе, купалась в капле росы на железной ограде. В этот неповторимый вечер ей исполнилось ровно семнадцать лет, и душа её, поминутно преображаясь, летела, незримая, на ветрах Иллинойса.

— Хочу влюбиться, — произнесла она.

Она ещё за ужином сказала то же самое. Родители переглянулись и приняли чопорный вид.

— Терпение, — посоветовали они. — Не забудь, ты не как все. Наша семья вся особенная, необычная. Нам нельзя общаться с обыкновенными людьми, тем более вступать в брак. Не то мы лишимся своей магической силы. Ну скажи, разве ты захочешь утратить дар волшебных путешествий? То-то… Так что будь осторожна. Будь осторожна!

Но в своей спальне наверху Сеси чуть-чуть надушила шею и легла, трепещущая, взволнованная, на кровать с пологом, а над полями Иллинойса всплыла молочная луна, превращая реки в сметану, дороги — в платину.

— Да, — вздохнула она, — я из необычной семьи. День мы спим, ночь летаем по ветру, как черные бумажные змеи. Захотим — можем всю зиму проспать в кротах, в теплой земле. Я могу жить в чём угодно — в камушке, в крокусе, в богомоле. Могу оставить здесь свою невзрачную оболочку из плоти и послать душу далеко-далеко в полет, на поиски приключений. Лечу!

И ветер понес её над полями, над лугами.

И коттеджи внизу лучились ласковым весенним светом, и тускло рдели окна ферм.

«Если я такое странное и невзрачное создание, что сама не могу надеяться на любовь, влюблюсь через кого-нибудь другого», — подумала она.

Возле фермы, в весеннем сумраке, темноволосая девушка лет девятнадцати, не больше, доставала воду из глубокого каменного колодца. Она пела.

Зеленым листком Сеси упала в колодец. Легла на нежный мох и посмотрела вверх, сквозь темную прохладу. Миг — и она в невидимой суетливой амебе, миг — и она в капле воды! И уже чувствует, как холодная кружка несет её к горячим губам девушки. В ночном воздухе мягко отдались глотки.

Сеси поглядела вокруг глазами этой девушки.

Проникла в темноволосую голову и её блестящими глазами посмотрела на руки, которые тянули шершавую веревку. Розовыми раковинами её ушей вслушалась в окружающий девушку мир. Её тонкими ноздрями уловила запах незнакомой среды. Ощутила, как ровно, как сильно бьется юное сердце. Ощутила, как вздрагивает в песне чужая гортань.

«Знает ли она, что я здесь?» — подумала Сеси.

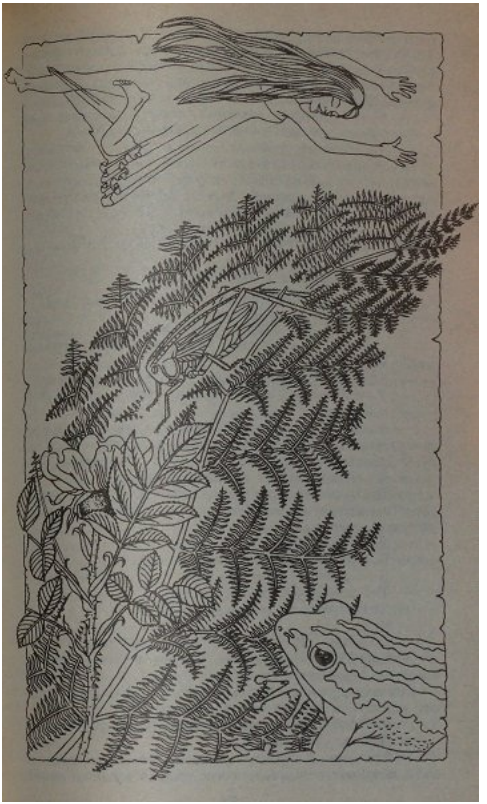
Девушка ахнула и уставилась на черный луг.

— Кто там?

Никакого ответа.

— Это всего-навсего ветер, — прошептала Сеси.

— Всего-навсего ветер. — Девушка тихо рассмеялась, но ей было жутко.



Какое чудесное тело было у этой девушки! Нежная плоть облекала, скрывая, остов из лучшей, тончайшей кости. Мозг был словно цветущая во

мраке светлая чайная роза, рот благоухал, как легкое вино. Под упругими губами — белые-белые зубы, брови красиво изогнуты, волосы ласково, мягко гладят молочно-белую шею.

Поры были маленькие, плотно закрытые. Нос задорно смотрел вверх, на луну, щеки пылали, будто два маленьких очага. Чутко пружиня, тело переходило от одного движения к другому и все время как будто что-то напевало про себя. Быть в этом теле, в этой голове — все равно что греться в пламени камина, поселиться в мурлыканье спящей кошки, плескаться в теплой воде ручья, стремящегося через ночь к морю.

«А мне здесь славно», — подумала Сеси.

— Что? — спросила девушка, словно услышала голос.

— Как тебя звать? — осторожно спросила Сеси.

— Энн Лири. — Девушка встрепенулась. — Зачем я это вслух сказала?

— Энн, Энн, — прошептала Сеси. — Энн, ты влюбишься. Как бы в ответ на её слова с дороги донесся громкий топот и хруст колес по щебню. Появилась повозка, на ней сидел рослый парень, его могучие ручищи крепко держали натянутые вожжи, и его улыбка осветила весь двор.

— Энн!

— Это ты, Том?

— Кто же ещё? — Он соскочил на землю и привязал вожжи к изгороди.

— Я с тобой не разговариваю! — Энн отвернулась так резко, что ведро плеснуло водой.

— Нет! — воскликнула Сеси.

Энн опешила. Она взглянула на холмы и на первые весенние звезды. Она взглянула на мужчину, которого звали Томом. Сеси заставила её уронить ведро.

Смотри, что ты натворил!

Том подбежал к ней.

— Смотри, это все из-за тебя!

Смеясь, он вытер её туфли носовым платком.

— Отойди!

Она ногой оттолкнула его руки, но он только продолжал смеяться, и, глядя на него из своего далекого далека, Сеси видела его голову — крупную, лоб — высокий, нос — орлиный, глаза — блестящие, плечи — широкие и налитые силой руки, которые бережно гладили туфли платком. Глядя вниз из потаенного чердака красивой головки, Сеси потянула скрытую проволочку чревовещания, и милый ротик тотчас открылся:

— Спасибо!

— Вот как, ты умеешь быть вежливой?

Запах сбруи от его рук, запах конюшни, пропитавший его одежду, коснулся чутких ноздрей, и тело Сеси, лежащее в постели далеко-далеко за темными полями и цветущими лугами, беспокойно зашевелилось, словно она что-то увидела во сне.

— Только не с тобой! — ответила Энн.

— Т-с, говори ласково, — сказала Сеси, и пальцы Энн сами потянулись к голове Тома.

Энн отдернула руку.

— Яс ума сошла!

— Верно. — Он кивнул, улыбаясь, слегка озадаченный. — Ты хотела потрогать меня?

— Не знаю. Уходи, уходи! — Её щеки пылали, словно розовые угли.

— Почему ты не убегаешь? Я тебя не держу. — Том выпрямился. — Ты передумала? Пойдешь сегодня со мной на танцы? Это очень важно. Я потом скажу почему.

— Нет, — ответила Энн.

— Да! — воскликнула Сеси, — Я ещё никогда не танцевала. Хочу танцевать. Я ещё никогда не носила длинного шуршащего платья. Хочу платье. Хочу танцевать всю ночь. Я ещё никогда не была в танцующей женщине, папа и мама ни разу мне не позволяли. Собаки, кошки, кузнечи-

ки, листья — я во всем свете побывала в разное время, но никогда не была женщиной в весенний вечер, в такой вечер, как этот… О, прошу тебя, пойдем на танцы! — Мысль её напряглась, словно расправились пальцы в новой перчатке.

— Хорошо, — сказала Энн Лири. — Я пойду с тобой на танцы, Том.

— А теперь — в дом, живо! — воскликнула Сеси. — Тебе ещё надо умыться, сказать родителям, достать платье, утюг — в руки, за дело!

— Мама, — сказала Энн, — я передумала.

Повозка мчалась по дороге, комнаты фермы вдруг ожили, кипела вода для купанья, плита раскаляла утюг для платья, мать металась из угла в угол, и рот её ощетинился шпильками.

— Что это на тебя вдруг нашло, Энн? Тебе ведь не нравится Том!

— Верно. — И Энн в разгар приготовлений вдруг застыла на месте.

«Но ведь весна!» — подумала Сеси.

— Сейчас весна, — сказала Энн.

«И такой чудесный вечер для танцев», — подумала Сеси.

— …для танцев, — пробормотала Энн Лири.

И вот она уже сидит в корыте, и пузырчатое мыло пенится на её белых покатых плечах, лепит

под мышками гнездышки, теплая грудь скользит в ладонях, и Сеси заставляет губы шевелиться.

Она терла тут, мылила там, а теперь — встать! Вытереться полотенцем! Духи! Пудра!

— Эй, ты! — Энн окликнула своё отражение в зеркале: белое и розовое, словно лилии и гвоздики. — Кто ты сегодня вечером?

— Семнадцатилетняя девушка. — Сеси выглянула из её фиалковых глаз. — Ты меня не видишь. А ты знаешь, что я здесь?

Энн Лири покачала головой.

— Не иначе в меня вселилась апрельская ведьма.

— Горячо, горячо! — рассмеялась Сеси. — А теперь одеваться.

Ах, как сладостно, когда красивая одежда облекает пышущее жизнью тело! И снаружи уже зовут…

— Энн, Том здесь!

— Скажите ему, пусть подождет. — Энн вдруг села. — Скажите, что я не пойду на танцы».

— Что такое? — сказала мать, стоя на пороге.

Сеси мигом заняла своё место. На какое-то роковое мгновение она отвлеклась, покинула тело Энн. Услышала далекий топот копыт, скрип колес на лунной дороге и вдруг подумала: «Полечу,

найду Тома, проникну в его голову, посмотрю, что чувствует в такую ночь парень двадцати двух лет». И она пустилась в полет над вересковым лугом, но тотчас вернулась, будто птица в родную клетку, и заметалась, забилась в голове Энн Лири.

— Энн!

— Пусть уходит! I

— Энн! — Сеси устроилась поудобнее и напрягла свои мысли.

Но Энн закусила удила.

— Нет, нет, я его ненавижу!

Нельзя было ни на миг оставлять её. Сеси подчинила себе руки девушки… сердце… голову… исподволь, осторожно. «Встань!» — подумала она.

Энн встала.

«Надень пальто!»

Энн надела пальто.

«Теперь иди!»

«Нет!» — подумала Энн Лири.

«Ступай!»

— Энн, — заговорила мать, — не заставляй больше Тома ждать. Сейчас же иди, и никаких фокусов. Что это на тебя нашло?

— Ничего, мама. Спокойной ночи. Мы вернемся

поздно. Энн и Сеси вместе выбежали в весенний вечер.

Комната, полная плавно танцующих голубей, которые мягко распускают оборки своих величавых, пышных перьев, комната, полная павлинов, полная радужных пятен и бликов. И посреди всего этого кружится, кружится, кружится в танце Энн Лири…

— Какой сегодня чудесный вечер! — сказала Сеси.

— Какой чудесный вечер! — произнесла Энн.

— Ты какая-то странная, — сказал Том.

Вихревая музыка окутала их мглой, закружила в струях песни; они плыли, качались, тонули и вновь всплывали за глотком воздуха, цепляясь друг за друга, словно утопающие, и опять кружились, кружились в вихре, в шепоте, вздохах, под звуки «Прекрасного Огайо».

Сеси напевала. Губы Энн разомкнулись, и зазвучала мелодия.

— Да, я странная, — ответила Сеси.

— Ты на себя непохожа, — сказал Том.

— Сегодня — да.

— Ты не та Энн Лири, которую я знал.

— Совсем, совсем не та, — прошептала Сеси за много-много миль оттуда.

— Совсем не та, — послушно повторили губы Энн.

— У меня какое-то нелепое чувство, — сказал Том.

— Насчет чего?

— Насчет тебя. — Он чуть отодвинулся и, кружа её, пристально, пытливо посмотрел на разрумянившееся лицо. — Твои глаза, — произнес он, — не возьму в толк.

— Ты видишь меня? — спросила Сеси.

— Ты вроде бы здесь и вроде бы где-то далеко отсюда. — Том осторожно её кружил, лицо у него было озабоченное.

— Да.

— Почему ты пошла со мной?

— Я не хотела, — ответила Энн.

— Так почему же?…

— Что-то меня заставило.

— Что?

— Не знаю. — В голосе Энн зазвенели слезы.

— Спокойно, тише… тише… — шепнула Сеси. — Вот так. Кружись, кружись.

Они шуршали и шелестели, взлетали и опускались в темной комнате, и музыка вела и кружила их.

— И всё-таки ты пошла на танцы, — сказал

Том.

— Пошла, — ответила Сеси.

— Хватит. — И он легко увлек её в танце к двери, на волю, неприметно увел её прочь от зала, от музыки и людей.

Они забрались в повозку и сели рядом.

— Энн, — сказал он и взял её руки дрожащими руками, — Энн.

Но он произносил её имя так, словно это было вовсе и не её имя. Он пристально смотрел на бледное лицо Энн, теперь её глаза были открыты.

— Энн, было время, я любил тебя, ты это знаешь, — сказал он.

— Знаю.

— Но ты всегда была так переменчива, а мне не хотелось страдать понапрасну.

— Ничего страшного, мы ещё так молоды, — ответила Энн.

— Нет, нет, я хотела сказать: прости меня, — сказала Сеси.

— За что простить? — Том отпустил её руки и насторожился.

Ночь была теплая, и отовсюду их обдавало трепетное дыхание земли, и зазеленевшие деревья тихо дышали шуршащими, шелестящими листьями.

— Не знаю, — ответила Энн.

— Нет, знаю, — сказала Сеси. — Ты высокий, ты самый красивый парень на свете. Сегодня чудесный вечер, я на всю жизнь запомню, как я провела его с тобой.

И она протянула холодную чужую руку за его сопротивляющейся рукой, взяла её, стиснула, согрела.

— Что с тобой сегодня? — сказал, недоумевая, Том. — То одно говоришь, то другое. Сама на себя непохожа. Я тебя по старой памяти решил на танцы позвать. Поначалу спросил просто так. А когда мы стояли с тобой у колодца, вдруг почувствовал — ты как-то переменилась, сильно переменилась. Стала другая. Появилось что-то новое… мягкость, какая-то… — Он подыскивал слова. — Не знаю, не умею сказать. И смотрела не так. И голос не тот. Я знаю: я опять в тебя влюблен.

«Не в неё, — сказала Сеси, — в меня!»

— А я боюсь тебя любить, — продолжал он. — Ты опять станешь меня мучить.

— Может быть, — ответила Энн.

«Нет, нет, я всем сердцем буду тебя любить! — подумала Сеси. — Энн, скажи ему это, скажи за меня. Скажи, что ты его всем сердцем полю-

бишь».

Энн ничего не сказала.

Том тихо придвинулся к ней, ласково взял её за подбородок:

— Я уезжаю. Нанялся на работу, сто миль отсюда. Ты будешь обо мне скучать?

— Да, — сказали Энн и Сеси.

— Так можно поцеловать тебя на прощанье?

— Да, — сказала Сеси, прежде чем кто-либо другой успел ответить.

Он прижался губами к чужому рту. Дрожа, он поцеловал чужие губы.

Энн сидела будто белое изваяние.

— Энн! — воскликнула Сеси. — Подними руки, обними его!

Она сидела в лунном сиянии, будто деревянная кукла.

Он снова поцеловал её в губы.

— Я люблю тебя, — шептала Сеси. — Я здесь, это меня ты увидел в её глазах, меня, а я тебя люблю, хоть бы она тебя никогда не полюбила.

Он отодвинулся и сел рядом с Энн такой измученный, будто перед тем пробежал невесть сколько.

— Не понимаю, что это делается?... Только сейчас...

— Да? — спросила Сеси.

— Сейчас мне показалось... — Он протер руками глаза. — Неважно. Отвезти тебя домой?

— Пожалуйста, — сказала Энн Лири.

Он почмокал лошади, вяло дернул вожжи, и повозка тронулась. Шуршали колеса, шлепали ремни, катилась серебристая повозка, а кругом ранняя весенняя ночь — всего одиннадцать часов, — и мимо скользят мерцающие поля и луга, благоухающие клевером.

И Сеси, глядя на поля, на луга, думала: «Все можно отдать, ничего не жалко, чтобы быть с ним вместе, с этой ночи и навсегда». И она услышала издали голоса своих родителей: «Будь осторожна. Неужели ты хочешь потерять свою магическую силу? А ты её потеряешь, если выйдешь замуж за простого смертного. Берегись. Ведь ты этого не хочешь?»

«Да, хочу, — подумала Сеси, — Я даже этим готова поступиться хоть сейчас, если только я ему нужна. И не надо больше метаться по свету весенними вечерами, не надо вселяться в птиц, собак, кошек, лис мне нужно одно: быть с ним. Только с ним. Только с ним».

Дорога под ними, шурша, бежала назад.

— Том, — заговорила наконец Энн.

— Да? — Он угрюмо смотрел на дорогу, на лошадь, на деревья, небо и звезды.

— Если ты когда-нибудь, в будущем, попадешь в Грин-Таун в Иллинойсе — это несколько миль отсюда, — можешь ты сделать мне одолжение?

— Возможно.

— Можешь ты там зайти к моей подруге? — Энн Лири сказала это запинаясь, неуверенно.

— Зачем?

— Это моя хорошая подруга… Я рассказывала ей про тебя. Я тебе дам адрес. Минутку.

Повозка остановилась возле дома Энн, она достала из сумочки карандаш и бумагу и, положив листок на колено, стала писать при свете луны.

— Вот. Разберешь?

Он поглядел на листок и озадаченно кивнул.

— «Сеси Элиот. Тополевая улица, 12, Грин-Таун, Иллинойс», — прочел он.

— Зайдешь к ней как-нибудь? — спросила Энн.

— Как-нибудь, — ответил он.

— Обещаешь?

— Какое отношение это имеет к нам? — сердито крикнул он. — На что мне бумажки, имена?

Он скомкал листок и сунул бумажный шарик в карман.

— Пожалуйста, обещай! — взмолилась Сеси.

…обещай… — сказала Энн.

— Ладно, ладно, только не приставай! — крикнул он.

«Я устала, — подумала Сеси. — Не могу больше. Пора домой. Силы кончаются. У меня всего на несколько часов сил хватает, когда я ночью вот так странствую… Но на прощание…»

— …на прощание, — сказала Энн.

Она поцеловала Тома в губы.

— Это я тебя целую, — сказала Сеси.

Том отодвинул от себя Энн Лири и поглядел на неё, заглянул ей в самую душу. Он ничего не сказал, но лицо его медленно, очень медленно разгладилось, морщины исчезли, каменные губы смягчились, и он ещё раз пристально всмотрелся в озаренное луной лицо, белеющее перед ним.

Потом помог ей сойти с повозки и быстро, даже не сказав «спокойной ночи», покатил прочь.

Сеси отпустила Энн.

Энн Лири вскрикнула, точно вырвалась из плена, побежала по светлой дорожке к дому и захлопнула за собой дверь.

Сеси чуть помешкала. Глазами сверчка она посмотрела на ночной весенний мир. Одну минутку, не больше, глядя глазами лягушки, посидела в одиночестве возле пруда. Глазами

ночной птицы глянула вниз с высокого, купающегося в лунном свете вяза и увидела, как гаснет свет в двух домиках — ближнем и другом, в миле оттуда. Она думала о себе, о всех своих, о своем редком даре, о том, что ни одна девушка в их роду не может выйти замуж за человека, живущего в этом большом мире за холмами.

«Том. — Её душа, теряя силы, летела в ночной птице под деревьями, над темными полями дикой горчицы. — Том, ты сохранил листок? Зайдешь когда-нибудь, как-нибудь при случае навестить меня? Узнаешь меня? Вглядишься в моё лицо и вспомнишь, где меня видел, почувствуешь, что любишь меня, как я люблю тебя — всем сердцем и навсегда?»

Она остановилась, а кругом — прохладный ночной воздух, и миллионы миль до городов и людей, и далеко-далеко внизу фермы и поля, реки и холмы.

Тихонько: «Том?»

Том спал. Была уже глубокая ночь; его одежда аккуратно висела на стульях, на спинке кровати. А возле его головы на белой подушке ладонью кверху удобно покоилась рука, и на ладони лежал клочок бумаги с буквами. Медленно-медленно пальцы согнулись и крепко его сжали. И Том даже

не шелохнулся, даже не заметил, когда черный дрозд на миг тихо и мягко прильнул к переливающемуся лунными бликами окну, бесшумно вспорхнул, замер — и полетел прочь, на восток, над спящей землей.

УРСУЛА ЛЕ ГУИН

ПРАВИЛА ИМЁН

Мистер Подгоркинз вышел из-под своей горки, тяжело дыша и улыбаясь. Дыхание вылетало из ноздрей клубами, похожими на густые облачка пара, белоснежные в лучах утреннего солнца Мистер Подгоркинз посмотрел на ясное декабрьское небо, улыбнулся шире, чем обычно, показав белоснежные зубы, и зашагал вниз по дороге в деревню.

— Неплохое утро, мистер Подгоркинз, — говорили ему деревенские жители, когда он проходил по узким улицам мимо домиков с круглыми нависшими крышами, похожими на толстые красные шляпки мухоморов.

— Неплохое, неплохое, — отвечал он всякий раз. (Нехорошо ведь желать доброго утра кому попало, и хвалить это время суток уж лучше как-нибудь поосторожней, потому что на острове Саттин, так подверженном любому влиянию, каждое беспечное слово может испортить погоду на целую неделю.) Одни обращались к нему приветливо, другие — приветливо-пренебрежительно, но здоровались с ним все. Он был единственным доставшимся этому островку

волшебником и потому заслуживал уважения. Но легко ли уважать пятидесятилетнего толстого коротышку, если он ходит переваливаясь, как утка, улыбается и все время выдыхает из ноздрей пар? К тому же способности у него были весьма средние. Фейерверки он делал замечательно, а эликсиры получались никудышными. Бородавки после его заговора появлялись опять дня через три, помидоры вырастали не больше дыни, а в те редкие дни, когда в Саттинскую бухту заходили чужеземные суда, мистер Подгоркинз отсиживался в своей пещере, потому что, как он сам говорил, боялся дурного глаза. Одним словом, колдовал он не лучше, чем плотничал косой Голова, — все спустя рукава.

Деревенские жители мирились и с покосившимися дверями, и с неудачными заклинаниями, — ничего не попишешь, таково нынешнее поколение, — а своё неудовольствие выражали лишь тем, что обходились с волшебником запанибрата, будто бы он ничем от них не отличался. Иногда его приглашали в деревню к кому-нибудь на обед. А однажды он сам назвал к себе гостей и устроил им настоящий пир — на столе, накрытом камчатной скатерью, были хрусталь, серебро, и жареный гусь, и искристый «Эндрейд 639», и

сливовый пудинг с густой подливкой, но сам он при этом так нервничал, что испортил все удовольствие, да к тому же через полчаса после обеда гости снова проголодались. Мистер Подгоркинз приглашать к себе не любил, даже в переднюю, дальше которой вообще никого не пускал. И когда он видел, что кто-то подходит к его горе, он сам семенил навстречу. «Посидим-ка мы лучше вон там, под елкой», — улыбаясь, говорил он и показывал рукой в сторону ельника, а если шел дождь, предлагал: «Пойдем-ка лучше в трактир, выпьем что-нибудь», — хотя все на свете знали, что мистер Подгоркинз не пьет ничего крепче родниковой воды.

Иногда деревенские ребятишки, не выдержав искушения перед запертой пещерой, выслеживали, высматривали, когда мистер Подгоркинз уйдет, и пытались открыть маленькую дверь, ведущую в глубь жилища, но тут, похоже, он в кои-то веки постарался, и наложенное на неё заклятие было надежным. Однажды двое мальчишек, решив, что волшебник уехал на Западное побережье лечить больного ослика миссис Руны, принесли с собой топор и ломик, но едва только ломик коснулся двери, как из пещеры послышался грозный рев и вырвались клубы

багрового дыма. Мистер Подгоркинз вернулся домой раньше времени. Мальчишки удрали. Волшебник из пещеры не вышел, и ничего худого с мальчишками не случилось, но, говорили они, ведь никто не поверит, если сам не услышит, какой оглушительный, страшный, свистящий, стенающий, сиплый вой способен издавать этот толстенький коротышка.

Как-то раз он спустился в деревню, чтобы купить себе фунт печенки и дюжины три яиц, потом заглянуть в домик капитана Туманоу и подновить старику талисман зоркости (это довольно бесполезное занятие при отслоении сетчатки, но мистер Подгоркинз надежды не оставлял) и, наконец, зайти поболтать с вдовой гармошечного мастера старой тетушкой Гульд. Мистер Подгоркинз дружил все больше со стариками. Он терялся в обществе молодых людей, а деревенские девушки робели перед ним. .....

— Он нас нервирует, он все время улыбается, — твердили они, надувая губки и наматывая на пальчик шелковистые локоны. «Нервирует» было словечком новомодным, и матери хмуро им отвечали:

— Нервирует, как же! Глупости, да и только, мистер Подгоркинз — всеми уважаемый вол-

шебник.

Распрощавшись с тетушкой Гульд, мистер Подгоркинз проходил мимо школы, занятия в которой в тот раз велись на выгоне. Никто на Саттине не знал грамоты, а потому там не было ни книг, чтобы почитать или же поучиться, ни парт, чтобы вырезать свои инициалы, ни тряпочки, чтобы вытереть доску, ни самой школы. В дождливую погоду дети прятались в Общественном Амбаре на сеновале и вылезали оттуда, набрав за шиворот сена, а в ясные дни здешняя учительница Палани вела их куда ей вздумается. В тот день в окружении тридцати внимательных ребятишек, не старше двенадцати, и сорока невнимательных овец, не старше пяти лет, она объясняла одну из самых важных тем учебной программы — Правила Имен. Мистер Подгоркинз с застенчивой улыбкой остановился возле них на минутку посмотреть и послушать. Симпатичная двадцатилетняя толстушка Палани, окруженная овцами и детьми, стояла у голого черного дуба на фоне дюн, и моря, и чистого, залитого зимним солнцем бледного неба — и это была очаровательная картинка. Говорила она с увлечением, и лицо её порозовело от ветра и собственных слов.

— Теперь вы знаете Правила Имен. Их два — и

на нашем острове, и во всем мире они одинаковы. Назовите мне первое правило.

— Невежливо спрашивать у кого бы то ни было, как его зовут! — крикнул было толстый шустрый мальчишка, но его тут же перебил пронзительный вопль крохотной девочки:

— Моя мама говорит, что никогда никому нельзя говорить, как тебя зовут!

— Так, Саиф, правильно. Правильно, Крошка, не надо кричать. Молодцы. Никогда и ни у кого нельзя спрашивать, как его зовут. Никогда никому нельзя называть своё имя. А теперь немножко подумайте и скажите, почему мы зовем нашего волшебника мистером Подгоркинзом? — И она улыбнулась мистеру Подгоркинзу поверх кудрявых головок и шерстяных курточек, а он сиял и нервно прижимал к себе котомку с яйцами.

— Потому что он живет под горкой, — сказали хором пятнадцать ребятишек.

— Это настоящее его имя?

— Нет! — сказал толстый мальчишка, и следом сразу же пискнула Крошка:

— Нет!

— А откуда вы знаете, что нет?

— А оттуда, что он приехал один, и никто не знает, как его взаправду зовут, потому что сказать

некому, а он…

— Очень хорошо, Саиф, не пищи так, Крошка. Молодцы. Даже волшебник не смеет сказать, как его зовут на самом деле. Вот вы окончите школу, сдадите экзамен, детских имен у вас больше не будет, и останутся только настоящие. Их нельзя произносить вслух, и спрашивать о них тоже нельзя. А вот почему нельзя?

Дети стояли молча. Овцы тихонько блеяли. На вопрос ответил мистер Подгоркинз.

— Потому что каждая вещь прячется в своем имени, — робко проговорил он своим тихим, немножко осипшим голосом. — И узнать настоящее имя — значит понять её смысл. Стоит только его назвать — и получишь над ней власть. Правильно ли я говорю, госпожа учительница?

В ответ она, несколько, видно смущенная его вмешательством, улыбнулась и сделала реверанс. А мистер Подгоркинз заторопился к своей пещере, крепко прижимая к груди котомку с яйцами. Отчего-то из-за этой недолгой остановки возле детей и Палани он ужасно проголодался. В пещере он быстренько затворил внутреннюю дверь, но впопыхах наверное, оставил щель, потому что вскоре пустая передняя наполнилась запахом яичницы и жареной печенки.

В тот день дул легкий, свежий западный ветер, и после полудня он пригнал небольшое суденышко, заскользившее по сверкающим волнам Саттинской бухты. Едва оно обогнуло мыс, его тут же заметил востроглазый мальчишка, знавший, как и все дети на острове, каждый парус и каждую мачту сорока здешних рыбачьих баркасов, и сломя голову помчался по улице с криками: «Чужеземный корабль! Чужеземный корабль!» К этому уединенному островку лишь изредка подходил какой-нибудь корабль, идущий от Восточных Пределов, да заглядывал порой предприимчивый купец с островов Архипелага. И когда судно подошло к причалу, там уже собралась добрая половина деревенских жителей. Вышедшие в море рыбаки торопились к берегу, и отовсюду приветствовать путешественника сбегались собиратели трав и моллюсков.

А дверь мистера Подгоркинза оставалась закрытой.

На борту судна был всего лишь один человек. Когда об этом сказали старому капитану Туманоу, он сдвинул над невидящими глазами белые щетинистые брови и произнес:

— В одиночку добраться до Внешних Пределов может только волшебник, колдун или маг.

И вся деревня затаила дыхание в надежде хоть раз в жизни увидеть настоящего мага, одного из тех могущественных Белых Магов, которые живут на богатых, многолюдных, многобашенных срединных островах Архипелага. Их разочаровал вид путешественника, оказавшегося довольно молодым и красивым чернобородым парнем, который сначала приветливо махал им с палубы рукой, а потом лихо соскочил на берег, обрадовавшись земле, как любой моряк. Он сразу представился всем как бродячий торговец. Но когда капитану Туманоу сказали, что этот торговец ходит опираясь на дубовую палку, тот покачал головой.

— Два волшебника на одном острове. Плохо дело! — сказал он и плотно сжал губы, шлепнув ими, как старый сазан.

Оттого что чужестранец не мог сам назвать своё имя, они сразу же прозвали его Черной Бородой. И все внимание сосредоточили на нем. Он привез с собой ткани и башмаки, дешевые куренья, блестящие камушки, душистые травы и крупные бусы из Венвея — весь обычный товар морского развозчика. Островитяне спускались к причалу поглазеть, поболтать с путешественником и, может быть, что-нибудь купить. «На

память», — хихикала тетушка Гульд, которую, как и всех деревенских женщин, до глубины души поразила вызывающая красота Черной Бороды. Мальчишки так и вились вокруг него, слушая рассказы о долгих странствиях к чужим берегам далеких Пределов, об огромных, богатых островах Архипелага, о его проливах, о рейдах, где белым-бело от парусов, и о золотых крышах Ганнбурга. Мужчины слушали его охотно, но самые дотошные все ломали голову, отчего этот моряк путешествует в одиночку, и задумчиво поглядывали на его дубовый посох.

А мистер Подгоркинз все так и сидел под своей горой.

— Первый раз вижу остров, где нет волшебника, — сказал как-то вечером Черная Борода, обращаясь к тетушке Гульд, которая пригласила его вместе со своим племянником и с Палани на чашечку бурдяного чая. — Что же вы делаете, если у вас разболится зуб или корова не станет доиться?

— Ну-у, — сказала старушка, — у нас есть мистер Подгоркинз.

— Толку-то от него, — пробормотал племянник Бирт, густо покраснел и пролил на стол чай. Большой и храбрый рыбак Бирт был очень

немногословным молодым парнем.

Когда он полюбил Палани, единственное, на что он решился, чтобы выказать свою любовь, — это без конца носить кухарке её отца корзины с макрелью.

— А, так у вас таки есть волшебник, — сказал Черная Борода. — Он, что же, невидимка?

— Нет, — сказала Палани, — он просто очень робкий. Вы здесь всего неделю, а мы, знаете ли, так редко видим чужестранцев… — Она тоже немножко покраснела, но чай свой не пролила.

Черная Борода улыбнулся ей:

— Он, наверное, здешний?

— Нет, — сказала тетушка Гульд. — Какой же он здешний, он вроде вас. Еще чаю, племянничек? Да держал бы ты чашку покрепче. Нет, дорогой мой, он приплыл к нам в крохотном суденышке года эдак четыре назад, да, вроде четыре, на следующий день после того, как прошел анчоус, наши тогда вернулись из Восточной бухты с полными сетями, а пастух Пруди в то утро ногу сломал, — должно быть, пять лет назад. Нет, четыре. Нет, пять, да — пять, в тот год ещё чеснок не уродился. Так что приплыл он в малюсенькой лодчонке, набитой всякими сундуками да коробами, и говорит капитану Туманоу, — тот тогда ещё не

ослеп, хотя такой старый был, что другой бы уже успел два раза ослепнуть, так вот — и говорит: «Мне сказали, тут у вас нет ни волшебника, ни колдуна. Может быть, я вам сгожусь? — я волшебник». — «Ну что ж, — говорит капитан, — если, конечно, вы занимаетесь белой магией!» И не успели мы рыбку съесть, а мистер Подгоркинз уже поселился в пещере под горой и сразу же помог тетушке Тралтоу — вылечил ей от чесотки рыжего кота. Правда, шерсть у него выросла серая. На что он стал похож — не передать! Он сдох прошлой зимой в самые холода. Бедняжка тетушка Тралтоу так убивалась, больше, чем по мужу, он у неё утонул возле Обрывов в тот год, когда сельди шло много, а племянничек Бирт тогда ещё под стол пешком ходил. — Тут Бирт пролил чай ещё раз, Черная Борода хмыкнул, а тетушка Гульд продолжала, как ни в чём не бывало, и проговорила так до самой ночи.

На следующий день Черная Борода спустился к молу, чтобы заделать в своем баркасе какую-то щель, и возился с ней, кажется, слишком долго, пытаясь, как обычно, втянуть в разговор молчаливых саттинян.

— А где тут лодка вашего волшебника? — спросил он. — Или, может, он кладет её в ореховую

скорлупку, как Маг?

— Ну нет, — сказал один невозмутимого вида рыбак. — В пещере она, под горой.

— Он забрал с собой лодку в пещеру?

— Точно. Забрал. Сам помогал. Тяжеленная она была — как свинец. Набита вся сундуками, а они все набиты книгами, а книги все с заклинаниями — точно, он сам говорил. — Тут невозмутимого вида рыбак невозмутимо вздохнул и повернулся к торговцу спиной. Неподалеку чинил сеть племянник тетушки Гульд. Он оторвался от работы и так же невозмутимо спросил:

— Может, вы хотите познакомиться с мистером Подгоркинзом?

Черная Борода повернулся к Бирту. На одно долгое мгновение умные черные глаза встретились с ясным голубым взглядом, а потом Черная Борода улыбнулся и сказал:

— Да. Ты не проводишь меня к нему, Бирт?

— Ну хорошо. Только сначала закончу вот это, — сказал рыбак.

И когда сеть была починена, Бирт вместе с путешественником отправились по деревенской улице к подножью зеленой горы. Но за выгоном Черная Борода сказал:

— Подожди-ка минутку, приятель Бирт. Прежде

чем мы увидим волшебника, я хочу рассказать тебе одну историю.

— Что ж, — сказал Бирт и уселся в тени вечнозеленого дуба.

— Эта история началась сто лет тому назад и до сих пор ещё не кончилась — хотя скоро закончится, очень скоро… В самом сердце Архипелага, где островов больше, чем мух в банке с медом, есть маленький остров Пендор. Пока шла война — Лиги тогда ещё не было, — Властители Пендора были очень могущественны. Все отнятое, все награбленное, вся дань со всех островов — все стекалось на остров Пендоров, и скопили они немало. Но однажды от Западных Пределов, из тех краёв, где на островах застывшей лавы живет драконье племя, прилетел могучий дракон. Не тот ящер-переросток, которых называете драконами вы, жители Внешних Пределов, но огромное, черное, крылатое, мудрое и хитрое чудовище, в котором сила сочеталась с искушенностью, и больше всего на свете он, как и все драконы, любил золото и драгоценные камни. Он убил Властителя Пендора и его воинов, а жители острова удрали ночью на кораблях. Они все сбежали, а башню Пендоров оставили дракону. Он улегся своим чешуйчатым брюхом на смарагдах,

сапфирах, на золоте и пролежал так целых сто лет, выходя только раз в году, чтобы пообедать. За добычей он летал на соседние острова. Ты ведь знаешь, что едят драконы?

Бирт кивнул и прошептал:

— Девушек.

— Правильно, — сказал Черная Борода. — Но так не могло продолжаться до бесконечности, сама мысль о том, что он сидит на таких сокровищах, была невыносимой. Архипелаг тем временем отказался от войн и пиратства, окрепла Лига, и, наконец, все решили напасть на Пендор, изгнать дракона и забрать золото и драгоценности в казну Лиги. Ей всегда не хватает денег. С пятидесяти островов собрался огромный флот, семь Магов встали на носу самых могучих кораблей, и они направились к Пендору… Они доплыли. Высадились. Там было тихо. Дома стояли пустые, на столах и тарелках лежала столетняя пыль. Во дворе замка, на лестницах валялись кости прежнего Властителя Пендора и его людей. В башне из всех углов несло драконом, но самого дракона не было. Не было и сокровищ — ни единого малюсенького алмаза, ни единой серебряной монетки… Дракон знал, что ему не устоять против семерых Магов, и удрал. Маги занялись поисками, узнали, что он

перебрался на далекий северный остров Удрат, все отправились туда, но что они там нашли? Снова кости. Теперь уже кости самого дракона. И — никаких сокровищ! Судя по всему, какой-то неизвестно откуда взявшийся волшебник сразился с драконом, убил его и скрылся под самым носом у Лиги.

Рыбак слушал внимательно и безучастно.

— Это, должно быть, был очень умный и очень искусный волшебник, — сначала ему удалось убить дракона, а потом сбежать и не оставить никаких следов. Маги и лорды Архипелага так и не смогли ничего о нем узнать — ни откуда он взялся, ни куда он исчез. Они уже собирались махнуть на все это дело рукой, но тут из трехлетнего плаванья к Северным Пределам вернулся я, и тогда они сделали последнюю попытку отыскать неизвестного волшебника, обратившись за помощью ко мне. Это было вовсе не глупо с их стороны. Потому что я не только волшебник, о чём кое-кто из ваших олухов, кажется, всё-таки догадался, я — прямой наследник Властителя Пендора. Все сокровища принадлежат мне. Они — мои и сами знают это. Болваны из Лиги не сумели их отыскать, именно потому что они мои. Они принадлежат Дому Пендоров, и гордость

сокровищницы, огромный смарагд Иналькиль — Зеленый Камень — тоже знает своего хозяина. Смотри! — Тут Черная Борода поднял вверх свой дубовый посох и громко крикнул: — Иналькиль!

Кончик посоха засветился зеленым светом, вспыхнул ослепительным ореолом, цвета апрельской травы, и в тот же миг посох в руках волшебника повернулся, наклонился и клонился вниз до тех пор, пока не указал прямо на гору, перед которой они стояли.

— В Ганнбурге он светился не так ярко, — пробормотал Черная Борода. — Этот посох не ошибается. Иналькиль слышит мой зов. Сокровища знают, кто их хозяин. А я знаю вора, и я с ним сражусь. Он искусный волшебник, раз сумел победить дракона. Но я лучше. Ты не хочешь узнать, а, олух, почему я так в этом уверен? Да потому, что я знаю его имя!

С каждой минутой голос Черной Бороды становился все громче и громче, а взгляд Бирта — скучней и скучней, безучастней и безучастней, но при этих последних словах рыбак вздрогнул, сжал губы и уставился на пришельца.

— Как же вы… узнали его? — очень медленно проговорил он.

Черная Борода хмыкнул и не ответил.

— Черная магия?

— А как же ещё!

Бирт побледнел и ничего не сказал.

— Я — лорд Пендор, олух, и я хочу вернуть себе золото, которое добыл мой отец, и драгоценности, которые носила моя мать, а ещё — Зеленый Камень Иналькиль! Потому что все это — моё. Когда я выиграю битву и уплыву отсюда, ты расскажешь об этом всем здешним болванам. А к тому же, если не боишься, можешь подойти поближе и посмотреть. Не каждый день удается увидеть великого волшебника во всем его могуществе. — Черная Борода повернулся и, ни разу не оглянувшись, зашагал по дороге к пещере.

Очень медленно вслед за ним пошел Бирт. Он остановился подальше от входа в пещеру и, устроившись под вечнозеленым дубом, приготовился наблюдать. Пришелец остановился. Темная плотная фигура четко выделялась на фоне зеленого склона перед разинутой пастью пещеры. Он стоял неподвижно. Вдруг волшебник вскинул над головой посох, и над ним разлилось изумрудное сияние. В тот же миг он крикнул:

— Вор, вор, грабитель Пендора, выходи!

Из пещеры раздался грохот, словно упала и разбилась вся посуда, и оттуда вылетело облако

пыли. Бирт испугался и зажмурился. А когда он открыл глаза, то увидел, что Черная Борода все ещё стоит неподвижно, а перед ним возле входа в пещеру появился пыльный, взъерошенный мистер Подгоркинз. Косолапый, в черных панталонах, обтянувших его кривые коротенькие ножки, безо всякого посоха, — Бирт вдруг сообразил, что у него никогда не было никакого посоха, — он выглядел маленьким и жалким. Мистер Подгоркинз раскрыл рот.

— Кто вы? — сказал он своим слабым, осипшим голосом.

— Я Властитель Пендора, вор, и пришел сюда, чтобы вернуть свои сокровища!

От этих слов мистер Подгоркинз медленно порозовел, что случалось с ним всякий раз, когда ему кто-нибудь грубил. Но потом с ним произошло ещё кое-что. Он пожелтел. Волосы встали дыбом, он издал похожее на кашель рычание — и вниз по склону на Черную Бороду, сверкая клыками, ринулся лев.

Только Черной Бороды больше не было. Черный, как ночь, рыжий, как молния, тигр приготовился к прыжку…

Лев исчез. Прямо перед пещерой неожиданно встал черный в лучах зимнего солнца лес. Тигр

замер на лету, чуть-чуть не угодив в его тень, высек из воздуха огонь, сам стал языком пламени и принялся лизать сухие черные ветви…

Тогда вместо деревьев неожиданно серебряной дугой из горы поднялся столб воды и обрушился на огонь. Огонь исчез…

И через мгновение перед глазами изумленного рыбака встали две горы одна прежняя, зеленая, а другая — новая, бурая, голая, и она раскрылась, чтобы выпить рушащийся водопад. Случилось это так быстро, что Бирт моргнул, а моргнув, моргнул ещё раз и застонал, потому что то, что он увидел, оказалось страшней всего. На месте водопада возвышался дракон. Черные крылья заслонили собой гору, по земле шарили стальные когти, а из черной корявой зияющей пасти вырывались огонь и дым.

Перед чудовищем стоял пришелец и улыбался.

— Превращайтесь во что вам угодно, маленький мистер Подгоркинз! — сказал он насмешливо. — Я все равно с вами справлюсь. Но мне надоела эта игра. Я хочу поскорей взглянуть на свои сокровища, на Иналькиль. Так что теперь, огромный дракон, маленький колдунишка, примите-ка свой настоящий облик… Я приказываю тебе властью твоего имени, стань сам собой, — Йевад!

Бирт не смел ни моргнуть, ни вздохнуть. Он съежился от страха, гадая, что ещё сделает мистер Подгоркинз. Он увидел, как черный дракон поднялся над Черной Бородой. Он увидел, как пыхнуло из корявой пасти пламя, а из красных ноздрей вырвалось облако дыма. Он увидел, как побелел Черная Борода, побелел, как мел, и как задрожали его окаймленные бородой губы.

— Твое имя — Йевад!

— Да! — произнес оглушительный сиплый, свистящий голос. — Да, моё имя — Йевад, и облик этот — мой!

— Но ведь дракон убит. Его кости нашли на Удрате…

— Это был другой дракон, — сказал дракон и упал как ястреб, вытянув вперед когти. И Бирт закрыл глаза.

Когда он снова открыл их, светило солнце, склон был пуст, и Бирт увидел лишь несколько втоптанных в траву черно-красных угольков да следы от стальных когтей.

Рыбак Бирт поднялся на ноги и кинулся бежать. Он бежал через выгон, разгоняя направо и налево овец, потом по улице, прямиком к домику отца Палани. Палани полола в саду грядку с настурциями. «Бежим!» — выдохнул Бирт. Она широко

распахнула глаза. Бирт схватил её за руку и потащил за собой. Палани только вскрикнула и не стала сопротивляться. Они побежали прямехонько к молу, Бирт втолкнул её в рыбачью лодку «Куини», отвязал канат, поднял весла, отчалил и принялся грести как сумасшедший. С острова лишь увидели удалявшийся к западу, в направлении ближайшего островка, парус «Куини», и Бирт с Палани навсегда исчезли из виду.

Жители деревни думали, что им на всю жизнь хватит разговоров о том, как спятил племянник тетушки Гульд и уплыл, прихватив с собой школьную учительницу, и как в тот же день бесследно исчез, бросив все свои перья и бусы, бродячий торговец Черная Борода. Но через три дня они забыли об этом. Через три дня, когда наконец из пещеры вышел мистер Подгоркинз, им было ещё о чём поговорить.

Мистер Подгоркинз решил, что раз его настоящее имя теперь все равно известно, прятаться нет никакого смысла. Ходить ему было трудней, чем летать, а кроме того, он давно не обедал как следует.

СУНДУЧОК ТЕМНОТЫ

По мягкому песку морской отмели шел, не оставляя следов, маленький мальчик. В ярком бессолнечном небе кричали чайки, в пресной воде бескрайнего океана резвилась форель. Вдалеке, у кромки горизонта, на мгновение встал семью огромными дугами морской змей и тотчас, распрямившись, ушел под воду. Мальчик свистнул, но змей, занятый охотой на китов, больше не появлялся. Ребенок шел по песчаной полоске между морем и скалами, не отбрасывая тени и не оставляя следов. Перед ним поднимался зеленый мыс, где стояла избушка на четырех лапах. И когда он взошел по тропинке наверх, избушка подпрыгнула на месте и потерла передние лапки, как адвокат или муха. А стрелки часов внутри домика показывали, как всегда, без десяти минут десять и не шевелились.

— Что там у тебя, Дикки? — спросила его мать, бросая петрушку и перец в прозрачный куо, где кипела и булькала тушившаяся крольчатина.

— Сундучок, ма.

— Где же ты его подобрал?

Матушкин домовой спрыгнул с увешанных

луковыми гирляндами балок, обвился вокруг её шеи вроде лисьего воротника и сказал:

— На берегу.

Дикки кивнул:

— Правильно. Его вынесло море.

— А что там?

Домовой мурлыкнул и ничего не сказал. Колдунья повернула голову, посмотрела в круглое личико сына и повторила вопрос:

— Что в нем, Дикки?

— Там темнота.

— Да-а? Дай-ка я посмотрю.

Она наклонилась, чтобы заглянуть в сундучок, а домовой зажмурил глаза и продолжал мурлыкать. Малыш, осторожно прижимая сундучок к груди, чуть-чуть приоткрыл крышку.

— Да, ты прав, — сказала мать. — А теперь убери, и смотри, чтоб она не выскочила. Интересно, а где же ключ? Беги, сынок, вымой руки. А ну-ка, стол, ставь посуду! — И пока малыш пыхтел над тяжелой ручкой насоса и брызгался под струей воды, вся избушка наполнилась звяканьем неведомо откуда взявшихся тарелок и вилок.

После завтрака мать прилегла отдохнуть, а Дикки достал из шкафчика со своими сокровищами побелевший от воды облепленный песком

сундучок и отправился с ним к дюнам, в глубь берега. Сзади, не отставая ни на шаг, по песку, единственной тенью, семенил в жесткой траве черный домовой.

На перевале принц Рикард оглянулся в седле и поверх флажков и плюмажей своих солдат, поверх длинной крутой дороги посмотрел на стены и башни отцовского города. Под бессолнечным небом город мерцал, как жемчужина, хрупкий, лишенный тени. Принц знал — никому не взять этот город. Принц смотрел, и его сердце пело от гордости. Он подал сигнал командирам к быстрому броску и пришпорил коня. Тот взвился на дыбы и пустился галопом, и тотчас же над их головами закричал и завыл грифон принца. Он играл, падая вниз, щелкая клювом и успевая всякий раз вовремя увернуться. Белый конь, без поводьев, вставал на дыбы, бил серебряными копытами по воздуху или дико храпел, когда перед ним проносился длинный голый хвост. Грифон гоготал и кудахтал, поднимался над дюнами и с пронзительным визгом повторял всю забаву сначала. Рикард, не желая, чтобы грифон устал до начала битвы, взял его наконец на поводок, после чего тот присмирел и спокойно летел сбоку, попискивая и мурлыча.

Перед принцем открылось море. Где-то внизу, за скалами, притаилось вражеское войско, во главе которого стоял его брат. Дорога петляла и все глубже уходила в песок. Море, появляясь то справа, то слева, становилось все ближе и ближе. Вдруг дорога исчезла. Белый конь взмыл над десятифунтовой кручей и галопом понесся по песку. Обогнув подножие дюны, Рикард увидел длинную цепь воинов, выстроившихся вдоль воды, и за их спинами — черные носы трех кораблей. Солдаты принца спускались с кручи, карабкались на дюны, морской ветер хлопал голубыми знаменами, и гул моря заглушал людские голоса. Не было ни вызова, ни переговоров. Два войска сошлись грудь в грудь, меч в меч. С пронзительным визгом взмыл вверх грифон и камнем упал, как сокол, стараясь достать когтями и клювом высокого, одетого в серый плащ, человека, предводителя вражьего войска.

Но тот держал меч наготове. Железный клюв щелкнул над плечом, потянувшись к горлу, железный меч сверкнул раз, другой — и рассек грифоново брюхо, и оно развалилось пополам. Грифон с воплем упал, сбив врага ударом огромного крыла, заливая песок черной кровью. Шатаясь, поднялся серый воин, срубил грифону голову и

крылья и, почти ослепнув от песка и крови, успел повернуться лицом к Рикарду, когда тот налетел на него. Он повернулся и, не сказав ни слова, поднял свой дымящийся от крови меч, чтобы отразить нападение. Он попытался попасть по ногам коня, но промахнулся, а конь встал на дыбы, ринулся вперед, и в воздухе засверкал меч принца. Руки серого воина отяжелели, он еле дышал. А Рикард не знал пощады. Еще раз поднял серый воин оружие; он собрался с силами, но просвистел меч, и брат ударил его по поднятому лицу. Он упал, не сказав ни слова. Рикард пришпорил коня, направил его в гущу битвы, и копыта белого жеребца взметнули фонтаны коричневого песка, осыпав тело погибшего брата.

Пришельцы дрались упорно, хотя их становилось все меньше, и этих немногих шаг за шагом теснили к морю. Когда оставалось всего человек двадцать, цепь сломалась, они бросились в отчаянии к кораблям и, стоя по грудь в воде среди пенных бурунов, толкали их на глубину и карабкались на борт. Рикард кликнул своих. Они шли к нему по песку, переступая через изрубленные тела. Тяжелораненые пытались подняться и доползти до него. Воины собрались в ложбине за дюной, на которой стоял Рикард, и выстрои-

лись в ряды, готовые к походу. За спиной принца покачивались на волнах три черных корабля, выставив неподвижные весла.

Рикард сел среди жесткой травы на вершине дюны. Он наклонил голову и закрыл лицо руками. Подле него не шелохнувшись стоял белый конь, как белокаменное изваяние. Ниже него не шелохнувшись стояло войско. Позади него, на песке, рядом с мертвым грифоном, лежал серый воин, с лицом, залитым кровью, и все, кто погиб, лежали, уставившись в небо, в котором не было солнца.

Налетел порыв ветра. Рикард поднял голову, и лицо его, совсем ещё юное, было мрачно и непреклонно. Он подал сигнал командирам, вспрыгнул в седло и пустил коня рысью в обход дюны обратно в горы не дожидаясь, пока направятся к берегу черные корабли, чтобы подобрать своих солдат, и пока его войско пополнит ряды и двинется вслед за ним. Он поднял вверх руку, когда над его головой с воплем пронесся грифон, и ухмыльнулся, глядя, как этот гигант пытается взгромоздиться на его затянутый в перчатку кулак, хлопая крыльями и вереща, будто кот.

«Курица ты, а не грифон, — сказал он. — Марш в свой курятник к цыпляткам!» Оскорбленное

чудище взвизгнуло и медленно полетело на восток, в сторону города. За спиной у принца вверх по холму тянулась змеею рать воинов, не оставлявших следов. За спинами воинов, как коричневый шелк, расстилался песок, ровный и безупречный. Черные корабли подняли паруса, готовясь к отплытию. На носу флагмана стоял одетый в серое человек с непреклонным лицом.

Выбрав дорогу назад полегче, мимо зеленого мыса, Рикард доехал до избушки на четырех лапах. На пороге, приветствуя его, стояла хозяйка. Принц направил коня в ворота маленького дворика и заглянул в лицо молодой колдуньи. Оно было блестящим и черным как уголь. Черные волосы трепетали в порывах морского ветра. Она смотрела на всадника в белых доспехах на белом коне.

— Теперь тебе слишком часто придется сражаться, принц, — сказала она.

Он улыбнулся:

— Ничего не поделаешь, не могу же я допустить, чтобы брат осадил город.

— Почему бы и нет? Этот город не взять никому.

— Я знаю. Но король, мой отец, не позволил изгнаннику даже ступить на этот берег. Я солдат

своего отца. Я исполняю приказ.

Колдунья взглянула на море, а потом снова повернулась к юноше. Темное лицо её застыло, нос и подбородок заострились, как у старухи, глаза засверкали.

— Служи и властвуй, правь и повинуйся, — сказала она. — Будь осторожен, принц. — Лицо её вновь потеплело и стало прекрасным. — Сегодня море выносит подарки, дует ветер, кристаллы треснули. Будь осторожен.

Он почтительным низким поклоном поблагодарил колдунью, сел на коня и уехал, белый, как чайка, над волнистою цепью дюн. Колдунья вернулась в избушку и окинула взглядом комнату, проверяя, все ли на месте: лук, летучие мыши, коврики, котелки, метла, жабий камень, круглые кристаллы (с трещинами внутри), тонкий месяц, подвешенный над очагом, книги, домовой… Она осмотрела все ещё раз и заторопилась из дому, кликая Дикки и домового.

Западный ветер повеял холодом и гнул теперь до земли жесткую траву.

— Дикки!.. Кис, кис, кис!..

Ветер сорвал слова с губ, разметал в клочья и отшвырнул прочь.

Она щелкнула пальцами. Из дверей ручкой

вперед вылетела метла и остановилась перед своей хозяйкой в двух футах от земли, а избушка подпрыгивала и вздрагивала от нетерпения. Колдунья щелкнула ещё раз: «Закройся!» — и дверь послушно захлопнулась. Колдунья оседлала метлу и медленно, плавно полетела вдоль береговой полосы песка, то и дело выкрикивая:

— Дикки!.. Сюда!.. Кис, кис, кис!..

Нагнав своё войско, принц спешился и пошел рядом со всеми. На перевале, глядя на город в долине, он услышал, как кто-то потянул его за край плаща:

Принц… — Мальчик, круглый, толстощекий малыш, испуганно смотрел на принца и протягивал замызганный, облепленный песком сундучок.

— Его вынесло море, я знаю, это для вас, принц. Возьмите, пожалуйста…

— Что в нем?

— Темнота, сэр.

Рикард взял сундучок и, немного поколебавшись, приподнял заскрипевшую крышку…

— Он просто выкрашен изнутри в черный цвет, — сказал он с натянутой улыбкой.

Рикард осторожно приподнял крышку ещё на дюйм или два, заглянул внутрь и быстро захлопнул, услышав слова ребенка:

— Смотрите, чтобы её не выдул ветер!

— Я отвезу его королю.

— Но это для вас, сэр…

— Все дары моря принадлежат королю. Но спасибо тебе, малыш.

Мгновение они смотрели друг на друга, маленький пухлый ребенок и сильный прекрасный юноша, потом Рикард отвернулся и пошел дальше, а малыш направился в обратную сторону, вниз по холму, молчаливый и безутешный. Он услышал голос матери, доносившийся издалека, с юга, и ответил, но ветер отнес его крик в глубь берега, домовой же исчез.

Войско подошло к городу, и бронзовые ворота распахнулись. Залаяли сторожевые псы, стража встала на караул. Жители города кланялись Рикарду, когда он мчался широким галопом по мраморным мостовым ко дворцу. У входа он бросил взгляд на большие бронзовые часы самой высокой из девяти белых башен дворца. Неподвижные стрелки показывали без десяти минут десять.

В Тронном зале король, непреклонный седой человек, увенчанный железной короной, в ожидании сына сжимал железные головы химер на подлокотниках трона. Рикард поклонился и,

глядя, как всегда, вниз, доложил о выигранном сражении.

— Изгнанник убит, большая часть его войска погибла, остальные бежали на кораблях.

В ответ раздался голос, похожий на скрип несмазанных петель железной Двери:

— Неплохо, принц.

— Я принес вам подарок, мой господин. — И, не поднимая головы, Рикард протянул королю деревянный сундучок.

Из груди украшавшего трон кованого чудовища вырвался хриплый рык.

— Мой! — Король сказал это так резко, что на мгновение Рикард оторвал взгляд от пола и увидел обнаженные зубы химер и сверкающие глаза отца.

— Потому я и принес его вам, мой король.

— Это мой сундучок, я отдал его морю, сам! А море вышвырнуло мой подарок. — После долгого молчания король сказал уже мягче: — Возьми его себе, принц. Он ненужен ни морю, ни мне. Он в твоих руках. Держи его… на замке. Держи его на замке, принц!

Стоя на коленях, Рикард склонился ещё ниже в знак благодарности и послушания. Когда он вышел в сверкающий вестибюль, со всех сторон его

обступили придворные и гвардейцы, собираясь, как всегда, расспросить принца про битву, посмеяться, выпить и поболтать. Он прошел мимо них, не удостоив ни словом, ни взглядом, один вошел в свои покои, осторожно неся сундучок обеими руками.

Все стены его покоев, без окон и теней, украшали золотые виньетки, усыпанные топазами, опалами, хрусталем и, гуще всего, бриллиантами. В золотых канделябрах неподвижно застыло пламя свечей. Принц поставил сундучок на стеклянный столик, скинул плащ, отстегнул перевязь и сел отдохнуть. Из спальни, царапая когтями мозаичный пол, вприпрыжку примчался грифон, положил голову на колени принцу и ждал, пока тот почешет ему перышки на затылке. Вдоль стены по комнате крался черный лоснящийся кот. Рикард не обратил на него внимания. По всему дворцу бродили разные звери — коты, гончие псы, обезьяны, молодые гиппогрифы, белые мыши, тигры. У каждой придворной дамы был собственный единорог, у каждого кавалера — с десяток ручных любимцев. У принца был только один — сражавшийся рядом с ним грифон, единственный преданный друг.

Принц почесал ему перышки, то и дело погля-

дывая то на него, чтобы увидеть золотое сияние круглых любящих глаз, то на столик и сундучок. Ключа к сундучку не было.

Где-то в залах играла музыка, непрерывно сплетались звуки, безумолчно, как шум фонтана.

Он оглянулся и посмотрел на квадратные каминные часы, богато отделанные золотом и голубой эмалью. Было без десяти минут десять — пора подниматься, надевать перевязь, брать в руки меч, созывать людей и идти на битву. Изгнанник вновь возвращался, намереваясь взять город, объявить себя наследником и предъявить свои права на престол. Черные корабли должны были уже повернуть обратно. Братья должны сразиться. Один из них должен погибнуть, и город будет спасен. Рикард встал, и тотчас, колотя хвостом по полу, подскочил готовый к бою грифон.

— Ладно, пошли! — сказал Рикард, но голос его прозвучал холодно. Он взял меч в изукрашенных жемчугом ножнах и надел его на перевязь, а грифон, повизгивая от нетерпения, терся клювом о руку принца. Рикард не обращал на него внимания. Он устал, ему был грустно, о чём-то он тосковал — но о чём? Чего он хотел — услышать молчание музыки или хоть раз перед боем поговорить с братом? — он и сам не знал. Наследник,

защитник, он обязан повиноваться. Он надел серебряный шлем и нагнулся, чтобы поднять перекинутый через стул плащ. Свисающие жемчужные ножны зацепились за что-то у него за спиной. Он оглянулся и увидел на полу раскрытый сундучок. Пока принц смотрел на него все тем же отрешенным, холодным взглядом, тонкая струйка тьмы, похожая на дым, выскользнула наружу и собралась на полу около сундучка. Принц нагнулся, поднял его — и темнота хлынула из рук.

С визгом отпрянул грифон.

Высокий, светловолосый, в белых доспехах, серебряном шлеме Рикард стоял посреди комнаты и смотрел, как стекает тьма. Вокруг него, под руками уже собрались сумерки. Принц стоял неподвижно. Потом, помедлив, раскрыл сундучок, поднял над головой и опрокинул вверх дном.

Темнота проплыла у лица. Принц услышал, что смолкла музыка, и оглянулся. Стало очень тихо. Свечи горели. Мерцали кружки света, и на потолке, на стенах вспыхивали золотые и лиловые пятна. В углах собралась темнота, она лежала за каждым стулом, и стоило Рикарду повернуться, по стене метнулась его тень. Вот

тогда-то в темном углу он заметил два круглых глаза, светящихся красным, и, уронив сундучок, быстро шагнул им навстречу.

«Это, конечно, грифон». Он вытянул руку, заговорил с ним. Но тот не шелохнулся и только издал странный металлический звук.

— Идем! Ты что, боишься темноты? — сказал принц и вдруг сам почувствовал страх. Он вынул меч. Все было тихо. Он отступил назад к двери — и чудовище прыгнуло. Он увидел черные крылья, распростертые под потолком, железные когти и клюв. Огромная туша нависла над ним, прежде чем он успел поднять оружие. Принц напрягся, клюв лязгнул у горла, когти вонзились в руку и грудь. Ему всё-таки удалось высвободить меч и ударить, отбросить и ударить ещё раз. Вторым ударом он перерубил шею грифона почти до половины. Тот с визгом упал на осколки стекла и затих.

С грохотом уронил Рикард на пол свой меч. Руки были липкими от собственной крови, пелена застилала глаза. От хлопанья крыльев грифона все свечи, кроме одной, погасли или упали. Ощупью принц нашел стул и сел. Через минуту, ещё не отдышавшись, он сделал то, что делал всегда на вершине холма после битвы: опустил голову

и закрыл руками лицо. Стояла полная тишина. В канделябрах мерцали свечи, отражаясь тусклыми блестками в топазовой россыпи на стене. Рикард поднял голову.

Грифон лежал неподвижно. Его кровь собралась на полу в лужу, черную, как первые капли темноты, пролившиеся из сундучка. Железный клюв был раскрыт, и раскрыты были глаза, похожие на два красных камня.

— Он мертв, — сказал кто-то тихим ласковым голосом, и колдуньин кот появился из темноты, осторожно переступая через осколки разбитого столика. — Раз и навсегда. Слышите, принц? — Кот уселся и аккуратно обернул свои лапки хвостом. Рикард стоял, неподвижный и отрешенный, но неожиданный звук вдруг заставил его вздрогнуть — он услышал тихое тиканье рядом. Тотчас на наружной башне раздался оглушительный бой часов, отдаваясь в каменном полу, в ушах, в крови. Часы били десять.

В дверь заколотили, крики заполнили все коридоры дворца, сливаясь с последними ударами колокола, с воплями перепуганных зверей, окриками, командами.

— Скоро начнется сражение, принц, вам нужно спешить, — сказал кот.

Ощупью, среди крови и темноты, принц отыскал свой меч, вложил его в ножны, накинул плащ и направился к двери.

— Сегодня будет день, — сказал кот, — и вечер, и ночь. На исходе дня один из вас вернется в город — или вы, или ваш брат. Но только один из вас, принц!

На мгновение Рикард остановился:

— Там сейчас светит солнце?

— Сейчас — да.

— Ну что же, оно того стоит, — сказал юноша, и открыл дверь, и шагнул в гул голосов, в залитые солнцем и страхом залы, и длинная тень побежала за ним вслед.

РАССКАЗ ЖЕНЫ

Он был хороший муж, хороший отец. Я не знаю. Не понимаю. Не понимаю, как это случилось. Я видела все своими глазами, но это неправда. Он всегда был ласковым. Если б вы только видели, как он играл с детьми, стоило только увидеть его рядом с ними — кто угодно сразу бы понял, что в нем не было зла, ну нисколечко не было зла.

Впервые я увидела его, когда он ещё жил у матери, неподалеку от Спринг-Лейк, я привыкла встречать их вместе, сына и мать, и решила, что с парнем, который так внимательно относится к домашним, познакомиться стоит. Потом я как-то гуляла по лесу и увидела его одного, когда он возвращался с охоты. В этот раз ему не повезло, полевая мышь и то больше добудет, но он ни капли не огорчался. Он шел вприпрыжку да радовался утренней свежести. Именно за эту черту я сначала его и полюбила. Он все принимал легко, и если дела шли не по-его, не ворчал и не хныкал. А тогда мы заговорили друг с другом. Наверное, с этого все и началось, потому что он появился дня через два и крутился тут в двух шагах целыми днями. И моя сестра мне сказала — родители с

нами не жили, годом раньше они перебрались южней, а мы остались, — так вот, сестра мне сказала, немножко чтобы подразнить, но в общем вполне серьезно: «Ну, если он и дальше собирается здесь торчать все дни напролет, да ещё почти целые ночи, мне тут делать нечего!» И она перебралась жить чуть дальше. Мы всегда были по-настоящему близки друг другу, я и моя сестра. И это уже не уйдет. Ни с чем бы я не сумела справиться, если бы не она.

Так он здесь поселился. И я могу лишь сказать, что это был самый счастливый год в моей жизни. Мой муж приносил мне только радость. Он так много работал, не лентяйничал никогда, был такой большой и красивый. И все на него глядели этак, знаете, снизу вверх, несмотря на его молодость. По ночам на собраниях Ложи он все чаще был запевалой. Пел он прекрасно, вел уверенно, и все голоса, низкие и высокие, следовали ему и соединялись с ним.

До сих пор у меня бегут мурашки, когда я вспоминаю об этом, до сих пор я ещё слышу их пенье — дети тогда были маленькими, я оставалась дома, — пенье доносится из-за деревьев, светит луна, летние ночи, сияние полной луны. Никогда не услышу я ничего прекрасней. Никогда мне не

будет так радостно, как в тот год.

Говорят, виновата луна. Луна и кровь. Кровь его отца. Я никогда не видела его. Он был с Уайтуотерской стороны, и здесь родни у него нет. Я всегда думала, что он вернулся к своим, но теперь я уж и не знаю. После того, что случилось с моим мужем, о нем ходили всякие разговоры, всякие сплетни. Говорят, это что-то в крови, о чём можно и не узнать никогда, но если оно случится, то лишь при перемене луны. Все случается только тогда, когда погаснет луна. Когда все спят по домам. Говорят, тогда что-то находит, и тот, чья кровь предана проклятью, просыпается оттого, что не может спать, и он выходит наружу под слепящее солнце, и он уходит один — его тянет искать себе подобных.

Наверное, это правда, потому что с моим мужем все именно так и было. Я спрашивала сквозь сон: «Куда ты?» — а он отвечал: «На охоту, конечно, к вечеру буду», — и был сам на себя не похож, и даже голос менялся. Но мне так хотелось спать, я так боялась разбудить малышей, а он был так мил и внимателен, что мне и в голову не приходило встать и спросить «куда?», или «зачем?», или что-нибудь в этом роде.

Так было три или четыре раза. Он возвращался

домой поздно, усталый, почти что сердитый, говорить он об этом со мной не хотел — при его-то мягком характере! Я уверена, что скандалами и воркотней все равно ничего не добьешься. Но тут я стала тревожиться. И скорее не из-за отлучек, а из-за того, каким он возвращался, усталым и странным. От него даже пахло иначе. Волосы дыбом вставали от этого запаха. Не могла я его выносить, я спросила: «Что это — чем от тебя пахнет? Ты весь этим пропах!» А он ответил: «Не знаю», — как отрезал, и притворился, что спит. Когда же он решил, что я не смотрю на него, он вышел, и мылся, и мылся. Но этот запах остался в его волосах и в нашей постели надолго.

А потом случилось что-то ужасное. Нелегко говорить об этом. Когда я вспоминаю тот день, мне хочется плакать. Наша младшая, наша малышка, моя крошка, она отвернулась от своего отца. Вдруг, в одночасье. Он вошел, и она испугалась, замерла, глаза широко раскрылись, она заплакала и старалась спрятаться за меня.

Она ещё толком-то и говорить не умела, а тут все кричала одно и то же: «Пусть оно уйдет! Пусть оно уйдет!»

Его взгляд, один только взгляд, когда он услышал её слова. Вот его я хочу забыть. Вот его не

могу забыть. Его взгляд, обращенный к собственному ребенку.

Я сказала малышке: «Постыдись! Что это на тебя нашло?» — сердито, но в то же время прижимая её к себе, потому что и я испугалась. Испугалась, да так, что меня затрясло.

Он отвел глаза в сторону и сказал что-то вроде: «Наверное, ей что-то приснилось», — и к тому все и свел. Попытался свести. И я тоже. Чуть с ума я не сошла с моей малышкой, потому что она стала до смерти бояться собственного отца. И ни я, ни она не могли ничего с этим поделать.

Его не было целый день. Я думаю, он все знал. Луна уже гасла.

Внутри, за закрытой дверью, было темно и жарко, и мы все уснули, а потом меня снова что-то толкнуло. Его не было рядом со мной. Я прислушалась и услыхала легкий шорох у входа. Я поднялась, потому что терпеть это больше не было сил. И пошла туда, там был свет, резкий солнечный свет, проникавший из-за двери. Я увидела, что он стоит рядом с домом в высокой траве. Он опустил голову, а потом сел, будто вдруг устал, и смотрел на свои ноги. Я не вышла, я замерла и ждала — не знаю чего.

Я увидела то, что увидел он. Я увидела перемену.

Изменились сначала ноги. Они стали вытягиваться; каждая нога вытягивалась, выпрямляясь, пальцы ног выпрямлялись, вытягивались, ноги стали толще и побелели. На них не осталось волос.

На всем теле исчезли волосы. Будто они таяли под лучами солнца и растаяли наконец. Он стал белым, как кожа у червяка. И лицо его переменилось. Менялось у меня на глазах. Оно делалось площе и площе-плоский широкий рот, он оскалил тупые и плоские зубы, нос — как мягкая шишка с дырочками ноздрей, уже не было видно ушей, глаза его поголубели — голубые, с белыми уголками, они смотрели прямо на меня с этого мягкого, плоского, белого лица.

Стоял он на двух ногах.

Я увидела его, я должна была его увидеть, единственного и любимого, превратившегося в ненавистное нечто.

Я не могла двинуться с места. Я прижалась к земле в проходе, меня колотила дрожь, в горле клокотало рычанье, и оно вырвалось диким и страшным воем.

Воем скорби, и воем страха, и воем-зовом. И его услышали все, даже сквозь сон, и они проснулись.

Нечто вглядывалось и всматривалось, нечто, в которое превратился мой муж, склоняло лицо к двери нашего дома. Смертельный страх не давал мне тронуться с места, но за спиною проснулись дети, захныкала младшая. И во мне проснулась ярость матери. Я зарычала, рванулась вперед Человек огляделся. Те, что приходят сюда от людских жилищ, носят ружья. Он был без ружья. Но одной своей длинной лапой он поднял тяжелую упавшую с дерева ветку и ткнул ею прямо в наш дом, в меня. Я зажала конец этой ветки в зубах, пытаясь вытолкнуть её вон и вырваться из дому, потому что знала — человек, если сможет, убьет моих малышей. Но уже бежала сестра. Я видела, как она несется прямо на него с низко опущенной головой, со вздыбленной на загривке шерстью, а глаза её были желты, как зимнее солнце. Он повернулся, замахнулся веткой, чтобы ударить её. Тут я выпрыгнула из дома, обезумев от ярости и страха за детей, и ко мне бежали другие, отвечая на зов, — собиралась вся стая, в слепящих и жарких лучах полдневного солнца.

Человек оглянулся крутом, закричал во весь голос, замахал на нас своей веткой. А потом он сдался и побежал, направляясь к голым полям и к пашням, вниз по склону горы. Он бежал на

двух лапах, подскакивал и петлял, а мы бежали за ним.

Я бежала последней, потому что ни гнев, ни страх ещё не заглушили любовь. Я увидела на бегу, как его повалили на землю. Сестра схватила за горло зубами. Я рванулась вперед. Он был мертв. И все отодвинулись, ощутив странный вкус крови и запах. Молодые ежились от страха, некоторые скулили, а моя сестра терла и терла передними лапами губы, пока не исчез этот привкус. Я подошла к нему поближе. Я надеялась, что заклятье, что это проклятье теперь, когда он уже умер, исчезнет и что мой муж снова примет свой облик — живой или мертвый, мне все равно, мне бы только увидеть того, кого я любила, увидеть, каким он был, единственным и прекрасным. Но там лежал мертвый человек, белый и окровавленный. Мы отодвигались от него все дальше и дальше, и повернулись, и побежали вверх по склону, в горы, обратно в лес, в леса теней, и сумерек, и благословенной тьмы.

ДЖОН ГАРДНЕР

КОРОЛЕВА ЛУИЗА

1

Безумная королева Луиза, проснувшись, почувствовала беспокойство и раздражение. Ничего необычного в этом не было. Такое постоянно случалось с ней с тех пор, когда она была ещё девочкой или, как она иногда отчетливо помнила, ящерицей. Королева стала обмахиваться ладонью, с тревогой отыскивая, как всегда в первые минуты, скрытую причину своего душевного смятения. Похищения, нужды и смерти она не боялась.

Возможность этих несчастий она много лет назад взяла под сомнение и там, в непроглядной тени сомнения, их и оставила и забыла о них — нельзя же все время пережевывать одно и то же.

Что касается менее существенных страхов, то достаточно сказать, что она прочитала все книги во дворце — не только на славянском и латинском, но и на немецком и французском языках, и одну — на английском; читая, она иногда оставалась в облике королевы, а иногда превращалась в огромную жабу с сонными глазами в

очках — при этом она неизменно вычеркивала из книг любые упоминания о каких бы то ни было неприятностях, начиная с отсутствия аппетита и кончая крапивной лихорадкой. И всё-таки королева Луиза обычно просыпалась с беспокойством и раздражением. Причину она всякий раз отыскивала простым и очень надежным способом — стоило ей проснуться, она тут же перебирала в уме все ничтожные мелочи, с которыми можно было бы связать это подспудное смутное беспокойство. Что-то фрейлина осунулась, у неё расстроенный вид; неприятности с мужем? Или мох на северной стороне замка. Глубоко ли проникают его корни? Не разрушат ли они каменную кладку?

Она отодвинула полог громадной раззолоченной кровати. (Король теперь всегда спал один. Он ссылался на войны. Не завел ли он любовницу?) В спальню вовсю светило солнце, — камеристка неизменно в шесть часов настежь распахивала окна. Во всем должен быть порядок, считала королева Луиза. Кроме того, жабы любят утреннюю сырость. Каждая поверхность, каждая плоскость, кромка и уголок мебели сияли, чуть ли не пели, залитые светом. Гребни и щетки на туалетном столике так блестели, что пришлось зажму-

риться.

Королева осторожно высунула ноги из-под одеяла на холод-сначала по щиколотку, потом по колено. Она спустила ноги с кровати, пол приятно холодил ступни. Так можно насмерть простудиться, подумала она, и поспешно стала нащупывать под кроватью туфли.

Дверь распахнулась, и в спальню влетела камеристка. Ей полагалось быть здесь при пробуждении королевы. Королева Луиза почувствовала подвох и внимательно прищурила большие сияющие (она это знала) глаза. Не натворила ли чего эта малышка? — подумала королева. Вид у девушки был взволнованный. Ей было лет четырнадцать, не больше. Похоже, она, — королева встревоженно коснулась груди камеристки, — похоже, она беременна!

У королевы Луизы вырвался стон, девочка бросилась к ней и схватила её за руки.

— Что с вами, ваше величество?

На щеках у неё две яркие розы. Глаза у неё серые.

— Со мной ничего особенного, — ответила королева осторожно. Она лихорадочно соображала, кто бы это мог быть. Конечно, не паж. Он был толстый, как боров, и от него вечно несло вин-

ным перегаром. Королева очень надеялась, что это не какой-нибудь трубач! Конечно, это не мог быть никто из рыцарей, войны есть войны, — разве что кто-то из раненых. Она представила себе с ужасом и невольным удовольствием, как камеристка прокрадывается в лазарет и проскальзывает в постель к окровавленному детине с бородой, не бритой полгода. Королева Луиза незаметно зашептала молитву, чтобы отогнать непристойные мысли.

— Я отлучилась только на минутку, ваше величество, — сказала камеристка.

Королева уже не находила себе места от беспокойства. Наверное, это вообще не был кто-либо из дворца. Возможно, это отец девочки, какой-нибудь крестьянин из деревни.

— Помоги мне одеться, — произнесла королева слабым голосом.

— Слушаюсь, ваше величество! — Камеристка поклонилась очень низко и на мгновение побледнела. Верный признак беременности! Но королева Луиза не сказала ни слова. Пусть она безумна, как утверждают все, хотя у них тоже голова явно не в порядке, но она никогда не станет вмешиваться в чужие дела. Она чуть слышно вскрикнула. Фрейлине, подравшейся с мужем,

следовало бы теперь тоже быть здесь. Не ушла ли она с огромным псом — отцом камеристки? Девушка вопросительно посмотрела на королеву, встревоженная её возгласом. Королева Луиза мягко улыбнулась ей, и девочка успокоилась. Королева Луиза продела руки в расшитые золотом рукава.

— Его величество завтракает? — спросила она. Королева считала, что слуги должны чувствовать себя непринужденно, но ум их надо постоянно чем-то занимать.

— Он уехал среди ночи, госпожа. Всё эти войны, знаете ли.

Девочка говорила таким извиняющимся, тоном, точно она была виновата в этих войнах.

— Ну ничего, дитя моё, — сказала королева Луиза. — Я думаю, мы управимся сами.

— Я тоже надеюсь, ваше величество.

Королева замерла. В голосе камеристки явно прозвучало отчаяние. (На это у королевы Луизы было безошибочное чутье.) Зашнуровывая корсаж, она подошла к зеркалу, оправленному в золото и слоновую кость. Как бы невзначай она спросила:

— Что-нибудь случилось, дитя моё?

Внезапно, тронутая нежным участием в голосе

её величества, камеристка разрыдалась.

— О, моя госпожа, я не смею признаться!

Королева нахмурилась в сильном беспокойстве и тут же поспешно улыбнулась, чтобы не волновать девочку, и легонько похлопала камеристку по руке.

— Расскажи мне, в чём дело, — велела она, — и королева Луиза все уладит.

Девочку не пришлось долго уговаривать. Прильнув к руке её величества, она сказала:

— На горе объявилась ведьма и разогнала всех отшельников. Крестьяне так дрожат от страха, что почти не могут говорить. Что же теперь делать? О ваше величество, ваше величество! Король и его рыцари за сто верст отсюда!

Королева Луиза вздохнула, но дрожать не стала. Она ласково обняла бедняжку и печально посмотрела в зеркало. Оттуда на неё из-под тяжелых век глянули её большие глаза, там же она увидела свой огромный унылый жабий рот.

Шитое золотом платье плотно облегало её толстое бугристое болотно-зеленое тело, а рукава были ей широки и немножко длинны.

— Ничего, — сказала она. — Королева Луиза все уладит.

Да, уладит. Несомненно. Но всё-таки это опро-

метчиво и неразумно со стороны короля — оставить королевство на сумасшедшую королеву. Она стала стремительно обдумывать, кто могла быть его любовница. Разумеется, это не её собственная фрейлина! Но как только эта мысль промелькнула у королевы, она тут же решила, что это именно фрейлина. (Предчувствия никогда её не обманывали.) Но если это так, значит, его величество — отец камеристки — толстый крестьянин, который спал теперь с фрейлиной, потому что у той были нелады с мужем, а дочь крестьянина, то есть короля, маленькая камеристка, могла быть только… её собственной пропавшей дочерью! Королева Луиза улыбнулась, чувствуя себя бесконечно счастливой, но пока ничего не сказала, ожидая подходящего случая. Она ощущала, как тепло разливается по всему её телу и сама она делается необыкновенно величественной. Скоро она станет бабушкой.

2

— Заседание Суда объявляю открытым, — произнесла королева Луиза.

Вид у судей был недоумевающий и немного раздосадованный, что было вполне понятно. Но факты были очевидные, а ничто так не облегчает

судебное разбирательство, как очевидные факты. Конечно, не королевское это дело — объясняться с простыми судьями. («Не объяснять и не пенять» — таков был девиз королевы Луизы.) Факты же состояли в следующем: король и его рыцари отсутствовали, кроме раненых в лазарете, и некому было заняться бедами королевства, кроме Королевского Суда. Поэтому королева Луиза и собрала Суд.

Главный судья смотрел поверх очков, приподнимая костяшками пальцев парик, отчасти чтобы лучше видеть, отчасти чтобы лучше слышать. Он перевел взгляд с пустой скамьи подсудимых на пустые скамьи, предназначенные для защиты и свидетелей. Момент был напряженный, и камеристка с тревогой взглянула на королеву. Двое судей, сидевших по обе стороны от главного судьи, просматривали свои бумаги, делая вид, что ищут окончание своих нескончаемых записей, хотя королева подозревала, что у них там не было записано ни слова. Однако королева легко простила им это.

В самом деле, на их месте она и сама поступила бы так же. Они наверняка никогда не сталкивались со случаем такого рода.

Неуверенно, но с оттенком раздражения, глав-

ный судья спросил:

— А где обвиняемый?

Двое судей улыбнулись, как улыбались они при всяком его вопросе, словно хотели сказать: «До чего умно!» Ободренный их улыбками, он повторил свой вопрос и улыбнулся сам:

— Ваше величество, где обвиняемый?

Королева Луиза тоже улыбнулась, хотя в действительности ей было жаль их: зависимые, как дети, безнадежно скованные правилами и процедурой, они совершенно терялись перед разнообразием и неожиданностями жизни. В своих длинных белых париках они походили на баранов. И, увидев, как они держат карандаши — в раздвоении острых копыт, — королева почти уверилась, что они и правда бараны. Стараясь говорить с величайшим достоинством, чтобы подать пример камеристке, ибо горе королевству, где не уважают суд, а кроме того — бараны тоже люди и их можно обидеть, но главное, она смутно подозревала, что только если она будет говорить с величайшим достоинством, её слова не покажутся смешными даже баранам, королева Луиза сказала:

— Вы спрашиваете, где обвиняемый. Это, господа судьи, — она сделала эффектную паузу, — я

предоставляю решать мудрому Суду.

Судьи переглянулись, а главный судья слегка побледнел и посмотрел на часы. Он снова сосредоточенно оглядел сверху пустые скамьи, где должны были сидеть обвиняемый, свидетели и защита. Он протер очки.

— Ваше величество, — произнес наконец главный судья, как человек, окончательно сбитый с толку. И его слова так и повисли в воздухе.

Королева Луиза ничего не сказала, только похлопала камеристку по коленке, чтобы показать ей, что все хорошо. Девочка впервые была на заседании суда и не имела понятия, сколько все это может продолжаться. Она тоже нетерпеливо поглядывала на часы, ломая пальцы и теребя шарф, пока не перекрутила его так, что почти не стало видно её лица.

Судьи начали высказывать робкие предположения.

— Не может ли обвиняемый сейчас находиться в другом месте? — спросил судья, сидящий слева.

Королева Луиза поджала губы и задумалась.

— Тепло, — произнесла она наконец. И перемигнулась с камеристкой.

— За пределами замка? — спросил судья, сидящий справа.

— Теплее! — сказала королева и стиснула руки.
Он пьет кофе! — воскликнул главный судья.

— Холоднее льда, — отрезала королева.

— Бедняга! — простонали трое судей.

Они совершенно не разбираются в судебном разбирательстве, решила королева, или просто не хотят ни в чём разобраться.

— По-моему, — шепнула камеристка, — эти судьи ничего не способны выяснить.

— Судя по всему, все судьи таковы, дитя моё, — сказала королева Луиза. — Но если ты настаиваешь, я могу обратиться к его чести и немножко подсказать.

— Ах, будьте добры, — взмолилась девочка.

Королева Луиза встала и простерла перед собой руки в рукавах, которые были ей длинны, призывая всех к тишине.

— Господин главный судья, — объявила она, — слушайте подсказку.

Судьи очень обрадовались и замерли, держа наготове карандаши.

— Наша цель, я думаю, вы со мной согласитесь, — сказала королева, — истина.

Судьи украдкой переглянулись, неловкие и боязливые, как тритоны. Без всякой видимой причины глубокая печаль вдруг охватила коро-

леву Луизу. Судьи почесывали лбы огрызками карандашей в надежде услышать что-то ещё. («Истина», — бормотал главный судья, теребя губу. Он записал: «И стена?»)

Королева Луиза продолжала, внимательно наблюдая за ними в ожидании признаков понимания:

— Вы, наверное, слышали, что наших отшельников согнала с горы предполагаемая ведьма.

Она замолчала, пораженная и очень довольная тем, что ей пришло в голову сказать «предполагаемая». Это был первый настоящий ключ к разгадке. Ведьма, скорее всего, на самом деле ведьмой не была, в таком случае, конечно, все это судебное разбирательство… Она бросила подозрительный взгляд на камеристку, потом вспомнила, смутившись, что девочка — её собственная дочь. Девочка в ответ подозрительно посмотрела на неё. Но лица судей по-прежнему ничего не выражали. Королева Луиза вздохнула и с беспокойством подумала, что она может все испортить, если слишком многое им откроет.

Тем не менее, она продолжала:

— Поскольку и король, и все его рыцари отсутствуют, мне кажется, наш святой долг — расследовать это дело. Поэтому давайте сейчас поскачем

на гору и все расследуем.

— Правильно! Правильно! — дико завопили все трое судей в один голос и переглянулись.

По-видимому, это был их ответ (хотя королева не исключала, что на некоторое время она упустила нить происходящего), потому что бедняжка камеристка вся дрожала и хлопала в ладоши и плакала.

3

Лошадь королевы заартачилась. В конце концов все поехали в королевской карете. Камеристка примостилась под боком у королевы, она не принимала участия в разговоре, возможно, потому что, сидя рядом с королевой, оказалась затиснутой в угол.

— Я происхожу из простой, честной семьи, — начала рассказывать королева.

Камеристка с интересом сбоку посмотрела на неё. Пейзаж за окном кареты сверкал белизной. На стене замка, уплывающей вдаль, рыцари из лазарета, все в запекшейся крови, махали разноцветными штандартами и выкрикивали приветствия. Три старых барана сидели, подавшись всем корпусом вперед, потому что королева Луиза говорила очень тихо, и сосредоточенно

слушали. Худосочные копыта у всех троих были сложены на коленях, где помещались и их шляпы, потому что потолок в карете был необыкновенно низкий. Тут королева вспомнила — и заговорила — о потолке в хижине, стоящей на краю леса, в которой жили её родители. (Она сидела плотно сдвинув колени, хотя у неё от этого затекли ноги, и ей было неудобно, но как ни пыталась она потесниться, камеристке все равно места почти не оставалось. Разговаривая, королева Луиза старательно прикрывала ладонями свои обвислые зеленые щеки, просто из любезности к окружающим. Сама она была очень довольна своей внешностью. «Королева с водяными знаками отличия», — говаривала она, скромно подмигивая.)

— В прочность этого брака никто не верил. Мама была ирландка, а отец — дракон. За исключением немногих самых преданных друзей, с ними порвали все близкие с обеих сторон. Но жестокость людей, которые до этого якобы их любили, только усилила их взаимную любовь и глубокое уважение.

Я была самой младшей из детей, которых иногда было семеро, а иногда четверо — в зависимости…

— От чего? — робко вставил главный судья; слезы текли из его больших красных глаз.

— В зависимости от родителей, — пояснила королева Луиза, и сама, может быть, впервые поняла, насколько это верно. — Знаете, мы были бедные, но очень гордые. Конечно, отцу было трудно найти работу.

Она вспомнила, ощутив в душе внезапную острую боль, как он часто сидел у камина, делая вид, что читает вечернюю газету, хотя все в семье знали, что газета прошлогодняя. Слеза сбежала вдоль носа королевы Луизы.

— Отцу было трудно, — повторила она, стараясь собраться с мыслями, — найти работу.

— Еще бы, — сказал баран, сидящий слева, — ведь он был женат на католичке.

Лицо королевы Луизы прояснилось.

— Пусть мы жили в нищете, но мы питались понятиями добра и любви.

— Наверное, поэтому иногда вас и было только четверо, — сказал главный судья.

У королевы возникло странное чувство, которое она ничем не могла объяснить — будто разговор заходит в тупик. Она решила перескочить вперед.

— Когда мне было девять лет, в деревянной

церкви по соседству случился пожар. Конечно, в этом обвинили отца. — Королева замолчала, сдвинув брови, хотя в глубине души чувствовала дочернюю гордость. — Простите, — обратилась она к главному судье, — вы все это записываете?

Главный судья поднял на неё удивленные заплаканные глаза и покраснел. Он протянул ей листок, на котором только что с величайшей сосредоточенностью выводил что-то большими печатными буквами. На листке было написано: И СТЕНА НАНЕСТИ СИТА НЕТ САТАНА (вычеркнуто) САТИН НАСЕСТ.

Королева Луиза задумалась, камеристка украдкой заглядывала ей через плечо.

— TASSEN, — вдруг произнесла королева Луиза по-немецки.

— SANTE! — выкрикнула камеристка по-французски.

— ETAT! — выкрикнул баран, сидящий слева.

Все посмотрели на него.

Королева Луиза вздохнула.

— Так вот, — сказала она, — отца увезли. Помню его прощальные слова. В душе он был поэт, я всегда это чувствовала. Было холодное зимнее утро, как сейчас.

Она печально посмотрела в окно.

— Он печально посмотрел в окно, двое полицейских стояли по обе стороны от него, на нем было только старое прожженное пальто; помню, слезы текли у него по щекам, и он сказал:

— Дорогие мои, не корите за это власти. Кто поручится, Что наше собственное восприятие мира соответствует реальности? Есть Такие насекомые-

Я забыл их название, — у них нет органов, при помощи которых

Они могли бы узнать о существовании себе подобных. Таков и наш жребий. Не теряйте же веры! Любите и тех, кто приносит вам горе!

— Свободный гекзаметр, — определил главный судья. Удивленная королева посмотрела на него с уважением. Здесь ей, увы, пришлось прервать свой рассказ. Они уже добрались до места.

4

Ворота монастыря были распахнуты настежь. Королева Луиза вышла из кареты, держа за руку камеристку, чтобы бедняжке было не так страшно, и увидела, что во дворе нет ни души и на снегу нет ни единого следа, как будто здесь не ступала нога человека. Королева на цыпочках тихонько прокралась к монастырской двери, ведя за руку

камеристку; следам храбро шли три старых барана, они жались друг к дружке, обеими руками придерживая на головах котелки, как в бурю. Конечно, было полное безветрие, но в логике они никогда не были сильны (подумала королева с умилением) и, кроме того, котелки были новые. Монастырские кельи оказались пусты, как и двор. Королева толкнула заднюю дверь.

— Мне страшно, — сказала камеристка.

— Можешь называть меня мамой, — сказала королева Луиза.

Камеристка посмотрела на неё, потом отвела глаза, покусывая губу, и, казалось, обдумывая слова её величества.

Королева Луиза тихо засмеялась.

— Ах, молодость, молодость! — сказала она.

Они вышли в заснеженный сад, и тут их взорам предстало поразительное зрелище.

Каменная ограда, и все деревья, и кусты, и высохшие стебли цветов стояли обледенелые. А посреди сада рос великолепный розовый куст весь в цвету, такое буйное цветение едва ли встретишь и в самый погожий летний день.

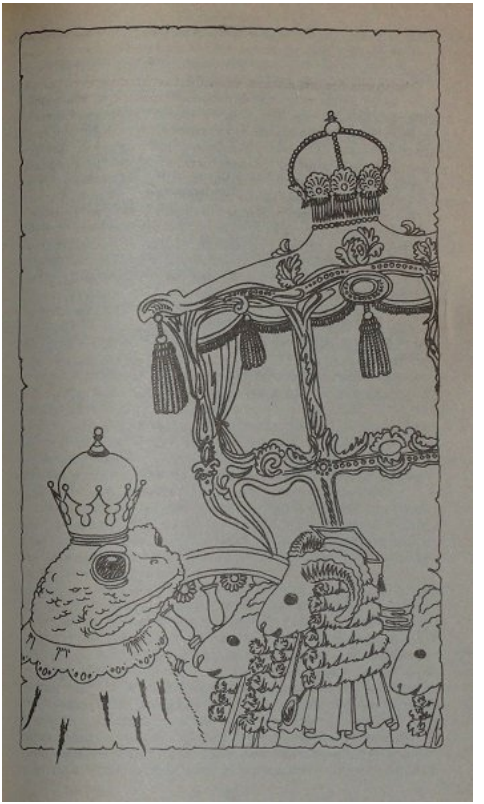
Отвратительная старуха, похожая на ведьму, стояла возле куста и пыталась топором срубить его. С каждым ударом топора куст становился все

гуще и пышнее, и розы на нем расцветали все ярче. У ног безобразной старухи лежал старый рыжий охотничий пес, он скулил и повизгивал.

При виде этого изумленной королеве показалось на мгновение, что вся её жизнь была ужасной ошибкой. Но кое-как собравшись с мыслями, она крикнула твердым повелительным голосом: «Прекратить!» Она была способна на это, когда её доводили до крайности.

Старуха, похожая на ведьму, и пес уставились на королеву. На мгновение старуха пришла в замешательство, но это было только мгновение.

— Ни за что! — крикнула она, её узкие губы дрожали, а глаза горели таким' зловещим зеленым огнем, что королева испугалась, как бы камеристка не упала в обморок. И старуха опять принялась размахивать топором, словно в пьяном неистовстве, а пес завыл и заскулил, да так тоскливо, что даже Королевский Суд был доведен до слез. Розовый куст тем временем, конечно, разрастался все пышнее.



— Остановите её! Сделайте же что-нибудь! — зашептала камеристка, цепляясь за королеву дрожащими руками.

Но королева задумчиво прищурилась, сжав губы, и ободряюще потрепала камеристку по руке.

Успокойся, Мюриэл, — сказала она мягко. — Я думаю, мы просто не совсем поняли, в чём тут дело.

— Мюриэл? — переспросила камеристка.

— Милая, — сказала королева Луиза строго, но без всякой враждебности, взглядом показывая, что она обращается к старухе, размахивающей топором, — от каждого вашего удара розовый куст становится пышнее.

— Интересная точка зрения! — воскликнули судьи, лихорадочно шаря по карманам в поисках записных книжек.

— Убирайтесь! Вон отсюда! — крикнула старуха, похожая на ведьму.

Королева Луиза улыбнулась. Она сказала:

— Иди ко мне, песик.

Тяжело вздохнув, старый рыжий пес встал и несмело подошел к королеве. Он уселся у её ног и закрыл глаза, словно в чрезвычайном смущении.

— Мюриэл, — тихонько сказала королева Луиза камеристке, — познакомься, это твой неразумный отец.

Камеристка посмотрела на пса, потирая подбо-

родок. — Здравствуйте, — наконец произнесла она.

Старуха, похожая на ведьму, вся взмокла. Её черный балахон прилип к подмышкам и спине, а с носа и подбородка (острых и синеватых, как сосульки) капал пот. Она перестала махать топором и оперлась на него, переводя дух.

— Я вам покажу! — прошептала она.

И тотчас же, как по команде, появилась стая волков в монашеском облачении — они перемахнули через ограду сада и, припав к земле, рыча, обнажив ужасные клыки, окружили полукольцом королеву Луизу и её спутников.

Старуха расхохоталась.

— Вот так-то, моя старинная противница, — крикнула она, — вся твоя жизнь была ужасной ошибкой! Силы зла существуют! Ха-ха!

Невозможно описать, как страшно и дико было это «ха-ха». Старуха принялась размахивать топором.

— Мы всеобъемлющее зло! — крикнула она. — Жизнь беспричинна, и в ней нет смысла, пока мы не применим нашу подстегивающую силу. Вот почему эти кроткие монахи и помогают мне производить опустошение в королевстве. Не для собственной выгоды! Ха-ха! Ха-ха! А чтобы покон-

чить с этой скукой. Чтобы не было больше этих утренних пробуждений в смутном раздражении! Ха-ха! — Она боком подступила к королеве. — Я соблазнила твоего мужа. Что ты на это скажешь? Я заставила его почувствовать, что в жизни есть смысл, потому что её можно разрушить. Я…

И тут королева Луиза услышала доносящийся сзади, из безлюдного до этого монастыря, устрашающий грохот и звон доспехов. Старуха, похожая на ведьму, побледнела от испуга.

— Скорее бросайтесь на них, пока не поздно!

Но волки только дрожали, поджав хвосты, не смея от ужаса сдвинуться с места. Никто и глазом не успел моргнуть, как дверь за спиной у королевы распахнулась, и оттуда, толкая друг друга, повалили раненые рыцари в окровавленных повязках — тысяча рыцарей. Проходя мимо королевы и её спутников, они говорили: «Извините»; они заполонили весь сад и подняли мечи, чтобы расправиться с волками.

— Стойте! — крикнула королева Луиза.

Все остановились.

Королева Луиза с величайшим достоинством и спокойствием приблизилась к чудесному розовому кусту, изящным жестом скрещенных рук с перепончатыми пальцами прикрывая свои

обвислые щеки.

— Вы всё не так поняли, — сказала она. — А может быть, это я всё не так поняла. Но это не важно, ведь я королева.

Она могла бы объяснить, если бы захотела, что ей жаль всю нечисть на свете, которая не может даже срубить розовый куст. Хотя, по правде говоря, королева не исключала, что, возможно, на самом деле розовый куст и был срублен, потому что она была безумна и никогда ничего не знала наверняка, да и вообще, может быть, все это происходило где-нибудь в гостинице в Филадельфии.

— Смотрите! — сказала королева Луиза.

Она закрыла свои большие сияющие глаза и замерла. Вздох изумления пробежал по толпе, потому что все увидели, что королева Луиза из огромной жабы превратилась в поразительно красивую рыжеволосую женщину с веснушками на бледном носике. Руки у неё были белые-пребелые, и на локтях были такие нежные ямочки, что ни один рыцарь и ни один волк не удержался, чтобы не облизнуться от восхищения.

— Мама! — воскликнула камеристка.

— Любимая! — воскликнул король, — он уже успел из пса превратиться в самого себя. Старуха,

похожая на ведьму, в мгновение ока стала фрейлиной. Она рыдала и стонала — ей было стыдно, что она так чудовищно предала всех, и особенно своего мужа. Вожак волчьей стаи сказал:

— Помолимся, братия.

Розовый куст, в котором теперь не было никакого проку, засох и превратился в обледенелые палки.

Королева Луиза простерла нежную белую руку к камеристке.

— Деточка, — сказала она, — юность своевольна, это естественно. В твои годы я и сама была строптивицей. Но знай: если ты хочешь вернуться домой, твой отец и я — мы согласны, мы будем рады тебе.

Не требуя, чтобы её сопровождали, и не ожидая этого, прекрасная королева Луиза повернулась, слегка поклонившись, и направилась к двери, она прошла через здание монастыря обратно во двор и оттуда — к карете. Сев в карету, она в задумчивости насупилась и снова превратилась в жабу. За ней в карету сели три барана и следом — дочь королевы Луизы, Мюриэл, а потом — его величество король и фрейлина её величества. Раненые рыцари построились за каретой, чтобы сопровождать их домой. Из-за того что в карете

теперь оказалось на два человека больше, трое баранов были так зажаты, что едва дышали.

Тем не менее они улыбались как сумасшедшие от радости, что сидят рядом с королем.

Королева Луиза заговорила, и Мюриэл посмотрела на неё, задохнувшись от восхищения:

— Не кори себя, деточка. Конечно, это правда, что после твоего драматичного ухода у твоего отца появились фантазии. Старому дурню было тогда за сорок, а, к сожалению, у всех людей после тридцати или в сорок с хвостиком возникает это ужасное стремление — эта нелепая жажда познания, так сказать. И конечно, то, что ты так мило его разыграла и пококетничала с ним…

— Все это сделала я? — спросила камеристка.

Королева Луиза печально улыбнулась, прочитав испуг и недоумение в глазах маленькой Мюриэл. Мягко покачивалась карета, тихо падал с темного неба снег. И королева Луиза стала рассказывать вновь обретённой дочери о своей прошлой жизни.

Мальчик, сидевший рядом с кучером, сказал:

— Какая удивительная история!

И кучер — мудрый, с серебристой бородой — подмигнул племяннику:

— А ведь ты все это просто выдумал, малыш!

КОРОЛЬ ГРЕГОР И ШУТ

1

Ещё о короле Грегоре можно сказать, что он очень любил свою работу и отлично с ней справлялся. Вот почему он уделял ей слишком много времени — на что постоянно указывал ему Шут — и имел склонность пренебрегать семьей.

И конечно, это правда, что именно из-за его невнимания безумная королева Луиза проводила теперь все больше и больше времени в облике огромной жабы, хотя в своем естественном виде она была прекраснейшей королевой на свете. И возможно, именно поэтому его дочь — если у него, как утверждала королева Луиза, и вправду была дочь — убежала из дома и вернулась только недавно после того, как попала в беду, и ей не от кого было ждать помощи. Король Грегор покачал головой, наморщив смуглый лоб. — Да, все правда, сущая правда, — пробормотал он, теребя длинную черную бороду.

Это, однако, отнюдь не примиряло его с выходками Шута и со всем институтом шутовства. Шут не давал ему ни минуты покоя — все придирался

и придирался, нес и нес всякую чепуху, пересыпанную гнусными стихотворными экспромтами, от которых у короля Грегора уши вяли.

— Но что ни говори, — думал король Грегор, прижимая ладонь тыльной стороной ко лбу, — а в моем случае должно быть сделано исключение! Мало мне того, что я женат на сумасшедшей королеве, так я ещё должен терпеть выходки этого Шута!

Никто не знал, как король Грегор страдает. Никто его не понимал. Королева была душой общества, все её обожали. А храбрый король Грегор (как он сам себя называл, хотя, несмотря на все его усилия, прозвание это почему-то так и не привилось среди его подданных) — храбрый король Грегор всегда был честным малым, с которым жестокая прекрасная королева Луиза совершенно не считалась. Он любил её — конечно, любил. Можно с уверенностью сказать, что ни один король на свете не был более предан своей королеве, чем Грегор Луизе.

Но до чего же нелегко быть правителем могущественного королевства и мужем сумасшедшей

женщины — вечно, как Сизиф[95], вкатывать один и тот же камень на одну и ту же гору, изо всех сил стараясь укоренить в королевстве хоть какие-то признаки здравого смысла. Разве Шут, со своей вечной критикой, это понимал?

Нет, Шут этого не понимал.

Обернувшись, король Грегор взглянул на простиравшуюся внизу равнину, где шло сражение, и увидел, что часть его войска слишком далеко продвинулась влево и могла легко попасть в окружение, если бы это заметил противник. Король Грегор подошел к трубачу и ткнул его пальцем в бок.

— Трубач, — сказал он, — труби отход.

— Есть, сэр. Рад стараться, сэр, — ответил трубач, проворно вскинул свой инструмент с развевающимся вымпелом и протрубил сигнал. Внизу на равнине рыцари короля Грегора остановились, задрали головы и подняли забрала, чтобы лучше слышать; поняв, в чём дело, они с испуганным видом суетливо устремились направо. Король Джон на соседнем холме с досады

---

[95] Примечания: 95

Сизиф — согласно греческой мифологии, основатель Коринфа. За мошенничества, совершенные при жизни, был после смерти принужден совершать бессмысленную работу и вкатывать на гору огромный камень, который скатывался вниз, едва достигнув вершины.

ударил кулаком по ладони и топнул ногой.

Король Грегор улыбнулся. Но тут же снова нахмурился и стал обеими руками теребить длинную черную бороду.

В своё время у него возникла великолепная идея насчёт того, как избавиться от шутов, и он написал длинное, весьма красноречивое письмо ко всем соседям-королям, предлагая эту идею вниманию коллег. Идея состояла в следующем. Шут, если разобраться, — это не что иное, как предохранительный клапан для настроений народа: народ подчиняется королю и не имеет права ему перечить, разве что через своего представителя — Шута: тот, как известно, дурак и за свои слова не отвечает. Так почему бы не установить новую систему отношений между королями и подданными, при которой все вопросы решались бы голосованием, чтобы шуты оказались больше не нужны? Конечно, о неудобствах такой системы — он это прекрасно понимал — и подумать страшно, но тут было одно решающее преимущество: поскольку шуты стали бы бесполезны, короли смогли бы их переловить и отрубить им голову.

В конце концов собратья-короли отвергли его идею, и, как зачастую бывает, не потому что

она была ошибочной — тут их мнения разделились, — а потому, что, как сказал кто-то из них, «лучше жить по старинке, не умничать». Это, по мнению короля Грегора, доказывало явное незнание истории.

— В старину, — сердито заметил он, — дрались дубинами, утыканными шипами. По сравнению с ними наши современные мечи, копья и катапульты — значительное усовершенствование.

Это никого не убедило, разве что несколько королей оснастили свои армии огромными дубинами с шипами.

Король Грегор покачал головой, медленно и задумчиво теребя бороду. Нелегко сохранять здравый смысл, когда весь свет вокруг сошел с ума.

— Ваше величество, — сказал трубач. — Сюда идет король Джон.

Король Грегор со вздохом кивнул. На поле боя армии перестали сражаться — начался обеденный перерыв.

2

— Еще немножко, и я бы тебя одолел! Что, не так, старый черт? — сказал король Джон, весело ударяя короля Грегора по плечу. — Твои молодцы совсем с пути свихнулись — прямо ко мне в заса-

ду забрели в пятнадцати милях отсюда.

Его маленькие голубые глазки радостно горели, светлые усы подергивались вместе со щеками.

— Тебе надо было быстрее нас окружать, — хмуро ответил король Грегор.

— Надо было, это точно, — согласился король Джон.

Он откусил ещё один большой кусок сыра. Внизу на равнине лекари перевязывали ужасающие раны рыцарей. Король Джон с набитым ртом осведомился:

— Как поживает королева Луиза?

— Очень хорошо, превосходно, — сказал король Грегор. Потом из вежливости, пересиливая себя, добавил: — А как Хильда?

Король Джон двусмысленно подмигнул.

Король Грегор вздохнул.

Наступило долгое молчание. Два трубача, игравшие в карты, печально посмотрели на своих государей. Наконец король Грегор сказал:

— Ох и тяжелая штука жизнь!

— Только не унывать! В этом весь секрет! — сказал король Джон и рассмеялся.

Король Грегор ел яблоко. Корону он снял, небрежно положив её на траву возле себя. Его жесткие черные волосы торчали в разные сто-

роны, от короны на шевелюре осталась круглая отметина. Его противник с сочувствием изучающе смотрел на него, потом скользнул глазами вниз. Взгляд его упал на корону короля Грегора, лежащую между ними; король Джон потянулся к ней, поднял, осторожно взвесил на руке, потом, держа корону перед глазами, стал рассматривать драгоценные камни и латинскую надпись.

— Может, тебе будет легче, если ты выговоришься? — предположил он, не отрывая взгляда от короны.

— Да что тут говорить, — ответил король Грегор. — Просто я чувствую… — он прищурился, сжав губы, — я чувствую себя стариком, — произнес он.

Король Джон деликатно улыбнулся.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду.

Короли наблюдали, как по направлению к ним по извилистой тропинке поднимаются, разговаривая, два герцога. Трубачи перестали играть в карты и тоже смотрели на приближавшихся. Герцоги подошли к королям и, отдав честь, вручили им утренние списки убитых и раненых. Короли молча покачали головой. Королю Грегору показалось, что его противник сморгнул слезу. Безумное, неслыханное сомнение закралось в

душу короля Грегора, но тут же робко исчезло, прежде чем он успел его осознать. Короли вернули списки герцогам и отдали честь. Герцоги, отдав честь, круто повернулись на железных каблуках и пустились по тропинке в обратный путь, погромыхивая на ходу доспехами. Трубачи снова принялись играть в карты.

Вдруг король Грегор сказал:

— Чуть попозже моя жена и дочь приедут посмотреть на сражение. Я им разрешил.

Король Джон вытаращил глаза, и корона выпала у него из рук.

— Ничего себе! — только и сказал он.

— Понимаешь, я постоянно подвергаюсь нападкам за то, что мало внимания уделяю семье.

Король Джон смотрел на короля Грегора, явно сомневаясь, в своем ли король Грегор уме.

— По-моему, я не обязан перед тобой оправдываться, — заметил король Грегор тоном, который даже ему самому показался слишком резким, — но вот что я тебе скажу: ты представить себе не можешь, в каком я живу напряжении — ведь меня окружают помешанные. Да, конечно, по-настоящему сумасшедшая только сама Луиза. Но, понимаешь, они же все время с ней общаются, они привыкли к её странностям и, так сказать,

подыгрывают ей, — в результате грань между разумом и безумием несколько размыта. Например… — Внезапно он заговорил очень быстро, как это бывает на исповеди, когда человек знает, что согрешил, но считает, что его случай редкий и не подпадает под обычные определения. — Например, вчера через час после ужина Луиза весело сказала своим певучим голосом — ты же знаешь, какой у неё чудный голос, — трудно поверить, что таким певучим, мягким, ласковым голосом можно нести такую чушь…

Так вот, она сказала: «Послушайте! У меня великолепная идея. Давайте все купаться голышом!» И не успел я и глазом моргнуть, как она уже стала раздеваться. И за ней — все остальные! Все-все! И даже моя беременная дочь, и этот ужасный смутьян, это чудовище — мой Шут. И даже Черпни, мой министр финансов!

Король Грегор расхохотался, потом вспомнил, как он несчастен, и остановился.

— И тут они толпой двинулись по дворцу, они выбрасывали руки вперед, как пловцы, и медленно отводили назад, а потом снова выбрасывали вперед и изредка дрыгали ногой — все, кроме жены старика Черпни — она плыла по-собачьи. А главный судья чуть не утонул, но кто-то под-

плыл, и спас его, и вытащил на берег, то есть на обеденный стол.

— Бедняга Грегор, — взволнованно произнес король Джон.

— Впрочем, во всем есть свои положительные стороны. Ты же знаешь, королева Луиза — женщина необычайно привлекательная, даже в одежде.

Он прищурился, потирая ладонями колено, поглощенный своими мыслями.

— А вообще-то вся эта история, возможно, вовсе не такой уж абсурд, как пыталась это представить королева Луиза. В конце концов, не мытьем, так катаньем нам надо сбыть замуж нашу беременную дочь, а в таких ситуациях… в таких ситуациях, как эпизод, о котором я рассказал…

Король Джон подозрительно смотрел на него.

— Я только хочу сказать, что трудно сохранять здравомыслие в такой обстановке.

Белокурый король кивнул. И как бы между прочим спросил:

— А ты сам участвовал в этой любопытной затее?

— А что мне оставалось делать? — произнес король Грегор, внезапно покрываясь испариной. — Я же хозяин дома.

3

Когда после полудня сражение возобновилось, дело не клеилось ни у одной из сторон. Король Грегор никак не мог сосредоточиться на своих обязанностях, его одолевали странные чувства и невыразимые сомнения, и в особенности одно, хотя король ни за что не смог бы объяснить, с чем оно связано, — ощущение какой-то принципиальной ошибки — возможно, его собственной, возможно, ошибки всего человечества. Снова и снова, как ни старался он собраться с мыслями, в его воображении возникал образ Луизы — обнаженной, неизъяснимо прекрасной, с огненнорыжими волосами, мягко струящимися за спиной, словно дворец и взаправду затопляло.

А потом он вдруг вспоминал фрейлину Её Величества, мадам Вамп — почти совсем безгрудую, но все равно чрезвычайно для него притягательную. И тут же заливался краской и зажмуривался, вспоминая маленькую принцессу Мюриэл — её жалкие, худенькие, бледные бедрышки, округлившийся живот, на шестом месяце, и её прекрасные серые глаза — прекрасные, несмотря на уродливые темные круги под ними, — глаза, сияющие, вопреки здравому смыслу,

ангельской невинностью. Короля Грегора охватывало желание, — когда он медленно бродил по дворцу, правой рукой задумчиво теребя бороду, а левой загребая, как пловец, и кивал своим благородным доблестным рыцарям, проплывающим мимо под руку с элегантными дамами, или подбадривал какого-нибудь престарелого министра, который, отдуваясь, едва дотягивал до спасительной лестницы, — короля Грегора охватывало желание обнять их всех — и красивых и безобразных, — прижаться к ним, как ласковый непосредственный ребенок порывисто прижимается к родителям. «Хороший вы все народ, — мысленно повторял он. — Вы все мой народ. Мой народ!» Он едва сдерживался, чтобы не разрыдаться от умиления.

Что касается белокурого короля Джона, то он едва ли обращал на свою армию больше внимания, чем король Грегор — на свою. Слова чернявого короля произвели на него неизгладимое впечатление. Король Джон всегда считал своего противника человеком, прочно стоящим на земле, который знает, чего хочет, и умеет этого добиваться. То и дело неожиданно для себя король Джон фыркал от смеха.

— Старый чертяка, — повторял он.

Но тут же невыразимая печаль охватывала его, и ему приходилось смахивать рукавом слезу.

Армии, неуклюже тыкаясь туда-сюда безо всякой системы и надзора, с налета сшибались, опрокидывали лошадей и, теряя ориентировку, оказывались в лесу в миле от равнины, где они должны были бы находиться. Нервы у всех сдавали, о рыцарском благородстве никто и не вспоминал. Лошади, неуправляемые, такие же раздраженные и сбитые с толку, как их седоки, жестоко кусали и лягали друг друга. Один бывалый рыцарь, покрывший себя неувядаемой славой в сражениях, сидел в грязи на спутанной траве и плакал, как дитя.

Именно на этом этапе битвы верный трубач короля Грегора похлопал его по плечу, показывая на дорогу. С упавшим сердцем король Грегор перевел печальный взгляд вдаль и увидел сверкающие на солнце стяги свиты королевы Луизы.

Посмотрев на холм короля Джона, он понял, что его противник тоже заметил приближение королевы. Белокурый король в отчаянии мотал головой, не в силах созерцать отвратительную пародию на битву.

Король Грегор, объятый внезапной яростью, забегал взад-вперед по своему холму. Теперь

ему стало совершенно ясно: во всем виновата королева Луиза. Что касается её милого пресловутого безумия, то король ни на грош в него не верил. Она специально все это подстроила, чтобы сделать из него шута. Наверняка она тайно договорилась обо всем с Шутом, таким же здравомыслящим и расчетливым, как и она сама. То-то будет для них потеха! Король Грегор двумя руками вцепился себе в бороду и рванул изо всех сил, но, хотя было очень больно, ему не удалось выдрать ни единого волоска.

— Прекратить сражение! — неожиданно гаркнул он на трубача, как будто тот был также причастен к заговору.

Трубач испуганно вскинул свой инструмент и протрубил отбой сначала для армии короля Грегора, а потом для армии короля Джона. Армии в замешательстве посмотрели вверх и затем с озадаченным видом начали пятиться в разные стороны.

— Убрать эту свалку! — крикнул король Грегор, приложив ко рту сложенные рупором ладони.

Король Джон, оценив мудрость такого хода, стал кричать то же самое.

Рыцари, неуклюже слезая с лошадей, громыхая доспехами, направлялись вслед за своими оруже-

носцами в глубь равнины и, подхватывая на ходу убитых за руки и за ноги, поспешно оттаскивали их в лес. Привязывая веревки одним концом к ногам павших лошадей, а другим — к седлам своих боевых коней, рыцари волокли трупы лошадей прочь.

— Приготовиться к наступлению! — крикнули король Грегор и король Джон одновременно.

Оруженосцы помогли рыцарям снова забраться в седло, и обе армии построились в противоположных концах равнины, взволнованные и оживленные, готовые вновь ринуться в бой. Знаменосцы как могли привели в порядок штандарты и поспешно заняли свои места перед строем. Лошади дрожали от нетерпеливого возбуждения, так что броня их звенела, а блестящие попоны колыхались, как вода в ручье.

Король Грегор едва мог стоять на месте. Он ударял кулаком по ладони и недобро улыбался, обнажая крупные зубы.

— Вот так-то лучше! — приговаривал он.

На противоположном холме его соперник подпрыгивал на месте, как ненормальный. Король Грегор оскалился, как волк перед прыжком.

— Храбрый король Грегор готов помериться с тобой силами! — выкрикнул он.

Королева и её свита уже достигли вершины холма. Лошади в строю на поле боя, повернув головы, провожали королеву взглядом; они улыбались, совсем как король Грегор и король Джон. Рыцари сидели в седле с поднятыми забралами и тоже улыбались. Медленно, устрашающе они подняли вверх копья, оперев их на обтянутые войлоком подставки.

Королева со свитой уже подъехала к площадке, на которой стоял король Грегор. Паж принял лилейную руку её величества и осторожно помог королеве сойти с её серого в яблоках. Другой паж помог спешиться принцессе. Шут слез с лошади сам. Седобородое лицо карлика подрагивало и подергивалось, казалось, от злобного презрения.

— Мы не опоздали? — спросила королева Луиза взволнованным шепотом. Её роскошные рыжие волосы красиво развевались по ветру.

— Тише, мама! — воскликнула принцесса.

У короля Грегора от волнения бешено колотилось сердце, губы возбужденно дрожали.

— Вы как раз вовремя, моя королева!

Он величественно поднял и опустил руку. Трубачи с блеском торжественно протрубили атаку. В обоих концах поля рыцари захлопнули забрала, подобно тысяче железных дверей; их скакуны,

встав на дыбы, выгнули шеи, как драконы, бросающие вызов вселенной. Справа прогремел ликующий крик рыцарей: «За храброго короля Грегора!», а слева, как мощное эхо в горах, прокатилось: «За справедливого короля Джона!»

И вот, словно гул землетрясения или грохот бурного темного потока, раздался оглушительный топот копыт — это армии ринулись вперед, чтобы вонзить сверкающие копья в горло друг другу. Лошади с демоническим ржанием, далеко выбрасывая сильные ноги, помчались во весь опор; копья согласованно опустились из вертикального положения в смертоносное горизонтальное, изготовившись к удару. Неудержимо, бесстрашно армии с ревом неслись по полю, бешено трепались на ветру знамена — и вдруг, громче извержения вулкана, королева Луиза крикнула:

— Прекратить!

Кони в смятении осадили на всем скаку. Копья всадников уперлись в землю, вонзились в неё, подняв рыцарей в воздух, как прыгунов с шестом, и те повисли на вертикально торчащих древках, дрыгая ногами и пытаясь освободиться.

— Что вы наделали! — взревел король Грегор.

— Какая нелепость! — завопил король Джон,

колотя кулаками по земле.

Белые пальцы королевы Луизы дрожали, она пробормотала растерянно:

— Послушайте, они же могли друг друга убить!

— Так в том-то и весь смысл! — взревел король Грегор. Королева Луиза коснулась лба, казалось обдумывая услышанное. Она медленно повернула своё прекрасное лицо и всмотрелась в лицо мужа, искаженное яростью от страшного унижения.

— Грегор, — Сказала она, — но это же безумие!

4

Король Грегор лежал один в своей отдельной спальне и плакал, сжимая и разжимая кулаки.

— Будь она проклята, проклята! — всхлипывая, повторял он.

Он разведется с ней. Он решил это окончательно и бесповоротно. Сначала он хотел заточить её в темницу, но он прекрасно понимал, что на самом деле не сможет на это пойти. Ну почему бы ей не быть такой же сумасшедшей, как другие королевы, — поджигать занавески во дворце, например, или, заламывая руки, выть, как ведьма? Король Джон, конечно, теперь перестанет с ним разговаривать, и другие соседи-короли — тоже.

Он будет, как последний болван, как бородатый крестьянин, тащиться мимо них, не смея глаз поднять, — руки в карманах, корона нахлобучена на глаза, как шапчонка у какого-нибудь пропойцы. Собаки будут мочиться ему на башмаки, и у него не хватит духу протестовать. Король горько расхохотался, и его мрачный смех перешел во всхлипывания. «Лучше жить по старинке, не умничать», — вспомнилось ему. А теперь он стал всеобщим посмешищем. Его собственные рыцари начнут его презирать. И все из-за его гордыни, из-за того, что ему втемяшилось в голову жениться на прекраснейшей в мире королеве, будь она хоть трижды сумасшедшая. Он вспомнил, какие у неё нежные плечи, стиснул и разжал кулаки.

Уж не хотел ли он в глубине души, чтобы она пришла просить у него прощения?

Он резко сел в кровати, негодуя на самого себя, сорвал с головы ночной колпак и швырнул на пол.

— Вовсе я этого не хочу! — произнес он. — Я хочу… — Он вскочил с кровати и начал расхаживать по спальне.

За дверью послышались шаги. Король чуть не выкрикнул обрадованно: «Войдите!»'- но вовремя сдержался. Он ждал, вытирая прижатые по бокам

руки о ночную рубашку и сердито сопя.

— Ваше величество! — сказал чей-то голос за дверью. Это была не королева.

— Оставьте меня, — сказал король Грегор.

Но дверь со скрипом отворилась и вошла принцесса.

— Ваше величество, — повторила она.

— Оставьте меня, — повторил король, но уже не так решительно.

— Ваше величество, — сказала принцесса, — если бы вы только с ней поговорили. Она лежит и рыдает, рыдает, рыдает. Все просто в отчаянии. Даже Шут говорит…

— Не произносите при мне имя этого чудовища! — завопил король Грегор.

— Но я даже не знаю его имени, — сказала принцесса. — Все зовут его просто Шут.

И тут короля Грегора осенила догадка. Он перестал мерить шагами спальню и, наставив палец на принцессу, произнес:

— А ну-ка, отвечайте: правда ли, что этот мерзкий карлик все время твердит:

«Быть маленьким — бред, но безумье вдвойне —

Высоких и сильных губить на войне!»?

— Как вам сказать, — отвечала принцесса, — вообще-то на него это похоже.

— Еще бы! Так, значит, вот кто её подстрекает. Шут! — Мстительно улыбаясь, король потер руки. — Шута — немедленно ко мне!

— Но сейчас глубокая ночь, ваше величество! — воскликнула принцесса.

— Позовите его! — рявкнул король.

Принцесса, пятясь, выскользнула из спальни, в растерянности потирая подбородок. Очень скоро она вернулась в сопровождении Шута, на котором был точно такой же ночной колпак, как у короля, что окончательно вывело его величество из себя.

— Шут, — сказал король, — я решил отрубить тебе голову. Из-за твоего стишка королеве пришло на ум помешать моей войне с королем Джоном.

Шут хлопал глазами, как сова.

— Не может быть, — пролепетал он.

Куда подевалась вся его самоуверенность! Колени у него дрожали, а в подергивании седобородого лица читалось что угодно, только не насмешка. Хотя, надо признать, хитрость не изменила ему и на этот раз. Он спросил:

— О каком это стишке вы говорите, ваше ве-

личество?

Король Грегор продекламировал стишок.

Шут ухитрился принять озадаченный вид, хотя по-прежнему дрожал как осиновый лист.

— Так это же из Библии, — сказал он.

Король Грегор, теребя бороду, вопросительно посмотрел на принцессу.

— Он правду говорит? — спросил король.

— Трудно сказать, ваше величество, — ответила принцесса.

— Позовите сюда какого-нибудь знатока Библии, — велел король Грегор.

Шут, ломая руки, замотал головой.

— Это невозможно, ваше величество, — испуганно пролепетал он. — Единственный знаток Библии во всей округе…

— Позвать его сюда! — взревел король.

Шут бухнулся на колени, такого страху нагнал на него король Грегор.

— Единственный знаток Библии во всей округе — справедливый король Джон, — наконец договорил Шут.

— Позвать его! — рявкнул король, потом, подумав, спросил: — А что, он и вправду знаток?

Шут закивал, сжавшись и заслоняясь руками, словно боясь, что король Грегор его ударит.

Король, втянув щеки, задумался. Он поймал себя на том, что ему гораздо больше нравится, когда Шут вот так обмирает перед ним от ужаса. И ничего удивительного. Все знали, что ни один король во всей округе не повергает своих подданных в такой трепет, как король Грегор. Наконец он сказал, чувствуя, что, возможно, совершает ошибку:

— Пошлите за королем Джоном.

— Сейчас, среди ночи? — воскликнула принцесса.

— Я слетаю за ним! — визгливо выкрикнул Шут, обрадовавшись, что под этим предлогом можно скрыться от ужасного взгляда короля Грегора.

И не успел король Грегор ничего сказать, как карлик исчез.

— Что-то он больно проворен, — заметил король. Принцесса кивнула.

5

Справедливый король Джон от негодования весь побагровел. Даже проскакав шесть миль, он, казалось, ещё не опомнился спросонья, как человек, которого подняли с постели, окатив холодной водой.

— Ну, король Грегор, ты ещё похлеще псих, чем

она! — пробормотал он.

Король Грегор восседал на троне, рядом с ним сидела королева Луиза. Он все ещё с ней не разговаривал, но он был человек благородный, это все знали, и если вины за Луизой не было, если действовала она под влиянием чувства, заимствованного из Библии и потому стоящего превыше рассудка, каким бы безумным оно ни казалось, то королева, по-видимому, имела право об этом знать. Кроме того, для него была невыносима мысль о том, что она лежит и плачет и лицо у неё опухло от слез. Настроение у короля Грегора заметно улучшилось: во-первых, он поступал благородно, по-мужски, а во-вторых, тогда как у него и у королевы Луизы на голове была корона, король Джон явился в ночном колпаке красном в белый цветочек, как и его ночная рубаха. У короля Джона был такой идиотский вид, что иметь с ним дело, как с ровней, и утруждать себя войной с ним было бы со стороны храброго короля Грегора просто глупо.

— Мы призвали вас, сэр, с одной-единственной целью, — объявил король Грегор. — Как нам известно, вы авторитетный специалист по Библии.

Король Джон скользнул вокруг подозрительным взглядом. У королевы Луизы лицо было

необычайно серьезное. У Шута и у принцессы — тоже. Наконец король Джон сказал:

— Ну, допустим, я в какой-то степени знаком с этой книгой.

Он небрежно смахнул с рукава ниточку корпии.

— В таком случае, я полагаю, вы не будете возражать, если я задам вам один простой вопрос.

Король Джон прикрыл один глаз, а другим внимательно посмотрел на короля Грегора.

— Допустим, я не буду особо возражать, — ответил он.

— Превосходно, сэр. Вопрос таков. Действительно ли, как утверждают некоторые, следующая цитата заимствована из Библии:

> *«Быть маленьким — бред, но безумье вдвойне —*
>
> *Высоких и сильных губить на войне!»?*

Ответьте: да или нет?

Король Джон наклонил голову вниз. Он украдкой взглянул на прибывших с ним стражников, потом — на собравшуюся толпу, потом — на королеву Луизу.

Королева Луиза сказала:

— Король Джон не зря зовется справедливым, —

и улыбнулась.

— Да или нет? — повторил король Грегор, всем корпусом подавшись вперед.

— Вообще-то, — сказал король Джон, — древнееврейский язык многозначен.

— Ага! Стало быть, вы не знаете?

Король Джон небрежно махнул рукой, отгоняя дурацкий вопрос.

— Ну конечно знаю, — сказал он.

В тронном зале воцарилась полная тишина. Все в нетерпении подались вперед. Король Джон снова взглянул на свою стражу, потом на королеву Луизу. Король Грегор мог бы поклясться, что королева Луиза подмигнула королю Джону.

— Да! — торжественно объявил король Джон. — Это цитата из Библии, хотя и немножко неточная.

Толпа разом пришла в движение. Все закричали «ура!» — ведь кончилась война, — в воздух полетели шляпы, а Шут стал скакать на своей скамеечке, как обезьяна. Принцесса разрыдалась и бросилась на грудь к какому-то раненому рыцарю, а королева, прыгая от восторга, предложила, чтобы все тотчас же отправились купаться голышом.

— Нет уж, так дело не пойдет! — прогремел

король Грегор. — Кто управляет королевством, в конце-то концов?

Зал сразу затих.

Король Грегор, довольный действием своих слов, сияя улыбкой, с величественным видом обвел всех горящим взором и повторил:

— Кто управляет королевством?

Все посмотрели на Шута. Что-то уж больно у него невинный вид, подумал король.

— Ну конечно же вы, мой повелитель! — воскликнула королева Луиза, глаза у неё блестели, она бросила презрительный, прямо-таки уничтожающий взгляд на седобородого карлика. Все закричали «ура!», король Джон проворно пустил по кругу стаканы, и присутствующие выпили за здоровье короля Грегора.

— За храброго короля Грегора! — крикнули все как один.

Королева Луиза произнесла лукаво:

— Друзья мои, время позднее — пора в постель.

Еще о короле Грегоре можно сказать, что он очень любил свою семью.

МЮРИЭЛ

1

Самое лучшее во внезапном превращении в принцессу было то, что Мюриэл избавилась от скучных и крайне опасных идей, которые считали необходимым отстаивать её друзья. Были, конечно, и другие преимущества.

Одним из них на некоторое время стал платяной шкаф принцессы. Причиной темных кругов у неё под глазами была, в сущности, не только беременность — каждую ночь, когда весь замок погружался в сон, Мюриэл, выскользнув из золоченой кровати с пологом, зажигала все свечи в своей огромной каменной спальне, прокрадывалась к шкафу, занимавшему целую стену, и примеряла наряды. Казалось, проживи она хоть сто лет, ей не удастся перемерить их все. (Выяснилось, что это не так.) К некоторым туалетам прилагались остроконечные шляпы с длинными вуалями. Мюриэл прохаживалась взад-вперед по спальне, через плечо глядя на себя в зеркало; серебристая, пунцовая, желтая или голубая ткань мягко мерцала при свечах, и Мюриэл, чуть дыша

от восторга, шептала: «Привет! Как поживаете, граф?» или «Ах, от ваших слов у меня голова кружится!»

Еще одно преимущество — общество, в котором вращаешься, будучи принцессой. Раньше Мюриэл никогда в жизни не доводилось разговаривать с рыцарями, хотя, бывало, в поле во время жатвы (как ей смутно припоминалось), поднимая глаза, она видела рыцарей, скачущих мимо верхом. Они совсем не походили на людей. Сидя на своих сверкающих броней лошадях, они напоминали железные статуи или зловещие машины. Их покрытые металлом локти и колени, закованные в сталь руки и ноги никогда не двигались. В развевающихся на шлемах страусовых перьях было не больше жизни, чем в траурных флагах на катафалках. Сама того не замечая, Мюриэл воображала, что эти темные фигуры на лошадях короля Грегора — всего лишь пустые доспехи. Ей даже не приходило в голову, что, быть может, это военная хитрость и пустые доспехи сажают на лошадей, чтобы создать видимость многочисленной армии. Она не задумывалась о них; для неё, крестьянки, это было просто очередное проявление непостижимой государственной необходимости. Возможно, способ транспорти-

ровки военного снаряжения.

Каково же было её удивление, когда в первый вечер, проведенный в замке (ее взяли туда в качестве камеристки, и только на следующий день выяснилось, что она принцесса), Мюриэл услыхала звуки трубы и, подбежав к окну, увидела, что цепной мост опущен и по нему в замок пропускают полсотни лошадей с восседающими на них помятыми доспехами (и стадо коз), она увидела, как доспехи с помощью пажей слезают с фыркающих окровавленных лошадей, устало похлопывая их по крупу, и, пошатываясь, проходят по каменным плитам в тронный зал. Мюриэл стремглав сбежала вниз, чтобы посмотреть на них. Даже сейчас своим крестьянским умом она воспринимала их как некие механические фигуры. Но, приближаясь к возвышению, где сидели король Грегор и королева Луиза, они снимали шлемы. Длинные волосы рассыпались у них по плечам, ниспадая у некоторых до узких девических талий. Тут были старые воины — седина их отливала серебром. И молодые — совсем ещё юноши — с каштановыми или черными как вороново крыло локонами. И белокурые, и по-мальчишечьи белобрысые. Они не были красавцами в обычном смысле, эти рыцари. У

некоторых лица покраснели от напряжения, а некоторые после долгой битвы стали бледны как привидения. Но, конечно, таких мужчин Мюриэл несомненно никогда прежде не встречала.

В тот момент ей казалось, что её, простую смертную, взяли на небо, чтобы она одним глазком взглянула, что там творится. Но на другой день безумная королева Луиза решила, что Мюриэл и есть её собственная пропавшая дочь Мюриэл (хотя, если бы не уверенность королевы и всего двора, Мюриэл думала бы, что её зовут Таня), и, естественно, Мюриэл, или, может быть, Таня, стала общаться с этими великолепными рыцарями, как с равными или даже с низшими. Её настоящая мать, как ей смутно припоминалось (или, по крайней мере, беззубая крестьянка, называвшая себя её матерью), частенько предупреждала её: не все то золото, что блестит.

— Пусть знают, что ты девушка благородная, — говорила старуха, с ожесточением смазывая колеса какого-нибудь проезжего экипажа, остановившегося возле их хижины. — Будут кое о чём просить тебя, — добавляла она многозначительно, — так не забывай, кто ты есть.

С одиннадцатилетнего возраста, когда старуха впервые заговорила с ней об этом, Мюриэл, или

Таня, недоумевала, в чём суть этих слов.

Но кто бы она ни была — что давно уже перестало её заботить, — удивительно было оказаться вдруг в окружении рыцарей, получать от них любовные послания в стихах (насколько она могла судить, стихи эти изобиловали тяжеловесными оборотами и неясными сравнениями, и Мюриэл, поначалу ужасно робевшая, вскоре научилась принимать эти листки с любезной равнодушной улыбкой, как другие изысканные дамы, говорить при этом: «Благодарю, вы очень милы» — и, сложив листок, засовывать его за корсаж, чтобы потом, когда все уснут, пытаться разгадать стихи). Рыцари состязались между собой в непонятности изложения; каждый, стараясь превзойти другого, приходил в ярость, если у кого-то получался более заумный оборот. Мюриэл держала у себя под огромной шелковой подушкой словарь, который дал ей менестрель королевы Луизы; утомившись от примерки нарядов, она доставала словарь и занималась стихами рыцарей, пока не засыпала. Поначалу эта работа очень её увлекала, хотя ей не удавалось понять и половины из того, что там написано, но это, вероятно, и не имело особого значения. Однако стихов поступало гораздо больше, чем Мюриэл могла разгадать, в конце концов

это занятие ей наскучило, и она стала наклеивать стихи в альбом, не читая. Первое время все эти трудности с современной поэзией вызывали у неё чувство собственной неполноценности, но потом королева Луиза все уладила — она всегда умела все уладить. Мюриэл спросила, как бы между прочим, будто к ней самой это не имело отношения:

— А что значит: «Ты — подобное сардису Солнце»? Королева Луиза расчесывала свои пышные огненные волосы, она с нежностью и любовью взглянула на Мюриэл.

— А, это сэр Клервель, — засмеялась королева. — Не подпускай его к себе!

Но главное преимущество превращения в принцессу в самый подходящий момент и самым подходящим образом состояло в том, что Мюриэл избавилась от идей своих бывших друзей-простолюдинов. Она поняла это после одного странного случая, более глубокий смысл которого до конца был ей ещё не ясен. А произошло вот что.

2

Однажды, когда Мюриэл в сопровождении двух фрейлин поехала кататься по окрестностям в открытом экипаже, послышались отдаленные

раскаты грома; Мюриэл с тревогой посмотрела на небо — и она, и фрейлины были одеты совсем легко — и крикнула кучеру:

— Эй, любезный, поворачивай и гони домой, не то пропали наши платья и шляпы!

Кучер послушно пустил лошадей галопом по направлению к замку, но, как ни спешил он, принцесса Мюриэл видела, что тучи несутся гораздо быстрее, чем бегут лошади. Тучи нависли над ней, как черные клубящиеся горы, ослепительно серебристые по краям, где пробивались лучи солнца. Они громоздились друг на друга, делались все темнее и темнее, словно повинуясь колдовству, и вот уже принцессе стало казаться, что это гигантские дикие лошади в бешенстве поднялись на дыбы, готовые задавить её насмерть.

— Быстрей! Быстрей! — кричала Мюриэл.

Фрейлины тоже кричали, но их голоса, сливаясь со зловещим шумом ветра, звучали как хохот ведьм, ужасающий и издевательский. Конечно, фрейлины вовсе не были ведьмами. Справа от Мюриэл сидела мадам Вамп — фрейлина самой безумной королевы Луизы: у её величества в тот день было предчувствие, что с Мюриэл должно случиться какое-то несчастье, и королева велела

своей собственной верной фрейлине сопровождать принцессу. Королева Луиза давно заметила: если с кем-то случалось несчастье, мадам Вамп, как правило, всегда была рядом. А в отношении правил королева Луиза была консерватором. И вот теперь кучер со страдальческим видом повернулся к мадам Вамп, по его красному грубому лицу текли слезы, он протягивал к фрейлине руку, словно моля о пощаде, но мадам Вамп сказала только:

— Быстрей, любезный! — и сунула ему в руку кошелек. Превозмогая ужас, кучер со стоном повернулся к лошадям и стал хлестать их ещё сильнее. Въехали в густой темный лес. И сразу же сквозь дубовую листву с шумом обрушился ливень — была поздняя весна, — и Мюриэл в мгновение ока промокла до нитки.

— Мы сейчас перевернемся! — кричали в непроглядной темноте фрейлины.

И не успела принцесса понять, в чём дело, как в следующий миг она уже сидела одна посреди дороги, а вдали затихал грохот колес и стук копыт.

«Я выпала из экипажа, — подумала Мюриэл, — и никто не хватился меня!»

Следующая её мысль была ещё тревожнее. Уж больно неподходящее это было место для

принцессы и даже для крестьянки Тани. Сюда, в огромный темный лес, никогда не забредал никто, кроме насильников, анархистов и грабителей. Мюриэл вздрогнула. Потом, собравшись с духом — ведь, как говорили в её деревне, «Нет худа без добра», что, как ни странно, не всегда подтверждалось, ну да ничего, — Мюриэл встала с земли и поспешила к ближайшему дубу, чтобы укрыться от дождя.

Каково же было её смятение, когда, потянувшись к стволу дерева, она наткнулась на чьи-то пальцы, и кто-то цепко схватил её за руку. Мюриэл пронзительно закричала.

— Вот мы и встретились! — раздался зловещий голос.

— Фрокрор! — выдохнула Мюриэл и упала в обморок.

3

Она очнулась не в пещере контрабандистов в глубине черной скалы, как предполагала (бывшая крестьянка, она падала в обморок только обдумав последствия), а в подвале деревенской церкви среди своих друзей детства. Мюриэл села, моргая и озираясь вокруг. На неё, улыбаясь, смотрели — круглые веснушчатые лица, ей были

рады. Перед ней стоял Дюбкин, однажды поцеловавший её в амбаре, и Красотка Полли, о которой все сочиняли грустные или озорные песенки («Ворота запрем, расседлаем коней! Хо-хо-хо!»), и Добремиш, дочка лудильщика, в прошлом ближайшая подружка Мюриэл. Освещенный свечами подвал был весь заполнен улыбающимися друзьями. Не веря своему счастью, Мюриэл принялась обнимать и целовать их, но неожиданно, вспомнив о случившемся, воскликнула:

— А где Фрокрор?

Друзья смотрели на неё смущенно и виновато.

— Забудь о нем, Таня! — Они стали тормошить и целовать её. — Как хорошо, что ты вернулась!

Но Мюриэл со страхом, подозрительно отстраняясь от них, повторила:

— Где он?

— Ах Таня, Таня, — произнесла милая Добремиш, через силу улыбаясь, несмотря на свой испуганный вид.

Мюриэл, подумав, сощурилась.

— Меня зовут Мюриэл, — сказала она.

Лица у всех вытянулись.

Тут Дюбкин, стащив с головы свою обвислую шапку, стиснул её в толстых пальцах и прижал к груди.

— Мы думали, ты будешь рада нам, Таня.

Еще немного, и все бы расплакались.

— Ну конечно я вам рада, — сказала она, — хотя зовут меня не Таня. Я теперь Мюриэл, Пропавшая Принцесса, а родители мои не простые крестьяне, как все вы думали, а Его Величество Король Грегор и Её Величество Безумная Королева Луиза.

— Ну да, мы знаем, — сказал Дюбкин, для пущей убедительности взмахнув рукой.

— Вот и хорошо, — ответила Мюриэл, почувствовав облегчение и на минуту забыв о своих подозрениях.

— Расскажи нам о придворной жизни, — попросила Красотка Полли.

Это была бледная изящная девушка, вполне беременная теперь Бог знает от кого. Её красивые, тонкие руки походили на белые цветы. Из неё вышла бы настоящая принцесса, этого Мюриэл не могла не признать. Но каждому — свое, успокоила она себя и улыбнулась.

— Ну во-первых, — сказала она, — у нас тысячи таких вот нарядов.

Но, окинув себя взглядом, Мюриэл заметила, что кто-то снял с неё парчовое платье и надел грубые крестьянские обноски.

— Ну не совсем таких, конечно, — поправилась

Мюриэл.

Она принялась подробно расписывать свои наряды. Глаза её друзей блестели от восторга, Дюбкин бессознательно поглаживал её по коленке. Она мягко убрала его руку.

— А рыцари посвящают мне стихи, — сказала Мюриэл и засмеялась.

Она процитировала несколько самых путаных стихотворений, делая вид, что прекрасно понимает, о чём в них речь; все так и покатились со смеху, кроме Красотки Полли, та была явно взволнована.

— А королева Луиза, какая она? — наперебой стали расспрашивать друзья, но вид у них почему-то по-прежнему был виноватый.

И Мюриэл с нежностью и преданностью поведала им о Безумной Королеве Луизе.

— Когда она в себе, — сказала Мюриэл, — у неё роскошные длинные рыжие волосы, самое белое, самое прекрасное в мире лицо и веснушчатый носик. Все признают, что она душа общества. Она рассказывает песни и поет сказки, а иногда, если у всех плохое настроение, объясняет свою жизненную философию. Но когда она не в себе — никто точно не знает, отчего это бывает, — она превращается в огромную кроткую жабу. Первое

время разницы почти не замечаешь: королева почти такая же, как всегда, разве что выражение глаз и губ у неё меняется, но постепенно, если приглядеться, разница становится ясна как день. Руки у неё становятся короче, появляется огромный болотно-зелёный живот, и её безмятежная, улыбка растягивается от уха до уха, — это — не опишешь, это надо видеть. Она очень милая — в любом облике. Устраивает замечательные благотворительные балы, останавливает войны и Бог знает что ещё делает.

В ней столько величия! Я думаю, она святая.

Взоры у всех затуманились. Дюбкин спросил:

— И это все, чем там занимаются, — примеряют наряды, пишут бессмысленные стихи, устраивают благотворительные балы и войны и тому подобное?

Дюбкин вовсе не хотел никого обидеть.

— Но ведь это же члены королевской семьи! — объяснила Мюриэл.

Дюбкин кивнул. Такой ответ, казалось, более или менее его удовлетворил.

Хрупкая Красотка Полли тоже понимающе, согласно кивала. Как бы про себя она произнесла:

— А как становятся членами королевской семьи?

Мюриэл, почувствовав неловкость, отвела глаза.

— Кто-то приезжает, и тебя узнают, как это было с Мюриэл, — пришла на помощь ей милая Добремиш.

Карие глаза её сверкали, она вспыхнула, словно любой обидный для Мюриэл намек касался лично её.

Все с готовностью закивали. Добремиш не терпела возражений.

Но младшая дочь кузнеца Люба, бросив на Добремиш извиняющийся взгляд, сказала:

— А всё-таки, знаете, это интересный вопрос. Я всегда считала, что моя мама была бы святой, не имей она четырнадцати детей. Ну какие у королевы Луизы заботы? И зачем бы ей ругаться или грозиться кого-то убить или воровать?

— Да как такое только в голову может прийти! — вспыхнула Мюриэл.

— Ну-ну, где же твое чувство юмора? — воскликнул Дюбкин.

Все засмеялись. А Мюриэл задумалась, и ей вдруг стало одиноко.

— Многие бедняки — святые, — сказала Добремиш. — Чтобы стать добрым и преданным, ни богатство, ни праздность не нужны. И я уверена,

многие богачи жестоки и мелочны.

Глаза у неё горели ещё более непримиримо, черные волосы блестели.

— Вот именно! — воскликнула Мюриэл, и все с готовностью согласились.

— А всё-таки, — сказала дочь кузнеца Люба, — по-моему, это как-то несправедливо. — Все забеспокоились. — Разве они красивее нас? Да взять хоть Добремиш, она самая хорошенькая девочка из всех, кого я видела, хоть и немножко курносая.

А Красотка Полли, когда не беременна, просто прелесть.

Люба замолчала и покраснела.

— Я не хочу сказать, что ты дурнушка, Мюриэл. — Но даже сама Мюриэл понимала, что она не первая красавица. — И ведь они нисколько не умнее нас, — поспешно добавила Люба. — Я не встречала никого остроумнее Дюбкина, хотя с девушками он ведет себя глупо, этого у него не отнимешь. И если уж говорить об уме, то Фрокрора произвели бы в принцы, если бы поймали.

Она засмеялась и тут же побледнела, заметив возмущение на лицах друзей.

Мюриэл разрыдалась, а Добремиш сказала, горько плача:

— Какая же ты всё-таки, Люба! Посмотри, что ты наделала!

Мюриэл так рыдала, как будто у неё сейчас разорвется сердце, и все от расстройства тут же забыли о Любе.

— Клянусь тебе, Мюриэл, — сказал Дюбкин, — никто больше не упомянет имени этого человека, не будь я Дюбкин.

— Откуда я знаю, может быть, на самом деле тебя вовсе не Дюбкин зовут! — всхлипывала Мюриэл. — Кто вообще что-нибудь о ком-нибудь знает? Кто я такая, к примеру?

Её друзья кусали губы и ломали руки, но от стыда и одиночества она никому больше не верила. Она вспомнила, как похожи были крики фрейлин на хохот ведьм, потом вспомнила, как смеялись её дорогие друзья, чтобы обмануть её, когда Дюбкин попытался выдать чьи-то слова за шутку. Разве был на свете кто-нибудь более одинокий и несчастный, чем она? Разве был кто-нибудь более затерянный и беспомощный в этом жестоком, несправедливом мире? Нет.

Мюриэл сказала:

— Вы все с ним заодно. Иначе зачем бы он доставил меня к вам — он, злодей Фрокрор, которого вы якобы презираете как насильника и анархиста?

Она рыдала и рыдала и рвала на себе волосы, и если бы её не отвлекал зуд, вызываемый крестьянским платьем, её горе было бы неподдельным, как в сказках.

Добремиш прильнула к ней, плача и дрожа; она так любила Мюриэл, что с радостью отдала бы за неё жизнь.

— Милая, милая Мюриэл, — говорила Добремиш, — мы с ним не заодно. Мы спасли тебя от него. Но раз уж мы коснулись этой ужасной темы, расскажи нам, что случилось, прошу тебя, и, может быть, тебе станет легче.

— Я выпала из экипажа, — сказала Мюриэл.

— Ах нет, Мюриэл! Расскажи, что случилось раньше. Мюриэл судорожно вздохнула, ломая руки, потом села и начала свой рассказ.

4

— За окнами освещенного хлева мягко падал снег, — рассказывала Мюриэл. — Я доила коров. Когда с ведрами в руках я подошла к дверям, на меня — о, ужас! — вдруг сзади кто-то набросился. Одной рукой меня обхватили за талию, а другой зажали мне рот, не давая кричать. Я бережно поставила ведра на землю, к счастью не расплескав ни капли молока, и меня потащили — ведь

сопротивляться, конечно, было бесполезно — к карете, стоявшей в темноте на обочине дороги. Связанную, с кляпом во рту, неизвестные люди отвезли меня в пустынное место на скалистом берегу моря. Лошади остановились перед заброшенной фермой, и мои похитители, изрыгая отвратительные ругательства, выволокли меня из кареты и толчками и тычками загнали в темный амбар. Можете представить себе мой ужас, мои душераздирающие мольбы — сквозь кляп — о пощаде и горячие набожные молитвы, которые я мысленно произносила, призывая на помощь Всевышнего.

Я думала, ко мне тут же начнут приставать, но моим опасениям не суждено было оправдаться. В полу амбара оказался замаскированный люк, его открыли, и за ним я с изумлением увидела лестницу, ведущую вниз, в бесконечность. Мне приказали спускаться. Эта лестница была вырублена в скале, судя по всему, в какие-то давние времена. Мы не спустились ещё и на сто ступеней, как приглушенный шум ночного ветра над нами затих. А на глубине примерно тысячи ступеней послышался грохот морского прибоя. Вскоре, отворив кованую дверь, мы оказались в уютной, хотя и довольно скромно обставленной,

комнате — точнее, в пещере, которая, по всей видимости, была частью вырубленного в скале подземелья. Меня быстро провели через эту комнату — я успела заметить только несколько картин и чайный столик — в меньшее помещение, служившее, по всем признакам, кабинетом. В дальнем углу в камине полыхал огонь, а перед камином спиной ко входу в кресле-качалке сидел человек.

«Благодарю вас, можете идти», — сказал он.

Мои похитители тут же отпустили меня и удалились в направлении потайной лестницы, — я не могла не отметить, с какой готовностью исполнили они приказание незнакомца, хотя говорил он тихим голосом воспитанного человека.

«Подойди ко мне, дитя моё», — произнес незнакомец. Я забыла сказать, — но вы, наверное, и сами догадались, — что, хотя во рту у меня был кляп и руки мне связали, ноги у меня оставались свободными. Дрожа от страха, на негнущихся ногах я направилась к человеку, сидящему в кресле-качалке. Я прекрасно понимала, что силы наши слишком неравны. Несмотря на его безмятежное спокойствие, чувствовалось, что это отчаянный человек. Я приблизилась к нему, и он медленно повернулся ко мне.

О, это лицо! Ни один поэт, художник или скульптор, никакое самое воспаленное воображение не смогли бы передать выразительность и демоническую красоту лица Фрокрора. (Да, это был Фрокрор, вы, конечно, уже догадались.) На вид ему было не больше двадцати шести, но за свою жизнь он успел перестрадать больше иного восьмидесятилетнего старика. У него не было ни бороды, ни усов, его волнистые волосы, прежде, как видно, золотисто-каштановые, до времени поседели. На левом глазу за стеклом очков чернела повязка. Тонкие чувственные губы, орлиный нос, волевой, но не слишком массивный подбородок. Выступающий, но не безобразный кадык. Даже если бы незнакомец не произнес ни слова, можно было бы догадаться, что голос у него низкий, тембра виолы да гамба, но, конечно, нисколько не грубый. На нем была белая рубашка-апаш и элегантный лиловый камзол с золотым шитьем. На широком поясе под камзолом слева висел кинжал в ножнах. Пальцы у незнакомца были длинные и, я бы сказала, изящные — пальцы лютниста, и он действительно играл на лютне, как я позднее от него узнала. Ноги, обутые в комнатные туфли лилового бархата, были длинны и изящны, как у красивой женщины, и в то же время по-мужски

мускулисты. Но лицо! Где мне найти слова, чтобы описать его? Лучезарно прекрасное и при этом зловещее. Лицо человека, на чью долю выпало столько страданий, что у него не осталось другого выбора в жизни, кроме трагедии самоубийства или маниакального неприятия мира, который столь жестоко с ним обошелся.

Фрокрор протянул ко мне руку.

«Таня, — сказал он, — тебе слишком туго заткнули рот! Я себе этого никогда не прощу!»

Легко вскочив на ноги, он привычным изящным движением выхватил из ножен кинжал и, левой рукой взяв меня сзади за шею, а правой ловко орудуя кинжалом, извлек у меня изо рта кляп. Я хотела закричать, но не успела сделать вдох, как его губы сомкнулись с моими.

«Таня! — воскликнул он. — Таня, мой ангел!»

Я пыталась вырваться.

«Мне кажется, мы незнакомы», — пробормотала я.

«Я давно знаю твое имя, моя бесценная Таня», — отвечал Фрокрор.

Голова у меня пошла кругом, не то я сразу разгадала бы его дьявольские козни. Но, увы, из-за поцелуя Фрокрора сознание моё помутилось. Один раз до этого меня целовали, но такой муж-

чина, как Фрокрор, — никогда. Признаюсь, я была сама не своя. Я вся горела. Меня вдруг охватила неистовая, пугающая страсть. Я почувствовала себя, как птенец, впервые вылетевший из гнезда. Сердце бешено колотилось, белая грудь моя вздымалась…

Мюриэл покраснела. Все сконфуженно потупились.

Поборов волнение, она продолжала:

— Фрокрор, если только он не законченный притворщик, тоже был потрясен случившимся. Не поднимая на меня взора, в сильном смущении, он робко спросил:

«Можно, я развяжу тебе руки?»

«Я была бы вам очень за это признательна», — ответила я.

Фрокрор тут же развязал мне руки. Потом, сматывая веревку, в глубоком волнении отвернувшись от меня, сказал:

«Таня, я так виноват перед тобой. Сколько тебе пришлось вытерпеть! Как ты, наверное, была напугана! Но позволь мне умолять тебя о сострадании, я полжизни был насильником и анархистом. Не по своей воле, поверь мне, а волей несчастных обстоятельств. Однажды утром, после очередного немыслимого побега с висели-

цы, я случайно увидел, как ты сгребаешь сено; глядя на тебя, я почувствовал, что теряю рассудок. «Она должна быть моей», — подумал я. Тебе тогда было двенадцать лет, как мне удалось разузнать окольным путем. Какая ирония судьбы: я, частый гость в постелях знатнейших дам современности, — стыдно в этом сознаться! — стал жертвой чувства к двенадцатилетней девочке.

Чтобы забыть о тебе, я с головой ушел в работу — насиловал, убивал, разорял королевства, но ничто не могло вытравить твой милый образ из моего сердца. Я притворялся, что стал другим, притворялся, что избавился от этого наваждения, и в день твоего четырнадцатилетия, переодевшись пожилым священником, пришел к тебе на день рождения, чтобы доказать самому себе, что я излечился от этого безумия. Ты, наверное, помнишь печальный итог этого посещения».

Я сразу поняла, о чём он говорит. Я вспомнила бедного старенького приходского священника из соседнего королевства, с ним случился сердечный приступ, и его спутники унесли его чуть живого. Я сказала, что помню тот случай.

«Это был я! — воскликнул Фрокрор. — Это был я! И сердечный приступ был непритворный, поверь мне. Лучшие доктора королевства едва

спасли меня. Слава Богу, я мог позволить себе прибегнуть к их помощи».

Слезы душили его, и он не сразу смог продолжать.

«И вот я понял, Таня, что когда-нибудь ты будешь моей невестой. Я решил стать достойным тебя — распустил всех своих людей и бросился искать честную работу. Целых три недели я искал работу, но тщетно — тщетно! Тогда я вновь собрал своих прежних товарищей, и вот — увы! — ты здесь».

Лицо его передернулось, он подошел к самому главному:

«Таня, милая Таня, я и помыслить не могу о том, чтобы просить тебя унизиться до потворства моим грубым животным страстям. Поверь мне, я не стану тебя об этом просить — я слишком высоко ценю твою добродетель. Но перед тобой несчастный преступник, лишенный какой бы то ни было надежды в жизни, ибо в конце концов участь всех преступников — кормить ворон, болтаясь на виселице. Об одном прошу тебя: притворись на эту ночь, что ты моя жена. Ляг со мной в постель и, как жена, нежно поговори со мной, а я положу между нами острейший меч, чтобы мне ничем не оскорбить тебя».

Друзья слушали рассказ Мюриэл затаив дыхание. Она продолжала:

— Друзья, согласитесь, никто не станет спорить, что любая нормальная благовоспитанная девушка пошла бы навстречу Фрокрору. Я не видала мужчины прекраснее и несчастнее, хотя, конечно, он был одержим дьяволом. Так или иначе, я выполнила его просьбу. Мы разделись (за ширмами) и легли в постель. Как и обещал, он положил между нами меч.

Трудно описать этот час, исполненный блаженного покоя, когда Фрокрор рассказывал мне о своих муках, а я ему — о своих надеждах и страхах. Мы словно и вправду целую вечность были женаты, так мирно покоилась на моем животе его рука и так нежно касались мои пальцы его груди. Свеча таяла, лицо Фрокрора становилось все спокойнее. Наконец он уснул. Удивительное умиротворение царило в моей душе.

Хотя признаюсь, я изнемогала от переполнявшей меня нежности к нему — но сильнее всего было чувство полного удовлетворения. Несомненно, я была горячо любима. И сама любила его. Вскоре я тоже уснула или почти уснула.

Я не хочу ни в чём обвинять Фрокрора, как бы ни был он виноват в том постыдном бедствии,

причиной которого стала я сама. Задремав, я положила руку на меч и чуть не порезалась. Зная, что Фрокрор крепко спит, я необдуманно потихоньку взяла меч, лежавший между нами, и опустила его на пол у кровати. Потом, обняв Фрокрора, неописуемо довольная, я сладко уснула.

Очнувшись, я обнаружила, что Фрокрор — бедная беспомощная жертва постыдной греховной страсти — оказался на мне. Ну что я могла поделать? Конечно, я понимала, что это грешно — о, ужасно грешно, — но у Фрокрора был такой счастливый вид, такой безумно счастливый вид — впервые в жизни! И я тоже была счастлива. Зачем скрывать? Это было удивительно — удивительно! О, как я любила его! Конечно, я могла бы закричать от ужаса и справедливого негодования. Я честно подумала об этом. Пусть никто не услышал бы меня там, на глубине полумили под землей, но можно было бы закричать от ужаса, спасая своё достоинство, и, возможно, я остановила бы его. Но — ах, ах, ах! — это было так прекрасно. Он все извинялся передо мной, как мальчик-хорист, и хотя я знала, до этого он был близок с сотнями дам, я верила каждому его слову — можете надо мной смеяться, — и вдруг все кончилось: мы лежали, тяжело дыша, и смеялись

над нашим прегрешением, стыдливо краснея.

«Таня, — сказал Фрокрор, откатываясь от меня и, чтобы скрыть глубокое смущение, потрясая своим изящным кулаком, — в течение нашей жизни я уничтожу все виды власти, все социальные различия. Слово «крестьянин» станет никому не понятным архаизмом».

«Фрокрор, — сказала я, все ещё часто дыша и краснея, — спи. Я прощаю тебя».

Он сказал:

«Таня, если бы ты только постаралась меня понять. Я постиг всю абсурдность этого нелепого мира. Я хочу, чтобы в час моего триумфа ты была со мной».

«Фрокрор, — ответила я, — ты выдающийся глупец!» Он посмотрел на меня странным, грустным взглядом и ничего больше не сказал. Нежно обнявшись, мы наконец уснули.

Наутро я попросила его отправить меня домой. Он встал, оделся и позвал двух головорезов, которые привезли меня в его логовище.

«Отвезите её домой», — велел он им, отворачиваясь от меня и сдерживая рыдания.

Его приказание было немедленно исполнено. И я вернулась домой жива и здорова. А через два месяца я поняла, что затяжелела от безрассудного

Фрокрора.

5

Никто из слушавших Мюриэл не мог сдержать слез.

— А теперь, — произнесла Мюриэл, — расскажите, как получилось, что вы спасли меня от него.

Ей отвечала Добремиш, её подруга детства:

— Все очень просто, — сказала она, утирая слезы. — Он похитил тебя с помощью кого-то из придворных, а когда король Грегор и его рыцари пустились на розыски, Фрокрор испугался и привез тебя сюда, рассыпавшись в извинениях, и пока ты не открыла глаза, мы охраняли тебя.

— Так, значит, — сказала Мюриэл, — вы с ним не заодно.

— Ну конечно же нет! — воскликнула Добремиш.

А Люба, дочь кузнеца, поспешно добавила:

— Но это не значит, что мы полностью не согласны с его взглядами.

Тут Дюбкин до слез рассмешил всех какой-то шуткой. Добремиш сказала:

— Да, действительно, милая Мюриэл, нам не совсем понятно, почему одни должны трудиться

день и ночь, а другие ничего не делают, только примеряют наряды, и нам действительно кажется, как и тебе в своё время, что Фрокрор вовсе не такой плохой, как это расписано на плакатах. Но, видит Бог, мы не желаем зла ни тебе, ни тем, кто тебе дорог. Мы чувствуем, что, как говорит Фрокрор, в мире царит ужасная разобщенность. Собственно, мы считаем, что…

Добремиш потупилась, не решаясь продолжать. Дюбкин тронул её за локоть. Храбро, но не без робости, Добремиш продолжала:

— Ну вот мы и подумали, что, возможно, ты, при твоем привилегированном положении, могла бы открыть, что и мы на самом деле тоже члены королевской семьи.

Глаза у Мюриэл расширились, но отвечала она так же мягко, как отвечала бы королева Луиза:

— Друзья мои, вы всё-таки с Фрокрором заодно! А раз так, я прошу вас отвести меня к нему, и посмотрим, что мы увидим.

И хотя её друзья притворились удивленными и оскорбленными, Мюриэл тотчас вывела их на чистую воду. Она обладала твердостью убеждения и ясностью взора, которым плебеи не могли противостоять. Добремиш сама подвела её к потайной двери. Мюриэл держала свечу. Добремиш

отперла дверь, но, прежде чем открыть её, поцеловала подругу и сказала:

— Таня, или Мюриэл, как тебе больше нравится, не спеши осуждать нас. Хорошенько все обдумай, если тебе дорога Правда. Ведь, возможно, на самом деле мы все — принцы и принцессы.

С этими словами она распахнула дверь и отступила назад.

6

— Милай Таня! — воскликнул Фрокрор. В руках у него тоже была свеча. Она слабо освещала затянутые паутиной углы комнаты, в которой стояли кровать, стол и два шатких стула.

— Какой у тебя утомленный вид, любовь моя! — сказал Фрокрор. — Тебе надо сейчас же лечь в постель!

И повернулся, чтобы взбить подушки на кровати.

Как ни хотелось Мюриэл последовать этому совету, но, подняв бледную руку, она печально покачала головой.

— Не сейчас, дорогой Фрокрор. Ты и я — мы, кажется, должны о многом поговорить.

Фрокрор не сводил с неё восхищенного взора. Она стала совсем зрелой женщиной! — казалось,

думал он, и Мюриэл чувствовала, что он прав. Взяв его за руку, она провела его в глубь комнаты, чтобы никто их не слышал. Она показала ему на два шатких стула, он пододвинул их друг к другу. Мюриэл и Фрокрор сели.

— Фрокрор, милый, — начала Мюриэл, — ты отравил души моих бывших друзей. Ты превратил этих счастливых, довольных крестьян в затаившихся революционеров, которым отныне уже неведомо прежнее довольство жизнью. Ты представить себе не можешь, как это меня огорчает.

Фрокрор кивнул со значительным видом и поправил двумя пальцами очки на носу. Из его единственного глаза сбежала слеза.

— Конечно, ты предупреждал меня, — продолжала она, — о твоем дьявольском намерении уничтожить все виды власти.

Теперь я твоя беспомощная пленница, и, конечно, ты заставишь меня против воли быть сообщницей в твоих злодеяниях.

Мюриэл заметила, что все её друзья столпились у открытой двери и заглядывают внутрь, с нетерпением ожидая, чем кончится этот поединок умов. Какая ирония судьбы, что двое столь пылких возлюбленных должны быть противниками

в этой жестокой борьбе! Мюриэл вздохнула.

— Я понимаю твое нежелание помогать мне, моя дорогая, — сказал Фрокрор, ломая длинные пальцы. — Я и сам когда-то был принцем, ты, наверное, уже об этом догадалась.

— Конечно, догадалась, — ответила Мюриэл.

— Тогда ты наверняка поняла, в чём заключается мой план. Используя тебя в качестве заложницы — о ненавистная необходимость! — я намерен покончить с королевой Луизой, посеять смуту в королевстве Грегора и затем ввергнуть все государство в междоусобную войну. Когда я подорву боевой дух рыцарей, народ поднимется по моему сигналу.

Его единственный глаз кротко сиял в полумраке, устремленный поверх головы Мюриэл в неведомое грядущее.

— Все будут равны. Мы все как-нибудь втиснемся во дворец. — Внезапно он замолчал. Времени для пустых разговоров не оставалось.

— Я покажу тебе письмо, которое я написал, — сказал Фрокрор. Он кивнул Дюбкину, и тот поспешно вошел в комнату, вытаскивая из жилетного кармана листок.

«Уважаемая королева Луиза, — гласило письмо, — принцесса Мюриэл спрятана в надежном

месте, но я, добрый священник, радеющий о Вашем благе, могу сообщить Вам, где её искать, если Вы в полночь придете одна в деревенскую церковь, чтобы встретиться со мной. Искренне Ваш отец Плотца».

Принцесса Мюриэл вся дрожала, читая это письмо.

— Королева, конечно, придет, — сказал Фрокрор, злобно улыбаясь, — тут-то ей и конец.

— Фрокрор, сжалься! — воскликнула принцесса Мюриэл.

Но при всей его нежной любви к ней, Фрокрор в ответ только скривил в отвратительной усмешке свой красивый рот.

— Скоро мы все станем принцами и принцессами, — пробормотал Дюбкин, потирая руки.

— А я стану королевой, — сказала Добремиш мелодичным голосом, — если Мюриэл не захочет ею стать.

Мюриэл в ужасе огляделась по сторонам. Да он совсем сбил с толку её друзей!

— Не слушайте этого безумца! — воскликнула она. — Вспомните, как прекрасна и добра королева Луиза. Вспомните о её полезнейшей благотворительной деятельности!

Люба, дочь кузнеца, подойдя к Мюриэл, опусти-

лась перед ней на колени и обняла её ноги.

— Ты все не так поняла, милая Таня. Только ты можешь предотвратить выполнение ужасного плана Фрокрора. Для этого тебе надо всего лишь признать в нас своих пропавших братьев и сестер — принцев и принцесс.

Глаза у Мюриэл расширились. Она в испуге вскинула руки:

— Да мне же никто не поверит! Это же нелепость!

Друзья смотрели на неё с необычайной серьезностью. Она принцесса, ей и решать. Закрыв глаза, Мюриэл прижала одну руку к груди, а другую к пылающему лбу. Она думала о разодранных в клочья нарядах из своего гардероба, о неизбежном упадке поэзии. И при мысли об этом у неё неожиданно созрел план.

Придав своему лицу страдальческое выражение, она сказала:

— Я не могу признать вас за тех, кем вы не являетесь, — принцессы не лгут. Но если Фрокрор так неумолим, я не в силах ему помешать.

Обливаясь слезами, она обратила своё бледное лицо к Фрокрору.

— Только одно я хочу тебе сказать. В письме ты неверно обращаешься к королеве. Она в гневе

порвет и выбросит такое письмо, и весь твой план рухнет.

Вид у Фрокрора был озадаченный.

— Надо писать не «Уважаемая Королева Луиза», это грубо и примитивно, — сказала Мюриэл с негодованием. — К королеве надо обращаться со словами: «О подобное сардису Солнце».

Фрокрор взглянул на письмо.

— Отчетливо помню, что когда я был принцем… — начал он неуверенно.

— Ну, моё дело предупредить, — сказала Мюриэл и высморкалась.

После долгих переговоров с Дюбкином, Любой и Добремиш Фрокрор исправил обращение, и письмо было отослано.

7

Пишу продолжение дрожащей рукой.

Королева Луиза, получив письмо, приняла его за очередное сочинение сэра Клервеля и отдала менестрелю, чтобы тот его разгадал. Менестрель, сообразив, что это какие-то дьявольские козни, отнес письмо прямо к королю.

В полночь король Грегор и его рыцари скрытно поскакали в деревню и окружили старую каменную церковь. Поверх доспехов и длинной

черной бороды у короля Грегора был длинный белый балахон и кудри рыжего парика, а поверх железного забрала — дамская вуаль. Переодетый таким образом, запахнувшись в длинную белую шаль, он вошел в церковь один. Смиренно и робко направился он к священнику, закутанному в облачение с капюшоном. Когда король оказался в пяти шагах от священника, тот повернулся, откинув капюшон, и крикнул злорадно:

— Вот вам сюрприз!

— Это вам сюрприз, Фрокрор! — крикнул король, сбрасывая вуаль, парик и шаль, и взмахнул мечом.

По этому знаку в окна и двери церкви с грохотом повалили рыцари.

— Измена! — завопил Фрокрор и бросился наутек с криком: — Вперед, крестьяне! Все на борьбу с угнетателями!

Отовсюду из темных углов стали выскакивать друзья детства Мюриэл, вооруженные вилами, подсвечниками, ножами и дрекольем — короче, всем, что под руку попало. С яростью диких зверей набрасывались они на рыцарей, хотя нетрудно было предвидеть, что усилия их тщетны.

— Сдавайтесь! — крикнул король Грегор, но, конечно, его не послушались.

Тогда король Грегор подал знак, и рыцари принялись махать своими огромными двуручными мечами, со звоном опуская их на головы революционеров. Мюриэл, украдкой выглядывавшая из алтаря, рыдала и плакала. Вот упал Дюбкин, успев крикнуть «долой!». Вот упала Люба, дочь кузнеца, успев при падении героически метнуть в кого-то вилы. Вот упала изящная, хрупкая Красотка Полли, а потом, в последний раз печально взглянув на свою милую подругу принцессу, упала дочь лудильщика Добремиш. Спасся один Фрокрор. Он схватил вуаль и рыжий парик, набросил на плечи шаль и исчез во мраке ночи. К концу потасовки церковь была настолько завалена телами крестьян, истекающих кровью, что рыцари с трудом передвигались, скользя и с грохотом падая.

— Фрокрор, что ты наделал! — закричала Мюриэл, не помня себя от горя.

И тут появилась королева Луиза в сопровождении мадам Вамп. Перепрыгивая через тела, королева вошла в церковь, и сразу наступила полная тишина. Глаза у её величества расширились от изумления и негодования, она была так потрясена, что даже не могла решить, быть ли ей королевой или жабой, и в растерянности переходила из одного состояния в другое. Наконец, сжав

пальцами виски, она воскликнула:

— Мои дети! Мои пропавшие принцы и принцессы! Грегор, изверг! Ты перебил всех наших детей!

Дрожа, обезумев от горя, она упала на колени.

Король Грегор в отчаянии обеими руками дергал свою длинную черную бороду:

— Наших детей, Луиза?

— Бедные принцы, бедные принцессы, — причитала королева.

Мадам Вамп улыбалась, показывая острые зубы, очень довольная собой. Рыцари стояли опустив головы, король Грегор в сильном волнении переминался с ноги на ногу.

— Это я во всем виновата! — воскликнула Мюриэл, выходя из своего укрытия.

— Ах нет, — сказала королева Луиза, охваченная дрожью. — Всему виной скучные и крайне опасные идеи.

Никто не ожидал от неё слов, в которых было бы столько смысла.

— Поистине подобные сардису! — произнесла королева Луиза.

Эта фраза настолько всех озадачила, что более-менее сняла всеобщее напряжение, и вот поверженные крестьяне стали приходить в себя,

стеная и потирая ушибленные головы. И хотя многим предстояло отправиться в дворцовый лазарет, но покалеченных и убитых среди них не оказалось.

Королева Луиза, увидевшая, что они поднимаются, была вне себя от радости, но при этом проявила необходимую строгость.

— Всех, одержимых скучными и опасными идеями, следует выпороть, — сказала королева и послала за розгами. Порку она осуществила собственноручно. Выпороты были все, кроме Мюриэл и короля Грегора, — даже мадам Вамп, несмотря на её горячие протесты.

— Я же ничего не сделала! — кричала мадам Вамп и сама искренне в это верила.

— А вот это, — сказала королева Луиза, — самая скучная и опасная идея из всех! — и с особым усердием отходила фрейлину розгами. Мадам Вамп предпринимала отчаянные попытки спастись. Она превращалась то в мышь, то в огромную зеленую змею — бедная пожилая болезненная дама. Но все напрасно.

Понеся заслуженную кару, все похромали за королевой Луизой в замок. Её величество ехала, держа перед собой розги, как флаг; на колени к ней склонила голову Добремиш (которая всегда

была её любимицей). Непоротые король Грегор и Мюриэл украдкой переглядывались, недоумевая, чем они заслужили такую милость. Блистающим диском вставало солнце.

А в это время Фрокрор с заснеженной вершины близлежащей горы наблюдал за процессией в подзорную трубу, бормоча проклятия и ругательства.

— Маньяки! Маньяки! Маньяки! — бубнил он, топая ногой в ребяческой злости.

— Всякое заблуждение — от ушибленной головы, — сказала королева Луиза.

РИЧАРД БАХ

ДЖОНАТАН ЛИВИНГСТОН ЧАЙКА

Невыдуманному Джонатану Чайке,
который живет в каждом из нас.

Часть первая

Было утро, и золотые блики молодого солнца плясали на едва заметных волнах спокойного моря.

В миле от берега с рыболовного судна забросили сети с приманкой; весть об этом мгновенно донеслась до Стаи, ожидавшей завтрака, и вот уже тысяча чаек слетелась к судну, чтобы хитростью или силой добыть крохи пищи.

Ещё один хлопотливый день вступил в свои права.

Но вдали от всех, вдали от рыболовного судна и от берега, в полном одиночестве совершала свои тренировочные полеты чайка по имени Джонатан Ливингстон. Взлетев на сто футов в небо, Джонатан опустил перепончатые лапы, приподнял клюв, вытянул вперед изогнутые дугой крылья и, превозмогая боль, старался удержать

их в этом положении. Вытянутые вперед крылья снижали скорость, и он летел так медленно, что ветер едва шептал у него над ухом, а океан под ним казался недвижимым. Он прищурил глаза и весь обратился в одно-единственное желание. Вот он задержал дыхание и чуть… чуть-чуть… на один дюйм… увеличил изгиб крыльев. Перья взъерошились, он совсем потерял скорость и упал.

Чайки, как вы знаете, не раздумывают во время полета и никогда не останавливаются. Остановиться в воздухе — для них бесчестье и позор.

Но Джонатан Ливингстон, который, не стыдясь, вновь выгибал и напрягал дрожащие крылья — все медленнее, медленнее, и опять неудача, — был не какой-нибудь заурядной птицей.

Большинство чаек не стремится узнать о полете ничего, кроме самого необходимого: как долететь от берега до пищи и вернуться назад. Для большинства чаек главное — еда, а не полет. Для этой же чайки главное было не в еде, а в полете. Больше всего на свете Джонатан Ливингстон любил летать.

Но подобное пристрастие, как он понял, не внушает уважения птицам. Даже его родители были встревожены тем, что Джонатан целые дни

проводит в одиночестве и, занимаясь своими опытами, снова и снова планирует над самой водой.

Он, например, не понимал, почему, летая на высоте меньшей полуразмаха своих крыльев, он может держаться в воздухе дольше и почти без усилий. Его планирующий спуск заканчивался не обычным всплеском при погружении лап в воду, а появлением длинной вспененной струи, которая рождалась, как только тело Джонатана с плотно прижатыми лапами касалось поверхности моря. Когда он начал, поджимая лапы, планировать на берег, а потом измерять шагами след, оставляемый на песке, его родители, естественно, встревожились не на шутку.

— Почему, Джон, почему? — спрашивала мать. — Почему ты не можешь вести себя, как все мы? Почему ты не предоставишь полеты над водой пеликанам и альбатросам? Почему ты ничего не ешь? Сын, от тебя остались перья да кости.

— Ну и пусть, мама, от меня остались перья да кости. Я хочу знать, что я могу делать в воздухе, а чего не могу. Я просто хочу знать.

— Послушай-ка, Джонатан, — говорил ему отец без тени недоброжелательности. — Зима не за горами. Рыболовные суда будут появляться все

реже, а рыба, которая теперь плавает на поверхности, уйдет в глубину. Если тебе непременно хочется учиться, изучай пищу, учись её добывать. Полеты — это, конечно, очень хорошо, но одними полетами сыт не будешь. Не забывай, что ты летаешь ради того, чтобы есть.

Джонатан покорно кивнул. Несколько дней он старался делать то же, что все остальные, старался изо всех сил: пронзительно кричал и дрался с сородичами у пирсов и рыболовных судов, нырял за кусочками рыбы и хлеба. Но у него ничего не получалось.

«Какая бессмыслица, — подумал он и решительно швырнул с трудом добытого анчоуса голодной старой чайке, которая гналась за ним. — Я мог бы потратить все это время на то, чтобы учиться летать. Мне нужно узнать ещё так много!»

И вот уже Джонатан снова один далеко в море — голодный, радостный, пытливый.

Он изучал скорость полета и за неделю тренировок узнал о скорости больше, чем самая быстролетная чайка на этом свете.

Поднявшись на тысячу футов над морем, он бросился в крутое пике, изо всех сил махая крыльями, и понял, почему чайки пикируют, сложив крылья. Всего через шесть секунд он уже летел

со скоростью семьдесят миль в час, со скоростью, при которой крыло в момент взмаха теряет устойчивость.

Раз за разом одно и то же. Как он ни старался, как ни напрягал силы, достигнув высокой скорости, он терял управление.

Подъем на тысячу футов. Мощный рывок вперед, переход в пике, напряженные взмахи крыльев и отвесное падение вниз. А потом каждый раз его левое крыло вдруг замирало при взмахе вверх, он резко кренился влево, переставал махать правым крылом, чтобы восстановить равновесие, и, будто пожираемый пламенем, кувырком через правое крыло входил в штопор.

Несмотря на все старания, взмах вверх не удавался. Он сделал десять попыток, и десять раз, как только скорость превышала семьдесят миль в час, он обращался в неуправляемый комок взъерошенных перьев и камнем летел в воду.

Все дело в том, понял наконец Джонатан, когда промок до последнего перышка, — все дело в том, что при больших скоростях нужно удержать раскрытые крылья в одном положении — махать, пока скорость не достигнет пятидесяти миль в час, а потом держать в одном положении.

Он поднялся на две тысячи футов и попытался

ещё раз: входя в пике, он вытянул клюв вниз и раскинул крылья, а когда достиг скорости пятьдесят миль в час, перестал шевелить ими. Это потребовало неимоверного напряжения, но он добился своего. Десять секунд он мчался неуловимой тенью со скоростью девяносто миль в час. Джонатан установил мировой рекорд скоростного полета для чаек!

Но он недолго упивался победой. Как только он попытался выйти из пике, как только он слегка изменил положение крыльев, его подхватил тот же безжалостный неодолимый вихрь, он мчал его со скоростью девяносто миль в час и разрывал на куски, как заряд динамита. Невысоко над морем Джонатан Чайка не выдержал и рухнул на твердую, как камень, воду.

Когда он пришел в себя, была уже ночь, он плыл в лунном свете по глади океана.

Изодранные крылья были налиты свинцом, но бремя неудачи легло на его спину ещё более тяжким грузом. У него появилось смутное желание, чтобы этот груз незаметно увлек его на дно, и тогда, наконец, все будет кончено.

Он начал погружаться в воду и вдруг услышал незнакомый глухой голос где-то в самом себе: «У меня нет выхода. Я чайка. Я могу только то, что

могу. Родись я, чтобы узнать так много о полетах, у меня была бы не голова, а вычислительная машина. Родись я для скоростных полетов, у меня были бы короткие крылья, как у сокола, и я питался бы мышами, а не рыбой. Мой отец прав. Я должен забыть об этом безумии. Я должен вернуться домой, к своей Стае, и довольствоваться тем, что я такой, какой есть, — жалкая, слабая чайка».

Голос умолк, и Джонатан смирился. «Ночью — место чайки на берегу, и отныне, — решил он, — я не буду ничем отличаться от других. Так будет лучше для нас всех».

Он устало оттолкнулся от темной воды и полетел к берегу, радуясь, что успел научиться летать на небольшой высоте с минимальной затратой сил.

«Но нет, — подумал он. — Я отказался от жизни, я отказался от всего, чему научился. Я такая же чайка, как все остальные, и я буду летать так, как летают чайки».

С мучительным трудом он поднялся на сто футов и энергичнее замахал крыльями, торопясь домой.

Он почувствовал облегчение оттого, что принял решение жить, как живет Стая. Распались

цепи, которыми он приковал себя к колеснице познания: не будет борьбы — не будет и поражений. Как приятно перестать думать и лететь в темноте к береговым огням.

— Темнота! — раздался вдруг тревожный глухой голос. — Чайки никогда не летают в темноте!

Но Джонатану не хотелось слушать. «Как приятно, — думал он. — Луна и отблески света, которые играют на воде и прокладывают в ночи дорожки сигнальных огней, и кругом все так мирно и спокойно...»

— Спустись! Чайки никогда не летают в темноте. Родись ты, чтобы летать в темноте, у тебя были бы глаза совы! У тебя была бы не голова, а вычислительная машина! У тебя были бы короткие крылья сокола!

Там, в ночи, на высоте ста футов, Джонатан Ливингстон прищурил глаза. Его боль, его решение — от них не осталось и следа.

Короткие крылья. Короткие крылья сокола!

Вот в чём разгадка! «Какой же я дурак! Всё, что мне нужно, — это крошечное, совсем маленькое крыло; все, что мне нужно, — это почти полностью сложить крылья и во время полета двигать одними только кончиками. Короткие крылья!»

Он поднялся на две тысячи футов над черной массой воды и, не задумываясь ни на мгновенье о неудаче, о смерти, плотно прижал к телу широкие части крыльев, подставил ветру только узкие, как кинжалы, концы — перо к перу — и вошел в отвесное пике.

Ветер оглушительно ревел у него над головой. Семьдесят миль в час, девяносто, сто двадцать, ещё быстрее! Сейчас, при скорости сто сорок миль в час, он не чувствовал такого напряжения, как раньше при семидесяти; едва заметного движения концами крыльев оказалось достаточно, чтобы выйти из пике, и он пронесся над волнами как пушечное ядро, серое при свете луны.

Он сощурился, чтобы защитить глаза от ветра, и его охватила радость. «Сто сорок миль в час! Не теряя управления! Если я начну пикировать с пяти тысяч футов, а не с двух, интересно, с какой скоростью…»

Благие намерения позабыты, унесены стремительным, ураганным ветром. Но он не чувствовал угрызений совести, нарушив обещание, которое только что дал самому себе. Такие обещания связывают чаек, удел которых — заурядность. Для того, кто стремится к знанию и однажды достиг совершенства, они не имеют значения.

На рассвете Джонатан возобновил тренировку. С высоты пяти тысяч футов рыболовные суда казались щепочками на голубой поверхности моря, а Стая за завтраком — легким облаком пляшущих пылинок.

Он был полон сил и лишь слегка дрожал от радости, он был горд, что сумел побороть страх. Не раздумывая, он прижал к телу переднюю часть крыльев, подставил кончики крыльев — маленькие уголки! — ветру и бросился в море. Пролетев четыре тысячи футов, Джонатан достиг предельной скорости, ветер превратился в плотную вибрирующую стену звуков, которая не позволяла ему двигаться быстрее. Он летел отвесно вниз со скоростью двести четырнадцать миль в час. Он прекрасно понимал, что если его крылья раскроются на такой скорости, то он, чайка, будет разорван на миллион клочков… Но скорость — это мощь, скорость — это радость, скорость — это незамутненная красота.

На высоте тысячи футов он начал выходить из пике. Концы его крыльев были смяты и изуродованы ревущим ветром, судно и стая чаек накренились и с фантастической быстротой вырастали в размерах, преграждая ему путь.

Он не умел останавливаться, он даже не знал,

как повернуть на такой скорости.

Столкновение — мгновенная смерть.

Он закрыл глаза.

Так случилось в то утро, что на восходе солнца Джонатан Ливингстон, закрыв глаза, достиг скорости двести четырнадцать миль в час и под оглушительный свист ветра и перьев врезался в самую гущу Стаи за завтраком. Но Чайка удачи на этот раз улыбнулась ему — никто не погиб.

В ту минуту, когда Джонатан поднял клюв в небо, он все ещё мчался со скоростью сто шестьдесят миль в час. Когда ему удалось снизить скорость до двадцати миль и он смог наконец расправить крылья, судно находилось на расстоянии четырех тысяч футов позади него и казалось точкой на поверхности моря.

Он понимал, что это триумф. Предельная скорость! Двести четырнадцать миль в час для чайки! Это был прорыв, незабываемый, неповторимый миг в истории Стаи и начало новой эры в жизни Джонатана. Он продолжал свои одинокие тренировки, он складывал крылья и пикировал с высоты восемь тысяч футов и скоро научился делать повороты.

Он понял, что на огромной скорости достаточно на долю дюйма изменить положение хотя бы

одного пера на концах крыльев, и уже получается широкий, плавный разворот. Но задолго до этого он понял, что, если на такой скорости изменить положение хотя бы двух перьев, тело начнет вращаться, как ружейная пуля, и… Джонатан был первой чайкой на земле, которая научилась выполнять фигуры высшего пилотажа.

В тот день он не стал тратить время на болтовню с другими чайками; солнце давно село, а он все летал и летал. Ему удалось освоить мертвую петлю, замедленную бочку, многовитковую бочку[96], перевернутый штопор[97], обратный иммельман[98], вираж.

Была уже глухая ночь, когда Джонатан подлетел к Стае на берегу. У него кружилась голова, он смертельно устал. Но, снижаясь, он с радостью сделал мертвую петлю, а перед тем как приземлиться, ещё и быструю бочку. «Когда они

---

[96] Примечания: 96

Многовитковая бочка — фигура высшего пилотажа, вращение вокруг оси горизонтальной плоскости.

[97] Примечания: 97

Перевернутый штопор — нисходящее спиралеобразное вращение самолета в перевернутом положении.

[98] Примечания: 98

Обратный иммельман — сложный элемент высшего пилотажа, восходящий маневр в вертикальной плоскости с переворотом на 180° вокруг продольной оси.

услышат об этом, — он думал о Прорыве, — они обезумеют от радости. Насколько полнее станет теперь жизнь! Вместо того чтобы уныло сновать между берегом и рыболовными судами — знать, зачем живешь!

Мы покончим с невежеством, мы станем свободными! Мы научимся летать!»

Будущее было заполнено до предела, оно сулило столько заманчивого!

Когда он приземлился, все чайки были в сборе, потому что начинался Совет; видимо, они собрались уже довольно давно. На самом деле они ждали.

— Джонатан Ливингстон! Выйди на середину!

Слова Старейшего звучали торжественно. Приглашение выйти на середину означало или величайший позор, или величайшую честь. Круг Чести — это дань признательности, которую чайки платили своим великим вождям. «Ну конечно, — подумал он, — утро, Стая за завтраком, они видели Прорыв! Но мне не нужны почести. Я не хочу быть вождем. Я хочу только поделиться тем, что я узнал, показать им, какие дали открываются перед нами». Он сделал шаг вперед.

— Джонатан Ливингстон, — сказал Старейший, — выйди на середину, ты покрыл себя

Позором перед лицом твоих соплеменников…

Его будто ударили доской! Колени ослабли, перья обвисли, в ушах зашумело. Круг Позора? Не может быть! Прорыв! Они не поняли! Они ошиблись, они ошиблись!

— …своим легкомыслием и безответственностью, — текла торжественная речь, — тем, что попрал достоинство и обычаи Семьи Чаек…

Круг Позора означает изгнание из Стаи, его приговорят жить в одиночестве на Дальних Скалах.

— …Настанет день, Джонатан Ливингстон, когда ты поймешь, что безответственность не может тебя прокормить. Нам не дано постигнуть смысл жизни, ибо он непостижим, нам известно только одно: мы брошены в этот мир, чтобы есть и оставаться в живых до тех пор, пока у нас хватает сил.

Чайки никогда не возражают Совету Стаи, но голос Джонатана нарушил тишину.

— Безответственность? Собратья! — воскликнул он. — Кто более ответствен, чем чайка, которая открывает, в чём значение, в чём высший смысл жизни, и никогда не забывает об этом? Тысячу лет мы рыщем в поисках рыбьих голов, но сейчас понятно наконец, зачем мы живем: чтобы познавать, открывать новое, быть

свободными! Дайте мне возможность, позвольте мне показать вам, чему я научился…

Стая будто окаменела.

— Ты нам больше не Брат, — хором нараспев проговорили чайки, величественно все разом закрыли уши и повернулись к нему спиной.

Джонатан провел остаток своих дней один, но он улетал на много миль от Дальних Скал. И не одиночество его мучило, а то, что чайки не захотели поверить в радость полета, не захотели открыть глаза и увидеть!

Каждый день он узнавал что-то новое. Он узнал, что, придав телу обтекаемую форму, он может перейти в скоростное пикирование и добыть редкую вкусную рыбу из той, что плавает в океане на глубине десяти футов; он больше не нуждался в рыболовных судах и в черством хлебе. Он научился спать в воздухе, научился не сбиваться с курса ночью, когда ветер дует с берега, и мог пролететь сотни миль от заката до восхода солнца. С таким же самообладанием он летал в плотном морском тумане и прорывался сквозь него к чистому, ослепительно сияющему небу… в то самое время, когда другие чайки жались к земле, не подозревая, что на свете существует что-то, кроме тумана и дождя. Он научился залетать вместе с сильным

ветром далеко в глубь материка и ловить на обед аппетитных насекомых.

Он радовался один тем радостям, которыми надеялся когда-то поделиться со Стаей, он научился летать и не жалел о цене, которую за это заплатил. Джонатан понял, почему так коротка жизнь чаек: её съедают скука, страх и злоба, но он забыл о скуке, страхе и злобе и прожил долгую счастливую жизнь.

А потом однажды вечером, когда Джонатан спокойно и одиноко парил в небе, которое он так любил, прилетели они. Две белые чайки, которые появились около его крыльев, сияли, как звезды, и освещали ночной мрак мягким ласкающим светом. Но ещё удивительнее было их мастерство: они летели, неизменно сохраняя расстояние точно в один дюйм между своими и его крыльями.

Не проронив ни слова, Джонатан подверг их испытанию, которого ни разу не выдержала ни одна чайка. Он изменил положение крыльев так, что скорость полета резко замедлилась: ещё на милю в час меньше — и падение неизбежно. Две сияющие птицы, не нарушая дистанции, плавно снизили скорость одновременно с ним. Они умели летать медленно!

Он сложил крылья, качнулся из стороны в

сторону и бросился в пике со скоростью сто девяносто миль в час. Они понеслись вместе с ним, безупречно сохраняя строй.

Наконец он на той же скорости перешел в длинную вертикальную замедленную бочку. Они улыбнулись и сделали бочку одновременно с ним.

Он перешел в горизонтальный полет, некоторое время летел молча, а потом сказал:

— Прекрасно. — И спросил:- Кто вы?

— Мы из твоей Стаи, Джонатан, мы твои братья. — Они говорили спокойно и уверенно. — Мы прилетели, чтобы позвать тебя выше, чтобы позвать тебя домой.

— Дома у меня нет. Стаи у меня нет. Я Изгнанник. Мы летим сейчас на вершину Великой Горы Ветров. Я могу поднять своё дряхлое тело ещё на несколько сот футов, но не выше.

— Ты можешь подняться выше, Джонатан, потому что ты учился. Ты окончил одну школу, теперь настало время начать другую.

Эти слова сверкали перед ним всю его жизнь, поэтому Джонатан понял, понял мгновенно. Они правы. Он может летать выше, и ему пора возвращаться домой.

Он бросил последний долгий взгляд на небо, на

эту великолепную серебряную страну, где он так много узнал.

— Я готов, — сказал он наконец.

И Джонатан Ливингстон поднялся ввысь вместе с двумя чайками, яркими, как звезды, и исчез в непроницаемой темноте неба.

Часть вторая

«Так это и есть небеса», — подумал он и не мог не улыбнуться про себя. Наверное, это не очень почтительно — размышлять, что такое небеса, едва ты там появился.

Теперь, когда он расстался с Землей и поднялся над облаками крыло к крылу с двумя лучезарными чайками, он заметил, что его тело постепенно становится таким же лучистым. Конечно, оно принадлежало все тому же молодому Джонатану, который всегда жил за зрачками его золотистых глаз, но внешне оно переменилось.

Оно осталось телом чайки, и всё-таки никогда прежде Джонатану не леталось так хорошо. «Как странно, — думал он, — я трачу вдвое меньше усилий, а лечу вдвое быстрее, я в силах сделать вдвое больше, чем в мои лучшие дни на Земле!»

Его белые перья сверкали и искрились, а

крылья стали безукоризненно гладкими, как отполированные серебряные пластинки. Он с восторгом начал изучать их и прилагать силу своих мускулов к этим новым крыльям.

Достигнув скорости двести пятьдесят миль в час, он почувствовал, что приближается к максимальной скорости горизонтального полета. Достигнув двухсот семидесяти трех миль, он понял, что быстрее лететь не в силах, и испытал некоторое разочарование. Возможности его нового тела тоже были ограниченны, правда, ему удалось значительно превысить свой прежний рекорд, но предел всё-таки существовал, и чтобы его превзойти, нужны были огромные усилия. «На небесах, — думал он, — не должно быть никаких пределов».

Облака расступились, его провожатые прокричали:

— Счастливой посадки, Джонатан! — и исчезли в прозрачном воздухе.

Он летел над морем к изрезанному гористому берегу. Пять-шесть чаек отрабатывали взлеты на скалах. Далеко на севере, у самого горизонта, летало ещё несколько чаек. Новые дали, новые мысли, новые вопросы. «Почему так мало чаек? На небесах должны быть стаи и стаи чаек. И

почему я вдруг так устал? На небесах чайки как будто никогда не устают и никогда не спят».

Где он об этом слышал? События его земной жизни отодвигались все дальше и дальше. Он многому научился на Земле, это верно, но подробности припоминались с трудом: кажется, чайки дрались из-за пищи и он был Изгнанником.

Когда он приблизился к берегу, дюжина чаек взлетела ему навстречу, но ни одна из них не проронила ни слова. Он только чувствовал, что они рады ему и что здесь он дома. Этот день был очень длинным, таким длинным, что он успел забыть, когда взошло солнце.

Он развернулся, чтобы приземлиться, взмахнул крыльями, застыл в воздухе на высоте одного дюйма и мягко опустился на песок. Другие чайки тоже приземлились, но им для этого достаточно было лишь слегка шевельнуть перьями. Они раскрыли свои белоснежные крылья, покачались на ветру и, меняя положение перьев, остановились в то самое мгновение, когда их лапы коснулись земли. Это был прекрасный маневр, но Джонатан слишком устал, чтобы попробовать его повторить. Он все ещё не произнес ни слова и заснул, стоя на берегу.

В первые же дни Джонатан понял, что здесь

ему предстоит узнать о полете не меньше нового, чем он узнал в своей прежней жизни.

Но разница всё-таки была. Здесь жили чайки-единомышленники. Каждая из них считала делом своей жизни постигать тайны полета, стремиться к совершенству полета, потому что полет — это то, что они любили больше всего на свете. Это были удивительные птицы, все без исключения, и каждый день они час за часом отрабатывали технику движений в воздухе и испытывали новые приемы пилотирования.

Джонатан, казалось, забыл о том мире, откуда он прилетел, и о том месте, где жила Стая, которая не знала радостей полета и пользовалась крыльями только для добывания пищи и для борьбы за пищу. Но иногда он вдруг вспоминал.

Он вспомнил о родных местах однажды утром, когда остался вдвоем со своим наставником и отдыхал на берегу после нескольких быстрых бочек, которые он делал со сложенными крыльями.

Салливан, а где все остальные? — спросил он беззвучно, потому что вполне освоился с несложными приемами телепатии здешних чаек, которые никогда не кричали и не бранились. — Почему нас здесь так мало? Знаешь, там, откуда я прилетел, жили…

— …тысячи тысяч чаек. Я знаю. — Салливан кивнул. — Мне, Джонатан, приходит в голову только один ответ. Такие птицы, как ты, — редчайшее исключение. Большинство из нас движется вперед так медленно. Мы переходим из одного мира в другой, почти такой же, и тут же забываем, откуда мы пришли; нам все равно, куда нас ведут, нам важно только то, что происходит сию минуту. Ты представляешь, сколько жизней мы должны прожить, прежде чем у нас появится первая смутная догадка, что жизнь не исчерпывается едой, борьбой и властью в Стае. Тысячу жизней, Джон, десять тысяч! А потом ещё сто жизней, прежде чем мы начинаем понимать, что существует нечто, называемое совершенством, и ещё сто, пока мы убеждаемся: смысл жизни в том, чтобы достигнуть совершенства и рассказать об этом другим. Тот же закон, разумеется, действует и здесь: мы выбираем следующий мир в согласии с тем, чему мы научились в этом. Если мы не научились ничему, следующий мир окажется таким же, как этот, и нам придется снова преодолевать те же преграды с теми же свинцовыми гирями на лапах.

Он расправил крылья и повернулся лицом к ветру.

— Но ты, Джон, сумел узнать так много и с такой быстротой, — продолжал он, — что тебе не пришлось прожить тысячу жизней, чтобы оказаться здесь.

И вот они уже снова поднялись в воздух, тренировка возобновилась. Сделать бочку вдвоем трудно, потому что в перевернутом положении Джонатану приходилось, летя вверх лапами, соображать, как выгнуть крылья, чтобы выполнить оставшуюся часть оборота, сохраняя безупречную согласованность движений со своим учителем.

— Попробуем ещё раз, — снова повторял Салливан. — Попробуем ещё раз. — И наконец: — Хорошо!

Тогда они начали отрабатывать внешнюю петлю.

Однажды вечером чайки, которые не улетели в ночной полет, стояли все вместе на песке, они думали. Джонатан собрался с духом и подошел к Старейшему — чайке, которая, как говорили, собиралась вскоре расстаться с этим миром.

— Чианг… — начал он немного волнуясь.

Старая чайка ласково взглянула на него:

— Что, сын мой?

С годами Старейший не только не ослабел, а, наоборот, стал ещё сильнее, он летал быстрее

всех чаек в Стае и владел в совершенстве такими приемами, которые остальные ещё только осваивали.

— Чианг, этот мир… это вовсе не небеса?

При свете луны было видно, что Старейший улыбнулся.

— Джонатан, ты снова учишься, — сказал он.

— Да. А что ждет нас впереди? Куда мы идем? Разве нет такого места — небеса?

— Нет, Джонатан, такого места нет. Небеса — это не место и не время. Небеса — это достижение совершенства. — Он помолчал. — Ты, кажется, летаешь очень быстро?

— Я… я очень люблю скорость, — сказал Джонатан. Он был поражен — и горд! — тем, что Старейший заметил его.

— Ты приблизишься к небесам, Джонатан, когда приблизишься к совершенной скорости. Это не значит, что ты должен пролететь тысячу миль в час, или миллион, или научиться летать со скоростью света. Потому что любая цифра — это предел, а совершенство не знает предела. Достигнуть совершенной скорости, сын мой, — это значит оказаться там.

Не прибавив ни слова, Чианг исчез и тут же появился у кромки воды, в пятидесяти футах от

прежнего места. Потом он снова исчез и через тысячную долю секунды уже стоял рядом с Джонатаном.

— Это просто шутка, — сказал он.

Джонатан не мог прийти в себя от изумления. Он забыл, что хотел расспросить Чианга про небеса.

— Как это тебе удается? Что ты чувствуешь, когда так летишь? Какое расстояние ты можешь пролететь?

— Пролететь можно любое расстояние в любое время, стоит только захотеть, — сказал Старейший. — Я побывал всюду и везде, куда проникала моя мысль. — Он смотрел на морскую гладь. — Странно: чайки, которые отвергают совершенство во имя путешествий, не улетают никуда; где им, копушам! А те, кто отказывается от путешествий во имя совершенства, летают по всей вселенной, как метеоры. Запомни, Джонатан, небеса — это не какое-то определенное место или время, потому что ни место, ни время не имеют значения. Небеса — это…

— Ты можешь научить меня так летать?

Джонатан дрожал, предвкушая радость ещё одной победы над неведомым.

— Конечно, если ты хочешь научиться.

— Хочу. Когда мы начнем?

— Можно начать сейчас, если ты не возражаешь.

— Я хочу научиться летать, как ты, — проговорил Джонатан, и в его глазах появился странный огонек. — Скажи, что я должен делать.

Чианг говорил медленно, зорко вглядываясь в своего молодого друга.

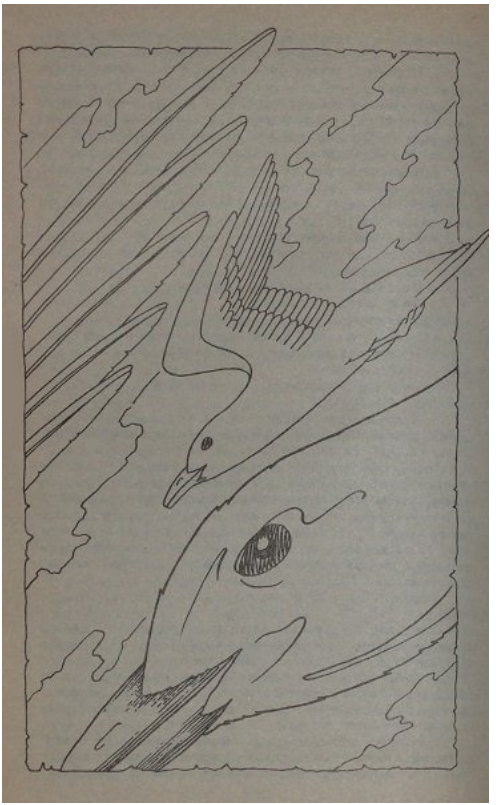
— Чтобы летать с быстротой мысли или, говоря иначе, летать куда хочешь, — начал он, — нужно прежде всего понять, что ты уже прилетел…

Суть дела, по словам Чианга, заключалась в том, что Джонатан должен отказаться от представления, будто он узник своего тела с размахом крыльев в сорок два дюйма и ограниченным набором заранее запрограммированных возможностей. Суть в том, чтобы понять: его истинное «я», совершенное, как ненаписанное число, живет одновременно в любой точке пространства в любой момент времени.

Джонатан тренировался упорно, ожесточенно, день за днем, с восхода солнца до полуночи. И несмотря на все усилия, ни на перышко не сдвинулся с места.

— Забудь о вере! — твердил Чианг. — Разве тебе нужна была вера, чтобы научиться летать? Тебе

нужно было понять, что такое полет. Сейчас ты должен сделать то же самое. Попробуй ещё раз…



А потом однажды, когда Джонатан стоял на берегу с закрытыми глазами и старался сосредоточиться, он вдруг понял, о чём говорил Чианг. «Конечно, Чианг прав!

Я сотворен совершенным, мои возможности безграничны, я — Чайка!» Он почувствовал могучий прилив радости.

— Хорошо! — сказал Чианг, и в его голосе прозвучало торжество.

Джонатан открыл глаза. Они были одни — он и Старейший на совершенно незнакомом морском берегу: деревья подступали к самой воде, над головой висели два желтых близнеца — два солнца.

— Наконец-то ты понял, — сказал Чианг, — но тебе нужно ещё поработать над управлением…

Джонатан не мог прийти в себя от изумления:

— Где мы?

Необычный пейзаж не произвел на Старейшего никакого впечатления, как и вопрос Джонатана.

— Очевидно, на какой-то планете с зеленым небом и двойной звездой вместо солнца.

Джонатан испустил радостный клич — первый звук с тех пор, как он покинул Землю.

— ПОЛУЧАЕТСЯ!

— Разумеется, Джон, разумеется, получает-

ся, — сказал Чианг. — Когда знаешь, что делаешь, всегда получается. А теперь об управлении…

Они вернулись уже в темноте. Чайки не могли отвести взгляда от Джонатана, в их золотистых глазах застыл ужас: они видели, как его вдруг не стало на том месте, где он провел столько времени в полной неподвижности.

Но Джонатан недолго принимал их поздравления.

— Я здесь новичок! Я только начинаю! Это мне надо учиться у вас!

— Как странно, Джон, — сказал Салливан, стоявший рядом с ним. — За десять тысяч лет я не встретил ни одной чайки, которая училась с таким же бесстрашием, как ты.

Стая молчала. Джонатан в смущении переступал с лапы на лапу.

— Если хочешь, мы можем начать работать над временем, — заговорил Чианг, — и ты научишься летать в прошлое и будущее. Тогда ты будешь подготовлен к тому, чтобы приступить к самому трудному, самому дерзновенному, самому интересному. Ты будешь подготовлен к тому, чтобы летать ввысь, и поймешь, что такое доброта и любовь.

Прошел месяц или около месяца. Джонатан

делал невероятные успехи. Он всегда быстро продвигался вперед даже с помощью обычных тренировок, но сейчас, под руководством самого Старейшего, он воспринимал новое, как обтекаемая, покрытая перьями вычислительная машина.

А потом настал день, когда Чианг исчез. Он спокойно беседовал с чайками и убеждал их постоянно учиться, и тренироваться, и стремиться как можно глубже понять всеобъемлющую невидимую основу вечной жизни. Он говорил, а его перья становились все ярче и ярче и наконец засияли так ослепительно, что ни одна чайка не могла смотреть на него.

— Джонатан, — сказал он, и это были его последние слова, — постарайся постигнуть, что такое любовь.

Когда к чайкам вернулось зрение, Чианга с ними уже не было.

Дни шли за днями, и Джонатан заметил, что он все чаще думает о Земле, которую покинул. Знай он там одну десятую, одну сотую того, что узнал здесь, насколько полнее была бы его жизнь! Он стоял на песке и думал: «Что, если там, на Земле, есть чайка, которая пытается вырваться из оков своего естества, пытается понять, что могут

дать крылья, кроме возможности долететь до рыболовного судна и схватить корку хлеба. Быть может, она даже решилась сказать об этом во всеуслышание и Стая приговорила её к Изгнанию». И чем больше Джонатан упражнялся в проявлении доброты, чем больше он трудился над познанием природы любви, тем сильнее ему хотелось вернуться на Землю. Потому что, несмотря на своё одинокое прошлое, Джонатан был прирожденным наставником, и его любовь проявлялась прежде всего в стремлении поделиться добытой им правдой с каждой чайкой, которая ждала только благоприятного случая, чтобы тоже ринуться на поиски правды.

Салливан, который за это время вполне овладел полетами со скоростью мысли и уже помогал другим, не одобрял замыслов Джонатана.

— Джон, тебя некогда приговорили к Изгнанию. Почему ты думаешь, что те же чайки захотят слушать тебя сейчас? Ты знаешь поговорку и знаешь, что она справедлива: чем выше летает чайка, тем дальше она видит. Чайки, от которых ты улетел, стоят на земле, они кричат и дерутся друг с другом. Они живут за тысячу миль от небес, а ты говоришь, что хочешь показать им небеса — оттуда, с земли! Да ведь они, Джон, не могут

разглядеть концов своих собственных крыльев. Оставайся здесь. Помогай здесь новым чайкам, помогай тем, кто взлетел достаточно высоко, чтобы увидеть то, о чём ты хочешь им рассказать. — Он немного помолчал и добавил: — Что, если бы Чианг вернулся в свой старый мир? Где бы ты сам находился сегодня?

Последний довод был самым убедительным: конечно, Салливан прав. Чем выше летает чайка, тем дальше она видит.

Джонатан остался и занимался с новыми птицами, которые прилетали на небеса; они все были очень способными и быстро усваивали то, что им объясняли. Но к нему вернулось прежнее беспокойство, он не мог избавиться от мысли, что на Земле, наверное, живут одна-две чайки, которые тоже могли бы учиться. Насколько больше знал бы он сейчас, появись Чианг рядом с ним в те дни, когда он был Изгнанником!

— Салли, я должен вернуться, — сказал он в конце концов. — У тебя прекрасные ученики. Они помогут тебе справиться с новичками.

Салливан вздохнул, но не стал возражать.

— Боюсь, Джонатан, что я буду скучать по тебе. — Вот и все, что он сказал.

— Салли, как тебе не стыдно! — с упреком вос-

кликнул Джонатан. — Разве можно говорить такие глупости! Чем мы с тобой занимаемся изо дня в день? Если наша дружба зависит от таких условностей, как пространство и время, значит, мы сами разрушим наше братство в тот миг, когда сумеем преодолеть пространство и время! Но, преодолевая пространство, единственное, что мы покидаем, — это Здесь. А преодолевая время, мы покидаем только Сейчас. Неужели ты думаешь, что мы не сможем повидаться один-два раза где-нибудь в промежутке между тем, что называется Здесь и Сейчас?

Салливан невольно рассмеялся.

— Ты совсем помешался, — сказал он ласково. — Если кто-нибудь в силах показать хоть одной живой душе на Земле, как охватить глазом тысячу миль, это наверняка Джонатан Ливингстон. — Он смотрел на песок. — До свидания, Джон, до свидания, друг.

— До свидания, Салли. Мы ещё встретимся.

Произнеся эти слова, Джонатан тут же увидел внутренним взором огромные стаи чаек на берегах другого времени и с привычной легкостью ощутил: нет, он не перья да кости, он — совершенное воплощение идеи свободы и полета, его возможности безграничны.

Флетчер Линд был ещё очень молодой чайкой, но он уже знал, что не было на свете птицы, которой пришлось бы терпеть такое жестокое обращение Стаи и столько несправедливостей!

«Мне все равно, что они говорят, — думал он, направляясь к Дальним Скалам; он кипел от негодования, его взгляд помутился. — Летать — это вовсе не значит махать крыльями, чтобы перемещаться с места на место. Это умеет даже… даже комар. Какая-то одна бочка вокруг Старейшей Чайки, просто так, в шутку, и я — Изгнанник! Что они, слепы? Неужели они не видят? Неужели они не понимают, как мы прославимся, если в самом деле научимся летать?

Мне все равно, что они обо мне думают. Я покажу им, что значит летать Пусть я буду одиноким Изгнанником, если им так хочется. Но они пожалеют, об этом, ещё как пожалеют…»

Голос проник в его голову, и хотя это был очень тихий голос, Флетчер так испугался, что вздрогнул и застыл в воздухе.

— Не сердись на них, Флетчер! Изгнав тебя, они причинили вред только самим себе, и когда-нибудь они это узнают, когда-нибудь они увидят то, что видишь ты. Прости их и помоги им понять.

На расстоянии дюйма от конца его правого кры-

ла летела ослепительно белая, самая белая чайка на свете, она скользила рядом с Флетчером без малейших усилий, не шевеля ни перышком, хотя Флетчер летел почти на предельной скорости.

На мгновенье у молодого Флетчера все смешалось в голове.

«Что со мной происходит? Я сошел с ума? Я умер? Что это значит?»

Негромкий спокойный голос вторгался в его мысли и требовал ответа.

— Чайка Флетчер Линд, ты хочешь летать?

— ДА, Я ХОЧУ ЛЕТАТЬ!

— Чайка Флетчер Линд, так ли сильно ты хочешь летать, что готов простить Стаю и учиться и однажды вернуться к ним и постараться помочь им узнать то, что знаешь сам?

Такому искусному, такому ослепительному существу нельзя было солгать, какой бы гордой птицей ни был Флетчер, как бы сильно его ни оскорбили.

— Да, — сказал он едва слышно.

— Тогда, Флетч, — обратилось к нему сияющее создание с ласковым голосом, — давай начнем с Горизонтального Полета…

Часть третья

Джонатан медленно кружил над Дальними Скалами; он наблюдал. Этот неотесанный молодой Флетчер оказался почти идеальным учеником. В воздухе он был сильным, ловким и подвижным, но главное — он горел желанием научиться летать.

Только что он мелькнул рядом — с оглушительным шумом взъерошенный серый комок вынырнул из пике и пронесся мимо учителя со скоростью сто пятьдесят миль в час. Внезапный рывок, и вот он уже выполняет другое упражнение — шестнадцативитковую вертикальную замедленную бочку — и считает витки вслух:

— …Восемь… девять… десять… ой, Джонатан, я выхожу за пределы скорости… одиннадцать… я хочу останавливаться так же красиво и точно, как ты… двенадцать… черт побери, я никак не могу сделать… тринадцать… эти последние три витка… без… четырн… а-а-а-а!

Очередная неудача — Флетчер «сел на хвост» — вызвала особенно бурный взрыв гнева и ярости. Флетчер опрокинулся на спину, и его безжалостно закрутило и завертело в обратном штопоре, а

когда он наконец выровнялся, жадно хватая ртом воздух, оказалось, что он летит на сто футов ниже своего наставника.

— Джонатан, ты попусту тратишь время! Я тупица! Я болван! Я зря стараюсь, у меня все равно ничего не получится!

Джонатан взглянул вниз и кивнул.

— Конечно, не получится, пока ты будешь останавливаться так резко. В самом начале ты потерял сорок миль в час! Нужно делать то же самое, только плавно! Уверенно, но плавно, понимаешь, Флетчер?

Джонатан снизился и подлетел к молодой чайке.

— Попробуем ещё раз вместе, крыло к крылу. Обрати внимание на остановку. Останавливайся плавно, начинай фигуру без рывков.

К концу третьего месяца у Джонатана появилось ещё шесть учеников — все шестеро Изгнанники, увлеченные новой странной идеей: летать ради радостей полета.

Но даже им легче было выполнить самую сложную фигуру, чем понять, в чём заключается сокровенный смысл их упражнений.

— На самом деле каждый из нас воплощает собой идею Великой Чайки, всеобъемлющую

идею свободы, — говорил Джонатан по вечерам, стоя на берегу, — и безошибочность полета — это ещё один шаг, приближающий нас к выражению нашей подлинной сущности.

Для нас не должно существовать никаких преград. Вот почему мы стремимся овладеть высокими скоростями, и малыми скоростями, и фигурами высшего пилотажа…

…А его ученики, измученные дневными полетами, засыпали. Им нравились практические занятия, потому что скорость пьянила и потому что тренировки помогали утолять жажду знания, которая становилась все сильнее после каждого занятия. Но ни один из них — даже Флетчер Линд — не мог себе представить, что полет идей — такая же реальность, как ветер, как полет птицы.

— Все ваше тело от кончика одного крыла до кончика другого, — снова и снова повторял Джонатан, — это не что иное, как ваша мысль, выраженная в форме, доступной вашему зрению. Разбейте цепи, сковывающие вашу мысль, и вы разобьете цепи, сковывающие ваше тело…

Но какие бы примеры он ни приводил, ученики воспринимали его слова как занятную выдумку, а им больше всего хотелось спать.

Хотя прошел всего только месяц, Джонатан сказал, что им пора вернуться в Стаю.

— Мы ещё не готовы! — воскликнул Генри Кэлвин. — Они не желают нас видеть! Мы Изгнанники! Разве можно навязывать своё присутствие тем, кто не желает тебя видеть?

— Мы вправе лететь, куда хотим, и быть такими, какими мы созданы, — ответил ему Джонатан; он поднялся в воздух и повернул на восток, к родным берегам, где жила Стая.

Несколько минут ученики в растерянности не знали, что делать, потому что Закон Стаи гласил: «Изгнанники никогда не возвращаются», и за десять тысяч лет этот Закон ни разу не был нарушен. Закон говорил: оставайтесь; Джонатан говорил: полетим; и он уже летел над морем в миле от них. Если они задержатся ещё немного, он встретится с враждебной Стаей один на один.

— Почему мы должны подчиняться закону, если нас все равно изгнали из Стаи? — растерянно спросил Флетчер. — А если завяжется бой, от нас будет гораздо больше пользы там, чем здесь.

Так они прилетели в то утро с запада — восемь чаек в строю двойным ромбом, почти касаясь крыльями друг друга. Они пересекли Берег Совета Стаи со скоростью сто тридцать пять миль в час:

Джонатан впереди, Флетчер плавно скользил у его правого крыла, а Генри Кэлвин отважно боролся с ветром у левого.

Потом, сохраняя строй, они все вместе медленно накренились вправо… выровнялись… перевернулись вверх лапами… выровнялись, а ветер безжалостно хлестал всех восьмерых.

Обыденные громкие ссоры и споры на берегу внезапно стихли, восемь тысяч глаз уставились, не мигая, на отряд Джонатана, как будто чайки увидели гигантский нож, занесенный над их головами. Восемь птиц одна за другой взмыли вверх, сделали мертвую петлю и, сбавив скорость до предела, не качнувшись, опустились на песок. Затем Джонатан как ни в чём не бывало приступил к разбору ошибок.

— Начнем с того, — сказал он с усмешкой, — что вы все заняли своё место в строю с некоторым опозданием…

Одна и та же мысль молнией облетела Стаю. Все эти птицы — Изгнанники! И они вернулись! Но это… этого не может быть! Флетчер напрасно опасался драки: Стая оцепенела.

— Подумаешь, Изгнанники, конечно, Изгнанники, ну и пусть Изгнанники! — сказал кто-то из молодых. — Интересно, где это они научились

так летать?

Прошел почти час, прежде чем все члены Стаи узнали о Приказе Старейшего: не обращать на них внимания. Чайка, которая заговорит с Изгнанником, сама станет Изгнанником. Чайка, которая посмотрит на Изгнанника, нарушит Закон Стаи.

С этой минуты Джонатан видел только серые спины чаек, но он, казалось, не обращал внимания на то, что происходит. Он проводил занятия над Берегом Совета и впервые старался выжать из своих учеников все, на что они были способны.

— Мартин! — разносился по небу его голос. — Ты говоришь, что умеешь летать на малой скорости. Говорить мало, это надо ещё доказать. ЛЕТИ!

Незаметный маленький Мартин Уильям так боялся вызвать гнев своего наставника, что, к собственному изумлению, научился делать чудеса на малой скорости.

Он располагал перья таким образом, что при малейшем ветерке поднимался до облаков и опускался на землю без единого взмаха крыльев.

А Чарлз-Роланд поднялся на Великую Гору Ветров, на высоту двадцать четыре тысячи футов, и спустился, посиневший от холодного разреженного воздуха, удивленный, счастливый и полный

решимости завтра же подняться ещё выше.

Флетчер, который больше всех увлекался фигурами высшего пилотажа, одолел шестнадцативитковую вертикальную замедленную бочку, а на следующий день превзошел самого себя: сделал тройной переворот через крыло, и ослепительные солнечные зайчики разбежались по всему берегу, откуда за ним украдкой наблюдала не одна пара глаз.

Джонатан ни на минуту не разлучался со своими учениками, каждому из них он успевал что-то показать, подсказать, каждого — подстегнуть и направить. Он летал вместе с ними ночью, и при облачном небе, и в бурю — летал из любви к полетам, а чайки на берегу тоскливо жались друг к другу.

Когда тренировки кончались, ученики отдыхали на песке, и со временем они научились слушать Джонатана более внимательно. Он был одержим какими-то безумными идеями, которых они не понимали, но некоторые его мысли были им вполне доступны.

Ночами позади кружка учеников постепенно начал образовываться ещё один круг; в темноте любопытные чайки долгими часами слушали Джонатана, и, так как ни одна из них не хотела

видеть своих соседей и не хотела, чтобы соседи видели её, перед восходом солнца все они исчезали.

Прошел месяц после Возвращения, прежде чем первая Чайка из Стаи переступила черту и сказала, что хочет научиться летать. Это был Терренс Лоуэлл, который тут же стал проклятой птицей, заклейменным Изгнанником… и восьмым учеником Джонатана.

На следующую ночь от Стаи отделился Кэрк Мейнард; он проковылял по песку, волоча левое крыло, и рухнул к ногам Джонатана.

— Помоги мне, — проговорил он едва слышно, будто собирался вот-вот расстаться с жизнью. — Я хочу летать больше всего на свете…

— Что ж, не будем терять время, — сказал Джонатан, — поднимайся вместе со мной в воздух — и начнем.

— Ты не понимаешь. Крыло. Я не могу шевельнуть крылом.

— Мейнард, ты свободен, ты вправе жить здесь и сейчас так, как тебе велит твое «я», твое истинное «я», и ничто не может тебе помешать. Это Закон Великой Чайки, это — Закон.

— Ты говоришь, что я могу летать?

— Я говорю, что ты свободен.

Так же легко и просто, как это было сказано, Кэрк Мейнард расправил крылья — без малейших усилий! — и поднялся в темное ночное небо.

Стая проснулась, услышав его голос; с высоты пяти тысяч футов он прокричал во всю силу своих легких:

— Я могу летать! Слушайте! Я МОГУ ЛЕТАТЬ!

На восходе солнца почти тысяча чаек толпилась вокруг учеников Джонатана и с любопытством смотрела на Мейнарда. Им было безразлично, видят их или нет, они слушали и старались понять, что говорит Джонатан.

Он говорил об очень простых вещах: о том, что чайка имеет право летать, что она свободна по самой своей природе и ничто не должно стеснять её свободу — никакие обычаи, предрассудки и запреты.

— Даже если это Закон Стаи? — раздался голос из толпы чаек.

— Существует только один истинный закон — тот, который помогает стать свободным, — сказал Джонатан. — Другого нет.

— Разве мы можем научиться летать, как ты? — донесся до Джонатана другой голос. — Ты особенный, ты талантливый, ты необыкновенный, ты не похож на других.

— Посмотрите на Флетчера! На Лоуэлла! На Чарлза-Роланда! На Джади Ли! Они тоже особенные, тоже талантливые и необыкновенные? Не больше, чем ты, и не больше, чем я. Единственное их отличие, одно-единственное отличие состоит в том, что они начали понимать, кто они, и начали вести себя, как подобает чайкам.

Его ученики, за исключением Флетчера, беспокойно задвигались. Они не были уверены, что дело обстоит именно таким образом.

Толпа росла с каждым днем, чайки прилетали, чтобы расспросить, выказать восхищение, поиздеваться.

— В Стае говорят, что ты Сын Великой Чайки, — сказал Флетчер однажды утром, разговаривая с Джонатаном после Тренировочных Полетов на Высоких Скоростях, — а если нет, значит, ты опередил своё время на тысячу лет.

Джонатан вздохнул. «Цена непонимания, — подумал он. — Тебя называют дьяволом или Богом».

— Как ты думаешь, Флетч? Опередили мы своё время? Долгая пауза.

— По-моему, такие полеты были возможны всегда, просто кто-нибудь должен был об этом догадаться и попробовать научиться так летать, а

время здесь ни при чем. Может быть, мы опередили моду. Опередили привычные представления о полете чаек.

— Это уже кое-что, — сказал Джонатан, перевернулся через крыло и некоторое время скользил по воздуху вверх лапами. — Это всё-таки лучше, чем опередить время.

Несчастье случилось ровно через неделю. Флетчер показывал приемы скоростного полета группе новичков. Он уже выходил из пике, пролетев сверху вниз семь тысяч футов, — длинная серая змейка мелькнула на высоте нескольких дюймов над берегом, — когда на его пути оказался птенец, который совершал первый полет и призывал свою маму. У Флетчера Линда была лишь десятая доля секунды, чтоб попытаться избежать столкновения, он резко отклонился влево и на скорости более двухсот миль в час врезался в гранитную скалу.

Ему показалось, что скала — это огромная кованая дверь в другой мир. Удушающий страх, удар и мрак, а потом Флетчер поплыл по какому-то странному, странному небу, забывая, вспоминая и опять забывая; ему было страшно, и грустно, и тоскливо, отчаянно тоскливо.

Голос донесся до него, как в первый раз, когда

он встретил Джонатана Ливингстона.

— Дело в том, Флетчер, что мы пытаемся раздвигать границы наших возможностей постепенно, терпеливо. Мы ещё не подошли к полетам сквозь скалы, по программе нам предстоит заняться этим немного позже.

— Джонатан!

— Которого называют также Сыном Великой Чайки, — сухо отозвался его наставник.

— Что ты здесь делаешь? Скала! Неужели я не… разве я не… умер?

— Ох, Флетч, перестань! Подумай сам. Если ты со мной разговариваешь, очевидно, ты не умер, так или нет? У тебя просто резко изменился уровень сознания, только и всего. Теперь выбирай. Ты можешь остаться здесь и учиться на этом уровне, который, кстати, не намного выше того, на котором ты находился прежде, а можешь вернуться и продолжать работать со Стаей. Старейшины надеялись, что случится какое-нибудь несчастье, но они не ожидали, что оно произойдет так своевременно.

— Конечно, я хочу вернуться в Стаю. Я ведь только начал заниматься с новой группой?

— Прекрасно, Флетчер. Ты помнишь, мы говорили, что тело — это не что иное, как мысль?

Флетчер покачал головой, расправил крылья и открыл глаза*, он лежал у подножья скалы, а вокруг толпилась Стая. Когда чайки увидели, что он пошевелился, со всех сторон послышались злые пронзительные крики:

— Он жив! Он умер и снова жив!

— Прикоснулся крылом! Оживил! Сын Великой Чайки! Нет! Говорит, что не сын! Это дьявол! ДЬЯВОЛ! Явился, чтобы погубить Стаю!

Четыре тысячи чаек, перепуганные невиданным зрелищем, кричали: «ДЬЯВОЛ!» — и этот вопль захлестнул стаю, как бешеный ветер во время шторма.

С горящими глазами, с плотно сжатыми клювами, одержимые жаждой крови, чайки подступали все ближе и ближе.

— Флетчер, не лучше ли нам расстаться с ними? — спросил Джонатан.

— Пожалуй, я не возражаю…

В то же мгновенье они оказались в полумиле от скалы, и разящие клювы обезумевших птиц вонзились в пустоту.

— Почему труднее всего на свете заставить птицу поверить в то, что она свободна? — недоумевал Джонатан. — Ведь каждая птица может убедиться в этом сама, если только захочет чуть-

чуть потренироваться. Почему это так трудно?

Флетчер все ещё мигал, он Никак не мог освоиться с переменой обстановки.

— Что ты сделал? Как мы здесь очутились?

— Ты сказал, что хочешь избавиться от обезумевших птиц, верно?

— Да! Но как ты?...

— Как все остальное, Флетчер. Тренировка.

К утру, Стая забыла о своем безумии, но Флетчер не забыл.

— Джонатан, помнишь, как-то давным-давно ты говорил, что любви к Стае должно хватить на то, чтобы вернуться к своим сородичам и помочь им учиться?

— Конечно.

— Я не понимаю, как ты можешь любить обезумевшую стаю птиц, которая только что пыталась убить тебя.

— Ох, Флетч! Ты не должен любить обезумевшую стаю птиц! Ты вовсе не должен воздавать любовью за ненависть и злобу. Ты должен тренироваться и видеть истинно добрую чайку в каждой из этих птиц и помочь им увидеть ту же чайку в них самих. Вот что я называю любовью. Интересно, когда ты наконец это поймешь?

Я, кстати, вспомнил сейчас об одной вспыльчи-

вой молодой птице по имени Флетчер Линд. Не так давно, когда этого самого Флетчера приговорили к Изгнанию, он был готов биться насмерть со всей Стаей и создал на Дальних Скалах настоящий ад для своего личного пользования. Тот же Флетчер создает сейчас свои небеса и ведет туда всю Стаю.

Флетчер обернулся к Джонатану, и в его глазах промелькнул страх.

— Я веду? Что означают эти слова: я веду? Здесь ты наставник. Ты не можешь нас покинуть!

— Не могу? А ты не думаешь, что существуют другие стаи и другие Флетчеры, которые, может быть, нуждаются в наставнике даже больше, чем ты, потому что ты уже находишься на пути к свету?

— Я? Джон, ведь я обыкновенная чайка, а ты… …единственный Сын Великой Чайки, да? — Джонатан вздохнул и посмотрел на море, — Я тебе больше не нужен. Продолжай поиски самого себя — вот что тебе нужно, старайся каждый день хоть на шаг приблизиться к подлинному всемогущему Флетчеру. Он — твой наставник. Тебе нужно научиться понимать его и делать, что он тебе велит.

Мгновенье спустя тело Джонатана дрогнуло и

начало таять в воздухе, его перья засияли каким-то неверным светом.

— Не позволяй им болтать про меня всякий вздор, не позволяй им делать из меня Бога, хорошо, Флетч? Я — чайка. Я люблю летать, может быть…

— ДЖОНАТАН!

— Бедняга Флетч! Не верь глазам своим! Они видят только преграды. Смотреть — значит понимать, осознай то, что уже знаешь, и ты научишься летать.

Сияние померкло, Джонатан растворился в просторах неба.

Прошло немного времени. Флетчер заставил себя подняться в воздух и предстал перед группой совсем зеленых новичков, которые с нетерпением ждали первого урока.

— Прежде всего, — медленно проговорил он, — вы должны понять, что чайка — это воплощение идеи безграничной свободы, воплощение образа Великой Чайки, и все ваше тело, от кончика одного крыла до кончика другого, это не что иное, как ваша мысль.

Молодые чайки насмешливо поглядывали на него. «Ну, ну, приятель, — думали они, — вряд ли это объяснение поможет нам сделать мертвую

петлю».

Флетчер вздохнул.

— Хм. Да… так вот, — сказал он и окинул их критическим взглядом. — Давайте начнем с Горизонтального Полета.

Произнеся эти слова, Флетчер вдруг действительно понял, что в Джонатане было столько же необыкновенного, сколько в нем самом.

«Предела нет, Джонатан? — подумал он. — Ну что же, тогда недалек час, когда я вынырну из поднебесья на твоем берегу и покажу тебе кое-какие новые приемы полета!»

И хотя Флетчер старался смотреть на своих учеников с подобающей суровостью, он вдруг увидел их всех такими, какими они были на самом деле, увидел на мгновенье, но в это мгновенье они не только понравились ему — он полюбил их всех. «Предела нет, Джонатан?» — подумал он с улыбкой. И ринулся в погоню за знаниями.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно её удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.